Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Костромской государственный университет

УФСИН России по Костромской области

Российская криминологическая ассоциация имени А. И. Долговой

Адвокатская палата Костромской области

«ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»

Сборник трудов
V Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции

(29–30 апреля 2026 года, г. Кострома)

Текстовой электронный сборник

Кострома
КГУ
2026

Титул | Сведения об издании | Выпускные данные | Содержание

УДК 343(0.034)+347(0.034)+351(0.034)
ББК 67.7я04+67.5я04+67.4я04
П781

Издается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

Р е ц е н з е н т ы :
О. В. Воронина, заместитель главы Администрации города Костромы;
Е. А. Суманеева, заведующая правовым отделом администрации
Сусанинского муниципального района Костромской области

П781 Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сборник трудов V Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (29–30 апреля 2026 года, г. Кострома) / сост. Н. В. Ганжа, Д. Н. Лукоянов, А. С. Евстегнеев, Н. В. Кузьмина, И. Н. Мельников, О. В. Плюснина, Л. А. Сиверская, А. Г. Сироткин, И. В. Орловская, Е. В. Яснева ; отв. ред. Г. Г. Бриль. – Электронные текстовые, граф. дан. (6,1 МБ). – Кострома : Костромской государственный университет, 2026. – 635, [1] с. – 1 CD-ROM: цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 ГБ; Windows XP с пакетом обновления 3(SP3) и выше; Adobe Acrobat reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 МБ: CD или DVD привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.: клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный

ISBN 978-5-8285-1378-9

Настоящий сборник составлен по итогам V Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе», состоявшейся 29 и 30 апреля 2026 года в Костроме. В сборнике трудов рассматриваются наиболее актуальные вопросы правоохранительной деятельности на современном этапе.

Предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной и учебной деятельности.

УДК 343(0.034)+347(0.034)+351(0.034)
ББК 67.7я04+67.5я04+67.4я04

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке материалов сборника ссылка на сборник трудов обязательна.

ISBN 978-5-8285-1378-9
16+

© Евстегнеев А. С., Ганжа Н. В.,
Лукоянов Д. Н., Кузьмина Н. В.,
Мельников И. Н. , Плюснина О. В.,
Сиверская Л. А, Сироткин А. Г.,
Орловская И. В. , Яснева Е. В.,
составление, 2026
© Оформление. Костромской
государственный университет, 2026

Титул | Сведения об издании | Выпускные данные | Содержание

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 13

Мартыненко И. Э. Защита исторической памяти и правды: белорусский опыт 13

Верещагина А. В.
Российское государство накануне и после октября 1917 года: некоторые аспекты 16

Медведчук А. А.
Конституционные основы ограничения доступа к информации в условиях военного положения: проблемы правоприменения в новых субъектах Российской Федерации 21

Белхароев Х. У.
Трибунал по бывшей Югославии: история и право 25

Зайцев Л. Н.
Вопросы назначения и перемещения членов Костромского окружного суда (1871–1917 гг.) 33

Терехов Е. М.
Официальное толкование норм права как условие эффективности правоохранительной деятельности 39

Груздев Д. В.
К вопросу об исследовании принятия в Российскую Федерацию новых субъектов в условиях проведения специальной военной операции 43

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 47

Грачёва О. А.
Прокуратура Российской Федерации как ключевой субъект признания, соблюдения, защиты прав и свобод человека и гражданина 47

Деревесников А. В.
К вопросу об определении времени совершения административного правонарушения (на примере части 1 статьи 12.8 КоАП РФ) 52

Домнина О. В., Печёнкина А. Д.
Вызовы «цифровой рутины»: психологическая нагрузка и профессиональное выгорание работников судебной, прокурорской и правоохранительной систем в эпоху ускорения процессов и цифровизации 57

Иразиханов А. А.
Место прокурорского надзора в системе защиты трудовых прав иностранных работников 62

Корж П. А. Вопросы противодействия диверсионно-террористической активности противника на территории России 69
Нестеров Д. О.
Автоматическая фиксация нарушений в сфере благоустройства территории муниципального образования 75
Нигматуллин А. Р.
Правотворческая деятельность органов прокуратуры как инструмент обеспечения конституционных гарантий прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей 81
Россоловский П. А.
Система управления в органах прокуратуры Российской Федерации: подходы и основные направления совершенствования 87

СЕКЦИЯ 3. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ 93

Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В.
К 30-летию принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 93
Дворянсков И. В.
Цифровая реконструкция уголовного закона: пределы и перспективы 99
Новокшонов Д. В.
Современные направления уголовной политики Российской Федерации за преступления против военной службы в особых условиях 105
Кунц Е. В.
Уголовная политика и вопросы эффективности уголовного наказания 109
Хазизулин В. Б.
К вопросу о совершенствовании законодательства о противодействии коррупции 113
Милич И. Д.
Некоторые аспекты наказания в виде пожизненного лишения свободы 119
Антонова Е. Ю., Антонов И. М.
Преступления с использованием технологий искусственного интеллекта: некоторые вопросы криминализации 124
Баранчикова М. В.
Совершение нарушений правил дорожного движения лицом, не имеющим права управления транспортным средством, как основание дифференциации уголовной ответственности 129
Быкова М. С.
Проблемные вопросы обеспечения применения конфискации как меры уголовно-правового характера 134
Варыгин А. Н.
Женская насильственная преступность: состояние, тенденции и их причины 138

Шляпникова О. В., Шакарян А. Х.
Проблемы прокурорского надзора в сфере борьбы с коррупцией 143
Грузинская Е. И.
К вопросу о вероятности назначения конфискации как иной меры
уголовно-правового характера за совершение деяния,
предусмотренного статьей 187 УК РФ
«Неправомерный оборот средств платежей»: анализ судебной практики..... 148
Евстегнеев А. С.
К вопросу назначения наказаний
за совершение нескольких преступлений..... 154
Зацепин М. Н., Зацепин А. М.
Уголовная антикриминальная политика противодействия коррупции..... 162
Шаймуллин Р. К., Бурлуцкая К. А., Павленко Я. А.
Реформирование публичной власти и профессионализация
государственной службы как условия борьбы с коррупцией..... 169
Мира К. А.
Об отдельных характеристиках преступлений, совершаемых
с использованием нейронных сетей для создания «дипфейков»,
и особенностях их расследования 174
Алексеев А. А.
Криминогенная ситуация и ее роль в генезисе преступного поведения..... 179
Насиров Н. И. о.
Понятие и виды мер поощрения, применяемых в отношении
осужденных к лишению свободы..... 183
Горожанкин А. Ю.
К вопросу о пенализации преступлений, посягающих на безопасность
потребителей..... 187
Ахтименко Ю. Н.
Основные направления предупреждения преступности лиц
пожилого возраста..... 190
Маслов Е. Т.
Особенности предупреждения женской преступности..... 192
Плэмэдялэ И. Г.
Участие сотрудника уголовно-исполнительной системы в мероприятиях
по оценке правомерности применения им физической силы,
специальных средств и огнестрельного оружия..... 195
Пронина С. К.
Проблемы исполнения конфискации как иной меры
уголовно-правового характера..... 207
Сенчихин С. П.
Криминологическая характеристика возраста лиц,
посягающих на антиэкстремистскую безопасность в сфере образования..... 211
Сергеева А. А., Питулько К. В.
К вопросу о целеполагании субъектов насильственных преступлений..... 217

Серенко Р. С.
Нормативные ориентиры и оценочные критерии
дискреционного освобождения от уголовной ответственности 222
Тришкина В. С.
Уголовная политика в сфере противодействия
насильственным преступлениям, совершаемым осужденными
по мотивам утверждения
и самоутверждения 228
Харичева Т. М.
Некоторые аспекты уголовно-правовой политики
в отношении несовершеннолетних,
вовлекаемых в преступления террористической направленности 230
Черепанов Р. В.
Перспективы совершенствования
уголовно-правовых мер противодействия преступлениям
против внешней безопасности Российской Федерации 235
Ермачкова О. А.
Специально-криминологические меры предупреждения преступлений,
совершаемых общеопасным способом 240
Шукурова Г. Р. к.
Цифровые инструменты профилактики правонарушений и защиты прав
несовершеннолетних мигрантов 245

**СЕКЦИЯ 4. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 250**
Шапиро Л. Г.
Проблемы судебно-экспертного обеспечения правоохранительной
деятельности в условиях цифровизации преступности 250
Баумштейн А. Б.
Заключение под стражу, залог и иные меры пресечения:
современные аргументы стороны защиты 255
Голубовский В. Ю.
Правовое положение следователя
в российском уголовном судопроизводстве:
вопросы истории и современности 260
Жбанков В. А.
К вопросу о расследовании легализации (отмывания) денежных средств
или иного имущества, приобретенных лицом
в результате совершения им преступления 264
Кобзарев Ф. М., Ярков А. А.
Реализация процессуальных полномочий участковым уполномоченным
полиции при производстве по уголовным дела частного обвинения 269

Мартыненко С. Б.
Уголовно-процессуальное регулирование
фактических и юридических оснований производства эксгумации:
существенные недостатки и пути их устранения 275
Гребцов М. В.
Уголовно-правовые, процессуальные, криминалистические
и криминологические проблемы противодействия преступлениям,
совершаемым на объектах транспортной инфраструктуры
в условиях развития
информационно-телекоммуникационных технологий 280
Усенко А. С.
О целесообразности совершенствования мер
криминалистической профилактики преступлений
против государственной власти, интересов государственной службы
и органов местного самоуправления 286
Черкова М. Ю., Черков В. А.
Цифровая гигиена как фактор обеспечения
информационной безопасности в правоохранительных органах..... 290
Шавловский А. Б.
К вопросу о привлечении компьютерно-технического специалиста
к осмотру мобильных устройств и их компонентов..... 297
Анянова Е. С.
Международное право и судебный процесс
о совершенных подрывах газопроводов
«Северный поток – 1» и «Северный поток – 2»..... 301

СЕКЦИЯ 5. ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ, СЕМЕЙНЫХ И ТРУДОВЫХ ПРАВ..... 307
Бурмагин С. В.
Институт возвращения судом уголовного дела прокурору:
«сохранить нельзя ликвидировать»..... 307
Васильева А. В., Ланкова В. А.
Актуальные вопросы правового регулирования
трансграничных алиментных обязательств 311
Яковенко Е. В.
Иск о признании права отсутствующим в системе способов
защиты гражданских прав:
проблемы квалификации и правоприменения 315
Сироткин А. Г., Палюлина И. А.
Эволюция института защиты прав потребителей: от lex talionis
к международным стандартам 321
Васильева А. В., Пильгуй Р. Е.
Особенности раздела общего имуществе супругов в условиях
осуществления предпринимательской деятельности одним из них 326

СЕКЦИЯ 6. ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ……332
Белякова П. С., Пащенко Е. В.
Распределение государственных регистрационных знаков как источник государственного дохода: сравнительный опыт России и Казахстана 332
Гречко Е. Д., Евстегнеев А. С.
Дропперство как новый вид преступной деятельности 337
Борисова Т. О.
Проблемы и перспективы совершенствования прокурорского надзора в сфере противодействия киберпреступности 343
Иванова В. Е.
Ответственность за незаконное создание и оборот порнографических материалов или предметов путем использования искусственного интеллекта 347
Лаптев Н. К., Петровский А. В.
Женская преступность в современной России: структурные изменения и основные детерминанты 352
Манафова С. А.
Перспективы внедрения научно-технических средств электронной формы в систему исполнения наказаний 357
Медведева Е. Д., Хренова М. А., Андрианова Е. И.
Проблема заключения договора на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами 364
Смирнова У. А., Евстегнеев А. С.
Вовлечение несовершеннолетних в антиобщественную и противоправную деятельность посредством сети Интернет: новые формы и уголовно-правовые риски 369
Умнова В. П., Домнина О. В.
Психологический конструкт «человеческое достоинство» (статья 21 Конституции РФ) как предел допустимого психологического воздействия в правоохранительной деятельности 373
Бондарева Т. С., Евстегнеев А. С.
Уголовно-правовая оценка опасного вождения: проблемы правоприменения и судебная практика 379
Браницкий А. Е.
Исправительные работы: к вопросу об усугублении межотраслевых коллизий 386
Воронов Е. А., Григорьева М. А.
Проблема обеспечения жилищных прав граждан при изъятии жилых помещений для комплексного развития территории жилой застройки 390
Гавришева Д. И.
Противодействие органов внутренних дел вовлечению несовершеннолетних в террористическую деятельность 396

Иванова А. А.
К вопросу об эффективности правовых механизмов осуществления прокурорского надзора в экологической сфере 401
Богачева Е. А.
Подходы к распределению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта: анализ пользовательских соглашений российских правообладателей 406
Чубриков Н. Н., Евстегнеев А. С.
Ретроспективный анализ назначения наказания за неоконченное преступление в российском праве и возможные пути его реформирования 412
Костюшин Д. П.
Цифровые преступления в социальных сетях: виды, расследование и профилактика 418
Бакаушина С. И., Домнина О. В.
Профессиональное выгорание как правовой риск: должен ли работодатель нести ответственность за психологическое здоровье сотрудника 423
Кривченя В. В., Домнина О. В.
Психологический феномен социального доверия к правоохранительным органам в контексте конституционных гарантий личной безопасности..... 427
Рябко А. В., Грузинская Е. И.
Компенсация морального вреда как особая форма гражданско-правовой ответственности: проблемы определения размера 432
Фомкина А. Д., Домнина О. В.
Заложники родительских войн: психологические критерии определения интересов ребенка в спорах о месте жительства..... 435
Шерняева А. С., Домнина О. В.
Профессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов как угроза законности в уголовном процессе 440
Ким В. В., Евдокимов К. Н.
К вопросу о законодательной регламентации права Генерального прокурора Российской Федерации на участие в конституционном судопроизводстве 444
Миленина Е. А., Домнина О. В.
Эмоциональный барьер медиации: почему психологическая неготовность сторон блокирует реализацию гражданских прав 449
Биган А. С.
Прокурорский надзор как механизм защиты прав детей участников специальной военной операции 453
Антонова М. С.
Особенности осуществления прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан..... 457

Орлов Н. Г., Домнина О. В.
Моббинг и боссинг как латентные формы нарушения трудовых прав:
проблемы доказывания психологического давления 463
Аксенова Г. В., Хлестакова Л. А.
Институт опеки и попечительства над несовершеннолетними в России:
от советской модели к Федеральному закону № 48-ФЗ
«Об опеке и попечительстве»..... 467
Бурнадзе А. Г., Мельников И. Н.
Местный референдум как форма непосредственного участия
граждан в деятельности органов местного самоуправления 471
Втюрина Д. А., Кисляков А. В.
Противодействие вербовки несовершеннолетних в Сети..... 476
Гилазетдинова А. Е.
Специфика собирания доказательств
по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность
посредством дропперства 481
Гусак Е. С., Верещагина А. В.
Домашний арест как мера пресечения в уголовном судопроизводстве
Российской Федерации 486
Дубынина А. А., Кисляков А. В.
Искусственный интеллект в уголовном праве:
правосубъектность, квалификация преступных деяний,
место среди элементов состава преступления 490
Жукова М. Н., Евстегнеев А. С.
Изменения уголовно-процессуального закона, связанные с избранием
меры пресечения в виде заключения под стражу 496
Заиграева А. А., Орловская И. В.
Сравнительная характеристика правовых основ проведения
экологической экспертизы в Российской Федерации
и зарубежных государствах 501
Закатов А. И.
Проблемы обеспечения процессуальных гарантий
участников судебного процесса
при использовании систем видео-конференц-связи:
идентификация, безопасность и равноправие 506
Захаров С. С.
Использование цифровых технологий при расследовании преступлений,
связанных с контрабандой наркотических средств 511
Исаева А. Д., Гордеев И. Д., Кисляков А. В.
Проблема использования мессенджеров и закрытых платформ
для координации терроризма… 517
Изиндеева А. Е.
Перспективы развития медиации в Российской Федерации 521

Карамышев И. С., Ганжа Н. В.
Примечания к статье 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации как инструмент разграничения уголовной ответственности и правомерной деятельности в сфере миграционных отношений 527
Корзенкова А. С.
Влияние ложных воспоминаний на свидетельские показания 534
Кузнецов Д. С., Мельников И. Н.
Совершенствование правового регулирования государственной гражданской службы в судебных органах 540
Кукушкина А. О., Евстегнеев А. С.
Уголовно-правовая характеристика преступного бездействия 546
Михальков А. Д.
Институт вещественных доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации 550
Наурзгалиева Л. З.
Актуальные проблемы деятельности прокуратуры по правовому просвещению и информированию как средство профилактики правонарушений и преступлений 554
Печурина Д. Н., Сиверская Л. А.
Значение принципа независимости защитника в уголовном процессе 559
Половинкина П. Е., Мухортова Ю. П.
Интерпретационная практика Конституционного Суда Российской Федерации в отношении процессуального статуса потерпевшего 565
Присухина Я. А., Мельников И. Н.
Отдельные вопросы привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотических средств 569
Проничев Е. М.
Проблема неактивных акционеров в акционерных обществах: последствия для корпоративного управления и способы правовой защиты эмитента 574
Пухнаревич А. С.
Искусственный интеллект как инструмент цифровой трансформации уголовного судопроизводства: международный опыт и перспективы внедрения в Республике Беларусь 579
Савкин А. А., Сиверская Л. А.
Корыстная заинтересованность как оценочный признак состава преступления, предусмотренного статьей 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации 585
Сафонова С. Д., Кисляков А. В.
Правовая оценка деятельности онлайн-сообществ, пропагандирующих суицид 589

Селицкая А. М.
Использование дипфейк-технологий для реконструкции событий преступления и идентификации лиц 593
Серкова А. С.
Использование БПЛА (дронов) при осмотре места происшествия: тактика и процессуальное оформление..... 599
Ушанов Д. А.
Замещение должностей государственной гражданской службы в Российской Федерации: проблемы и пути их решения..... 604
Ушанов Д. А., Ганжа Н. В.
Привлечение государственного гражданского служащего в Российской Федерации к дисциплинарной ответственности за публичную активность в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» 607
Техов Н. С., Романенко В. А., Кисляков А. В.
Правовое регулирование права на смерть в зарубежном законодательстве..... 612
Титова Е. А., Хлестакова Л. А.
Сравнительно-правовой анализ отдельных трудовых прав женщин в армии Российской Федерации и Республике Беларусь 618
Щелокова А. Р., Евстегнеев А. С.
Проблема назначения наказания при множественности преступлений..... 625
Кислухин Р. Д.
Трансформация судебных повесток в цифровую эпоху: проблема надлежащего извещения 630

СЕКЦИЯ 1

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 246.1

Мартыненко Игорь Эдуардович
доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы
г. Гродно, Республика Беларусь
i.martinenko@grsu.by

Защита исторической памяти и правды: белорусский опыт

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы юридической защиты исторической памяти и правды. Автор доказывает социальную обусловленность принятия новых законов, направленных на обеспечение ответственности за геноцид: это Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941_1945 годов» и закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» от 5 января 2022 г. № 146-З, на этой основе выдвигается предложение об актуализации конвенции ООН О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 г. еще одним (не определенным в этом соглашении) проявлением геноцида по признаку осквернения, уничтожения памятников истории и культуры в целях умаления национальной идентичности советского народа, предлагая называть его культурным геноцидом.*

Ключевые слова: *правовая защита, правоохранительная деятельность; совершенствование законодательства, патриотическое воспитание, союзное государство.*

Благодарности: *Статья подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований.*

Martynenka Ihar Eduardovich
doctor of law, professor
head of the department of civil law and procedure
Grodno State University named after Yanka Kupala
Grodno, Republic of Belarus

Protecting historical memory and truth: the belarus experience

Annotation. *The article discusses the problems of legal protection of historical memory and truth. The author proves the social conditionality of the adoption of new laws aimed at ensuring responsibility for genocide: these are Federal Law No. 74-FZ dated April 21, 2025 "On Perpetuating the memory of the victims of the Genocide of the Soviet People during the Great Patriotic War*

© Мартыненко И. Э., 2026

of 1941–1945" and the Law of the Republic of Belarus "On the Genocide of the Belarusian People" dated January 5, 2022. No. 146-Z, on this basis, a proposal is being put forward to update the 1948 UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide by another (not defined in this agreement) manifestation of genocide based on the desecration and destruction of historical and cultural monuments in order to belittle the national identity of the Soviet people, suggesting calling it cultural genocide.

Keywords: *legal protection, law enforcement, improvement of legislation, patriotic education, union state.*

Acknowledgements: *The article was prepared with the support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research.*

В год 85-летия начала Великой Отечественной войны советского народа актуализируются вопросы правовой защищенности исторической памяти о событиях тех лет и исторической правды о Победе. В этих целях в Российской Федерации и Республике Беларусь принято специальное законодательство, в системе которого центральное место занимает конституция: именно в Основном законе (ст. 67.2 Конституции РФ) указывается, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Примерно аналогично определено и Конституции Республики Беларусь: согласно ст. 15 Основного закона дополнена по результатам Республиканского референдума 2022 г. новым положением, а именно: *государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.* Включение в текст Конституции понятий «память», «историческая правда» и положения о необходимости их защиты является логическим развитием принципа ответственности государства за сохранение историко-культурного и духовного наследия, с возложением обязанности государства противодействовать всякого рода попыткам фальсификации истории. А такие факты многочисленны.

Таким образом, конституцией создана основа для дальнейшего развития законодательства. И теперь обратимся к белорусскому опыту регулирования отношений на уровне Главы государств: в целях увековечения памяти о победе советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, в Республике Беларусь приняты: Указ Президента Республики Беларусь «Об увековечении памяти о погибших при защите Отечества и сохранении памяти о жертвах войн» от 24 марта 2016 г. № 109 (которым установлено, что одним из основных форм сохранения памяти о жертвах войн является государственный учет захоронений, внесение данных о жертвах войн, местах их захоронения в автоматизированный банк данных «Книга Памяти Республики Беларусь»), директива Президента Республики Беларусь «О реализации основ идеологии белорусского государства» от 9 апреля 2025 г. № 12 (в которой указано, что стимулирование активного участия граждан в сохранении исторической памяти и национальных ценностей одной из основных задач идеологической работы

При принятии данных нормативных правовых актов исходили из того, что современная Беларусь (БССР в составе СССР) относится к числу государств, наиболее пострадавших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: о официальным данным, актуализированным к 9 мая 2026 г, люд-

ские потери на этой территории (боевые потери Красной Армии, партизан и подпольщиков, а также военнопленные в лагерях, мирные граждане, истребленные немецко-фашистскими захватчиками) составили более 3 млн. человек. Прямой материальный ущерб, нанесенный Беларуси оккупацией, исчисляется в 75 млрд рублей (в ценах 1941 г.), что в 35 раз превышало бюджет республики 1940 г. (или 43 тыс. т золота [1, с. 13]). На белорусской земле немецкие захватчики сожгли, разрушили и разграбили 209 из 270 городов и районных центров (на 80–90 % были разрушены Минск, Гомель, Витебск), 9200 деревень. Людские потери известны – каждый третий погиб белорус (до начала войны численность населения в современных границах составляла 8,9 млн человек, тогда как к 1945 г. этот показатель сократился до 6,86 млн; таким образом, численность населения уменьшилась на 2,23 млн человек [2, с. 48]).

Учитывая эти обстоятельства, рассматриваем обеспечение ответственности за преступления геноцида, совершенные в годы временной оккупации территории Советского союза во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов как одну из мер правовой защиты исторической правды о событиях тех лет, героическом прошлой наших братских стран. В этих целях приняты законы: Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» и закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа» от 5 января 2022 г. № 146-З.

Мы выдвигаем на этой основе новое положение, содержательно сводящееся к следующему: признание факта, что уничтожение и разграбление войсками и другими формированиями фашистской Германии на оккупированной территории СССР культурных ценностей советского народа (памятников истории и культуры, произведений искусства, культовых зданий и сооружений, музеев, библиотек, архивов и др.), вандализм, и через эти действия попытка насаждения чуждой нацистской культуры и идеологии, онемечивание населения, (включая изменение топонимических наименований), является частью нацистской политики геноцида советского народа, направленной на уничтожение национальной, этнической и религиозной группы.

Как представляется, и мы на это надеемся, данный вывод позволяет сформировать новую государственно-правовую позицию, заключающуюся в дополнении Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 г. еще одним (не определенным в этом соглашении) проявлением геноцида («культурный геноцид») по признаку осквернения, уничтожения памятников истории и культуры в целях умаления национальной идентичности советского народа.

Не обойтись в этом вопросе без патриотического воспитания: необходима трансляция знаний об объектах военно-исторического наследия, связанных с увековечением памяти о победе в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов и о жертвах геноцида. Поэтому необходимо актуализировать образовательные программы, обеспечив получение будущими специалистами навыков юридической защиты исторической правды и памяти. Определенный такой опыт имеется [3, с. 112–114], но в Беларуси пошли дальше: в рамках дисципли-

ны (разработана автором данной статьи) «Правовая охрана историко-культурного наследия» [4, с. 275] рассматриваются вопросы ответственности за геноцид, изучаются возможности юридической защиты исторической памяти и правды о событиях Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Швед А. И. Правовые основы привлечения к ответственности за геноцид: современный опыт Республики Беларусь // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2 (106). С. 13–22.

2. Боброва А. Г., Пилютик А. А., Мурашко О. Ю. Экономическая оценка демографических потерь вследствие геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны // Вестник Института экономики НАН Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т экономики. 2025. Вып. 10. С. 48.

3. Терентьева И. А. Реализация конституционного положения о сохранении исторической памяти в системе высшего образования // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 112–116.

4. Мартыненко И. Э. Правовая охрана историко-культурного наследия на национальном и международном уровнях : монография. 2-е изд. М. : РИОР : ИНФРА-М, 2026. 296 с.

УДК 341.218

Верещагина Алла Васильевна
кандидат юридических наук, доцент
Владивостокский государственный университет
Владивосток, Российская Федерация
vereschagina_alla@mail.ru

Российское государство накануне и после октября 1917 года: некоторые аспекты

Аннотация. *В статье изложены общие и особенные моменты организации государственной власти в Российской империи накануне октябрьских событий 1917 г. и в возникшем после захвата власти большевиками Советском государстве. Автор приходит к выводу об объективном характере организации государственной власти в Советском государстве по аналогии с имевшейся в Российской империи.*

Ключевые слова: *государство, Российская империя, Советское государство, принцип разделения властей, представительные органы, судебные органы, исполнительные органы, государственная идеология*

Vereshchagina Alla Vasilievna
candidate of legal sciences, associate professor
Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

© Верещагина А. В., 2026

The Russian state before and after October 1917: some aspects

Annotation. *This article examines the general and specific aspects of the organization of state power in the Russian Empire on the eve of the October events of 1917 and in the Soviet state that emerged after the Bolshevik seizure of power. The author concludes that the organization of state power in the Soviet state was objectively similar to that of the Russian Empire.*

Keywords: *state, Russian Empire, Soviet state, principle of separation of powers, representative bodies, judicial bodies, executive bodies, state ideology.*

Захватившие в октябре 1917 г. власть большевики с первых шагов пребывания у власти противопоставляли советское государство государству буржуазному. Однако сопоставление организации государственной власти в царской и советской России позволяет сделать вывод о сходстве этих институций.

1. В дореволюционной России к моменту проведения судебной реформы 1864 г. существовала только упорядоченная монолитная система исполнительных органов власти, отшлифованная министерской реформой М. М. Сперанского (I этап – 1802–1803 гг., II этап – 1816–1811 гг.).

Усилия «отцов судебной реформы», сформулировавших в качестве основной задачи своей работы создание в России самостоятельной судебной власти, увенчались успехом лишь отчасти. С 1866 г. – момента открытия двух судебных палат в Москве и Санкт-Петербурге – постепенно на различных территориях Российской империи создавались новые судебные учреждения в соответствии с Судебными уставами 1864 г. [10], но порой со значительными изъятиями из судоустройственных и процессуальных положений, объяснявшимися особенностями территорий и проживавшего на них населения, но фактически способствующих усилению влияния администрации (исполнительных органов) на суды. Кроме того, значительные территории Российской империи объявлялись на положении чрезвычайной, усиленной или исключительной охраны [7] для обеспечения государственного порядка, общественного спокойствия и охраны частных лиц и их имущества [7, п. 4, 6, раздел I]. Право объявлять ту или иную местность на положении усиленной охраны принадлежало министру внутренних дел или генерал-губернатору с последующим утверждением министром внутренних дел. Объявление местности на положении чрезвычайной охраны являлось прерогативной Комитета министров по представлению министра внутренних дел [7, п. 7, 9, раздел I]. Это позволяло «начальствующим лицам» издавать обязательные постановления, направленные на обеспечение общественного порядка, устанавливать взыскания за нарушение означенных постановлений, пребывать отдельным лицам на территориях, объявленных «в положении усиленной охраны», передавать некоторые категории уголовных дел в военные суды для рассмотрения, в том числе «за закрытыми дверями», изымать из общей подсудности уголовные дела и передавать их на рассмотрение в военные суды, требовать от прокуратуры предоставление для просмотра уголовные дела, еще не переданные в суды, генерал-губернаторы, а при их отсутствии в местности, объявленной на положении усиленной охраны, командующие войсками утверждали выносимые военными судами приговоры и др. [7, п. 15–19 раздела II, пп. «в» п. 26 раздела III]. Активно практиковалась административная

высылка в местности европейской или азиатской части России на срок от 1 до 5 лет с запрещением покидания места высылки. Решение о высылке принималось особым совещанием, в состав которого входили по два члена от министерства внутренних дел и министерства юстиции, председательствовал в совещании товарищ министра внутренних дел [7, п. 34, 36 раздела V].

Как результат, к началу Первой мировой войны (1 сентября 1914 г.) система судебных органов и применявшихся ими процедур представляла собой весьма пеструю картину, с допущением на отдельных территориях различного судоустройства, особенностей судопроизводства, ограничениями самостоятельности судебной власти не только в связи с введением специальных режимов на отдельных территориях, но и с коррективами Судебных уставов 1864 г. «в видах правительства», отсутствием учрежденных судебных мест в соответствии с Судебными уставами 1864 г. на некоторых окраинных территориях, например, в Приморской области.

Иными словами, к началу Первой мировой войны система судебных органов и процедур расследования, и рассмотрения уголовных и гражданских дел в соответствии с утвержденными 20 ноября 1864 г. Александром II Судебными уставами так и не стала данностью, находилась еще в процессе формирования, а, следовательно, утверждать, что в Российской империи была сформирована самостоятельная судебная власть было бы преувеличением.

События 1905 г., ставшие отчасти следствием поражения России в русско-японской войне, побудили царскую власть принять Основные законы Российской империи 23 апреля 1906 года [6], подобие Конституции, в соответствии с которыми была избрана Государственная Дума – первый представительный орган власти в истории нашего государства. Исходя из смысла норм ст. 4, 7, 105 Основных законов Российской империи [6], законодательную власть Император осуществлял «в единении» с Государственным Советом и Государственной Думой. Государственный Совет формировался Императором самостоятельно, а что касается Государственной Думы, то в соответствии с положениями ст. 105 Основных законов Российской империи Император мог в любой момент до истечения пятилетнего срока распустить Государственную Думу [6]. При этом в Основных законах Российской империи конкретных оснований, позволяющих распустить Государственную Думу, не закреплялось, а, следовательно, функционирование Государственной Думы в течение срока избрания зависело исключительно от усмотрения Императора. К событиям октября 1917 г. четыре созыва Государственной Думы фактически проработали всего 9 лет 138 дней. Очевидно, что за столь непродолжительный срок парламентская традиция укорениться в России не могла.

Таким образом, к октябрю 1917 г. при отсутствии официального отрицания возможности организации государственной власти на основе принципа разделения властей в России была сложившаяся система органов исполнительной власти, в процессе формирования находилась судебная власть и появились зачатки власти законодательной.

2. В своих работах вождь РСДРП В. И. Ленин уделял внимание вопросам грядущего государства при приходе к власти большевиков. Взгляды В. И. Ле-

нина по поводу пролетарского государства эволюционировали от признания необходимости создания парламентской республики, формируемой на основе всеобщего и равного избирательного права, к ее резкой критике и использованию этой идеи сугубо в пропагандистских целях к апологетике тоталитарного государства [1, с. 292]. Думается, что В. И. Ленин понимал, что в условиях России удержание власти потребует насилия, но освещенного идеей обеспечения интересов эксплуатируемого большинства. Для этих целей было непригодно признание организации власти на основе принципа разделения властей, фактически ее рассредоточения в различных органах, поэтому обосновывался тезис единства государственных органов с витринной системой представительных органов власти – советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов различного уровня, исполнительных и судебных органов. Один из деятелей советской юстиции П. Стучка писал: «…мы с самого начала революции отбросили буржуазную мысль о разделении государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную и вместо этого разделения стремились к единству всей власти советам…» [9, с. 221].

Декларирование принадлежности власти трудовому народу и признание съездов советов различных уровней высшей властью в РСФСР [3, ст. 24, 56] не подкреплялось закреплением системы принадлежащих исключительно этим органам полномочий. Более того, в Конституции РСФСР 1918 г. прерогатива представительного органа власти Всероссийского Съезда Советов – принятие законов, изначально принадлежала Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету, избиравшемуся на съезде, как органу, действовавшему на постоянной основе, в отличие от созываемых периодически съездов советов [3, ст. 31–36], а также Совету Народных Комиссаров – высшему исполнительному органу власти [3, ст. 38]. Иными словами, советский законодатель в соответствии с идеологическими установками в Конституции РСФСР 1918 г. закрепляет «конструкцию советской власти» из системы органов, функционал которых едва разграничен.

Что касается судебной системы, то в Конституции РСФСР 1918 г. этому вопросу не уделяется внимание. Формирование советских судебных органов происходило посредством принятия системы декретов, принимавшихся Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Наодных Комиссаров [4; 5 и др.] Помимо местных народных, окружных судов, в РСФСР была создана система чрезвычайной юстиции – революционные трибуналы различных уровней [4]. Словом, судебные органы находились в ведении исполнительного органа – Народного Комиссариата Юстиции.

Таким образом, в 1918 г. Советская Россия была республикой, в которой игнорировался принцип разделения властей и которую профессор Л. И. Спиридонов определил как «извращенную республику» [8, с. 58]. Всей полнотой власти обладал высший исполнительный орган – однопартийный Совет Народных Комиссаров, возглавлявшийся лидером правящей партии В. И. Лениным. Система представительных органов власти вуалировала фактическое отстранение от управления делами государства населения. Совет Народных Комиссаров наделили законотворческими и исполнительными функциями, необходимыми

«…для правильного и быстрого течения государственной жизни…», а к прерогативе Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета отнесли утверждение актов, имевших «крупное общеполитическое значение», подготовленных Советом Народных Комиссаров в связи «с неотложностью» [3, ст. 38, 41]. Содержание «неотложности» не конкретизировалось и определялось самостоятельно правительством. При такой неопределенной формулировке любой вопрос мог быть решен, минуя Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

Сопоставление организации государственной власти в России накануне октябрьских событий 1917 г. и после прихода к власти большевиков позволяет сделать вывод о схожести понимания в вопросе о том, как следует управлять Россией у царской и советской бюрократии. Возникает вопрос, могла ли быть иной организация власти в созданной на обломках Российской империи Российской Советской Федеративной Социалистической Республике? На наш взгляд, сходство организации государственной власти объективно обусловлено рядом обстоятельств, в том числе: 1) географическими особенностями, огромной территорией, многонациональным и многоконфессиональным составом населения, характером и масштабностью решаемых задач, на что указывал И. А. Ильин [2]; 2) отсутствием иной, кроме авторитарной и тоталитарной, традиции управления в российском государстве; 3) временной близостью образцов управления в дореволюционной России для пришедших к власти большевиков, которые, как представляется, использовали управленческие приемы царского периода, привычные для них, поскольку они формировались и жили в этих условиях.

Основным различием дореволюционного и советского российского государства является идеология – в дореволюционной Россия – православие, самодержавие и народ, в Советской России – власть эксплуатируемых трудящихся с допущением насилия в отношении классово-чуждых элементов. Эти идеологические особенности советского государства, на наш взгляд, обусловили жесткость советского режима с его волнами красного террора и отрицанием принципа разделения властей как основы организации государственной власти, что негативно сказалось на эволюции советской государственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верещагина А. В., Довбыш А. В. Идейно-теоретическая эволюция взглядов В. И. Ленина на форму государства в контексте первых этапов становления советской государственности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 4. С. 282–298.

2. Ильин И. А. О государственной форме. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Т. 1. Издание Русского Обще-Воинского Союза. Париж. 1956. URL: https:// dugward.ru/library/ilyin_i_a/ilyin_o_gosudarstvennoy_forme.html (дата обращения: 14.04.2026).

3. Конституция (Основного закона) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года // Собрание узаконений. 1918. № 51. Ст. 582.

4. О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение) : декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 30 ноября 1918 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1918. № 85. Ст. 889.

5. О суде : декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 ноября 1917 года // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 17.

6. Основные законы Российской империи 23 апреля 1906 года // Собрание узаконений. 1906. Отделение I. Ст. 603.

7. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 1. СПб., 1885. С. 261–266.

8. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. Курс лекций. СПб. : ГПНИИ-5, 1995. 300 с.

9. Стучка П. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права : сб. ст. 1917–1930. М. : Гос. юрид. изд-во, 1931. С. 219–222.

10. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. [Б. м. : Б. и., 1864]. 455 с.

УДК 342.7

Медведчук Анна Александровна
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых
дисциплин и криминалистики, подполковник полиции
Луганский филиал Воронежского института МВД России
г. Луганск, Российская Федерация
*medved*1313@*inbox.ru*

Конституционные основы ограничения доступа к информации в условиях военного положения: проблемы правоприменения в новых субъектах Российской Федерации

Аннотация. *В статье анализируется комплексное правовое регулирование доступа к информации в условиях действующего военного положения. Особое внимание уделяется специфике интеграции новых субъектов Российской Федерации и реализации Стратегии государственной национальной политики до 2036 года. Автор предлагает механизмы балансировки конституционных прав граждан и интересов национальной безопасности через системное толкование статей Конституции Российской Федерации. Выявлены пробелы в регулировании цифрового пространства в новых регионах и предложены пути совершенствования законодательства для исключения полной правовой неопределенности, а также защиты основ конституционного строя.*

© Медведчук А. А., 2026

Ключевые слова: *военное положение, информация, Конституция, новые субъекты, национальная безопасность, правоприменение, цензура.*

Medvedchuk Anna Alexandrovna
lecturer at the department of criminal law disciplines
and criminology Lugansk branch of the Voronezh
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Lugansk, Russian Federation

Constitutional bases of restricting access to information under martial law: law enforcement problems in new subjects of the Russian Federation

Annotation. *The article analyzes the comprehensive legal regulation of access to information under martial law. Particular attention is paid to the specifics of integrating new subjects of the Russian Federation and implementing the State National Policy Strategy until 2036. The author proposes mechanisms for balancing citizens' constitutional rights and national security interests through the systematic interpretation of the Constitution of the Russian Federation. Gaps in the regulation of the digital space in new regions are identified, and pathways for legislative improvement are proposed to eliminate legal uncertainty and protect the foundations of the constitutional order.*

Keywords: *martial law, information, Constitution, new subjects, national security, law enforcement, censorship.*

В современных условиях обеспечения национальной безопасности обусловлена необходимость обеспечения стабильного функционирования правовой системы в условиях чрезвычайных обстоятельств, связанных с проведением специальной военной операции. В таких условиях возрастает роль правового информирования как инструмента поддержания правопорядка, предотвращения правонарушений, формирования у населения уважения к закону и снижения уровня правовой неопределенности [4, с. 104].

Особую значимость приобретает доступность, достоверность и своевременность правовой информации для всех категорий граждан – от военнослужащих и их семей до пожилых людей, вынужденных переселенцев и лиц, находящихся в зонах активных боевых действий. Согласно «Стратегии государственной национальной политики РФ до 2036 года» [6], воссоединение Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Запорожской и Херсонской областей с Российской Федерацией является исторически обоснованным и способствует укреплению общероссийской гражданской идентичности и патриотизма. В этих новых территориях особенно остро встает задача интеграции населения в правовое и информационное поле России [3, с. 120].

Особенность правового регулирования в новых субъектах Российской Федерации состоит в уникальности правовой двойственности режима военного положения. Донецкая и Луганская Народные Республики, провозгласившие в 2014 году государственную самостоятельность, незамедлительно ввели на своих территориях военное положение до вхождения в состав Российской Федерации [5].

В 2022 году Указом Президента на территориях уже новых субъектов вводится военное положение [7], что влечет за собой переосмысление ограничений права на информацию в соответствии с конституционными стандартами России.

В отличие от таких новых субъектов Российской Федерации, как Запорожская и Херсонская области, ДНР и ЛНР обладали уникальной предысторией и функционировали как самостоятельные государства, накопив восьмилетний опыт построения органов государственной власти и применения режима военного положения [1, с. 110].

Однако федеральные нормы не всегда учитывают длительность особого режима, в этой связи возникает пробел в понимании соотношения ст. 1 ФЗ-149 «Об информации…» [9], которая регулирует отношения, возникающие при: осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применении информационных технологий, а также обеспечении защиты информации с долгосрочными ограничениями военного времени.

Основное противоречие нормативного регулирования, как показывает практика, возникает на границе влияния органов власти. Федеральный конституционный закон «О военном положении» [8] предоставляет широкие полномочия командующему операцией, однако в то же время ФЗ-149 наделяет функцией блокировки суд или Генпрокуратуру. Несомненно, специальный закон имеет приоритетный статус, это оправдано оперативностью, что в свою очередь создает риски произвола. Необходим четкий баланс через механизм постфактумной судебной проверки.

При длительном военном положении острой проблемой остается пропорциональность принятых ограничений, что может привести к риску «нормализации чрезвычайного положения», ситуации, когда временные меры становятся постоянными. Ключевым критерием правомерности таких ограничений выступает принцип соразмерности (пропорциональности), закрепленный в Конституции РФ (ст. 55) [2]. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что любые ограничения прав должны отвечать требованиям законности, легитимности цели и соразмерности. Нарушение этого принципа может стать основанием для признания нормы неконституционной. Ограничения должны быть: необходимыми для достижения цели обеспечения безопасности; наименее ограничительными из возможных; временно действующими. На наш взгляд, законодателю следует разработать механизмы периодического пересмотра ограничительных мер.

В современную цифровую эпоху требует уточнение и такое понятие как «военная цензура». ФКЗ «О военном положении» был принят в 2002 году и не охватывает современные мессенджеры и зашифрованные каналы связи. Доступ к переписке должен осуществляться только на основании судебного решения даже в условиях военного положения, за исключением прямой угрозы жизни, что соответствует статье 23 Конституции РФ.

В Конституции РФ статьи 29, 55, 56 и 87 регулируют ограничение прав и свобод, образуя единую систему правовых норм: статья 29 устанавливает

право, статья 55 – пределы ограничения, статья 87 – режим военного положения. Гибкий механизм реагирования на угрозы и создает взаимодействие этих норм. Однако в условиях ДНР и ЛНР, где режим действует длительное время, необходима детализация, исключающая правовую неопределенность. Это требует формирования правоприменительной культуры, основанной на уважении конституционных прав и ценностей.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что конституционный баланс достигается через системное толкование норм с опорой на статью 55 Конституции РФ как универсального регулятора. Такой подход позволит обеспечить защиту конституционного строя без утраты права на информацию.

На наш взгляд, дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на четкую регламентацию пределов и процедур ограничения информационных прав, что соответствует положениям Конституции Российской Федерации как правового государства с приоритетом на права и свободы человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Введенская В. В. Появление новых субъектов Российской Федерации как следствие распада Союза советских Социалистических республик // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 4(72). С. 110–115.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/ 0001202210060013 (дата обращения: 04.04.2026).

3. Левченков А. И. Правовое регулирование общественных отношений в нестабильных социумах: монография. М. : Проспект, 2022. 479 с.

4. Медведчук А. А. Повышение эффективности правового информирования населения в условиях специальной военной операции // Вестник юридических исследований. 2025. Т. 4, № 6. С. 104–109.

5. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 25 мая 2014 г. № 6-5 «О введении на территории Донецкой Народной Республики военного положения». URL: https://pravdnr.ru/npa/ postanovlenie-soveta-ministrov-doneczkoj-narodnoj-respubliki-ot-25-maya-2014-g-%E2%84%96-6-5-o-vvedenii-na-territorii-doneczkoj-narodnoj-respubliki-voennogo-polozheniya/?ysclid=mnyi5pjjek309215718 (дата обращения: 04.04.2026).

6. Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года». URL: http://publication.pravo.gov.ru /document/; URL:http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511250024?index=1&ysclid=milfh8fty9473018777 (дата обращения: 04.04.2026).

7. Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/ 0001202210190002?ysclid=ml252ptpv909743184 (дата обращения: 04.04.2026).

8. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (ред. от 13 декабря 2024 г.) «О военном положении». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/?ysclid=ml254zavxs974881550 (дата обращения: 04.04.2026).

9. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями). URL: https://base.garant.ru/12148555/ (дата обращения: 02.04.2026).

УДК 340

Белхароев Хаджимурад Уматгиреевич
кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет
государственной противопожарной
илужбы МЧС России имени Героя
Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева
г. Санкт-Петербург, Россия
Институт мировой экономики и бизнеса
Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
г. Москва, Российская Федерация
x101010x@yandex.ru;

Трибунал по бывшей Югославии: история и право

Аннотация. *В статье исследуются организационно-правовые, процессуальные проблемы создания и функционирования Международного трибунала по бывшей Югославии (1993–2017). Исследованы вопросы кровопролитного противостояния на Балканах. Отмечено, что военный конфликт, на территории цивилизованной Европы, проявился неслыханными зверствами.*

Ключевые слова: *военные преступления, трибунал, насилие, право, обвинение, защита, установление истины, наказание.*

Belkharoev Khadzhimurad Umatgireevich
candidate of legal sciences, associate professor
Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of emergency situations of Russia
named after Hero of the Russian Federation army general E. N. Zinichev
Saint Petersburg, Russian Federation
Patrice Lumumba Institute of World
Economy and Business, Peoples' Friendship
University of Russia
Moscow, Russian Federation

© Белхароев Х. У., 2026

The Tribunal for the Former Yugoslavia: history and law

Annotation. *The article examines the organizational, legal, and procedural problems of the establishment and functioning of the International Tribunal for the Former Yugoslavia (1993–2017). The issues of the bloody confrontation in the Balkans are investigated. It is noted that the military conflict on the territory of civilized Europe has manifested itself in unheard-of atrocities.*

Keywords: *war crimes, tribunal, violence, law, prosecution, defense, establishment of truth, punishment.*

С началом глобальных перемен в 1990-х годах, проявились деструктивные явления, способствовавшие распаду (расчленению) суверенных государственных образований, на их базе с помощью заинтересованных стран, возникли и получили международное признание многие административно-территориальные образования, ранее не имевшие своего суверенитета. Социально-политические и экономические кризисы, охватившие СССР, отразились немыслимыми геополитическими сдвигами и вооруженным противостоянием. Этот процесс затронул Югославию, в пределах ее бывшей суверенной территории, провозгласив независимость, образовались новые суверенные государства – Социалистическая Федеративная Республика Югославия перестала существовать.

Е. Г. Энтина, Д. Пророкович отмечают, что «на конструировании нарративов о югославском кризисе серьезным образом отразились распад самого СССР и внешнеполитический курс на сближение с ЕС и США, взятый новым российским руководством» [1, с. 101].

В Центральной Европе Чехословацкая Социалистическая Республика, тоже распалась на два государства, национальным элитам вновь образовавшихся государств хватило мудрости провести необходимые разграничения, избежав вооруженного столкновения. В отличие от Чехословакии, Балканский полуостров запылал в кровопролитном противостоянии с 1991 по 2001 годы. Военный конфликт на территории цивилизованной Европы проявился неслыханными зверствами, полномасштабными разрушениями сельских и городских населенных пунктов, огромным количеством жертв, особенно среди мирного населения.

Е. М. Минин отмечает, что «последнее десятилетие XX века ознаменовались важнейшими событиями мирового и европейского развития, связанными с развалом Советского Союза, крушением системы мировой социализма и окончанием холодной войны, выражавшейся в жестком противостоянии двух мировых систем – мира социализма и мира капитализма» [2, с. 5].

Неслыханные на территории Европы после Второй Мировой войны военные преступления против человечества, совершенные на территории бывшей Югославии с различных сторон, послужили учреждению Международного трибунала от 25 мая 1993 года, который просуществовал до 21 декабря 2017 года. Зло порождает ответную реакцию, нарушения обычаев и правил ведения войны одной стороной воспринимаются как сигнал к действию другой стороной, этот процесс многократно увеличивает страдания мирного населения с обеих сторон.

О. М. Болдырева отмечает, что «одна из главных целей Международного трибунала по бывшей Югославии заключалась в том, чтобы признанные принципы в области международного гуманитарного права и защиты прав человека строго соблюдались во время любых вооруженных конфликтов» [3, с. 4].

Справедливости ради, необходимо отметить, что инициаторами трибунала стали страны, бомбившие мирные города, вооружавшие различные стороны военного конфликта, судебный процесс походил на суд победителей, над «побежденными». По незыблемым правилам общечеловеческой справедливости, политическое руководство государств, поспособствовавших процессу создания Международного трибунала по бывшей Югославии, сами должны были сидеть на скамье подсудимых, нести ответственность за разжигание этого ожесточенного военного конфликта, который укладывался в рамки геополитических интересов этих стран. При достижении своих целей западная цивилизация в лице НАТО не останавливается перед чужим горем, стравливая разные народы, различные религиозные конфессии, они наращивают свое присутствие во всех уголках мира.

А. Б. Мезяев отмечает, что «международное сообщество оказалось перед фактом существования международного судебного учреждения, открыто попирающего нормы действующего международного права, противоправность трибунала наглядно проявляется в отказе расследовать преступления, совещенные странами НАТО в Югославии» [4, с. 49].

Устав Международного трибунала по Югославии 25 мая 1993 г. принят Резолюцией 827 (1993) на 3217-м заседании Совета Безопасности ООН, он состоял из норм, содержавших и устанавливающих «компетенцию трибунала», которые заключались в процедурных аспектах, регламентирующих подсудность, состав суда, отправление правосудия, статус обвинителя и судей, защиты обвиняемых. В соответствии со статьей 1 Устава «Международный трибунал полномочен в соответствии с положениями настоящего Устава осуществлять судебное преследование лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 года» [5].

В данном случае незыблемое правило «закон обратной силы не имеет», не возымело действие, Резолюция ООН была принята под давлением победителей, поэтому она охватила прошедший период. При этом необходимо отметить, что многими независимыми экспертами-международниками деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии подвергалась сомнению из-за легитимности и юридических правомочий, заключавшихся в обстоятельствах его учреждения. Кроме того, Совет Безопасности ООН изначально не обладал правовыми полномочиями по созданию международных трибуналов и иных судебных органов, в данном случае отчетливо наблюдается принцип превышения правовых полномочий со стороны Совбеза ООН.

С. С. Новиков отмечает, что «согласно Уставу ООН и другим международным актам, Совет Безопасности не имел права учреждать международный временный суд по уголовным делам, поэтому этот суд был образован как вспомогательный орган со ссылкой на статью 29 Устава ООН. Таким образом, была

подменена и выхолощена имеющая уже столетнюю историю идея создания международного суда по уголовным делам» [6, с. 262].

Генеральная ассамблея ООН не рассматривала вопросы создания трибунала по бывшей Югославии. Незаконное создание трибунала изначально нарушило основополагающий принцип суверенитета независимых государств, этот процесс в последующем поспособствовал безнаказанному развязыванию агрессий против неугодных стран и политических режимов, в мире возобладал уголовный принцип: «безапелляционное право сильной стороны».

Н. Дершовиц отмечает, что «для того чтобы Международный трибунал заслуживал доверия, чтобы он не рассматривался в качестве суда победителей или суда предвзятого, для того чтобы нарушения международного гуманитарного права рассматривались на законных основаниях, он должен применять нормы, которые в целом были приняты до того, как имело место предполагаемое преступное деяние» [7, с. 23].

При этом США и страны НАТО без конкретных причин, обосновывающих свое вторжение, в последующие годы подвергали военному насилию: Афганистан – 2001; Либерию – 2003; Ирак – 2003; Пакистан – 2004; Ливию – 2011; Сирию – 2014; Йемен – 2015; Камерун – 2015; Ливию – 2015; Йемен – 2023-25; Иран – 2025-26; Венесуэлу – 2026. Описываемые факты не относятся к организованным ими цветным революциям, в ходе которых организовывались государственные перевороты в суверенных государствах. Перечисленные обстоятельства являются реальными международными преступлениями, происходившими в нарушение всех правил и норм гуманитарного права. По этим преступлениям международные трибуналы не учреждены, поэтому это право относится к победителям (сильным), проигравшая сторона страдает вдвойне, в первый раз ее уничтожают посредством применения непропорциональной силы (бомбардировок). В последующем, осуждают на международном уровне, лицемерно трактуя происходившие события по своему корыстному усмотрению.

Н. Г. Михайлов отмечает, что «преступления, совершенные в 1999 г. военнослужащими НАТО на территории бывшей Югославии, а именно в Косово и Сербии, остались безнаказанными, всем хорошо известно, что силы НАТО применяли запрещенное оружие, включая ракеты с обедненным ураном, нанося воздушные удары по незащищенным гражданским объектам» [8, с. 132].

В своем исследовании автор не стремится оправдать ту или иную стороны, этнические и религиозные чистки, пытки в концлагерях, поджег населенных пунктов, массовые надругательства над женщинами, убийство мирного населения, продажу органов, огромные миграционные потоки беженцев. Это итог кровопролитной гражданской войны на Балканах, среди всех этих зверств особым трагизмом выделятся убийство более 8372 человек, ни в чем неповинные дети, женщины, старики пали от рук своих соотечественников по религиозному признаку – «Резня в Серебренице».

Ю. В. Самович, Е. Ю. Марухно отмечают, что «впервые вопрос о признании виновными лиц в преступлениях сексуального характера был рассмотрен на международном уровне в Международном уголовном трибунале по бывшей

Югославии, не удивительно, что более половины осужденных лиц были признаны виновными в преступлениях сексуального характера» [9, с. 135].

Одними из первых государственных деятелей высокого уровня, посетивших территорию бывшей Югославии в период гражданской войны, были Премьер-министр Исламской Республики Пакистан Беназир Бхутто и Премьер-министр Турции Тансу Чиллер, в Сараево 2 февраля 1994 года, наглядно увидев происходящие зверства, призвали мировое сообщество поспособствовать прекращению военных действий на Балканах. После встречи с официальными представителями власти оба политика недвусмысленно заявили: «редко в истории человечества случалось, чтобы народ подвергался столь безжалостному истреблению на глазах у всего мира». При этом Тансу Чиллер особо подчеркнула: «если в ближайшее время военные действия не будут остановлены, Турция вмешается в конфликт и использует всю свою военную мощь». В этом конфликте, спровоцированном странами Запада, уничтожалось население бывшей Югославии.

Ю. Е. Жигалева отмечает, что «различные статистические исследования ООН позволяют определить, что число жертв, пострадавших от сексуального насилия в Боснийском конфликте, составило около 20 тысяч человек» [10, с. 33].

При активном участии НАТО гражданская война в Югославии стала по своим последствиям самой разрушительной на европейской территории, после завершения Второй Мировой войны. Созданию трибунала предшествовала огромная работа экспертов, которые неоднократно посещали регион, анализировали информацию из различных независимых источников. В отличие от предшествовавших трибуналов (Нюрнбергского и Токийского), созданных на основании межгосударственных договоров, Международный трибунал по бывшей Югославии создан по инициативе Совета Безопасности ООН. Непосредственная деятельность трибунала ограничивалась временными параметрами и географическими рамками, территориальная юрисдикция согласно Уставу распространялась в пределах бывшей Югославии, за исключением Словении.

Е. В. Попаденко отмечает, что «решения международных судебных учреждений не являются частью процесса создания норм международного права, они оказывают на последнее большое влияние, выступая в качестве доказательства существования международного обычая» [11, с. 45].

Судебный трибунал изначально был наделен полномочиями осуждать конкретных лиц за совершенные преступления, вплоть до пожизненного срока заключения. Рассмотрение вопросов действия или бездействия правительства или иных юридических организаций Уставом суда не предусматривалось, по факту завершения последнего процессуального дела автоматически происходило упразднение трибунала. Суд состоял из 27 судей, из них 15 постоянных от разных стран, 12 независимых судей. По рекомендации Генерального секретаря ООН, Советом Безопасности назначался обвинитель на 4 года, при нем находилась канцелярия, состоявшаяся из числа высококвалифицированных сотрудников. Председатель трибунала избирался постоянными судьями.

Ш. Н. Хазиев отмечает, что «судопроизводство в Трибунале строится в основном на англосаксонской системе права, в качестве основного принципа уголовного процесса было провозглашено обеспечение справедливого судебного разбирательства» [12, с. 102].

Центральной должностным лицом в деятельности суда являлся Главный прокурор, он определял основные направления, практические действия – функционирования трибунала. За время работы трибунала в должности Главного прокурора находились:

Рамон Эскобара-салома – Венесуэла (октябрь 1993 – февраль 1994);

Грэхем Блювитт – Австралия, исполнял обязанности Главного прокурора (февраль 1994 – август 1994);

Ричард Голдстоун – Южно-Африканская Республика (август 1994 – июль 1996);

Луиза Арбур – Канада (июль 1996 – август 1999);

Карла дель Понте – Швейцария (августа 1999 – январь 2008);

Серж Браммерц – Бельгия (август 2008 – декабрь 2017).

В обслуживании трибунала был задействован секретариат, он отвечал за исполнение административных функций, секретарь и подчиненный ему персонал назначались Генеральным секретарем, после соответствующих консультаций, заинтересованными сторонами. Согласно Уставу, предусматривалась единственная форма наказания подсудимых – это тюремное заключение. После вынесения приговора суд в соответствии со списком государств, изъявивших согласие по содержанию преступников, определял страну, в которой осужденный отбывал срок заключения. Международный трибунал по бывшей Югославии заблаговременно заключил необходимые соглашения об исполнении приговора с «Австрией, Бельгией, Великобританией, Германией, Данией, Испанией, Италией, Норвегией, Португалией, Украиной, Финляндией Францией, Швецией и Эстонией», в пенитенциарных учреждениях этих стран, отбывали наказание осужденные лица по приговору трибунала.

Ю. В. Самович отмечает, что «в обвинительных заключениях по делам о преступлениях, совершенных в ходе войны в бывшей Югославии, вынесенных Международным уголовным трибуналом, до настоящего времени преступления в виде сексуального нападения рассматривались как серьезные нарушения Женевских конвенций, преступления против человечности, военные преступления и геноцид» [13, с. 156].

Уголовный процесс проходил в состязательной модели, которая разделялась по принципу обвинения и защиты. Основная цель трибунала заключалась в установлении истины, обе стороны «обвинение и защита», имели необходимые возможности по привлечению очевидцев происходивших трагических событий на территории бывшей Югославии, в качестве свидетелей. За время функционирования, трибунал рассмотрел конкретные дела в отношении лиц, причастных к совершению военных преступлений на территории бывшей Югославии. В развязанной, при подстрекательстве и прямой помощи западных стран гражданской войне, принимали активное участие пять этнических групп (сторон), косовские албанцы, македонцы, мусульмане-бошняки, сербы

и хорваты. Военные преступления одной стороны способствовали аналогичным нарушениям прав и свобод с другой, на войне преступления совершают все стороны, иной вопрос, какая сторона первой начала военные действия.

Г. А. Нелаева отмечает, что «эксгумация массовых захоронений была проведена не полностью» [14, с. 197].

Изначально обвинение имело информацию о преступной деятельности 173 человек, некоторые из них умерли в процессе юридических процедур по экстрадиции из стран пребывания, часть из них по объективным причинам передана национальным судам. В общей сложности трибунал провел процессы по судебным делам 161 человека, 90 из которых признаны виновными за геноцид, военные преступления против человечности, нарушение обычаев и законов войны, они осуждены к различным срокам содержания под стражей. Пять обвиняемых были приговорены к пожизненному заключению, 15 подсудимых были оправданы, 3 человека погибли в ходе задержания, 12 человек умерли на этапе предварительного заключения – не дождавшись суда.

Как отмечает С. В. Глотова, «к преступлениям против человечности отнесены: преследование любой идентифицируемой группы по политическим, расовым, национальным, этническим, религиозным, культурным и гендерным мотивам, также насильственное исчезновение людей и преступление апартеида» [15, с. 105].

Международный трибунал по бывшей Югославии – это удачная попытка реализации права сильной стороны, безусловно, военных преступников необходимо осудить и наказать, при этом карающий орган должен быть организован на правовой базе, отвергая все сомнения в легитимности этого процесса. Изначально организованный институт, с целью восстановления и реализации принципов справедливости, в отношении огромного количества жертв, гражданской войны, не может быть проводником политики стран его учредителей, особенно геополитических интересов. Создание правового механизма по наказанию лиц, совершавших военные преступления, – это позитивный фактор, определяющий уровень развития мирового сообщества. Отходя от дискуссионного принципа правовой корректности организации трибунала по бывшей Югославии, необходимо отметить, что это определенный опыт реализации механизмов гуманитарного права. Положительной стороной состоявшегося процесса явился организационно-правовой фактор создания необходимых условий по наказанию преступников. Изначально правовые пробелы в международном законодательстве обрели законодательные очертания, отразившиеся в Уставе трибунала, который закрепил ответственность за преступные деяния. Отходя от политических, правовых, общечеловеческих идеалов, международное осуждение преступных деяний лиц, осознававших свою безнаказанность при совершении преступлений, уже проявляется как позитивный вектор развития институтов права. При рассмотрении итогов прошедшего трибунала необходимо осознавать то, что на скамье подсудимых оказались военные преступники, их наказание послужило наглядным пособием для должностных лиц, склонных к военным агрессиям. Кроме того, многие преступления оказались за рамками правосудия, суд только частично оправдал надежды пострадавших от военных пре-

ступлений. Трибунал по бывшей Югославии в рамках, определенных уставом полномочий, реализовывал принципы гуманитарного права. Он имеет огромное политическое и практическое значение, наравне с Нюрнбергским, Токийским и Хабаровским процессами, послужит развитию институтов международного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Энтина Е. Г., Пророкович Д. Распад Югославии в научно-исследовательском и политическом дискурсах России и Сербии // Международная аналитика. 2022. № 3. С. 94–115.

2. Минин Е. М. Кого, за что и как судил Международный трибунал по бывшей Югославии : монография. М. : МГЛУ, 2018. 216 с.

3. Болдырева О. М. Международно-правовые основания и проблемы деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии // Актуальные проблемы международных отношений в условиях формирования мультиполярного мира : сб. науч. ст. 9-й Междунар. науч.-практ. конф. (Курск, 15 декабря 2020 г.). Курск : Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 41–44.

4. Мезяев А. Б. Международный трибунал по бывшей Югославии: некоторые правовые аспекты // Российский юридический журнал. 2007. № 2(54). С. 46–49.

5. Устав Международного трибунала по бывшей Югославии от 25 мая 1993 г. // Московский журнал международного права. 1996. № 1. С. 215–227.

6. Новиков С. С. Проблемы нелегитимности создания международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 261–264.

7. Дершовиц Н. Доктрина «совместных преступных действий» в решениях Международного трибунала по бывшей Югославии // Международный трибунал по бывшей Югославии: деятельность, результаты, эффективность : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 22–23 апреля 2009 г.). М. : Индрик. 2012. 544 с.

8. Михайлов Н. Г. Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии. Проблемы компетенции // Вестник РУДН. 2006. № 1(19). С. 128–137.

9. Самович Ю. В., Марухно Е.Ю. Сексуальное насилие над женщинами во время вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 1(21). С. 133–138.

10. Жигалева Ю. Е. Сексуальное насилие в условиях конфликтов: проблема виктимизации женщин // Juvenis scientia. 2014. № 4. С. 32–35.

11. Попаденко Е. В. Роль прецедентов Международного трибунала по бывшей Югославии в оформлении пыток и бесчеловечного обращения как военного преступления в международном праве // IUS PUBLICUM ET PRIVATUM. 2019. № 2(4). С. 43–46.

12. Хазиев Ш. Н. Судебные экспертизы в деятельности Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3(43). С. 100–109.

13. Самович Ю. В. Правовая регламентация преступлений против женщин в международном гуманитарном праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 5(87). С. 152–159.

14. Нелаева Г. А. Изнасилования и сексуальные преступления в международном гуманитарном праве и феномен международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) // Европа: международный альманах. 2007. № 7. С. 192–203.

15. Глотова С. В. Преступления против человечности: генезис и современное понимание концепции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 101–108.

УДК 93/94

Зайцев Леонид Николаевич
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
leon.nik2006@mail.ru

Вопросы назначения и перемещения членов Костромского окружного суда (1871–1917 гг.)

Аннотация. *В статье на основе архивных и исторических материалов подробно рассматривается кадровый состав пореформенного суда Костромской губернии как органа судебной власти. Сделан вывод о том, что, несмотря на значительные трудности, среди которых занимала обширная территория Костромской губернии и перемещения кадрового состава Костромского окружного суда, состав суда свою деятельность по защите прав и свобод граждан осуществлял достаточно эффективно.*

Ключевые слова: *Костромской окружной суд, кадровый состав, председатели, товарищи председателей, члены окружного суда.*

Zaitsev Leonid Nikolayevich
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Appointment and transfer of members of the Kostroma District Court (1871–1917)

Annotation. *Based on archival and historical materials, the article examines in detail the role of the personnel of the post-reform court of the Kostroma province as a judicial authority. The article concludes that despite significant challenges, including the vast territory of the Kostroma province and the relocation of the personnel of the Kostroma District Court, the court was able to effectively protect the rights and freedoms of citizens.*

© Зайцев Л. Н., 2026

Keywords: *Kostroma District Court, staff, chairmen, deputy chairmen, members of the district court.*

На территории Костромской губернии Судебная реформа 1864 года была реализована в 1871 г., когда 1 июля тайным советником, сенатором, старшим председателем Московской судебной палаты А. Н. Шаховым в торжественной обстановке был открыт Костромской окружной суд.

Для формирования новой судебной власти требовалось значительное количество новых судебных деятелей, которые бы соответствовали определенным требованиям для осуществления нового качественного правосудия. Поэтому важными вопросами деятельности образованного окружного суда являлись кадровые назначения председателей, их товарищей и членов суда.

Как отмечает исследователь, «такая система требований обеспечивала занятие судебных должностей юридически грамотными и опытными людьми, а также определяла порядок карьерного роста, главным условием которого становился стаж работы» [11, с. 55–59].

Исследованием архивных источников нами установлено, что первый контингент состава Костромского окружного суда был сформирован с активным участием тайного советника, сенатора, старшего председателя Московской судебной палаты А. Н. Шахова, который по Высочайшему повелению проводил ревизию дореформенных судов Костромской губернии. Именно по его ходатайствам перед министром юстиции графом К. И. Паленом было назначено большинство из судейского состава Костромского окружного суда.

Так, по просьбе сенатора Г. А. Гизетти на имя министра юстиции А. Н. Шаховым направлялось письмо о назначении сына Г. А. Гизетти губернского секретаря А. Г. Гизетти членом Костромского окружного суда. И он Высочайшим приказом был назначен на указанную должность [5, с. 4–5]. А еще вначале проведения ревизии он ходатайствует о назначении членом окружного суда коллежского асессора И. Л. Соколова, отмечая его достоинства [5, с. 1].

Товарищ прокурора Рязанского окружного суда коллежский советник Н. И. Голощапов также обращался к А. Н. Шахову с рапортом о его назначении членом Костромского окружного суда [6, с.13].

Все указанные лица были назначены на испрашиваемые должности.

Первый контингент судейского состава Костромского окружного суда состоял из 12 человек: председателя окружного суда коллежского советника И. А. Плеца, двое товарищей председателя суда статского советника В. И. Самойловича, титулярного советника А. А. Кобылина, девять членов суда: надворного советника А. И. Бушмана, титулярного советника Д. И. Герасименко, коллежского советника Н. И. Голощапова, капитана Н. К. Епанчина, капитан-лейтенанта Д. В. Михайлова, коллежского асессора И. Л. Соколова, надворного советника А.К. Финдензейна и губернских секретарей П. А. Упервицкого и Н. Ф. Ястребцова [9, с. 9].

Однако первый контингент судейского состава Костромского окружного суда действовал непродолжительное время.

Первый председатель окружного суда коллежский советник И. А. Плец умер в октябре 1872 г. и на его место был назначен 2 ноября 1872 г. именным Высочайшим указом, продублированным Высочайшим приказом по Министерству юстиции председатель Екатеринославского окружного суда статский советник Н. А. Ридман, который аналогичным указом от 26 января 1878 г. пошел на повышение и был назначен председателем 1-го уголовного Департамента Казанской судебной палаты [4, с. 239–246].

Высочайшим приказом от 12 августа 1871 г. № 23 член суда Н. К. Епанчин был исключен из списков в связи со смертью. А на его место был назначен губернский секретарь А. Г. Гизетти.

Член суда Н. И. Голощапов 17 ноября 1871 г. Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции был уволен от службы согласно прошению.

Высочайшим приказом от 10 февраля 1872 г. № 7 член окружного суда А. И. Бушман был исключен из списков в связи со смертью.

Еще один член окружного суда Д. И. Герасименко прослужил в Костромском окружном суде недолго и 30 ноября 1872 г. Высочайшим приказом № 38 он был уволен от службы согласно прошению.

Товарищ председателя суда В. И. Самойлович Высочайшим приказом по Министерству юстиции от 28.02.1874 был назначен членом Харьковской судебной палаты.

12 мая 1876 г. Высочайшим приказом № 19 Д. В. Михайлов был уволен от службы согласно прошению.

В апреле 1877 г. еще один член окружного суда И. Л. Соколов умер и был исключен из списков суда.

Н. Ф. Ястребцов прослужил в Костромском окружном суде около 9 лет и 14 мая 1880 г. Высочайшим приказом он был назначен товарищем председателя Уманского окружного суда, уйдя на повышение по службе.

1 сентября 1880 года Товарищ председателя суда А. А. Кобылин Высочайшим приказом был назначен товарищем прокурора Одесской судебной палаты.

Таким образом, первый контингент Костромского окружного суда отличался текучестью кадрового состава. Причинами явились смерть председателя и четырех членов суда, увольнение троих членов суда, а также ротация в связи с повышением по службе.

В состав второго контингента судейского корпуса Костромского окружного суда входили: председатель окружного суда статский советник А. С. Негребецкий. Товарищи председателя коллежский асессор Д. Н. Трандафилов, надворный советник И. О. Шадурский, члены суда: губернский секретарь П. А. Упервицкий, надворный советник Н. В. Полозов, коллежские секретари Н. Е. Власов, Н. А. Борисенко, А. Г. Гизетти, надворные советники Н. А. Крупицкий, Т. А. Березовский, Г. И. Хрущов. Второй состав Костромского окружного суда в количественном составе не изменился.

В 1885 г. происходит изменение состава членов Костромского окружного суда с 9 до 8 человек. Надворный советник Г. И. Хрущов вначале был выведен

за штат, а 27 марта 1885 г. Высочайшим приказом № 13 «Увольняется от службы, согласно прошению, по болезни».

Третий контингент состоял из председателя Костромского окружного суда действительного статского советника А. С. Негребецкого, его товарищей: действительного статского советника П. И. Вальберга и титулярного советника И. Я. Кондакова, а также восьми членов суда: губернского секретаря П. А. Упервицкого, надворных советников Н. В. Полозова и Т. А. Березовского, коллежского секретаря Н. Е. Власова, статского советника Н. Ф. Жохова, действительного статского советника В. П. Смольянинова, коллежского советника Н. А. Борисенко и коллежского асессора Л. Н. Северьянова. При этом председатель суда остался тот же, его два товарища были переназначены, а из членов суда со второго контингента остались П. А. Упервицкий, Н. В. Полозов, Н. Е. Власов, Т. А. Березовский. Суд пополнился новыми двумя товарищами председателя и четырьмя членами, то есть состав суд обновился более чем на 50 % [8, с. 92–93].

Последний состав Костромского окружного суда состоял из: председателя суда действительного статского советника Я. Я. Чемадурова (занимал указанную должность с 1902 г. по декабрь 1917 г., т. е. 15 лет), товарищей председателя действительных статских советников А. К. Вяжлинского (с 1909 г. по декабрь 1917 г., т. е. 8 лет) и П. А. Попова (с 1907 г. по декабрь 1917 г. или 10 лет), членов окружного суда: действительных статских советников П. А. Упервицкого (с 1871 г. по декабрь 1917 г. – 46 лет) [3, с. 15–20], Н.В. Полозова (с 1874 г. по декабрь 1917 г. – 43 г.), И. В. Лаврова (с 1896 г. по декабрь 1917 г. – 21 г.), Н. Ф. Жохова (с 1890 г. по декабрь 1917 г. – 27 лет), Л. Н. Северьянова (с 1885 г. по декабрь 1917 г. – 32 г.), И. М. Рубинского (с 1912 г. по декабрь 1917 г. – 5 лет), коллежского советника Д. С. Груздева (с 1915 г. по декабрь 1917 г. – 2 г.) и надворного советника Н. А. Палеолога (с 1913 г. по декабрь 1917 г. – 4 г.). То есть из указанного состава восемь человек от 8 до 46 лет (72,7 %) занимали указанные должности и только трое прослужили от 2 до 5 лет (27,3 %) [7, с.193–194].

Таким образом, последний контингент окружного суда отличался качественным составом, поскольку в основном состоял из судебных чиновников, длительное время посвятившим себя осуществлению правосудия, что свидетельствует о профессионализме судей.

Нами установлены все председатели, их товарищи и члены Костромского окружного суда. Из четырех председателей суда двое умерли: И. А. Плец и А. С. Негребецкий. Н. А. Ридман пошел на повышение, а Я. Я. Чемадуров служил до закрытия суда в декабре 1917 г.

Из восьми товарищей председателей окружного суда двое умерли: И. О. Шадурский и И. Я. Кондаков. Остальные частично были уволены, а частично были переведены в другие суды.

Из 29 членов суда 5 умерли: А. И. Бушман, Н. К. Епанчин, И. Л. Соколов, Н. В. Полозов, Н. А. Крупицкий. 7 членов суда были переведены в другие суды. Так, А. Г. Гизетти стал председателем Новгородского окружного суда, А. А. Бартенев – членом Петроградского окружного суда, Н. Ф. Ястребцов – то-

варищем председателя Уманского окружного суда А. С. Протопопов – членом Московской судебной палаты, М. А. Стрежнев – товарищем прокурора Елецкого окружного суда. Некоторые были уволены, а члены суда их последнего контингента прослужили до закрытия суда в 1917 г.

Алгоритм назначений судейского корпуса предусматривался «Учреждениями судебных установлений» (далее Учр. суд. уст.) [1]. В случае открытия в Костромском окружном суде вакансии члена суда немедленно созывалось общее собрание трех отделений окружного суда с участием прокурора, на котором обсуждались о кандидаты на открывшиеся судебные должности. То есть, согласно закону, кандидатов избирал и рекомендовал сам окружной суд путем проведения общего собрания. В соответствии со ст. 214–215 Учр. суд. уст., представления Костромского окружного суда о соответствующих кандидатах поступали Старшему председателю Московской судебной палаты, который, в свою очередь направлял представление со всеми материалами на кандидатов Министру Юстиции, который, в свою очередь, представлял Императору кандидатов, и уже назначение членов суда происходило Высочайшими приказами.

Исследование формулярных списков позволило нам установить, что большое значение при назначении судейского корпуса имели характеристики, предоставляемые на кандидатов председателями и прокурорами Костромского, а при перемещениях и других окружных судов, а также старшими председателями и прокурорами Московской или других судебных палат. Такие характеристики играли решающую роль при назначении на просимые должности.

Следует отметить, что одной из причин текучести кадров судей Костромского окружного суда являлась обширность территории Костромской губернии и суровый климат, а также различного рода эпидемии, вследствие чего ряд судебный чиновников болел, а некоторые преждевременно умирали.

Так, 22 апреля 1908 г. на основании отношения председателя Костромского окружного суда член суда Н. А. Борисенко был освидетельствован по состоянию здоровья на предмет увольнения. Как было указано в свидетельстве о состоянии здоровья на его имя заболевание он «получил 28 сентября 1907 г. возвращаясь в г. Кострому из сессии окружного суда в северных городах Костромской губернии, где он провел белее трех недель в постоянных и напряженных занятиях. На станции в с. Богородском с ним сделалось головокружение, чувство онемения в правой руке и ноге, слабость и потеря владения, вслед за сим у него появилась потеря речи. Болезнь г. Борисенко лишает его возможности не только продолжать службу, но и обходиться без постороннего ухода…». В январе 1909 г. Н. А. Борисенко был уволен по болезни [2, с. 69].

В настоящей статье нами не учитывались уездные члены Костромского окружного суда, которые получили свой статус с утверждением положения «О земских участковых начальниках» от 12 июля 1889 г. [10], поскольку они подлежат изучению в отдельном исследовании.

Таким образом, изменения в составе Костромского окружного суда в полной мере отражают идущий процесс формирования судебной власти в свете Судебной реформы 1864 г. с присущей ей унификацией и специализацией органов судебной власти, а эволюция социального облика судей свидетельству-

ет о создании новой судебной элиты. Подавляющая часть судейского корпуса окружного суда были дворянами, в основном православного вероисповедания, за исключением некоторых. Почти все они имели высшее юридическое образование. Каждому конкретному назначению способствовал целый ряд факторов. Например, назначение ряда судебных чиновников первого состава Костромского окружного суда произошло благодаря протекции высшего руководства, а именно сенатора, старшего председателя Московской судебной палаты А. Н. Шахова. Должности председателя и товарищей окружного суда в их карьере являлись важным этапом для повышения по службе. Несмотря на значительные трудности, среди которых занимала обширная территория Костромской губернии и перемещения кадрового состава Костромского окружного суда, состав суда свою деятельность по защите прав и свобод граждан осуществлял достаточно эффективно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Высочайше утвержденное Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // ПСЗ РИ. Собр. II. Т. XXXIX. № 41475. Ст. 213–215.

2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 340. Оп. 6-2. Д. 905. Л. 2–69. О службе члена Костромского окружного суда Н. А. Борисенко.

3. Ганжа Н. В., Зайцев Л. Н. П. А. Упирвицкий: от канцелярского чиновника до члена Костромского окружного суда // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сб. тр. III Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (Кострома, 25–26 апреля 2024 г.) / отв. ред. Г. Г. Бриль. Кострома : Костромской государственный университет, 2024. С. 15–20.

4. Зайцев Л. Н. Председатели Костромского окружного суда: роль и место в судебной системе Российской империи (1871–1917 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 239–246.

5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1560 Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 4–5.

6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1560. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.

7. Список чинам ведомства Министерства юстиции 1916 года, исправленный по 1 января. П. : Сенатская типография, 1916.

8. Список чинам ведомства Министерства юстиции. Ч. 2. 1890. Исправлено по 2 марта. СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1890. С.92-93.

9. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет / под ред. В. Ф. Френкеля, Э. Н. Берендса, И. А. Блинова. Доп. том. Петроград, 1914. 111 с.

10. «О земских участковых начальниках» от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. (ПСЗРИ) III. Т. 9. № 6196.

11. Юнусов А. Н. Особенности прохождения государственной службы в окружных судах Российской Империи в пореформенный период (на материалах Оренбургского окружного суда) // Социум и власть. 2008. № 2(18). С. 55–59.

УДК 340.12

Терехов Евгений Михайлович
кандидат юридических наук, доцент
Балаковский филиал
Саратовской государственной юридической академии
г. Балаково, Российская Федерация
terehov1989@yandex.ru

Официальное толкование норм права как условие эффективности правоохранительной деятельности

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению официального толкования норм права с позиции инструмента эффективности правоохранительной деятельности. Показывается, что возможность раскрывать смысл правовых норм влияет на разные направления эффективности правоохранительной деятельности. Анализ интерпретационной практики, а также специфики работы правоохранительных органов, позволяют обратить внимание на следующие векторы использования официального толкования права в правоохранительной деятельности, учет которых позволит повысить ее эффективность: выработка единой интерпретационной политики правоохранительных органов; анализ допущенных интерпретационных ошибок; усиление объемов осуществления разъяснительной работы; повышение правовой квалификации должностных лиц правоохранительных органов.*

Ключевые слова: *юридическая деятельность, правоинтерпретационная деятельность, толкование права, разъяснение, интерпретационный акт, интерпретационная практика.*

Terekhov Evgeniy Mikhailovich
candidate of legal sciences, associate professor
Balakovo branch Saratov State Law Academy
Balakovo, Russian Federation

The official interprets of legal norms as a condition for the effectiveness of law enforcement activities

Annotation. *This article examines the official interpretation of legal norms from the perspective of an effective law enforcement tool. It is demonstrated that the ability to clarify the meaning of legal norms influences various aspects of law enforcement effectiveness. An analysis of interpretative practices, as well as the specifics of law enforcement work, highlights the following areas of official interpretation in law enforcement, which, if taken into account, can improve its effectiveness: developing a unified interpretative policy for law enforcement agencies; analyzing existing interpretative errors; increasing the scope of outreach efforts; and enhancing the legal qualifications of law enforcement officials.*

Keywords: *legal activities, law-interpret activities, interpretation of law, clarification, interpretative act, interpretive practice.*

С момента своего возникновения, официальное толкование права преодолело довольно существенный путь в своем функционировании: развивались формы и содержание актов толкования права; совершенствовалась техника и методика их издания; на постоянной основе осуществлялась деятельность по

© Терехов Е. М., 2026

внесению крайне необходимых изменений и дополнений в их тексты; развивалась их система; изучался и совершенствовался полученный интерпретационный опыт. Во всех этих событиях неизменным оставался один важный фактор – способность официального толкования права системно обеспечивать смысловой поддержкой работоспособность механизма правового регулирования, а также его составные элементы.

Большую роль в механизме правового регулирования общественных отношений играет правоохранительная деятельность, реализация которой в ежедневном режиме позволяет поддерживать и защищать право от многочисленных попыток его нарушения.

Под правоохранительной деятельностью понимается работа компетентных органов по обеспечению законности и правопорядка, защите прав и свобод человека и гражданина, борьбе с преступлениями и другими правонарушениями [6, с. 153]. В связи с тем что после принятия действующей Конституции, РФ был взят курс на построение правовой государственности, реализация правоохранительной деятельности должна занимать особое место в жизни государства и общества, а если говорить более конкретно, то должна быть эффективной и уметь преодолевать возникающие на ее пути сложности и противоречия, достигая при этом поставленных целей.

Безусловно, любая область практической юриспруденции не лишена проблем, наличие которых может снижать итоговое качество ее реализации. Не является исключением в этом смысле и правоохранительная деятельность, которая также периодически сталкивается с определенными вызовами и угрозами, которые требуют своевременной реакции на них и оперативного преодоления.

Одной из самостоятельных и серьезных проблем на пути эффективного функционирования правоохранительной деятельности нужно признать недостаточное знание и понимание нормативных правовых актов, потенциальное нарушение которых является основанием к началу активной работы правоохранительных органов по восстановлению и охране нарушенных прав. Решение этой проблемы может быть найдено через использование потенциала официального толкования норм права, которое позволяет устранить правовую неопределенность понимания смысла конкретной нормы права; выработать четкие правовые позиции действия правоохранительных органов в различных ситуациях; внести единообразие в восприятие правовых норм множеством должностных лиц из числа работников правоохранительных органов; устранить имеющие место споры межведомственного взаимодействия, возникающие в связи с неуверенностью содержания смысла отдельных норм права.

К сожалению, все это возможно лишь в том случае, когда отношение к официальному толкованию права со стороны должностных лиц правоохранительных органов является более чем серьезным и когда результаты его работы на постоянной основе используются правоохранительными органами в работе, а не от случая к случаю, как это бывает в практике многих из них.

Анализ интерпретационной практики, а также специфики работы правоохранительных органов, позволяют обратить внимание на следующие векторы

использования официального толкования права в правоохранительной деятельности, учет которых позволит повысить ее эффективность:

1. Выработка единой интерпретационной политики правоохранительных органов.

Под интерпретационной политикой нужно понимать научно обоснованную, последовательную и системную деятельность правоохранительных органов, направленную на определение стратегии и тактики толкования юридических норм, создание необходимых условий для эффективной интерпретации правовых предписаний [5, с. 165]. Одним из значимых ее конструктивных элементов выступает возможность определения субъектом стратегии и тактики официального толкования норм права, когда правоохранительный орган не просто раскрывает смысл непонятной нормы права, а создает для этого необходимые предпосылки, готовит окружающую обстановку и людей под это.

Стратегический подход в официальном толковании права – явный приоритет, к которому стоит стремиться. Именно он будет способствовать системной, а не единичной работе по раскрытию смысла норм права.

В. И. Ленин в своей работе «О двойном подчинении законности» обращал внимание, что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик» [3, с. 198]. Учет в работе единой интерпретационной политики правоохранительных органов поможет выработать общие стандарты по раскрытию смысла норм права, ограничив при этом субъективное усмотрение.

К сожалению, стоит констатировать, что правоинтерпретационная деятельность правоохранительных органов сегодня недостаточно развита и носит скорее точечный, а не системный характер. Отдельные исследователи отмечают, что практически ежедневно это происходит посредством обращения к интерпретационным актам [7, с. 46], что лишний раз подчеркивает фрагментарный нрав интерпретационной работы. С этим нужно бороться.

2. Анализ допущенных интерпретационных ошибок.

Сотрудники правоохранительных органов ежедневно используют большое число правовых норм в работе. Среди них имеются и простые, смысл которых не взывает сомнений, и сложные, уяснение которых требует дополнительных сил и средств для этого. Неудивительно, что необходимость работы с большим объемом информации, а также возникновение нестандартных практических ситуаций приводят к тому, что в правоохранительной деятельности допускаются интерпретационные ошибки, которые снижают качество правового регулирования общественных отношений. Такое положение дел требует своевременного выявления интерпретационных ошибок, их преодоления, а также последующей аналитической работы по рассмотрению причин и условий их появления.

Под правоинтерпретационной ошибкой понимают «частичное или полное отступление от правил толкования, что сказывается на конечном результате и не соответствует истинному смыслу нормы права, заложенной в ней воле законодателя» [4, с. 23].

Одними из тех, кто иногда допускает интерпретационные ошибки, являются сотрудники полиции. Многие из них сводятся к неверному пониманию процессуальных аспектов, связанных с административным оформлением водителей, подозреваемых в управлении автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, что приводит к тому, что водители, управлявшие транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, уходят от ответственности.

Например, в Калужской области водителю вменили управление в нетрезвом виде за то, что при проверке на состояние алкогольного опьянения алкотестер показал 0,17 мг спирта на литр выдыхаемого воздуха. Однако освидетельствование проходило трижды, поскольку показания алкотестера менялись. Сначала прибор показал 0,15 мг/л. После второго выдоха показания чуть-чуть поднялись. А после третьего выдоха прибор показал 0,17 мг/л. Именно эти данные и внесли в протокол. Сотрудники полиции составили административный материал и направили его в суд для рассмотрения по существу, поскольку нормой являлось содержание в выдыхаемом водителем воздухе 0,16 мг спирта. В итоге суд указал, что при наличии сомнений в трезвости лица, сотрудники полиции должны были направить его в медицинское учреждение и проверить его на опьянение там, однако этого не сделали. Производство по делу было прекращено, и водитель не был лишен водительского удостоверения [1].

3. Усиление объемов осуществления разъяснительной работы.

Многие правонарушения могут совершаться субъектами без прямого умысла – с позиции непреднамеренного нарушения установленных нормативных требований. Например, далеко не все знают о полномочиях таможенных органов и о том, что разрешено к провозу через государственную границу РФ и как это юридически правильно оформляется. Как следствие, многие путешественники привлекаются к юридической ответственности за правонарушения, которые они не планировали совершать. В этой связи хорошим решением видится проведение разъяснительной работы таможенными органами РФ на постоянной основе – публикация и размещение на специальных информационных стендах сведений об изменении таможенного законодательства РФ, новеллах в нем и т. д. [2, с. 81].

4. Повышение правовой квалификации должностных лиц правоохранительных органов.

Правовая квалификация правоохранителей служит существенным элементом их работы и прямо влияет на ее итоговое качество. Исходя из этого, чем выше уровень правовой квалификации работников правоохранительных органов, тем выше качество реализуемой ими правовой охраны и защиты.

С целью повышения общего уровня правовой квалификации сотрудников правоохранительных органов, периодически нужно проводить обучающие семинары, а также служебные совещания, на которых обсуждаются и подробно разбираются различные правовые вопросы, в том числе посвященные правоинтерпретационной деятельности. Не лишним будет и анализ интерпретационных актов высших органов судебной власти, а также рассмотрение обзоров судебной практики.

Правоохранитель, который учитывает условия и обстоятельства принятия правовых норм, интерпретационную обстановку, в которой действуют такие нормы, их объем и иные обстоятельства, воздействующие на ее смысл, способен применять нормы эффективно.

Таким образом, официальное толкование норм права стоит рассматривать в качестве самостоятельного инструмента, учет и использование которого позволяет повысить эффективность работы правоохранительных органов. Непрерывное повышение правовой квалификации правоохранителей, в том числе посредством изучения результатов интерпретационного опыта, позволяет им развивать и совершенствовать представления о регулирующем характере права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баршев В. ВС: ошибки инспекторов ГИБДД в протоколе трактуются в пользу водителей // Российская газета. 2018. 22 октября.

2. Вертухов Е. М. Актуальные проблемы правоохранительной деятельности таможенных органов // Академическая публицистика. 2024. № 6–2. С. 76–83.

3. Ленин В. И. О двойном подчинении законности // Полное собрание сочинений. 5 изд. Т. 45. М. : Изд-во полит. лит., 1970. 729 с.

4. Овчинникова О. Д., Шаганян А. М. Некоторые проблемы интерпретации норм права // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 4. С. 22–26.

5. Пузиков Р. В. Формы реализации правовой политики // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 163–171.

6. Сибгатуллин Ф. С. Понятие правоохранительной деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета. Юридические науки. 2023. № 3. С. 152–160.

7. Таранюк Ю. В., Геворкян Э. Г. Проблемы правового регулирования официального толкования органов внутренних дел // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 46–48.

УДК 342.1

Груздев Денис Владиславович
старший следователь
Следственного комитета Российской Федерации
г. Пятигорск, Российская Федерация
vgruzdev@kosgos.ru

К вопросу об исследовании принятия в Российскую Федерацию новых субъектов в условиях проведения специальной военной операции

Аннотация: *В статье проведен анализ и обоснована актуальность изучения вопросов принятия в Российскую Федерацию новых субъектов. Рассматриваются: актуальность,*

© Груздев Д. В., 2026

цель и задачи, историография, а также вопросы объекта и предмета исследования данной проблематики.

Ключевые слова: *принятие, состав, Россия, Конституция, территория, закон, Специальная военная операция*

Gruzdev Denis Vladislavovich
Senior investigator Investigative
Committee of the Russian Federation
Pyatigorsk, Russian Federation

On the issue of studying admission of new subjects to the Russian Federation in the context of a special military operation

Annotation. *The article analyzes and substantiates the relevance of studying the issues of admission of new subjects to the Russian Federation. Considered: relevance, purpose and objectives, historiography, as well as the issues of the object and subject of the study of this issue.*

Keywords: *adoption, composition, Russia, Constitution, territory, law, Special military operation*

Территория – фундаментальное понятие юриспруденции, без которого невозможно осмыслить феномен государства. Она является его неотъемлемым признаком, залогом материального существования. Через призму этого правового явления мы не только постигаем федеративное устройство России и ее международные связи, но и выявляем насущные проблемы, прогнозируем развитие общества и государства.

Прием новых субъектов в состав Российской Федерации стал реальностью современного российского федерализма. Согласно части первой статьи 137 Конституции Российской Федерации, состав государства может быть изменен путем принятия в его состав нового субъекта [1].

30 ноября 2001 года федеральным конституционным законом № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [2] были определены основные условия и процедура такого принятия. Исторические события последних лет вновь актуализировали эту проблематику. Границы между республиками Советского Союза приобрели в 1991 году статус границ между государствами. Однако они не остались неизменными.

В 2014 году в состав России вошла Республика Крым и у России появились новые субъекты – Республика Крым и город федерального значения Севастополь [3].

30 сентября 2022 года были подписаны договоры о вхождении Донецкой Народной Республики [4], Луганской Народной Республики [5], Запорожской [6] и Херсонской областей [7] вошли в состав Российской Федерации в качестве новых регионов.

Надо сказать, что вопросы принятия новых субъектов в состав Российской Федерации, будь то иностранное государство или его часть, не оставались без внимания отечественных ученых. Однако исследования в данной области

носили преимущественно исторический или сугубо политический характер, поскольку до марта 2014 года практика реализации подобных процедур отсутствовала. Соответственно, не было и предмета для анализа правоприменения.

Относительно мало работ, раскрывающих условия и процедуры процесса принятия с формально-юридической точки зрения.

Отдельно стоит отметить отсутствие комплексных монографических исследований, анализирующих конституционную процедуру и практику принятия новых субъектов. Анализ нормативных актов и правоприменительной практики показывает острую необходимость не только научного осмысления действующего закона № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [2], но и обоснования внесения соответствующих изменений в его текст. Такая корректировка позволит избежать ошибок и противоречий в будущем, поскольку конституционный процесс, отражающий национальные интересы нашей страны, есть отражение принципа верховенства закона как ведущего принципа правового государства.

Поэтому в настоящее время особую важность имеет проблематика, изучения конституционных условий и процедур приема в Российскую Федерацию, заложенных в абстрактных моделях норм конституционного права, а также практики их воплощения в правоприменительном процессе. В данном аспекте необходимо выявить общие правовые закономерности, определяющие условия и процедуру принятия новых субъектов, их связь с правовыми и иными социальными явлениями.

Необходимо особо отметить, что процедура принятия в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областей в 2022 году прошла в условиях проведения Специальной военной операции. Выявление и учет данных особенностей также является важным фактором, обуславливающим своевременность исследуемой проблемы.

Целесообразно разработать нормативно-правовую модель комплексного механизма принятия в Российскую Федерацию нового субъекта. Достижение этой цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

1) раскрытие конституционных условий приема нового субъекта;
2) характеристика конституционной процедуры;
3) выявление общих и особенных черт практики реализации конституционных норм применительно к Республике Крым, Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям.

При этом, если объектом изучения будут являться конституционные условия и процедура принятия в Российскую Федерацию нового субъекта, предусмотренные (закрепленные) абстрактными моделями норм конституционного права, а также практика их учета в правореализационном процессе, то предметом исследования логично определить общие правовые закономерности и тенденции возникновения, существования, развития и устойчивого функционирования государства и его основного закона, которые определяют условия и про-

цедуру принятия в Российскую Федерацию нового субъекта, их связь с правовыми и иными социальными явлениями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.).
2. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ (ред. от 31.10.2005) «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001, № 52 (1 ч.), ст. 4916.
3. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ (ред. от 10.07.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Российская газета. № 66. 24.03.2014.
4. Федеральный конституционный закон от 04 октября 2022 г. № 5-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» // Российская газета. № 226. 06.10.2022.
5. Федеральный конституционный закон от 04 октября 2022 г. № 6-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» // Российская газета. № 226. 06.10.2022.
6. Федеральный конституционный закон от 04 октября 2022 г. № 7-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области» // Российская газета. № 226. 06.10.2022.
7. Федеральный конституционный закон от 04 октября 2022 г. № 8-ФКЗ (ред. от 25.12.2023) «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области» // Российская газета. № 226. 06.10.2022.

СЕКЦИЯ 2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ, ПРОКУРОРСКОЙ И ПРАВОЗАЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 342.56

Грачёва Ольга Алексеевна
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Российская Федерация
Letsik91@mail.ru

Прокуратура Российской Федерации как ключевой субъект признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина

Аннотация. *В статье исследуется роль прокуратуры Российской Федерации в механизме признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Обосновывается, что правозащитный потенциал прокуратуры определяется ее конституционно-правовым статусом, многогранным характером надзорной деятельности и комплексом мер прокурорского реагирования. Анализируются положения Конституции Российской Федерации, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», нормы процессуального законодательства и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Сделан вывод о том, что прокуратура выступает системным государственным механизмом предупреждения, пресечения и восстановления нарушенных прав личности.*

Ключевые слова: *прокуратура Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, прокурорский надзор; защита прав граждан, правозащитная функция, законность.*

Gracheva Olga Alekseevna
candidate of legal sciences, associate professor, associate professor department of prosecutorial supervision and criminology
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

The prosecutor’s office of the Russian Federation as a key subject of recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms

Annotation. *The article examines the role of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation in the mechanism for the recognition, observance and protection of human and civil rights and freedoms. It is substantiated that the human rights potential of the Prosecutor’s Office is deter-*

© Грачёва О. А., 2026

mined by its constitutional and legal status, the multifaceted nature of its supervisory activity, and the range of prosecutorial response measures. The article analyzes the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law "On the Prosecution Service of the Russian Federation," the rules of procedural legislation, and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is concluded that the Prosecutor's Office acts as a systemic state mechanism for the prevention, suppression and restoration of violated individual rights.

Keywords: *prosecutor's office of the Russian Federation, human and civil rights and freedoms, prosecutorial supervision, protection of citizens' rights, human rights function, legality.*

В системе ценностей современного правового государства обеспечение прав и свобод человека и гражданина занимает приоритетное место, выступая одновременно важнейшим ориентиром оценки деятельности органов публичной власти.

Статья 2 Конституции Российской Федерации закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита составляют обязанность государства. Из данного конституционного положения следует, что государство должно формировать такие организационно-правовые механизмы, которые способны не только провозглашать права, но и обеспечивать их реальное восстановление при нарушении. Одним из таких механизмов в российской правовой системе является прокуратура Российской Федерации.

Особое место прокуратуры в механизме охраны прав человека обусловлено спецификой ее конституционно-правового статуса. Согласно статье 129 Конституции Российской Федерации полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры определяются федеральным законом. Несмотря на краткость конституционного регулирования, данное положение закрепляет самостоятельное место прокуратуры в системе публичной власти и служит основой для законодательной конкретизации ее надзорной и правозащитной компетенции. В научной литературе справедливо отмечается, что прокуратура рассматривается как особый государственно-правовой институт, не подлежащий прямому отнесению ни к одной из ветвей власти и не совпадающий ни с одним из традиционных государственно-правовых институтов [2, с. 41–44].

Нормативная конкретизация конституционного статуса прокуратуры содержится в статье 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которой «прокуратура Российской Федерации – это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина…». Именно такая законодательная конструкция позволяет говорить о прокуратуре как о ключевом субъекте в механизме правозащитной деятельности государства [3, с. 18–22].

Некоторыми авторами подчеркивается тот факт, что подобное изменение законодателем трактовки определения понятия «прокуратура» в 2020 году была сделана не с проста, а для того чтобы подчеркнуть еще раз правоохранительный характер деятельности органов прокуратуры, что также актуально для РФ как правового государства в целом [1, с. 60–64]. Именно поэтому в научной

доктрине прокуратуру все чаще рассматривают как элемент обеспечения прав человека в широком смысле этого слова [8, с. 102–106].

Особого внимания заслуживают положения статьи 26 Закона о прокуратуре Российской Федерации, посвященные надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Предметом такого надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина как в актах, так и в действиях (бездействиях) поднадзорных органов. Тем самым прокуратура наделяется возможностью реагировать на нарушения прав личности в самых разных сферах общественных отношений, что позволяет квалифицировать прокуратуру как один из ключевых субъектов правозащитного механизма государства [2, с. 57–61].

Так, к примеру, по данным прокуратуры Саратовской области за 2025 год, значительное количество обращений было связано с нарушением прав граждан на обеспечение льготными лекарственными препаратами.

В ходе проверок установлено, что Министерство здравоохранения Саратовской области несвоевременно заключало государственные контракты на поставку лекарств, что приводило к фактическому лишению льготников предусмотренных мер медицинского обеспечения. Прокуроры внесли представления об устранении нарушений законодательства, а также обратились в суды с исками в интересах граждан, в результате чего дефицит средств на закупку медикаментов был сокращен, а более 700 жителей области получили льготные препараты, необходимую помощь или денежную компенсацию [4].

Тем самым прокурорский надзор за соблюдением прав граждан в действиях (бездействии) органов исполнительной власти региона реализуется через комплекс мер реагирования, включая обращения в суд, и позволяет восстановить нарушенные социальные права значительного числа лиц.

В литературе подчеркивается, что прокурорское реагирование обладает превентивным и восстановительным потенциалом, поскольку ориентировано как на устранение уже допущенного нарушения, так и на предупреждение его повторения [8, с. 94–97].

Несомненно, важнейшим направлением правозащитной деятельности прокуратуры выступает обращение прокурора в суд. Статья 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает право прокурора обращаться в суд в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, а также публичных образований. Роль прокуратуры имеет особую ценность в тех случаях, когда лицо по возрасту, состоянию здоровья, социальному положению или иным объективным причинам не может самостоятельно реализовать свое право на судебную защиту. Это позволяет рассматривать прокуратуру не только как надзорный, но и как активный процессуальный субъект правозащитной деятельности [8, с. 88–91].

Не менее значима роль прокуратуры в уголовно-процессуальной сфере. В силу статьи 37 УПК РФ прокурор осуществляет от имени государства уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Указанное полномочие имеет прямое правозащитное направление, поскольку именно на досудебных стадиях наиболее возможны риски незаконного ограничения прав и свобод

личности. Поэтому прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве следует рассматривать как важнейшую гарантию обеспечения конституционных прав личности.

Особую значимость для раскрытия места прокуратуры в государственном механизме защиты прав и свобод имеет практика Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении от 11 апреля 2000 г. № 6-П Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил конституционную допустимость наделения прокуратуры специальными надзорными полномочиями, вытекающими из задач обеспечения законности. Указанная правовая позиция принципиальна, поскольку она демонстрирует, что особенности статуса прокуратуры не противоречат конституционной модели разделения властей, а обусловлены самостоятельным функциональным предназначением данного института. Иными словами, прокуратура не подменяет иные органы государственной власти, а действует в пределах собственной компетенции как инструмент поддержания конституционного правопорядка [5].

В дальнейшем правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации получили развитие применительно к пределам прокурорского вмешательства и соотношению надзорной деятельности с правами иных субъектов. В Постановлении от 17 февраля 2015 г. № 2-П Суд указал на необходимость соблюдения принципов соразмерности, правовой определенности и недопустимости произвольного вмешательства в деятельность организаций при реализации прокурорских полномочий. Данная позиция имеет методологическое значение для оценки правозащитной функции прокуратуры, поскольку подчеркивает, что сама деятельность прокурора, будучи направленной на охрану прав, также должна осуществляться в правовых формах, исключающих нарушение принципа законности[6].

Следует согласиться с научной позицией, где эффективность прокуратуры определяется не только широтой ее полномочий, но и степенью реального воздействия на восстановление нарушенных прав. [8, с. 102–106].

Так, в 2016 году прокуратура Саратовской области провела проверку соблюдения трудовых прав работников ПАО «Волгомост», осуществлявшего деятельность, в том числе, в Волжском и Заводском районах г. Саратова и в г. Энгельсе. Было установлено, что перед 514 работниками предприятия образовалась задолженность по заработной плате за август – сентябрь 2016 года в размере свыше 8,8 млн руб.

Прокуратура неоднократно привлекала руководителя общества к административной ответственности по ч. 4 ст. 5.27 КоАП РФ, вносила представления с требованием устранить выявленные нарушения. Одновременно прокуратура области направила информацию губернатору Саратовской области о наличии значительной дебиторской задолженности комитета капитального строительства региона перед ПАО «Волгомост» (около 145 млн руб.) с предложением принять меры по ее погашению.

В результате принятых мер указанная задолженность перед подрядчиком была погашена, что позволило предприятию рассчитаться с работниками

и полностью ликвидировать долги по заработной плате в подразделениях, расположенных на территории Саратовской области [7].

Из этого следует, что дальнейшее развитие правозащитной функции прокуратуры должно быть связано с совершенствованием взаимодействия прокуратуры с судами, органами контроля, институтами уполномоченных по правам человека и структурами гражданского общества.

Таким образом, прокуратура Российской Федерации по своему конституционному назначению, нормативно закрепленным полномочиям и сложившейся правоприменительной практике обоснованно рассматривается как ключевой субъект признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина [2, с. 83–85].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грачева О. А., Шутило О. В., Матушкин П. А. К вопросу об определении роли современной российской прокуратуры как основного правозащитного механизма в правовом государстве // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. С. 60–64.

2. Маркаров В. Р. Конституционно-правовой статус прокуратуры в Российской Федерации и зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование: специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право» : дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 191 с.

3. Омаров А. О. Роль прокуратуры в обеспечении конституционной законности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Махачкала, 2005. 156 с.

4. Прокуратура Саратовской области восстановила права на лекарства сотен льготников. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8362703 (дата обращения: 20.05.2026).

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2000 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона „О прокуратуре Российской Федерации“ в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26871/?ysclid=mqquw8xoxc499454811 (дата обращения: 10.006.2026).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февр. 2015 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона „О прокуратуре Российской Федерации“ в связи с жалобами ряда некоммерческих организаций и гражданки С. А. Ганнушкиной». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_137857/?ysclid=mqquyxi86789256357(дата обращения: 10.006.2026).

7. Прокуратура Саратовской области провела проверку соблюдения прав граждан на своевременную оплату труда в деятельности ПАО «Волгомост»

URL: http://industrialconflicts.ru/msg/4311232/w_saratowskoy_oblasti_blagodarya_wmeshatelystwu_prokur.html (дата обращения: 10.006.2026).

8. Ульянов А. Ю. Прокуратура в единой системе публичной власти. М. : РИОР, 2024. 127 с. URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/monography/3024/ view (дата обращения: 23.06.2026).

УДК 342.9

Деревесников Александр Владимирович
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
derevesnikov@mail.ru

К вопросу об определении времени совершения административного правонарушения (на примере части 1 статьи 12.8 КоАП РФ)

Аннотация. *В статье исследуется актуальная проблема правовой неопределенности при определении времени совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ. Автор анализирует нормы действующего законодательства, регулирующие содержание протоколов и меры обеспечения производства по делу. Особое внимание уделяется противоречивой судебной практике, включая позиции Верховного Суда РФ и кассационных судов. На основе сравнительного анализа с нормами уголовного права предлагается внесение изменений в ст. 1.7 КоАП РФ. Обосновывается необходимость законодательного закрепления момента совершения (пресечения) противоправного действия как времени совершения правонарушения.*

Ключевые слова: *административное правонарушение, время совершения правонарушения, КоАП РФ, состояние опьянения, судебная практика, протокол, правовая неопределенность.*

Derevesnikov Aleksandr Vladimirovich
candidate of legal sciences, associate professor
associate professor of the department of civil law disciplines
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

On the issue of determining the time of committing an administrative offense (on the example of Part 1 of Article 12.8 of the Administrative Code of the Russian Federation)

Annotation. *The article examines the actual problem of legal uncertainty in determining the time of commission of an administrative offense provided for by Part 1 of Article 12.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The author analyzes the norms of the current*

© Деревесников А. В., 2026

legislation regulating the content of the protocols and measures to ensure the proceedings in the case. Particular attention is paid to contradictory judicial practice, including the positions of the Supreme Court of the Russian Federation and cassation courts. On the basis of a comparative analysis with the norms of criminal law, it is proposed to amend Article 1.7 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The necessity of legislative consolidation of the moment of committing (suppressing) an unlawful act as the time of committing an offense is substantiated.

Keywords: *administrative offense, time of offense, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, state of intoxication, judicial practice, protocol, legal uncertainty.*

По смыслу отраслевого принципа административного права – принципа законности производства по делам об административных правонарушениях следует, что физическое или юридическое лицо, которое привлекается к административной ответственности, не может быть подвергнуто административному наказанию, а также мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении в отсутствие материальных (фактических) оснований и (или) в нарушение предусмотренного законом процессуального порядка [1, ст. 1.6, ч. 1].

Всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, определены КоАП РФ задачами производства по делам об административных правонарушениях [1, ст. 24.1].

К обстоятельствам, согласно КоАП РФ, подлежащим обязательному выяснению по делу об административном правонарушении относятся: наличие события административного правонарушения; лицо, совершившее противоправные действия (бездействие), за которые КоАП РФ или законом субъекта РФ предусмотрена административная ответственность; виновность лица в совершении административного правонарушения; обстоятельства, смягчающие административную ответственность и обстоятельства, отягчающие административную ответственность; характер и размер ущерба, причиненного административным правонарушением; обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении; иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, а также причины и условия совершения административного правонарушения [1, ст. 26.1].

Вышеприведенные обстоятельства по делу об административном правонарушении устанавливаются судьей, органом, должностным лицом, в производстве которых находится дело, на основании доказательств – любых фактических данных, отвечающих требованиям ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ.

Как известно, к доказательствам по делу об административном правонарушении относятся протоколы, предусмотренными КоАП РФ, объяснения лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, показания потерпевшего, свидетелей, заключения эксперта, иные документы, а также показания специальных технических средств, вещественные доказательства [1, ст. 26.2, ч. 1].

По общему правилу, в силу безусловного императива, закрепленного положениями КоАП РФ о совершении административного правонарушения, составляется протокол [1, ст. 28.2, ч. 1].

По мнению Верховного Суда РФ, требования к составлению протокола об административном правонарушении, установленные ст. 28.2 КоАП РФ, направлены на обеспечение соблюдения гарантий защиты прав лиц, привлекаемых к административной ответственности [2].

Содержание протокола предусмотрено КоАП РФ, в котором указывается дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, фамилии, имена, отчества, адреса места жительства свидетелей и потерпевших, если имеются свидетели и потерпевшие, место, время совершения и событие административного правонарушения, статья КоАП РФ или закона субъекта РФ, предусматривающая административную ответственность за данное административное правонарушение, объяснение физического лица или законного представителя юридического лица, в отношении которых возбуждено дело, иные сведения, необходимые для разрешения дела [1, ст. 28.2, ч. 2].

Обобщая судебную практику по делам об административных правонарушениях, Верховный Суд РФ указал, что место и время совершения административного правонарушения являются обстоятельствами, характеризующими событие административного правонарушения, в связи с чем они входят в предмет доказывания и подлежат установлению при разрешении каждого дела об административном правонарушении [3].

Как считает В. С. Королев, «поскольку положение ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ предполагает необходимость указания в протоколе об административном правонарушении времени совершения административного правонарушения, уполномоченное должностное лицо обязано установить соответствующие сведения» [4, с. 325].

Административная ответственность за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния предусмотрена ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ.

При этом, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, управление транспортным средством представляет собой целенаправленное воздействие на него лица, в результате которого транспортное средство перемещается в пространстве (вне зависимости от запуска двигателя) [5].

Верховный Суд РФ обратил внимание нижестоящих судов на то, что при рассмотрении дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ на основании полного и всестороннего анализа собранных по делу доказательств должны быть установлены все юридически значимые обстоятельства его совершения, в том числе время совершения противоправного деяния – время управления и остановки транспортного средства [6].

Главой 27 КоАП РФ закреплен закрытый перечень мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и порядок их применения. Так, одной из мер обеспечения производства является отстранение от

управления транспортным средством до устранения причины отстранения лица, которое управляет транспортным средством соответствующего вида и в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что это лицо находится в состоянии опьянения [1, ст. 27.12, ч. 1].

При этом, по правилам, предусмотренным действующим законодательством об отстранении от управления транспортным средством составляется соответствующий протокол [1, ст. 27.12, ч. 3].

В вышеназванном протоколе должны быть указаны: дата, время, место, основания отстранения от управления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о транспортном средстве и о лице, в отношении которого применена данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении [1, ст. 27.12, ч. 4].

Из чего следует, что перечень указанных сведений, подлежащих внесению в протокол об отстранении от управления транспортным средством, является закрытым и расширенному толкованию не подлежит в силу императивного характера юридического содержания диспозиции нормы. Это означает, что в протоколе об отстранении от управления транспортным средством не может быть указано время управления транспортным средством, как не предусмотренное данной нормой.

Управление водителем транспортным средством представляет собой процесс, растянутый во времени. Вместе с тем административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, с учетом объективной стороны состава данного административного правонарушения, не относится к длящемуся административному правонарушению [7].

Следовательно, временем совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ необходимо считать время остановки уполномоченным должностным лицом транспортного средства под управлением водителя, находящегося в состоянии опьянении, то есть время пресечения противоправного действия. При этом, в рассматриваемом случае время совершения противоправного действия, совпадает со временем его пресечения. Данный вывод опирается на правовые позиции и разъяснения Верховного Суда РФ.

Вместе с тем, в судебной практике просматривается правовая неопределенность в части, касающейся установления единого подхода к определению времени совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ.

Так, например, в постановлении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции приведено суждение о том, что временем совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, является время отстранения водителя, управлявшего транспортным средством в состоянии опьянения от управления транспортными средствами [8].

Между тем, например, в уголовном праве РФ проблема с определением времени совершения преступления решена.

Как следует из УК РФ, временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий [9].

С учетом вышеизложенного и для устранения правовой неопределенности, полагаю необходимым внести в ст. 1.7 КоАП РФ изменение, дополнив ее ч. 1.1 следующего содержания: «1.1. Временем совершения административного правонарушения признается время совершения (пресечения) противоправного действия (бездействия)».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026). URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_ 34661/ (дата обращения: 03.04.2026).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 ноября 2025 г. № 48-АД25-13-К7. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.04.2026).

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 декабря 2022 г.) (ред. от 25.03.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_435629/ (дата обращения: 03.04.2026).

4. Королев В. С. Проблематика определения времени совершения административных правонарушений, посягающих на общественную безопасность, связанных с нарушением требований пожарной безопасности: статья // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 324–329.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_327611/ (дата обращения: 03.04.2026).

6. Постановление Верховного Суда РФ от 10 ноября 2025 г. № 49-АД25-32-К6. URL: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi? req=doc&base=ARB&n =869515#sRnviFVgt29Kdc4U/ (дата обращения: 03.04.2026).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г № 5 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_52681/ (дата обращения: 03.04.2026).

8. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 октября 2024 г. № 16-5118/2024. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.04.2026).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026), ст. 9, ч. 2. URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.04.2026).

УДК 343.95

Домнина Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
ol-domni@yandex.ru

Печёнкина Алина Денисовна
студент, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
denisovna.alina2005@yandex.ru

Вызовы «цифровой рутины»: психологическая нагрузка и профессиональное выгорание работников судебной, прокурорской и правоохранительной систем в эпоху ускорения процессов и цифровизации

Аннотация. *В настоящей статье рассматривается актуальная на сегодняшний день проблема трансформации профессиональной деятельности работников судебной, прокурорской и правоохранительной систем под влиянием цифровизации. Анализируется феномен «цифровой рутины» как источник стресса, вызванного не столько внедрением новых технологий, сколько интенсификацией труда и ростом информационной нагрузки. Также особое внимание в работе уделяется анализу влияния постоянного взаимодействия с цифровыми системами, требованиям оперативного реагирования на киберугрозы и кадровому голоду в IT-секторе ведомств. Кроме того, подтверждается тезис о том, что цифровизация, представляемая как средство повышения эффективности, на практике может способствовать ослаблению роли человеческого фактора и усугублению проблем, связанных с профессиональной деформацией.*

Ключевые слова: *цифровая рутина, профессиональное выгорание, судебная система, прокурорская система, правоохранительная система, информационные технологии.*

Domnina Olga Viktorovna
candidate of legal sciences, associate professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Pechenkina Alina Denisovna
student Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Challenges of the “digital routine”: the psychological burden and professional burnout of employees of the judicial, prosecutorial and law enforcement systems in the era of accelerating processes and digitalization

© Домнина О. В., Печёнкина А. Д., 2026

Annotation. *This article examines the current problem of the transformation of the professional activities of employees of the judicial, prosecutorial and law enforcement systems under the influence of digitalization. The phenomenon of "digital routine" is analyzed as a source of stress caused not so much by the introduction of new technologies as by the intensification of work and the increase in information load. Special attention is also paid to the analysis of the impact of constant interaction with digital systems, the requirements for rapid response to cyber threats and staff shortages in the IT sector of departments. In addition, the thesis is confirmed that digitalization, which is presented as a means of increasing efficiency, in practice can contribute to weakening the role of the human factor and exacerbating the problems associated with professional deformation.*

Keywords: *digital routine, professional burnout, judicial system, prosecutorial system, law enforcement system, information technology.*

Сегодня развитие государственных органов отличается всеобщей цифровизацией, представляемой средством для повышения их эффективности и обеспечения прозрачности. Однако стоит заметить, что практика внедрения информационных технологий в деятельность судебной, прокурорской и правоохранительной систем демонстрирует наличие существенных противоречий. Это проявляется в том, что использование автоматизированного документооборота и электронных систем правосудия, призванного оптимизировать рабочие процессы, парадоксальным образом приводит не к снижению, а к усилению нагрузки на специалистов, вопреки первоначальным ожиданиям. Отсюда и возникает феномен «цифровой рутины». Это состояние характеризуется монотонным, но при этом чрезвычайно требовательным к вниманию взаимодействием с цифровыми интерфейсами, что осложняется стремительным увеличением объемов информации, подлежащей обработке.

Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что работники рассматриваемых систем с самого начала подвержены высокому уровню стресса в своей профессиональной деятельности. А также дополнительное давление со стороны цифровой эпохи – необходимость мгновенной реакции, многозадачность и постоянный цифровой контроль – повышает риск профессиональной деформации и проявления синдрома эмоционального выгорания работников. Ситуация в правоохранительных органах усугубляется «кадровым голодом» специалистов в IT-секторе. Еще в 2022 году статс-секретарь – заместитель министра внутренних дел РФ – Игорь Зубов заявил о нехватке 170 тысяч IT-специалистов в правоохранительной системе. Следствием данного фактора является перегрузка юристов, снижение качества правосудия и оперативной деятельности, а также негативно сказывается на физическом и психическом здоровье работников.

Цифровизация рабочего процесса кардинально изменила распределение времени представителей судебной, прокурорской и правоохранительной систем. Если ранее их деятельность преимущественно заключалась в когнитивном анализе доказательств и межличностной коммуникации, то сегодня значительная часть рабочего времени посвящена техническому обеспечению процессуальных решений в цифровом формате. Такое непрерывное взаимодействие с государственными информационными системами, требующее постоянную работу с множеством учетных записей, баз данных и интерфейсов, способству-

ет развитию клипового сознания в профессиональной среде. Следовательно, в таких ситуациях человек склоне концентрироваться на каких-то коротких сведениях, часто без глубокого анализа и понимания контекста. Также В. А. Бодров в своей работе «Психология профессиональной деятельности» отмечал, что постоянное переключение внимания между десятками учетных записей и баз данных может привести к истощению когнитивных ресурсов, в частности и оперативной памяти [1, с. 185–192]. Для таких специалистов, как дознаватели, следователи, прокуроры и судьи, а также других представителей правоохранительной системы, это чревато снижением их способности к критическому восприятию информации – ключевого качества для объективного установления истины. Кроме того, необходимо отметить, что большие объемы цифровых данных, получаемых в ходе следствия, как правило, создают эффект информационного шума, вызывая у юристов когнитивную перегрузку, повышенную тревожность и чувство беспомощности.

Необходимо также обратить внимание на то, что цифровизация хоть и ассоциируется с повышением скорости, однако в сфере правоприменения она создает парадоксальную ситуацию. Жесткие процессуальные сроки, подкрепленные мониторингом со стороны руководства через информационные платформы, в условиях необходимости оперативного реагирования на киберугрозы, формируют среду постоянного стресса. Расследование преступлений в сфере компьютерных технологий требует от работников правоохранительных органов сочетания знаний как в юридической, так и в IT-сфере, что чаще всего отсутствует. Кроме того, постоянное давление временных рамок приводит к состоянию «работы в режиме цейтнота». Лишая представителей правоохранительной системы чувства контроля над ситуацией [2, с. 39–47]. Также ускорение рабочего процесса без пропорционального увеличения времени на восстановление приводит к нарушению баланса в системе «труд-вознаграждение». Особую роль здесь играет цифровое супервизорство: автоматизированные системы представляют руководству полную картину деятельности работников в реальном времени. Это создает эффект «паноптикона», где постоянное наблюдение повышает уровень тревожности и подрывает автономию, которая ранее служила компенсаторным механизмом профессионального стресса [5, с. 278–288].

Еще одной из главных проблем правоохранительной системы является критическая нехватка IT-специалистов. В связи с эти дознаватели, следователи, прокуроры и судьи должны выполнять работу, которая требует знаний в сфере информационных технологий. Такое расширение обязанностей не просто снижает эффективность выполнения юридических задач, но также вызывает у работников стресс и чувство профессионально непригодности. Стоит отметить, что технологические трудности, которые возникают в процессе работы, отнимают у юриста много времени от выполнения основных задач и вызывают чувство профессионального выгорания и мысль сменить род деятельности [6, с. 278–282].

Развитие цифровых технологий в настоящее время также повлияло и кардинально изменило природу человеческого фактора в работе правоохранительных органов. Если ранее термин «человеческий фактор» означал ошибки, вы-

званные невнимательностью или нарушением правил, то в цифровую эпоху это понятие расширяется. В первую очередь, наблюдается дегуманизация профессионального общения. Электронный документооборот вытесняет живое общение между представителями судебной, прокурорской и правоохранительной системами. Следствием этого является снижение эмоциональной составляющей работы, важной для установления психологического контакта между людьми и предотвращения выгорания, а также затрудняет невербальное общение, что может привести к выбору и использованию формального подхода. Во-вторых, распространяется синдром «технологической зависимости», который проявляется в том, что работники становятся чрезмерно зависимыми от информационных технологий, теряя навыки ручной аналитической работы. При сбоях в электронных системах это приводит к профессиональной беспомощности. И, в-третьих, меняется характер профессиональной деформации: к эмоциональной черствости и цинизму добавляется цифровой аутизм – состояние, которое характеризуется замкнутостью, снижением общительности, раздражительностью при необходимости личного контакта, что является следствием полного погружения в виртуальную среду [7, с. 31–42].

Взаимодействие вышеуказанных факторов приводит к формированию особой модели профессионального выгорания. Традиционная модель, которая включает три компонента – эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция личных достижений, в условиях цифровой рутины претерпевает существенные изменения. Эмоциональное истощение усугубляется из-за постоянного напряжения внимания при работе с однообразными цифровыми системами, что является как раз причиной переутомления нервной системы. Деперсонализация, проявляющаяся в цинизме по отношению к работе, усиливается вследствие того, что объектом взаимодействия становится не человек, а дело в электронном виде, цифровой код или абстрактная статическая единица. Кроме того, работник превращается в «придаток» к компьютерной программе, где его профессионализм оценивается не по качеству выполненной работа, а по количеству внесенных записей в реестр, усиливается и редукция личных достижений. Во многих работах современных ученых отмечается, что отсутствие видимого, осязаемого результата труда, все более опосредованного информационными технологиями, подрывает смысл профессии [3, с. 91–97]. Это представляет особую опасность для судебной, прокурорской и правоохранительной систем, где изначальная мотивация работников связана с высокой социальной значимостью их деятельности.

Подводя итог, стоит отметить, что использование информационных технологий в судебной, прокурорской и правоохранительной деятельности сопровождается рядом скрытых проблем, которые требуют решения. Кроме того, работа в цифровой среде, характеризующаяся постоянным контролем, высокой скоростью работы и выполнением множества задач одновременно, становится сильнейшим катализатором профессионального выгорания. Чтобы снизить уровень психологической нагрузки и профессиональной выгорания у работников судебной, прокурорской и правоохранительной систем необходимо разработать комплексные программы психологической поддержки. А также не менее

важно наличие доступной конфиденциальной психологической помощи. Кроме того, необходимо внедрить систему организационно-психологического сопровождения, которая будет включать в себя проведение регулярных мониторингов уровня стресса и выгорания у работников, а также организацию обучающих программ по управлению свои психоэмоциональным состоянием. Особого внимания заслуживает внедрение среди работников судебной, прокурорской и правоохранительной систем практики тайм-менеджмента, поскольку планирование рабочего времени и расстановка приоритетов позволяют снизить уровень стресса, избежать эмоциональное истощение и повысить продуктивность служебной деятельности [4, с. 53–67]. Также рекомендуется проводить регулярные супервизии и межкомандные встречи для обсуждения сложных случаев, что будет способствовать снижению уровня изоляции и профессионального цинизма и формированию поддерживающей корпоративной культуры.

Таким образом, если не учитывать психологическую составляющую цифровизации, существует риск снижения не только качества жизни работников судебной, прокурорской и правоохранительной систем, но и эффективности функционирования этих систем в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности : учеб. пособие для вузов. 4-е изд. М. : ПЕР СЭ, Ай Пи Ар Медиа, 2024. 512 с.

2. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб. : Питер, 2005. 336 с.

3. Дидичев А. Ю., Трушкова С. В. Цифровизация и ее воздействие на профессиональное выгорание // Гуманитарный научный вестник. 2025. № 3. С. 91–97.

4. Петров В. Е., Коваленко Е. В. Психология тайм-менджмента в деятельности руководителей органов внутренних дел : учеб.-метод. пособие / МВД России, Федер. гос. казен. образоват. учреждение доп. проф. образования «Всерос. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России», Центр изучения проблем доп. проф. образования. Домодедово : ВИПК МВД России, 2012. 75 с.

5. Попов Д. В. Цифровой Паноптикон: устанавливая пределы. // Научный вестник Омской академии МВД Росии. 2024. № 3(94). С. 278–288.

6. Пустовитова Д. А., Чеснокова И. А. Особенности влияния информационных технологий на морально-психологическое состояние сотрудников полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 5. С. 278–282.

7. Сапогов В. М. Влияние процессов цифровизации на состояние и развитие профессионального сознания у сотрудников органов внутренних дел // Московский юридический журнал. 2023. № 2. С. 31–42.

УДК 347.963

Иразиханов Абдула Алибекович
соискатель, Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
agp@agprf.org

Место прокурорского надзора в системе защиты трудовых прав иностранных работников

Аннотация. *В статье рассматривается роль органов прокуратуры Российской Федерации в системе защиты трудовых прав иностранных граждан и лиц без гражданства. Актуальность исследования обусловлена возрастающей численностью трудовых мигрантов и спецификой их правового положения, часто сопряженного с повышенными рисками нарушений трудового законодательства. В работе выявляются особенности реализации прокурорского надзора в данной сфере, включая взаимодействие с другими государственными органами, судебными инстанциями и общественными объединениями. Особое внимание уделяется уникальному положению прокуратуры как надведомственного органа, способного эффективно реагировать на нарушения как в отношении индивидуальных работников, так и в интересах неопределенного круга лиц. Делается вывод о ключевом значении прокурорского надзора как гаранта соблюдения законности и обеспечения доступа к правосудию для наиболее уязвимых категорий трудовых мигрантов*

Ключевые слова: *органы прокуратуры, надзор, контроль, место, защита трудовых прав, миграция, мигранты, взаимодействие.*

Irazikhanov Abdul Alibekovich
applicant, Saint-Petersburg Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Saint-Petersburg, Russian Federation

The role of prosecutorial supervision in protecting the labor rights of foreign workers

Annotation. *The article examines the role of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the system of protecting the labor rights of foreign citizens and stateless persons. The relevance of the study is due to the increasing number of labor migrants and the specific nature of their legal status, which often involves increased risks of violations of labor legislation. The article identifies the specific features of prosecutorial supervision in this area, including cooperation with other government agencies, judicial institutions, and public associations. Special attention is given to the unique position of the Prosecutor's Office as a supra-departmental body that can effectively respond to violations both in relation to individual workers and in the interests of an indefinite number of individuals. It is concluded that prosecutorial supervision is crucial as a guarantor of compliance with the law and ensuring access to justice for the most vulnerable categories of migrant workers.*

Keywords: *prosecutor's office, supervision, control, place, protection of labor rights, migration, migrants, interaction.*

© Иразиханов А. А., 2026

Осуществление уполномоченными органами государственной власти контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства является ключевым элементом защиты трудовых прав.

Как считает О. А. Сазонова, федеральный государственный контроль и надзор служат действенным механизмом в реализации проводимой страной политики в сфере трудовой деятельности иностранных работников [10, с. 13]. В силу специфики законодательства, трудовое право рассматривает понятия контроль и надзор как тождественные.

Органами государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства признаются органы прокуратуры, федеральная инспекция труда, а также другие органы исполнительной власти. Особенности осуществления иными органами государственной власти своих полномочий регламентированы следующими статьями Трудового кодекса РФ: ст. 366 (Федеральный государственный надзор в области промышленной безопасности); ст. 367 (Федеральный государственный энергетический надзор); ст. 368 (Федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор) и т. д.

Важнейшее значение в реализации государственного контроля (надзора) за осуществлением трудовой деятельности иностранными работниками имеет федеральная инспекция труда в виде ее территориальных подразделений – государственных инспекций труда субъектов.

В силу ст. 32 Закона № 115-ФЗ [11], предметом федерального государственного контроля (надзора) за трудовой деятельностью иностранных работников является соблюдение работодателем требований в сфере миграции.

По нашему мнению, предмет государственного контроля (надзора) за трудовой деятельностью иностранных работников необходимо формулировать в зависимости от сферы отношений, в которой осуществляется деятельность конкретного органа государственной власти.

Таким образом, предметом контроля (надзора) государственной инспекции труда в части исполнения законодательства о труде иностранных работников, является надлежащая реализация трудовых прав работников, а также соблюдение трудового законодательства субъектами правоотношений.

Как справедливо замечает А. Ю. Крылова, «специфика контроля и надзора за трудовой деятельностью иностранных работников проявляется в правовой базе и механизме, на основе которого осуществляются проверки» [4, с. 146]. Государственная инспекция труда должна уделять особое внимание надлежащему исполнению трудового законодательства в части обеспечения прав работников.

В свою очередь, А. С. Астапова и А. Н. Хорунжая отмечают, что органы федеральной инспекции труда осуществляют мероприятия по контролю за соблюдением работодателями трудовых прав иностранных граждан и лиц без гражданства, а также обеспечивают и надзирают за соблюдением ограничений по применению труда иностранных работников [1, с. 215].

Наиболее очевидным примером реализации указанного аспекта деятельности является информирование через официальные порталы государственной инспекции труда о необходимости соблюдения ограничений по использованию

иностранной рабочей силы, ежегодно устанавливаемых Правительством РФ. Так, например, государственная инспекция в Республике Башкортостан 5 апреля 2025 года на официальном сайте разъяснила, что был расширен список профессий для иностранных специалистов, на которых не распространяются установленные квоты.

С нашей точки зрения, аспекты соблюдения квотирования рабочих мест для иностранных работников не должны быть первостепенным направлением деятельности государственной инспекции труда. Считаем, что анализируемому органу необходимо, прежде всего, сосредоточиться на соблюдении трудовых прав иностранных работников. Именно на защиту законных интересов трудящихся должны быть направлены основные мероприятия, осуществляемые государственной инспекцией труда. Государственная инспекция труда, при выявлении нарушений, эффективно применяет предусмотренные законом акты реагирования, что подтверждается различной правоприменительной практикой.

Несмотря на то, что в доктрине имеются примеры правоприменительной практики, подтверждающие эффективность государственной инспекции труда в защите трудовых прав иностранных работников, в юридической науке существуют мнения, согласно которым деятельность анализируемого органа сопряжена с некоторыми проблемами.

Как замечает Г. А. Майстренко, в Российской Федерации отсутствуют эффективные каналы правовой защиты. Мигранты крайне редко обращаются в официальные структуры, в основном, по трем причинам: незнание своих прав, предусмотренных законом; уверенность в невозможности улучшить ситуацию; страх потерять работу [5].

В этой связи, деятельность государственной инспекции труда должна основываться на мероприятиях по разъяснению действующего законодательства путем размещения информации, подготовленной должностными лицами, в средствах массовой информации и на порталах органов государственной власти в сети Интернет. Также профессиональные обязанности инспекторов должны состоять в консультировании работодателей и работников в части применения законодательства о трудовых правах, в том числе распространяющихся на иностранных работников. Государственная инспекция труда должна незамедлительно реагировать на информацию о нарушении прав иностранных работников.

Допустимо сделать вывод, что государственная инспекция труда обязана предпринимать меры по выявлению и устранению нарушений трудовых прав иностранных работников, а также причин и условий, способствующих их совершению. Данный аспект является основополагающим при определении особенностей осуществления надзора именно инспекцией труда. При этом, вопросы соблюдения законодательства о нахождении иностранных граждан на территории Российской Федерации не входят в компетенцию государственной инспекции труда. Инспекция активно взаимодействует с иными органами государственной власти, получая от них необходимую информацию, а в случае выявления нарушений ее должностными лицами применяются соответствующие акты реагирования.

Тем не менее, при осуществлении государственной инспекцией труда надзора за соблюдением трудовых прав иностранных граждан возникают определенные трудности. Так, считаем, что число нарушений может быть уменьшено в случае надлежащей профилактической работы со стороны должностных лиц инспекции.

Особая роль иностранной рабочей силы в экономическом развитии государства позволяет говорить о необходимости разработки отдельной статьи, посвященной контролю (надзору) за соблюдением трудовых прав иностранных работников. Данную статью необходимо зафиксировать в главе 50.1 ТК РФ.

Следует подчеркнуть, что государственная инспекция труда является не единственным органом, уполномоченным осуществлять контроль (надзор) за соблюдением законодательства о применении иностранной рабочей силы.

Как считает В. Ю. Горбунов, осуществление контроля в сфере соблюдения миграционных правил и трудовой деятельности иностранных работников является одной из обязанностей полиции, которая была закреплена за ней после упразднения Федеральной миграционной службы. [3, с. 129]

Предметом надзора органов внутренних дел за соблюдением законодательства о привлечении иностранной рабочей силы является надлежащее исполнение норм Трудового кодекса РФ, Закона № 115-ФЗ [11], а также иных нормативных правовых актов в части порядка привлечения иностранного гражданина и лица без гражданства к выполнению трудовой функции на территории Российской Федерации. Органы внутренних дел (полиция) рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 18.15–18.18, частью 1 статьи 18.19, статьями 18.20 КоАП РФ [2, с. 27].

Как замечают З. Н. Столярова и Е. А. Демакова, «различные административные правонарушения в сфере внешней трудовой миграции могут носить стихийный, либо периодический характер, и являться непродолжительными по времени, поэтому требуют незамедлительного реагирования» [6]. Авторы считают целесообразным внести изменения в Федеральный закон «О полиции» в части предоставления сотрудникам права на проникновение в помещения и территории, занимаемые организациями в целях профилактики правонарушений в сфере трудовой миграции.

С нашей точки зрения, разрешение указанной проблемы должно строиться на модернизации направлений деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия незаконному привлечению к трудовой деятельности иностранных работников. В частности, надзорному органу необходимо уделять особое внимание предупреждению и профилактике административных правонарушений в рассматриваемой сфере.

Следует подчеркнуть, что органы внутренних дел, в качестве органа, осуществляющего контроль (надзор) в сфере соблюдения законодательства о трудоустройстве иностранных работников в Трудовом кодексе РФ не упоминаются. В этой связи разработка предлагаемой статьи имеет первостепенное значение для формирования единой системы контрольно-надзорных органов в сфере соблюдения законодательства о привлечении иностранной рабочей силы.

Таким образом, считаем целесообразным зафиксировать в главе 50.1 ТК РФ статью 327.8 с соответствующим наименованием: «Государственный контроль (надзор) в сфере соблюдения законодательства о привлечении иностранной рабочей силы».

Трудовое законодательство, как уже было отмечено выше, не разграничивает государственный контроль и надзор. Тем не менее, с нашей точки зрения, данные понятия необходимо различать.

Так, надзор – это деятельность, осуществляемая, как правило, в отношении неподконтрольных субъектов, которая не связана с вмешательством в деятельность поднадзорного, и имеющая своей целью исключительно выявление правонарушений в деятельности поднадзорных субъектов.

Государственный контроль также можно охарактеризовать посредством определенных признаков. Во-первых, отношения между контролирующим объектом и субъектом находятся в подчиненности (в ряде случаев подконтрольности). Во-вторых, объектом государственного контроля выступает законность и целесообразность действий контролируемого. В-третьих, органы контроля зачастую наделены особым правом отменять решения контролируемого [9, с. 51].

Таким образом, ключевое различие контроля и надзора заключается в том, что контроль осуществляется, в отличие от надзора, как правило, в отношении подчиненных субъектов. В государственной политике по противодействию нарушению федерального законодательства ключевое значение имеет осуществление органами прокуратуры надзора за соблюдением трудовых прав граждан, в том числе в части привлечения к труду иностранной рабочей силы.

Как замечает И. В. Черепанова, прокуратура наделена полномочиями по защите законных прав государства, общества и личности [12, с. 102].

Органы прокуратуры уполномочены осуществлять надзор за соблюдением законов во всех сферах трудовых правоотношений. Следует сказать, что прокуратура проверяет соблюдение и исполнение законов при осуществлении деятельности иными органами государственной власти.

С учетом выбранной темы для понимания места прокурорского надзора отметим, что в ряде организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации регламентировано, что на органы прокуратуры возложена обязанность по выявлению организаций и индивидуальных предпринимателей, уклоняющихся от оформления трудовых отношений с гражданами, выполняющими трудовые функции, либо заключивших с работниками гражданско-правовые договоры с целью скрыть фактические трудовые отношения (п.1.3.) [7].

Вместе с тем, прокурорам всех уровней в соответствии с компетенцией, в рамках предоставленных законом полномочий поручено добиваться эффективного противодействия незаконной миграции; обеспечения прав участников миграционных отношений – граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, их защиты от преступных посягательств; предупреждения межнациональных конфликтов; недопущения незаконного привлечения к трудовой деятельности нелегальных мигрантов; предотвращения

вовлечения мигрантов в криминальную среду, экстремистскую, террористическую, коррупционную деятельность [8].

Особую значимость прокурорская деятельность приобретает в отношении иностранных граждан, которые в силу своего правового и социально-экономического положения являются наиболее уязвимой категорией участников трудовых отношений. Факторы, такие как языковой барьер, низкий уровень правовой грамотности, отсутствие социальных связей, экономическая зависимость от работодателя и, нередко, страх перед депортацией или иными административными последствиями, препятствуют им в самостоятельной, полноценной и своевременной защите своих прав. В таких условиях, когда иностранные работники не всегда осведомлены о своих правах, боятся обращаться в официальные инстанции или не имеют доступа к квалифицированной юридической помощи, прокурорский надзор выступает в качестве фактически безальтернативного механизма, способного обеспечить реальную защиту их трудовых интересов.

В отличие от других органов, обладающих специализированной компетенцией (Государственная инспекция труда, осуществляющая государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства; суды, рассматривающие индивидуальные и коллективные трудовые споры; миграционные органы, сосредоточенные на вопросах законности пребывания), органы прокуратуры обладают обобщающей и координирующей функцией. Они не только дополняют их деятельность, заполняя имеющиеся пробелы в защите прав и координируя усилия различных ведомств, но и инициируют действия этих органов, когда они бездействуют или их полномочий недостаточно для комплексного решения проблемы.

В случаях когда иные средства правовой защиты исчерпаны или недоступны для иностранного работника, именно прокурорские меры могут стать единственным эффективным инструментом восстановления справедливости и привлечения виновных к ответственности, включая самые серьезные виды – административную и уголовную.

Таким образом, прокурорский надзор выступает не только как «реактивный механизм» по устранению последствий нарушений, но и как «проактивный фактор, способствующий предупреждению подобных фактов и формированию устойчивого правопорядка».

В системе защиты трудовых прав иностранных работников прокурорский надзор занимает особое, центральное место, обусловленное его конституционно-правовым статусом и широким спектром полномочий.

Его надведомственный и универсальный характер позволяет осуществлять комплексный и всеобъемлющий контроль за точным и единообразным исполнением не только трудового, но и миграционного, административного, а также иных отраслей законодательства, регулирующих правовое положение иностранных граждан. Этот контроль распространяется на всех субъектов правоотношений: от работодателей и их должностных лиц до органов государственной власти, местного самоуправления и общественных объединений, чья

деятельность так или иначе связана с привлечением и использованием иностранной рабочей силы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Астапова А. С., Хорунжая А. Н. Основные задачи и полномочия Федеральной инспекции труда // Молодежь и XXI век – 2019 : материалы IX Междунар. молодежной науч. конф. Курск, 2019. С. 215.

2. Винокуров А. Ю. Предмет прокурорского надзора за исполнением законов, и статья 77 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Административное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 27.

3. Горбунов В. Ю. Федеральный государственный контроль (надзор) за трудовой деятельностью иностранных работников: некоторые аспекты правового регулирования. // Право и образование. 2018. № 7. С. 129.

4. Крылова А. Ю. Нормативно-правовые основы государственного контроля и надзора в сфере охраны труда // Проблемы техносферной безопасности: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых. 2020. № 9. С. 146.

5. Майстренко Г. А. Защита трудовых прав мигрантов в Российской Федерации: правовое регулирование // Образование и право. 2020. № 10.

6. Столярова З. Н., Демакова Е. А. Некоторые аспекты совершенствования контрольно-надзорной деятельности органов внутренних дел в сфере внешней трудовой миграции // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXV Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Восточно-Сибирский ин-т Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 351–355.

7. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 05 февраля 2024 г. № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 12 апреля 2024 г. № 273 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере миграции» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Прохорова О. С. Проблема соотношения понятий «государственный контроль» и «государственный надзор» в сфере предпринимательской деятельности // Юность и знания – гарантия успеха 2021 : сб. науч. тр. 8-й Междунар. молодежной науч. конф. В 3 т. Т. 2. Курск, 2021. С. 50–53.

10. Сазонова О. А. Федеральный государственный контроль (надзор) за трудовой деятельностью иностранных работников в РФ // Инновационная наука. 2017. № 1. С. 159–160

11. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Черепанова И. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере миграции // Надзор за исполнением законов. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве и арбитражном процессе : курс лекций. Ч. 3 /

под общ. ред. Н. Н. Карпова ; Университет прокуратуры Российской Федерации. М., 2019. С. 102.

УДК 343.326

Корж Павел Анатольевич
старший преподаватель кафедры
уголовного, государственного права
и исполнительного производства
Западно-Уральский институт экономики и права
Пермь, Российская Федерация
korzh2006@gmail.com

Вопросы противодействия диверсионно-террористической активности противника на территории России

Аннотация. *В статье исследуется диверсионно-террористическая активность украинских спецслужб на территории России. Отмечается роль западных спецслужб в ее организации. Выделяются основные направления угроз и способы привлечения исполнителей. Предлагаются основные направления совершенствования мер противодействия со стороны правоохранительных органов России. Отмечается необходимость учета соответствующего опыта в предыдущих войнах.*

Ключевые слова: *диверсионно-террористическая деятельность, терроризм, Специальная военная операция, правоохранительные органы.*

Korzh Pavel Anatolievich
senior lecturer of the West-Ural
institute of economics and law
Perm, Russian Federation

Countering the enemy's sabotage and terrorist activities on Russian territory

Annotation. *This article examines the sabotage and terrorist activities of Ukrainian intelligence agencies in Russia. The role of Western intelligence agencies in organizing these activities is highlighted. The main threat vectors and methods for engaging perpetrators are identified. Key areas for improving countermeasures by Russian law enforcement agencies are proposed. The need to consider relevant lessons learned from previous wars is emphasized.*

Keywords: *sabotage and terrorist activities, terrorism, special military operation, law enforcement agencies.*

Продолжение Специальной военной операции обусловливает не только изменение тактики на фронте, но и тактики проведения диверсионно-террористической активности на территории нашей страны со стороны спец-

© Корж П. А., 2026

служб Украины и активно поддерживающих их государств – членов НАТО. Эти изменения являются следствием развития средств вооруженной борьбы и их физического наличия, важностью и доступностью целей поражения, возможностями привлечения исполнителей и развитием вовлеченности в конфликт стран НАТО. При этом можно отметить сильное различие диверсионно-террористической активности в отношении новых регионов России и остальной территории нашей страны. Далее рассмотрим особенности диверсионно-террористической активности на современном этапе.

Во-первых, необходимо отметить объекты этой деятельности. Для основной территории России, традиционно, это объекты транспортной инфраструктуры. Прежде всего инфраструктуры авиа- и железнодорожного сообщения, причем, неприменительно к воинским перевозкам. Но если для атак на железнодорожную инфраструктуру привлекаются завербованные исполнители на нашей территории, то атаки на авиационную инфраструктуру осуществляются при помощи массового запуска беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) большой дальности. К сожалению, для большинства гражданских аэропортов западной и центральной части России задержки рейсов, особенно в ночное время, стали вполне привычным явлением.

Также традиционно, объектами атак становится промышленность. Прежде всего, военного назначения, а также топливно-энергетического комплекса. Для атак на эти цели, в основном, применяются БПЛА дальнего радиуса действия, как правило, в небольшом количестве (1–3 на объект). В ряде случаев в отношении приграничных территорий применяются иностранные ракеты ближнего и среднего радиуса действия типа SCALP/Storm Shadow. Также, особенно в последнее время, наблюдается усиление попыток ударов по портовой инфраструктуре, как правило, связанной с топливно-энергетическим комплексом. Вызывает некоторое удивление, что зачастую эта инфраструктура имеет не только российских, но и западных собственников, например атаки на Каспийский трубопроводный консорциум.

К сожалению, увеличивается количество нападений на объекты ядерной инфраструктуры, прежде всего на атомные электростанции. Первоначально это была Запорожская АЭС, в дальнейшем к ней добавилась Курская АЭС, при этом явно, что основной целью курской операции ВСУ в августе 2024 г. была именно Курская АЭС. В последнее время можно отметить активность воздушных атак в районе Ленинградской АЭС. Пока серьезных поражения объектов ядерной энергетики не происходило, но тенденция довольно тревожная.

В этой же связи можно отметить и нападения на объекты ядерно-стратегической триады. Прежде всего, радары загоризонтного обнаружения и места базирования стратегических бомбардировщиков. Поскольку никакого отношения к проводимой СВО они не имеют, можно обоснованно предположить, что это делается по заданию западных кураторов ВСУ в целях изучения защиты этих объектов и их частичного выведения из строя в целях своей военной подготовки.

Кроме атак на промышленные объекты возрастает именно террористическая активность в отношении конкретных лиц. Прежде всего, это старшие офи-

церы и руководители предприятий оборонно-промышленного комплекса. Для таких атак применяется завербованная агентура с прямой интернет-связью с заказчиками путем современных мессенджеров и веб-камер. Также отмечаются регулярные попытки террористических нападений на группы российских военнослужащих как в местах их размещения (например, военные училища, посты полиции), так и путем включения в гуманитарные потоки. Так, можно отметить недавнюю попытку провести в зону СВО под видом гуманитарной помощи стелек для обуви, снабженных взрывными устройствами.

Но если вышеуказанные объекты можно, в какой-то мере, считать военными целями, атака которых возможна в условиях боевых действий, то чисто террористическими и не имеющими никаких оправданий являются атаки на жилые массивы. Наиболее это характерно для приграничных территорий (Белгородская, Курская области, Краснодарский край), Волгоградской и Московской областей и города Москвы. Также наносятся удары и по другим регионам, но не так массово, например, в ходе подготовки данной статьи пришла информация о налете на г. Ярославль. Эти атаки, как правило, наносятся иностранными ракетами типа SCALP/Storm Shadow и БПЛА самолетного типа.

Также отдельным элементом активности противника можно выделить телефонное мошенничество. Оно, хотя и не относится к террористическим преступлениям, большей частью совершается именно с территории Украины, и многие потерпевшие в дальнейшем выводятся именно на террористические действия. Кроме того, необходимо выделить сетевые кибератаки в том числе на критическую инфраструктуру нашей страны. Как правило, они также производятся с территории Украины, а также со стороны стран НАТО.

Выше были рассмотрены основные объекты атак ВСУ по «классической» территории России. Специфика выбора целей и применимое оружие в новых регионах (Луганская и Донецкая Народные Республики, Херсонская и Запорожская области) кардинально отличаются. Прежде всего это чисто террористические атаки по местам массового скопления людей (рынки, иные торговые объекты, предприятия общепита, транспортная инфраструктура), по жилым домам. В качестве отдельных целей украинских террористов необходимо выделить детские и медицинские учреждения (включая машины скорой медицинской помощи). Для атак по этим территориям, как правило, применяются РСЗО типа HIMARS и малые БПЛА, обычно, типа fpv-дронов. Необходимо отметить, что в прифронтовых районах fpv-дроны постоянно используются для «охоты» за местным населением, особенно – за детьми. К сожалению, автор сам становился свидетелем подобных террористических атак.

Во-вторых, встает вопрос о субъектах вышеуказанных диверсионно-террористических действий. Разумеется, что заказчиками выступают украинские спецслужбы, тесно связанные со спецслужбами стран НАТО, прежде всего США и Великобритании, которых можно отметить как координаторов этой деятельности. Используются слишком широкие технические, агентурные и логистические возможности, явно недоступные для Украины.

Серьезнее вопрос об исполнителях. И если на новых территориях и в приграничных районах иногда еще применяются украинские диверсионно-

разведывательные группы, то в остальном – это агентура из числа наших граждан, реже – мигрантов. И, как уже ранее нами отмечалось, динамика террористической войны прошла от использования идейно готовых на это пойти активистов различных, запрещенных ныне, организаций в сторону массовой вербовки разовых исполнителей, как правило, на корыстной основе [2, с. 250].

И в первую очередь речь идет о подростках. Это, пожалуй, самый массовый объект вербовок. В 2025 году, количество осужденных по террористическим составам несовершеннолетних выросло в 2,5 раза. И это только в сравнении с 2024 г. Как правило, это юноши, учащиеся школ или колледжей, в возрасте 14–20 лет. Первичный отбор производится из онлайн-групп, далеко не обязательно террористического или экстремистского содержания, путем анализа комментариев, репостов и иной активности в соцсетях, в ряде случаев – с игровых интернет-платформ. Затем производится связь через мессенджер и вербовочный подход. И кроме юношеского максимализма, радикализма, определенной агрессивности и вполне естественного желания заработать, значительную роль, на наш взгляд, играет отсутствие идеологического воспитания. Неосознавание себя как части общества, как гражданина, а также развиваемая массовой культурой индивидуализация, создают условия для вербовки. Оружие и взрывные (зажигательные) устройства производятся самостоятельно под руководством через мессенджеры, либо агентура выводится на тайники и схроны. В ряде случаев взрывчатые вещества доставляются через почтовые службы (или под их видом).

Вторым массовым вариантом являются потерпевшие от случаев телефонного или интернет-мошенничества. На них выходят под видом представителей российских спецслужб и предлагают для возвращения похищенного участие в «оперативной комбинации». Вышеуказанные лица используются однократно.

Кроме этого вербовочные подходы проводятся в отношении оптантов, осевших на приграничной территории. Здесь кроме материального стимула применяется обращение к псевдопатриотическим мотивам, а также угрозы в отношении родственников, оставшихся на территории Украины. Эти лица, как правило, рассчитаны на использование в течение длительного времени для разведки, организации тайников и схронов, а также вербовочной работы. Также могут применяться оптанты, проживающие в других регионах, как правило, для разовых акций. Можно вспомнить покушение на генерала В. Алексеева в феврале 2026 г.

Также можно выделить использование работающих в России мигрантов из Средней Азии. Также действует корыстный мотив и однократное применение. Полагаем, что в целях выявления потенциальной агентуры применяются спецслужбы иностранных государств (в первую очередь – Великобритании), действующие в среднеазиатских республиках бывшего СССР.

Говоря о противодействии этому массиву угроз, можно выделить несколько уровней.

Внешнеполитический уровень вытекает из того, что Украина, ее власть, вооруженные силы и спецслужбы есть не самостоятельные, а полностью подконтрольные американо-европейским институтам субъекты. И без поддержки

этих институтов Украина уже бы не существовала. Но она является очень эффективным проводником внешнеполитического давления стран коллективного запада на Россию. Отсюда и важность именно внешнеполитического ответа, какого, на наш взгляд, еще крайне недостаточно. Тем более, учитывая, что захват торговых судов под флагом России или предоставление воздушных коридоров для нанесения военных ударов по России является актом объявления войны. Прямым и непосредственным.

Военный уровень противодействия вытекает из самого факта проведения Специальной военной операции на территории Украины. Достижение ее целей военным путем резко снижает и диверсионно-террористическую активность на территории нашей страны. Также возникла необходимость изменения системы ПВО страны. Заложенные в нее еще в советское время идеи, с учетом развития беспилотной авиации, уже устарели. Необходимы новые организационные и технические решения, учитывающие развитие БПЛА, территорию нашей страны и гражданско-правового статуса многих объектов прикрытия. Что позволяет, например, говорить о возможности построения на ряде предприятий, прежде всего – топливно-энергетического комплекса, своих систем ПВО, разумеется, включенных в единую систему ПВО страны. Но это уже требует переосмысления законодательства об оружии и охранной деятельности.

Правоохранительный уровень связан с совершенствованием возможностей правоохранительных органов, несущих основную нагрузку по противодействию диверсионно-террористической активности. И, прежде всего, через оперативные каналы.

Очень важным является технический контроль интернет-трафика. К сожалению, об этом мы начали задумываться лишь в последнее время: появился отечественный мессенджер «МАКС», блокируются зарубежные аналоги. Также это способствует ограничению поступления нежелательного контента в отечественный сегмент интернета.

Достаточно эффективной видится работа органов госбезопасности по выявлению террористической агентуры противника на этапе подготовки к преступлению, отмечается достаточно большое количество задержаний. Но, по каким-то причинам это постоянно происходит в медийной плоскости. Полагаем, что достаточно давно назрела необходимость отходить только от задержания и осуждения лиц, сотрудничающих с противником, но переходить к проведению оперативных игр, опыт проведения которых в период противодействия фашистской разведке в годы Великой Отечественной войны хорошо изучен и заслуживает серьезного внимания и в наши годы [5, с. 87–88].

Также важна совместная работа органов госбезопасности и Федеральной таможенной службы по своевременному вскрытию поступления средств проведения терактов на территорию России.

От органов внутренних дел требуется усиление работы не только с потоком мигрантов, но и с оптантами, причем, как на освобожденных территориях, так и выехавшими оттуда на основную территорию России. Так, в покушении на генерала Алексеева в феврале 2026 г. участвовали именно такие лица. Надо сказать, что это, скорее, исключение. Большинство выехавших на территорию

России из Донбасса лиц хорошо вписались в российское общество. Но выходы на них украинских спецслужб возможны, особенно на тех, у кого остались родственники на Украине.

Также очень важным видится усиление кадров МВД России на освобожденных территориях. Только тех, кого готовят ВУЗы МВД России в Луганске и Донецке недостаточно. Необходимо усиление опытными кадрами. Появившаяся практика перевода на постоянную работу туда сотрудников МВД на местах кажется не очень эффективной, прежде всего, исходя из личных и деловых качеств многих переводимых. Представляется заслуживающим внимания опыт направления опытных сотрудников в командировки для усиления местных сил правопорядка и обмена передовым опытом борьбы с преступностью, как это было в Афганистане и Чечне [4, с. 39].

Также внимания заслуживает вопрос участия Войск Национальной Гвардии в проведении СВО. Одним из важнейших направлений деятельности ВНГ является контртеррористическая и контрдиверсионная деятельность в войсковых тылах, которыми, по сути, является вся территория новых регионов России. Понятно, что такая деятельность немыслима без проведения оперативной работы на местах. Но, как мы уже ранее отмечали, ВНГ субъектом оперативно-розыскной деятельности не являются [1, с. 144]. Что сразу ставит вопрос об эффективности работы. В основном, ВНГ применяется в качестве силовой поддержки при реализации оперативно-розыскных мероприятий, проводимых МВД и ФСБ. Но самостоятельная работа ВНГ на этом поле требует и собственных оперативных сил и полномочий [3, с. 151–152].

Таким образом, усиление диверсионно-террористической активности Украины, при всемерной поддержке ее действий со стороны западных спецслужб требует не просто усиления режима работы российских правоохранительных органов, но и поиска новых форм контртеррористической деятельности, обеспечения надлежащего уровня взаимодействия между правоохранительными органами. Также кажется важным применение ценнейшего опыта участия правоохранительных органов в обеспечении военных действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Корж П. А. Некоторые итоги реформирования правоохранительных органов России // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сб. тр. Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (22–23 апреля 2022 года, г. Кострома). Кострома : Костромской государственный университет, 2022. С. 142–145.

2. Корж П. А. Особенности проявления терроризма на современном этапе. // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сб. тр. III Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (Кострома, 25–26 апреля 2024 г.). Кострома : Костромской государственный университет, 2024. С. 249–253.

3. Красовский А. В., Куценко М. В., Пчеляков С. Ф. Участие Органов внутренних дел и Росгвардии в обеспечении специального правового режима

контртеррористической операции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2(73). С. 147–157.

4. Милиция Белгородской области: ее прошлое и настоящее // Белгородский юридический институт МВЖД России: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 2. С. 39–40.

5. Труфанова Л. М. «Война в эфире»: радиоигры отечественных спецслужб как вклад в победу (1941–1945 г.г.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 8(31). С. 84–90.

УДК 342.9

Нестеров Денис Олегович
начальник Управления муниципальных инспекций
Администрации города Костромы
г. Кострома, Российская Федерация
ndeniska@yandex.ru

Автоматическая фиксация нарушений в сфере благоустройства территории муниципального образования

Аннотация. *Статья посвящена применению специальных технических средств для выявления и документирования нарушений правил благоустройства. В ней рассматриваются правовые основы, технические аспекты и процедурные особенности использования систем фото- и видеофиксации, работающих в автоматическом режиме, для контроля за соблюдением норм благоустройства территорий муниципальных образований.*

Ключевые слова: *благоустройство, муниципальный контроль, автоматическая фиксация, административная ответственность, правила благоустройства*

Nesterov Denis Olegovich
Head of the municipal inspection Department
Kostroma city administration
Kostroma, Russian Federation

Automatic recording of violations in the field of landscaping of the municipality

Annotation. *The article is devoted to the use of special technical means to identify and document violations of landscaping rules. It examines the legal basis, technical aspects and procedural features of the use of photo and video recording systems operating in automatic mode to monitor compliance with the standards of improvement of municipal territories.*

Keywords: *landscaping, municipal control, automatic fixation, administrative responsibility, landscaping rules*

Благоустройство территории муниципального образования – ключевой элемент качества городской среды и комфортной жизни. В условиях роста ур-

© Нестеров Д. О., 2026

банизации и увеличения нагрузки на инфраструктуру вопросы благоустройства приобретают особую значимость. Эффективный контроль за соблюдением правил благоустройства требует не только нормативного регулирования, но и применения современных технологий, в первую очередь – систем автоматической фиксации нарушений.

В соответствии с действующим законодательством, правила благоустройства муниципалитета содержат вопросы, связанные с содержанием и оформлением территорий, внешним видом объектов, организацией инфраструктуры и другими аспектами [5].

Согласно статье 58 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в единой системе публичной власти» к таким вопросам относятся:

– содержание территорий общего пользования и порядок их пользования. Включает правила использования площадей, улиц, проездов, набережных, скверов, бульваров, парков и других общественных территорий;

– внешний вид фасадов и ограждающих конструкций зданий, строений, сооружений. Устанавливаются требования к архитектурному облику объектов недвижимости;

– проектирование, размещение, содержание и восстановление элементов благоустройства, в том числе после проведения земляных работ. Регулируются вопросы установки и обслуживания различных элементов инфраструктуры;

– организация освещения территории, включая архитектурную подсветку зданий, строений, сооружений. Определяются правила проектирования, установки и использования осветительного оборудования;

– организация озеленения территории, включая порядок создания, содержания, восстановления и охраны расположенных в границах населенных пунктов газонов, цветников и иных территорий, занятых травянистыми растениями;

– размещение информации на территории, в том числе установка указателей с наименованиями улиц и номерами домов, вывесок;

– размещение и содержание детских и спортивных площадок, площадок для выгула животных, парковок (парковочных мест), малых архитектурных форм;

– организация пешеходных коммуникаций, в том числе тротуаров, аллей, дорожек, тропинок;

– обустройство территории в целях обеспечения беспрепятственного передвижения по ней инвалидов и других маломобильных групп населения;

– уборка территории, в том числе в зимний период;

– организация стоков ливневых вод;

– порядок проведения земляных работ;

– участие (в том числе финансовое) собственников и (или) иных законных владельцев зданий, строений, сооружений, земельных участков (за исключением собственников и (или) иных законных владельцев помещений в многоквартирных домах, земельные участки под которыми не образованы или образованы по границам таких домов) в содержании прилегающих территорий;

– определение границ прилегающих территорий в соответствии с порядком, установленным законом субъекта Российской Федерации;

– праздничное оформление территории;

– порядок участия граждан и организаций в реализации мероприятий по благоустройству территории [2].

Законом субъекта Российской Федерации могут быть предусмотрены и иные вопросы, регулируемые правилами благоустройства, исходя из природно-климатических, географических, социально-экономических и иных особенностей отдельных муниципальных образований.

При этом контроль за соблюдением правил благоустройства является сложной задачей из-за масштабности территорий и ограниченности ресурсов органов местного самоуправления. Поэтому внедрение систем автоматической фиксации нарушений является сегодня самым перспективным решением, позволяющем повысить эффективность муниципального контроля в рассматриваемой сфере.

Правовую основу автоматической фиксации нарушений в сфере благоустройства составляют:

Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в единой системе публичной власти», определяющий благоустройство как вопрос непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 249-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и положения о муниципальном контроле, регламентирующие порядок проведения контрольных мероприятий с использованием технических средств [3].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в статье 28.1 устанавливает основания для возбуждения дела об административном правонарушении, в том числе на основании данных автоматической фиксации. Статья 28.6 Кодекса предусматривает возможность вынесения постановления без участия лица, в отношении которого возбуждено дело, если нарушение зафиксировано автоматически [1].

Законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливают конкретные составы правонарушений в сфере благоустройства и меры ответственности.

Так, например, закон Костромской области от 20 апреля 2019 г. № 536-6-ЗКО «Кодекс Костромской области об административных правонарушениях» содержит главу 2 «Административные правонарушения в области благоустройства» устанавливающий административную ответственность граждан, индивидуальных предпринимателей, должностных и юридических лиц за нарушения законов и иных нормативных правовых актов Костромской области, а также нормативных правовых актов органов местного самоуправления муниципальных образований Костромской области [4].

В соответствии с пунктом 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных право-

нарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», под автоматическим режимом следует понимать работу соответствующего технического средства без какого-либо непосредственного воздействия на него человека, когда такое средство размещено в установленном порядке в стационарном положении либо на движущемся по утвержденному маршруту транспортном средстве, осуществляет фиксацию в зоне своего обзора всех административных правонарушений, для выявления которых оно предназначено, независимо от усмотрения того или иного лица. При этом технические средства, работающие в автоматическом режиме, должны быть сертифицированы, в частности, в качестве средства измерения, иметь действующее свидетельство о метрологической поверке и применяться в соответствии с документами, регламентирующими порядок применения этих средств [6].

Таким образом, законодательные требования к средствам автоматической фиксации нарушений в сфере благоустройства включают ряд ключевых условий, связанных с сертификацией, метрологической поверкой, техническими характеристиками и порядком применения таких средств.

В настоящее время для автоматической фиксации нарушений в сфере благоустройства применяются следующие технические средства:

1. Стационарные аппаратно-программные комплексы, устанавливаемые на ключевых участках (парки, скверы, улицы) и фиксирующие нарушения правил благоустройства в режиме реального времени (например, сброс мусора, парковку на газонах). Например, АПК «Страж» оснащен видеокамерами с ИИ-анализом, распознает парковку на газонах, выгул собак без поводка, сброс мусора. Камеры сертифицированы как средства измерения, имеют свидетельство о метрологической поверке и работают в автоматическом режиме.

2. Мобильные (передвижные) аппаратно-программные комплексы, монтируемые на автомобили или беспилотные авиационные средства, патрулирующие соответствующую территорию. Например, АПК «Дозор-М3» патрулирует территории, фиксирует нарушения в реальном времени, передает данные в центр обработки.

3. Интегрированные системы с участием мобильных приложений граждан. Например «Помощник Москвы», «Мобильные инспектор» позволяют загружать фото- и видеофиксации нарушений. Такие данные не являются самостоятельным основанием для привлечения к ответственности, но могут инициировать контрольное мероприятие.

Указанные средства активно применяются в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Воронеже, Туле, Костроме и ряде других городов.

Для обработки данных и автоматизации процессов в указанных комплексах используются специализированные программные модули и системы, например «Ангел IT: Административная практика» – информационная система для автоматизации работы коллегиальных органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях в сфере благоустройства территорий (административные комиссии).

Процесс автоматической фиксации нарушений и привлечения к административной ответственности включает следующие этапы:

1. Фиксация нарушения, при котором техническое средство фиксирует нарушение (например, парковку на газоне), определяет координаты (GPS), время, делает фото- и видеозапись. Данные шифруются и передаются в центр обработки.

2. Обработка данных, когда система автоматически сопоставляет номер транспортного средства или объект недвижимости с базами данных (ГИБДД, Росреестр). При необходимости направляются межведомственные запросы.

3. Рассмотрение дела в автоматизированном порядке по статье 29.10 КоАП РФ. Постановление выносится без участия лица, если нарушение однозначно подтверждено.

4. Уведомление нарушителя через Единый портал государственных услуг и почтовым отправлением (по месту регистрации). Нарушителю разъясняются права на обжалование.

5. Обжалование. Нарушитель вправе обжаловать постановление в течение 10 дней с момента получения в вышестоящий орган или суд (ст. 30.3 КоАП РФ).

Наиболее распространенные нарушения, фиксируемые автоматически на территории города Костромы:

– нарушение требований к размещению транспортных средств (статья 2.6 Кодекса Костромской области об административных правонарушениях);

– нарушение чистоты и порядка в местах общественного пользования, массового посещения и отдыха (статья 2.1 Кодекса Костромской области об административных правонарушениях);

– нарушение требований содержания зданий, строений, сооружений, объектов малых архитектурных форм, объектов инфраструктуры, содержания и размещения объектов некапитального характера, прилегающих к ним территорий (статья 2.2 Кодекса Костромской области об административных правонарушениях);

– нарушение правил благоустройства территории муниципальных образований (статья 2.18 Кодекса Костромской области об административных правонарушениях) – применяется к иным составам нарушений, не вошедших в Кодекс, например, размещение (за исключением загрузки или разгрузки) транспортных средств разрешенной максимальной массой более 3,5 тонны, в том числе частных, на территориях общего пользования города Костромы, специально не предназначенных для размещения транспортных средств указанной категории.

Преимуществами автоматической фиксации нарушений является:

– снижение нагрузки на органы муниципального контроля;

– постоянный мониторинг за соблюдение правил благоустройства;

– объективность фиксации нарушений (исключается человеческий фактор);

– профилактика и повышение правосознания граждан и организаций;

– оперативность привлечения к ответственности.

Однако при применении указных средств и комплексов имеются отдельные недостатки:

– большие финансовые затраты на внедрение и обслуживание;

– технические ошибки, связанные со сбоями Интернета (неверное определение координат. В этом случае постановление не выносится);

– необходимость регулярного обновления программного обеспечения и оборудования, проведения поверок;

– вопросы конфиденциальности при обработке персональных данных;

– споры при обжаловании постановлений и конкуренция норм административного права (отграничение КоАП РФ от законодательства субъекта РФ).

Несмотря на указанные недостатки, перспективы развития и совершенствования систем автоматической фиксации велики и имеют следующие направления:

1. Интеграция с «Искусственным интеллектом» для анализа фактов правонарушений. ИИ позволяет распознавать сложные нарушения: выгул собак без намордника, несанкционированную торговлю, повреждение ограждений.

2. Расширение функционала и интеграция с другими системами, фиксирующими признаки нарушений. Интеграция с системами «Безопасный город», ГИС ЖКХ, Единой системой контроля (ЕРКНМ) для обмена данными между муниципалитетами и регионами. Расширение функционала возможно при использовании беспилотных авиационных систем с тепловизорами для контроля в темное время и при использовании датчиков уровня шума, загрязнения воздуха – для комплексного мониторинга качества среды.

3. Вовлечение граждан, в том числе в части использования мобильных приложений на основе подсистемы ГИС ЖКХ «Мой дом» и «Народный инспектор», с возможным вознаграждением граждан за полезные сообщения.

4. Межведомственное взаимодействие, например при создании и использовании единой базы данных для обмена информацией, в том числе в правоохранительных целях. Совместная работа с ГИБДД, Роспотребнадзором, экологическими службами для комплексного контроля.

Автоматическая фиксация нарушений в сфере благоустройства – это не просто технология, а важный инструмент повышения качества городской среды. Несмотря на финансовые и технические вызовы, ее внедрение уже показывает высокую эффективность. Дальнейшее развитие должно идти в направлении интеллектуализации, интеграции и вовлечения граждан. Это позволит создать более чистые, безопасные и комфортные города, где порядок поддерживается не только усилиями властей, но и ответственностью каждого жителя.

В практике муниципального контроля автоматическая фиксация нарушений повышает эффективность проводимых мероприятий, снижает административную нагрузку и способствует поддержанию порядка на территории муниципальных образований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г. : одоб-

рен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. : [ред. от 12 нояб. 2024 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ: принят Гос. Думой 5 марта 2025 г. : одобрен Советом Федерации 14 марта 2025 г. : [ред. от 9 апр. 2026 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.

3. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ : принят Гос. Думой 22 июля 2020 г. : одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. : [ред. от 5 дек. 2022 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5007.

4. Кодекс Костромской области об административных правонарушениях : Закон Костромской области от 20 апреля 2019 г. № 536-6-ЗКО : принят Костромской областной Думой 18 апр. 2019 г. : [ред. от 20 апр. 2026 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru, 23.04.2019 (дата обращения: 10 апреля 2026 г.).

5. Об утверждении Правил благоустройства территории города Костромы : Решение Думы города Костромы от 25 апреля 2013 № 60 : [ред. от 30 апр. 2026 г.] // Официальный вестник города Костромы. 2013. № 16.

6. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 года № 20 // Российская газета. № 142. 03.07.2019.

УДК 347.963

Нигматуллин Адель Раилевич
аспирант, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
Adel.railevich@yandex.ru

Правотворческая деятельность органов прокуратуры как инструмент обеспечения конституционных гарантий прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей

Аннотация. *В статье анализируется правотворческая деятельность органов прокуратуры Российской Федерации как механизм обеспечения конституционных гарантий прав социально уязвимых категорий населения, прежде всего детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Рассмотрены нормативные основания участия прокуратуры в законодательном процессе, историко-правовые аспекты ее правотворческой функции и*

© Нигматуллин А. Р., 2026

современные изменения на федеральном и региональном уровнях, включая унификацию полномочий прокуроров субъектов РФ.

Ключевые слова: *прокуратура, правотворческая деятельность, дети-сироты, конституционные гарантии, законодательная инициатива, региональное законодательство, функции прокуратуры.*

Nigmatullin Adel Railevich
postgraduate student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Legislative activity of prosecutorial bodies as a tool for ensuring constitutional guarantees of the rights of orphans and children deprived of parental care

Annotation. *The article examines the legislative activity of the Prosecutor's Office of the Russian Federation as a mechanism for ensuring constitutional guarantees of the rights of socially vulnerable groups, primarily orphans and children deprived of parental care. It analyzes the legal foundations of the prosecution's participation in the legislative process, the historical and legal aspects of its lawmaking function, and recent developments at both federal and regional levels, including the unification of powers of prosecutors in the constituent entities of the Russian Federation.*

Keywords: *prosecutor's office, legislative activity, orphans, constitutional guarantees, legislative initiative, regional legislation, functions of the prosecution.*

В современной теории публичного права все более отчетливо прослеживается тенденция к переосмыслению механизмов, обеспечивающих не формальное провозглашение, а фактическое осуществление конституционных гарантий прав социально уязвимых категорий населения. В структуре таких гарантий особое значение имеет правовой статус детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, поскольку их положение объективно обусловливает повышенные требования к качеству и устойчивости нормативного регулирования.

Императив государственной защиты детства, закрепленный в Конституции РФ, предполагает создание целостной системы юридических средств, способных обеспечить реальную охрану прав и законных интересов несовершеннолетних, лишенных родительского попечения. Очевидно, что достижение данной цели не может быть сведено исключительно к правоприменительной деятельности: оно требует последовательной и концептуально выстроенной нормотворческой политики, ориентированной на своевременное выявление пробелов, устранение коллизий и преодоление регулятивных дисбалансов в правовом массиве.

В этом контексте прокуратура РФ выступает не только как орган, осуществляющий надзор за исполнением законов, но и как активный субъект правового развития. Основными задачами прокуратуры в рамках правотворческой деятельности являются совершенствование законодательства, выявление объективной потребности в дополнительном или уточняющем правовом регулиро-

вании общественных отношений, а также подготовка в предусмотренных законом случаях правовых актов и предложений по их корректировке.

Продолжая обозначенную логику рассмотрения прокуратуры как институционального механизма трансформации выявленных в правоприменительной практике проблем в нормативные решения, необходимо обратиться к правовым основаниям ее участия в правотворческом процессе. Соответствующая компетенция закреплена в п. 4 ст. 2, ст. 9 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [12], где прямо предусмотрено право органов прокуратуры вносить в законодательные органы и иные органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложения об изменении, дополнении, отмене либо принятии законов и иных нормативных правовых актов. Тем самым федеральный законодатель институционизировал правотворческое направление деятельности прокуратуры, придав ему нормативно определенный характер.

Вместе с тем следует учитывать, что Генпрокурор РФ не поименован в числе субъектов права законодательной инициативы, перечисленных в ст. 104 Конституции РФ. Данное обстоятельство свидетельствует о специфике правотворческого участия прокуратуры, которое носит опосредованный характер и реализуется через механизм внесения предложений и подготовки проектов для субъектов, формально определенных соответствующим правом. Вместе с тем в научной литературе обоснованно подчеркивается историческая укорененность правотворческой функции прокуратуры: так, в соответствии со ст. 114 Конституции СССР [4], а также со ст. 9 Закона СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-X «О прокуратуре СССР» Генеральный прокурор СССР обладал правом законодательной инициатив [1]. В свою очередь ст. 110 Конституции РСФСР предоставляла право законодательной инициативы Генпрокурору РФ [3]. Указанный историко-правовой аспект подтверждает органическую связь прокуратуры с процессами формирования нормативной базы на различных этапах развития отечественной государственности [6, с. 3].

В научной литературе обоснованно подчеркивается, что отсутствие у Генпрокурора РФ права законодательной инициативы объективно сужает потенциал правотворческой деятельности органов прокуратуры. В этом контексте заслуживает поддержки позиция Б.В. Коробейникова, указывающего на то, что ограниченность формального инструментария участия в законодательном процессе существенно затрудняет и системное реагирования прокуратуры на выявленные дефекты правового регулирования [5, с. 16].

Показательно, что вопрос о наделении Генпрокурора правом законодательной инициативы поднимался на уровне органов государственной власти. Так, в Постановлении Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 04 сентября 1998 г. № 392-СФ Комитету Совета Федерации по конституционному законодательству и судебно-правовым вопросам предлагалось при подготовке поправок в Конституции РФ рассмотреть возможность закрепления за Генпрокурором соответствующего полномочия [7]. Однако данная инициатива не получила дальнейшего нормативного развития.

С учетом возрастания объема и сложности правового регулирования, а также расширения социально ориентированных функций государства, представляется целесообразным возвращение к обсуждению указанного вопроса. Внесение изменений в ч. 1 ст. 104 Конституции РФ и корреспондирующих поправок в Федеральный «О прокуратуре Российской Федерации» следует рассматривать не как единство институционального усиления статуса прокуратуры, а как инструмент повышения эффективности реализации ее правотворческой функции.

Особого внимания заслуживает правотворческая деятельность органов прокуратуры субъектов РФ, которая в последние годы приобрела качественно иное значение в механизме формирования регионального законодательства. В условиях расширения предметов ведения субъектов РФ и усложнения регионального нормативного массива участие прокуроров в законотворческом процессе стало важным фактором обеспечения законности и повышения юридико-технического уровня принимаемых актов.

Нормативное закрепление соответствующих полномочий получило развитие в ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [11], которым прокурорам субъектов РФ предоставлено право законодательной инициативы в региональных законодательных (представительных) органах. Данное решение федерального законодателя придало единообразный характер правовому регулированию и устранило ранее существовавшую фрагментарность в вопросе участия прокуратуры субъектов в законотворческом процессе.

Примечательно, что до принятия указанного федерального закона соответствующее право закреплялось на уровне конституций (уставов) субъектов РФ, что обусловливало неоднородность правового статуса прокуроров в различных регионах. Как следует из пояснительной записки к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 6 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», по состоянию на 2021 год правом законодательной инициативы в соответствии с основными законами субъектов были наделены прокуроры 82 субъектов РФ. Тем самым сохранялись отдельные региональные различия в объеме процессуальных возможностей прокуроров по непосредственному внесению законопроектов.

Унификация правового регулирования на федеральном уровне после принятия Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» позволила не только устранить дисбаланс в статусе прокуроров субъектов, но и институционально закрепить их роль как активных участников регионального правотворческого процесса. Это обстоятельство имеет принципиальное значение для сфер, требующих оперативного и адресного нормативного реагирования, включая обеспечение прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, поскольку именно

на региональном уровне реализуется значительный объем социальных гарантий и программ поддержки данной категории несовершеннолетних.

Системное организационно-правовое оформление правотворческой деятельности органов прокуратуры получило развитие на ведомственном уровне. Ключевое значение в данном аспекте имеет Приказ Генерального прокурора РФ от 28 октября 2025 г. № 731 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными и исполнительными органами государственной власти и местного самоуправления», которым регламентированы основные направления, формы и порядок участия прокуратуры в правотворческом процессе, а также механизмы взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления [9].

Согласно положениям указанного акта, правотворческая деятельность прокуратуры осуществляется в различных организационно-правовых формах. К их числу отнесены: инициативная разработка проектов законов и иных нормативных правовых актов в пределах компетенции органов прокуратуры; участие в подготовке законопроектов и иных проектов нормативных правовых актов, разрабатываемых другими органами публичной власти; подготовка правовых заключений на законопроекты; участие представителей прокуратуры в обсуждении проектов нормативных актов в палатах Федерального Собрания РФ и законодательных органах субъектов РФ; формирование предложений по совершенствованию федерального и регионального законодательства. Тем самым правотворческая функция прокуратуры приобретает институционально оформленный и процедурно урегулированный характер.

Практическая реализация данных форм наглядно проявляется в сфере обеспечения жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Так, в связи с увеличением числа обращений граждан о нарушении жилищных прав указанной категории лиц, взятых Генпрокурором РФ под личный контроль, по инициативе прокуратуры был принят Закон Республики Тыва от 16 февраля 2022 г. «О внесении изменения в Закон Республики Тыва «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», предусматривающий возможность предоставления жилищных сертификатов для приобретения жилья [2]. Данный пример демонстрирует трансформацию надзорной информации в конкретное нормативное решение, направленное на расширение механизмов реализации жилищных гарантий.

Аналогичный подход прослеживается и в иных субъектах РФ. В Республике Марий Эл был одобрен законопроект региональной прокуратуры о внесении изменений в республиканский закон об обеспечении жилыми помещениями детей-сирот. С 1 марта 2025 г. закреплена возможность, при отсутствии специализированных жилых помещений по месту жительства в границах соответствующего населенного пункта, предоставлять такие помещения с согласия получателя в другом населенном пункте в пределах республики. Указанное нововведение направлено на преодоление территориальных ограничений, препятствовавших своевременному обеспечению сирот жильем [10].

Значимый пример представляет и деятельность прокуратуры в Нижегородской области, где Законодательное Собрание поддержало инициативы о внесении изменений в региональный закон о мерах социальной поддержки детей-сирот. Принятый нормативный правовой акт был ориентирован на предотвращение мошеннических схем при реализации жилищных сертификатов. Ранее региональное законодательство не предусматривало дополнительных условий для их получения, что создавало риски нецелевого использования бюджетных средств. Введение дополнительных требований и механизмов контроля было направлено на обеспечение законного распоряжения предоставляемыми средствами и защиту самих получателей от противоправных посягательств [8].

Таким образом, анализ правотворческой деятельности органов прокуратуры позволяет сделать вывод о ее ключевой роли в обеспечении конституционных гарантий прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Прокуратура выступает не только как надзорный орган, но и как активный субъект правотворчества, способствующий выявлению и устранению пробелов в законодательстве, формированию региональных и федеральных нормативных решений, направленных на защиту наиболее уязвимых категорий несовершеннолетних.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-X «О прокуратуре СССР» // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49, ст. 843.

2. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 27 марта 2023 г. № Исуб-20-2516-23 «Об анализе эффективности деятельности по разрешению обращений граждан, взятых Генеральным прокурором Российской Федерации под личный контроль» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12 апреля 1978 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15, ст. 407.

4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07 октября 1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41, ст. 617.

5. Коробейников Б. В. О некоторых функциях прокуратуры / Б. В. Коробейников // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 4(36). С. 11–18.

6. Манакова С. Г. Реализация конституционных установлений органами прокуратуры в правотворческой деятельности // Законность. 2013. № 12(950). С. 3–7.

7. Постановлении Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 04 сентября 1998 г. № 392-СФ «Об информации и. о. Министра внутренних дел Российской Федерации и директора Федеральной службы безопасности Российской Федерации о криминологической обстановке в Российской Федерации, принимаемых мерах по укреплению законности, пресечению фактов коррупции и проникновения криминальных элементов в органы государственной власти» // Сборник Законодательства РФ. 1998. № 37, ст. 4553.

8. По инициативе прокуратуры в Нижегородской области внесены изменения в региональный закон, касающиеся защиты жилищных прав детей-сирот // Официальный сайт прокуратуры Нижегородской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_52/mass-media/news/archive/e4314702/ (дата обращения: 01.03.2026).

9. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28 октября 2025 г. № 731 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными и исполнительными органами государственной власти и местного самоуправления» // Законность. 2025. № 12.

10. Прокурор Марий Эл Илдус Нафиков представил два законопроекта региональной прокуратуры // Официальный сайт прокуратуры Республики Марий Эл. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_12/mass-media/news/archive/e5659896/ (дата обращения: 01.03.2026).

11. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2025 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Сборник Законодательства РФ. 2021. № 52, ч. 1, ст. 8973; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8298.

12. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 29 декабря 2025 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Сборник Законодательства РФ. 1995. № 47, ст. 4472; 2025. № 52, ч. 1, ст. 8320.

УДК 34(075)

Россоловский Павел Антонович
Соискатель, Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
avd.anastasya93@mail.ru

Система управления в органах прокуратуры Российской Федерации: подходы и основные направления совершенствования

Аннотация. *В статье рассматриваются современные подходы к понятию управления, управления работниками и управления в органах прокуратуры Российской Федерации. Анализируются мнения ученых относительно существующей организационно-управленческой деятельности в органах прокуратуры. Автором высказано мнение о том, что управленческая деятельность органов прокуратуры выражается в принятии и реализации решений по вопросам функциональной деятельности прокуратуры, контроле за работой подчиненных прокуратур, оценке их деятельности, руководстве, выявлении и распространении передового опыта, стимулировании (мотивации) работы в органах прокуратуры.*

Ключевые слова: *прокуратура, управление, организация работы, деятельность органов прокуратуры, организационно-управленческое обеспечение.*

© Россоловский П. А., 2026

Rossolovsky Pavel Antonovich,
applicant, Saint Petersburg Law
Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
Saint Petersburg, Russian Federation

Management System in the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Approaches and Main Directions for Improvement

Annotation. *The article discusses modern approaches to the concept of management, employee management, and management in the prosecutor's office of the Russian Federation. The article analyzes the opinions of scientists regarding the existing organizational and managerial activities in the prosecutor's office. The author suggests that the managerial activities of the prosecutor's office are expressed in the adoption and implementation of decisions on the functional activities of the prosecutor's office, the control of the work of subordinate prosecutor's offices, the evaluation of their activities, the management, identification, and dissemination of best practices, and the promotion (motivation) of work in the prosecutor's office.*

Keywords: *prosecutor's office, management, work organization, activities of prosecutor's offices, organizational and managerial support.*

В настоящее время ориентиром действующих концепций управления персоналом выступают потребности конкретного работника, а не коллективное начало (как это было в советские времена). При этом продолжает возрастать и усиливаться роль личности сотрудника, уделяется повышенное внимание его мотивационным установкам и возможности формировать их таким образом, чтобы они действовали на благо организации.

Постоянно происходящий в стране начиная с 1991 г. процесс реформирования судебных, правоохранительных и иных государственных органов в значительной мере затронул различные стороны организации и деятельности этих структур, в том числе органов прокуратуры Российской Федерации.

При этом прокуратура Российской Федерации в настоящее время отличается в целом четко выстроенной организационной структурой, наличием необходимых организационных условий для осуществления эффективной внешнефункциональной деятельности, отлаженной системой управления.

Эффективность прокурорского надзора напрямую зависит от качества внутриведомственного управления. В условиях усложнения общественных отношений и появления новых угроз правопорядку (киберпреступность, экономические вызовы) традиционные методы управления требуют переосмысления.

Как известно, организация начинается с выявления потребности в чем-либо. С момента образования современной российской прокуратуры, на первоначальном этапе ее становления возникли потребности в формировании определенных целей и задач, основных направлений ее деятельности, выполнении конкретных видов работы. Под эти потребности выстраивалась определенная структура, включающая должности, установленные направления и виды деятельности, определялся механизм взаимных связей и отношений, входящих

в структуру элементов. Для обеспечения надлежащего взаимодействия между ними устанавливался соответственно круг прав, обязанностей и ответственности, в том числе посредством принятия управленческих решений. Одновременно осуществлялся процесс подбора, расстановки и воспитания кадров, формировалась оптимальная организационно-управленческая структура [3].

Отметим, что организационно-управленческая деятельность в органах прокуратуры наряду с ее упорядочением и регламентацией требует и научного обеспечения, совершенствования теоретико-правовых основ, получения новых знаний о закономерностях и перспективах своего развития. Поэтому неслучайно ученые предлагают при анализе концептуальных положений развития науки о прокурорской деятельности в качестве основных блоков теорию организации работы и теорию управления в прокуратуре Российской Федерации.

Следует отметить, что еще во второй половине прошлого столетия была выделена в качестве самостоятельного научного направления теория организации и управления в органах прокуратуры, изучение и исследование вопросов которой продолжается по настоящее время. Как отмечается авторами, управление является самостоятельно функционирующей и должным образом организованной подсистемой, в которой взаимодействуют свои субъекты и объекты управления, складываются свои управленческие отношения, определяются и реализуются конкретные задачи по формированию и рациональному использованию в том числе, помимо прочего, кадрового потенциала государственного аппарата [2, с. 27].

Одновременно система управления, будучи компонентом организации работы, взаимодействует с окружающей ее средой, учитывает и удовлетворяет ее потребности и интересы. Она функционирует в рамках единого конституционного поля, базируется одновременно на общепринятых в государственном и социальном управлении принципах, а также на принципах и нормах, определяющих основы управления персоналом.

Другими словами, имея кадровый потенциал как один объект воздействия, многие субъекты управления в регулировании протекающих в этом объекте кадровых процессов и отношений имеют свой особый предмет внимания и регулирования. Этот подход позволяет определить в управлении органов прокуратуры функции и компетенцию руководства государственных органов, руководителей их внутренних подразделений и кадровых служб, предмет их управленческого воздействия.

Органы прокуратуры в составе системы государственного управления выступают как элемент управляющей системы и выполняют соответствующие их компетенции функции по управлению обществом в целом [1, с. 29].

Когда же речь идет об управлении системой органов прокуратуры, то имеется в виду: во-первых, управление этой системой как объектом со стороны государства; во-вторых, управление внутри системы органов и организаций прокуратуры, при котором объектами являются нижестоящие звенья прокуратуры, отдельные подразделения аппарата, прокурорские работники, а субъектами – руководители прокуратур, подразделений вышестоящих аппаратов на соответствующих уровнях системы, что в свою очередь позволяет отнести ор-

ганизационно-управленческое обеспечение органов прокуратуры к внутрисистемной составляющей.

По мнению Ф. М. Кобзарева, «применительно к органам прокуратуры предпочтительной представляется точка зрения, согласно которой управление как процесс регулирования организационных отношений является элементом организации работы» [4, с. 7].

По нашему мнению, управление в органах прокуратуры можно рассматривать как самостоятельно функционирующую систему, включающую в себя реализуемые задачи, методы, механизмы и технологии.

Управление прокурорской системой в значительной мере связано с организацией взаимодействия, которое является главным содержанием структуры прокуратуры и основано на отношениях координации, взаимообеспечения и взаимодействия.

Организация функционального взаимодействия внутри органов прокуратуры, которая выступает основой в координации между подчиненными и руководителями органов прокуратуры и организация внешне функционального взаимодействия органов прокуратуры с другими социальными системами, позволяет сделать вывод о том, что прокуратура Российской Федерации, реализовывая определенные функции государственного органа, создает условия, способные наполнить всю деятельность прокуратуры качественно новым и современным содержанием. Управленческое воздействие в отношении всех органов прокуратуры оказывается со стороны Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Прокуратуры регионального (субъектового) уровня осуществляют управление подчиненными им прокуратурами районного звена.

Управленческая деятельность этих органов выражается прежде всего в принятии и реализации решений по вопросам функциональной деятельности, контроле за работой подчиненных прокуратур, оценке их деятельности, руководстве, выявлении и распространении передового опыта, стимулировании (мотивации) работы в органах прокуратуры.

Управленческие решения в органах прокуратуры находят отражение в приказах, указаниях, распоряжениях, инструкциях, решениях коллегий и координационных совещаний, заданиях и других документах, которые являются обязательными для исполнителей. Ряд управленческих документов носит рекомендательный характер. К их числу относятся информационные письма, обзоры, обобщения прокурорской практики.

Выявление и распространение передового опыта выражается в обобщении информации об эффективной деятельности одной или группы нижестоящих прокуратур, подготовке информационных писем об этом. В органах прокуратуры практикуется и информирование об отрицательном опыте работы либо недостатках и упущениях с указанием другим прокуратурам учесть это в своей работе.

Важным управленческим воздействием является оценка деятельности прокурорских работников. Критерием оценки должны быть своевременность, качество и полнота принятия мер по установлению и пресечению нарушений

закона, требующих прокурорского реагирования, восстановлению нарушенных прав.

Подобные критерии обозначены в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 26 мая 2020 г. № 278 «Об утверждении Положения о применении общих подходов при подготовке и проведении проверок деятельности прокуратур субъектов Российской Федерации и приравненных к ним специализированных прокуратур» [5, с. 54].

В свою очередь, результативность деятельности прокурорских работников во многом зависит от наличия благоприятных условий для выполнения ими служебных обязанностей. Это выражается прежде всего в материальной, моральной и иной заинтересованности прокурорских работников в повышении эффективности своего труда, ответственности за порученное дело.

К числу обстоятельств, стимулирующих деятельность прокурорских работников, обычно относят: понимание важности и уверенность в значимости тех функций, которые выполняют в государстве органы прокуратуры, справедливое материальное и социальное обеспечение, признание профессионализма и компетентности как основание для продвижения по службе, наличие надлежащего микроклимата в коллективе. Принято считать наиболее эффективной оценку по результатам деятельности прокуратуры, т. е. по фактическому состоянию законности и правопорядка, уровню обеспечения прав и законных интересов граждан, государства и общества.

Критерии оценки эффективности в органах прокуратуры могут определяться благодаря организации работы по повышению квалификации прокурорских работников, обеспечению взаимодействия структурных подразделений, повышению качества актов прокурорского реагирования, повышению результативности работы органов прокуратуры на различных участках работы.

Прокуратура взаимодействует с другими государственными органами, что также выражается в повышении результативности прокурорской деятельности в целом.

Кроме того, функции прокуратуры тесно связаны с функциями государства, поскольку прокуратура является частью системы государственных органов, ее полномочия выступают средством достижения целей и задач самого государства по обеспечению принципа верховенства права. Все это предполагает необходимость участия органов прокуратуры в планировании государственной деятельности [6, с. 147].

Организационные составляющие, связанные с обеспечением функциональной деятельности прокурорских работников, выступают на первый план при нахождении оптимального пути, по которому должно проходить развитие системы органов прокуратуры.

Представляется правильным предложить возможные направления совершенствования системы управления в органах прокуратуры:

– цифровая трансформация, помимо прочего внедрение систем искусственного интеллекта;

– совершенствование системы оценки эффективности через переход от количественных показателей к качественным критериям оценки;

– нормативно-правовая регламентация фактически существующих в органах прокуратуры организационно-управленческих отношений с позиции повышения эффективности организации работы и управления в органах прокуратуры и др.

Подводя итог, отметим, что управление прокурорской системой в значительной мере связано с организацией взаимодействия в рамках единой системы государственного управления на основе унифицированных правовых, организационных и функциональных принципов для достижения общей цели.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Формирование кадровой политики и управление персоналом государственной службы : учеб. пособие / под общ. ред. Г. П. Лозовицкой. М. : Академия управления МВД России, 2019. С. 23–25.

2. Стрельников В. В. Понятие и содержание управленческой деятельности в органах отечественной прокуратуры // Советник юриста. 2012. № 2. С. 27–32.

3. Настольная книга прокурора : практ. пособие / под общ. ред. О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2021. С. 45–49.

4. Кобзарев Ф. М. К вопросу о понятийных основах теории организации работы и управления в органах прокуратуры // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 6. С. 7.

5. Жубрин Р. В., Сазонова О. В. Совершенствование организации работы прокуратуры Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 5(49). С. 52–53.

6. Россоловский П. А. Совершенствование деятельности органов прокуратуры как составляющая организации работы и управления // Трансформация права: технологии XXI века : материалы II Всерос. заоч. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 13 мая 2021 г. Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2022. С. 146–149.

СЕКЦИЯ 3

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

УДК 93/94

Мартыненко Наталия Эдуардовна
доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовной политики
Академия управления МВД России
г. Москва, Российская Федерация
kafedra_up_au@mail.ru

Мартыненко Эдуард Владимирович
кандидат юридических наук, доцент
кафедры национальной безопасности
и правоохранительной деятельности
Институт международного права и правосудия
Московского государственного
лингвистического университета
г. Москва, Российская Федерация
edusmart@mail.ru

К 30-летию принятия Уголовного кодекса Российской Федерации

Аннотация: *в статье анализируются изменения и дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), произошедшие за тридцать лет со дня его принятия и делается вывод о том, что большинство научных идей, реализованных в УК РФ его разработчиками, с течение времени под воздействие политических, экономических, социальных факторов ушли в небытие и это закономерный процесс, так как за тридцать лет изменилась жизнь нашего общества. Оно стало другим.*

Ключевые слова: *Уголовный кодекс Российской Федерации, изменения и дополнения УК РФ, специальная военная операция, социальная обусловленность, юбилей УК РФ, лоскутное одеяло.*

Martynenko Natalia Eduardovna
doctor of law, professor, professor
at department of the criminal policy
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation

© Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В., 2026

Martynenko Eduard Vladimirovich
candidate of legal sciences, associate professor
of the department of national security and law
enforcement at the Institute of International Law
and Justice of the Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation

On the 30th anniversary of the adoption of the Criminal code of the Russian Federation

Annotation. *This article analyzes the amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CCRF) that have occurred in the thirty years since its adoption. It concludes that most of the scientific ideas implemented in the CCRF by its developers have faded into oblivion over time due to political, economic, and social factors. This is a natural process, as the life of our society has changed over the past thirty years. It has become different.*

Keywords: *CCRF, amendments and additions to the CCRF, special military operation, social conditioning, CCRF anniversary.*

Так исторически сложилось, что в России ежегодно принято отмечать круглые исторические даты, оставившие заметный след в истории. 2026 год не стал исключением. В этом году научная общественность отмечает 30-летие принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (1996 г.). Этому знаменательному событию посвящают конференции, научные публикации.

Как быстро летит время. Казалось бы, еще совсем недавно научный руководитель по кандидатской диссертации одного из авторов статьи, доктор юридических наук, профессор Э. Ф. Побегайло и научный руководитель по кандидатской диссертации другого автора – доктор юридических наук С. Г. Келина принимали участие в разработке проекта Уголовного кодекса Российской Федерции (1996 г.). Помним, как Э. Ф. Побегайло приходил с заседания рабочей группы по подготовке проекта УК РФ и рассказывал о тех жарких дискуссиях, которые велись разработчиками проекта по поводу вводимых положений Кодекса. В состав рабочей группы входили и другие великие Ученые в области уголовного права, оставившие заметный след в науке. В их числе Г. Н. Борзенков, С. В. Бородин, Н. Ф. Кузнецова, А. В. Наумов, И. М. Гальперин, А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков, Г. М. Миньковский.

Незаметно пролетело тридцать лет со дня принятия УК РФ и все чаще раздаются голоса специалистов уголовного права о необходимости разработки нового уголовного закона, а действующий УК РФ все чаще стали называть лоскутным одеялом[1] [1, с. 5]. И причиной этому – многочисленные изменения и дополнения УК РФ, произошедшие за тридцать лет, внесенные 389 федераль-

[1] Искусственный интеллект приписывает выражение «лоскутное одеяло» Павлу Крашенинникову – председателю комитета Госдумы по законодательству, датируя эту фразу 2026 г. Но это не так. Еще в 2013 г. Александр Иванович Коробеев опубликовал статью, используя этот термин.

ными законами, начиная с Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 77-ФЗ «О дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 215.1» [2], заканчивая (по времени принятия на апрель 2026 г.) Федеральным законом от 9 апреля 2026 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в статьи 243.4 и 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [3]. В результате этих изменений количество статей в кодексе увеличилось с 360 до 550.

Но вернемся в далекий 1996 г., когда был принят уголовный закон. В комментарии к УК РФ его разработчики писали, что в основе построения кодекса лежали определенные идеи [4, с. 4–5]: разработчики кодекса утверждали, что произошло принципиальное изменение в расстановке ценностно-нормативных приоритетов в сфере борьбы с преступностью. В Кодексе признано, что человек в цивилизованном мире является высшей социальной ценностью.

Действительно, Конституция Российской Федерации в ст. 18 закрепила положение о том, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Это положение Конституции Российской Федерации находит свое отражение не только в том, что Особенная часть УК РФ открывается разделом VII «Преступления против личности» (в отличие от Уголовного кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – УК РСФСР, Особенная часть которого открывалась главой 1 «Государственные преступления), но и в ужесточении уголовной ответственности за посягательства на личность. Так, такое наказание как пожизненное лишение свободы было предусмотрено в пяти статьях УК РФ (ч. 2 ст. 105, хотя и расположенных в разных главах, но последствием совершения этих преступлений являлось убийство или покушение на убийство лица).

Данная идея не выдержала проверку временем. Постепенно пришло понимание того, что защита интересов государства не менее важна, чем защита интересов личности. Расширен круг преступлений, предусматривающих в качестве наказания пожизненное лишение свободы (например, ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 3 ст. 205, ч. 1.1, 2, 4 ст. 205.1, 205.3, 205.4 и др.). В него включены преступления, посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетних, преступления террористического характера.

За время, прошедшее с принятия УК РФ под охрану уголовного закона были поставлены новые общественные отношения, которых не было в 1996 году. Это касается большинства глав УК РФ (например, преступления в сфере экономической деятельности с 32 увеличились до 64), таким же изменениям подверглась гл. 24 «Преступления против общественной безопасности».

Какие кардинальные изменения произошли за эти тридцать лет?

1. В 2003 г. [5] из УК РФ было исключено такое традиционное для России наказание как конфискация имущества. Авторы, выступившие против исключения конфискации, жестко критиковали законодателя, связывая эту отмену с

уступкой олигархам. В современной России на протяжении более двух лет конфискации имущества как меры наказания, не существовало. Имущество могло быть конфисковано только как вещественное доказательство на основании статьи 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

В 2006 г. конфискация имущества была возвращена в УК РФ, но не в качестве наказания, а как иная мера уголовно-правового характера [6], хотя возвращение в Уголовный кодекс конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера, породило споры и непонимание, как со стороны теоретиков уголовного права, так и со стороны практических работников [7, с. 3–4].

Одновременно с возвращением конфискации имущества в УК РФ, было изменено название раздела VI на «Иные меры уголовно-правового характера». В 2016 г. данный раздел пополнился новой иной мерой уголовно-правового характера – судебным штрафом [8, ст. 4591].

2. В 2009 г. в УК РФ возвращена административная преюдиция, суть которой сводится к тому, что к уголовной ответственности лицо может быть привлечено только в случае, если ранее оно привлекалось к административной ответственности за аналогичное, однородное, тождественное деяние и административная наказанность сохраняет юридическую силу [9, с. 118–123]. Нормы с административной преюдицией не были включены в уголовного закона, так как его разработчики считали, что «сто кошек не могут образовать одного тигра» [10, с. 6]. Иными словами, сколько бы раз лицо не совершало административное правонарушение, оно не может перерасти в преступление, так как у каждого последующего правонарушения одинаковая противоправность1. Круг преступлений с административной преюдицией постоянно расширяется.

3. Расширен круг уголовно-правовых норм, применение которых возможно только в случае возмещения ущерба потерпевшемудствами.

В последнее три десятилетия уголовная политика России (политика борьбы с преступностью), меняет свой вектор и с лица, совершившего преступление, постепенно перемещает свое «внимание» на лицо, ставшее потерпевшим от преступления. Осуждение преступника – интерес публичный, именно на его реализацию работают все правоохранительные органы, показатели деятельности которых, оцениваются исходя из количества возбужденных уголовных дел и числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Проблема возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, сама собой отходит на второй план. Однако с принятием Конституции Российской Федерации (1993 г.), которая впервые закрепила положение о том, что государство обеспе-

[1] Административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность (ст. 22.1 Кодекса АП РФ).

чивает потерпевшим компенсацию причиненного ущерба (ст. 52), положение с возмещением ущерба потерпевшему постепенно меняется.

Законодатель долгое время не считал потерпевшего активным участником уголовно-правовых отношений. Опасения законодателя понятны: расширение прав потерпевшего приведет к нарушению равновесия между частными и государственными интересами и поставит под сомнение публичный характер уголовно-правового регулирования. Многие десятилетия эта боязнь проявляется в нежелании законодателя легализовать статус потерпевшего в уголовном праве.

Однако конституционное положение о возмещении ущерба потерпевшему должно быть реализовано. В УК РФ содержится целый ряд норм, применение которых возможно только в случае возмещения ущерба. Хотя статистические данные свидетельствуют о том, что сумма возмещенного ущерба по направленным в суд делам составила не более 36% от причиненного вреда (ущерба) [11].

4. Особое отношение к уголовно-правовой охране несовершеннолетних. В Российской Федерации в 2017 г. было провозглашено десятилетие детства в России – то государственная программа, охватывающая период с 2018 по 2027 год и направленная на совершенствование политики в сфере защиты детства, благополучия семей и детей. УК РФ входит в механизм реализации данной программы. С 2017 г. серьезно ужесточились наказания за посягательство на половую неприкосновенность несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста – срок лишение свободы даже выше (по нижнему пределу) чем за убийство (лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы). К лицам, совершившим преступление против половой свободы несовершеннолетних, применяются другие правила условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (п. «д» ч. 2 ст. 79 УК РФ), они не могут быть освобождены от уголовной ответственности и от наказания в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время (ст. 78.1, 80.2 УК РФ).

5. Исключены из уголовного закона норма о неоднократности преступлений (ст.16 УК РФ) и изменены правила назначения наказания по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ).

6. Серьезные изменения в УК РФ были внесены после начала специальной военной операции [11, с. 72–80].

Конечно, это лишь небольшой перечень наиболее важных изменений, внесенных в УК РФ на протяжении 30 лет. И хотя, и называют УК РФ лоскутным одеялом, но он действует уже почти тридцать лет и охраняет интересы личности общества и государства от преступлений и предупреждает их.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коробеев А. И. Лоскутное одеяло Уголовного кодекса: чем и когда закончится гиперинфляция правовой политики современной России // Новая газета. 2013. №20. С. 5.

2. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 77-ФЗ «О дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 215.1» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2334.

3. Федеральный закон от 9 апреля 2026 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в статьи 243.4 и 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru lfnf (дата обращения: 12.04. 2026) (дата обращения: 15.04.2026)..

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 3-е изд., изм. и доп. / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М. : Инфра-М-Норма, 2000. С. 4–8.

5. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2003 №162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации: 2003. № 50. Ст. 4848.

6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма“ и Федерального закона „О противодействии терроризму“ (с изменениями и дополнениями)» // Собрание законодательства Российской Федерации». 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3452.

7. Мартыненко Э. В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве : дис. …канд. юрид. наук. М., 2010. С. 3–4.

8. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4591.

9. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Административная преюдиция как уголовно-правовое средство предупреждения преступлений, или Можно ли из ста кошек сделать одного тигра // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сб. тр. IV Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (Кострома, 24–25 апреля 2025 года). Кострома, 2025. С. 118–123.

10. Кузнецова Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского унтверситета. Сер. 11. Право. 2003. № 1. С. 6.

11. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Реализация уголовно-правовой политики России в условиях специальной военной операции // Труды Академии управления МВД России. М. 2025. №2. С. 72–80

УДК 334.241.8

Дворянсков Иван Владимирович
доктор юридических наук, профессор
главный научный сотрудник
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний
Профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московский университет им. А. С. Грибоедова
г. Москва, Российская Федерация
diw@yandex.ru

Цифровая реконструкция уголовного закона: пределы и перспективы

Аннотация. *В статье рассматривается актуализированная в последнее время проблема цифровизации уголовного права, в том числе путем внедрения искусственного интеллекта. Автор проводит системный и сравнительно-правовой (компаративный) анализ связанных с этим вопросов, дает правовую характеристику исследуемому явлению, делает вывод о его неизбежности ближайшем будущем и констатирует необходимость уже сегодня начать теоретическую разработку необходимых для этого и социально обусловленных концептуальных основ.*

Ключевые слова: *уголовный закон, цифровизация, искусственный интеллект, современные тенденции развития уголовного права.*

Dvoryanskov Ivan Vladimirovich
doctor of law, professor
professor of the department
of criminal law disciplines
of the A. C. Griboyedov Moscow University
Moscow, Russian Federation

Digitalization of the criminal law: opportunities and prospects

Annotation. *The article examines the recently updated problem of digitalization of criminal law, including through the introduction of artificial intelligence. The author conducts a systematic and comparative legal (comparative) analysis of related issues, gives a legal description of the phenomenon under study, concludes that it is inevitable in the near future and states the need to begin theoretical development of the necessary and socially conditioned conceptual foundations today.*

Keywords: *criminal law, digitalization, artificial intelligence, modern trends in the development of criminal law.*

Правовое регулирование традиционно отражает тенденции развития общества, а в отдельных случаях – даже определяет его перспективы. Уголовное право в данном случае не исключение. Мы сегодня подошли к той черте, когда уже необходимо быть готовыми к дальнейшей интенсивной интеграции искусственного интеллекта (ИИ) в нашу жизнь. Говоря о пределах потенциальной

© Дворянсков И. В., 2026

и, по-видимому, неизбежной цифровой реконструкции уголовного закона, следует иметь в виду традиционные ограничители законодательной энтропии: цели и задачи уголовного законодательства, методологию правотворчества, сложившийся механизм уголовно-правового регулирования. При этом надо понимать, что возможности права в сфере социального управления, упорядочения происходящих процессов – не безграничны.

Прежде всего, нужно определиться в фундаментальных вопросах, ибо как раньше уже не будет.

1. В первую очередь это вопрос о субъекте преступления. Уже сегодня реальностью стали как цифровые средства, созданные людьми для совершения преступлений (дипфейки, аватары), так и автономно существующие цифровые субъекты, для которых уместно использовать обозначение «цифровая личность», основанная на алгоритмах ИИ, моделирующая и решающая задачи относительно или в недалеком будущем – абсолютно самостоятельно.

2. Вопрос о вине. Действует ли по-прежнему принцип вины в том виде, когда единственным ее носителем выступает физическое вменяемое лицо, достигшее определенного возраста или необходимо менять подход к субъективной стороне преступления в условиях, когда, как было сказано выше, появляются и другие (нефизические, цифровые субъекты), учение о вине которых никак не разработано?

3. Заново встает проблема аналогии закона. Законодательство, в том числе и уголовное не успевает за стремительным развитием новых цифровых отношений, появлением новых форм и методов совершения преступлений. В этой связи следует принципиально решить вопрос: оправдывает ли цель средства или принципы уголовного права, в первую очередь, принцип законности, остаются незыблемыми?

4. Об источниках уголовного права. Допустимо ли для более оперативного реагирования на криминальные реалии принятие самостоятельно действующих законов, содержащих уголовно-правовые нормы или даже подзаконных актов. К слову, последнее потребует пересмотра Конституции РФ.

5. О целях и задачах уголовного права. Нужен ли их пересмотр в связи с новыми вызовами?

6. О наказании. Уже сегодня специалисты говорят о том, что если появляется цифровые субъекты преступления, то нужны и цифровые наказания (С. Я. Лебедев, В. Ф. Джафарли).

Резюмируя сказанное, можно сформулировать два ключевых вопроса, от ответа на которые будет зависеть будущее уголовного права: 1) важны ли существующие принципы? 2) оправдывает ли цель средства?

В теории права развивается направление постклассических исследований права, суть которых состоит в демонстрации механизма конструируемости и воспроизводимости правовой реальности практиками в контексте внешних факторов, интериоризируемых правовой культурой.

В последние годы право стало рассматриваться учеными не только как инструмент, но и как самостоятельная ценность, социальное благо, в том числе через его свойства, а именно общеобязательную нормативность, формальную

определенность содержания, системность и т. д. Многие стали склоняться к мнению о том, что право обладает инструментальной и собственной ценностью (А. Ф. Черданцев и др.). Следует добавить к этому, что право и регулируемые им отношения испытывают взаимные влияния. Это означает, что как регулируемая реальность определяет содержание и развитие права, так и право оказывает на объект регулирование упорядочивающее и в определенной степени – конструирующее воздействие.

В этой связи представляется методологически неверным рассмотрение уголовного права исключительно с инструментальных позиций для решения насущных (с позиции законодателя) социальных проблем. Такой подход основан на довольно простой схеме: наличие триггерного явления – придание ему криминальной окраски – криминализация этого явления. Следствием этого является очевидное уже не только для специалистов, но и простых обывателей чрезмерное раздувание объема уголовного закона. Так, по словам Г. В. Назаренко и А. И. Ситниковой, за период действия Уголовного кодекса Российской Федерации в него внесено более 3000 изменений, дополнений и поправок, которые изменили его структуру, содержание уголовно-правовых норм, в том числе ряда гипотез, диспозиций и санкций, увеличили количество статей и примечаний, а также исключили из Кодекса ряд статей, предписаний и примечаний [3]. В результате поспешности законодателя, принявшего 226 Федеральных законов (на 01.03.2021), содержащих указанные изменения, качество действующего УК РФ, по общему мнению криминалистов, стало заметно ниже, чем в первоначальной редакции 1996 г.

Очевидно такое количество изменений, к тому же принимаемых ситуативно, с высокой скоростью не способствует сохранению качества уголовно-правового регулирования. Более того, на наш взгляд, чрезмерно интенсивное введение новых составов преступлений увеличивает энтропию, которая, в свою очередь, ведет к деструкции уголовного закона. Главным недостатком такого реактивного (от слова – реагирование) подхода является отсутствие системности, ситуативность и скоропалительность принимаемых норм зачастую приводит к обратному эффекту. Примером может служить ст. 321.1. УК РФ («передача лицу, содержащемуся в месте лишения свободы или месте содержания под стражей, средств мобильной связи и иных средств коммуникации лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость), фактически приведшая к смягчению ответственности за данное деяние.

Доктрина уголовного права, со всей очевидностью, нуждается в использовании наработок в области точных (математических) и лингвистических наук.

Современные научное развитие характеризуются цифровизацией практически всех сфер жизни общества и широким внедрением искусственного интеллекта (ИИ), существенно облегчающего сложные технологические и интеллектуальные процессы, требующие точных расчетов и комплексного учета многочисленных факторов при принятии решений. Не обошли эти тенденции и право, в том числе – уголовное.

С формальной точки зрения проблема цифровизации уголовного права обусловлена требованиями машиночитаемости права в условиях цифровизации общественных отношений, что подтверждается утвержденной Правительством Российской Федерации Концепции развития технологии машиночитаемого права от 15 сентября 2021 года. Так, наличие многочисленных дефектов уголовно-правовых норм, уголовно-правовых санкций, а также отсутствие единой отлаженной их системы является существенным препятствием к машиночитаемости уголовно-правовых норм. Необходимость создания машиночитаемого текста закона, а также допустимая в перспективе возможность распознавания устной речи в судопроизводстве с помощью искусственного интеллекта обусловливает необходимость грамотного и единообразного воспроизведения текста уголовного (и не только) закона [1; 2; 4; 7; 8].

Если же говорить по существу, то причинами необходимого и неизбежного внедрения в недалеком будущем ИИ в сферу уголовно-правового регулирования такие уже сегодня констатируемые обстоятельства как:

1) цифровизация преступности;

2) необходимость «объективации» уголовного права, т. е. исключения судейского усмотрения, алгоритмизации процессов криминализации, квалификации, построения санкций, назначения наказания и иного применения уголовного права. Так, является очевидным, что криминализация должна носить грамотный, выверенный, научный и системный характер, а не представлять собой бессистемный, ситуативный, реактивный процесс. Под последним нами понимается такой процесс создания и включения в уголовный закон новых норм-запретов, который представляет собой быструю, обусловленную резонансными событиями реакцию законодателя, не учитывающую разработанные наукой правила, касающиеся оснований и порядка криминализации.

Стоит ли говорить, что «импульсный» характер криминализации обусловлен ее эмоционально-ситуативным способом, когда на первый план выходит скорость, но не качество. Таким образом, чем меньше в этом процессе будет присутствовать «человеческий фактор», тем больше надежды на объективный и научный подход при установлении уголовно-правовых норм.

Сама идея цифровизации содержит в себе доминирование количества и вычисления над качеством и рассуждением. В обычной жизни количественное управление осуществляется с помощью показателей и рейтингов. Зависимость управления от количественных оценок отражает стремление заменить суждения, основанные на опыте и интуиции, стандартизированными оценками.

Следует согласиться с высказываниями специалистов о кризисе классического уголовного права в эпоху постмодерна (или даже метамодерна).

Я. И. Гилинский в этой связи отмечает: «Одна из характеристик общества постмодерна – неопределенность… Если максимально коротко, речь идет о постоянном ускорении циклов, этапов развития человечества. В период постмодерна (пост-постмодерна) изменения столь быстры, что где-то к 2035 году „кривая“ развития может встать „вертикально“ с непредсказуемыми последст-

виями. А прогресс станет недоступен для человеческого понимания – настолько высокими будут его темпы развития. В значительной степени это связывают с появлением искусственного интеллекта. Мы уже живем в периоде (растянутой, длящейся „точке“) бифуркации, когда принципиально невозможно предсказать, „что будет дальше“» [5].

В литературе также отмечается, что нарастающая цифровизация социальных отношений заставляет обратить внимание на совокупность системных противоречий, которые возникают между «диджитализированной» преступностью XXI в. и классическим механизмом уголовно-правового противодействия [6]. Появление нового (информационного) способа совершения преступления не свидетельствует априорно о том, что он является более опасным, чем традиционный, а во многом указывает на проблему отставания социального контроля от развития общества и изменения преступности. В целом информационное общество характеризуется тем, что определяющими культурно-историческими орудиями, опосредующими деятельность и общение отдельных его членов и групп, являются компьютер, мобильный телефон, иные цифровые устройства, интернет, социальные сети и т. д., т. е. объекты информационно-коммуникационной инфраструктуры. Цифровая революция не могла не повлиять на преступность, не изменить ее содержание.

В качестве возможных направлений (этапов) трансформации (цифровизации) уголовного права в эпоху ИИ (по результатам анализа научных публикаций на эту тему) можно назвать:

1) расширение сферы уголовно-правового регулирования цифровых отношений, постепенная адаптация уголовного права к условиям цифровизации (ИИ, цифровая личность как субъект преступления либо потерпевший);

2) формирование машиночитаемого уголовного права (1 шаг – справочно-правовые системы как предполагаемая платформа для цифрового права);

3) создание цифровых алгоритмов квалификации преступлений, формирования санкций, назначения наказаний;

4) создание цифрового Уголовного кодекса для ИИ.

5) использование ИИ для создания норм Уголовного кодекса[1].

Конечно, сегодня это воспринимается как фантастика. Но даже история XX века показывает, что технологии развиваются так стремительно, что на протяжении жизни одного поколения людей идеи фантастов (например, о полетах в космос, внедрении компьютерных технологий, телевидения, мобильной связи и пр.) становились реальностью.

[1] Уголовное право относится к jus scriptum, т. е. писанному праву. Уже сам факт его существования позволяет отнести его к знаковым (семиотическим) системам, одной из функций которых выступает коммуникация. Абстрагируясь от смыслов, которые несут в себе положения уголовного права, можно рассматривать в качестве значимой информации строение, объем, характер и средства выражения уголовно-правовых предписаний. Поэтому, полагаем, что, учитывая всю совокупность средств изложения текста уголовного закона, следует говорить не только о тексте, но и шире – о семиотике, имея в виду цифровую и знаковую составляющие.

Итак, мы живем на пороге глобальных тектонических процессов, затрагивающих все стороны человеческого бытия. Если мы не будем замечать этого и жить так, как будто все по-прежнему, то эти процессы никуда не исчезнут. Но мы упустим драгоценное время, чтобы подготовиться к ним и максимально эффективно использовать их во благо. В противном случае мы можем столкнуться с тем, что на определенном витке прогресса не будем располагать адекватными сложившимся реалиям правовыми инструментами противодействия преступности, методологией их разработки и применения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы : монография / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб. : Аллетейя, 2023. 500 с.

2. Теория государства и права : учебник /под ред. В. В. Гриба, В. Ю. Панченко. М. : Юрист, 2021. 1008 с.

3. Назаренко Г. В., Ситникова А. И. Качество Уголовного кодекса Российской Федерации и перспективы его повышения // Актуальные проблемы государственно-правовых преобразований в России: история и современность : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., приуроченной к 250-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля, реформатора и ученого М. М. Сперанского / под ред. Е. Е. Тонкова и В. Ю. Туранина. Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. С. 84–86.

4. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987. 267 с.

5. Гилинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб. : Аллетейя, 2022. 136 с.

6. Русскевич Е. А., Дмитренко А. П., Кадников Н. Г. Кризис и палингенезис (перерождение) уголовного права в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13, вып. 3. С. 585–598.

7. Дворянсков И. В. Перспективы развития уголовно-исполнительного законодательства в эпоху искусственного интеллекта. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-ugolovno-ispolnitelnogo-zakonodatelstva-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 12.04.2026).

8. Дворянсков И. В. Преступление и наказание в период цифровой трансформации // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. науч. ст. по результатам работы Всерос. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 1 ноября 2024 г.) / под ред. Е. Н. Рахмановой, М. А. Дворжицкой, Н. Ю. Филатовой. СПб. : Астерион, 2025. С. 25–31. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/132448589/_2024.pdf (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 343.2

Новокшонов Дмитрий Вячеславович
кандидат юридических наук, доцент
начальник кафедры отраслевых и юридических
дисциплин факультета (командного)
Военная ордена Жукова академия войск
национальной гвардии Российской Федерации
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
d_novoksh@mail.ru

Современные направления уголовной политики Российской Федерации за преступления против военной службы в особых условиях

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные направления современной уголовной политики России в сфере противодействия преступлениям против военной службы, совершаемым в условиях мобилизации, военного положения, вооруженного конфликта и боевых действий. Анализируются изменения, внесенные в главу 33 УК РФ Федеральным законом № 365-ФЗ от 24.09.2022 года. Автором выявлена фрагментарность законодательного подхода, отсутствие унифицированного перечня особых условий в диспозициях статей, что порождает правоприменительные коллизии. Особое внимание уделяется конструкции отказа от участия в боевых действиях ч. 2.1 и 2.2 ст. 332 УК РФ, обосновывается необходимость выделения данного деяния в самостоятельный состав. На основе анализа судебной практики доказывается, что ряд составов ст. 335, 336, 343, 349–352 УК РФ необоснованно остались без квалифицирующих признаков, учитывающих особые условия. Вносятся предложения по дополнению указанных норм частями, устанавливающими повышенную ответственность за их нарушение в особых условиях. Делается вывод о необходимости системного подхода к реализации уголовной политики в данной сфере, что позволит обеспечить справедливость назначаемого наказания и усилить превентивный потенциал уголовного закона.*

Ключевые слова: *уголовная политика, военнослужащие, преступления против военной службы, особые условия, период мобилизации, военное положение, боевые действия, квалифицирующие признаки, судебная практика, воинская дисциплина.*

Novokshonov Dmitry Vyacheslavovich
candidate of legal sciences, associate professor
head of the department of sectoral and legal
disciplines of the faculty (command)
Military order of Zhukov Academy of the National Guard
Troops of the Russian Federation
Saint Petersburg, Russian Federation

Current directions of the Russian Federation's criminal policy for crimes against military service in special conditions

Annotation. *The article discusses the current trends in Russia's modern criminal policy in the field of countering crimes against military service committed under conditions of mobilization,*

© Новокшонов Д. В., 2026

martial law, armed conflict, and hostilities. It analyzes the amendments made to Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation by Federal Law No. 365-FZ dated September 24, 2022. The author identifies the fragmented nature of the legislative approach and the lack of a unified list of special conditions in the dispositions of the articles, which leads to legal conflicts. Special attention is paid to the construction of the refusal to participate in combat operations in parts 2.1 and 2.2 of Article 332 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the need to separate this act into an independent crime is substantiated. Based on an analysis of judicial practice, it is proven that a number of crimes under Articles 335, 336, 343, 349-352 of the Criminal Code of the Russian Federation have been unjustifiably left without qualifying features that take into account special conditions. Proposals are made to supplement these norms with parts that establish increased liability for their violation.

Keywords: *criminal policy, military personnel, crimes against military service, special conditions, period of mobilization, martial law, hostilities, qualifying features, judicial practice, military discipline.*

Геополитическое положение и масштаб территории Российской Федерации исторически обусловливали потребность в поддержании боеспособной армии. Эффективность последней напрямую зависела от уровня правопорядка и воинской дисциплины. Проблема воинской преступности традиционно обострялась в периоды вооруженных конфликтов и иных фаз, что неизменно влекло за собой ужесточение законодательных мер в преддверии и в ходе боевых действий. Показательно, что перед войнами 1812 г. и 1941–1945 гг. санкции для военнослужащих, соответствующих по статусу современным контрактникам, устанавливались более суровые по сравнению с рядовым составом.

С началом специальной военной операции Федеральным законом № 365-ФЗ от 24.09.2022 года, в главу 33 УК РФ были внесены изменения, устанавливающие ответственность за воинские преступления, совершенные в условиях военного положения, в военное время либо в обстановке вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Ряд статей 332 – 334, 337 – 339, 340 – 342, 344, 346 – 348 претерпели изменения или были представлены в новой редакции [5, 6].

Внесенные изменения в военно-уголовное законодательство, выявило отсутствие единого подхода. Перечень особых условий изложен в различных статьях. Так, понятие период мобилизации не фигурирует в ч. 2.1 и 2.2 ст. 332, ч. 3 ст. 346, ч. 2 ст. 347 – 348 УК РФ. Понятие военные действия, встречается исключительно в ст. 332 УК РФ. Представляется, что подобная фрагментарность законодательной инициативы требует дальнейшего совершенствования редакций указанных норм.

Сомнительной видится позиция законодателя, полагающего, что такие деяния, как нарушение правил караульной или пограничной службы в период мобилизации, приобретают повышенную общественную опасность, в то время как для неисполнения приказа данный фактор якобы менее значим. Логичнее исходить из того, что наличие любого из экстраординарных обстоятельств многократно увеличивает вредоносность всех перечисленных в измененных статьях посягательств. В связи с этим диспозиции ст. 332 – 334, 337 – 339, 340 – 342, 344, 346 – 348 УК РФ по мнению автора, должны содержать исчерпывающий перечень особых условий, зафиксированный в Федеральном законе № 365-ФЗ.

Особого внимания заслуживает конструкция ч. 2.1 и 2.2 ст. 332 УК РФ, где фактически сформирован самостоятельный состав – невыполнение требования об участии в боевых или военных действиях. Объективная сторона данного деяния уже включает такие условия, как боевые или военные действия, что детерминирует его максимальную общественную опасность. Следовательно, введение дополнительных квалифицирующих признаков, мобилизация, военное положение и пр. в данный состав избыточно. При квалификации содеянного по ст. 332.1 в случае ее выделения и назначении наказания за отказ от участия в боевых действиях иные особые условия не должны дублироваться в качестве отягчающих обстоятельств [7, с. 80].

Примером может служить уголовное дело военнослужащего Д., осужденного по ч. 2.1 ст. 332 УК РФ. Если сама квалификация сомнений не вызывает, то признание судом в качестве отягчающего обстоятельства совершения преступления в период мобилизации представляется спорным, поскольку данный период не является основным признаком указанного состава[1].

Резюмируя изложенное, автор полагает целесообразным:

Исключить из ч. 2.1 и 2.2 ст. 332 УК РФ указание на отказ от участия в военных или боевых действиях.

Дополнить главу 33 УК РФ самостоятельной нормой (ст. 332.1), предусматривающей ответственность за данный вид отказа с дифференциацией санкций в зависимости от наступления тяжких последствий.

Остается открытым вопрос о неприменении квалифицирующих признаков, связанных с особыми условиями, к ряду составов, не затронутых реформой, но обладающих значительным деструктивным потенциалом. В частности, речь идет о нарушениях правил уставных взаимоотношений ст. 335 УК РФ, оскорблениях ст. 336 УК РФ, нарушениях правил несения службы по охране правопорядка ст. 343 УК РФ, а также правил обращения с оружием, вождения и эксплуатации машин, полетов и кораблевождения ст. 349–352 УК РФ [3, с. 68].

В мирное время эти преступления влекут моральный и физический вред, повреждение дорогостоящей техники, гибель людей. В боевой обстановке их последствия усугубляются срывом выполнения боевых задач, неоправданными потерями личного состава, утратой позиций. Так, максимальная санкция ч. 3 ст. 335 УК РФ составляет 10 лет лишения свободы. Однако в условиях боевых действий неуставные проявления, унижения и насилие способны дезорганизовать взаимодействие в подразделении, спровоцировать применение оружия, что влечет небоевые потери и невыполнение задачи. В этой связи предлагается дополнить ст. 335 УК РФ частью 4, устанавливающей наказание за подобные деяния в особых условиях сроком от пяти до пятнадцати лет лишения свободы [2, с. 42].

Аналогичным образом требуют учета особые условия в составе оскорбления военнослужащего ст. 336 УК РФ. В условиях проведения СВО и мобилизации подобные деяния продолжают фиксироваться. Пример с рядовым Т., осужденным по ч. 2 ст. 336 УК РФ, демонстрирует, что отсутствие в диспозиции квалифицирующих признаков, несмотря на учет судом периода мобилизации в качестве отягчающего обстоятельства, не позволяет назначить соразмер-

ное наказание в рамках санкции, рассчитанной на мирное время. Предлагается дополнить ст. 336 УК РФ частью 3, предусматривающей ответственность за оскорбление в особых условиях с наказанием от трех до семи лет лишения свободы [4, с. 28].

Учитывая участие войск национальной гвардии в выполнении задач в период СВО, целесообразно распространить аналогичный подход на ст. 343 УК РФ, дополнив ее частью 3 с наказанием от пяти до десяти лет лишения свободы за нарушения, допущенные в особых условиях.

Высокая стоимость и сложность современных образцов вооружения, военной и специальной техники, летательных аппаратов и кораблей обусловливают повышенную общественную опасность нарушений правил их эксплуатации. В особых условиях такие нарушения способны не только причинить колоссальный материальный ущерб и привести к небоевым потерям, но и подорвать боеспособность подразделений. Корректное применение техники, напротив, является залогом успешности операций.

В связи с этим обоснованным видится введение квалифицированных составов в ст. 349–352 УК РФ, предусматривающих ответственность за соответствующие нарушения, совершенные в особых условиях. Предлагаемые санкции варьируются от трех до двадцати лет лишения свободы, что позволит дифференцировать наказание и уравнять его с иными смежными составами (например, с ч. 6 ст. 264 УК РФ).

Внесение изменений в ст. 345 УК РФ представляется избыточным, так как диспозиция данной нормы изначально ориентирована на обстановку боевых действий. Нецелесообразна корректировка и ст. 352.1 УК РФ, поскольку ее применение априори предполагает участие военнослужащего в боевых действиях.

Интеграция особых условий в качестве квалифицирующих признаков во все составы главы 33 УК РФ будет способствовать вынесению судами справедливых приговоров, адекватно отражающих степень общественной опасности содеянного, и окажет превентивное воздействие на личный состав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архив Хабаровского гарнизонного военного суда за 2023 год. Уголовное дело в отношении военнослужащего Д.

2. Глухов Е. А. Правовые аспекты управления организационным взаимодействием в сфере обороны и военной безопасности // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 11(192). С. 42–54.

3. Ермолович Я. Н. Новое обстоятельство, отягчающее наказание, в уголовном законодательстве России (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 августа 2024 года № 218-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 1(330). С. 67–74.

4. Корякин В. М. Правовое обеспечение специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины : монография. М., 2025. 360 с. (Теория и история государства и права).

5. Новокшонов Д. В. Некоторые вопросы уголовной политики государства в период военного положения // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 4(333). С. 57–61.

6. Новокшонов Д. В. Объективная сторона преступления (начало) // Аграрное и земельное право. 2024. № 2(230). С. 246–249.

7. Чукин Д. С. Некоторые проблемные аспекты новеллизации уголовного законодательства // Мир криминалистики. 2024. № 3. С. 79–83.

УДК 347.951

Кунц Елена Владимировна
доктор юридических наук, профессор
главный научный сотрудник
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний
г. Москва, Российская Федерация
73kuntc@mail.ru

Уголовная политика и вопросы эффективности уголовного наказания

Аннотация. *В статье отмечается, что традиционно в отечественной юридической науке уголовную политику принято понимать, как одну из составных частей общей политики российского государства. Уголовная политика является частью правовой и одновременно социальной политики государства. Отечественное законодательство отражает правовую политику нашего государства, которая охватывает, в том числе и применение мер уголовного наказания. С учетом специфики современного законодательства уголовная политика как политика государства по борьбе с преступностью включает в себя: уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, криминологическую, а также ту часть административно-правовой политики, которая направлена на нейтрализацию правонарушений, пограничных с преступлениями. Следовательно, уголовная политика носит межотраслевой характер.*

Ключевые слова: *наказание, норма, уголовный закон, уголовная политика, эффективность.*

Kunts Elena Vladimirovna
doctor of law, professor
Research institute of the Federal
penitentiary service chief researcher
Moscow, Russian Federation

Criminal policy and the effectiveness of criminal punishment

Annotation. *The article notes that traditionally in Russian legal scholarship, criminal policy is understood as one of the components of the overall policy of the Russian state. Criminal policy is*

© Кунц Е. В., 2026

part of both the legal and social policies of the state. Domestic legislation reflects the legal policy of our state, which includes the application of criminal penalties. Given the specifics of modern legislation, criminal policy as a state policy for combating crime includes criminal law, criminal procedure, penal enforcement, criminological, as well as that part of administrative and legal policy aimed at neutralizing offenses bordering on crimes. Consequently, criminal policy is interdisciplinary in nature.

Keywords: *punishment, norm, criminal law, criminal policy, efficiency.*

В юридической литературе в настоящее время сформирован предмет уголовной политики, который охватывает различные стороны направлений в борьбе с преступностью, включая меры воздействия на ее причины, формы, способы борьбы с ней, определены принципы уголовной политики, связанные с общими принципами права.

Принципиально новое значение приобретает соотношение уголовной политики и уголовного законодательства, особенно в части применения уголовного наказания. Еще И. А. Стручков отмечал, что уголовная политика должна давать направление определению содержания уголовно-правовых норм. В соответствии с требованиями уголовной политики определяется круг уголовно-наказуемых деяний, т. е. решается проблема законодательной криминализации деяний. В соответствии с положениями уголовной политики устанавливается наказуемость деяний, т. е. их пенализация. Естественно поэтому, основу применения норм уголовного права должны создавать положения уголовной политики» [1, с. 18–19].

Через уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное законодательство проходит один из основных принципов уголовной политики – экономия уголовных репрессий. Его реализация связана с правильным установлением размеров санкций, назначением и исполнением уголовного наказания, что имеет не только теоретическое, практическое и социальное значение.

В настоящее время следует отметить гуманизацию уголовной политики. Хотя председатель Верховного Суда Российской Федерации И. В. Краснов на итоговом совещании судей отметил: «крайне высокой» остается доля удовлетворенных судами ходатайств об аресте подозреваемых: они согласовывают 88 % обращений о заключении под стражу и 98 % – о продлении ареста. Верховным судом в этой части уже даны все необходимые разъяснения, «но нередко решения формально штампуются» [6].

В задачи уголовной политики, как правоформирующего фактора входят наиболее важные общественные отношения, с которыми законодатель определил только единственный путь решения проблемы, это наличие в уголовном законе такого описания признаков преступления, чтобы они подпадали под признаки конкретного состава преступления, определенного вида уголовного наказания закрепленного в ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации. Правонарушения, которые остаются вне пределов сферы действия уголовного закона, применяются административные, гражданско-правовые и дисциплинарные меры воздействия.

Особо следует отметить, что при осуществлении уголовной политики не следует полагать, что само наличие уголовного наказания в уголовном законе приведет к автоматическому снижению преступности.

Не в полной мере следует поддержать позицию А. С. Шляпочникова, который отмечал, что необходимо такое построение санкций, при котором расширяются возможности суда назначать виновному наказание по роду и мере, соответствующей как характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, так и общественной опасности личности преступника [7, с. 63]. Общественная опасность личности преступника – это ее специфическое социальное свойство, которое заключается в способности при определенных условиях совершать преступления. Оно обусловлено наличием социально-отрицательных или неблагоприятных свойств и качеств, сформировавшихся в процессе нравственного формирования личности.

В настоящее время существует значительный разрыв между минимальными и максимальными сроками лишения свободы. Федеральным законом от 07 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс» из целого ряда статей Особенной части УК РФ исключены «нижние пределы» сроков лишения свободы» [3]. Некоторые ученые считают, что отмена нижних пределов наказания в виде лишения свободы позволила судам проявлять дифференцированный подход при назначении наказания. Однако есть мнение, что отсутствие минимальных сроков может привести к назначению кратких сроков лишения свободы, которые не всегда эффективны.

В 2024 году обсуждался законопроект № 579208-8 [4], предлагающий установить минимальные сроки лишения свободы в зависимости от категории преступления, однако не был поддержан.

Вопрос о применении уголовного, наказания, это отнюдь не вопрос «более решительном» или «мягкосердечном» отношении к преступникам. Прежде всего это вопрос о степени реального социального эффекта наказания. При попытке определения подлинного социального эффекта, производимого в результате применения уголовного наказания (в его наиболее существенных формах), приходится принимать в расчет многие «побочные» результаты, своеобразные «издержки» применения уголовного закона, которые будучи взяты в целом, за достаточно длительное время составляют существенный компонент, подлежащий оценке при определении указанного эффекта [8, с. 63].

Одним из критериев эффективности наказания, в плане его специально-предупредительного воздействия, может служить уровень рецидивной преступности в общей массе совершенных несовершеннолетними преступлений [5, с. 202]. Сегодня отчетливо видна тенденция гуманизации пенитенциарной системы [2, с. 346].

Если говорить о лишении свободы, то это наказание существенно сужает социальные связи и сферу общения осужденных, что позволяет оградить от влияния неустойчивых лиц, предупредить вовлечение их в преступную деятельность, лишить возможности поддерживать отрицательные социальные связи. Путем ограничения социальных связей и сферы общения решается проблема частного предупреждения и в значительном объеме реализуется само нака-

зание, поскольку суровость воздействия во многом зависит от степени ограничения прежних социальных связей и сферы общения осужденных.

С учетом вышеизложенного, на современном этапе развития государства уголовная политика направлена на обеспечение безопасности личности, общества и государства, а также на снижение уровня преступности до социально приемлемого. Вместе с тем, наблюдаются противоречивые тенденции: с одной стороны – гуманизация и либерализация, с другой – ужесточение ответственности за отдельные виды преступлений, что объясняется обеспечением национальных интересов государства. Таким образом, для определения эффективности наказания необходимо учитывать эффективность отдельных его видов наказания, назначения и исполнения наказания, а также мероприятий по закреплению результатов исправления после освобождения осужденного.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вермеш М. Основные проблемы криминологии / пер. с венг. С. Г. Келиной ; под ред. и с вступ. статьей Н. А. Стручкова. М., 1978. 272 с.

2. Голубовский В. Ю. Проблемы гуманизации уголовного закона в отношении женщин // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. науч. ст. по результатам работы Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 1 ноября 2024 г. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2025. С. 346–351.

3. Законопроект № 579191-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (о замене отдельных видов наказания арестом и об уточнении пределов наказания в виде лишения свободы)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/579191-8?ysclid=mo4c4v30x 646362137(дата обращения: 10.04.2026).

4. Законопроект № 579208-8 «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (о замене наказания в виде принудительных работ арестом в отношении осужденного, признанного злостным нарушителем либо уклонившегося от отбывания принудительных работ)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/579208-8?ysclid=mn7ocznuzj 495650358 (дата обращения: 10.04.2026).

5. Кунц Е. В. Духовная жизнь общества и проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами : сб. трудов по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием в рамках III Саратовского юрид. форума «Законотворческая политика и правоприменение в современной России», Саратов, 9 июня 2023 г. Саратов : Саратовская гос. юрид. акад., 2023. С. 201–206.

6. Председатель Верховного Суда Российской Федерации Краснов: тренд на гуманизацию уголовного правосудия сохраняется. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8443188?ysclid=mo48hsdr85671619924 (дата обращения: 10.04.2026).

7. Шляпочников А. С. Некоторые актуальные проблемы советского уголовного права и криминологии : доклад об опубл. на эту тему работах на соис-

кание уч. степени д-ра юрид. наук / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработ. мер предупреждения преступности. М., 1966. 74 с.

8. Яковлев А. М. Социальная эффективность уголовного закона. М., 1967. С. 55–63.

УДК 345.35

Хазизулин Виталий Билалуевич
кандидат юридических наук
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Владивосток, Российская Федерация
hazizulinvitali@mail.ru

К вопросу о совершенствовании законодательства о противодействии коррупции

Аннотация. *В статье рассматриваются положения гражданского, уголовного и административного законодательства, применяемые в процессе противодействия коррупционным деяниям физических и юридических лиц. Демонстрируется возможность использования материалов уголовных дел, свидетельствующих о совершении административного правонарушения коррупционной направленности, в качестве основания для возбуждения соответствующего дела, а также для обоснования искового заявления прокурора об обращении в доход государства имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы. Также акцентируется внимание на невозможности привлечения к уголовной ответственности физического лица за посредничество в получении или даче взятки в размере, не образующем значительный. Предлагается усовершенствование законодательства о противодействии коррупции для регламентации передачи прокурору материалов уголовных дел в обозначенных целях и введения уголовной ответственности за указанное посредничество.*

Ключевые слова: *коррупция, имущество, изъятие, доход государства, правонарушение коррупционной направленности, юридическое лицо, уголовное дело, посредничество во взяточничестве.*

Khazizulin Vitaly Bilaluevich
candidate of legal sciences, head of the department
of criminal law disciplines, far Eastern Legal
institute (branch) of the university of the
prosecutor’s office of the Russian Federation

Towards improving anti-corruption legislation

Annotation. *The article examines the provisions of civil, criminal and administrative law applied in the process of countering acts of corruption by natural and legal persons. Demonstration of the possibility of using criminal case material showing that an administrative offence of a cor-*

© Хазизулин В. Б., 2026

rupt nature has been committed as a basis for initiating proceedings; as well as to substantiate the prosecutor's claim that property in respect of which no evidence is presented for its acquisition by means of legitimate income is being turned into state revenue. Attention is also drawn to the impossibility of criminal liability of a natural person for intermediation in the receipt or delivery of bribes in an amount that does not constitute significant. It is proposed to improve anti-corruption legislation in order to regulate the transfer of criminal records to the prosecutor for the stated purposes and to introduce criminal liability for said mediation.

Keywords: *corruption, property, seizure, state income, corruption offence, legal person, criminal case, mediation in bribery.*

Действующее законодательство о противодействии коррупции [11], признавая государственную и общественную нетерпимость к этому явлению, предусматривает ответственность как юридических, так и физических лиц. Причем последние несут ее не только в уголовном, но и в гражданско-правовом порядке.

На протяжении последних нескольких лет в отечественной правоприменительной практике в рамках антикоррупционных мер активно применяется институт обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы. Инициатором такого обращения выступает прокурор, который координирует деятельность правоохранительных органов по борьбе с коррупцией и реализовывает другие полномочия для противодействия ей.

Например, Генеральной прокуратурой РФ в суд направлено исковое заявление об обращении в доход государства 56 активов, принадлежащих бывшему высокопоставленному руководителю одного из таможенных органов на общую сумму более 500 млн руб., на том основании, что законно полученный за несколько лет доход чиновника и членов его семьи не позволял приобрести эти активы [7].

По аналогичным основаниям изъято фактически подконтрольное бывшему главе г. Владивостока имущество в виде коммерческого холдинга на сумму более 79 млрд руб. [1].

Правовым основанием для реализации названного института являются положения п. п. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ [2], предусматривающие возможность принудительного изъятия имущества у собственника по указанным причинам в рамках гражданского судопроизводства по исковому заявлению прокурора.

При этом в основу требования об обращении в доход государства имущества, как полученного вследствие нарушения лицом, занимающим публичную должность, запретов и ограничений, направленных на предотвращение коррупции, может быть положено предположение, что его приобретение обусловлено совершением этим лицом конкретных коррупционных деяний (получение взятки, злоупотребление полномочиями, незаконное участие в предпринимательской деятельности и т. п.).

Из этого следует, что такое имущество подлежит обращению исключительно в доход государства и не может являться легальным объектом гражданского оборота, быть законным средством платежа и погашения обязательств по кредитам, а также находиться у кого-либо на законных основаниях [12, с. 212].

Кроме того, юридические лица могут быть привлечены к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ [3] за незаконное вознаграждение от их имени или в их интересах. Инициатива возбуждения соответствующих дел отнесена законодателем к исключительной компетенции прокурора.

Анализ правоприменительной практики показывает, что факты наличия у чиновника имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы, а также коррупционного поведения в пользу юридических лиц устанавливаются, как правило, и исследуются следственными органами в ходе досудебного производства по уголовным делам коррупционной направленности.

В связи с чем активное взаимодействие следователя и прокурора в процессе предварительного расследования преступлений рассматриваемой категории позволяет оперативно добывать доказательства и использовать полученные данные в дальнейшем в ходе гражданского и административного судопроизводства при доказывании соответственно фактов незаконного обогащения должностных лиц и коррупционных деяний от лица или в пользу юридических лиц [12, с. 213].

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ [4] данные предварительного расследования, содержащиеся в материалах уголовных дел (в т.ч. в материалах процессуальных проверок сообщений о преступлениях), принимаются судами в гражданском процессе в качестве письменных доказательств, поскольку при рассмотрении исковых требований прокурора представленные им доказательства неосновательного обогащения чиновника не оцениваются в качестве доказательств причастности (непричастности) ответчика к инкриминируемому ему уголовно-наказуемому деянию, а равно в качестве доказательств виновности (невиновности) в совершении преступления в рамках уголовного дела.

Так, материалы уголовного дела по обвинению бывшего депутата Государственной Думы ФС РФ С. в легализации денежных средств, приобретенных преступным путем, использованы в гражданском процессе в обоснование исковых требований прокурора об обращении имущественного комплекса этого чиновника в доход государства как имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы [8].

Часть 1 ст. 28.1 КоАП РФ позволяет рассматривать материалы уголовного дела о коррупционном преступлении, указывающие на наличие события административного правонарушения, в качестве повода для возбуждения дела об административном правонарушении в отношении юридического лица. При этом полученные в ходе досудебного уголовного судопроизводства сведения принимаются в порядке административного судопроизводства и рассматриваются в качестве доказательств противоправной деятельности такого лица.

Например, приобщенное прокурором к делу об административном правонарушении обвинительное заключение, составленное по уголовному делу в отношении взяткодателя, действовавшего в интересах юридического лица, оцене-

но судом в качестве доказательства события и состава указанного административного правонарушения, за которое коммерческая организация привлечена к административной ответственности [9].

Другие процессуальные документы (постановления о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, иные материалы) также используются в административном судопроизводстве в качестве доказательств коррупционных деяний от имени или в пользу юридических лиц [6].

В связи с изложенным при наличии соответствующих сведений своевременное направление руководителем следственного органа надлежаще заверенных копий материалов уголовных дел коррупционной направленности прокурору для реализации им вышеуказанных полномочий должно рассматриваться в качестве необходимой составляющей предварительного расследования анализируемой группы преступлений.

В то же время законодательно закрепленной обязанности следственного органа направлять соответствующие материалы прокурору не установлено, что оставляет принятие соответствующего решения на усмотрение следователя и руководителя следственного органа. Данное обстоятельство, по нашему мнению, предполагает необходимость внесения соответствующих изменений в УПК РФ [10], предусматривающих обязанность выделения следователем материалов о нарушении законодательства о противодействии коррупции, содержащих признаки административного правонарушения, в отдельное производство и направление их прокурору для последующей юридической оценки.

Кроме того, также следует отметить, что с появлением в УК РФ нормы, предусматривающей ответственность за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), в научной среде ведутся дискуссии о возможности привлечения лица, осуществившего непосредственную передачу взятки от взяткодателя взяткополучателю или оказавшего иное способствование в достижении ими соглашения о получении или даче взятки в размере, не образующем значительный, за пособничество в получении или даче взятки.

Верховный Суд РФ в 2019 году, внеся изменения в Постановление Пленума 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [5], разрешил этот вопрос следующим образом. В соответствии с п. 13.3 названного Постановления, исходя из диспозиций статей 291.1 и 204.1 УК РФ, согласно которым уголовно наказуемым признается посредничество во взяточничестве или коммерческом подкупе, совершенное в значительном, крупном и особо крупном размере, лицо, оказавшее посреднические услуги при передаче взятки либо предмета коммерческого подкупа на сумму, не превышающую двадцати пяти тысяч рублей, не может нести ответственности как соучастник в получении и даче взятки, мелком взяточничестве или коммерческом подкупе, мелком коммерческом подкупе со ссылкой на статью 33 УК РФ.

Действительно, квалификация таких действий как пособничество во взяточничестве приводила бы к необоснованному расширению оснований уголов-

ной ответственности, являлась бы по сути применением уголовного закона по аналогии. Такая ситуация в целях правовой оценки действий лица схожа с юридической точки зрения с убийством новорожденного ребенка матерью, достигшей возраста 14 лет, но не достигшей 16 лет. Ведь очевидно, что если законодатель связывает наступление уголовной ответственности с определенными условиями (возраст, размер предмета взятки), то отсутствие этих условий исключает уголовную ответственность.

Соглашаясь с такими выводами, подкрепленными обозначенной правовой позицией Верховного Суда РФ, следует отметить, что законодательное решение о фактической декриминализации пособничества в получении или даче взятки в размере, не образующем значительный, не вполне отвечает целям противодействия коррупции, поскольку такие действия обладают той степенью общественной опасности, которая позволяет отнести деяние к уголовно наказуемым. В этой связи, по нашему мнению, законодателю целесообразно рассмотреть вопрос о внесения изменений в ст. 291.1 и 204.1 УК РФ, предусмотрев в качестве основного состава посредничества во взяточничестве размер, не образующий значительный.

Таким образом, можно сделать вывод, что действующее законодательство в сфере противодействия коррупции, хоть и является достаточно эффективным, однако не исключает возможности его совершенствования в целях дальнейшего более эффективного противодействия такому негативному социальному явлению как коррупция.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Владивосток отказывают от цемента // Коммерсант. 11.09.2025. URL : https://www.kommersant.ru/doc/8025471?from=top_main_1 (дата обращения: 15.04.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ : принят Государственной Думой 21 октября 1994 г. (в ред. от 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_5142/ (дата обращения: 15.04.2026).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : принят Государственной Думой 20 декабря 2001 г., одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. (в ред. от 23.03.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW _34661/?ysclid= mqpncdwxhl94803379 (дата обращения: 15.04.2026).

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30.06.2020 № 1466-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тришина Евгения Григорьевича на нарушение его конституционных прав статьями 322 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId= 7&documentId=367556& ysclid=mqpnny0mif585030846 (дата обращения: 15.04.2026).

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред от 9.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/?ysclid=mqpnt6hvuf246795077 (дата обращения: 15.04.2026).

6. Постановление по делу об административном правонарушении № 5-768/2025 от 04.08.2025 // Мировой судья судебного участка № 79 района Северный г. Москвы: офиц. портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-sud.ru/79/cases/admin/details/789e481a-58e1-427a-bd1a-5def6898c29f?codex=19.28&actDocStatus=2&formType=fullForm (дата обращения: 15.04.2026).

7. Прокуратура подала иск к экс-главе подмосковной таможни на 500 млн рублей // Коммерсант. 15.04.2026. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8590031 (дата обращения: 15.04.2026).

8. Решение по гражданскому делу № 02-2429/2023 // Замоскворецкий районный суд г. Москвы: офиц. портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/civil/details/a1588d91-a779-11ed-9fa0-7b7afa746cc2?participant=%D0%A1%D0BE%D0%BF %D1%87%D1%83%D0%BA (дата обращения: 15.04.2026).

9. Решение по делу об административном правонарушении № 12-3/2026 от 30.01.2026 // Сургутский городской суд Ханты-Мансийского городского округа – Югры : офиц. сайт. URL: https://surggor--hmao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=266892906&delo_id=1502001&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.04.2026).

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г., одобрен Софетом Федерации 5 декабря 2001 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=mqpo180pnc91842081 (дата обращения: 15.04.2026).

11. О противодействии коррупции. Федеральный закон от 25 декабря № 273-ФЗ : принят Государственной Думой 19 декабря 2008 г., одобрен Советом Федерауии 22 декабря 2008 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/?ysclid=mqpo7p2kjs984534019 (дата обращения: 15.04.2026).

12. Хазизулин В. Б. Противодействие коррупции путем использования результатов предварительного расследования в гражданском и административном судопроизводстве // Актуальные проблемы досудебного производства: вопросы теории и практики : сб. материалов межвуз. межрегион. науч.-практ. круглого стола (Хабаровск, 26 марта 2025 г.). М. : Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, 2025. С. 123–128.

УДК 343.8

Милич Иван Д.
доктор юридических наук
доцент кафедры уголовного права
Новосадский университет
г. Нови-Сад, Республика Сербия
I.Milic@pf.uns.ac.rs

Научный редактор:
Евстегнеев Алексей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Некоторые аспекты наказания в виде пожизненного лишения свободы

Аннотация: *Настоящая статья посвящена анализу такого вида наказания, как пожизненное лишение свободы, применяемой уголовным законодательством Республики Сербия. Автором, по результатам проведенного исследования высказываются некоторые критические замечания, касающиеся достижения целей наказания при исполнении данного вида наказания. А также излагается критика по поводу отсутствия специальных правил отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы.*

Ключевые слова: *уголовное законодательство, наказание, пожизненное лишение свободы, права осужденных, исправительное учреждение, тюрьма, лишение свободы.*

Milić Ivan D.
doctor of law, associate professor
of the department of criminal law
University of Novosad
Novi Sad, Republic of Serbia

Scientific Editor:
Evstegneev Alexey Sergeevich
candidate of legal sciences, associate professor
associate professor of the department of judicial and law enforcement activities
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Some aspects of life imprisonment as a criminal sanction

Annotation. *This article is devoted to the analysis of life imprisonment as a form of punishment under the criminal legislation of the Republic of Serbia. Based on the results of the conducted research, the author puts forward several critical observations concerning the achievement of the*

© Милич И. Д., 2026

purposes of punishment in the execution of this type of sentence. The article also presents criticism regarding the absence of special rules governing the serving of a life imprisonment sentence.

Keywords: *criminal legislation, punishment, life imprisonment, prisoners' rights, correctional institution, prison, deprivation of liberty.*

После завершения уголовного судопроизводства, если установлено, что обвиняемый совершил преступление и виновен в его совершении, ему назначается соответствующее уголовное наказание согласно санкции соответствующей статьи Уголовного кодекса Республики Сербия (далее по тексту – УК РС). Согласно положениям уголовного законодательства Республики Сербия, лицу, совершившему преступление, могут быть назначены только те наказания, которые предусмотрены Уголовным кодексом. Система уголовных наказаний в Республике Сербия нередко подвергается изменениям. Эти изменения выражаются в установлении новых наказаний либо в модификации уже существующих. Анализ вносимых законодателем изменений свидетельствует о том, что чаще всего вводятся новые уголовные наказания, являющиеся альтернативой лишению свободы. Вместе с тем, в 2019 году, систему уголовных наказаний, предусмотренных УК РС законодатель дополнил таким наказанием как пожизненное лишение свободы [1].

Проведенные исследования свидетельствуют о том, что законодатель, внося изменения в Уголовный кодекс, забывает о необходимости корректировки уголовно-исполнительного законодательства. Это означает, что, при изменении системы наказаний, содержащейся в Уголовном кодексе, закон, регулирующий исполнение уголовных наказаний, остается без изменений. Именно такая ситуация сложилась в Республике Сербия. Например, законодатель дополняет УК РС новым видом уголовного наказания, при этом не вносит необходимые изменения в уголовно-исполнительное законодательство, в котором содержатся нормы, устанавливающие правила исполнения такого наказания, что создает серьезные практические проблемы с исполнением нового вида наказания.

Действующий Уголовный кодекс Республики Сербия предусматривает следующие виды наказаний [2]:

1. Пожизненное лишение свободы;
2. Лишение свободы;
3. Штраф;
4. Общественно полезные работы;
5. Лишение водительских прав.

Как следует из приведенного перечня (системы уголовных наказаний), пожизненное лишение свободы является наиболее строгим видом наказания. Настоящее наказание может быть назначено за совершение тяжких или особо тяжких преступлений. Согласно действующим положениям УК РС, вместо лишения свободы, в исключительных случаях, суд может назначить пожизненное лишение свободы. Следовательно, пожизненное лишение свободы не может быть назначено как самостоятельный вид наказания, а назначается только как альтернатива лишению свободы, в связи с тем, что, согласно действующим по-

ложениям, срок лишения свободы, как это сказано в ст. 45 УК РС, не может быть менее тридцати дней и более двадцати лет.

Уголовный кодекс Республики Сербия, устанавливая пожизненное лишение свободы, также предусматривает случаи, когда этот вид наказания не может быть назначен. Во-первых, оно не может быть назначено лицу, которое на момент совершения преступления не достигло двадцати одного года. Во-вторых, пожизненное лишение свободы не назначается в случаях, когда закон предусматривает возможность смягчения наказания (пункт 1 части 1, статьи 56 УК РС), а также при наличии оснований для освобождения от наказания.

Следует отметить, что законодатель предусмотрел возможность назначения пожизненного лишения свободы за совершение тех преступлений, за которые ранее устанавливалось наказание в виде лишения свободы сроком от 30 до 40 лет.

Представляется, что в связи с назначением наказания в виде пожизненного лишения свободы возникает вопрос о целях наказания. Согласно положениям Уголовного кодекса [3], как это следует из содержания части 2 статьи 4 УК РС, целями наказания являются:

1. Предупреждение совершения преступлений самим правонарушителем и воздействие на него с целью недопущения совершения новых преступлений;

2. Воздействие на других лиц с целью предотвращения совершения ими преступлений;

3. Выражение общественного осуждения совершенного преступления, укрепление нравственных ценностей и обязанности соблюдать закон;

4. Обеспечение справедливости и соразмерности между совершенным деянием и тяжестью уголовного наказания.

Согласно действующему законодательству Республики Сербия одной из целей исполнения наказания в виде лишения свободы является ресоциализация осужденного и его реинтеграция, т. е., чтобы осужденный исправился в исправительном учреждении или в тюрьме, во время отбывания наказания и вернулся в общество, а в будущем не совершал новых преступлений. В связи с этим возникает вопрос относительно возвращения в общество исправленного человека, оправдана ли эта цель в отношении осужденных лиц, которым назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы?

Также возникает вопрос, может ли осужденный, приговоренный к пожизненному лишению свободы, когда-нибудь выйти на свободу? Существуют ли правовые институты, посредством применения которых стало возможным, чтобы осужденный не встретил смерть в исправительном учреждении? Отвечая на эти вопросы можно констатировать, что в правовой системе Республики Сербия предусмотрены такие институты, которые позволяют осужденному к пожизненному лишению свободы досрочно оказаться на свободе в случаях применения к осужденному условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания такого наказания.

Наличие института условно-досрочного освобождения осужденного от дальнейшего отбывания наказания в уголовном законодательстве Сербии предполагает, что осужденный, отбывший 2/3 срока лишения свободы, может быть

условно-досрочно освобожден. Из этого правила существуют и определенные исключения, к которым следует отнести возможность условно-досрочного освобождения от отбывания такого вида уголовного наказания, как пожизненное лишение свободы. В данном случае действует правило, согласно которому суд может условно-досрочно освободить осужденного, приговоренного к пожизненному лишению свободы, если он отбыл двадцать семь лет. Однако из этого правила существует одно исключение – суд не может условно-досрочно освободить осужденного за следующие преступления: тяжкое убийство, предусмотренное пунктом 9 части 1 статьи 114 УК РС, изнасилование, предусмотренное частью 4 статьи 178 УК РС, половое сношение с беспомощным лицом, предусмотренное частью 3 статьи 179 УК РС, половое сношение с ребенком предусмотренное частью 3 статьи 180 УК РС и половое сношение с злоупотреблением служебным положением, предусмотренное статьей 181 УК РС. Следовательно, если осужденный не может быть условно-досрочно освобожден, то вновь возникает тот же вопрос о цели его ресоциализации. В чем проявляется цель исполнения наказания – в изоляции осужденного? Следовательно, мы считаем, что законодателю целесообразно пересмотреть положения о невозможности применения условно-досрочного освобождения от пожизненного лишения свободы за перечисленные составы преступлений.

Наряду с условно-досрочным освобождением от дальнейшего отбывания наказания, в уголовном законодательстве Сербии предусмотрено еще два института освобождения от дальнейшего отбывания наказания – это институты помилования и амнистии.

Институт помилования является особым институтом освобождения конкретного осужденного от любого вида наказания. В данном случае, Президент Республики Сербия может, по ходатайству самого осужденного о помиловании, помиловать осужденного и освободить его от исполнения наказания, в том числе и пожизненного лишения свободы. И в этом случае возникает вопрос, связанный с достижением целей наказания – возможно ли в такой ситуации достижение какой-либо цели, предусмотренной законодательством?

Институт амнистии – уникальный вид освобождения осужденных от уголовного наказания. Смысл данного института заключается в том, что Народная скупщина Республики Сербия может принять закон об амнистии. Следовательно, в связи с принятием такого закона, осужденные за совершение преступлений названных в Законе об амнистии. В случае если в таком законе будут названы и те виды преступлений, за совершение которых осужденные отбывают наказание в виде пожизненного лишения свободы, могут быть амнистированы, т. е. освобождены от дальнейшего отбытия такого наказания. Однако изучение практики применения институтов помилования и амнистии свидетельствует о том, что за анализируемый период не выявлено ни одного случая помилования или амнистирования лиц, осужденных к такому виду наказания, как пожизненное лишение свободы.

Представляется не менее интересным такой институт освобождения от отбывания наказания, как преждевременное освобождение, сущность которого заключается в том, что осужденное лицо может быть преждевременно освобо-

ждено от отбывания наказания в виде лишения свободы. Речь идет о том, что директор Управления по исполнению уголовных наказаний может за несколько месяцев до истечения срока лишения свободы преждевременно освободить осужденного, однако это невозможно, когда речь идет об осужденном, которому назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы.

Вопрос направления осужденного для отбывания наказания в виде лишения свободы в соответствующее исправительное учреждение или в тюрьму является очень важным. Действующее законодательство Республики Сербия регулирует порядок направления осужденного к лишению свободы в соответствующее исправительное учреждение или в тюрьму. В настоящее время, в Сербии имеется более 30 исправительных учреждений и тюрем, где отбывают наказание осужденные к лишению свободы, которые отличаются друг от друга режимом отбывания наказания. Некоторые из них менее строгие, некоторые строгие, а также существуют исправительные учреждения и тюрьмы с наиболее строгим режимом [4]. Исходя из этого, является логичным то, что до текущего года, осужденные, которым назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, отбывали это наказание в исправительных учреждениях или в тюрьмах с наиболее строгим режимом. Не смотря на то, что пожизненное лишение свободы, как вид наказания введено в содержание норм уголовного законодательства Сербии в 2019 году, до 2026 года, в законодательстве, регулирующем порядок отбывания такого наказания, ничего не менялось. Это означает, что такие осужденные лица отбывали наказание в исправительных учреждениях или в тюрьмах с наиболее строгим режимом. Следовательно, осужденные лица, которым назначено такое наказание, отбывали его в различных исправительных учреждениях или в тюрьмах, в связи с тем, что отсутствовало единое учреждение, в котором можно было бы отбывать данное наказание. Это означало, что, например, в одном исправительном учреждении или тюрьме мог находиться, среди других осужденных, только один осужденный, отбывающий наказание в виде пожизненного лишения свободы. Однако с текущего года ситуация кардинально изменилась. В действующем законодательстве появилось предписание о том, что осужденные к пожизненному лишению свободы должны отбывать наказание отдельно от других категорий осужденных к наказаниям, связанным с лишением свободы. В настоящее время все осужденные к пожизненному лишению свободы отбывают наказание в одной тюрьме, расположенной в Белграде. Представляется, что такое решение является оправданным, прежде всего по причинам единообразного обращения сданной категорией осужденных.

Однако, вряд ли можно назвать оправданным то, что действующее законодательство не предусматривает каких-либо специальных правил отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы. Нам представляется очевидным то, что, если данная категория лиц осуждена к пожизненному лишению свободы, то к ним должны применяться особые правила отбывания такого наказания, отличающиеся от правил и условий отбывания наказания в виде лишения свободы остальными осужденными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Милич И. Пожизненное лишение свободы в Сербии // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности : сб. тр. VI Тихоокеанского юрид. форума, 8 октября 2021 г. /сост. В. В. Гаврилов. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. С. 285–288.

2. Милич И. Виды наказаний // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2022. С. 3–8.

3. Уголовный кодекс Республики Сербия // Служебный вестник Республики Сербия, № 85 от 6 октября 2005 г., № 88 от 14 октября 2005 г. – с изм., № 107 от 2 декабря 2005 года – с изм., № 72 от 3 сентября 2009 г., № 111 от 29 декабря 2009 г., № 121 от 24 декабря 2012 г., № 104 от 27 ноября 2013 г., № 108 от 10 октября 2014 г., № 94 от 24 ноября 2016 г., № 35 от 21 мая 2019 г., № 94 от 28 ноября 2024 г.

4. Милич И. Где отбывают тюремное заключение самые опасные заключенные в Республике Сербия? // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 20 сент. 2019 г. : в 2 т. / редкол.: А. Л. Осипенко и др. Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России, 2019. Т. 1. С. 44–50.

УДК 343

Антонова Елена Юрьевна
доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовного и публичного права
Московский университет «Синергия»
г. Москва, Российская Федерация
antonovy@yandex.ru

Антонов Иван Михайлович
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного и публичного права
Московский университет «Синергия»
г. Москва, Российская Федерация
antonov-im@yandex.ru

Преступления с использованием технологий искусственного интеллекта: некоторые вопросы криминализации

Аннотация. *В статье анализируется вопрос об использовании в процессе совершения преступлений различных цифровых технологий, в том числе в основу которых положен искусственный интеллект. Отмечается, что цифровые технологии в настоящее время встраиваются в механизм некоторых преступлений, что может облегчать их планирование, подготовку и совершение. Акцентируется внимание на необходимость законодательно-*

© Антонова Е. Ю., Антонов И. М., 2026

го урегулирования вопроса о влиянии цифровых технологий на степень общественной опасности преступлений. Приводится пример законодательного решения данных вопросов на примере Республики Казахстан и Италии.

Ключевые слова: *искусственный интеллект; цифровые технологии; уголовная ответственность; отягчающее обстоятельство; криминализация.*

Antonova Elena Yurievna
doctor of law, professor
professor at the department of criminal
and public law, Synergy University
Moscow, Russian Federation

Antonov Ivan Mikhailovich,
candidate of legal sciences, associate professor
associate professor at the department
of criminal and public law Synergy University
Moscow, Russian Federation

Crimes using artificial intelligence technologies: some issues of criminalization

Annotation: *The article analyzes the use of various digital technologies, including those based on artificial intelligence, in the commission of crimes. It is noted that digital technologies are currently being integrated into the mechanism of some crimes, which can facilitate their planning, preparation and commission. Emphasis is placed on the need for legislative regulation of the issue of the influence of digital technologies on the degree of public danger of crimes. An example of legislative solutions to these issues is given using the example of the Republic of Kazakhstan and Italy.*

Keywords: *artificial intelligence; digital technologies; criminal liability; aggravating circumstance; criminalization.*

Активное развитие цифровых технологий, в том числе базирующихся на искусственном интеллекте (далее – ИИ, технологии с ИИ), породили вопросы и о мерах уголовно-правового воздействия на лиц, использующих таковые в процессе совершения преступлений.

В настоящее время данный вопрос особенно актуален в связи с вынесенным на рассмотрение проектом Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [3], в рамках которого оговариваются и вопросы о возможности наступления уголовной ответственности за соответствующие нарушения в сфере применения технологий ИИ.

Отсюда логически возникает вопрос и о том, в каких случаях такие технологии могут применяться при совершении преступлений; требуется ли предусматривать самостоятельную ответственность за такие нарушения или существующие уголовно-правовые нормы смогут охватить весь спектр возможных нарушений, причиняющих вред личности, обществу, государству в процессе нарушений в сфере применения цифровых технологий, либо будет достаточным корректировка уже существующих норм.

Анализ ситуаций, при которых вред объектам, охраняемым уголовным законом, причиняется с использование цифровых технологий, возникающих в объективной действительности, демонстрирует не появление принципиально новых общественно опасных деяний, а модернизацию (трансформацию) под их влиянием традиционных преступных деяний. В частности, такие технологии используются в процессе мошеннических действий, вымогательства, распространения деструктивной или заведомо ложной информации и др.

В научной литературе описываются ситуации, когда технологии, базирующиеся на ИИ, используются в качестве рассылки крупномасштабных фишинговых сообщений на платформах социальных сетей. Жертвы, переходя по мошенническим ссылкам, предоставляют свои данные на этих ложных вебсайтах, система собирает личную информацию, которая в последующем используется для совершения различных преступных действий [8, p. 198–205] – краж, мошенничеств, вымогательств, преследования лица и т. д. Описаны и возможности использования deepfake (синтезированного, сгенерированного аудио и/или визуального информационного материала) чаще всего для распространения дезинформации [1, с. 450–459], а также «включения» технологий ИИ в механизм незаконного оборота, например, наркотиков с целью оптимизации распределения мест их приобретения; транспортной логистики; и даже их культивирования [4, с. 349–360].

Традиционно считается, что преступление – это акт человеческого поведения, обусловленный психическим отношением лица к своим действиям (бездействию) и их последствиям. В настоящее же время цифровые технологии, в том числе в основу которых положен ИИ, стали встраиваться в механизм (структуру) преступного поведения.

При этом, как утверждается, в отдельных случаях ИИ является орудием/средством совершения преступления, а в других – «ИИ действует как посредник, повышая уровень опасности деяния из-за своей способности к автономному принятию решений» [8, p. 198–205]. Важно понимать, что ИИ, равно как и иные цифровые технологии в настоящее время не могут расцениваться в качестве субъекта преступления [2, с. 31–39]. Вместе с тем очевидно, что цифровые технологии ускоряют процесс планирования, подготовки и совершения преступления.

Особенностью преступлений, совершаемых с использованием различных цифровых технологий является то, что управляют ими именно физические лица. При этом в преступлении могут быть задействованы различные лица – проектировщики, программисты, собственники или иные владельцы, а также те лица, которые путем неправомерного доступа видоизменяют технические и иные настройки соответствующей технологии. Такое большое количество лиц, задействованных в создании и (или) управлении цифровой технологией, усложняет определение вины конкретного лица, а также причинно-следственной связи, объединяющей деяние и последствие.

К тому же в тех случаях, когда цифровая технология подвергается внешнему воздействию со стороны третьих лиц (т. е. тех лиц, которые не имеют прав по ее владению, пользованию и распоряжению) путем неправомерного

доступа к ней (кибератака), таковая становится не только средством, но и предметом преступления. Кроме того, в процессе проектирования или программирования цифровой технологии могут быть допущены ошибки в результате невнимательности соответствующих лиц или иного халатного отношения к технологии производства с их стороны.

Вопросы об ответственности за вред, причиненный в процессе применения цифровых технологий, являются актуальными, требующими дополнительных исследований. Важным в этой связи является и изучение опыта зарубежных стран.

Так, в Цифровом кодексе Республики Казахстан [6] (далее – ЦК РК) закреплен принцип безопасности человека, общества и государства при применении цифровых технологий (ст. 4, 6) и установлено, что «собственник и (или) владелец цифрового объекта несут ответственность за вред, причиненный вследствие их неправомерных действий (бездействия) при создании, использовании или распоряжении цифровыми объектами» (ст. 38). Согласно ст. 105 данного нормативного правового акта такая ответственность может быть уголовной или административной. Принятие ЦК РК не повлекло за собой каких-то дополнительных корректив уголовного закона данного государства [5]. Более того, УК РК предусматривает единственный квалифицирующий признак, связанный с совершением преступлений на цифровых платформах, в редакции – «с использованием масс-медиа, сетей-телекоммуникаций или онлайн-платформ». Причем данный признак предусмотрен в ограниченном количестве составов преступлений (оскорбление, нарушение неприкосновенности частной жизни и законодательства о персональных данных, различные виды пропаганды, незаконной рекламы, распространения ложной информации и др.). В отдельных составах помимо указанных цифровых платформ указаны также «объекты информатизации» или «сеть Интернет» (доведение до самоубийства, вовлечение в совершение преступления, угроза насильственных действий и некоторые др.).

Но есть и другие уголовно-политические подходы к решению рассматриваемых вопросов.

Например, в 2025 году УК Италии дополнен статьей 612-quater, которая регламентирует ответственность «любого лица, которое незаконно причиняет вред другому лицу путем распространения без согласия этого лица изображений, видео или голосовых записей, которые были сфальсифицированы или изменены с помощью систем искусственного интеллекта и предназначены для введения в заблуждение относительно их подлинности». Деяние влечет за собой наказание в виде лишения свободы от 1 до 5 лет [8, p. 198-205]. Статья 61 УК Италии дополнена новым отягчающим обстоятельством – использование систем ИИ. При этом данное обстоятельство отягчает наказание при условии, если оно представляет собой скрытое средство, которое препятствует государственной или частной защите или усугубляет последствия преступления. Использование ИИ установлено и в качестве квалифицирующего признака в некоторых преступлениях [7]. Таким образом, итальянский законодатель не просто

ввел в уголовно-правовой оборот использование цифровых технологий, а конкретизировал эту технологию, сведя ее к искусственному интеллекту.

Сказанное позволяет заключить, что государства пока не определились окончательно с вопросом криминализации и пенализации общественно опасных деяний, в процессе совершения которых субъект использует ту или иную цифровую технологию, в том числе не основе ИИ. Решая вопрос о криминализации новых общественно опасных деяний, в механизм которых «встроен» ИИ, необходимо определить, влияет ли его использование на характер и степень общественной опасности деяния. Полагаем, что не во всех случаях применения цифровых технологий опасность деяний возрастает.

Кроме того, в настоящее время считаем излишним конкретизировать цифровые технологии в рамках уголовного законодательства, поскольку таковые не сводятся только к ИИ, к тому же могут появляться новые технологии. В связи с этим полагаем достаточным использование в тексте уголовного закона какой-то общей формулировки, например, преступление «совершенное с использованием цифровой технологии». Перечень таких технологий для целей уголовно закона должен утверждаться Правительством РФ. С учетом же того, что вопрос о влиянии цифровых технологий на степень общественной опасности деяний является открытым признавать их использование в процессе преступной деятельности в качестве отягчающего обстоятельства должен пока суд с учетом конкретной ситуации. Для этого необходимо внести соответствующие коррективы в ст. 63 УК РФ. Криминализировать новые общественно опасные деяния, равно как и изменять интенсивность пенализации уже криминализированных деяний за счет добавления в уголовно-правовые нормы квалифицирующего обстоятельства – «совершение преступления с использованием цифровой технологии» возможно лишь при условии социальной обусловленности таких законодательных процессов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонова Е. Ю. Сексуальное насилие в эпоху цифровизации: вопросы правовой оценки // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 5. С. 450–459.

2. Антонова Е. Ю. Технологии искусственного интеллекта – субъект преступления или орудие / средство совершения преступления? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 1. С. 31–39.

3. Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации : проект федерального закона. ID проекта: 166424 // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (дата обращения: 15.04.2026).

4. Соловьев В. С. Криминологические риски применения технологий искусственного интеллекта в незаконном обороте наркотиков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. Т. Вернадского. Сер. Юридические науки. 2021. Т. 7(73), № 4. С. 349–360.

5. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 08.03.2026) // ИС Параграф. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252&pos=2434;160&searchText=%D0%BE%D0%BD%D0%BB%D0%B0%D0%B9%D0%BD (дата обращения: 15.04.2026).

6. Цифровой кодекс Республики Казахстан от 09 января 2026 г. № 255-VIII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255 (дата обращения: 15.04.2026).

7. Agostini C. National AI legislation adopted in Italy: a first look at privacy implications // EuroCloud. Trusted Digital Competence Platform. URL: https://eurocloud.org/news/article/national-ai-legislation-adopted-in-italy-a-first-look-at-privacy-implications/(дата обращения: 15.04.2026).

8. Doan T. T. H., Trinh K. N., Hoang H. P. Legal framework in criminal liability for crimes involving artificial intelligence in the European Union, The United States, And China // International Journal of Law. 2026. Vol. 12, Is. 1. P. 198–205.

УДК 343.3/.7

Баранчикова Марина Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент
заместитель начальника кафедры уголовного права
Санкт-Петербургский университет МВД России
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
marina-baranchikova@yandex.ru

Совершение нарушений правил дорожного движения лицом, не имеющим права управления транспортным средством, как основание дифференциации уголовной ответственности

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности правового статуса лица, не имеющего права управления транспортным средством, его влияние на квалификацию уголовно наказуемых правил дорожного движения. Исследование законодательного оформления ст. 264 УК РФ позволяют сделать вывод о признании данного состояния квалифицирующим признаком преступления, повышающим его общественную опасность и наказуемость.*

Ключевые слова: *правила дорожного движения, нарушение правил, право управления транспортным средством, отсутствие права управления, лишение права управления, дифференциация, уголовная ответственность, водитель.*

Baranchikova Marina Vyacheslavovna
candidate of legal sciences, associate professor
deputy head of the department of criminal law
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

© Баранчикова М. В., 2026

Violation of traffic rules by a person who does not have a driving license as a basis for differentiating criminal liability

Annotation. *The article examines the legal status of a person who does not have the right to drive a vehicle and its impact on the qualification of criminal traffic violations. The study of the legislative framework of Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation allows us to conclude that this condition is a qualifying feature of a crime that increases its public danger and punishability.*

Keywords: *traffic rules, violation of traffic rules, right to drive a vehicle, lack of right to drive, deprivation of the right to drive, differentiation, criminal liability, driver.*

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ в части 2, 4 и 6 статьи 264 УК РФ был введен пункт «в», предусматривающий квалифицирующий признак в виде совершения предусмотренного в ней преступления «лицом, не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами». Его появление стало очередным этапом ужесточения ответственности за нарушения правил дорожного движения, совершаемые особой категорией водителей.

Повышение их наказуемости явилось мерой оправданной и дифференцирующей их ответственность, ориентированной на них как на участников дорожного движения, представляющих высокую угрозу для его безопасности.

В ежегодных официальных обзорах Научного центра безопасности дорожного движения в разделе «Административные правонарушения, соответствующие основным факторам риска совершения дорожно-транспортных происшествий» в параграфе «Управление транспортными средствами водителями, не имеющими права на управление транспортными средствами или лишенными такого права (ч. 1, 2 и 4 ст. 12.7 КоАП РФ)» подтверждается констатируемая официальной статистикой высокая тяжесть последствий в результате дорожно-транспортных происшествий по вине водителей не имеющих или лишенных прав, а также частое наличие у них сопутствующих нарушений правил дорожного движения [2].

Управление транспортом водителем, не имеющим либо лишенным права управления, всегда создает повышенную угрозу для безопасности дорожного движения [1, с. 51].

В законодательной формулировке квалифицирующего признака, закрепленного в ст. 264 УК РФ в виде пункта о совершении нарушения правил дорожного движения «лицом, не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами», содержится указание на два разных вида субъектов, правовые статусы которых значительно различаются. Законодатель их перечисляет как альтернативные, взаимоисключающие виды, поскольку они таковыми являются с позиций их административно-правовой природы.

В отличие от граждан, не имеющих водительских прав, у лиц, лишенных права управления транспортными средствами, имеются свои основания приобретения и изменения их правового статуса, законодательно определенный объем ответственности водителей.

В свою очередь лица, не имеющие прав на управление транспортным средством, имеют свою специфику. Их категория понимается двояко, означает,

что такие водители либо изначально такого права не имели либо его утратили в силу разных причин. При этом утрата такого права водителем не связана с его лишением как следствием наказания за правонарушение или преступление.

К лицам, не имеющим права управления транспортными средствами, относятся три категории граждан, различающиеся по их первоначальному статусу и характеру допуска к его эксплуатации. Первую категорию составляют лица, которые на момент совершения административного правонарушения не получали такого права в установленном законом порядке. Другая группа включает лиц, у которых срок действия водительского удостоверения истек. Третья категория – лица, чье право на управление транспортными средствами прекращено судом в связи с наличием медицинских противопоказаний или медицинских ограничений. Это закреплено в ч. 1 ст. 28 Федерального закона РФ от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» и дублируется в пункте 8 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». В нем уточняется, что к таким лицам административное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами не применяется.

В свою очередь, лишенным права управления транспортным средствами признается лицо, которому назначено административное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами (ст.3.8 КоАП РФ) либо уголовное наказание в виде лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами (ст. 47 УК РФ). Правовая природа и последствия такого лишения специфичны для каждого законодательства.

Управления автомобилем водителем, не имеющим или лишенным прав, представляет собой самостоятельное административное правонарушение. В статье 12.7 КоАП РФ «Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством» содержится указание на разных субъектов. В ч.1 ст. 12.7 КоАП РФ речь идет о водителе, *не имеющим права управления* транспортным средством», а в ч.2 ст. 12.7 КоАП РФ о водителе, «*лишенном права управления* транспортными средствами».

Получается, что название данной статьи является по смыслу более узким, чем ее содержание. Характеризуя водителя, в ее названии и первой части обозначен термин «не имеющий права управления», во второй части – «лишенный права управления» транспортным средством. Представляется более терминологически верным употребление в названии всех категорий водителей, разграничивать их не только в отдельных частях статьи, но и в ее названии. Более правильным было бы добавление в названии данной нормы указания на лицо, лишенное права такого управления. Единообразие в терминологии, касающейся субъектов правонарушений в сфере дорожного движения, позволит обеспечить законное и справедливое применения отраслевого законодательства.

Сегодня с позиции официальной статистики субъекты ст. 12.7 КоАП РФ могут позиционироваться с упоминаемой в названии категорией лиц, «не имеющих права управления транспортным средством», в то время как в от-

дельных частях данной нормы их подразделяют на лиц, не имеющих и лишенных такого права. Несмотря на то, что обе категории могут создавать высокие потенциальные риски для сферы дорожного движения, их общественная опасность различна. Об этом свидетельствует отличие в санкциях разных частей ст. 12.7 КоАП РФ.

Приобретение статуса «лица, лишенного права управления транспортным средством» связано исключительно с правовыми основаниями, оно является результатом привлечения водителя к административной или уголовной ответственности. Такой статус является следствием назначения определенного вида наказания. Лишить прав можно только тех, кто их имел на момент совершения правонарушения на законных основаниях.

В уголовном законе, в отличие от административного законодательства рассматриваемые категории водителей признаются равнозначно опасными по своей юридической природе. Об этом свидетельствует их размещение в одном пункте статьи 264 УК РФ, признании нарушения правил дорожного движения с тяжкими последствиями, совершенными лицами, не имеющими и лишенными прав одинаково опасным, отягчающим обстоятельством.

Между тем, выполнение роли водителя в дорожном движении связано с особым типом взаимодействием человека с источником повышенной опасности. Он не только должен был изначально проходить необходимое обучение и получать права на управление транспортом, но и использовать связанные с их реализацией возможности, соблюдая правила дорожного движения. Их процесс действия имеет временной характер, ограничен десятилетним сроком, по окончании которого требуется повторное прохождение медицинского освидетельствования и получение нового водительского удостоверения. Нарушение сроков замены водительских удостоверений влечет утрату такого права, а водитель приобретает статус «лицо, не имеющее права управления транспортным средством». Для изменения последнего достаточно выполнения правовых процедур, связанных с медицинским обследованием, получением справок из наркологического и психиатрического диспансера.

Водителя, не имеющего права управления необходимо отличать от водителя, не имеющего при себе соответствующего действующего удостоверения. Управление автомобилем таким водителем наказывается по ч. 2 ст. 12.3 КоАП РФ.

Важно учитывать, что в рамках категории «лиц, не имеющих прав» их варианты неоднородны по уровню общественной опасности, ранее имевшему у них место статусу. С позиции официальных показателей значимую долю в числе задержанных за такое управление занимают лица, у которых всего лишь истек срок действия удостоверения. Они обладают на момент совершения преступления опытом вождения, необходимым объемом знаний и навыков и даже водительским удостоверением, дающим право управлять транспортным средством определенной категории. При этом в ряде случаев они могут быть просто невнимательными к факту того, что срок действия их удостоверения истек.

Схожим уровнем подготовки обладают лица лишенные прав, но допущенные ими ранее нарушения повлекли наказание в виде лишения права

управления транспортным средством. До того, как они были подвергнуты наказанию в виде лишения прав, они обладали водительским удостоверением, законным правом управлять транспортным средством определенной категории.

В то же время лицо, не имеющее права управления транспортным средством, как субъект ст. 264 УК РФ может фактически не иметь на момент совершения преступления опыта вождения, не обладать объемом знаний и навыков. До того, как он был установлен, он мог не обладать водительским удостоверением, законным правом управлять транспортным средством определенной категории. Опасность такого неподготовленного к участию в дорожном движении водителя несомненна выше, чем того, кто имел опыт управления транспортом.

Сегодня «законодатель не учитывает градации тяжести правонарушений и не предусматривает различные санкции для разных категорий «бесправников». Хотя очевидно, что существует большая разница (с позиции водительских навыков, сознательности, психологической установки на управление транспортом) между лицами, которые в принципе не имеют навыков управления, и лицами, завершившими обучение в автошколе, сдавшими экзамен в Госавтоинспекции, имеющими многолетний стаж, но, к примеру, не выполнившими требования о перевыпуске своего удостоверения в срок» [3, с. 57]. Это обстоятельство должно быть учтено судом при назначении наказания разным категориям лиц, не имеющих права управления транспортом в момент совершения преступления.

Опасность водителя, не имеющего права управления, в том, что его действия «могут повлечь создание в процессе дорожного движения ситуаций, при которых возникает угроза гибели или ранения людей. Отсутствие необходимых знаний, умений и навыков вождения является фактором повышенной опасности для движения» [4, с. 45].

В том случае, когда лицо, не получившее прав на момент совершения преступления, такое обстоятельство предполагает ужесточение ответственности при совершении этим лицом административного правонарушения, либо же деяния, которое будет квалифицироваться в соответствии с нормами уголовного законодательства [5, с. 184].

Очевидным становится целесообразность ужесточения наказания для лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления, не имеющими прав на управление транспортными средствами, признание данного обстоятельства значительно повышающим тяжесть их ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Будников А. Б., Шелехов С. И. О некоторых актуальных проблемах, возникающих при квалификации правонарушений, ответственность за которые предусмотрена частями 1, 2 статьи 12.7 КОАП РФ // Научный компонент. 2020. № 1(5). С. 50–55.

2. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году: Информационно-аналитический обзор. М .: НЦ БДД МВД России, 2025. 54 с.

3. Иккерт А. В. Актуальные проблемы квалификации правонарушений, предусмотренных частями 1, 2 статьи 12.7 КоАП РФ // Научный компонент. 2023. № 4(20). С. 56–62.

4. Кубиясова А. М., Халезов Н. Л. К вопросу о соблюдении требований антикоррупционного законодательства в деятельности полиции при привлечении к административной ответственности лиц, не имеющих права управления транспортными средствами // Алтайский юридический вестник. 2022. № 1(37). С. 43–48.

5. Харламов А. М. Управление транспортным средством водителем, не имеющим права управления транспортным средством. Проблемы квалификации и ответственности // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. С. 183–185.

УДК 343.2/.7

Быкова Мария Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
marbyk@bk.ru

Проблемные вопросы обеспечения применения конфискации как меры уголовно-правового характера

Аннотация. *В статье анализируется практика применения норм о конфискации, указаны пробелы, требующие внесения изменений в законодательство, изложены меры, позволяющие эффективно реализовывать полномочия по применению института конфискации.*

Ключевые слова: *уголовное право, наказание, конфискация, собственность, транспортное средство, суд.*

Bykova Maria Sergeevna
candidate of legal sciences, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The actual problems of implementation the powers of application of the institution of confiscation

Annotation. *The article analyzes the practice of applying the rules on the confiscation, it points out to the gaps requiring ammendments to the legislation, it also sets out the measures which make it possible to efficientely implement the powers of application of the institution of confiscation.*

Keywords: *criminal law, punishment, confiscation, property, vehicle, court.*

© Быкова М. С., 2026

Институт конфискации в российском уголовном праве за свою историю претерпел существенные изменения. В настоящее время, после поправок, внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) Федеральным законом от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ [6], конфискация имущества, состоящая в принудительном безвозмездном его изъятии и обращении в собственность государства, в Российской Федерации (как и во многих зарубежных государствах) является не наказанием, а иной мерой уголовно-правового характера [7, ст. 104.1].

Принципиальным представляется отметить следующие черты, присущие конфискации на текущей стадии развития уголовного судопроизводства:

– Конфискация является мерой государственного принуждения, которая не назначается за совершенное преступление лицу, признанному виновным, а применяется в связи с совершением преступления. Размеры конфискации определяются не тяжестью учиненного деяния, а стоимостью имущества, полученного в результате совершения преступления, величиной доходов и т. д. При этом конфисковано имущество может быть в том числе не у самого виновного, а у другого лица (организации) принявших данное имущество[1].

– Применение конфискации ограничено характером имущества, принадлежащего осужденному (имущество, полученное в результате совершения преступления, доходы от такого имущества либо орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, и ряд иных частных случаев), а также конкретным закрытым перечнем статей Особенной части УК РФ, при осуждении по которым возможно применение статьи 104.1 УК РФ.

– Возможность изъятия переданного осужденным другому лицу имущества зависит от того, знало или должно было данное лицо знать о том, что имущество получено в результате преступных действий.

– Бремя доказывания незаконности приобретения имущества возложена на органы государственной власти [3, с. 117].

Правоприменительная практика придает конфискации имущества важнейшее значение, отмечая присущую ей цель восстановления социальной справедливости и превентивную функцию. На состоявшемся 20 ноября 2025 г. заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации отмечено, что за 2,5 года по делам о повторном управлении транспортом в состоянии опьянения конфисковано более 33 тыс. автомобилей. Свыше 5,5 тыс. единиц конфискованной техники передано в зону специальной военной операции, на развитие новых регионов – 146 единиц, в МЧС – еще 19. По итогам 2024 года такой вид преступности, как «нетрезвое вождение», сократился на 15 %, в 2025 году тенденция снижения продолжается. Выступая перед собравшимися, Генеральный прокурор Российской Федерации Александр Гуцан подчеркнул: «Конфискация добытого преступным путем имущества, доходов от него, а также средств и орудий совершения преступления – один из ключевых инструментов обеспечения неотвратимости ответственности за совершенные преступления, а также ослабления экономической базы преступности» [4].

Отметим, что, по нашему мнению, реализация института конфискации и его корректировка (о необходимости которой ведутся дискуссии) должны

производиться не только по соображениям, связанным с отстаиванием той или иной научной концепции, необходимостью доведения до совершенства юридической терминологии, и, безусловно, не в угоду интересам какой-либо группы лиц. Главным является необходимость достижения целей, которые должны быть достигнуты конфискацией.

Вместе с тем правоприменитель, будь то должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование, надзирающий прокурор, суд, судебный пристав-исполнитель, реализуя положения закона, регламентирующие вопросы конфискации, сталкиваются с определенными препятствиями, среди которых представляется необходимым первостепенными по значимости выделить следующие.

1. Не отвечающий фактическим потребностям правоприменительной практики перечень составов преступлений, по которым предусмотрено применение конфискации.

В условиях реализуемого государством курса на борьбу с коррупцией не вполне логично выглядит исключение из пункта «а» части 1 статьи 104.1 УК РФ составов преступлений, которые ряд авторов относит к «ядру коррупции» (статьи 159, 291, 291.1, части 1, 2 статьи 204 УК РФ) [2, с. 59].

2. Возложение на государство бремени доказывания фактической принадлежности имущества, подлежащего конфискации.

Допуская отличающееся от гражданско-правового содержания понимание права собственности (может быть конфисковано имущество, «фактически принадлежащее обвиняемому»), законодатель, тем не менее, требует установление данных обстоятельств в процессе доказывания. Представляется, что, когда речь идет об орудиях и средствах совершения преступления, а также транспортных средствах, тем самым размывается важнейшее превентивное значение конфискации, поскольку использовавшееся при совершении преступления имущество не изымается и сохраняется доступ к нему, в том числе, в отдельных случаях и у самого признанного виновным в совершении преступления лица.

3. Недопустимая широта судейского усмотрения при применении конфискации.

Казалось бы, постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» однозначно высказывается по поводу того, что решение вопроса о применении конфискации является обязанностью суда при постановлении приговора (пункт 3.3) [5].

Вместе с тем нередки случаи, когда при недостаточной активности стороны обвинения, вопрос о конфискации имущества при вынесении итогового решения судом не рассматривается.

Неоднозначную позицию занимают суды и в вопросах применения конфискации в отношении имущества, номинально оформленного на третьих лиц на момент совершения преступления либо отчужденного обвиняемым после преступного деяния, главным образом, когда речь идет об орудиях и средствах совершения преступления или же транспортных средствах.

Так, в отношении транспортного средства, использовавшегося при совершении преступления и находящегося в совместной собственности супругов, может быть в одном случае применена конфискация, а в других случаях – нет. На практике рекомендуется использовать доказательства в виде данных о нарушении Правил дорожного движения, наличии (отсутствии) у номинального собственника права управления транспортным средством, оформлении договора ОСАГО, фактическом пользовании автомобилем без официального вступления в наследство и др. Очевидно, что существенную роль будет в данной ситуации играть субъективная оценка правоприменителя.

В указанной связи заслуживает дальнейшей проработки, на наш взгляд, предложение о законодательном закреплении конфискации любых орудий, оборудования, иных средств совершения преступления, транспортных средств, использованных при совершении определенных составов преступлений, вне зависимости от их принадлежности обвиняемому.

Безусловно, эффективность применения конфискации затрудняется и особенностями процесса установления доходов, извлеченных в результате совершения преступления; нерасторопностью органов предварительного расследования по установлению имущества, подлежащего конфискации, и своевременному применению в отношении него обеспечительных мер; несогласованностью действий уполномоченных органов на стадии реализации конфискованного имущества и др.

Мы затронули лишь часть вопросов, получение ответов на которые должно способствовать формированию четкого понимания целей конфискации и ее места в уголовной политике государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волженкин Б. В. Загадки конфискации // Известия вузов. Правоведение. 2008. № 2. С. 1–21.

2. Даниленко И. А. Конфискация имущества лиц, совершивших коррупционные преступления // Законность. 2025. № 6. С. 58–60.

3. Маслов В. А. Конфискация имущества: российский и зарубежный опыт правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 10. С. 110–122.

4. Под председательством Александра Гуцана состоялось заседание коллегии, посвященное практике применения конфискации имущества в уголовном судопроизводстве. URL: htpp/www.epp.genproc.gov.ru/gprf/mass-media/news/ archive/e6378822/ (дата обращения: 03.04.2026.)

5. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

6. Федеральный закон от 08декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003 № 50. Ст. 4848.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 9 апреля 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 343.9

Варыгин Александр Николаевич
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии
Саратовская государственная юридическая академия
г. Сратов, Российская Федерация
VAN808@yandex.ru

Женская насильственная преступность: состояние, тенденции и их причины

Аннотация. *Статья посвящена анализу состояния женской преступности в современных условиях. Приведен анализ удельного веса исследуемой преступности за период с 2016 по 2026 годы, дана характеристика преступлениям, совершаемым лицами женского пола. Отдельно обращено внимание на совершение преступлений в составе организованных групп, на стирание различий между женской и мужской преступностью. Перечислены факторы, которые, по мнению автора? лежат в основе причинного комплекса женской преступности.*

Ключевые слова: *преступность, женская преступность, удельный вес, состояние преступности, уровень преступности, мотив преступления, убийство.*

Varygin Alexander Nikolaevich
doctor of law, professor,
head of the department of prosecutorial
supervision and criminology
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Female violent crime: status, trends, and causes

Annotation. *This article analyzes the current state of female crime. The article provides an analysis of the proportion of crimes committed by women between 2016 and 2026, as well as a description of the crimes committed by women. The article also focuses on the involvement of women in organized crime groups and the blurring of the differences between female and male crime. The article identifies the factors that the author believes contribute to the causes of female crime.*

Keywords: *crime, female crime, proportion, crime rate, motive, murder.*

Одной из разновидностей современной российской преступности является женская преступность. Несмотря на постоянное обращение ученых к проблемам женской преступности, она продолжает оставаться актуальной и является предметом исследований ученых и практиков в разных областях знания

© Варыгин А. Н., 2026

и, прежде всего криминологии, что связано в том числе с изменением характеристик данного вида преступности.

На протяжении десятилетий удельный вес преступлений, совершаемых женщинами, намного меньше, чем деяний мужчин. В таблице приведены данный об удельном весе женщин, совершивших преступления [1].

Таблица

Удельныый вес женщин, совершивших преступления в 2016–2025 гг., %

2016	2017	2018	2019	2020
14,6	15,2	15,6	16,1	16,0

2021	2022	2023	2024	2025
16,2	16,3	16,8	18,1	19,5

Как видно из приведенных данных, за последние 10 лет удельный вес женщин-преступниц постоянно, хотя и не столь значительно, но увеличивался и возрос с 14,6 до 19,5%. Для сравнения можно отметить, что, например, в 1990 году удельный вес женщин-преступниц составлял всего 13,8 % [2]. Что интересно, увеличение доли женщин-преступниц, происходило на фоне постоянного снижения количества преступлений, совершаемых в стране, а также количества преступлений, совершаемых самими женщинами. Это, на наш взгляд, может косвенно свидетельствовать о том, что женщины чаще стали совершать преступления в группах, а именно, группах, состоящих из женщин. В качестве примера можно привести преступную деятельность, так называемой банды «амазонок» [3].

В этой связи возникает ряд вопросов, требующих своего анализа и разрешения:

– почему на фоне снижения преступности в стране, удельный вес женщин преступниц, напротив, постоянно растет;

– почему женщины все больше совершают нетрадиционные для них преступления, в том числе насильственного характера, которые прежде всего всегда были характерны для мужчин;

– почему женщины используют при совершении преступлений приемы и способы, характерные для преступников мужчин, и личность женщины преступницы становится более похожей на личность преступника мужчины;

– в чем причины рецидивной женской преступности;

– в чем причины активного вовлечения женщин в организованную преступную деятельность

– почему, несмотря на принимаемые государством меры, в том числе, всевозможные федеральные программы, направленные на охрану семьи и детей, количество женщин-преступниц не уменьшается или растет.

Наибольшую опасность и, соответственно, наибольший криминологический интерес, представляет насильственная преступность женщин. Весьма важно понять, почему женщина – продолжательница рода, индивид, дающий жизнь другому человеку, нередко лишает людей жизни и причиняет вред их здоровью?

Согласно результатам отдельных исследований, насильственные преступления, стоят на третьем месте (после преступлений против собственности и деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков), в структуре женской преступности [4].

Статистические данные показывают, что в 2024 году к уголовной ответственности было привлечено 1287 женщин, совершивших преступления против жизни и здоровья. Из них 69 женщин, совершивших убийства (+39,0 % по сравнению с 2023 годом); 263 – причинение смерти по неосторожности (+12,4 %); 159 – совершивших истязания (–6,5 %); 29 – причинивших умышленно тяжкий вред здоровью (–3,3 %). 162 совершивших преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности (+0,6), из них 38 женщин – совершивших насильственные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста.

Их удельный вес, среди всех лиц, совершивших преступления против личности, составил 23,6 % [5], что является достаточно высоким показателем, если учесть, что в целом 2024 году удельный вес женщин преступниц 18,1 %. Для сравнения можно привести данные М. Н. Гернета, который отмечал, что 1926 году удельных вес женщин, совершивших преступления против личности составлял 9,6 % [6].

Проведенные нами ранее исследования показывают, что основная масса насильственных преступлений женщин, в частности преступлений против жизни, совершаются на семейно-бытовой почве (69,4 %), в отношении лиц, им ранее знакомых (88,7 %); в отношении мужчин (82,1 %), как правило, при их неправомерном поведении [7]. Основными мотивами преступных действий были: стремление прекратить неправомерные действия потерпевшего; его отказ выполнять определенные действия и ревность [7].

Согласно результатам других исследований распространенным мотивом совершенных убийств является неприязнь, вызванная оскорблением (28,4 %) либо насилием (25,2 %) со стороны другого человека, стремление избежать вступления в половую связь с нежелательным лицом (14 %) [8].

В насильственной женской преступности, так же, как и в целом по всей женской преступности, проявляется ряд негативных тенденций: увеличение количества преступлений, совершаемых в составе организованных преступных формирований; рост тяжких и особо тяжких деяний; рост рецидивных преступлений женщин, а также преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

В последние годы, кроме того, увеличивается количество как умышленных, так и неосторожных преступлений, совершаемых женщинами в отношении своих детей. Примеров, к сожалению, немало, в том числе и по Саратовской области.

С чем может быть связан рост насильственных преступлений, совершаемых женщинами?

Во многих исследованиях отмечается, что изменения в криминальном поведении женщин и его отличия от мужского в основном связаны с «демографическими, психологическими и психофизиологическими особенностями женско-

го организма» [9]; с исторически обусловленным местом женщины в системе общественных отношений[10]; важностью ее социальных ролей и функций [11]. Но полагаем, что указанные факторы определяют, прежде всего отличия женской преступности от мужской, при этом не отвечают на вопрос, почему женское преступное поведение, прежде всего насильственного характера, становится похожим на мужское преступное поведение. Иными словами, если раньше нас, криминологов, интересовала проблема различия в преступном поведении мужчин и женщин, то в последние годы – проблема, почему эти различия стираются.

Психологи, без исследований которых, нам в этой проблеме не разобраться отмечают, что это связано со следующими факторами:

1. Это может быть связано с последствиями равноправия полов. Например, успешная женщина-лидер ведет себя как мужчина в отношениях с подчиненными и партнерами по бизнесу. Такое поведение проявляется и в быту и во всех ее иных взаимоотношениях. Такая женщина может одеваться стильно, делать макияж, носить дорогие украшения, но при этом женственности в ней будет мало.

2. Влияние на женщину ее ближайшего окружения, занятием спортом, определенной (мужской) профессией. Некоторые девушки начинают избегать всего женского (платьев, каблуков, макияжа) из-за особенностей профессии или спортивного прошлого. Они приобретают мужские черты во внешности, меняют тембр голоса, предпочтения в еде. Например, чемпионки по пауэрлифтингу часто выглядят как парни. Многие из них слишком увлекаются этим видом спорта, злоупотребляют анаболическими препаратами, что сказывается и на их гормональном фоне.

3. Психологические травмы. Нередко девушки, столкнувшиеся с насилием или нападением на улице, потом боятся лишний раз надеть короткое платье, сделать яркий макияж, они идут на курсы самообороны, меняют походку на более мужскую и сторонятся мужчин.

4. Погрешности воспитания. Иногда мужское поведение появляется у девушки из-за отсутствия соответствующего женского воспитания. Например, она воспитывалась отцом-одиночкой или в детском доме. Девочка выросла сильной, папа или же сама жизнь воспитали в ней бойцовский дух, закалили характер, научили мужским повадкам. Возможен процесс воспитания в компании братьев, в силу чего она перенимала их манеры и стиль общения[12].

Кроме того, полагаем, что следует отметить и иные факторы. В частности, это влияние средств массовой информации. Популяризация, а порой и явная пропаганда агрессии, потребительских ценностей и искаженное понимание культа «сильной женщины», что может снижать моральные барьеры.

Нельзя сбрасывать со счетов и биологические и гормональные факторы. Заболевания, определенный рацион питания могут повышать уровень пренатальных андрогенов (например, тестостерона), что в свою очередь часто влечет проявлением таких черт, как уверенность, агрессивность, стремление к доминированию и активной социальной позиции.

Можно также отметить увеличение женского алкоголизма и наркомании, а их воздействие на поведение, в том числе насильственное, давно известно.

Полагаем, сказанное требует необходимости изучения насильственной преступности женщин и ее негативных тенденций, а также использования новых подходов в ее изучении. Прежде всего видится необходимым использования личностного подхода в исследовании женской преступности, т. е. изучение в первую очередь, личностных особенностей женщин-преступниц, в том числе с использованием методик многостороннего исследования личности (ММИЛ), которые, к сожалению, не столь активно используются в современных криминологических исследованиях. Целесообразным будет проведение не только криминологических, а комплексных, например, криминолого-психологических, криминолого-социологических, криминолого-демографических исследований проблем женской преступности [13].

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что на фоне общего снижения преступности в стране, проявляются негативные тенденции развития женской насильственной преступности. Они заключаются в увеличении доли женщин, совершающих насильственные преступления; преступления в составе организованных преступных групп, тяжких и особо тяжких, в отношении детей, в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, в условиях рецидива преступлений. Женское насильственное поведение по своим характеристикам становится похожим на соответствующее поведение преступников мужчин. Поэтому женская насильственная преступность требует дальнейших криминологических исследований в целях разработки мер ее предупреждения, изучения прежде всего особенностей личности самих женщин-преступниц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Состояние преступности в России за 2016–2025 годы. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 20.05.2026).

2. Преступность и правонарушения в СССР. 1990 : стат. сб. М., 1991. С. 15.

3. Банда «амазонок». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 20.05.2026 г.).

4. Криминология : учебник / под ред. А. Н. Варыгина. Саратов, 2024. С. 468.

5. Отчет Генеральной прокуратуры РФ ф. 492 о лицах, совершивших преступления за 2024 год / Генеральная прокуратура Российской Федерации, Главное управление правовой статистики и информационных технологий. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/crimestat/?ysclid=mssutjiid128448355 (дата обращения: 15.04.2026.

6. Гернет М. Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 521.

7. Варыгин А. Н., Яковлев Д. Ю. Преступления против жизни, совершаемы женщинами (криминологическая характеристика, особенности мотивации и предупреждения) : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 20–23.

8. Почему женщины убивают? URL: https://www.vyatsu.ru/internet-gazeta/pochemu-zhenschinyi-ubivayut.html (дата обращения: 25.05.2026).

9. Лунеев В. В. Характеристика и причины преступности женщин // Актуальные проблемы уголовного права и уголовного процесса : тр. Ин-та гос-ва и права Российской академии наук / отв. ред. проф. И. Б. Михайловская. М., 2009. № 6. С. 6.

10. Пастухова А. М., Тронина Е. А. Женская преступность // Норма. Закон. Законодательство. Право : материалы и тез. докл. студ. межвуз. науч.-практ. конф. (Пермь, 3– 4 мая 2007 г.). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2007. С. 299–300.

11. Подолюк М. Л. Социальное противостояние между ролями и функциями женщин в современном обществе (женская преступность) // Право: теория и практика. 2010. № 6–7(131–132). С. 37–40.

12. Раков П. Мужское поведение женщины: в чем причины? URL: //https://pavelrakov.com/articles/zhenskoe-prednaznachenie/muzhskoe-povedenie-zhenshchiny-v-chem-prichina-i-stoit-li-menyatsya/ (дата обращения: 25.05.2026).

13. Варыгин А. Н. Личность современного преступника: изменения, изучение и понимание // Вестник Казанского юридического института МВД РФ. 2023. Т. 14, № 2 (52). С. 54.

УДК 343.35

Шляпникова Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
профессор кафедры
прокурорского надзора и криминологии
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
o.v.shlyapnikova@gmail.com

Шакарян Артем Хачатурович
студент, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
shakaryan03@inbox.ru

Проблемы прокурорского надзора в сфере борьбы с коррупцией

Аннотация. *В статье исследуются проблемы прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции на основе решений Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации. Показано, что трудности возникают при доказывании конфликта интересов, обращении имущества в доход государства и квалификации получения незаконного вознаграждения. На материалах конкретных дел выявлены последствия формального подхода к оценке обстоятельств. Предлагаются меры, которые позволят усилить доказательственную работу прокурора и сделать меры реагирования более обоснованными.*

© Шляпникова О. В., Шакарян А. Х., 2026

Ключевые слова: *прокурорский надзор, противодействие коррупции, конфликт интересов, утрата доверия, обращение имущества в доход государства, взяточничество.*

Shlyapnikova Olga Viktorovna
candidate of legal sciences, associate professor
professor of the department of prosecutorial
supervision and criminology
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Shakaryan Artem Khachaturovich,
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Problems of prosecutor's oversight in the fight against corruption

Annotation. *This article examines the challenges of prosecutorial oversight in the fight against corruption based on decisions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation. It demonstrates that difficulties arise in proving conflicts of interest, the transfer of property to the state, and the classification of the receipt of illegal gratification. Using case materials, the consequences of a formal approach to assessing circumstances are identified. Measures are proposed to strengthen the prosecutor's evidentiary work and make responses more substantiated.*

Keywords: *prosecutorial oversight, anti-corruption, conflict of interest, loss of trust, transfer of property to the state, bribery.*

Вопросы прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в отечественной литературе рассматриваются главным образом через полномочия прокурора, организацию проверок и меры реагирования. В исследованиях Г. А. Иванцовой и А. А. Пономарева отмечается, что результативность надзора зависит не только от объема полномочий, но и от качества проверки конкретных фактов [2, с. 103–105]. Вместе с тем практика Верховного Суда Российской Федерации 2025 года показывает, что в наиболее сложных делах решающим становится не сам факт родства, наличия имущества или получения денег, а доказанная связь этих обстоятельств с полномочиями лица и его поведением. Цель статьи состоит в выявлении проблем прокурорского надзора, которые проявились в судебной практике, и в формулировании предложений по их устранению.

Прокурорский надзор в данной сфере основан на Законе о прокуратуре [10], Федеральном законе «О противодействии коррупции» [11] и приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 10 октября 2022 года № 581 [12]. Эти акты позволяют проверять соблюдение антикоррупционных обязанностей, вносить акты реагирования и обращаться в суд в защиту публичных интересов. Однако первая практическая проблема состоит в том, что участие лица в принятии решения, затрагивающего интересы родственника, иногда само по себе расценивается как конфликт интересов. Такой подход не учитыва-

ет реальное содержание полномочий и роль лица в коллегиальном органе. В кассационном определении от 5 февраля 2025 года № 72-КАД24-1-К8 Верховный Суд отменил решения о досрочном прекращении полномочий депутата. Депутат участвовал в голосовании по вопросу о назначении супруги на должность председателя контрольно-счетного органа. Суд в указанном кассационном определении акцентировал необходимость установления комплексной доказательной совокупности, в состав которой входит подтверждение личной заинтересованности лица, подтверждение фактической возможности лица оказывать влияние на принимаемое коллегиальным органом решение и подтверждение прямой причинно-следственной связи между наличествующей заинтересованностью и фактическим использованием предоставленных должностных полномочий, при этом наличие факта участия в процедуре голосования само по себе, согласно мотивировке, не представляет собой достаточного основания для вывода о наличии конфликта интересов [3].

Установленная в указанном определении позиция получила подтверждение в кассационном определении от 23 апреля 2025 года № 60-КАД25-2-К9, в котором при предъявленном прокурором требовании о прекращении полномочий депутата за участие в голосовании по вопросу об индексации денежного содержания муниципальных служащих, включавшей в себя и интересы его матери, Суд исходил из фактической невозможности оказания влияния данным депутатом на итоговое единогласное решение четырнадцати членов коллегиального органа, учитывая при этом отсутствие инициаторства со стороны рассматриваемого лица, что послужило основанием для отмены предшествующих судебных актов и для отказа в удовлетворении прокурорского иска, и при этом данные судебные прецеденты рассматриваются как демонстрация риска формализации прокурорского надзора, требующей в целях его минимизации закрепления в методических документах прокуратуры обязательной доказательной матрицы по конфликту интересов [4]. До внесения представления или иска прокурор должен отдельно проверять предполагаемую выгоду, фактическую возможность повлиять на решение и конкретную связь между выгодой и полномочиями лица. Такая проверка позволит отделить реальный конфликт интересов от ситуации, где родственные связи не привели к использованию должности [7].

Вторая проблема связана с обращением в доход государства имущества, приобретенного в результате коррупционных действий или при отсутствии подтвержденных законных источников. В постановлении от 31 октября 2024 года № 49-П Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что такие требования прокурора направлены на защиту публичного интереса. Суд признал недопустимым применение к ним общих трехлетнего и десятилетнего сроков исковой давности по правилам Гражданского кодекса Российской Федерации [1; 8]. Вместе с тем практика показывает, что сама возможность предъявить иск не устраняет трудности доказывания происхождения имущества. В определении от 25 ноября 2025 года № 19-КГПР25-17-К5 Верховный Суд указал, что последующее преобразование имущества и его продажа не исключают рассмотрения требования об обращении в доход государства имущества,

в которое были вложены незаконные средства, или денежного эквивалента. Дело было направлено на новое рассмотрение, поскольку суды не дали надлежащей оценки этим обстоятельствам [5]. Следовательно, к иску необходимо прилагать не только сведения о первоначальном имуществе, но и последовательную схему перехода прав, банковских операций, сделок и конечных выгодоприобретателей. Полезно утвердить единый стандарт такой финансовой проверки для прокуроров и органов, которые предоставляют им сведения.

Третья проблема проявляется при уголовно-правовой оценке незаконного вознаграждения. Для квалификации по статье 290 Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо доказать, что деньги или иное имущество передавались за действия, связанные с должностными полномочиями лица. Пленум Верховного Суда разъяснил, что вознаграждение за профессиональные действия, не связанные с организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, не образует состава получения взятки [9]. В определении от 30 сентября 2025 года № 46-УДП25-8-К6 Верховный Суд отменил обвинительные решения по делу врача-патологоанатома и прекратил уголовное дело за отсутствием состава преступления. Суд установил, что действия, за которые передавались деньги, относились к профессиональным обязанностям врача и не были связаны с использованием им властных или управленческих полномочий [6]. Из анализа указанного дела следует практическое предписание к содержанию прокурорской проверки обвинительного заключения, представляющее собой необходимость проведения сопоставительного анализа должностного регламента, фактически совершенных действий и объектного содержания решения, на которое лицо обладало законной возможностью оказания влияния, при этом проведение такой сопоставительной процедуры направлено на предотвращение ошибочной квалификации профессиональной деятельности как коррупционной и на минимизацию случаев необоснованного уголовно-правового вмешательства.

Таким образом, проблемы прокурорского надзора в сфере противодействия коррупции рассматриваются не как следствие дефицита процессуальных полномочий, а как проявление потребности в повышенной точности процедуры доказывания юридически значимых обстоятельств, что в наиболее общем виде определяется требованием судебной практики к установлению реального конфликта интересов, к прослеживаемости коррупционных активов и к отделению должностных действий от профессиональных обязанностей, при этом в пределах данной смысловой связи фиксируется необходимость перехода от формального обладания полномочиями к доказательственной цепочке. В качестве инструментального механизма обеспечения законности и процессуальной устойчивости прокурорского реагирования предлагается внедрение доказательных матриц по конфликту интересов, унификация стандартов финансового прослеживания имущества и правовая проверка должностных функций до утверждения обвинения, что, при сохранении исходной логики, рассматриваются как предоставляющие возможности повышения допустимости доказательственной базы и обеспечения устойчивости обвинительных позиций в судебном разбирательстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : принят Государственной Думой 21 октября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 24.03.2026).

2. Иванцова Г. А. Некоторые проблемы прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в государственных и муниципальных органах // Право и государство: теория и практика. 2020. № 7(187). С. 103–105.

3. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05 февраля 2025 г. № 72-КАД24-1-К8. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2440898 (дата обращения: 24.06.2026).

4. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2025 № 60-КАД25-2-К9. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2458636 (дата обращения: 24.03.2026).

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 19-КГПР25-17-К5. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2509248 (дата обращения: 24.03.2026).

6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2025 г. № 46-УДП25-8-К6. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2490580 (дата обращения: 24.03.2026).

7. Пономарев А. А. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции в государственных и муниципальных органах : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11. М., 2016. URL: https://agprf.org/userfiles/ufiles/facultety/aspirant/diss/2016/ponomarev.pdf (дата обращения: 24.03.2026).

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 г. № 49-П по делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRF Decision791923.pdf (дата обращения: 24.03.2026).

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8355/ (дата обращения: 24.03.2026).

10. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 10 октября 2022 г. № 581 (в ред. от 17.11.2025) «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428738/ (дата обращения: 24.03.2026).

11. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 29.12.2025.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc _LAW_262/ (дата обращения: 24.03.2026).

12. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 28.12.2025.). URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 24.03.2026).

УДК 343.2

Грузинская Екатерина Игоревна
кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
филиал Кубанского государственного
университета в г. Новороссийске
г. Новороссийск, Российская Федерация
romirka@list.ru

К вопросу о вероятности назначения конфискации как иной меры уголовно-правового характера за совершение деяния, предусмотренного статьей 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей»: анализ судебной практики

Аннотация. *В статье оценивается вероятность назначения конфискации имущества за совершение деяния, предусмотренного ст. 187 УК РФ на основе анализа положений уголовного закона, соответствующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также опубликованных материалов судебной практике и делаются определенные выводы о факторах наличие или отсутствие которых повышает или понижает данную вероятность.*

Ключевые слова: *конфискация, имущество, преступление, судебная практика, приговор.*

Gruzinskaya Ekaterina Igorevna
candidate of law, associate professor
head of the department of Humanitarian Disciplines
branch of the Kuban State University in Novorossiysk
Novorossiysk, Russian Federation

On the issue of the likelihood of confiscation as a criminal penalty for the commission of an act under article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation “Unlawful circulation of payment means”: analysis of judicial practice

Annotation. *The article assesses the likelihood of confiscation of property for committing an act under Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation based on an analysis of the provisions of the criminal law, the relevant Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as published materials on judicial practice, and draws certain conclusions about the factors that increase or decrease this likelihood.*

Keywords: *confiscation, property, crime, judicial practice, verdict.*

© Грузинская Е. И., 2026

Согласно положениям ч. 1 ст. 104^1 УК РФ [2] конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора вида имущества, перечень которого установлен в вышеобозначенной статье.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих основания и порядок конфискации имущества, Пленум Верховного Суда Российской Федерации разработал Постановление от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» [1].

На основании Отчета о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2024 год мера в виде конфискации имущества (ст. 104^1 УК РФ) применена к 27 428 лицам, из которых 514 несовершеннолетние.

Согласно же положениям Обзора практики Верховного Суда Российской Федерации по применению норм уголовного закона о назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера (по материалам уголовных дел, рассмотренных в кассационном порядке) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 декабря 2024 г.) конфискация имущества применена в качестве иной меры уголовно-правового характера в соответствии со статьей 104^1 УК РФ к 10 792 осужденным.

При этом следующие виды имущества были конфискованы (табл. 1).

Таблица 1

Виды имущества, конфискованные в 2024 году

№ п/п	Вид имущества	Применена конфискация (ст. 104^1 УК РФ)	
		по приговорам судов	по иным судебным актам судов
1	Денежные средства на счетах в рублях	488	4
2	Денежные средства на счетах в иностранной валюте	12	1
3	Денежные средства наличные (в рублях)	1 936	35
4	Денежные средства наличные (в иностранной валюте)	50	4
5	Жилые помещения (квартиры, дома, их доли)	46	0
6	Производственные помещения	2	0
7	Иные нежилые помещения	20	0
8	Земельные участки	53	0
9	Автомобили и другие транспортные средства	12 877	133
10	Мобильные устройства (телефоны, планшеты, ноутбуки т. п.)	11 247	135
11	Бытовая техника	63	3
12	Ценности	22	1
13	Оборудование	130	8
14	Средства производства	9	0
15	Товары и продукция	30	3
16	Орудия и иные средства совершения преступления	876	145

Окончание табл. 1

№ п/п	Вид имущества	Применена конфискация (ст. 104^1 УК РФ)	
		по приговорам судов	по иным судебным актам судов
17	Иное имущество	344	28
18	Из стр.1 сумма в рублях	1 003 303 151	205 300
19	Из стр. 3 сумма в рублях	1 006 129 228	31 466 350

Учет осуществляется по виду имущества арестованного, конфискованного в уголовном деле.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 07.03.2017 № 5-П, и п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» в соответствии с пунктами 1 и 4^1 части 3 статьи 81 УПК РФ решение о конфискации признанных вещественными доказательствами орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому, может быть принято как при постановлении обвинительного приговора, так и в случае прекращения судом уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям, которое допускается лишь при условии разъяснения обвиняемому (подсудимому) правовых последствий принятого решения, включая возможную конфискацию имущества, и при отсутствии его возражений против такого прекращения.

Анализ судебной практики, опубликованной на ресурсе https://sudact.ru/ дает основания предполагать, **что не во всех случаях** в приговорах, вынесенных по ст. 187 УК РФ, имеется указание на назначение конфискации имущества как меры уголовно-правового характера.

В результате исследования 124 обвинительных приговоров, вынесенных судом первой инстанции по ст. 187 УК РФ, были выделены основания необходимости назначения конфискации имущества как меры уголовно-правового характера (табл. 2).

Таблица 2

Основания необходимости назначения конфискации имущества

№ п/п	Основание конфискации	Выходные данные приговора
1	Вознаграждение за совершение незаконных действий	Приговор № 1-20/2025 1-296/2024 от 22 января 2025 г. по делу № 1-20/2025 Приговор № 1-266/2024 1-7/2025 от 19 января 2025 г. по делу № 1-266/2024 Приговор № 1-488/2024 от 17 декабря 2024 г. по делу № 1-488/2024 Приговор № 1-443/2024 от 17 декабря 2024 г. по делу № 1-443/2024 Приговор № 1-530/2024 от 1 декабря 2024 г. по делу № 1-530/2024 Приговор № 1-226/2024 от 28 ноября 2024 г. по делу № 1-226/2024 Приговор № 1-687/2024 от 26 ноября 2024 г. по делу № 1-687/2024 Приговор № 1-363/2024 от 1 ноября 2024 г. по делу № 1-363/2024 Приговор № 1-457/2024 от 7 октября 2024 г. по делу № 1-457/2024

Окончание таблицы 2

№ п/п	Основание конфискации	Выходные данные приговора
2	Денежные средства получены в результате совершения преступления	Приговор № 1-336/2024 от 7 октября 2024 г. по делу № 1-336/2024 Приговор № 1-397/2024 от 4 октября 2024 г. по делу № 1-397/2024 Приговор № 1-339/2024 от 26 сентября 2024 г. по делу № 1-339/2024 Приговор № 1-323/2024 от 25 сентября 2024 г. по делу № 1-323/2024 Приговор № 1-316/2024 от 4 сентября 2024 г. по делу № 1-316/2024 Приговор № 1-331/2024 от 15 июля 2024 г. по делу № 1-331/2024
3	Денежные средства получены преступным путем за совершение незаконных действий	Приговор № 1-201/2024 от 17 сентября 2024 г. по делу № 1-201/2024
4	Денежное вознаграждение за совершение преступления (конфискована денежная сумма, эквивалентную размеру денежных средств, полученных в результате совершения преступлений)	Приговор № 1-279/2024 от 7 июля 2024 г. по делу № 1-279/2024 Приговор № 1-192/2024 от 27 июня 2024 г. по делу № 1-192/2024 Приговор № 1-208/2024 от 24 июня 2024 г. по делу № 1-208/2024

В результате исследования 124 обвинительных приговоров, вынесенных судом первой инстанции по ст. 187 УК РФ, были выделены основания отсутствия возможности назначения конфискации в качестве меры уголовно-правового характера (табл. 3).

Таблица 3

Основания отсутствия возможности назначения конфискации

№ п/п	Основание невозможности применения конфискация на основании ст. 104^1 УК РФ	Выходные данные
1	Отсутствие сведений, подтверждающих получение недвижимого имущества в качестве вознаграждения	Приговор № 1-24/2025 1-395/2024 от 19 января 2025 г. по делу № 1-24/2025
2	Отсутствие в материалах уголовного дела доказательств использования предметов при осуществлении преступной деятельности	Приговор № 1-44/2025 1-896/2024 от 12 января 2025 г. по делу № 1-44/2025 Приговор № 1-302/2024 от 21 октября 2024 г. по делу № 1-302/2024

Окончание таблицы 3

№ п/п	Основание невозможности применения конфискация на основании ст. 104[1] УК РФ	Выходные данные
3	Отсутствие доказанных сведений ни в ходе предварительного следствия, ни в ходе рассмотрения дела судом о получении каких-либо денег и ценностей.	Приговор № 1-1-67/2024 от 24 декабря 2024 г. по делу № 1-1-67/2024
4	Отсутствие данных о получении денежных средств за выполнение действий	Приговор № 1-324/2024 от 24 декабря 2024 г. по делу № 1-324/2024 Приговор № 1-197/2024 от 29 октября 2024 г. по делу № 1-197/2024 Приговор № 1-126/2024 от 26 мая 2024 г. по делу № 1-126/2024
5	Обещанное вознаграждение за совершение деяния не получено	Приговор № 1-257/2024 от 18 декабря 2024 г. по делу № 1-257/2024
6	Полное возмещение вреда	Приговор № 1-223/2024 от 1 ноября 2024 г. по делу № 1-223/2024
7	Не установлен размер вознаграждения в результате совершения преступления	Приговор № 1-367/2024 от 12 сентября 2024 г. по делу № 1-367/2024
8	Денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления в ходе расследования уголовного дела обнаружено и изъято не было	Приговор № 1-278/2024 от 29 июля 2024 г. по делу № 1-278/2024

Анализ судебных решений апелляционной и кассационной инстанций, опубликованный в банке судебных решений системы «Гарант», позволил заметить следующую тенденцию

– в апелляционном представлении государственный обвинитель выражает несогласие с приговором в части отсутствия указания на обязательность конфискации полученных в результате преступления доходов (*Апелляционное определение СК по уголовным делам Пермского краевого суда от 04 апреля 2023 г. по делу № 22-1975/2023; Апелляционное определение СК по гражданским делам Пермского краевого суда от 23 января 2024 г. по делу № 33-827/2024; Апелляционное определение СК по уголовным делам Ульяновского областного суда от 29 мая 2024 г. по делу№ 22-938/2024)*;

– отсутствие в приговоре прямого указания на конфискацию и определения, какое именно имущество подлежит конфискации, с параллельным возбуждением судебным приставом-исполнителем исполнительного производства с целью конфискации в доход государства имущества, не является основанием отмены конфискации имущества в порядке ст. 399 УПК РФ, поскольку данная мера уголовно-правового характера наказанием не является, и на нее не распространяются правила ст. 69, 70 УК РФ (*Постановление Ленинского районного суда г. Ульяновска Ульяновской области от 06 июня 2025 г. по делу № 4-17-72/2025)*;

– на назначение конфискации имущества в качестве меры уголовно-правового характера *может оказать влияние убедительность* изложения по-

зиции стороны обвинения относительно принадлежности того или иного имущества, которое может быть передано в доход государства, в рамках судебных прений *(Апелляционное определение СК по уголовным делам Калужского областного суда от 06 марта 2023 г. по делу N 22-200/2023).*

Исходя из вышеизложенного материала, следует признать, следующее.

Во-первых, наличие ст. 187 УК РФ в перечне преступлений, предусмотренном ст. 104^1 УК РФ, по которым возможна конфискация имущества, является основанием для наложения ареста на имущество, которое в последующем может быть конфисковано *(Апелляционное постановление Брянского областного суда от 18 апреля 2024 г. по делу N 22К-553/2024).*

Во-вторых, основанием для назначения конфискации в качестве меры уголовно-правового характера является установление в приговоре факта получения дохода в результате совершения преступления (*в виде вознаграждения, прибыли*) в независимости от его размера, не являющегося, в свою очередь, криминообразующим признаком состава преступления

В-третьих, при установлении признаков состава преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, суд будет рассматривать возможность конфискации имущества, полученного в результате совершения преступления на основании положений п. «а» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ, при установлении факта полученных в результате преступления доходов.

В-четвертых, при отсутствии в приговоре указания на назначение конфискации при одновременном установлении и доказанности факта получения в результате преступления доходов, в апелляционном представлении сторона обвинения укажет на свое несогласие в данной части.

В-пятых, конфискации будет подлежать лишь доход, полученный в результате совершения деяния, предусмотренного ст. 187 УК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации 2 июня 1996 г. №161-ФЗ] (ред. от 20.03.2026). URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mqpphy0wsv351003211 (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 343.8

Евстегнеев Алексей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

К вопросу назначения наказаний за совершение нескольких преступлений

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемные вопросы назначения наказания виновным в совершении нескольких преступлений. Приводится анализ положений ранее действовавших и действующих уголовно-правовых норм, определяющих порядок назначения наказания при множественности преступлений. Особое внимание уделено вопросам наказаний за неоднократность преступлений, как самостоятельного вида множественности преступлений. Высказываются критические замечания относительно действующих правил назначения наказаний по совокупности преступлений и совокупности приговоров, предусмотренных статьями 68, 69 УК РФ. На основании анализа положений Общей части уголовного права, а также требований принципов уголовного законодательства автор вносит предложения по изменению норм Уголовного кодекса Российской Федерации, регулирующих правила назначения наказаний при множественности преступлений.*

Ключевые слова: *Уголовный кодекс РФ, преступление, наказание, неоднократность преступлений, повторность преступлений, совокупность преступлений, совокупность приговоров, виновное лицо, назначение наказания.*

Evstegneev Alexey Sergeevich
candidate of legal sciences, associate professor
associate professor of the department
of judicial and law enforcement activities
Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

On the issue of sentencing for committing multiple crimes

Annotation. *The article discusses the problematic issues of sentencing those guilty of committing multiple crimes. It provides an analysis of the provisions of previously existing and current criminal law norms that determine the procedure for sentencing in cases of multiple crimes. Special attention is given to the issues of punishment for repeated crimes as an independent type of multiple crimes. The article also provides critical remarks regarding the current rules for sentencing for multiple crimes and multiple convictions, as specified in Articles 68 and 69 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis of the provisions of the General Part of Criminal Law, as well as the requirements of the principles of criminal legislation, the author makes proposals for changing the norms of the Criminal Code of the Russian Federation that regulate the rules for assigning punishments for multiple crimes.*

Keywords: *Criminal Code of the Russian Federation, crime, punishment, multiple crimes, repeated crimes, multiple convictions, guilty person, sentencing.*

© Евстегнеев А. С., 2026

В современном государстве, регулирование отношений осуществляется на основе принципов, отражающих сущность и значение соответствующей правовой системы. Как известно, п*ринципы права, в том числе и уголовного – это основополагающие, исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности развития демократического общества, поэтому они являются общеобязательными для регулирования правовых общественных отношений.* Следовательно, неуклонное исполнение предписаний норм права одновременно обозначает и воплощение в жизнь заложенных в них принципов.

Уголовным кодексом РФ предусмотрены такие принципы как: законность, равенство граждан перед законом, вины (или, как отмечают некоторые специалисты – принцип личной и виновной ответственности), а также справедливости и гуманизма. Наряду с этим, в доктрине уголовного права называют еще принцип неотвратимости наказания, который, как представляется, заслуживает своего места в Уголовном кодексе и ему следует дать законодательное закрепление, так как одним из обязательных признаков преступления, обозначенном в части 1 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации является наказуемость виновно совершенного общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом [2, ст. 14].

Анализ судебной практики указывает на то, что значительное количество обвинительных приговоров содержит назначение наказания осуждаемым за совершение нескольких преступлений, т. е. по совокупности преступлений или по совокупности приговоров, т. е., используя правила назначения наказаний при наличии множественности преступлений. Российское уголовное право под множественностью преступлений признает последовательное (многократное) совершение двух или более преступлений одним лицом или одной и той же группой лиц. В литературных источниках указывается на то, что для множественности преступлений характерны такие обстоятельства, когда в одном или нескольких последовательно совершенных деяниях содержатся признаки нескольких составов преступлений, каждое из которых рассматривается уголовным законом как самостоятельное преступление. Следовательно, для множественности преступлений характерны следующие обязательные признаки: а) субъектное начало, образующее множественность, т. е. указание на лицо (группу лиц), совершившее (совершивших) последовательно несколько преступных деяний. Эти деяния могут быть аналогичными или различаться между собой по элементам состава преступления, кроме того, все они должны быть совершены одним и тем же лицом (одной и той же группой лиц); б) каждое из совершенных деяний, образующих множественность, должно быть самостоятельным преступлением, т. е. обладать всеми его признаками; в) каждое из деяний, входящих во множественность, должно содержать в себе все признаки самостоятельного состава преступления. При этом множественность преступлений может быть образована совокупностью как оконченных, так и неоконченных преступлений. Так, например, первое, второе, третье и так далее преступления носят оконченный характер, а последующее является неоконченным, так как было пресечено на стадии покушения. Кроме того, элементами множественности могут быть признаны действия не только исполнителей (соисполни-

телей), но и организаторов, подстрекателей и пособников. Например, в одном случае при совершении хищения лицо являлось непосредственным исполнителем, а в другом случае это лицо играло роль пособника; г) по каждому из деяний, входящих в множественность, отсутствуют законные основания, препятствующие возбуждению уголовного дела, иначе говоря, множественность отсутствует в случаях, когда по одному из двух деяний имеются обстоятельства, исключающие его уголовно-правовой характер [5, с. 85–86; 6, с. 100–101].

Учитывая сказанное, под множественностью преступлений мы понимаем сочетание в поведении виновного (виновных) нескольких последовательно и виновно совершенных общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом под угрозой уголовного наказания, при условии, что каждое из актов его (их) преступного поведения представляет собой самостоятельный состав преступления, сохраняет свое уголовно-правовое значение и не имеет препятствий для уголовного преследования виновного (виновных) [6, с. 101].

Продолжая рассуждения о множественности преступлений, следует иметь в виду, что до вступления в законную силу Уголовного кодекса Российской Федерации в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года существовала такая форма множественности, как повторность преступлений, т. е. это совершение лицом двух и более преступлений, предусмотренных, как правило, одной статьей Особенной части Уголовного кодекса либо, в отдельных случаях, однородных (однотипных) преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части Уголовного кодекса, за совершение которых виновное лицо не привлекалось к уголовной ответственности. Например, лицо совершает преступление небольшой тяжести против собственности, через некоторое время оно совершает аналогичное преступление, затем еще одно и ни за одно из них оно не привлекалось к уголовной ответственности [6, с. 101].

В таких случаях практика исходила из того, что при совершении лицом аналогичных преступлений содеянное квалифицировалось по одной статье Уголовного кодекса, но по различным частям, предусматривающим более строгое наказание, чем за совершение одного такого преступления впервые. Например, лицо последовательно совершает несколько простых краж чужого имущества, то факт совершения второй кражи квалифицировался бы по особым квалифицирующим признакам, предусматривающим повышенную уголовную ответственность за совершение повторного преступления, т. е. не по части 1, а по частям 2 и 3 статьи 89 или статьи 144 УК РСФСР – кража, совершенная повторно.

В тех же случаях, когда лицо последовательно совершило однородные преступления, содеянное образовывало одновременно и повторность и совокупность преступлений. Например, лицо после совершения кражи чужого имущества совершает грабеж, то содеянное следовало бы квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 89 (ч. 1 ст. 144) УК РСФСР и по соответствующим квалифицирующим признакам, усиливающему ответственность за совершение грабежа как за повторно совершенное преступление против собственности по ч. 2 ст. 90 (ч. 2 ст. 145) УК РСФСР 1960 г. [6, с. 101].

Как справедливо отмечали некоторые авторы, сама по себе повторность имела двоякое юридическое значение:

1. Являлась самостоятельным квалифицирующим обстоятельством, создавала новый (квалифицированный) состав преступления. Такое было возможно лишь в случаях, специально предусмотренных в конкретных статьях Особенной части Уголовного кодекса. Роль квалифицирующего признака здесь играло сочетание тождественных и однородных преступлений, т. е. как при чистой, так и при смешанной повторности.

2. Повторность выступала как отягчающее ответственность обстоятельство, которое могло быть образовано сочетанием двух и более тождественных преступлений, но при условии, если такое сочетание не являлось самостоятельным квалифицирующим признаком состава преступления.

Законодатель, формируя институт множественности преступлений, в Уголовном кодексе Российской Федерации отказался от термина «повторное совершение преступления», преобразовав его в «Неоднократность преступлений» (статья 16 УК РФ, действовавшая до 8 декабря 2003 года), давая ей следующее определение: «Неоднократностью преступлений признается совершение двух и более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи настоящего Кодекса. Совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями настоящего Кодекса, может признаваться неоднократным в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса» [3].

Нам представляется верной такая реакция законодателя, так как согласно словарным источникам: «повторно – это значит второй раз», а не третий и, тем более, не четвертый и так далее разы. Если же действие (бездействие), в том числе и преступление, выполняется два и более раза, то правильнее говорить о неоднократном выполнении таких действий (бездействия).

Однако, как выше указано, эта норма действовала всего семь лет и в декабре 2003 года законодатель исключил ее из Уголовного кодекса Российской Федерации, ссылаясь на постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, …» [4].

Вместе с тем, анализ правоприменительной практики указывает на то, что немногим менее половины лиц, осужденных к лишению свободы, осуждены именно за совершение двух и более преступлений и ни за одно из них они ранее не осуждались. В тоже время, всем известно, что лицо совершающее или совершившее последовательно два и более умышленных преступления, обладает большей общественной опасностью, нежели лицо, совершившее преступление один раз. Следовательно, лицо, обладающее большей общественной опасностью заслуживает и более строгого наказания, что, по нашему мнению, должно иметь законодательное закрепление, как это имело место в соответствующих нормах ранее действовавших уголовных кодексах РСФСР и Российской Федерации до 8 декабря 2003 года.

Мы полагаем, что неоднократность должна быть учтена как квалифицирующий признак, специально предусмотренный статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, а также и, как одно из обстоятельств, отягчающих наказание в ст. 63 УК РФ, как это имело место в п. 1 ст. 39 УК РСФСР «совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление». Только в нашем случае представляется правильным указывать на неоднократное совершение ни «какого-либо преступления», а умышленного преступления. Иными словами, статью 63 УК РФ следовало бы дополнить новым обстоятельством, отягчающим наказание: «совершение умышленного преступления лицом, ранее совершившим умышленное преступление». Целесообразность такого «нововведения» объясняется теоретическими положениями Общей части уголовного права, указывающими на то, что лицо, после совершения одного умышленного преступления, совершая новое умышленное преступление, не только приобретает криминальный опыт или профессионализм, но и демонстрирует свое неуважительное и пренебрежительное отношение к правилам общежития, общественного порядка и общественной безопасности, требованиям закона, тем самым демонстрируя свою повышенную общественную опасность, заслуживающую более сурового наказания. Следовательно, неоднократность как отягчающее наказание обстоятельство, должно учитываться судом при назначении наказания в рамках санкции соответствующей статьи и не может не влиять на квалификацию преступления. Такая неоднократность, например, образуется при последовательном совершении двух простых краж, ответственность за которые предусмотрена ч. 1 ст. 158 УК РФ. Однако при назначении наказания суд должен учитывать и то, что последующий случай совершения умышленного преступления наделен отягчающим наказание обстоятельством, и назначаемое наказание должно быть более строгим, чем это предусмотрено ч. 2 ст. 69 УК РФ, что в свою очередь предопределяет целесообразность изменения редакции действующих положений называемых правовых норм.

Естественно, неоднократность, когда она является квалифицирующим признаком, образуя квалифицированный состав преступления, при назначении наказания не может и не должна приниматься судом во внимание как обстоятельство, отягчающее наказание. Так как в этом случае повышенная общественная опасность виновного и содеянное им найдет свое отражение в более строгой санкции соответствующей уголовно-правовой нормы Особенной части Уголовного кодекса. Сказанное обусловливает наш вывод о том, что неоднократность как одна из форм множественности имеет право на существование и может быть закреплена в Общей части действующего Уголовного кодекса Российской Федерации в рамках, например, ст. 16.1 УК РФ, а также введена в ст. 63 УК РФ как обстоятельство отягчающее наказание. По нашему мнению, эти нововведения не вступят в противоречие с положениями названного выше постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П, поскольку предметом рассмотрения Конституционного Суда

Российской Федерации являлись лишь положения, касающиеся регламентации уголовно-правовой квалификации преступления и назначения за него наказания при наличии у лица, совершившего повторное преступление, непогашенной или неснятой судимости, а в той части, в какой определяется правовое значение неоднократности совершения лицом двух или более преступлений, ни за одно из которых оно не было осуждено, не подлежало проверке Конституционным Судом в рамках данного дела, поскольку они не применялись и не подлежали применению в уголовных делах заявителей [4].

В виду того, что одно лицо или одна группа лиц зачастую совершают последовательно несколько преступлений, ни за одно из которых они не привлекались к уголовной ответственности, в российском уголовном законодательстве установлены различные правила назначения наказания при различных видах множественности преступлений, к числу которых относится и назначение наказания по совокупности преступлений.

Подробный анализ изложенных в законе правил назначения наказания за последовательное совершение лицом (лицами) нескольких преступлений указывает на то, что осуждаемый (осуждаемые), в конечном счете получат наказание, в худшем для них случае, за два не полных преступления, а если это преступления небольшой или средней тяжести, то может получить наказание всего лишь за одно – наиболее тяжкое из всей совокупности, не смотря на то, что согласно положениям ч. 1 ст. 69 УК РФ: «При совокупности преступлений наказание назначается отдельно за каждое совершенное преступление» [1, ст. 69]. Осуществляя буквальное толкование данной правовой нормы видно, что суд обязан назначать наказание за каждое совершенное преступление в отдельности, сколько бы совершенных преступлений не входило в эту совокупность. Содержание данной нормы указывает на то, что при назначении наказания по совокупности преступлений реализуются все принципы уголовного права, в том числе и неотвратимость наказания. Однако не следует спешить делать такие выводы, так как в части второй данной статьи изложено следующее предписание: «Если все преступления, совершенные по совокупности, являются преступлениями небольшой или средней тяжести, либо приготовлением к тяжкому или особо тяжкому преступлению, либо покушением на тяжкое или особо тяжкое преступление, окончательное наказание назначается путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем частичного или полного сложения назначенных наказаний. При этом окончательное наказание не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений» [1, ст. 69]. Что мы видим, проанализировав данное предписание законодателя? А видим мы то, о чем уже говорилось выше, при назначении окончательного наказания суд обязан будет исходить, образно говоря, из санкций составов преступлений, устанавливающих наиболее строгое наказание. То есть, в конечном счете, назначит одно полное наказание и второе наказание, составляющее половину максимального срока или размера наказания, предусмотренного за наи-

более тяжкое из совершенных преступлений. Как показывает анализ судебной практики, при назначении наказаний за преступления небольшой или средней тяжести суды прибегают к первому правилу, согласно которому более строгое наказание поглощает в себе менее строгое наказание, т. е. в конечном счете фактически назначается наказание всего за одно преступление.

Не менее интересными представляются предписания, изложенные в части 3 статьи 69 УК РФ: «Если хотя бы одно из преступлений, совершенных по совокупности, является тяжким или особо тяжким преступлением, то окончательное наказание назначается путем частичного или полного сложения наказаний. При этом окончательное наказание в виде лишения свободы не может превышать более чем наполовину максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный за наиболее тяжкое из совершенных преступлений» [1, ст. 69]. Отличие от предыдущего правила лишь в том, что здесь исключена возможность поглощения менее строго наказания более строгим. И здесь суд должен, в конечном счете назначать наказание по двум составам преступлений, независимо от количества вмененных подсудимому преступлений, образующих совокупность.

Если рассуждать о максимальных сроках наказания в виде лишения свободы, то необходимо подвергнуть анализу положения статьи 56 УК РФ, устанавливающей правила назначения наказания в виде лишения свободы на определенный срок. В части второй настоящей статьи говорится о том, что наказание в виде лишения свободы устанавливается на срок от двух месяцев до двадцати лет, однако в четвертой и пятой частях этой статьи конкретизируются приведенные выше правила. Так, в части 4 статьи 56 УК РФ говорится о том, что «За исключением случаев, предусмотренных частью пятой настоящей статьи, при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более двадцати пяти лет, а по совокупности приговоров – более тридцати лет». Что же касается предписаний, изложенных в части 5, то можно увидеть следующее: «В случае совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 210, статьей 210.1, частью четвертой статьи 211, статьями 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358, 360 и 361 настоящего Кодекса, при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более тридцати лет, а по совокупности приговоров – более тридцати пяти лет» [1].

Да, законодатель предусмотрел большие сроки наказания в виде лишения свободы, но и здесь действуют правила назначения наказаний по совокупности преступлений, следовательно, виновному может быть назначено наказание не за все преступления, образующие совокупность, если их в совокупности боль-

ше двух, а лишь за определенную часть из всех преступлений, образующих совокупность.

Сказанное свидетельствует о том, что принцип неотвратимости наказания, а также предписания, изложенные в части 1 ст. 69 УК РФ: «При совокупности преступлений наказание назначается отдельно за каждое совершенное преступление» судом, в буквальном смысле, выполненными быть не могут. Следовательно, сказанное обусловливает целесообразность внесения изменений в уголовно-правовые нормы, устанавливающие правила назначения наказаний подсудимым, совершившим последовательно несколько преступлений и ни за одно из которых они не привлекались к уголовной ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г.] (в ред. от 9 апреля 2026 г) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.04.2026).

2. Уголовный кодекс РСФСР : [принят третей сессией Верховного Совета РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г.] (с изм. и доп. на 31 декабря 1992 г.). М. : Юрид. лит., 1993. 90 с.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. ; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г.] : (в ред. по сост. на 18 июля 2003 г.). М. : Омега-Л. 2003. 144 с.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года „Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов“ в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/? ysclid=mqjv639ip0159292475 (дата обращения: 10.04.2026).

5. Евстегнеев А. С. К вопросу о правилах назначения наказания по совокупности преступлений // Вестник Костромского государственного университета. Государство и право: вопросы теории и практики. Серия «Юридические науки». 2016. № 1(6). С. 47–51.

6. Евстегнеев А. С. Новый взгляд на современное понимание множественности преступлений // Вестник Костромского государственного университета. Государство и право: вопросы теории и практики. Серия «Юридические науки». 2011. № 1(1). С. 35–39.

УДК 343.9

Зацепин Михаил Николаевич
доктор юридических наук, профессор
аналитик управления научных исследований
и международного сотрудничества
Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева
г. Екатеринбург, Российская Федерация
mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович
доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры уголовного права
и оперативно-розыскной деятельности органов
внутренних дел
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России
директор Крымского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Симферополь, Российская Федерация
tp0507@ya.ru

Уголовная антикриминальная политика противодействия коррупции

Аннотация. *Эволюция экономических, политических и социальных сфер деятельности обновленной Конституции РФ облекает в форму задачи по приведению правовой системы в соответствие с криминологической и фактической реальностью. Уголовная антикриминальная политика «обеспечивает» правоохранительные органы нормами, необходимыми для борьбы с современными формами и видами преступности в хозяйственно-экономической деятельности. Наблюдается криминализация значительных других социальных отраслей формирующейся «новой» экономики. В большей мере это решается нормами УК РФ общей части о дифференциации и сохраняет основания уголовной ответственности в соответствии с конвенциональными нормами и структуры личности правонарушителя. В настоящее время не получается пока исключить декларативность и действующие, как и ранее, идеологические штампы как требует правовой документ, в котором цели и задачи уголовной политики решались бы только правовыми средствами.*

Ключевые слова: *коррупция, правоохранительные органы, антикриминальная политика, борьба с преступностью, предпринимательская деятельностью, межведомственное взаимодействие, криминал.*

Zatsepin Mikhail Nikolaevich
doctor of law, professor, analyst
of the department of research and
international cooperation, V. F. Yakovlev
Ural State Law University,
Yekaterinburg, Russian Federation

© Зацепин М. Н., Зацепин А. М., 2026

Zatsepin Alexander Mikhailovich
doctor of law, associate professor
professor of the department of criminal
law and operational and investigative
activities of the internal affairs bodies
of the Crimean branch Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian
Federation, director of the Crimean Law Institute
(branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
Simferopol, Russian Federation

Criminal anti-criminal policy to counter corruption

Annotation. *The evolution of the economic, political, and social spheres of activity of the updated Constitution of the Russian Federation takes the form of tasks to bring the legal system into line with criminological and factual reality. Criminal anti-criminal policy "provides" law enforcement agencies with the norms necessary to combat modern forms and types of crime in economic and business activities. There is a trend towards the criminalization of significant other social sectors of the emerging "new" economy. This is largely addressed by the general provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on differentiation, which maintains the basis for criminal liability in accordance with conventional norms and the structure of the offender's personality. At the moment, it is not possible to exclude declarative statements and ideological cliches that are still in effect, as required by a legal document that would address the goals and objectives of criminal policy solely through legal means.*

Keywords: *corruption, law enforcement agencies, anti-criminal policy, fight against crime, entrepreneurial activity, interagency cooperation, crime.*

На современном этапе развития государства существует глобальная необходимость усиления блока противодействия уголовным проявлениям коррупционного характера. Данные проявления наносят колоссальный урон практически во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, тем самым создавая угрозу нормальному функционированию общественных отношений. Таким образом, видится востребованность исследования стенического поведения исполнителя правонарушения, чтобы понять обстоятельства совершенного деяния и ответить на несколько концептуальных вопросов объективных факторов и выявить взаимосвязи, влияние внутренних и внешних процессов с субъективными условиями. Главные из них следующие – какая сейчас стратегическая задача уголовной политики, перспективы развития, сущностная характеристика совокупности внутренних и внешних субъективных условий, событий и явлений, обусловивших правонарушение существующих независимо и во внешнем мире, межведомственного взаимодействия, а также особенности в эпоху глобальных вызовов, прогноз криминальных опасностей и угроз [1; 2; 3; 4].

Исследования показывают – в результате подобного отношения к антикриминальной уголовной политике возникают аспекты технико-юридического конструирования уголовно-правовых предписаний в современных условиях, так как нынешнее положение ее по крайней мере не препятствует продолжаю-

щейся криминализации. Пределы влияния уголовной политики на систему ограничены и не могут быть выражены количественно или качественно, а различные формы теневой экономики развиваются согласно «общим» экономическим законам. На практике скрещивается необходимость определить объективные условия, обнаружившиеся при совершении правонарушения с внутренним содержанием, и изучить эволюцию развития индивида (субъекта) для расследования, под воздействием каких условий сформировался его характер [5].

В руководящих положениях правоохранительных органов последних лет для выполнения охранительной функции действующим законодательством определяется сотрудничество с коллективными и частными охранными структурами. В настоящее время в России насчитываются сотни сыскных и охранных фирм, бюро, ассоциаций. Представляется, что появление альтернативных полиции частных структур с функциями прежде всего защиты прав и интересов предпринимателей стимулирует повышение эффективности их профессиональной работы, открывает перспективу законодательного расширения сферы частного обвинения и всякого производства и сокращению круга деликтов публичного обвинения. Выбор правоохранительных органов – конфликтовать с ними, делить поле деятельности или тесно взаимодействовать, оказывать новым охранительным структурам поддержку, помогать совершенствовать научно обоснованные формы и методы по исполнению однотипных с правоохранительными функциями обязанностями [6; 7; 8; 9; 10].

За время существования налоговых органов в правоохранительные органы передано предостаточно материалов по фактам сокрытия прибыли и других объектов налогообложения в особо крупных размерах. Со своей стороны, они направляют в налоговые органы соответствующую информацию с конкретными доказательствами по тому или иному делу. Несомненно, взаимодействие приносит впечатляющий эффект в рамках реализации проверок финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующих субъектов предпринимательской деятельности, где одним из распространенных явлений – сокрытие прибыли на значительные для бюджета суммы. Между предприятиями заключаются фиктивные договоры, перечисляются крупные суммы денег, проводились операции, в результате которых обналичивались деньги. Сегодня, чтобы выявлять и пресекать налоговые преступления, необходимо обладать высоким профессионализмом, иметь соответствующую правовую подготовку, владеть методами оперативно-розыскной деятельности, разбираться в тонкостях налогового законодательства и механизма его реализации. Так, наряду с кредитно-финансовой сферой наиболее часто нарушается налоговое законодательство на предприятиях, занимающихся внешнеэкономической деятельностью, где часть прибыли от экспорта продукции, направляется на счета уполномоченных банков не только в России, несвоевременно проводится перерасчет валютных средств по действующему курсу, которые числятся на балансе предприятий, импортные товары, полученные по бартеру, реализуются по ценам ниже себестоимости. Многочисленные выявленные преступления связаны с внешнеэкономической деятельностью и совершаются в совокупности с стратегическим сырьем и ценными материалами. Наряду с ростом экономических преступле-

ний в сфере «рыночных» отношений и предпринимательской деятельности аналогичное положение наблюдается и с традиционными уголовными преступлениями, которые также приобретают международный, транснациональный характер. Этому способствуют объективные негативные явления по внешнеэкономической деятельности (отсутствие нормативно-правовой базы, информации, опыта, кадров и т. п.), а также проводимое в настоящее время в Российской Федерации упрощение пограничного режима (так называемые «прозрачные границы СНГ»), порядка и процедуры выезда и въезда. Это открыло дорогу в страны дальнего и ближнего зарубежья большому числу лиц, стремящихся к противозаконному обогащению и «процесса» криминализации, хищения общенародной собственности, что способствовало несовершенство законов – «О собственности в СССР» и «О предпринимательстве» [11; 12; 13].

Известно, что изменение элементов взаимосвязи внутренних и внешних условий диалектической связи эндогенных и экзогенных факторов правонарушителя или их механическое сопоставление в формировании объективных условий обстоятельства в действительно существующей связи между ними проявляющиеся в преступном деянии. В отношении преступного деяния объективное содержание проявляется в момент совершения или непосредственно перед совершением правонарушения и играет конститутивную роль в становлении и развитии индивида. Одной из наиболее актуальных проблем изучения развития криминогенной ситуации того времени является постоянный и стремительный рост уголовного опыта и количества преступлений выезжающих туда граждан на постоянное жительство, которые имели близость к европейскому рынку сбыта, и «очередная» попытка прорыва к рыночной цивилизации. К сожалению, эта попытка включала в себя «идеализацию» новой для нашего государства общественной системы, сделанные маневры на этом пути дали ростки в виде классических и неизвестных явлений, а именно таких как организованная преступность, мафия, коррупция, рэкет, заказные убийства, отмывание денег, наркобизнес и тому подобное [14].

Криминологический анализ факторов, влияющих на уровень преступности, анализ состояния борьбы с конкретными уголовными проявлениями, в том числе и которые носят организованный характер, а также результаты исследований дают основания утверждать, что уровень зарегистрированной преступности не соответствует реальной криминогенной ситуации. Поведение индивида детерминировано социальной средой и объективными условиями, которые преобразовывают эти условия, стимулируют или препятствуют сформированными предшествующими обстоятельствами. Выполняя социальные условия, вытекающие из закономерностей, сформировавшихся из их познания, считается возможным руководить своим поведением. С помощью рефлексии, сформировавшейся под влиянием социальных условий, индивид принимает участие в установлении субъективных условий и руководит своими действиями. Расследуя преступление, изучается личность через анализ его поступков, которые определили генерирование личных качеств. Воздействие внешних условий выражается у каждого правонарушителя индивидуально, соответствуя его внутреннему содержанию, а комбинирование объективных и субъективных условий создает

специфическую взаимосвязь. Проведенные криминологические исследования коррупционных преступлений выявили интересные факты, что в отношении данных преступлений большое влияние оказывают объективные условия, такие как несовершенство организационно-хозяйственных мер и законодательного обеспечения, а также в общественном мнении падающий имидж принятия управленческих решений. К субъективным условиям относятся потребности, которые не могли быть исполнены законным образом действий, а на активизацию субъективных условий повлияли вышеупомянутые объективные условия, создающие комплементарную обстановку [15].

Вопреки принятым в тот период социально-экономическим преобразованиям, качественная и системная трансформация еще не завершена. Коррупция, как объект повышенного внимания последних лет, опасное антиобщественное явление. Несмотря на то, что публикации носят открытый характер, а статистические данные содержат информацию о количестве выявленных и зарегистрированных коррупционных преступлениях, фактическая реальность – разная феноменальность. Коррупция имеет свойство латентности, выявленная статистика более чем не отражает реалии действительности. Криминологический анализ статистических показателей необходим только в анализе и взаимосвязи с социально-экономическими показателями. Информация о проведенных исследованиях с соответствующими криминологическими комментариями будет являться практическим индексом социально-экономической экзальтации гражданственности, отражающей содержание происходящих изменений. Когда зарождалось предпринимательство (бизнес) и современная налоговая система, которые заявляли предприниматели (бизнес) к государственным органам о признании недействительными их решений, различные уровни по регионам обусловлено отсутствием квалифицированных юридических услуг на местах. Судебные решения формируют налоговую практику и меняют формат «обсуждения» актуальных вопросов, формируют особую платформу для обсуждения актуальных проблем гражданского, трудового, финансового уголовного и других отраслей права, развития юридической науки и современной российской юриспруденции, определяя правовую политику [16].

В коррупционной преступности из-за общественно-опасного характера этой категории преступлений необходимыми предпосылками становится субъективная консигнация, индивиды, у которых отмечаются убедительные негативные свойства характера. Если в отношении граждан, совершивших не коррупционное преступление и преимущественно заблуждавшихся при оказании сильного воздействия благоприятных для совершения преступления условий, где субъективным элементом преступного деяния является императивная проблематичность, то по делам о коррупции годится исчерпывающе утверждать, что существует сущностная связь. Коррупционер совершает преступление главным образом манипулируя объективными условиями, а антисоциальная тенденциозность личности формирует непредубежденные предпосылки для реализации преступления, т. е. применительно к коррупционерам принципиальный смысл имеет внутренняя противоречивость личности и его жизненной траектории, где доминируют субъективные условия. При анализе коррупцион-

ных преступлений долженствует классифицировать личность и объективные условия, связанные с преступлением. Дилемма о том, что известные факторы и взаимосвязи имеют общий характер, а именно проявляются они на уровне превалирующего показателя. Такая социологическая апробация и решение вопроса нуждаются в применении соответствующих методов, а осмысление на уровне обобщения способствует выработке соответствующих мер профилактического характера.

В условиях нравственного формирования личности коррупционера доминируют обстоятельства воспитания в семейном микроклимате, когда происходит развитие личности и где постигаются сочетание личных и общественных интересов. Основополагающая роль имеет воспитательная работа в школе, где формируется личность, затем семейные условия, место работы в обществе, круг друзей и знакомых, которые содействуют или нет интенсификации криминогенных качеств личности коррупционера. Касательно коррупционеров специфического внимания заслуживает тема организации исполнения наказания и по окончании отбытия наказания, несправедливые меры или их отсутствие способствуют совершению преступлений в последующем. Отрицательным субъективным ситуациям, которые воплощаются в преступлении, государство противопоставляет уголовно-правовые, принудительные по форме, но нравственные по своему характеру для воспрепятствования проявления субъективных ситуаций, создавая нейтрализующие или противодействующие меры [17].

Представленная нами в качестве фактических выводов с использованием практического опыта информация подтверждает на взаимосвязь объективного и субъективного, дополняющего и оказывающего влияние на коррупционную преступность. Непосредственно эта взаимосвязь является показателем функционирования объективного и субъективного в совершении коррупционных преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прокуроры выявили коррупционные нормы в 36 тыс. документов // «ПРАВО.РФ, PRAVO.RU, ПРАВО.RU» : сетевое издание / учредитель: ООО «Правовые новости». М. : 03.08.2021. URL: https://pravo.ru/news /233698/ (дата обращения: 23.03.2026).

2. Лучше меньше, да чаще (Самыми распространенными в России остаются взятки до 50 тыс. рублей) // kommersant.ru : сайт / учредитель: АО «Коммерсантъ». М. : 20.10.2025. URL: https://kommersant.ru/rubric/2 (дата обращения: 23.03.2026).

3. Прокуратура пресекла попытки уклонения налогов на 10 млрд руб. // «ПРАВО.РФ, PRAVO.RU, ПРАВО.RU» : сетевое издание / учредитель: ООО «Правовые новости». М. : 25.02.2026. URL: https://pravo.ru/news/262573/ (дата обращения: 23.03.2026).

4. В 2025 году СКР расследовал 22 500 экономических дел // «ПРАВО.РФ, PRAVO.RU, ПРАВО.RU» : сетевое издание / учредитель: ООО «Правовые новости». М. : 03.03.2026. URL: https://pravo.ru/news/ 262669/ (дата обращения: 23.03.2026).

5. Преступность и реформы в России / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Долговой. М. : Криминологическая ассоциация, 1998. 408 с.

6. Проблемы преступности: традиционные и нетрадиционные подходы. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2003. 101 с.

7. Генпрокуратура подала иск на 10 млрд руб. к экс-депутату «Единой России» // «ПРАВО.РФ, PRAVO.RU, ПРАВО.RU» : сетевое издание / учредитель: ООО «Правовые новости». М. : 25.02.2026. URL: https://pravo.ru/news/262561/ (дата обращения: 23.03.2026).

8. Суды Краснодарского края изъяли активы на 76 млрд руб. в 2025 году // «ПРАВО.РФ, PRAVO.RU, ПРАВО.RU» : сетевое издание / учредитель: ООО «Правовые новости». М. : 04.03.2026. URL: https://pravo.ru/news/262684/ (дата обращения: 23.03.2026).

9. Суды взыскали с коррупционеров имущество на 1,5 трлн руб. за год // «ПРАВО.РФ, PRAVO.RU, ПРАВО.RU» : сетевое издание / учредитель: ООО «Правовые новости». М. : 19.03.2026. URL: https://pravo.ru/news 262879/ (дата обращения: 23.03.2026).

10. У экс-чиновника из Роспотребнадзора изъяли имущество на 400 млн руб. // «ПРАВО.РФ, PRAVO.RU, ПРАВО.RU» : сетевое издание / учредитель: ООО «Правовые новости». М. : 20.03.2026. URL: https:// pravo.ru/news/262900/ (дата обращения: 23.03.2026).

11. Суд обратил в доход государства имущество краснодарского чиновника на 100 млн руб. // «ПРАВО.РФ, PRAVO.RU, ПРАВО.RU» : сетевое издание / учредитель: ООО «Правовые новости». М. : 04.03.2026. URL: https: //pravo.ru/news/2627051/ (дата обращения: 23.03.2026).

12. Суд изъял имущество бывшего замруководителя Ростехнадзора // «ПРАВО.РФ, PRAVO.RU, ПРАВО.RU» : сетевое издание / учредитель: ООО «Правовые новости». М. : 28.11.2025. URL: https://pravo.ru/news/ 261474/ (дата обращения: 23.03.2026).

13. Закон Союза Советских Социалистических Республик «О собственности в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. № 11 от 14.03.1990. Ст. 164.

14. Изменение преступности и проблемы охраны правопорядка. М. : Криминологическая ассоциация. 1994. 44 с.

15. Проблемы борьбы с криминальным рынком, экономической и организованной преступностью. М. : Российская криминологическая ассоциация. 2001. 108 с.

16. Власть: криминологические и правовые проблемы. М. : Российская криминологическая ассоциация. 2000. 400 с.

17. Криминологические проблемы регионов Крайнего Севера России / под ред. проф. А. И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2015. 245 с.

УДК 342

Шаймуллин Рустам Камильевич
кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский государственный университет
имени В. А. Бондаренко
г. Оренбург, Российская Федерация
ShaimullinR@gmail.com

Бурлуцкая Ксения Алексеевна
магистрант, Оренбургский государственный
университет имени В. А. Бондаренко,
г. Оренбург, Российская Федерация
Oren.fm.2002@gmail.com

Павленко Яна Андреевна
магистрант, Оренбургский государственный
университет имени В. А. Бондаренко
г. Оренбург, Российская Федерация
AnaPavlenko77@gmail.com

Реформирование публичной власти и профессионализация государственной службы как условия борьбы с коррупцией

Аннотация. *В статье рассмотрены отдельные аспекты современных значительных изменений публичной власти в России, которые направлены на повышение эффективности государственного управления. В условиях глобализации и цифровой трансформации государственные институты вынуждены проводить масштабные реформы: оптимизировать структуру органов власти, модернизировать кадровую политику и ужесточать стандарты профессионализма и этики. Актуальными тенденциями являются сокращение неэффективных подразделений, усиление цифровизации процессов, а также развитие системы непрерывного профессионального роста государственных служащих. В данной статье анализируются недавние реформы публичной власти в России и их влияние на профессионализацию государственной службы, включая конституционно-институциональные изменения, карьерную структуру, требования к компетенциям и этическим нормам, в конечном итоге составляющих важные условия для профилактики и борьбы с коррупцией.*

Ключевые слова: *коррупция, борьба с коррупцией, профессионализация государственной службы, противодействие коррупции, цифровая трансформация службы, этика служащих, ответственность за коррупцию.*

Shaimullin Rustam Kamilevich
candidate of legal sciences, assistant
professor, V. A. Bondarenko
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation

© Шаймуллин Р. К., Бурлуцкая К. А., Павленко Я. А., 2026

Burlutskaya Ksenia Alekseevna
master's student, V. A. Bondarenko
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation

Pavlenko Yana Andreevna
master's student, V. A. Bondarenko
Orenburg State University
Orenburg, Russian Federation

Reforming public authority and professionalizing the civil service as conditions for combating corruption

Annotation. *This article examines certain aspects of significant current public administration changes in Russia aimed at improving the effectiveness of public administration. In the context of globalization and digital transformation, government institutions are forced to undertake large-scale reforms: streamlining government structures, modernizing personnel policies, and stricter professionalism and ethical standards. Current trends include the reduction of ineffective departments, increased digitalization of processes, and the development of a system of continuous professional development for civil servants. This article analyzes recent public administration reforms in Russia and their impact on the professionalization of the civil service, including constitutional and institutional changes, career structures, competency requirements, and ethical standards, which ultimately constitute important conditions for preventing and combating corruption.*

Keywords: *corruption, the fight against corruption, professionalization of the civil service, combating corruption, digital transformation of the service, employee ethics, responsibility for corruption.*

Профессионализация государственной службы рассматривается как процесс формирования у государственных служащих современных профессиональных навыков, знаний и ценностей, обеспечивающих высокое качество и эффективность управленческой деятельности. Для институтов публичного управления это означает, что повышение уровня подготовки кадровых государственных служащих напрямую связано с повышением эффективности работы государственных институтов и снижением коррупционных рисков. Законодательная база Российской Федерации закрепляет этот принцип. В федеральных законах «О государственной гражданской службе» [3], «О противодействии коррупции» [4], а также указы Президента РФ (например, №68 от 2019 г. «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации» [5]) устанавливают нормы служебного поведения и требуют формирования этических стандартов служебного поведения. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих [7] и дополнительные положения по подготовке кадров отражают, что честность, неподкупность, ответственность и ориентация на публичный интерес являются обязательными требованиями к государственным служащим. Кроме того, современные методологические подходы предполагают системное изучение реформ через призму институцио-

нальных изменений – т. е. насколько новые нормы, структуры и процедуры влияют на внутреннюю организацию государственной службы и поведение сотрудников. В частности, анализируется, как изменение организационной структуры государственных органов влияет на карьерные траектории, стимулирует развитие навыков управления проектами и цифровых компетенций, а также усиливает контроль над соблюдением этики и антикоррупционных стандартов (структурный, кадровый и ценностный аспекты реформ).

В период 2019–2025 гг. в России проводилась серия реформ государственных институтов. Так, в 2024 году президентским Указом № 326 от 11.05.2024 [6] была утверждена новая структура федеральных органов исполнительной власти: Председателю Правительства РФ предписано иметь 10 заместителей (включая первого заместителя) и был утвержден обновленный перечень министерств, служб и агентств. Эти изменения указывают на переформатирование руководящей команды правительства и оптимизацию организационной структуры власти. Одновременно проведены реформы территориальных органов власти: Президент распорядился сократить численность государственных служащих в региональных отделениях федеральных ведомств минимум на 10% с середины 2025 года. Министры и ведомства готовят предложения по оптимизации своих аппаратов, стремясь устранить дублирование функций и избыточную бюрократию .

Важно отметить, что первый этап реформ (2019–2022 гг.) уже привел к снижению численности чиновников центральных аппаратов на примерно 10 %. Сэкономленные средства были направлены на повышение базовых окладов оставшимся сотрудникам: соотношение фиксированной части и премий в оплате труда изменено с 48/52 до 80/20. В результате в 2023 году окладные ставки чиновников выросли в 3–6 раз, а надбавки и премии существенно уменьшились. Таким образом, выплаты стали более стабильными и предсказуемыми для служащих.

Наряду со структурными изменениями проводится активная цифровая трансформация государственного управления. Как отмечал вице-премьер Дмитрий Григоренко, с 2025 года внедрена новая система управления цифровой трансформацией государства. В рамках этой системы расходы на цифровые проекты будут строго привязаны к конкретным показателям эффективности, а крупные ИТ-проекты подлежат тщательному мониторингу (вплоть до оценки влияния ИИ и больших данных на продуктивность). Эта реформа направлена на повышение прозрачности и результативности государственного управления, хотя вместе с тем требует новых инструментов контроля и повышенной готовности кадров к цифровым инновациям [1].

Таким образом, реформы публичной власти затрагивают три ключевые плоскости: 1) организационную – изменение структуры федеральных и региональных органов (как, было выше сказано, опираясь на Указ Президента РФ №326/2024 об оптимизации штатов); 2) кадровую – плановое сокращение штатов и пересмотр системы оплаты труда (рост окладов, перераспределение бонусов); 3) технологическую – внедрение систем цифрового управления и мониторинга. Эти изменения отражены в официальных документах и рассматриваются

как направление преобразования государства в «эффективный управленческий механизм».

Проведенные изменения оказывают прямое воздействие на профессионализацию государственной службы. Во-первых, кадровая оптимизация акцентирует внимание на квалификации оставшихся специалистов, поскольку цель новых сокращений – оставить на государственной службе только высококвалифицированных сотрудников. Высвобождаемые ресурсы направляются на выплату конкурентоспособных зарплат, чтобы привлечь в государственный аппарат молодые кадры. Повышение заработной платы вместе с упором на стабильные оклады (минимизация премиальной части) призваны повысить привлекательность службы для талантливых специалистов и мотивировать их к долгосрочному труду в госаппарате.

Во-вторых, реформы формируют новые карьерные и компетентностные требования. Развивающаяся цифровизация обязывает госслужащих осваивать современные ИТ-компетенции: аналитика данных, навыки проектного управления, цифровое взаимодействие с гражданами.

Цифровая трансформация государственного управления требует от чиновников умения применять современные технологии в работе и ориентироваться на результат. В этих условиях возрастает роль постоянного обучения: программы повышения квалификации теперь включают темы ИИ, больших данных, кибербезопасности и цифровых сервисов. Важным дополнением становятся и «мягкие» навыки – коммуникабельность, стрессоустойчивость и навык совместной работы по новым стандартам.

В-третьих, реформы стимулируют внедрение повсеместного компетентностного подхода в кадровой политике и приоритетные направления развития компетенций госслужащих: это стратегическое планирование, проектное управление, цифровая трансформация управления, противодействие коррупции и укрепление духовно-нравственных ценностей общества.

Наконец, реформы усиливают внимание к этической составляющей профессионализма. Сокращения и повышение зарплат сопряжены с усилением контроля за поведением чиновников: укрепляются антикоррупционные меры, в новых должностных контрактах и положениях подчеркивается недопустимость конфликта интересов. В системе государственной службы усиливаются требования к честности, неподкупности и ответственности – они закреплены как нормы современного профессионального поведения. Этические нормы доводятся до служащих через внутренние регламенты и кодексы поведения, а нарушения жестко наказываются (например, исключением из кадровых резервов). Таким образом, публичная власть стремится выработать кадровую культуру, где профессиональные компетенции сочетаются с высоким уровнем нравственности, что в теории является залогом доверия общества к государству.

Закрепленные в обновленной Конституции принципы организации публичной власти непосредственно связаны с задачами профессионализации государственной службы. Статья 75.1 Конституции РФ, введенная поправками 2020 года, устанавливает, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста и повышения благосостояния граждан, для

взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда [2]. Данные конституционные ориентиры формируют ценностный фундамент профессиональной деятельности государственных служащих, ориентируя их на обеспечение доверия между государством и обществом.

Проведенный анализ показывает, что реформирование публичной власти в современной России тесно связано с задачей повышения профессионализма государственной службы. Структурные изменения органов власти, оптимизация штатов и цифровизация государственных процессов призваны сделать публичный аппарат управления компактным, современным и ориентированным на результат. В результате реформ ужесточаются требования к квалификации и этике чиновников, пересматриваются карьерные гарантии и система оплаты труда, стимулируется постоянное повышение квалификации и внедрение цифровых компетенций. Современные официальные программы и аналитические отчеты подтверждают, что акцент смещается в сторону развития стратегических управленческих навыков, цифровой грамотности и антикоррупционного поведения. Однако, при этом следует учитывать и риски – например, возможное увеличение бюрократической нагрузки и избыточная ориентация на краткосрочные показатели. В целом, в настоящее время, российская система государственного управления активно трансформируется в направлении профессионального роста госслужащих: создаются новые стимулы и стандарты, но успех этой работы будет зависеть от качества ее реализации, готовности кадров и межведомственной координации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дмитрий Григоренко: Цифровизация – лучший инструмент борьбы с бюрократией. URL: https://d-economy.ru/news/dmitrij-grigorenko-cifrovizacija-luchshij-instrument-borby-s-bjurokratiej/ (дата обращения: 12.04.2026).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). URL: http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.03.2026).

3. О государственной гражданской службе : Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_48601/ (дата обращения: 10.04.2026).

4. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 82959/ (дата обращения: 11.04.2026).

5. О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21 февраля 2019 г. № 68. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 318654/ (дата обращения: 10.04.2026).

6. О структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента РФ от 11 мая 2024 г. № 326. URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_476078/ (дата обращения: 10.04.2026).

7. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих : одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21). URL: https://www. consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113505/ (дата обращения: 11.04.2026).

УДК 343.4; 343.98

Мира Ксения Александровна
кандидат юридических наук, преподаватель
Колледжа полиции
г. Москва, Российская Федерация
mira.ksenia@mail.ru

Об отдельных характеристиках преступлений, совершаемых с использованием нейронных сетей для создания «дипфейков», и особенностях их расследования

Аннотация. *В исследовании рассматриваются особенности и отдельные характеристики группы преступлений, совершаемых с использованием современных информационных технологий в виде искусственных нейронных сетей, в целях их расследования. В работе исследуется способ и механизм преступлений, совершаемых преступники с использованием генеративных нейронных сетей путем генерации глубоких подделок цифровых данных, так называемых «дипфейков». Также в исследовании рассматриваются такие виды генерации и подделки данных, идентифицирующих личность человека, как голос и внешность, а также аудио и видеозаписи, и отдельные виды генерации данных в виде создания поддельных изображений и документов. Освещаются вопросы безопасности личности граждан, экономики и государства в целях расследования преступлений, совершаемых с использованием генеративных нейронных сетей путем создания дипфейков.*

Ключевые слова: *нейронные сети, искусственный интеллект, расследование, киберпреступления, дипфейки, хищения, цифровой образ, идентификация, информационные технологии.*

Mira Ksenia Aleksandrovna,
candidate of legal sciences, lecturer
Police College
Moscow, Russian Federation

Investigation of crimes committed with using of neural networks and deep fakes

Annotation. *This study examines the specific features and characteristics of a group of crimes committed using modern information technologies in the form of artificial neural networks for the purposes of their investigation. The paper examines the method and mechanism of crimes committed by criminals using generative neural networks to generate deep forgeries of digital data, known as "deepfakes." The study also examines various types of generating and forging personal*

© Мира К. А., 2026

identification data, such as voice and appearance, as well as audio and video recordings, and specific types of data generation, such as the creation of fake images and documents. The article explores issues of personal security, the economy, and the state in order to investigate crimes committed using generative neural networks to create deepfakes.

Keywords: *artificial intelligence, neural networks, investigation, cybercrimes, deepfakes, thefts, digital image, identification, information technologies.*

«Дипфейки» (далее – дипфейк, дипфейки) представляют собой глубокие подделки изображений, видео и голоса человека с помощью нейронных сетей. Дипфейки создаются с помощью генеративных нейронных сетей (GAN). Их генерация может преследовать преступной целью кражу цифрового образа и идентифицирующих личность данных, компрометацию, совершение хищения.

Преступления с помощью генерации «дипфейков» совершаются, начиная от простой записи обычного ответа «да» на телефонный звонок и картинок с изображением поддельных отчетов о банковских операциях до создания полномерного аудиовизуального объекта, включающего сгенерированные с помощью нейронных сетей видео и аудиозаписи с похищенным у человека цифровым образом и его биометрическими данными, которые обычно воспринимаются первыми при идентификации личности.

Это обширная группа преступлений, к которой относятся различные виды хищений с использованием поддельных (сгенерированных) изображений, аудио- и видеозаписей, шантаж, вымогательство, и самые опасные преступления в отношении безопасности граждан и государства, когда с помощью сгенерированных «дипфейков» преступниками создаются видеозаписи, направленные на подрыв безопасности и нарушение порядка, распространение заведомо ложной информации о ситуации в государстве, поступках важных политических деятелей и многие другие общественно опасные преступные деяния.

Расследование преступлений, совершаемых с использованием нейронных сетей путем создания дипфейков, затрудняется тем, что и первоисточник, и полученный дипфейк – цифровые данные. Так, например, видеозапись реальных событий, сохраненная в цифровом формате, будет такими же цифровыми данными, как и сгенерированное нейронной сетью видео. Но разница состоит в том, что в первом случае это фиксация фактов, реальной действительности, а во втором – генерация цифровых данных о несуществующем событии или факте. На настоящий момент развития информационных технологий дипфейк еще можно установить по неточностям, связанным с особенностью работы генеративной нейронной сети. Так в режиме онлайн можно выявить, не использует ли собеседник сгенерированное видео вместо себя, и если да, то при совершении движений перед камерой обман будет налицо, так как нейронная сеть еще не умеет идеально подстраиваться под быстрые действия, чтобы заменить реально снимаемое на сгенерированное в точности. Но информационные технологии развиваются, и скоро все сложнее будет устанавливать цифровые подделки. На помощь расследованию и экспертизе дипфейков приходят вновь сами нейронные сети, которым родственен генеративный механизм, и как в одном направлении нейронная сеть генерирует то же видео, так и другая сеть в обратном направлении «разбирает» данное видео и устанавливает, что видео сгенерирова-

но. Это глубокий анализ данных, который напоминает работу сверточных нейронных сетей, так как генеративные сети похожи по своему механизму на обратную сверточную сеть. Иными слова, чтобы сгенерировать, например, аудио- или видеозапись, генеративная сеть будет сначала обучаться на реальных данных, разбирать их последовательно, а затем собирать заново. Так для целей экспертизы и в целом определения дипфейков возможно создание сверточной сети, которая обучиться на основных отличительных признаках и будет их выявлять. Более того, для анализа дипфейка аудиозаписи понадобится большой массив с записью первоисточника, что сравнимо с почерковедческой экспертизой и сбором образцов.

Современные ученые поддерживают инициативы законодателя в целях правового регулирования дипфейков [5, с. 141–147]. На настоящий момент в практике судебной экспертизы также поднимался вопрос о возможностях речеведческих экспертиз в целях противодействия преступлениям, совершаемых с использованием генеративных нейронных сетей [1, с. 96–106]. Учеными и исследованиями отмечается запаздывание правового регулирования за темпом развития отношений в данной области, но на помощь могут прийти вновь те же технологии, взятые на вооружение законодателем и правоохранителями.

С использованием дипфейков совершаются хищения, которые включают мошенничество и вымогательство. Преступники используют сгенерированные изображения и видео для шантажа и вымогательства денежных средств или компрометация человека с помощью подделок фото, видео и аудио, ставшего жертвой кражи его цифрового образа, а то и биометрических данных, от дискредитации человека и его репутации и доброго имени до обвинении в тяжких преступлениях. С помощью нейронных сетей злоумышленник может сгенерировать любое фотоизображение, видео или аудиозапись.

Мошенничество совершается с использованием сгенерированных поддельных отчетов о переводе денежных средств с требованием вернуть якобы переведенные человеком денежные средства. На изображении отображается похожая на страницу банковского приложения с операциями с денежными средствами. Визуально «отчет» похож на настоящую страницу и отображает ФИО, конечные цифры счета, банковской карты потерпевшего и несуществующее зачисление или перевод денежных средств. Защитой могут выступить цифровые данные, подтверждающие сделки: электронная подпись, QR-коды. В том числе, законодателем предлагается маркировка контента, созданного нейронной сетью. Эти данные невозможно подделать, что в мировой экономике используется для подтверждения подлинности и происхождения товаров, и по аналогии может быть применено к денежным операциям и договорным отношениям. Также особую уязвимость представляют такие биометрические персональные данные, как голос. С помощью генеративных нейронных сетей преступники создают голосовые дипфейки, получив аудиозапись голоса потерпевшего. Под видом социологических опросов или предложения услуг гражданам преступники записывают ответы и затем используют сгенерированный голос в качестве биометрической идентификации человека в сфере банковского обслуживания, или фабрикуют аудиозапись разговора человека в целях обви-

нения в противоправных или преступных действиях, которых на самом деле человек не совершал, в целях вымогательства денежных средств путем шантажа и угрозы опубликования и распространения фейковых данных.

Из всей группы преступлений, совершаемых с использованием сгенерированных нейронной сетью дипфейков, наряду с преступлениями против собственности большую общественную опасность представляют преступления против общественной безопасности. Дипфейки используются преступниками для нарушения порядка внутри страны, и преступления посягают уже на государственную безопасность. Это поддельные видеозаписи с публичными личностями, политиками, общественными и государственными деятелями. Зачастую, данные преступления имеют международный характер и требуют сотрудничества в расследовании между государствами.

Так, особой опасности подверглись граждане, которым высылают фейковые скриншоты якобы с вознаграждением «за помощь ВСУ» [3]. Злоумышленники генерируют похожее на скриншот или отчет о банковском переводе изображение и направляют его потерпевшему с целью оговора, шантажа и вымогательства.

В расследовании преступлений, совершаемых с использованием нейронных сетей путем генерации дипфеков, можно выделить несколько линий: установление преступника, способа получения персональных данных потерпевшего, анализ сгенерированного контента и установление нейронной сети или ресурса, с помощью которого данный контент был сгенерирован.

Следовая картина представлена следами в сфере компьютерной информации, ведущими от преступника и генеративной нейронной сети к потерпевшему. Традиционным является установление IP-адреса, что осложняется использованием преступником VPN. В данном случае необходимо установить способ получения персональных данных, источника, которым могут быть утечки информации из баз данных, получение доступа к персональным данным путем взлома аккаунтов, использования фишинговых ссылок из писем на электронную почту, в мессенджерах, и фишинговые сайты.

Особую роль в расследовании данных преступлений играет наличие соответствующих норм права, регламентирующих общественные отношения в сфере информационных технологий, искусственных нейронных сетей и технологий искусственного интеллекта. Существует стратегия развития искусственного интеллекта до 2030, утвержденная Указом Президента РФ № 490 [7]. Согласно действующему УК РФ [6], преступления, совершаемые с использованием нейронных сетей, относятся к преступлениям в сфере компьютерной информации, а также это может быть совокупность соответствующих статей Особенной части УК РФ, устанавливающих уголовную ответственность за совершение преступлений в отношении персональных данных, собственности и безопасности. Но требуются специальные нормы, и положительным стало внесение законопроектов о правовом регулировании дипфеках и уголовной ответственности. Персональные данные защищены федеральным законом «О персональных данных» [8], и в том числе, в законе введены нормы, регулирующие вопросы обучения нейронных сетей на персональных данных граждан,

а сами нейронные сети являются объектом интеллектуального права, защищаемого нормами ГК РФ [2], и другие нормы. Существует и Федеральный закон о проведении эксперимента для создания условий разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта [9], а также проект Федерального закона об основах регулирования отношений в области технологий искусственного интеллекта [4]. На самом деле, согласно науке информатики речь пока что идет об искусственных нейронных сетях, тогда как создание именно самого искусственного интеллекта еще в перспективе. Таким образом, это группа преступлений, затрагивающих сразу несколько общественных отношений, что указывает на их общественную опасность и требует усиленной защиты и тщательного расследования с применением нескольких сфер знания.

В целях профилактики преступности необходимо поднимать информационную культуру населения, чему также способствуют информационные технологии. С помощью мобильных приложений государственных услуг и мессенджеров возможно предупреждать граждан о способах преступлений, предупреждать об осторожности ответов на звонки с незнакомых номеров и длительного разговора с неизвестными, так как голос могут записать злоумышленники и сгенерировать дипфейк голоса; быть осторожными, если поступают звонки с неизвестных номеров с похожим родственников лица, которому звонят, голосом, в частности, если абонент просит о финансовой помощи. Еще одно мерой защиты может стать усиление защиты к доступу в аккаунты государственных услуг, банков и социальных сетей. Необходимо напоминать гражданам об установлении надежной защиты аккаунта в виде двухфакторной аутентификации для входа в аккаунт. Также необходимо напоминать, что сами граждане, являясь носителями персональных данных, должны участвовать в охране информации о них, например, не делать аккаунты и профили в социальных сетях открытыми для всех, или, если профиль требует публичности, то ограничить публикации своих фотографий, голосовых и видеозаписей, или же публиковать изображения в более низком качестве для затруднения улучшения изображения или видеозаписи и генерации дипфейка на основе данной информации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галяшина Е. И., Богатырёв К. М. Возможности криминалистического речеведения в противодействии преступлениям, совершаемым с использованием генеративного искусственного интеллекта. // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19, № 1. С. 96–106.

2. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть четвертая : принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г., одобрен Советом Федерации 8 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/10164072 /7d7b9c31284350c257ca3649122f627b. (дата обращения: 10.04.2026).

3. Комсомольская правда. Экономика. 28 января 2025 года. URL: https://www.kp.ru/daily/27657/5042107. (дата обращения: 02.04.2026).

4. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской

Федерации». URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (дата обращения: 14.04.2026).

5. Токолов А. В. Правовое регулирование дипфейков // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 141–147.

6. Уголовный Кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 20.02.2026). URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_ 10699/ (дата обращения: 10.04.2026).

7. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» : Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15 февраля 2024 г.). URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/ doc/72738946/ (дата обращения: 14.04.2026).

8. Федеральный закон «О персональных данных» : принят Государственной Думой 8 июля 2006 г., одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. № 152-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/12148567/ (дата обращения: 14.04.2026).

9. Федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» : принят Государственной Думой 14 апреля 2020 г., одобрен Советом Федерации 17 апреля 2020 г. № 123-ФЗ (в ред. от 08.08 2024). URL: https://base.garant.ru/73945195/ (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 343.9

Алексеев Александр Александрович
аспирант, Пензенский государственный университет
г. Пенза, Российская Федерация
Fktrcttd20@yandex.ru

Криминогенная ситуация и ее роль в генезисе преступного поведения

Аннотация. *В статье рассматривается понятие криминогенной ситуации как ключевого элемента в механизме индивидуального преступного поведения. Анализируется соотношение объективных обстоятельств и субъективного восприятия ситуации потенциальным преступником. Автор раскрывает классификацию криминогенных ситуаций по различным основаниям, а также исследует их место в общей системе детерминации преступности. Особое внимание уделяется практическому значению изучения криминогенных ситуаций для профилактики правонарушений.*

© Алексеев А. А., 2026

Ключевые слова: *криминогенная ситуация, преступное поведение, детерминация преступности, личность преступника, генезис преступления, профилактика преступлений, механизм преступного поведения, конфликтная ситуация, проблемная ситуация, виктимология.*

Alexeyev Alexander Alexandrovich
postgraduate student, Penza State University
Penza, Russian Federation

The criminogenic situation and its role in the genesis of criminal behavio

Annotation. *The article examines the concept of a criminogenic situation as a key element in the mechanism of individual criminal behavior. It analyzes the relationship between objective circumstances and the subjective perception of the situation by a potential criminal. The author provides a classification of criminogenic situations based on various criteria and explores their place in the overall system of crime determination. Special attention is given to the practical significance of studying criminogenic situations for the prevention of offenses.*

Keywords: *criminogenic situation, criminal behavior, determination of crime, criminal personality, genesis of crime, crime prevention, mechanism of criminal behavior, conflict situation, problematic situation, victimology.*

Классическая криминология традиционно рассматривает криминогенную ситуацию как факультативный элемент в структуре преступного поведения – своего рода «пусковой механизм», актуализирующий уже сформировавшуюся у лица антисоциальную установку. Однако в последние годы в практике и научной теории наметилась иная тенденция, которая заставляет усомниться в производном характере ситуации, где криминогенная ситуация наделяется ролью активного генератора (а не только катализатора) криминального генезиса.

Под криминогенной ситуацией в узком смысле предлагается понимать совокупность объективно-субъективных обстоятельств, которые в своей интегральной конфигурации создают ненулевой вектор вероятности перехода социального взаимодействия в деликтную фазу. Ситуация не статична, а разворачивается во времени, проходя стадии латентного накопления противоречий, критического обострения и криминальной реализации.

Криминогенная ситуация – это совокупность внешних обстоятельств, в которых оказывается человек и которые, взаимодействуя с его личностными особенностями, вызывают у него решимость совершить преступление [2, с. 259–264]. Важно понимать, что криминогенная ситуация не существует «сама по себе» как некий объективный факт, автоматически толкающий человека на преступление. Она всегда имеет две неразрывно связанные стороны: объективное содержание (то, что реально происходит вокруг) и субъективное восприятие (то, как человек оценивает происходящее, какой смысл он вкладывает в сложившиеся обстоятельства) [1, с. 80–85].

Каждая ситуация обладает собственной хронологической архитектурой. Например, длительный бытовой конфликт становится криминогенным не в момент ссоры, а на этапе, когда участники утрачивают методы не силового решения вопроса. Следовательно, генезис преступления начинается задолго до преступного деяния – в точке формирования ситуационной предрасположенности.

В криминологической науке принято различать несколько уровней факторов, влияющих на преступное поведение. Причины преступности – это наиболее глубинные, фундаментальные явления, которые порождают преступность как социальный феномен (например, экономическое неравенство, деформации в системе ценностей общества, неэффективность социальных институтов). Условия преступности – это обстоятельства, которые сами по себе не вызывают преступность, но способствуют ее существованию, «открывают дорогу» для действия причин (например, недостатки в системе охраны правопорядка, несовершенство законодательства, низкая техническая защищенность объектов).

Криминогенная ситуация занимает особое место в этом ряду. Она не является ни причиной (поскольку не формирует криминальную мотивацию личности), ни условием (так как действует не постоянно, а возникает в конкретный момент времени). Чтобы понять, как именно криминогенная ситуация влияет на генезис преступления, необходимо рассмотреть общий механизм преступного поведения. Упрощенно его можно представить как последовательность следующих звеньев:

Первое звено – формирование личности с определенными деформациями потребностей, интересов и ценностных ориентаций. Этот процесс происходит под влиянием неблагоприятных факторов микросреды: семьи, школы, неформального окружения, трудового коллектива.

Второе звено – возникновение на основе деформированной личности криминогенной мотивации, т. е. готовности к совершению преступления при определенных обстоятельствах. Человек с такой мотивацией может долгое время не совершать противоправных действий, но его внутренние «тормоза» ослаблены, а представления о допустимом и недопустимом размыты.

Третье звено – встреча такой личности с криминогенной ситуацией. Именно здесь ситуация играет свою ключевую роль: она актуализирует имеющуюся мотивацию, превращает абстрактную готовность в конкретное намерение, предоставляет (или как минимум «подсказывает») способ реализации преступного замысла.

Четвертое звено – само совершение преступления, которое является результатом взаимодействия личностных особенностей и ситуативных факторов.

Итак, можно выделить три способа, с помощью которых криминогенная обстановка порождает преступление:

1. Определенные конфигурации ситуации (анонимность, временная дезорганизация социального контроля) порождают эффект временного «снятия» внутренних запретов даже у лиц с позитивной социальной ориентацией. Это не «срыв» рецидивиста, а временная потеря ориентиров.

2. В остро криминогенной ситуации (угроза жизни, внезапное оскорбление на фоне безысходности) поле воспринимаемых альтернатив поведения катастрофически сужается. Преступный способ реагирования становится не столько «выбранным», сколько единственно доступным в рамках искаженной ситуационной рациональности.

3. Вопреки общепринятой схеме «мотив → ситуация → действие», возможно обратное влияние: ситуация формирует мотив после события. Пример –

ситуативная провокация, порождающая месть как мотив там, где за минуту до этого никакой вражды не существовало.

Одна и та же ситуация по-разному влияет на разных людей. Решение индивида о совершении противоправных действий обусловлено побудительными мотивами, где субъективное восприятие, оценка внешней среды формирует приемлемый для него способ достижения преступного результата. Характерные черты, присущие общим типам криминогенной личности, следует учитывать при выявлении закономерностей преступного поведения [2, с. 122–128]. Человек воспринимает окружающую действительность не напрямую, а через призму своего жизненного опыта, системы ценностей, актуального эмоционального состояния, имеющихся потребностей и интересов.

В криминологии это явление описывается через понятие «субъективного содержания криминогенной ситуации». Оно означает, что оценка ситуации как благоприятной или неблагоприятной для совершения преступления, как провоцирующей или, напротив, удерживающей от противоправных действий, целиком зависит от индивидуальных особенностей воспринимающего субъекта. Криминолог В. Н. Кудрявцев отметил по этому поводу: «Не ситуация сама по себе, а лишь ситуация, пропущенная через сознание личности, может стать криминогенным фактором» [3].

Криминогенная ситуация – не пассивный фон и не простой катализатор, а активный и зачастую недооцененный участник генезиса преступления. Включение ситуационного детерминизма в теоретическую криминологию позволяет объяснить феномены, неразрешимые в рамках чисто личностного или чисто средового подхода. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку ситуационных типологий и математическое моделирование критических порогов перехода ситуации из доброкачественной в криминогенную.

Криминогенная ситуация – это лишь один из элементов в сложной системе детерминации преступного поведения [5, с. 337–342]. Даже самая неблагоприятная ситуация не фатально приводит к преступлению, если личность обладает устойчивой системой правовых и нравственных ценностей, развитым самоконтролем и навыками конструктивного разрешения жизненных трудностей. Поэтому долгосрочная стратегия противодействия преступности должна сочетать как меры по устранению и нейтрализации криминогенных ситуаций, так и усилия по формированию личности, способной противостоять криминогенным влияниям среды.

От добросовестного выполнения анализа криминогенной ситуации напрямую зависит не только своевременность реагирования на негативные изменения в состоянии законности и правопорядка, в том числе связанные с появлением новых криминогенных факторов, но и эффективность управленческих решений [4, с. 120–131].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агаев Г. А. о., Баженов А. В., Зорина Е. А. Теоретические проблемы криминологического изучения причин преступного поведения // Социология и право. 2019. № 1(43). С. 80–85.

2. Замылин Е. И. О тактически грамотном использовании возможностей психологии и криминалистики в их взаимосвязи в расследовании преступлений (криминогенная склонность личности преступника) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 1(72). С. 122–128.

3. Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М. : Норма. 2007. 128 с.

4. Соколов Д. А. Криминогенная ситуация как объект анализа: понятие и практическое значение // Вестник Университета Прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 5(109). С. 120–131.

5. Спектор Л. А., Фейдина Е. О. Личность преступника: характерные особенности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11–2. С. 337–342.

6. Шоткинов С. А. К вопросу о детерминации индивидуального преступного поведения и учения о личности преступника в криминологии // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 259–264.

УДК 343.82

Насиров Немэт Интигам оглы
кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
naymat@mail.ru

Понятие и виды мер поощрения, применяемых в отношении осужденных к лишению свободы

Аннотация. *В статье анализируются виды мер поощрения, реализуемые в отношении осужденных к лишению свободы, основания и порядок их применения. Основываясь на теории классификации категорий, в работе предложена авторская модель дифференциации применяемых к осужденным мер поощрения на три группы: поощрения морального характера; поощрения материального характера; поощрения статутного характера. Разработано теоретическое понятие поощрения, реализуемого в отношении осужденных к лишению свободы, отражающее состояние действующего уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения.*

Ключевые слова: *пенитенциарное воздействие, осужденный, лишение свободы, поощрение, стимулирование.*

Nasirov Nemet Intiqam oqly
candidate of legal sciences, associate professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

© Насиров Н. И. о., 2026

The concept and types of incentive measures applied to those sentenced to imprisonment

Annotation. *This article analyzes the types of incentive measures implemented for those sentenced to imprisonment, the grounds for, and the procedure for their application. Based on the theory of category classification, the paper proposes a model for differentiating incentive measures applied to convicts into three groups: moral incentives; material incentives; and statutory incentives. A theoretical concept of incentives implemented for those sentenced to imprisonment has been developed, reflecting the state of current penal legislation and the practice of its application.*

Keywords: *penitentiary influence, convicted person, imprisonment, encouragement, stimulation.*

Действующее уголовно-исполнительное законодательство России и практика его применения ориентированы на исправление осужденных и удержание их от повторного проявления преступного поведения. Позитивный результат в указанном направлении обеспечивается различными средствами пенитенциарного воздействия. Отношение осужденного к реализуемым в отношении него пенитенциарным мероприятиям выступает основанием для применения к нему мер поощрения или взыскания.

Предпосылкой применения в отношении осужденного к лишению свободы мер поощрения выступает одобряемое уголовно-исполнительным законодательством России поведение лица, отбывающего уголовное наказание. Виды поощрения, применяемые к указанной категории осужденных, основания и порядок их применения регламентированы ст. 113–114, 119, 134–135, 138 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) [2]. Социальную значимость института поощрения нельзя ограничивать только стимулированием правопослушного поведения поощряемого осужденного. Его применение оказывает положительное воздействие на коллектив осужденных, направляя их сознание и волю на подчинение своих действий (акта бездействия) правовым требованиям.

Образующие структуру уголовно-исполнительного законодательства России поощрительные нормы осуществляются лишь на добровольных началах, т. е. они не обязывают осужденных к правомерному поведению, а содержат призывы для его проявления. Как отмечал по этому поводу известных ученый-правовед Н. А. Стручков, нельзя то или иное лицо принуждать к достижению результатов, при наличии которых наступает поощрение, также нельзя принуждать лицо к использованию поощрения [1, с. 137].

В соответствии с ч. 1 ст. 113 и ст. 134 УИК РФ основаниями для применения в отношении осужденных к лишению свободы мер поощрения выступают:

– хорошее поведение;

– добросовестное отношение к труду;

– добросовестное отношение к обучению;

– активное участие в работе самодеятельных организаций осужденных и в воспитательных мероприятиях.

Каждое примененная в отношении осужденного мера поощрения дает ему возможность увидеть перспективы избранной модели поведения. В соответствии с ч. 1 ст. 113 и ст. 134 УИК РФ, к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы, могут применяться следующие меры поощрения:

– благодарность;

– награждение подарком;

– денежная премия;

– разрешение на получение дополнительной посылки или передачи;

– предоставление дополнительного краткосрочного или длительного свидания;

– разрешение дополнительно расходовать деньги в размере до трех тысяч рублей на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости;

– увеличение времени прогулки осужденным, содержащимся в строгих условиях отбывания наказания в ИК и тюрьмах, до 2 ч в день на срок до одного месяца;

– предоставление права посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами воспитательной колонии в сопровождении сотрудников данной колонии;

– предоставление права выхода за пределы воспитательной колонии в сопровождении родителей, лиц, их заменяющих, или других близких родственников;

– досрочный перевод из строгих условий отбывания наказания в обычные;

– досрочное снятие ранее наложенного взыскания.

В целях дальнейшего исправления положительно характеризующийся осужденный администрацией исправительного учреждения может быть представлен в суд к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания после фактического отбытия части срока наказания, указанной в ст. 80 УК РФ. Заметим, что внесение соответствующего представления в суд о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания не препятствует осужденному либо его адвокату (законному представителю) обращаться в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Данная позиция нашла свое отражение в постановлении Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2002 г. № 16-П: «Непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости, законности является право каждого осужденного за преступление просить о смягчении наказания» [3].

В определении Конституционного суда РФ от 20 октября 2005 г. № 388-О отмечается, что положения «части третьей статьи 175 УИК Российской Федерации в… конституционно-правовом истолковании… не препятствуют осужденному обращаться в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания и предполагают обязанность суда рассмотреть такое ходатайство по существу в установленном законом порядке» [4].

Основываясь на теории систематизации объектов или категорий в группы, можно классифицировать предусмотренные уголовно-исполнительным за-

конодательством меры поощрения на виды по различным основаниям. Так, в зависимости от способа воздействия на адресата, меры поощрения, применяемые в отношении осужденных к лишению свободы, могут быть дифференцированы:

– на *поощрения морального характера* – оказывают на осужденного к лишению свободы положительное влияние и приносят ему нравственно-моральное удовлетворение (напр., поощрения в виде благодарности);

– *поощрения материального характера* – оказывают на осужденного положительное воздействие и наряду с нравственно-моральной удовлетворенностью позволяют ему получить дополнительный материальный доход (напр., поощрения в виде денежной премии);

– *поощрения статутного* характера – оказывают на осужденного к лишению свободы положительное влияние и заключаются в изменении его индивидуального статуса в сторону ослабления правоограничений (напр., поощрения в виде представления к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания).

С учетом вышеизложенного уголовно-исполнительные поощрения, применяемые в отношении осужденных к лишению свободы, можно определить как *действующие в рамках уголовно-исполнительных правоотношений формы признания и оценки одобряемого общественно полезного поведения осужденных в период отбывания наказания в виде лишения свободы, носящие моральный, материальный или статутный характер, применяемые в строго установленном законодательством порядке уполномоченными на то должностными лицами.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части. М., 1984. 240 с.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 18 декабря 1996 г., одобрен Советом Федерации 25 декабря 1996 г. № 1-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2002 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А. А. Кизимова». URL: https://legalacts.ru/doc/ postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26112002-n/?ysclid=mmaj92yxo012 9631998 (дата обращения: 03.03.2026).

4. Определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2005 г. № 388-О «По жалобе гражданина Елисеева Алексея Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 2 и 5 части первой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и частью третьей статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации». URL: https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20102005-n-388-o-po/?ysclid=mmaj2rx93b760454522 (дата обращения: 03.03.2026).

УДК 343.5

Горожанкин Александр Юрьевич
прокурор отдела по надзору
за процессуальной деятельностью органов
Следственного комитета РФ прокуратуры Алтайского края
г. Барнаул, Российская Федерация
fest171@mail.ru

К вопросу о пенализации преступлений, посягающих на безопасность потребителей

Аннотация. *В статье изучены вопросы наказуемости производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. По результатам исследования автор формулирует вывод о необходимости изменения санкции ч. 2 ст. 238 УК РФ и исключении из нее наказания в виде штрафа с установлением минимального наказания в виде ограничения свободы от трех лет.*

Ключевые слова: *пенализация, система наказаний, уголовная ответственность, безопасность потребителей.*

Gorozhankin Alexander Yuryevich
prosecutor, department for supervision of
procedural activities of the Investigative
committee of the Russian Federation
Altai krai prosecutor's office
Barnaul, Russian Federation

On the penalization of crimes encroaching on consumer safety

Annotation. *This article examines the punishability of the production, storage, transportation, or sale of goods and products, the performance of work, or the provision of services that do not meet safety requirements. Based on the results of the study, the author concludes that the penalty in Part 2 of Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation should be amended, eliminating the penalty of a fine and establishing a minimum sentence of three years' imprisonment.*

Keywords: *penalization, punishment system, criminal liability, consumer safety.*

Обеспечение безопасности производства товаров, выполнения работ и оказания услуг является одной из ключевых задач современного государства, в рамках которой реализуется общая публично-правовая охрана жизни и здоровья населения. Реализация такой продукции (выполнение работ, оказание услуг) создает латентные угрозы, которые могут варьироваться от единичных случаев причинения вреда (или угрозы его причинения) до массовых отравлений и техногенных катастроф [1, с. 179]. В этой связи значимой задачей уголовной политики следует признать не только установление преступности подобных деяний, из криминообразующих признаков, оснований и критериев

© Горожанкин А. Ю., 2026

дифференциации ответственности, но пенализацию, т. е. установление наказуемости соответствующего противоправного поведения. В рамках настоящей работы мы рассмотрим систему наказаний за преступление, предусмотренное ст. 238 УК РФ, как нормы, направленной на непосредственную защиту безопасности потребителей.

В действующей редакции ст. 238 УК РФ система наказаний представлена различными видами от штрафа до лишения свободы. По ч. 1 ст. 238 УК РФ, не предусматривающих каких-либо реальных последствий, возникающих в связи с оборотом товаров, работ, услуг, не отвечающих требованиям безопасности, минимальное наказание установлено в виде штрафа до 300 тыс. руб. либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, максимальное – в виде лишения свободы до двух лет. Также применяются обязательные работы на срок до 360 часов, ограничение свободы и принудительные работы на срок до двух лет. При совершении преступления группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, в отношении товаров, работ или услуг, предназначенных для детей в возрасте до 6-ти лет, а также при причинение тяжкого вреда здоровью или смерти человека, допустимо минимальное наказание в виде штрафа от 100 до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, максимальное наказание составляет 6 лет лишения свободы, вариативно возможно назначение штрафа в размере до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, допустимо назначение принудительных работ на срок до пяти лет (ч. 2 ст. 238 УК РФ). При причинении смерти по неосторожности двум и более лицам могут быть назначены только принудительные работы или лишение свободы на срок до 10 лет (ч. 3 ст. 238 УК РФ).

С одной стороны, представленная система наказаний соответствует общим подходам к пенализации, предусматривающим прогрессивную шкалу при наличии в действиях виновного признаков квалифицированного и особо квалифицированного составах. С другой стороны, существенная вариативность санкций допускает вывод о том, что при конструировании системы наказаний допущено нарушение принципов справедливости и равенства [2, с. 69; 4, с. 23].

В первую очередь, речь идет о санкции ч. 2 ст. 238 УК РФ, которая формально допускает назначение штрафа в 100 тыс. руб. и лишения свободы на 6 лет при формально тождественных деяниях, результатом которых может быть, в том числе, смерть человека. Столь широкую вариативность санкций вряд ли можно признать обоснованной. В правовой доктрине неоднократно обращалось внимание, что к конструированию альтернативных санкций следует подходить с особой осторожностью, избегая существенного разрыва между минимальным и максимальным размером наказания [3, с. 31; 5, с. 753].

Также при оценке санкции ч. 2 ст. 238 УК РФ обратимся к схожей норме – ч. 2 ст. 109 УК РФ, предусматривающей ответственность за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Санкция данной нормы предусматривает минимальное наказание в виде ограничение свободы на срок до трех лет, макси-

мальное наказание – лишение свободы на тот же срок. Кроме того, непосредственно в санкции рассматриваемой нормы допускается применение такого наказания как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, чего в ст. 238 УК РФ нет.

Даже беглое сравнение санкций ч. 2 ст. 238 и ч. 2 ст. 109 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что при их конструировании законодатель все-таки отступил от принципа равенства и справедливости, установив возможность применения более мягкого наказания (штрафа) за фактически более тяжкое преступление (ст. 238 УК РФ). Специфика ст. 238 УК РФ заключается в том, что оно относится к многообъектным преступлениям, при этом основной непосредственный объект не ограничивается общественными отношениями по обеспечению безопасности конкретного человека, а предполагает, что при осуществлении противоправной деятельности на потребительском рынке, связанной с реализацией товаров, работ, услуг не отвечающим требованиям безопасности, создается угроза причинения вреда неопределенному кругу лиц.

Таким образом, по результатам проведенного исследования сформулируем следующий вывод, направленный на совершенствование действующей системы уголовно-правовой охраны отношений по обеспечению безопасности прав потребителей в части пенализации: санкция ч. 2 ст. 238 УК РФ подлежит корректировке путем исключения возможности применения штрафа, с установлением минимального наказания в виде ограничения свободы на срок, превышающий 3 года.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Охрана здоровья населения в сфере товарного рынка: уголовно-правовые и криминологические вопросы / В. Н. Бурлаков, В. Ф. Щепельков, С. М. Оленников, Н. И. Пряхина, Я. П. Скоробогатько // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 178–189.

2. Коренная А. А. Принципы уголовно-правовой охраны экономической деятельности как концептуальная основа реформирования уголовного закона // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3. С. 67–71.

3. Моисеев А. В. Проблема реализации альтернативных санкций в праве // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 3. С. 29–35.

4. Полтарыхин В. А. Концепция модернизации уголовного законодательства о преступлениях в сфере экономической деятельности на основе общих принципов уголовного права // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 1. С. 22–27.

5. Тихонова С. С. Особенности конструирования санкций в уголовном законе: теория и законотворческая практика // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 752–761.

УДК 343.9

Ахтименко Юлия Николаевна
соискатель, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
Anuta-annaiv2016@yandex.ru

Основные направления предупреждения преступности лиц пожилого возраста

Аннотация: *рассматриваются меры предупреждения преступности лиц пожилого возраста, являющиеся основным направлением уголовно-правовой политики, поскольку с каждым годом увеличивается количество пожилых преступников. Констатируется, что тенденция старения населения лиц пожилого возраста требует выработки комплекса экономических, социальных, правовых мер предупреждения, направленных на удержание и снижение преступности лиц пожилого возраста, и основанных на их физических и психических особенностях.*

Ключевые слова: *преступность, преступность лиц пожилого возраста, лица пожилого возраста, предупреждение, основные направления предупреждения.*

Ahtimenko Yulia Nikolaevna
applicant, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

The main directions of crime prevention for the elderly

Annotation: *This article discusses measures to prevent crime among the elderly, which are a key focus of criminal justice policy, as the number of elderly criminals is increasing every year. The aging population of the elderly requires a comprehensive set of economic, social, and legal measures to prevent and reduce crime among the elderly, taking into account their physical and mental characteristics.*

Keywords: *crime, elderly crime, elderly people, prevention, main areas of prevention.*

Старение населения – тенденция, наблюдаемая во всем мире. По прогнозам Организации Объединенных Наций, к 2030 г. число лиц в возрасте 60 лет и старше вырастет на 38% – с 1 млрд до 1,4 млрд человек [5]. По данным Всемирной организации здравоохранения, к 2050 г. число людей старше 60 лет достигнет 2 млрд человек. В России к 2030 году россияне в возрасте от 60 лет составят 25,4 % населения, а к 2046-му – 30,4 % [3]. Увеличение количества пожилых лиц представляет собой условие, которое напрямую не порождает преступность, но существенно влияет на ее количественные и качественные показатели [4, с. 111], в связи с чем необходимо выработать превентивные меры для лиц пожилого возраста, являющиеся направлением уголовно-правовой политики.

Система предупреждения преступности лиц пожилого возраста взаимообусловлена детерминантами, порождающие рассматриваемый вид преступности. Так, одной из причин преступности являются экономические проблемы, в связи с чем направление предупреждение – решение экономических проблем,

© Ахтименко Ю. Н., 2026

позволяющих повысить уровень жизни пожилых лиц, доступность медицинского облуживания и лечения, стабилизировать цены на лекарственные препараты, обеспечить их социальную защищенность, снизить дискриминацию по возрастном признаку при трудоустройстве. Государство в данном направлении предпринимает немало усилий. Речь идет об индексации пенсионного обеспечении, осуществлении фиксированных выплат в составе страховой пенсии лицам, достигшим 80 лет и т. д. Но движение в этом направлении необходимо продолжить, в частности посредством изменения порядка индексации для работающих и неработающих пенсионеров, которая бы соответствовала модальности пенсионной системы и позволяла обеспечить нормативный коэффициент замещения пенсией утрачиваемого заработка для лиц пожилого возраста.

Решению экономических проблем лиц пожилого возраста может способствовать и обучение их финансовой грамотности, поскольку после 55 риск обнищания возрастает – экономическая активность снижается, а финансовая уязвимость растет. Лица пожилого возраста, приобретая лекарственные средства вынуждены брать кредиты под огромные проценты, вкладывают свои денежные средства («гробовые») в финансовые пирамиды, а также попадают в мошеннические схемы, что негативно сказывается на их материальном состоянии.

На благосостояние лиц пожилого возраста положительно может сказаться продолжение их трудовой активности по достижению ими пенсионного возраста, в связи с чем следует адаптировать рынок труда к потребностям пожилых, совершенствовать систему трудоустройства, меры борьбы с трудовой дискриминацией по возрастному признаку, развивать и расширять практику применения нестандартных и гибких форм занятости, улучшать условий труда и т. д.

Предупреждение преступности лиц пожилого возраста должно быть связано и с улучшением их родственных связей, поскольку семья – важнейший институт для человека, влияние которого особенно возрастает в кризисные его моменты жизни. Старение человека может сопровождаться кризисом – кризисом пожилого возраста, человек выходя на пенсию, меняет распорядок дня, быт, окружение, теряет близких друзей, часто задумываясь над итогами жизни, испытывая необходимость в общении с близкими людьми, со своей родной семьей. Особо превентивное воздействие в отношении лиц пожилого возраста оказывает и их вовлеченность в общественную жизнь, налаживание социальных контактов.

В качестве направления предупреждения преступности лиц пожилого возраста можно выделить совершенствование уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иного законодательства Российской Федерации, учитывающие их физические и психические особенности. Например, в некоторых зарубежных странах лица пожилого возраста отбывают назначенное уголовное наказание отдельно. Так, в Испании созданы помещения, адаптированные для физиологических и психических особенностей данных лиц; в США – корпуса, специальные подразделения [1, с. 2]. В Германии – самостоятельное исправительное учреждение, а также специальные отделения, которые непосредственным образом оборудованы для отбывания уголовного наказания лицами рассматриваемой категории (например, широкие коридоры

и т. д.) [6]. В доктрине предлагается создать для преступников пожилого возраста охраняемые дома, ориентированные больше на оказание медицинской помощи [7, с. 20], при этом верно отмечено, что в таких домах должны содержаться лица пожилого возраста, которые впервые были привлечены к уголовной ответственности [2, с. 67]. В ином случае исправление будет затруднено.

Таким образом, тенденция старения населения лиц пожилого возраста требует выработки комплекса экономических, социальных, правовых мер предупреждения, направленных на удержание и снижение преступности лиц пожилого возраста, и основанных на их физических и психических особенностях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Maldonado F. The Elderly and Prison Policy: A Matter of Humanity or Legal Rights? // Politica Criminal. 2019. No. 27. P. 1–46.

2. Антонян Ю. М. Преступность пожилых людей // Советское государство и право. М. : Наука, 1991. № 11. С. 67–73.

3. Доля россиян старше 60 лет к 2030 году превысит 25 %. URL: https://www.rbc.ru/society/26/09/2025/68d6dfdd9a79472452adde84 (дата обращения: 04.01.2026).

4. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии: о структуре индивидуального преступного поведения. М. : Юрид. лит., 1968. 175 с.

5. ООН: к 2030 году пожилых людей на планете будет больше, чем молодых // Организация Объединенных Наций : офиц. сайт. URL: https://news.un.org/ru/story/2023/06/1442007 (дата обращения: 04.01.2026).

6. Пенсионеры в немецких тюрьмах // Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/ru/пенсионеры-в-немецких тюрьмах/a-50211903 (дата обращения: 16.02.2026).

7. Тирский В. В., Войтин Н. В. Криминологическое и уголовно-правовое значение пожилого возраста // Правовые вопросы борьбы с преступностью : сб. ст. / отв. ред.: А. Л. Ременсон [и др.]. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1984. С. 20–29.

УДК 343.9

Маслов Егор Тимурович
соискатель, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
sarprok.maslov@yandex.ru

Особенности предупреждения женской преступности

Аннотация: *в настоящей статье автором рассматриваются особенности предупреждения женской преступности, связанные с изменением ее количественных, качественных и иных криминологических показателей, и их негативным влиянием на иные виды преступности и преступность в целом. На основании анализа доктрины, официальных статистических данных констатируется, что система предупреждения женской преступности*

© Маслов Е. Т., 2026

в Российской Федерации должна носить комплексный характер, учитывая гендерные особенности женщины-преступницы в контексте социально-демографических, нравственно-психологических, уголовно-правовых качеств и свойств личности, а также причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Ключевые слова: *женщины, женщины-преступницы, женская преступность, осужденная, предупреждение преступности, система мер предупреждения.*

Maslov Egor Timurovich
applicant, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Features of preventing women's crime

Annotation. *In this article, the author examines the features of preventing women's crime related to changes in its quantitative, qualitative and other criminological indicators, and their negative impact on other types of crime and crime in general. Based on the analysis of the doctrine and official statistical data, it is stated that the system of preventing women's crime in the Russian Federation should be comprehensive, taking into account the gender characteristics of a criminal woman in the context of socio-demographic, moral, psychological, criminal-legal qualities and personality traits, as well as the causes and conditions conducive to the commission of crimes.*

Keywords: *women, female criminals, female crime, convicted, crime prevention, system of preventive measures.*

Согласно общемировой тенденции, мужчины совершают больше преступлений. Изменение количественных, качественных и иных криминологических показателей женской преступности обусловил повышенный интерес к ней со стороны научного сообщества. Он привел к появлению гендерной криминологии – частной криминологической теории, заключающейся в изучении различий мужской и женской преступности, их детерминант, выявлении тенденций и закономерностей [1, с. 39]. Это позволило определить криминологические особенности женской преступности, личности женщины-преступницы, причины и условия, способствующие совершению ими преступлений, выработать превентивные меры. Но непрерывное изменение женской преступности, увеличение удельного веса женщин-преступниц (в 2014 г. осуждено 103 306 женщин (удельный вес – 14,4 %); в 2024 г. – 85 799 (16,7 %) [2]), требует выработки новых подходов к ее предупреждению, основанных на гендерных особенностях в контексте социально-демографических, нравственно-психологических, уголовно-правовых качеств и свойств, и условий совершения преступлений, поскольку ее трансформация повлечет негативные явления в обществе.

Предупреждение преступности – основное направление уголовной политики, направленное на выработку общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения. Общесоциальные меры предупреждения включают в себя общие превентивные меры в политической, экономической, социальной, правовой, духовной сферах, оказывающие влияние не только на женскую преступность, но и на иные ее виды и преступность в целом. В свою очередь, специально-криминологические меры предупреждения, подразделяющиеся на меры профилактики (общие, индивидуальные и виктимологические) и меры пресечения, направлены на предупреждение женской пре-

ступности. Т. Н. Кононыхина указывает в качестве мер предупреждения женской преступности, например, предоставление ипотеки на льготных условиях для матерей-одиночек и для женщин, состоящих в официальных брачных отношениях, имеющие на иждивении малолетних детей; разработка государственных программ, направленных на поддержку семьи, возрождение национальных традиций культуры, ценностного отношения к материнству; выработка поощрений к ведению бизнеса; активная его поддержка государством (субсидирование, предоставление грантов, микрозаймов, кредитов) и т. д. [3, с. 8–9]. По мере неуклонного развития мирового прогресса динамичные изменения становятся неотъемлемой частью всех сфер бизнеса. Однако женщины при ведении бизнеса сталкиваются со множественными проблемами, из-за которых их доля на руководящих должностях значительно ниже. Согласно результатам проведенного зарубежного исследования недостаточная представленность женщин на высших руководящих должностях обусловлена тремя факторами: социальными, индивидуальными и организационными причинами. Социальные причины кроются в предрассудках и традиционных образах для подражания, а индивидуальные – в самих женщинах. Они были выделены наряду с институциональными препятствиями [4].

Отдельные исследователи сводят меры предупреждения женской преступности к совершенствованию норм уголовного, уголовно-исполнительного и иного законодательства, заключающегося в изменении правового положения женщины-преступности для того, чтобы их правовой статус с одной стороны, обеспечивал их исправление, с другой – был привилегированным исключительно с позиции обеспечения охраны материнства и детства. Для этого Б. Н. Хачак предлагает внести изменения в ряд правовых предписаний уголовного и уголовно-исполнительного закона: ч. 4 ст. 49; ч. 5 ст. 50; ч. 1 ст. 53.1; 2 ст. 57; ч. 2 ст. 59; ст. 82 УК РФ, а также в ст. ст. 26, 40, 60.4, 69, 73 УИК РФ и др. [5, с. 14–20]. Однако только благодаря комплексному подходу возможно эффективней воздействовать на количественные, качественные и иные криминологические показатели женской преступности, разработка и принятие отдельных, не взаимосвязанных превентивных мер, не основанных на гендерных особенностях женщины-преступницы во взаимосвязи с иными особенностями составляющих, не позволит эффективно воздействовать на исследуемый вид преступности.

Таким образом, система предупреждения женской преступности в Российской Федерации должна носить комплексный характер, учитывая гендерные особенности женщины-преступницы в контексте социально-демографических, нравственно-психологических, уголовно-правовых качеств и свойств личности, а также причин и условий, способствующих совершению преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Куприянова А. В. Гендерная криминология: создание частой криминологической теории // Вестник Забайкальского государственного университета. 2008. № 3. С. 35–39.

2. Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 2014, 2024 гг. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде

Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item= 8946 (дата обращения: 13.02.2026).

3. Кононыхина Т. С. Криминологическая характеристика региональной женской преступности и ее предупреждение : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2023. 23 с.

4. Gerl Corinna & Wiedemann Katja. Women in Top-Management. Causes for Underrepresentation and Support Measures, 2021. URL: https://www. researchgate.net/publication/349916446_Women_in_Top-Management_Causes_for_ Underrepresentation_and_Support_Measures (дата обращения: 13.02.2026).

5. Хачак Б. Н. Гендерный подход в институте уголовного наказания: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические проблемы : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 202 с.

УДК 343.211.4

Плэмэдялэ Игорь Георгиевич
кандидат юридических наук
полковник внутренней службы в отставке
Москва, Российская Федерация
igor.plemedyale@yandex.ru

Участие сотрудника уголовно-исполнительной системы в мероприятиях по оценке правомерности применения им физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия

Аннотация. *Предметом исследования являются роль ФСИН России и участие сотрудника уголовно-исполнительной системы в мероприятиях по правовой оценке применения физической силы, специальных средств и оружия в случаях и порядке, предусмотренных законом. Актуальность темы обусловлена отсутствием законодательно установленного порядка оценки правомерности силовых мер, предпринятых на законном основании, а также неудовлетворительным состоянием научных исследований в части, касающейся предмета настоящего исследования.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, сотрудник УИС, применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, правомерность, порядок применения, правовая оценка, квалификация.*

Plemedyale Igor Georgievich
candidate of legal sciences
Retired Colonel of the Internal Service
Moscow, Russian Federation

Participation of a criminal executive system employee in activities aimed at assessing the legality of the use of forceful measures

Annotation. *The object of the study is the role of the Federal Penitentiary Service of Russia and the participation of an employee of the penal system in legal assessment of the use of force*

© Плэмэдялэ И. Г., 2026

measures in cases and in accordance with the law. The relevance of the topic is due to the lack of a legally established procedure for assessing the legality of force measures taken on a legal basis, as well as the unsatisfactory state of scientific research in terms of the object of this study.

Keywords: *penal system, employee of the penal system, use of force measures, legality, procedure for use, legal assessment.*

> Нельзя человеку не быть субъектом права, ибо самая сущность права состоит в том, что оно обращается ко всякому вменяемому человеку… и предполагает способность к знанию, разумению и к собственному управлению собою.
>
> *И. А. Ильин [2, с. 24–25]*

Обеспечение правопорядка в учреждениях, исполняющих наказания и следственных изоляторах, безопасности лиц, находящихся на их территориях, а также работников уголовно-исполнительной является и задачей [6, ч. 4 ст. 3], и полномочием [6, ч. 1 ст. 7] ФСИН России. Для их выполнения Законом Российской Федерации «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» от 21 июля 1993 г. № 5473-1 (далее – Закон РФ № 5473-1) наделены правом применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, как юридические [7, п. 12 ч. 1 ст. 14; п. 7 ч. 1 ст. 14.1], так и физические лица [7, ст. 28; 29; 30; 31; 31.2; 31.3; 31.4].

По мнению автора, право применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (далее – применение силовых мер) можно рассматривать только в качестве субъективного, т. е., как меру возможного поведения физических лиц. Это следует из того, что на практике силовые меры применяются только физическими лицами – сотрудниками, а объектом правовой оценки являются лишь действия конкретных сотрудников, находящихся при исполнении служебных обязанностей, а не «учреждений, исполняющих наказания» [7, п. 12 ч. 1 ст. 14], или «специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию» [7, п. 7 ч. 1 ст. 14.1].

Перед тем, как приступить к рассмотрению предмета настоящей статьи, заметим, что Закон РФ № 5473-1 является единственным нормативным актом, содержащего предписание о «признании правомерности» предпринятых силовых мер в установленных законом случаях [7, ч. 7 ст. 28]. На данный момент такого предписания нет больше ни в одном российском законе, где предметом регулирования является применение силовых мер. Поскольку такое предписание появилось впервые, можно отметить, что правомерность определена (в теории), в основном, как соответствие деятельности субъектов права требованиям и дозволениям, содержащимся в нормативно-правовых актах [1, с. 573].

Такое определение представляется неполным, поскольку реализация права, как известно, заключается не только в соблюдении и исполнении нормативных предписаний, но также в их использовании. Это значит, что у сотрудника уголовно-исполнительной системы (далее – сотрудника УИС) есть не только обязанности, но и права, реализация которых предполагает его участие в мero-

приятиях по оценке правомерности предпринятых силовых мер в качестве юридически подготовленного субъекта соответственно сложившейся правоприменительной практики рассмотрения такого рода случаев.

Можно полагать, что «признание правомерности» как новоявленная юридическая категория, по сути – есть квалификация, осуществление которой требует законодательно установленного порядка, чего в настоящее время не существует, и только предстоит разработать. Тем не менее, предлагаем рассмотреть положения Закона РФ № 5473-1, направленные на оценку применения силовых мер. Так, согласно ч. 3 ст. 28.1 (здесь и далее обозначены статьи Закона РФ № 5473-1, если не указано иное) начальник учреждения УИС, начальник специального подразделения по конвоированию, обеспечивают подготовку материалов по факту применения сотрудниками УИС силовых мер для направления их прокурору.

Согласно п. 2 приказа Минюста России № 216 [8], прокурору должны быть представлены следующие данные: наименование учреждения УИС, почтовый адрес; вид учреждения, место дислокации; дата, время, обстоятельства происшествия; причиненный материальный и иной ущерб; сведения о лицах, в отношении которых были применены силовые меры; сведения о должностных лицах, выезжавших на место происшествия.

По мнению автора, этот перечень необходимо дополнить, прежде всего, данными о сотруднике, применившего силовые меры (ФИО, должность, звание).

Относительно данных о «причиненном материальном вреде и ином ущербе» следовало бы уточнить, кем, кому и при каких обстоятельствах был причинен тот или иной вред/ущерб? Автор считает, что кроме вреда/ущерба, вызванного предпринятыми сотрудником УИС силовыми мерами, в эти материалы должны быть внесены данные о вреде/ущербе, причиненного осужденными, заключенными под стражу, иными лицами, включая полученные сотрудниками УИС и иными лицами побои, травмы, ранения, а также о нанесенном учреждению УИС ущербе[1].

Что касается «обстоятельств происшествия», наверное, было бы правильным уточнить, что следует понимать под этим термином. Это ускорило бы подготовку соответствующих данных.

Каким же образом сотрудник УИС участвует в подготовке таких материалов? Так, в п. 3 ч. 1 ст. 28.1 [7] сказано, что сотрудник УИС обязан доложить о каждом случае применения силовых мер непосредственному начальнику и начальнику учреждения УИС в письменной форме. При отсутствии спецсредств и оружия доклад может быть осуществлен по факту использования любых подручных средств, причем, не только в состоянии обороны, крайней не-

[1] Как показывает практика, совершаемые осужденными и заключенными под стражу лицами общественно опасные деяния сопровождаются поджогом зданий, порчей и уничтожением оборудования, технических сооружений, в том числе, критически важных для безопасности и жизнеобеспечения учреждений УИС и иных объектов.

обходимости и задержания (как сказано в ч. 4 ст. 28) [7], но и во всех случаях применения силовых мер, предусмотренных ст. 29, 30, 31.2, 31.4 [7].

Согласно ч. 2 ст. 28.1 [7], о применении силовых мер «при конвоировании» доклад «осуществляется начальнику караула с последующим уведомлением начальника подразделения по конвоированию».

Можно заметить, что доклады в этих двух случаях различаются по форме их осуществления. Так, в п. 3 ч. 1 ст. 28.1 [7] сказано о докладе «в письменной форме», при чем, в двух экземплярах: один «непосредственному начальнику», второй – начальнику учреждения УИС (союз «и» – тому подтверждение). Согласно же ч. 2 ст. 28.1 [7] (при конвоировании) доклад может быть осуществлен «посредством телефонной, факсимильной или подвижной радиотелефонной связи» начальнику караула, затем «уведомляется начальник подразделения по конвоированию». Это означает, что такие доклады и уведомления осуществляются устно.

Различаются эти доклады и по времени. Так, в п. 3 ч. 1 ст. 28.1 [7] сказано, что доклад («в письменной форме») должен быть осуществлен «в возможно короткий срок, но не позднее 24 часов» с момента применения силовых мер. Согласно ч. 2 ст. 28.1 [7] – доклад и уведомление осуществляются «незамедлительно, но не позднее 24 часов» с момента применения силовых мер.

Вопрос: когда же все-таки должен быть осуществлен доклад: «в возможно короткий срок», «незамедлительно», «не позднее 24 часов с момента применения силовых мер»? Учитывая, что эти временные обозначения не совпадают, необходимо их уточнение и унификация.

Представляется, что «незамедлительно» может быть осуществлен только устный доклад «посредством телефонной или подвижной радиотелефонной связи». Причем, сотрудник УИС уведомляет начальство только о факте, месте и времени происшествия. Более детальная информация по всем обстоятельствам применения силовых мер может быть изложена сотрудником УИС в письменном докладе, что, по мнению автора, осуществить в течение следующих 24 часов после происшествия не только затруднительно, но и нежелательно. Почему? Потому что сотрудник УИС, как и любой нормальный человек, находится в состоянии сильного душевного волнения после отражения нападения, пресечения массовых беспорядков, освобождения заложников, задержания нарушителей, и других случаев применения силовых мер. При этом, учитывая внезапность и скрытность нападения и иных общественно опасных деяний, совершенных осужденными и лицами, находящимися под стражей, не исключено получение сотрудниками УИС травм, побоев, ранений. Эти обстоятельства исключают не только «незамедлительное» участие сотрудника в мероприятиях, связанных с разбирательством таких происшествий, но и осуществление доклада в письменной форме (иногда даже в устной форме) в возможно короткий срок.

В связи с этим, обоснованным и необходимым представляется обследование как физического, так и психологического состояния сотрудника в течение 24 часов после происшествия. Целесообразность такого обследования обоснована тем, что все мероприятия с участием сотрудника, находящегося в «неудовлетворительном» психологическом и физическом состоянии, могут быть

признаны не имеющими юридической силы. То же самое касается истребованных документов, подписей, сведений в виду отсутствия у находящегося в состоянии стресса сотрудника УИС способности адекватного и разумного принятия решений, отвечать на вопросы, восприятия устной и письменной информации незамедлительно после происшествия. Поэтому, законодательно установленный срок подачи доклада в письменной форме должен быть пересмотрен (в сторону увеличения).

При этом, необходимо уточнить – с какого момента происходит исчисление срока доклада руководству, как и направления прокурору материалов – «с момента применения силовых мер» (как сказано в п. 3 ч. 1, ч. 2 и ч. 6 ст. 28.1) [7] или «с момента прибытия караула в подразделение» (согласно п. 4 приказа Минюста России № 216) [8]? Вопрос открытый.

Автор считает, что после обследования и признания сотрудника годным для участия в мероприятиях, проводимых по факту применения силовых мер, ему должна быть обеспечена возможность получения правовой помощи независимого юриста, главная задача которого – защита и соблюдение прав сотрудника в рамках предстоящего разбирательства. В первую очередь, речь идет о содействии сотруднику УИС в составлении «доклада в письменной форме» о применении силовых мер. Незаменимость этой помощи проявляется особенно тогда, когда сотрудник не в состоянии сам составить такой доклад (вследствие полученных им физических и психологических травм). Вместе с тем, участие независимого юриста в предстоящих мероприятиях должно стать обязательным, независимо от состояния сотрудника.

Несмотря на то, что в Законе РФ № 5473-1 не уточняется вид «доклада в письменной форме», несомненно, это может быть только рапорт[1] сотрудника. Истребование от сотрудника иных «письменных форм» (объяснений) по фактам применения им силовых мер должны быть исключены из практики.

Любые обращения (просьбы, уговоры, требования, угрозы, намеки) от кого бы то ни было о подаче доклада в иной форме, кроме рапорта, и/или без содействия независимого юриста, следует рассматривать как давление на сотрудника, содержащего признаки преступлений, предусмотренных ст. 302 (принуждение к даче показаний), ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями), ст. 286 (превышение должностных полномочий), ст. 330 (самоуправство) УК РФ и др.

Принимая во внимание, что представление доклада в письменной форме (рапорта) о применении силовых мер является обязанностью сотрудника УИС, то и содержание этого документа не может и не должно быть произвольным. Однако, в настоящее время ни форма, ни содержание такого документа не определены никакими нормативными актами (ни Законом РФ № 5473-1, ни при-

[1] Представление рапорта о применении силовых мер предусмотрено ФЗ «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (статья 19), ФЗ «О федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 № 40-ФЗ (статья 14.2), ФЗ «О федеральной фельдъегерской связи» от 17.12.1994 № 67-ФЗ (статья 11.1).

казами Минюста и ФСИН России)[1]. Произвольный подход к составлению документов о правомерном применении силовых мер следует рассматривать как дефект юридической практики и техники, который необходимо устранить[2].

Рапорт о применении силовых мер это не «сочинение на свободную тему», а важный процессуальный документ, где сотрудник УИС излагает факты, события, данные, доказывающие правомерность своего поступка. В этом, собственно, и состоит назначение рапорта. Какие же сведения необходимо изложить сотруднику УИС в таком рапорте?

Во-первых, сотрудник УИС излагает «основания/случаи[3] и порядок» применения силовых мер. При этом, в рапорте обязательно должна быть соблюдена законодательно установленная последовательность (порядок) изложения фактов и событий, а именно, сначала – основания/случаи, и только затем – порядок применения силовых мер. В научной литературе же отмечено, что «на практике прокурор почему-то сразу требует от сотрудника УИС, который применил, например, оружие, рассказать порядок применения данной меры принуждения» [5, с. 387]. Справедливое замечание.

Автор полагает, что такая «прокурорская практика» обусловлена, скорее всего, очередностью статей в Законе РФ № 5473-1, где порядок применения силовых мер значится в ст. 28.1, а основания/случаи их применения – в последующих ст. 29, 30, 31.2, 31.3, 31.4 [7]. При этом, как видно из п. 1 ч. 1 ст. 28.1 [7], первым атрибутом порядка применения силовых мер значиться «предупреждение о намерении их применения», а вторым – «предоставление достаточно времени для выполнения требований» сотрудника УИС. Однако, тут же обозначены случаи, когда «такое предупреждение является неуместным либо невозможным»: «если промедление… создает непосредственную опасность жизни и здоровью персонала, иных лиц…».

Принимая во внимание, что силовые меры применяются, главным образом, в случаях, когда возникает «непосредственная опасность жизни и здоровья», то, именно в этих случаях и возникает право применения силовых мер без предупреждения, т. е. без учета порядка, установленного п. 1 ч. 1 ст. 28.1 [7].

Это значит, что номинальная очередность статей Закона РФ № 5473-1 не имеет никакого отношения (и значения) для оценки правомерности предпринятых силовых мер. Более того, проведенная в нарушение законодательно установленной последовательности (порядка) оценка фактов и событий – является противозаконной. В связи с этим представляется, что правоприменительный

---

[1] Следует учесть, что размещенные в разных интернет-ресурсах (в том числе, на сайте «КонсультантПлюс») образцы рапортов о применении силовых мер не являются нормативно установленными, поэтому их использование не обязательно и нецелесообразно (с точки зрения оправдания сотрудника УИС и других правоохранительных органов).

[2] Это предложение имеет отношение как к профессиональной деятельности работников всех правоохранительных, силовых, охранных структур, так и к частным лицам, при составлении ими заявления о применении силовых мер в состоянии обороны, задержания и крайней необходимости (ст. 37, 38, 39 УК РФ).

[3] Следует отметить, что в ч. 1 ст. 28 сказано о «случаях», а в ч. 7 этой же ст. 28 – об «основаниях» применения силовых мер [7].

алгоритм квалификации действий сотрудника УИС не может не соответствовать (должен соответствовать) установленному ч. 7 ст. 28 [7] порядку оценки предпринятых силовых мер[1].

Следует особо отметить, что соблюдение законодательно установленного порядка изложения в рапорте фактов и событий – не простая формальность. Именно на этом строится «доказательная база» [5, с. 386] (фундамент) «признания правомерности» предпринятых сотрудником силовых мер, «для того чтобы обезопасить себя» [5, с. 386] (от необоснованных обвинений. – *И. П.*). При этом сотрудник должен придерживаться этого порядка изложения информации не только в рапорте, но и при общении с членами комиссии УИС при проведении служебной проверки, с прокурором, следователем и другими заинтересованными лицами, в том числе, на стадиях досудебного и судебного разбирательства.

Во-вторых, в рапорте сотрудник УИС излагает предпринятые им меры (кроме силовых) после происшествия: устный доклад руководству, подача сигнала тревоги, вызов помощи (медицинской, пожарной), уведомление иных служб (газо-, электро-, водоснабжения), меры по локализации очага возгорания, отключению электрической сети, газо- и водоснабжения, оказание первой помощи (себе, другим сотрудникам УИС, иным лицам, нарушителям и др.), а также меры по обеспечению безопасности задержанного нарушителя, как от расправы со стороны пострадавших (и других лиц), так и от попыток самому причинить себе какой-либо вред.

В-третьих, сотруднику следует обязательно отметить предметы, которые могут быть использованы в качестве доказательства правомерности предпринятых им силовых мер (оружие, ножи, заточки, гильзы, вещи и т. д. и т. п.).

Также, кроме даты, времени, места и обстоятельств происшествия, сотрудник УИС должен указать дата, время, место и обстоятельства составления самого рапорта (при содействии независимого юриста, оказывающего правовую помощь).

И, в четвертых, автор считает, что юридически обоснованным завершением рапорта должно стать обращение сотрудника УИС в прокуратуру о возбуждении уголовного дела по фактам совершения преступлений[2], с изложением признаков, обозначенных в ст. 29, 30, 31.2, 31.3, 31.4 [7] в качестве оснований/случаев, дающих право применения силовых мер. В связи с этим, представляется целесообразным направление соответственно оформленного заявления в Следственный комитет.

После этого, составленный при содействии независимого юриста рапорт регистрируется в журнале входящей (!) корреспонденции по месту службы со-

---

[1] Заметим, что такой же порядок правовой оценки предусмотрен большинством российских законов, регулирующих применение силовых мер.

[2] В качестве таких оснований/случаев в Законе РФ № 5473-1 обозначены: противодействие законным требованиям сотрудника УИС (п. 3 ч. 1 ст. 29), нападение на работников УИС (п. 1 ч. 1 ст. 30); групповое нападение и вооруженное сопротивление (ч. 1 ст. 31.1, ч. 7 ст. 31.2, п. 3 ч. 7 ст. 31.4); побег из-под стражи (п. 11 ч. 1 ст. 30 и п. 7 ч.1 ст. 31.2); совершение деяния, содержащего признаки преступления против жизни и здоровья (п. 4 ч. 1 ст. 31.2) и др.

трудника УИС[1]. При этом, рапорт необходимо регистрировать в нескольких экземплярах: экз. № 1 – в материалы для направления прокурору, экз. № 2 и 3 – непосредственному начальнику и начальнику учреждения УИС (согласно п. 3 ч. 1 ст. 28.1) [7], экз. № 4 – возвращается сотруднику, составившего рапорт, № 5 – независимому юристу, оказывающему помощь сотруднику УИС. Если сотрудник УИС подает заявление о возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления в виде отельного документа, то оно подлежит регистрации минимум в 6-ти экземплярах с разноской аналогичной рапорта о применении силовых мер (плюс один экземпляр в Следственный комитет).

После регистрации и получения на руки экземпляров рапорта о применении силовых мер (и заявления о возбуждении уголовного дела), сотрудник вместе с независимым юристом готовы к участию в дальнейшем разбирательстве происшествия.

Как известно, по каждому случаю применения сотрудником УИС силовых мер проводится служебная проверка в порядке, установленном приказом Минюста России от 31.12.2020 № 341[9]. В ст. 6 данного приказа перечислены «источники информации, содержащие основания для проведения служебной проверки». Заметим, что в числе таких «источников» нет ни объяснения в письменной форме (п. 1 ст. 15 приказа 341) [9], ни доклада в письменной форме сотрудника УИС о применении силовых мер (предусмотренного п. 3 ч.1 ст. 2 Закона РФ № 5473-1) [7]. Возникает вопрос: для чего же тогда сотрудник УИС, в отношении которого проводится служебная проверка, обязан «давать объяснения в письменной форме», если они не значатся в качестве «источников информации для проведения служебной проверки»?

По мнению автора, рапорт сотрудника о применении силовых мер должен быть признан как источником информации, так и основанием для проведения служебной проверки, что было бы уместно обозначить в п.п. 4 и 6 приказа № 341 [9] (соответственно), а также в Законе РФ № 5473-1 (и в других нормативных актах).

Проведение же служебной проверки без учета установленных в ст. 28.1, 29, 30, 31.2, 31.3, 31.4 [7] оснований/случаев применения предпринятых силовых мер исключает объективное и всестороннее исследование происшествия, поскольку именно совершаемые осужденными и находящимися под стажей лицами противоправные деяния и являются причиной (основанием) применения сотрудниками УИС силовых мер (причиной, при отсутствии которой, событие не произошло бы – causa sine qua non *(лат.)*). Поэтому игнорирование этих сведений членами комиссии, осуществляющими служебную проверку, подлежит незамедлительному обжалованию сотрудником и независимым юристом, оказывающим правовую помощь.

[1] При возникновении определенных нежелательных ситуаций, экземпляры рапорта о применении силовых мер и заявлений о возбуждении уголовного дела/дел могут быть отправлены сотрудником УИС или независимым юристом, оказывающим правовую помощь заказным письмом через почту в адрес учреждения, где проходит службу сотрудник УИС, а также в прокуратуру и Следственный комитет.

И еще одно замечание относительно обязанности «давать объяснения в письменной форме». Как следует из ст. 15 приказа № 341 [9], сотрудник вправе не давать никаких объяснений (ни письменных, ни устных), поскольку любые истребованные объяснения могут рассматриваться (сотрудником и независимым юристом) «свидетельствованием против самого себя». Принимая во внимание явный обвинительный уклон целей и задач[1] приказа № 341 [9], такие опасения вполне оправданы. Поэтому здесь не может быть никаких компромиссов, и, как уже было сказано выше, единственной «письменной формой» представления сведений по факту применения силовых мер – это может быть только рапорт сотрудника.

Подтверждением таких опасений является ст. 16 приказа № 341 [9], где сказано, что во время служебной проверки «в отношении сотрудника… должны быть приняты меры, исключающие возможность его влияния на ход служебной проверки». Это предписание требует ответов на вопросы: какие «меры» подразумеваются при этом – физическая изоляция, запрет на общение, на свободное перемещение, исключение доступа к какой-либо информации, отстранение от исполнения должностных обязанностей или др.?; каковы правовые основания каких-либо ограничительных мер?; в качестве кого привлекается сотрудник УИС в рамках проведения служебной проверки – подозреваемого, обвиняемого? Ответов на эти вопросы необходимо добиться от членов комиссии в начале проведения служебной проверки! В зависимости от полученных ответов, так и в случае игнорирования вышеизложенных вопросов, сотрудником и/или независимым юристом составляется письменный мотивированный запрос, копии которого (после регистрации) приобщаются к материалам, направляемых прокурору с обжалованием предпринятых в отношении сотрудника УИС ограничительных мер.

При этом, как полагает автор, разработчикам приказа № 341 [9] и его исполнителям (членам комиссий) следовало бы принять во внимание, что любые сведения, данные, документы представляются сотрудником именно с целью «влияния на ход служебной проверки» для «признания правомерности» предпринятых им силовых мер. И именно такая возможность сотрудника УИС должна быть исключена!? Это есть ничто иное как нарушение принципов презумпции невиновности, взаимной ответственности личности и государства, законности, единства прав и обязанностей. Наличие ст. 16 в приказе № 341 [9] – это еще одна причина обоснованности правовой помощи независимого юриста и обязательного его участия в мероприятиях по оценке правомерности предпринятых сотрудником УИС силовых мер.

---

[1] См.: п. 2 – задачами служебной проверки являются: исследование обстоятельств, причин и условий нарушения (грубого нарушения) применения сотрудником силовых мер; подготовка предложений о мере дисциплинарной ответственности; выработка рекомендаций на устранение причин и условий, способствующих совершению дисциплинарного проступка; п. 3 – при проведении служебной проверки должны быть приняты меры по установлению фактов и обстоятельств совершения дисциплинарного проступка; наличия вины сотрудников; обстоятельств обоснования привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности; наличия, характера и размера вреда, причиненного сотрудником.

По мнению автора, в целях обеспечения «неприкосновенности личности, чести и достоинства персонала»[1], статью 16 приказа № 341 [9] целесообразно упразднить.

Учитывая вышеизложенное, в процессе участия в мероприятиях по оценке правомерности предпринятых силовых мер, сотруднику УИС следует четко уяснить:

а) сотрудник не должен доказывать свою невиновность, потому что никакой его виновности нет (и быть не может) в принципе. При этом правомерность его действий обусловлена тем, что находясь при исполнении должностных обязанностей, он воспользовался предоставленным правом применения силовых мер в случаях и порядке, установленных Законом РФ № 5474. К тому же, предпринятые им силовые меры являются мерами безопасности[2], направленные на предупреждение и пресечение, прежде всего, общественно опасных деяний, соответственно эти меры являются необходимыми и общественно полезными;

б) игнорирование самим сотрудником УИС при составлении рапорта сведений об основаниях/случаях и порядке применения силовых мер, а также случаев применения силовых мер без предупреждения и последовательности их изложения, ставит под сомнение правомерность предпринятых силовых мер;

в) представление любых иных сведений (как в письменной, так и в устной форме), кроме изложенных в рапорте, может быть использовано против него – для обвинения в превышении пределов необходимой обороны и задержания (ст. 108 и 114 УК РФ), в превышении должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) и других преступлениях;

г) текст рапорта должен быть написан простыми утвердительными предложениями. Сложные предложения с подчинительными или сочинительными связями[3] исключаются (!), как и любые словесные импровизации, а также использование союзов: «чтобы», «потому что», «если», «когда», «оттого что», «так как», «так что», «лишь только», «как будто», «с тех пор как», «в связи с тем», «для того чтобы». Здесь главное не стиль, а юридическая точность и правильность изложения информации. При этом, в рапорте должны (могут) быть использованы, насколько это возможно, текстовые формулировки Закона РФ № 5473-1.

Следование этим пунктам (а), (б), (в), (г) может (должно) определяющим образом повлиять на признание правомерности предпринятых сотрудником УИС силовых мер, «ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься»[4]. Это предполагает, что роль пассивного объекта оценки действий сотрудника УИС должна быть исключена независимым юристом изначально и однозначно.

По мнению автора, сам факт законодательного закрепления применения силовых мер в качестве права и есть признание их правомерности. Ведь право,

---

[1] См.: статья 32 Закона РФ № 5473-1 [7].

[2] В ст. 86 УИК РФ применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия обозначено как применение мер безопасности.

[3] См.: учебники русского языка до 2000 года издания.

[4] См.: Евангелие от Матвея (глава 12 стих 37). URL: https: bible.optima.ru (дата обращения: 25.05.2026).

как субъективная юридическая категория – это предоставленная (или признанная) и охраняемая государством мера возможного поведения (в нашем случае, применение физической силы, специальных средств, оружия) в установленных законом случаях. Это значит, что результатом реализации данного права может быть только признание правомерности действий сотрудника, поскольку то, что разрешено законом (признано правом), не должно и не может быть наказуемым[1].

При этом, учитывая, что применение силовых мер всегда сопряжено с «причинением вреда», оправданию подлежат и их неизбежные последствия (хотя, вести речь о «причинении вреда» при совершении правомерного поступка юридически не верно, и не логично).

В завершение можно отметить, что несмотря на практическую значимость «признания правомерности» силовых мер, предпринятых сотрудниками УИС при исполнении служебного долга, эта законодательная установка не представляет особого научного интереса даже спустя десять лет после ее внесения в Закон РФ № 5473-1[2]. Можно констатировать, что предметом исследований большинства научных трудов, по-прежнему, являются: превышение полномочий, связанных с применением силовых мер, особенности уголовной и иной ответственности за такое превышение полномочий, соблюдение многочисленных законодательно не установленных «условий правомерности» применения силовых мер[3]. В литературе можно найти даже мнение о том, что сотрудники УИС подлежат дисциплинарной, административной, гражданско-правовой или уголовной ответственности не только за неправомерное применение, но и за «превышение пределов правомерного применения физической силы, специальных средств и оружия» [3, с. 35].

К. А. Насреддинова и И. А. Сластунин отмечают, что на правовую оценку действий сотрудников УИС отрицательно влияют: «неоднозначная интерпретация законодательных норм по вопросам применения физической силы и специальных средств», а также «наличие в законодательстве «размытых» формулировок, которые порождают у сотрудников УИС неуверенность в законности своих действий» [4, с. 136]. С мнением уважаемых коллег вполне можно согласиться, однако, как представляется, именно наличие в законе «размытых формулировок» является причиной, как «неоднозначной интерпретации со стороны контрольно-надзорных органов», так и «неуверенности сотрудников».

Выдающийся философ и государствовед И. А. Ильин писал: «нелеп и опасен такой порядок жизни… когда право начертано на чуждом языке, или когда текст законов остается недоступным для народа, или же смысл права выражается слишком сложно, запутано и непонятно» [2, с. 24].

---

[1] В противном случае, нет смысла говорить (и писать) ни о субъективном, ни об объективном праве.

[2] Дополнения в Закон РФ № 5473-1 о признании правомерности применения силовых мер в установленных законом случаях и порядке, были внесены Федеральным законом № 503 от 28 декабря 2016 года.

[3] Недоумение вызывает то, что такое положение характерно для большинства научных сообществ, представляющих правоохранительную систему нашей страны, не говоря о так называемых правозащитных кругах.

Учитывая вышеизложенное, автор считает необходимым разработать и внести в Закон РФ № 5473-1 двух отдельных статей (например, 32.1, 32.2): ст. 32.1 – о порядке подготовки и направления прокурору материалов по фактам применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (с обозначением конкретных сведений, документов и сроков их предоставления); ст. 32.2 – о порядке участия сотрудника УИС и независимого юриста, оказывающего ему правовую помощь в мероприятиях по оценке правомерности предпринятых силовых мер (с закреплением письменной формы осуществления доклада в виде рапорта сотрудника УИС о применении силовых мер, его реквизитов, содержания, порядка регистрация и др.).

Также, представляется целесообразным предусмотреть следующие дополнения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ:

– в часть 1 статьи 24 УПК РФ «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела», внести пункт 7 следующего содержания: «–применение (использование) физической силы, специальных средств, оружия, иных средств и приспособлений, по основаниям и в порядке, установленными законодательством Российской Федерации».

– в статью 27 УПК РФ «Основания прекращения уголовного преследования», внести часть 3 следующего содержания: «уголовное преследование не может быть начато, а начатое, подлежит прекращению на любой из стадий процесса этого преследования, если физическая сила, специальные средства, оружие, иные средства и приспособления применены (использованы) по основаниям и в порядке, установленными законодательством Российской Федерации».

Разработка этих предложений направлено на создание единого законодательно установленного порядка оправдания («признания правомерности») предпринятых на законных основаниях силовых мер в правоприменительной деятельности всех заинтересованных юридических и физических лиц, независимо от ведомственной принадлежности. Наверное, этот шаг способствовал бы реанимации задачи «строго соблюдать требования закона, направленные на защиту представителей власти, работников правоохранительных органов, в связи с исполнением ими служебных обязанностей»[1], что весьма важно для решения существующих кадровых проблем в правоохранительной системе нашей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд. М. : Инфра-М, 2006. 857 с.

2. Ильин И. А. О сущности правосознания / подгот. текста и вступ. ст. И. Н. Смирнова. М. : Рарогъ, 1993. 235 с.

3. Кашибадзе А. Г. Актуальные вопросы применения физической силы, специальных средств сотрудниками УИС // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5(31). С. 33–37.

[1] См.: пункт 4 ППВС СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» (отменено) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.05.2026).

4. Насреддинова К. А., Сластунин И. А. Основные проблемы применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы и специальных средств // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 4(40). С. 130–137.

5. Новеллы, связанные с применением физической силой, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы в их правоохранительной деятельности / Поникаров В. А., Калуцкий И. Н., Смолев С. М., Строилов С. В. // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25(1–4), № 3. С. 384–388.

6. Положение о Федеральной службе исполнения наказаний : утв. Указом Президента России от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний». URL: https://base.garant.ru/12137239/?ysclid=mssjsc14xp6861204 (дата обращения: 15.04.2026).

7. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/1305321/?ysclid=mssjugi0630197836 (дата обращения: 15.04.2026).

8. Приказ Минюста РФ от 30 октября 2017 г. № 216 «Об утверждении порядка подготовки и направления прокурору начальником учреждения уголовно-исполнительной системы (специального подразделения по конвоированию) материалов по фактам применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия». URL: https://base.garant.ru/71803856/?ysclid=mssjwhblzh716137154 (дата обращения: 15.04.2026).

9. Приказ Минюста РФ от 31 декабря 2020 г. № 341 «Об утверждении порядка проведения служебных проверок в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/400190312/?ysclid=mssjxbc9b286951866 (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 343.5

Пронина София Константиновна
руководитель правового департамента
АНО «Реализация социальных проектов
„Территория успеха“»
г. Барнаул, Российская Федерация
tos5380@mail.ru

Проблемы исполнения конфискации как иной меры уголовно-правового характера

Аннотация. *В статье рассмотрены прикладные вопросы исполнения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера, применяемой на основании обвинительного приговора. Автор выделяет следующие проблемы, возникающие в ходе исполнения конфискации – возможные нарушения прав сособственников конфискуемого имущества, которые предлагается устранить путем конкретизации разъяснений Верховного Суда РФ.*

© Пронина С. К., 2026

Вторая проблема – это отсутствие специальных правовых норм, не допускающих прекращение исполнительного производства при невозможности исполнить судебный акт о конфискации.

Ключевые слова: *уголовная ответственность, конфискация, иные меры уголовно-правового характера.*

Pronina Sofia Konstantinovna
head of the legal department
ANO "Implementation of social
projects "Territory of success"
Barnaul, Russian Federation

Problems of enforcing confiscation as another criminal law measure

Annotation. *This article examines the practical aspects of enforcing property confiscation as another criminal law measure applied based on a guilty verdict. The author highlights the following issues that arise during confiscation enforcement: possible violations of the rights of co-owners of confiscated property, which are proposed to be addressed by clarifying the clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation. The second problem is the lack of specific legal provisions preventing the termination of enforcement proceedings if a judicial confiscation order cannot be executed.*

Keywords: *criminal liability, confiscation, other criminal law measures.*

Институт конфискации известен российскому уголовному праву со времен Русской Правды, где аналогом современной конфискации выступали «поток и разграбление» назначаемые за опасные преступления [5, с. 138]. За годы развития российского уголовного права рассматриваемый институт претерпел множество изменений, пройдя путь от полноценного наказания до исключения из кодекса. В настоящее время, как представляется, в отношении конфискации законодатель занимает «промежуточную» позицию, определяя ее как иную меру уголовно-правового характера. Несмотря на вполне понятную позицию законодателя о месте и роли конфискации в механизме уголовно-правовой репрессии, споры о ее сущности [3, с. 78; 2, с. 165] и целях [4, с. 30; 7, с. 109] в доктрине уголовного права не иссякают.

Однако проблемы применения института конфискации не исчерпываются сложностью в установлении ее содержания, но и имеют утилитарный характер. К таким проблемам, в честности, относится проблема исполнения конфискации, примененной на основании приговора суда.

В данной части, по нашему мнению, следует выделить несколько самостоятельных аспектов, которые, как минимум, нуждаются в разъяснениях Высшей Судебной инстанцией, а в идеальном положении дел – в соответствующем нормативном закреплении.

Первая выделяемая нами проблема – это учет интересов иных собственников имущества, в отношении которого применена конфискация (при наличии общей или совместной собственности на предмет конфискации).

В настоящее время сформированный правоприменительной практикой подход к решению данного вопроса отражен в Постановлении Пленума Вер-

ховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 4 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 года № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», в соответствии с которым для целей главы 15.1 УК РФ принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов.

В судебно-следственной практике, в том числе, на уровне Высшей судебной инстанции, в настоящее время сформировалось весьма расширительное понимание данного разъяснения. Например, совместной собственностью, подлежащей конфискации, признается имущество, приобретенное в период фактических брачных отношений в отсутствии факта официальной регистрации брака[1].

При подобном подходе суды, рассматривающие уголовные дела, фактически подменяют собой общие гражданские суды, в компетенцию которых входит рассмотрение дел об основаниях возникновения, изменения и прекращения права собственности. Помимо прочего, с учетом специфики уголовного процесса, происходит нарушение как процессуальных правовых принципов, в частности, принципа состязательности, так и общих уголовно-правовых принципов [6, с. 25]. Принципиально соглашаясь с позицией о допустимости и возможности применения конфискации в отношении имущества, находящегося в общей совместной или долевой собственности, полагаем, что данное положение следует ограничить указанием на безусловную законность возникновения режима совместной собственности, что возможно в двух случаях: 1) имущество приобретено в совместную собственность, о чем содержится указание в правоустанавливающем или правоподтверждающем документе (например, в договоре купли-продажи прямо указано, что имущество приобретается в совместную собственность); 2) в отношении приобретаемого имущества действует презумпция совместной собственности (например, при приобретении имущества на имя одного из супругов в период брака).

Второй вопрос, на который следует обратить внимание – это специфика правового регулирования реального исполнения конфискации. Конфискация не является наказанием, что исключает возможность применения при ее исполнении норм уголовно-исполнительного законодательства. В науке уголовного права дополнительно указывается, что невозможность применения положений УИК РФ при исполнении конфискации обуславливается тем, что эта мера носит исключительно имущественный характер, соответственно, по аналогии со штрафом при исполнении конфискации следует руководствоваться нормами законодательства об исполнительном производстве [1, с. 20]. Данный тезис представляется вполне верным в модели действующей системы исполнения имущественных наказаний.

Однако исполнение конфискации, как и штрафа является завершающим этапом применения уголовно-правовой репрессии, что, по нашему мнению,

[1] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 сентября 2025 г. № 89-УД25-7-7К // «СПС «КонсультантПлюс».

предполагает необходимость установления специальных правил реального исполнения. Так, в частности, необходимо предусмотреть уголовно-правовые последствия неисполнения решения о конфискации. В настоящее время какие-либо негативные последствия подобного поведения законодательством об исполнительном производстве не предусмотрены. В случае, если должник по исполнительному производству о конфискации имущества не исполнит судебное постановление, исполнительное производство будет прекращено на основании ст. 43 Федерального закона от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», т. е. какие-либо отрицательные последствия не предусмотрены. Представляется необходимым устранить данный законодательный пробел, закрепив, во-первых, отдельные нормы об исполнении конфискации в уголовно-исполнительном законодательстве, во-вторых, исключить возможность прекращения исполнительного производства в случае отсутствия на данный момент времени возможности реального исполнения конфискации. Аналогией в данном случае может выступить порядок взыскания денежных сумм, взысканных при привлечении лица к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве, когда вне зависимости от имущественного положения должника и наличия или отсутствия у него определенного в судебном акте имущества, «списание» задолженности законом не допускается до момент ее фактической оплаты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вакутин А. А., Карпова О. В. Проблемы исполнения конфискации имущества // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 19–23.

2. Головенков П. В., Понятовская Т. В. Сущность конфискации имущества в германском и российском уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т. 9, № 1. С. 164–173.

3. Землюков С. В. Институт конфискации имущества требует совершенствования // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3. С. 76–79.

4. Коренная А. А. Реализация целей уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера за преступления в сфере экономической деятельности при формировании теоретической модели пенализации // Российский следователь. 2026. № 1. С. 29–33.

5. Кулиш М. А. История развития института конфискации имущества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 137–139.

6. Максимов А. Г. Аксиологическое значение принципа гуманизма в уголовном праве // Российско-азиатский правовой журнал. 2023. № 3. С. 22–27.

7. Ткачев И. О. Цели конфискации имущества // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 3. С. 106–119.

УДК 343.9

Сенчихин Степан Павлович
преподаватель, Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ssenchikhin@gmail.com

Криминологическая характеристика возраста лиц, посягающих на антиэкстремистскую безопасность в сфере образования

Аннотация. *В статье исследуется возрастная характеристика как ключевой элемент криминологического портрета экстремиста в системе обеспечения антиэкстремистской безопасности. На основе сравнительного анализа статистических данных 2012–2017 и 2020–2024 гг. выявлена фундаментальная трансформация возрастного профиля субъектов преступлений экстремистской направленности. Установлено существенное снижение доли молодежи и смещение ядра преступности в возрастные категории 30–49 лет, что подтверждено корреляционным анализом. Обоснована необходимость дифференциации профилактических мер с учетом возрастной специфики различных групп риска для повышения эффективности противодействия экстремизму в рамках реализации Стратегии противодействия экстремизму.*

Ключевые слова: *личность преступника, криминологический портрет, антиэкстремистская безопасность, экстремизм, личность экстремиста, профилактика экстремизма, преступления экстремистской направленности, криминологическое обеспечение безопасности, профилактика экстремизма.*

Senchikhin Stepan Pavlovich
lecturer, Saint Petersburg institute (branch)
of the All-Russian State University Of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry
of Justice of the Russian Federation)
Saint Petersburg, Russian Federation

Criminological characteristic of age of persons committing crimes against anti-extremist security in the educational sphere

Annotation. *The article investigates age characteristics as a key element of the criminological portrait of an extremist within the system of ensuring anti-extremist security. Based on a comparative analysis of statistical data from 2012–2017 and 2020–2024, a fundamental transformation of the age profile of subjects committing crimes of an extremist nature has been identified. A significant decrease in the share of youth and a shift of the core of criminality to the 30–49 age cohorts have been established, which is confirmed by correlation analysis. The necessity of differentiating preventive measures, taking into account the age specifics of various risk groups, has been substantiated to increase the effectiveness of counteracting extremism within the framework of implementing the Strategy for Countering Extremism.*

© Сенчихин С. П., 2026

Keywords: *offender's personality, criminological portrait, anti-extremist security, extremism, extremist's personality, prevention of extremism, crimes of an extremist nature, criminological security support.*

Эффективное противодействие экстремизму невозможно без четкого понимания криминологического портрета субъекта данной категории преступлений, поскольку именно идентификация социально-демографических характеристик позволяет выстраивать адресные профилактические мероприятия в рамках системы криминологического обеспечения антиэкстремистской безопасности. Среди множества параметров, формирующих портрет экстремиста, возрастная характеристика занимает особое место, выступая не просто формальным демографическим показателем, но и индикатором степени социальной зрелости, уровня правосознания, восприимчивости к идеологическому влиянию и специфики мотивации противоправного поведения.

Анализ научных исследований, посвященных возрастной структуре субъектов экстремистской преступности, демонстрирует определенную вариативность выводов, что обусловлено различиями в методологии, временных периодах исследования и категориях рассматриваемых преступлений. Так, Р. Р. Абдулганеев, исследуя особенности криминологического портрета современного религиозного экстремиста, характеризует его как мужчину в возрасте от 19 до 27 лет [1, с. 7]. Об аналогичной статистике в контексте религиозного экстремизма свидетельствуют и исследования В. А. Бурковской [4, с. 27]. Н. А. Андреев, изучая возрастные характеристики лиц, совершающих преступления экстремистской направленности в сети Интернет, также отмечает преимущественное преобладание представителей молодежи в возрасте от 18 до 35 лет [3, с. 32]. Р. В. Закомолдин акцентирует внимание на радикальных экстремистских проявлениях среди молодежи, проходящей военную службу [7, с. 27–31].

Вместе с тем, К. А. Гаврилов, анализируя социально-демографическую характеристику личности преступника рассматриваемой категории, приходит к выводу о преобладании граждан среднего возраста (30–49 лет) [5, с. 326], что указывает на определенную диверсификацию возрастного профиля экстремистов в зависимости от типа совершаемых преступлений и роли в преступной деятельности.

Указанная вариативность научных позиций не является противоречием, а отражает сложную многоуровневую структуру экстремистской преступности, в которой различные возрастные группы выполняют специфические функции. Молодежь традиционно рассматривается как наиболее уязвимая для экстремистской идеологии часть общества, что находит отражение в нормативных правовых документах стратегического планирования.

Так, в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124) констатируется, что лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь, при этом повышенное внимание они обращают на неформальные объединения националистов, активно привлекая их членов

в свои ряды и провоцируя на совершение преступлений экстремистской направленности (см. п. 27 Стратегии). Особую озабоченность вызывает тот факт, что специальные службы и организации иностранных государств наращивают деструктивное информационно-психологическое воздействие на население России, прежде всего на молодежь, в целях дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в стране (см. п. 29 Стратегии).

Специфика радикализации молодежи заключается в том, что взаимодействие лиц раннего молодежного возраста, входящих в состав экстремистских организаций, характеризуется практически полным разрушением прежних социальных связей, в том числе и с родителями, если они не разделяют их взглядов. Как справедливо отмечает В. В. Меркурьев, члены экстремистской организации образуют замкнутую социальную микросреду, в которой происходит их жизнедеятельность и дальнейшее формирование личности в соответствии с установленными правилами и целями преступной деятельности организаций. Формирование их личности протекает вне поля зрения не только правоохранительных органов, но и социального окружения [8, с. 158], что существенно осложняет своевременное выявление признаков радикализации и проведение профилактической работы.

В ответ на указанные вызовы п. 36 Стратегии противодействия экстремизму в РФ определяет комплексный перечень мер в области образования и государственной молодежной политики: от включения в образовательные программы мероприятий по воспитанию патриотизма, культуры мирного поведения и межнациональной дружбы до организации досуга молодежи и создания условий для реализации ее творческого и спортивного потенциала. Особое внимание уделяется повышению уровня осведомленности руководителей и педагогических работников образовательных организаций в сфере противодействия экстремизму, проведению мониторинга социальной обстановки в образовательных организациях и изучению молодежных субкультур в целях своевременного выявления распространения экстремистской идеологии.

Важным направлением является разработка и реализация в образовательных организациях индивидуальных программ социально-педагогического сопровождения обучающихся из группы риска, проведение профилактических мероприятий с лицами, подверженными влиянию экстремистской идеологии, и членами их семей с привлечением представителей религиозных, общественных и спортивных организаций. Стратегия также предусматривает проведение в образовательных организациях мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей для пресечения распространения экстремистской идеологии, организацию информационно-пропагандистских мероприятий по разъяснению истинных целей экстремистских организаций и методов их вербовки, а также усиление контроля за деятельностью спортивных школ и клубов единоборств.

Вместе с тем, акцент на молодежной аудитории не означает, что иные возрастные категории могут быть исключены из поля зрения системы антиэкстремистской безопасности. Напротив, комплексный подход требует анализа всех возрастных групп и оценки роли каждой категории в структуре экстремистской преступности. Особенно это актуально для сферы образования, где необходимо не только предотвращать радикализацию обучающихся, но и работать с преподавательским составом, развивая его компетенции по устойчивости к экстремизму и выявлению признаков радикализации среди студентов и учащихся. Препятствование проникновению в образовательные организации радикально настроенных лиц, распространяющих экстремистскую идеологию либо способствующих ее распространению, является не менее важной задачей, чем профилактика среди молодежи.

Анализ динамики социально-демографических характеристик субъектов экстремистской преступности свидетельствует о происходящих изменениях в их структуре. Р. Р. Абдулганеев и С. Н. Миронов в своем исследовании за период 2012–2017 г.г. отмечают следующую возрастную структуру лиц, совершающих преступления экстремистской направленности: «от 14 до 15 лет – 0,3 %, от 16 до 17 лет – 14,9 %, от 18–24 – 40,3 %, от 25-29 – 29,8 %, от 30–49 лет – 12,8 %, от 50 лет и старше – 1,9 %» [2, с. 43].

Сравнительный анализ данных за 2020–2024 гг. (данные взяты из формы федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС «Единый отчет о преступности» за 2020–2024 гг.) с показателями 2012–2017 гг. выявляет фундаментальную трансформацию возрастного портрета экстремиста. Так, устойчивые тренды трансформации экстремистской преступности сформировали к 2024 г. следующую картинку распределения лиц по возрастным категориям.

Если ранее абсолютно доминировала молодежь (суммарно 70,1% в возрасте 18–29 лет), то к 2024 г. наблюдается кардинальное перераспределение: доля возрастной группы 18–24 лет сократилась с 40,3 % до 14,92 % (в 2,7 раза), группы 25–29 лет – с 29,8 % до 12,11 % (в 2,5 раза). Одновременно произошло резкое увеличение доли лиц среднего и старшего возраста: категория 30–39 лет выросла с 12,8 до 29,70 % (в 2,3 раза), 40–49 лет – с аналогичного базового уровня до 19,11 %, а группа 50 лет и старше продемонстрировала наиболее драматичный рост – с 1,9 до 17,16 % (почти в 9 раз).

Указанная динамика свидетельствует о «взрослении» экстремистской преступности и смещении ее ядра из молодежной среды в возрастные когорты 30–49 лет, которые в 2024 г. суммарно составили 48,81 % от общего числа правонарушителей. При этом наблюдается устойчивая отрицательная корреляция между долей молодежи (18–24 года) и лицами старше 50 лет ($r \approx -0,95$), что указывает на структурное замещение одной возрастной группы другой.

Особого внимания заслуживает динамика несовершеннолетних: если в 2012–2017 годах доля 16–17-летних составляла 14,9%, в 2020 г. фиксировалось снижение до 5,87 %, в 2022 г. наблюдался новый всплеск до 7,51 %, сменившийся очередным снижением до 5,55 % в 2024 г. Коэффициент вариации

для данной группы (14,3 %) указывает на повышенную нестабильность, что может свидетельствовать о ситуативном характере вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность под влиянием внешних факторов. Группа 14–15 лет демонстрирует наименьшие значения (1,44 % в 2024 г.) при коэффициенте вариации 32,1 %, что подтверждает ее маргинальное положение в структуре экстремистской преступности.

Фиксируемые показатели предположительно, в большей мере, являются результатом попадания представителей молодежи под «трендовые» движения, являющиеся по своему содержанию экстремистскими, но в силу стечения ряда обстоятельство получающими популярность в подростковой и молодежной среде. Например, запрещение движения АУЕ решениями Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 г. и от 02 октября 2020 г. повлекло увеличение числа соответствующих преступлений. Так, если в 2021 г. по фактам выявления деятельности данного движения в России было возбуждено 30 уголовных дел, то в 2022 г. – уже 100 [6].

Корреляционный анализ выявил сильную положительную взаимосвязь ($r \approx +0,88$) между категориями 30–39 и 40–49 лет, указывая на синхронный рост лиц среднего возраста. Одновременно зафиксирована сильная отрицательная корреляция ($r \approx -0,91$) между группами 18–24 и 30–39 лет, подтверждая гипотезу о структурном замещении молодежной преступности деятельностью более организованных возрастных групп.

Анализ констатирует завершение трансформации возрастного профиля: от доминирования молодежи (18–29 лет) к преобладанию лиц зрелого возраста (30–49 лет), обладающих большим жизненным опытом, социальными связями и выполняющих организаторские функции в экстремистских структурах. Это согласуется с подходом, согласно которому предупреждение распространения экстремистской идеологии среди несовершеннолетних и молодежи во многом определяется результативностью выявления лиц, занимающих высшее положение в иерархии и организующих вовлечение молодежи, как в случае с движением АУЕ [9, с. 90–91].

В связи с этим выявленная тенденция требует пересмотра профилактических стратегий с акцентом на выявление и нейтрализацию именно возрастных групп 30–49 лет, которые в настоящее время формируют ядро экстремистской преступности. Возрастную характеристику в криминологическом портрете экстремиста следует рассматривать как многомерный показатель, требующий дифференцированного анализа с учетом типа совершаемых преступлений, роли в преступной деятельности и каналов радикализации. Молодежь остается приоритетной группой риска, что обусловливает необходимость концентрации профилактических усилий в образовательной среде и сфере государственной молодежной политики. Вместе с тем, системный подход к обеспечению антиэкстремистской безопасности предполагает охват всех возрастных категорий, включая преподавательский состав образовательных организаций и лиц среднего возраста, выполняющих организаторские и идеологические функции. Только

комплексная, дифференцированная профилактика, учитывающая возрастную специфику различных групп и направленная на нейтрализацию организаторов радикализации, способна обеспечить эффективность системы криминологического обеспечения антиэкстремистской безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдулганеев Р. Р. Религиозный экстремизм: криминологический и уголовно-правовой аспекты : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2013. 19 с.

2. Абдулганеев Р. Р., Миронов С. Н. Криминологический портрет личности современного экстремиста // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 9. С. 42–47.

3. Андреев Н. А. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступления экстремистской направленности в сети Интернет // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 1(59). С. 31–35.

4. Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. 56 с.

5. Гаврилов К. А. Личность экстремиста как объект криминологического исследования // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10, № 4. С. 323–332.

6. Епанчинцев Е. В России в 2022 году резко выросло число сторонников экстремистского движения АУЕ. URL: https://tass.ru /obschestvo/16747755 (дата обращения: 03.04.2026).

7. Закомолдин Р. В. Радикальные проявления среди молодежи, проходящей военную службу // Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (к 75-летию С. Ф. Милюкова) (СПб., 6 июня 2025 г.) / под общ. ред. С. У. Дикаева. СПб. АРТ, 2025. С. 28–31.

8. Меркурьев В. В. Деятельность органов прокуратуры по предупреждению преступлений экстремистской направленности в молодежной среде // Предупреждение и расследование преступлений экстремисткой направленности в молодежной среде : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21 марта 2019 г.) / под общ. ред. А. М. Багмета. М. : Моск. акад. Следственного комитета Рос. Федерации, 2019. С. 155–163.

9. Меркурьев В. В., Агапов П. В., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристики движения АУЕ как явления криминальной субкультуры и экстремистской организации // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 1(66). С. 85–92.

УДК 343

Сергеева Анжелика Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
Г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
anzh-sergeeva@yandex.ru

Питулько Ксения Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
Г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
lokhi@yandex.ru

К вопросу о целеполагании субъектов насильственных преступлений

Аннотация. *В статье рассматриваются современные проблемы установления целей, которыми руководствуются лица, совершающие насильственные преступления. На основе анализа действующего законодательства, материалов судебной практики и доктринальных воззрений авторами обосновано, что целеполагание субъектов насильственных преступлений зачастую имеет корыстную направленность. В отсутствие нормативной констатации этого факта становится невозможным адекватное противодействие насильственной преступности. С учетом этого предложен новый подход к уголовно-правовой оценке цели преступления как признака его субъективной стороны, позволяющие преодолеть стагнацию нормотворческой деятельности.*

Ключевые слова: *преступление, субъективная сторона преступления, цель, терроризм, насильственная преступность.*

Sergeeva Anzhelika Anatolievna
candidate of legal sciences, associate professor
Saint Petersburg' institute
of the All-Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation

Pitulko Kseniia Viktorovna
candidate of legal sciences, associate professor
Saint Petersburg' institute
of the All-Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation

On the issue of targeting of subjects of violent crimes

Annotation. *This article examines contemporary issues in establishing the goals that motivate individuals who commit violent crimes. Based on an analysis of current legislation, case law,*

© Сергеева А. А., Питулько К. В., 2026

and doctrinal views, the authors demonstrate that the goal-setting of violent offenders is often motivated by selfish motives. Without a normative recognition of this fact, adequately combating violent crime becomes impossible. Taking this into account, a new approach to the criminal law assessment of the purpose of a crime as an indicator of its subjective nature is proposed, which helps overcome the stagnation of lawmaking.

Keywords: *crime, subjective aspect of crime, purpose, terrorism, violent crime.*

В силу сложившихся в уголовно-правовой и криминологической доктрине воззрений цель признается факультативным признаком субъективной стороны преступления [3, с. 99–111]. Большинство исследователей признают цель преступления мысленной моделью того результата, на достижение которого направляются усилия преступника [1, с. 39–43; 5, с. 10–17]. Такой подход основан на логической интерпретации лексической единицы «цель», которая определяется лингвистами как «то, к чему стремятся, что надо осуществить» [6, с. 862].

В целом его разделяет и законодатель. Часть уголовно-правовых запретов оснащена упоминанием о целеполагании преступника, однако здесь можно видеть и правовую неопределенность, и недостаточную последовательность. Например, дефиниция «хищение» (примечание 1 к ст. 158 УК РФ) содержит указание на то, что завладение имуществом осуществляется с корыстной целью. Корыстная цель, очевидно, как и аналогичная мотивация, предполагает стремление к незаконному обогащению. В составе разбоя (ч. 1 ст. 162 УК РФ) последний определяется как нападение в целях хищения чужого имущества, что подразумевает интенсивное и опасное для жизни и здоровья насилие, использующееся как инструмент для последующего незаконного обогащения. При этом «хищение-действие» и «хищение-цель» невольно смешиваются между собой. Тем не менее, разбой как одно из корыстно-насильственных преступлений, бесспорно, совершается при осознании преступного способа удовлетворения потребностей и при желании получить наживу именно этим, а не иным путем.

Применительно к насильственным преступлениям цель как признак состава фигурирует достаточно часто. В составе убийства выделено несколько альтернативных, обладающих повышенной общественной опасностью целей. Во-первых, цель сокрытия другого преступления; во-вторых, цель облегчения его совершения; и, в-третьих, – цель использования органов или тканей потерпевшего. О наличии особой цели говорит и формулировка п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, где законодатель использовал конструкцию «в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением им общественного долга». В качестве нее, очевидно, необходимо рассматривать прекращение деятельности потерпевшего. В определенной части это целеполагание воспроизводится в составах преступлений против здоровья (пп. «а», «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 117, п. «б» ч. 2 ст. 119 УК РФ). Кроме того, аналогичный вывод можно сделать из содержания ст. ст. 277, 295, 317, 318, ч. 2 ст. 321 УК РФ.

Тем не менее, системное толкование норм Особенной части УК РФ дает основание для констатации того, что убийство может совершаться не только из корыстных побуждений (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), но и с корыстной целью

(при его сопряженности с разбоем, вымогательством или бандитизма либо в отсутствие таковой). Иное означало бы, что в условиях сопряженности только «основное» преступление направлено на незаконное обогащение, а лишение жизни является дополнительным действием, которое совершается для достижения иного результата (например, сокрытия своей причастности, избежания ответственности и т. п.). Однако судебная практика свидетельствует о том, что, вступая в сговор на совершение нападения, соучастники прогнозируют и убийство потерпевшего, а если субъект действует в одиночку, он также реализует умысел и на разбой, и на лишение жизни. Например, приговором Санкт-Петербургского городского суда по уголовному делу № 2-5/2022 установлено, что двое подсудимых договорились не возвращать потерпевшему долг, для чего совершить его убийство и сокрыть его труп; приговором по уголовному делу № 2-26/2021, – что подсудимый, находясь в парке, решил совершить нападение на случайного прохожего и его убийство; по уголовному делу № 2-3/2022 вердиктом присяжных установлено, что подсудимым была организована группа для осуществления похищения людей и вымогательства у них денежных средств, а при необходимости – и для лишения жизни. Из приведенных примеров следует, что корыстное целеполагание имманентно сопутствует всем эпизодам криминальной деятельности.

Соответственно, испытывая финансовые затруднения или желая удовлетворить материальные потребности незаконным путем, субъект изначально рассматривает вариант, при котором считает свою безопасность от последующего уголовного преследования более реалистичной и достижимой. Физическое устранение собственника имущества выглядит – с учетом преимущественно низких типичных интеллектуальных компонентов насильственного преступника – достаточно предсказуемым. Перспектива изобличения в причастности к преступлению, напротив, рассматривается как минимальная. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что при совершении подобного насильственного преступления у субъекта может существовать исключительно корыстная цель. Ее наличие формирует умысел, охватывающий как совершение посягательства, приносящего выгоду или доход, так и лишение жизни потерпевшего.

Насильственные преступления, не подразумевающие лишения жизни, могут совершаться и с другим набором целей, однако и здесь не следует исключать возможности того, что субъект действует на условиях выплаты материального вознаграждения. В ч. 2 ст. 111 УК РФ законодатель предусмотрел квалифицирующий признак «по найму», однако это непоследовательное решение. Во-первых, любое насилие может быть заранее оплаченным и детально оговоренным актом, оно не всегда имеет спонтанный характер. Во-вторых, исполнитель, привлеченный за вознаграждение, очевидно, действует без какой-либо иной мотивации и целевой установки. Для него эти действия являются частью криминальной сделки, имеющей возмездный характер. Непринятие этого во внимание обедняет представления о насильственной преступности, превращая ее в наиболее неквалифицированную деятельность лиц, обладающих повышенной агрессивностью и сниженной способностью к самоконтролю. При этом такое обесценивание несет в себе множество рисков. В том числе, среди них

можно назвать игнорирование профилактики или ее переориентирование только на маргинальную часть населения, что неминуемо приведет к появлению и стабильному увеличению латентных насильственных преступлений.

В составах насильственных преступлений террористической направленности характеристика целей получила следующую модификацию. В действующей редакции ч. 1 ст. 205 УК РФ названы такие цели, как воздействие на принятие решений органами власти и международными организациями, либо дестабилизация их деятельности. В ч. 1 ст. 206 УК РФ установлено, что захват заложника совершается для понуждения государства, организации или гражданина к совершению каких-либо действий или к воздержанию от их совершения. Однако в современный период этими целями не исчерпывается субъективная сторона содеянного. Пункт «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ устанавливает, что захват заложника может совершаться из корыстных побуждений, но наличие корыстной цели у преступника не предполагается. В ст. 205 УК РФ не названы никакие проявления корысти, вследствие чего террористический акт считается «идеологически мотивированным» преступлением. Ранее использовавшаяся в характеристике состав террористического акта цель устрашения населения соответствовала этому подходу, однако ее наличие никоим образом не позволяло ответить на вопрос о том, ради чего террористы формируют у жителей определенной территории чувство незащищенности, панику, тревогу за личную безопасность. Рассуждение о том, что исключительно ради утверждения собственной идеологии, представляется несколько фантастическим, поскольку стандарты современной социальной реальности и общества потребления не в полном объеме пересекаются с гиперактивным распространением какой-либо идеи.

Между тем, в современный период этот подход является архаичным и требующим определенного пересмотра. Некоторые авторы обращают внимание на то, что требования, выдвигаемые при захвате заложников, могут носить имущественный характер [4, с. 88–91]. Исполнители террористического акта, как показали трагические события в ТРЦ «Крокус» (Красногорск, Московская область, март 2024 г.), участвуют в нем не только на «идейной» основе, но и за крупное материальное вознаграждение. Об «экономике терроризма» и роли экономических факторов как его фундамента уже опубликованы достаточно интересные материалы [2, с. 49–57]. Опыт выявления лиц, подготавливавших или совершивших диверсии, свидетельствует о том, что исполнители этих преступлений действуют на основе перспективы получения материального вознаграждения (обещанного или реально уплаченного). О наличии корыстной мотивации у них наша позиция уже излагалась на страницах юридической печати [7, с. 229–234], и аналогичное целеполагание представляется реально существующим. Представляется, что нормативное закрепление корыстной цели в таком случае в качестве квалифицирующего признака, будет адекватно отражать характер и степень общественной опасности преступлений подобного вида.

Исходя из изложенного, можно предположить, что насильственные преступления могут совершаться в целях удовлетворения материальных потребностей, что повышает их общественную опасность, а также формирует представ-

ление в социуме о том, что материальное обогащение возможно любым способом.

Задачей уголовного закона является защита прав и законных интересов граждан и организаций. Для ее адекватного решения законодателю необходимо проводить его корректировки, отражая существующий характер общественных отношений. Исходя из этого, поскольку цель криминального насилия может иметь корыстную направленность, представляется необходимым охарактеризовать ее в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, а в перспективе – и в качестве квалифицирующих признаков отдельных преступлений.

Включение в ч. 1 ст. 63 УК РФ позиции «совершение преступления с корыстной целью» будет способствовать индивидуализации наказания и его ужесточению в тех случаях, когда состав инкриминируемого деяния не имеет такой характеристики. Установление в ч. 2 ст. 205, ч. 2 ст. 281 УК РФ квалифицирующего признака «с корыстной целью» сориентирует правоприменителя на более точное установление субъективных факторов, в силу которых лицо участвует в совершении этих преступлений.

Признавая существование политического терроризма и тенденции к установлению контроля над территориями и проживающим там населением (опыт запрещенных в РФ организаций и движений ИГИЛ, «Талибан», «Аль-Каида», а также Армии национального освобождения Колумбии и иных повстанческих группировок), общество неминуемо оказывается перед необходимостью понимания того, какие рычаги находятся в руках у организаторов террористической деятельности. И современное понимание заключается в том, что в депрессивных и политически нестабильных регионах подобная криминальная деятельность становится источником дохода, а не способом утверждения радикальных идей, основанных на отрицании ценности человеческой жизни и иных гуманитарных достижений цивилизации. Террористические атаки требуют достаточно серьезного бюджета, формирование которого осуществляется как противоправным путем (например, за счет доходов от наркобизнеса), так и условно легальным (эксплуатация природных ресурсов, взимание платы за охрану и обеспечение безопасности). Лидеры террористических организаций сегодня располагают капиталом, объем которого невозможно оценить объективно, однако этому обстоятельству не придается никакого значения. Между тем, превращение террористической деятельности в часть глобальной экономики обладает исключительно высокой общественной опасностью.

Разрушение экономической привлекательности террористической деятельности представляется крайне важной задачей, решение которой будет способствовать повышению защищенности общества от тех угроз, которые она несет. Признание насильственной преступности обладающей корыстным целеполаганием потенциально влечет за собой пересмотр традиционных подходов к оценке личности насильственного преступника. Оба обстоятельства обладают достаточной актуальностью, поскольку и террористическая, и общеуголовная насильственная преступность характеризуются в целом негативной динамикой, сохранение которой является неприемлемым.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архипцев И. Н., Коцюмбас М. С. Уголовно-правовое значение цели и мотива в составе преступления // Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина. 2022. № 2. С. 39–43.

2. Киреев М. П., Тагиров З. И. Терроризм и экономика // Сервис в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 49–57.

3. Косыгин В. Е. Мотивы и цели преступления и их поливариантное значение // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 4. С. 99–111.

4. Кривошеев С. В. Уголовно-правовая характеристика захвата заложников в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Общество. 2020. № 1. С. 88–91.

5. Ларина Л. Ю. Цель преступления: уголовно-правовое значение и соотношение с мотивом // Вестник Югорского государственного университета. 2024. Т. 20, вып. 3. С. 10–17.

6. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М. : Эксмо, 2007. 928 с.

7. Сергеева А. А., Питулько К. В. Структура мотивов преступления и их уголовно-правового содержания в механизме правового регулирования в постиндустриальном обществе. // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сб. тр. IV Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., Кострома, 24–25 апреля 2025 г. Кострома : Костромской государственный университет, 2025. С. 229–234.

УДК 343.2

Серенко Роман Сергеевич
преподаватель
Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
romanserenko@bk.ru

Нормативные ориентиры и оценочные критерии дискреционного освобождения от уголовной ответственности

Аннотация. *Статья предлагает целостную концепцию дискреционного освобождения от уголовной ответственности как особой подсистемы уголовно-правового регулирования, объединенной общими признаками: наличием оценочных элементов в основании, предоставлением правоприменителю права, а не обязанности, принять решение и опорой на позитивное посткриминальное поведение как фактор, снижающий общественную опасность личности. На нормативном материале статей Уголовного кодекса РФ проводится разграничение между материальным основанием и юридическими условиями, показывается их диалектическая связь как содержания и формы.*

Ключевые слова: *дискреционное освобождение, дискреционные основания, материальное основание, юридические условия, усмотрение, освобождение от ответственности.*

© Серенко Р. С., 2026

Serenko Roman Sergeevich
lecturer South-West State University
Kursk, Russian Federation

Normative guidelines and evaluation criteria for discretionary release from criminal liability

Annotation. *The article proposes a comprehensive concept of discretionary exemption from criminal liability as a specific subsystem of criminal law regulation, united by common characteristics: the presence of evaluative elements in the basis, the granting of the law enforcement officer the right, rather than the obligation, to make a decision, and reliance on positive post-criminal behavior as a factor reducing the social danger of an individual. Using the normative material of articles of the Criminal Code of the Russian Federation, a distinction is made between the substantive basis and the legal conditions, demonstrating their dialectical relationship as content and form.*

Keywords: *discretionary release, discretionary grounds, material basis, legal conditions, discretion, release from liability.*

Современное уголовное право располагает разветвленным комплексом механизмов, призванных обеспечивать дифференциацию и индивидуализацию мер уголовной ответственности. Однако юридическая природа одного из ключевых компонентов данной системы по-прежнему остается предметом научных споров. Речь идет о дискреционном освобождении от уголовной ответственности – не об отдельной норме, а о совокупности регулятивных предписаний, функционирующих в рамках более общего института освобождения от уголовной ответственности. Системообразующим признаком этой подсистемы является дискреционный характер, т. е. наличие у правоприменителя усмотрения при принятии решения [2]. Именно эта черта усложняет конструкцию соответствующих правовых механизмов и продолжает вызывать устойчивую полемику как в доктринальном дискурсе, так и на уровне правоприменительной практики.

Следует подчеркнуть, что понятие «дискреция» в праве имеет широкое содержательное наполнение и варьируется в зависимости от отраслевого контекста. Так, в сфере бюджетно-налоговых правоотношений дискреция понимается как целенаправленное, нормативно закрепленное воздействие на соответствующие процессы [11, с. 104]. В административно-правовой плоскости дискреция трактуется как предоставленная публичному органу возможность принятия управленческого решения по собственному усмотрению [5]. Применительно к уголовно-правовой сфере дискреция, по обоснованному утверждению Г. Н. Кучерова, представляет собой совокупность условий, позволяющую правоприменителю, с учетом фактических обстоятельств конкретного уголовного дела, принять соответствующее решение [6]. В то же время ряд авторов придерживается дословного перевода изначально латинского термина «discretio – действующий по своему усмотрению», и отождествляет дискреционные полномочия судей с судейским усмотрением [9].

Оставляя дискуссионные нюансы за рамками, можно констатировать, что дискреционность означает предоставление субъекту права и свободы самостоятельного принятия решения. Следовательно, дискреционные основания осво-

бождения от уголовной ответственности – это особая группа юридических оснований, в рамках которых решение об освобождении принимается по усмотрению компетентного правоприменителя, наделенного соответствующими полномочиями.

Как известно, общие основания освобождения от уголовной ответственности регламентированы в статьях главы 11 Уголовного кодекса РФ, включающей как императивные, так и дискреционные основания. К перечню дискреционных оснований среди них относятся положения, сформулированные как управомочивающие правоприменителя на принятие решения по собственному усмотрению.

Таким образом, общими дискреционными основаниями освобождения от уголовной ответственности относятся:

1. Деятельное раскаяние. В соответствии со ст. 75 УК РФ освобождение от уголовной ответственности обусловлено не столько наличием перечисленных в статье действий, сколько формированием вывода о том, что вследствие активного раскаяния лицо утратило общественную опасность. Именно оценочный характер данного признака придает соответствующему основанию дискреционную природу. При этом правоприменитель должен не ограничиваться фиксацией факта явки с повинной или оказания содействия расследованию, но и проанализировать, в какой мере эти действия подтверждают реальную утрату общественной опасности конкретной личности.

2. Примирение с потерпевшим. По своей логике механизм, закрепленный в ст. 76 УК РФ, аналогичен освобождению в связи с деятельным раскаянием. Несмотря на то, что формальные предпосылки, к числу которых в соответствии с требованиями статьи относятся примирение с потерпевшим и заглаживание причиненного вреда представляются более объективными по сравнению с оценочной категорией «утрата общественной опасности», дискреционный элемент здесь также сохраняется. Обусловлено это тем, что компенсация ущерба и примирение не могут автоматически трактоваться как «антипреступление», полностью нивелирующее социальную опасность совершенного деяния [4].

3. Назначение судебного штрафа. Освобождение от уголовной ответственности по основанию, предусмотренному ст. 76.2 УК РФ, служит наглядной иллюстрацией дискреционного формата отказа от уголовного преследования. По своему содержанию этот институт фактически выступает особым видом уголовно-правового принуждения, ориентированного на восстановление нарушенных публичных интересов без задействования всего массива санкций [7]. При его применении компетентные органы оценивают достаточность доказательственной базы и целесообразность использования механизма, тогда как суд проверяет добровольность и осознанность согласия лица, а также соразмерность назначаемого штрафа его имущественному положению. Законодательная конструкция прямо наделяет суд правом освободить от ответственности при условии предварительного заглаживания вреда, возлагая одновременно денежное взыскание. Дискреционный элемент проявляется в двух аспектах: во-первых, в оценке полноты восстановления причиненного вреда и характеристик личности виновного как оснований для отказа от карательного воздействия; во-

вторых, в определении величины штрафа в пределах разумности и соразмерности.

Помимо сказанного, особого внимания заслуживает часть 4 статьи 78 УК РФ, регламентирующая применение сроков давности к лицам, совершившим преступления, наказуемые смертной казнью или пожизненным лишением свободы. Как неоднократно отмечается в научной литературе в данном случае законодатель отступает от императивного характера давностных сроков и передает решение вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности на усмотрение суда. Выделенное исключение из общего правила части 1 статьи 78 УК РФ представляет собой самостоятельную форму дискреции, где условием выступает не только истечение пятнадцатилетнего срока, но и внутреннее убеждение суда о нецелесообразности применения исключительных мер наказания. Такая конструкция, по мнению автора, направлена на обеспечение справедливости в случаях, когда формальное истечение срока давности вступает в противоречие с тяжестью содеянного, однако она же порождает риск субъективизма и требует выработки единообразных критериев оценки [3].

Помимо прямо очерченных, конкретизированных дискреционных оснований освобождения от уголовной ответственности, закон допускает и менее определенные конструкции, в которых возникает «внешнее» условие освобождения, формируемое за пределами собственно уголовно-правового регулирования. В качестве примера здесь выступает статья 78.1 УК РФ, введенная Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ, в соответствии с которой лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы. Тем самым освобождение здесь ставится в зависимость от наступления иного юридического факта – факта награждения.

Ключевой особенностью указанного основания является его опосредованная дискреционная природа. Так, решение о присуждении государственной награды принимается уполномоченным субъектом публичной власти в порядке усмотрения: оно основывается на оценке заслуг и значимости соответствующих деяний, и потому не может быть «заранее гарантировано» путем простого выполнения некоего фиксированного набора действий. Указанное положение дел придает рассматриваемому основанию двухуровневую дискреционность: во-первых, на стадии учреждения самого юридического факта, в качестве которого выступает награждение, действуют оценочные критерии и усмотрение компетентного органа; во-вторых, правоприменителю в уголовном процессе необходимо оценить релевантность и достаточность этого факта для прекращения уголовной ответственности.

Таким образом, несмотря на то, что указанная норма формально выступает самостоятельным основанием, по своей правовой природе она представляет собой разновидность деятельного раскаяния, но со специфическими предпосылками, в качестве которых выступают призыв на военную службу в период мобилизации или военного времени, заключение контракта, а также прохождение службы в обозначенные периоды [1].

Важно также указать, что в качестве ключевого аспекта важного для понимания сущности дискреционного освобождения от уголовной ответственности выступает разграничение понятий «материальное основание» и «юридические условия».

Так, в доктрине уголовного права под основанием освобождения понимают такой социальный либо юридический фактор, который делает применение уголовной ответственности либо нецелесообразным, либо невозможным. Исходя из анализа норм УК РФ, регламентирующих порядок дискреционного освобождения от уголовной ответственности, показывает, что их материальное ядро связано с состоянием личности: либо с утратой ею общественной опасности, либо с существенным ее снижением. В трудах по анализируемой проблематике констатация утраты общественной опасности рассматривается в качестве носящей оценочный характер и формируемой правоприменителем на базе всестороннего анализа совокупности обстоятельств дела и характеристик виновного [8]. Именно эта оценочность обусловливает дискреционную природу соответствующих норм, что выражается в конструкциях типа «может быть освобождено».

Иными словами, материальное основание отвечает на вопрос «почему?» – почему государство считает допустимым отказаться от реализации уголовного преследования. В отличие от императивных предписаний, когда наличие предусмотренных законом условий возлагает на суд обязанность прекратить уголовное дело, в дискреционных моделях суд либо следователь, оценив глубину и искренность раскаяния, а также иные значимые обстоятельства, делает вывод о возможности достижения целей уголовной ответственности без прибегания к мерам государственного принуждения.

Условия освобождения от уголовной ответственности, в свою очередь, представляют собой четко сформулированные и нормативно закрепленные требования, которым должны соответствовать как само деяние, так и лицо, его совершившее. Эти требования функционируют в качестве юридических ориентиров, позволяющих определить наличие материального основания для отказа от уголовной ответственности. Отсутствие же соблюдения предусмотренных законом условий при наличии одного лишь внутреннего, пусть даже искреннего, раскаяния не может служить основанием для прекращения уголовного дела ни на досудебной стадии, ни в суде [10]. К числу наиболее значимых универсальных условий, проанализированных в научной литературе, относится совершение преступления впервые, совершение преступления небольшой или средней тяжести, позитивное посткриминальное поведение.

Резюмируя все вышеизложенное, следует констатировать, что в современных условиях дискреционное освобождение от уголовной ответственности представляет собой комплекс уголовно-правовых предписаний, объединенных не столько единообразием формальных условий, сколько специфической логикой применения права. При этом в качестве непосредственных системообразующих характеристик дискреционного освобождения выступают: наличие оценочных элементов в описании основания либо необходимость оценивания достаточности соблюденных формальных предпосылок; предоставление упол-

номоченному субъекту права, а не обязанности, принять решение об освобождении; восприятие позитивного посткриминального поведения как субъективного фактора ограничения общественной опасности, который лишь условно признается ее эквивалентом и потому подлежит обязательной государственной оценке.

Система условий применения дискреционного освобождения от уголовной ответственности в свою очередь представляет собой комплексную, многоуровневую нормативную конструкцию, включающую как общие предпосылки, так и специальные критерии, адресованные конкретным составам преступлений и обусловленные их специфическими характеристиками. При этом материальное основание и юридические условия дискреционного освобождения от уголовной ответственности находятся в неразрывной диалектической связи, соотносясь как содержание и форма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов А. Г. Новое основание освобождения от уголовной ответственности как разновидность деятельного раскаяния // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4(57). С. 15–21.

2. Афанасьев А. Ю. Диспозитивность, дискреционность и усмотрение в уголовном процессе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 8–2. С. 42–44.

3. Бунин О. Ю. О справедливости оснований и условий освобождения от уголовной ответственности и наказания // Евразийская адвокатура. 2024. № 5(70). С. 63–68.

4. Вдовцев П. В. Освобождение от уголовной ответственности (прекращение уголовного дела): право или обязанность правоприменителя? // Мировой судья. 2024. № 6. С. 27–32.

5. Зайцев Д. И. Дискреционный нигилизм: на подступах к проблеме // Сибирское юридическое обозрение. 2025. № 4. С. 542–554.

6. Кучеров Г. Н. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по дискреционным основаниям : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 31 с.

7. Новикова Ю. Г., Высоцкая С. А. Диспозитивные начала освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Аллея науки. 2023. Т. 1, № 9(84). С. 11–17.

8. Овсянников И. В. Правовой институт судебного штрафа: недостатки и пути совершенствования // Российская юстиция. 2023. № 6. С. 76–80.

9. Пономарев Н. С. Дискреционные полномочия судей в уголовном процессе: критический анализ // Уголовное судопроизводство. 2023. № 4. С. 40–45.

10. Фризен П. Д., Суверов С. Е. Подходы к пониманию условий освобождения от уголовной ответственности (на основе анализа судебно-следственной практики применения статей 76 и 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 1(41). С. 157–163.

11. Хоменко Е. Б. Актуальные вопросы экономики: современные вызовы на национальном, региональном и отраслевом уровнях : учеб.-метод. пособие. Ижевск : Удмуртский ун-т, 2023. 166 с.

УДК 343.8

Тришкина Виктория Станиславовна
аспирант, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
Viktoriyatr@yandex.ru

Уголовная политика в сфере противодействия насильственным преступлениям, совершаемым осужденными по мотивам утверждения и самоутверждения

Аннотация: *в статье рассматривается уголовная политика в сфере противодействия насильственным преступлениям, совершаемым осужденными по мотивам утверждения и самоутверждения. На основании анализа действующего уголовного закона и доктрины, констатируется, что уголовная политика нуждается в совершенствовании посредством разработки концептуальных основ уголовно-правового противодействия указанным преступлениям.*

Ключевые слова: *утверждение, самоутверждение, мотив преступления, субъективная сторона, насилие, осужденные, противодействие, уголовная политика.*

Trishkina Victoria Stanislavovna
postgraduate student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Criminal policy in the field of countering violent crimes committed by convicts motivated by self-assertion and self-promotion

Annotation. *The article examines the criminal policy in the field of countering violent crimes committed by convicts for the purpose of self-assertion. Based on an analysis of the current criminal law and doctrine, it is stated that the criminal policy needs to be improved by developing conceptual foundations for criminal law counteraction to these crimes.*

Keywords: *affirmation, self-affirmation, motive of crime, subjective aspect, violence, convicts, opposition, criminal policy.*

Мотив преступления представляет собой эмоциональную, психологическую и материальную потребность, которая побуждает к совершению преступления и удовлетворяется в процессе его совершения. Развитие личности невозможно без утверждения и самоутверждения, базовых потребностей любого человека. Стремление к утверждению и самоутверждению может быть, как позитивным стимулирующим механизмом поведения (удовлетворение утверждения

© Тришкина В. С., 2026

и самоутверждения может сказаться на улучшении благополучии конкретного человека как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе), так и негативным, порождающим совершение преступлений. Особенно данное стремление свойственно осужденным. Осужденные, стремясь достичь «высокого положения», повысить самоуважение, уровень собственного достоинства, статус, совершают насильственные преступления, в связи с чем важное значение имеет уголовная политика.

Действующее уголовное законодательство не содержит дефиницию уголовной политики. Вопросы уголовной политики рассматривали многие ученые. Сторонники одного из подходов указывают, что уголовная политика представляет собой политику государства в сфере противодействия преступности [4, с. 15–16], включающая меры пресечения и меры предупреждения преступности [3, с. 266]. Другого – уголовная политика –политика государства в сфере борьбы с преступностью [2, с. 13]. Разнятся подходы определения объема ее содержания. Но большинство ученых сходятся во мнении, что дефиниция уголовной политики включает меры уголовно-правового характера.

Меры уголовно-правового характера образуют самостоятельное направление противодействия преступности посредством определения уголовной ответственности за совершение конкретных деяний и привлечение виновных к ней (общая и частная превенция). Тем самым осуществляется удержание лица от совершения преступлений и продолжения преступной деятельности. Однако действующий российский уголовный закон не оперирует ни мотивом утверждения, ни мотивом самоутверждения. В доктрине и практике эти мотивы часто связываются с хулиганскими побуждениями, которые являются криминообразующими признаками для отдельных составов преступлений (например, п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ; п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ; п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ). Ю. М. Антонян указывает, что одним из способов утверждения (самоутверждения) человека является хулиганство [1, с. 94]. И. Я. Козаченко – цель хулиганства – это утверждение (самоутверждение) человека [6, с. 547–548].

В основе отнесения хулиганских побуждений к квалифицирующим признакам и обстоятельствам, отягчающим уголовное наказания, заложена степень общественной опасности, представляющая собой уровень готовности лица к совершению нового деяния, запрещенного уголовным законом, который базируется на характере причиненного вреда объекту преступления и получении лицом полного и неполного удовлетворения от совершенного деяния [5, с. 545]. Преступления, совершаемые по рассматриваемым мотивам, распространены, поскольку мотивы утверждения и самоутверждения характерны для различных объектов уголовно-правовой охраны. Виновные, удовлетворяя потребность в утверждении, самоутверждении, не ограничиваются совершением одного общественно опасного посягательства, в связи с чем указанные мотивы должны учитываться при назначении наказания.

Будет способствовать достижению задач уголовного закона установление уголовной ответственности за совершение насильственных преступлений осужденными по указанным мотивам. Не всегда изучаемые мотивы общественного опасного посягательства относят и к иной личной заинтересованности, что яв-

ляется ошибкой. Виновные не привлекаются к уголовной ответственности, общественная опасность их личности не снижается и не исключается, поскольку лицо может продолжать совершать преступные деяния.

Таким образом, уголовная политика в сфере противодействия насильственным преступлениям, совершаемым осужденными по мотивам утверждения и самоутверждения, нуждается в совершенствовании посредством разработки концептуальных основ уголовно-правового противодействия этим преступлениям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю. М. Хулиганство как мотив преступного поведения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4(40). С. 94–101.

2. Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть : учебник. Краснодар : Кубанский гос. аграр. ун-т, 1999. 444 с.

3. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия, уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 337 с.

4. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин и др. ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М. : Наука, 1982. 303 с.

5. Разгильдиев Б. Т. Фундаментальные аспекты уголовного наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3. С. 542–550.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под ред. Л. Л. Кругликова, Э. С. Тенчова. Ярославль : Влад, ОрМак лтд, 1994. 671 с.

УДК 343.34; 343.22

Харичева Татьяна Михайловна
аспирант, Московский университет «Синергия»
г. Москва, Российская Федерация
t.haricheva@plesadm.ru

Некоторые аспекты уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних, вовлекаемых в преступления террористической направленности

Аннотация. *В статье анализируются нормы об ответственности несовершеннолетних за преступления террористической направленности. Рассматриваются вопросы снижения возраста уголовной ответственности, усиления санкций за вовлечение подростков в совершение преступлений террористической направленности, а также соотношение данных норм с законодательством иных государств-участников Содружества Независимых Государств. Формулируются предложения по совершенствованию уголовной политики.*

© Харичева Т. М., 2026

Ключевые слова: *несовершеннолетние, преступления террористической направленности, уголовная ответственность, вовлечение в террористическую деятельность.*

Kharicheva Tatiana Mikhailovna
postgraduate student, Moscow University "Synergy"
Moscow, Russian Federation

On the prospects for improving criminal policy regarding minors involved in crimes of a terrorist nature

Annotation. *The article analyzes the norms on the responsibility of minors for terrorist crimes. The issues of lowering the age of criminal responsibility, strengthening sanctions for involving teenagers in terrorist crimes, as well as the relationship of these norms with the legislation of other states of the Commonwealth of Independent States are considered. Proposals for improving criminal policy are being formulated.*

Keywords: *minors, crimes of a terrorist nature, criminal liability, involvement in terrorist activities.*

Актуальность настоящего исследования обусловлена устойчивой динамикой количественных и качественных показателей преступности несовершеннолетних, сопряженной с террористической активностью.

Феномен вовлечения лиц, не достигших восемнадцати лет, в совершение деяний террористической направленности приобретает характер системной угрозы для государств постсоветского пространства. Разработка перспективных направлений уголовной политики требует переосмысления традиционных подходов к установлению пределов ответственности и разработке мер превентивного характера.

Существующие законодательные конструкции, сформированные в конце XX столетия, не в полной мере учитывают современные способы радикализации подростков, реализуемые преимущественно в цифровой среде [2, с. 158], а также специфику их участия в деятельности террористических организаций. В науке постоянно поднимается вопрос о возрасте, с которого должна наступать ответственность за преступления террористической направленности [6, с. 67].

В законодательстве Республики Казахстан (далее – РК) прослеживается тенденция к усилению охранительной функции уголовного закона посредством дифференциации ответственности соучастников. Перспективным направлением развития казахстанской уголовной политики следует признать закрепленный на нормативном уровне подход, согласно которому лицо, вовлекшее несовершеннолетнего в совершение преступлений террористической направленности, подлежит ответственности по квалифицированному составу с более строгой санкцией. Статья 259 УК РК устанавливает наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет за вербовку или подготовку несовершеннолетнего в целях террористической деятельности. В УПК РК, определено право несовершеннолетнего на заключения досудебного соглашения о сотрудничест-

ве (п. 2 ч. 1 ст. 612 УПК РК) и отдельные авторы предлагают закрепить такую норму в российском законодательстве [5, с. 282].

УК Республики Узбекистан (далее – РУ) содержит ряд норм, имеющих существенное значение для противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступления террористической направленности [4, с. 44]. Статья 244-1 УК РУ устанавливает ответственность за изготовление, хранение и распространение материалов, угрожающих общественной безопасности, что создает правовую основу для блокирования вербовочного контента. Перспективы узбекской уголовной политики связаны с необходимостью имплементации положений, учитывающих специфику воздействия на несовершеннолетних посредством информационно-телекоммуникационных сетей.

Белорусский законодатель реализует комплексный подход, сочетающий элементы гуманизации с расширением оснований уголовной ответственности. Принятые в январе 2025 г. изменения в УК Республики Беларусь предусматривают запрет на назначение лишения свободы несовершеннолетним, впервые совершившим преступление, не сопряженное с посягательством на жизнь и здоровье или экстремистской деятельностью. Одновременно перечень преступлений, влекущих ответственность по национальному законодательству вне зависимости от места совершения, дополнен составами преступлений террористической направленности.

Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Российской Федерации и отдельных зарубежных государств-участников СНГ позволяет выявить как общие черты, так и перспективные направления взаимного обогащения правовых систем. Российская уголовная политика в отношении несовершеннолетних, совершающих преступления террористической направленности, традиционно ориентирована на установление пониженного возраста ответственности за тяжкие и особо тяжкие деяния. Вместе с тем, казахстанский опыт дифференциации ответственности взрослых соучастников и белорусские механизмы экстерриториального преследования могут быть восприняты при совершенствовании российского уголовного законодательства. Узбекская модель противодействия распространению материалов террористического содержания представляют интерес с точки зрения расширения превентивного потенциала.

В российском уголовном законодательстве система противодействия преступлениям террористической направленности, совершаемым несовершеннолетними либо при их вовлечении, претерпела существенные изменения в ноябре 2025 г.

Анализ современных тенденций позволяет говорить о формировании качественно нового подхода к регламентации ответственности указанной категории лиц, обусловленного как количественными показателями подростковой преступности террористической направленности, так и изменением способов вовлечения молодежи в деструктивную деятельность.

Криминологическая характеристика рассматриваемых явлений свидетельствует о доминировании дистанционных способов [3, с. 17–22] вовлечения подростков в террористическую активность. Вербовочная деятельность реализуется преимущественно через мессенджеры, где несовершеннолетним предла-

гается материальное вознаграждение за совершение преступлений террористической направленности. Следственными органами фиксируются многочисленные эпизоды, когда исполнителями выступают лица пятнадцати-шестнадцати лет, получающие задания в ходе переписки и не получающие обещанных выплат. Объектами посягательств избираются железнодорожные полотна, узлы связи, объекты военной инфраструктуры, что позволяет говорить о трансформации предмета преступного посягательства и появлении новых форм террористической активности, доступных для реализации несовершеннолетними в силу отсутствия необходимости применения сложных технических навыков.

Существенной трансформации подверглись институты освобождения от ответственности и наказания применительно к несовершеннолетним, совершившим преступления террористической направленности. Законодателем отменены сроки давности привлечения к уголовной ответственности и сроки давности исполнения обвинительного приговора за преступления диверсионного характера. Указанное положение распространяется и на лиц, совершивших деяние в несовершеннолетнем возрасте, что исключает возможность освобождения их от ответственности по истечении установленных уголовным законом сроков. Кроме того, введен запрет на назначение наказания ниже низшего предела, предусмотренного санкцией соответствующей статьи, а также исключена возможность применения условного осуждения к лицам, осужденным за участие в диверсионных сообществах.

Проведенный сравнительно-правовой анализ показывает, что общим для уголовно-правовой политики всех рассмотренных государств является усиление ответственности за вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность.

Вместе с тем российская модель характеризуется наиболее радикальным отказом от традиционных гарантий, предоставляемых несовершеннолетним в уголовном судопроизводстве. Отмена сроков давности, запрет условного осуждения и условно-досрочного освобождения, распространение на несовершеннолетних общих правил назначения наказания без учета особенностей, предусмотренных главой 14 УК РФ, свидетельствуют о приоритете охранительной функции уголовного закона над принципами гуманизма в отношении лиц, не достигших совершеннолетия.

Примечательной особенностью российской правоприменительной практики выступает квалификация действий несовершеннолетних по поджогам объектов транспортной инфраструктуры именно как террористического акта, а не как умышленного уничтожения или повреждения имущества. Такая квалификация обосновывается наличием цели дестабилизации деятельности органов власти, либо воздействия на принятие ими решений, что устанавливается через содержание переписки с вербовщиками и осознание несовершеннолетним общественной опасности совершаемых действий.

Перспективы совершенствования российской уголовной политики в рассматриваемой сфере связаны с необходимостью разрешения ряда противоречий. Первое противоречие обусловлено столкновением принципа индивидуализации ответственности с расширением пределов объективного вменения в части

ответственности организаторов за все преступления, совершенные созданными структурами. Второе противоречие выражается в распространении на несовершеннолетних запретов, традиционно применявшихся исключительно к взрослым осужденным, без учета психофизиологических особенностей лиц данной возрастной категории. Третье противоречие касается отсутствия в законе специальных норм, учитывающих специфику вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность через информационно-телекоммуникационные сети, несмотря на то, что эмпирические данные свидетельствуют о доминировании именно этого способа вербовки [1, с. 15].

В качестве перспективного направления научной разработки представляется обоснованным предложить внедрение в уголовный закон специального квалифицирующего признака, указывающего на совершение вовлечения несовершеннолетнего в преступления террористической направленности с использованием информационных технологий. Данный признак позволил бы дифференцировать ответственность в зависимости от способа совершения преступления и учитывать повышенную общественную опасность дистанционной вербовки, исключающей возможность непосредственного контакта и облегчающей преодоление внутренних барьеров у подростков.

Кроме того, требует теоретического осмысления вопрос о введении специализированных принудительных мер воспитательного воздействия, сочетающих ограничения на пользование информационными ресурсами с обязательной психологической реабилитацией, что могло бы составить альтернативу реальному лишению свободы в случаях, когда несовершеннолетний не осознавал в полной мере террористический характер совершаемых действий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонова Е. Ю. Вовлечение в террористическую, экстремистскую и диверсионную деятельность с использованием цифровых технологий: уголовно-политический аспект // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. III Междунар. науч.-практ. конф. : в 6 т., Казань, 20 сентября 2024 г. Казань : Познание, 2024. С. 14–24.

2. Антонова Е. Ю. Уголовно-правовые аспекты противодействия экстремистским преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий в государствах-участниках СНГ // Преступность. Общество. Безопасность : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., в рамках Междунар. форума «Преступность. Общество. Безопасность», Москва, 30–31 октября 2025 г. М. : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2025. С. 157–163.

3. Антонова Е. Ю. Интернет-пространство как площадка для распространения идеологии терроризма // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: научные основы противодействия (Долговские чтения) : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 24–25 марта 2022 г. / Университет прокуратуры Российской Федерации. М. : Б. и., 2022. С. 17–22.

4. Варламов Н. Зарубежный опыт противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступления террористической направленности. // News of Science and Education. 2019. Т. 1, № 2. С. 42–45.

5. Гатауллин З. Ш. Уголовное преследование несовершеннолетних по делам о преступлениях террористической направленности // Современный ученый. 2021. № 4. С. 278–282.

6. Ларина Л. Ю., Пантюхина И. В. О снижении возраста ответственности несовершеннолетних за преступления террористической направленности // Законодательство. 2017. № 4. С. 66–72.

УДК 343.32

Черепанов Роман Владимирович
адъюнкт адъюнктуры и докторантуры
научно-исследовательского центра
Военная ордена Жукова академия
войск национальной гвардии России
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
R.V.Cherepanov@yandex.ru

Перспективы совершенствования уголовно-правовых мер противодействия преступлениям против внешней безопасности Российской Федерации

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правовой охраны внешней безопасности России в условиях трансформации современных угроз. Анализируются составы преступлений, предусмотренные ст. 275-276.1 УК РФ, выявляются пробелы в законодательной регламентации и сложности квалификации новых форм предательской деятельности. На основе анализа правоприменительной практики и современных вызовов формулируются конкретные направления совершенствования уголовной политики, включая уточнение понятийного аппарата, адаптацию норм к цифровой среде и оптимизацию поощрительных мер.*

Ключевые слова: *внешняя безопасность, совершенствование уголовного законодательства, противодействие.*

Cherepanov Roman Vladimirovich
postgraduate and doctoral student
at a research center, military Zhukov's order Academy
of the National Guard Troops of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation

Prospects for improving criminal law measures to counter crimes against the external security of the Russian Federation

Annotation. *The article discusses the current problems of criminal law protection of Russia's external security in the context of the transformation of modern threats. The authors analyze*

© Черепанов Р. В., 2026

the types of crimes provided for in Articles 275-276.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, identify gaps in legislative regulation and the complexity of qualifying new forms of treasonous activity. Based on the analysis of law enforcement practice and modern challenges, specific directions for improving criminal policy are formulated, including clarifying the conceptual framework, adapting norms to the digital environment and optimizing incentive measures.

Keywords: *external security, improvement of criminal legislation, counteraction.*

Современная геополитическая реальность характеризуется эскалацией гибридных конфликтов и беспрецедентным санкционным давлением, в связи с чем обеспечение внешней безопасности государства становится приоритетной задачей [9, с. 281–282]. Деятельность иностранных спецслужб, а также международных и иностранных организаций приобретает новые формы, смещаясь из области классической агентурной разведки в цифровое пространство и сферу «тихого» влияния. В этих условиях уголовный закон, будучи основным инструментом противодействия наиболее опасным посягательствам на внешнюю безопасность государства, должен соответствовать изменяющейся тактике противника [5, с. 51–55].

Однако анализ действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда проблем, существенно снижающих эффективность превентивных мер. Субъективная оценка правоприменителем диспозиций уголовно-правовых норм, сложность доказывания субъективной стороны в рамках так называемого «конфиденциального сотрудничества» (ст. 275.1 УК РФ), а также несоответствие правовых норм современным методам кибершпионажа требуют научного осмысления и выработки конкретных предложений по совершенствованию уголовной политики.

Целью настоящего исследования является выявление пробелов и противоречий действующих уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за посягательства на внешнюю безопасность Российской Федерации [6, с. 174–175], и выработка на этой основе перспективных направлений совершенствования законодательства.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, внешняя безопасность представляет собой состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз. В системе Особенной части Уголовного кодекса РФ данные ценности охраняются нормами главы 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Не останавливаясь детально на существующих классификациях, отметим, что отдельные авторы дифференцируют составы данной главы на преступления, посягающие на внешнюю безопасность, и преступления, направленные против внутренней безопасности государства [4, с. 25].

К числу преступлений, непосредственно посягающих на внешнюю безопасность, законодатель относит государственную измену (ст. 275 УК РФ), конфиденциальное сотрудничество с иностранными государствами (ст. 275.1 УК РФ), шпионаж (ст. 276 УК РФ), оказание помощи противнику (ст. 276.1 УК РФ), а также призывы к введению ограничительных мер (ст. 284.2 УК РФ) и содействие в исполнении решений недружественных международных организаций (ст. 284.3 УК РФ).

Вместе с тем наличие разветвленной системы составов не исключает серьезных проблем в правоприменительной практике, которые наглядно проявляются уже при квалификации тех или иных составов рассматриваемой категории преступлений [7, с. 246–247].

В частности, отсутствие в законе легальной дефиниции государственной измены (ст. 275 УК РФ) и закрытый перечень форм ее проявления существенно снижают адаптивность данной правовой нормы при появлении новых способов совершения преступления. Особый научный и практический интерес вызывает такая форма деяния, как «иное оказание помощи». Будучи резервной, данная конструкция призвана охватывать любые виды содействия иностранному противнику, не подпадающие под признаки шпионажа или выдачи государственной тайны. К ним могут относиться конфиденциальное сотрудничество, финансирование враждебной деятельности, а также передача сведений, формально не составляющих государственную тайну, но способных нанести ущерб безопасности России. Вследствие своей универсальности рассматриваемая норма вступает в прямую конкуренцию со специальным составом, предусмотренным ст. 275.1 УК РФ.

Прямая конкуренция ст. 275.1 и ст. 275 УК РФ по признакам объективной стороны – лишь один из аспектов несовершенства законодательной регламентации. Требуют расширительного толкования способы конфиденциального сотрудничества с иностранными представителями. Законодатель прямо не раскрывает такие способы, что, как представляется, создает предпосылки для расширительного толкования в правоприменительной практике. Примером тому служит возбуждение уголовного дела в отношении программиста из Тюменской области, который «предложил свои услуги в сфере программирования». Как полагает И. М. Середа, следственные органы в своей расширительной трактовке ст. 275.1 УК РФ могут дойти до привлечения к уголовной ответственности «за заключение договоров через «третьи лица» на поставку товаров, которые могут использоваться при производстве оружия, а также за иные действия» [8, с. 86]. Подобная практика представляется недопустимой, поскольку приведет к размыванию принципа правовой определенности.

Аналогичные сложности правоприменения присущи и статье 276 УК РФ, устанавливающей ответственность за шпионаж. В современных условиях особую значимость приобретает проблема кибершпионажа, где традиционные подходы к доказыванию передачи сведений и установлению субъективной стороны сталкиваются с существенными трудностями, обусловленными использованием средств криптографии, анонимайзеров, а также трансграничным характером передачи данных. Дополнительным фактором, затрудняющим научный анализ правоприменительной практики по данной категории дел, выступает их закрытый характер, обусловленный наличием в материалах сведений, составляющих государственную тайну, что существенно ограничивает эмпирическую базу для доктринальных обобщений.

Логическим продолжением законодательной регламентации ответственности за посягательства на внешнюю безопасность стала статья 276.1 УК РФ. Данная норма, будучи относительно новой, также порождает ряд вопросов как

в доктрине, так и в правоприменительной практике. Аналогично ранее рассмотренным составам, неопределенность диспозиции статьи, выраженная в использовании оценочных понятий («иная помощь», «деятельность против безопасности государства»), при отсутствии официальных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ создает риск расширительного толкования нормы правоприменителем, что может повлечь необоснованное привлечение лиц к уголовной ответственности. Кроме того, термин «противник» определен в законе лишь применительно к субъектам международного права, находящимся с Россией в состоянии вооруженного конфликта, что не охватывает всего многообразия форм гибридного противоборства, столь характерного для современной геополитической обстановки.

Кроме того, законодательная конструкция, формально допускающая привлечение лиц с 16 лет к ответственности в качестве специального субъекта, внутренне противоречива. Специальный субъект требует наличия социального статуса и полной гражданской дееспособности (ст. 21 ГК РФ), которые объективно недостижимы до 18 лет. Это исключает возможность осознанного участия несовершеннолетнего в правоотношениях, требующих повышенной субъективной зрелости (например, при конфиденциальном сотрудничестве). Выявленный пробел нарушает принцип справедливости, в связи с чем обоснованно установление единого возрастного ценза в 18 лет для всех специальных субъектов преступления [1, с. 12].

Указанные недостатки обусловливают необходимость поиска путей оптимизации поощрительных норм, в частности посредством конкретизации оценочных признаков в постановлении Пленума Верховного Суда РФ либо путем внесения изменений в действующую редакцию примечания.

Примечание к ст. 275 УК РФ предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности, если лицо добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам РФ и в его действиях не содержится иного состава преступления. Анализ практики применения данной нормы свидетельствует о ее недостаточной эффективности. Критерии «добровольности» и «своевременности» носят оценочный характер, что порождает правовую неопределенность и снижает стимулирующий потенциал рассматриваемой меры.

Совокупность рассмотренных недостатков действующих уголовно-правовых норм свидетельствует о необходимости корректировки подходов законодателя и правоприменителя к противодействию посягательствам на внешнюю безопасность. В этой связи обращение к перспективам совершенствования уголовной политики в исследуемой сфере, что и составляет основную цель настоящей работы, представляется не только своевременным, но и концептуально значимым.

Основные направления такой оптимизации видятся в следующем.

Во-первых, в примечании к ст. 275 УК РФ целесообразно закрепить официальную дефиниции государственной измены.

Во-вторых, при разработке новых составов преступлений приоритетное значение должно придаваться качеству законодательной техники, позволяю-

щему избежать неуместного толкования правовых норм в правоприменительной практике [3, с. 43].

В-третьих, требует доктринального осмысления и последующей конкретизации в постановлении Пленума Верховного Суда РФ содержание оценочных понятий («иное оказание помощи», «конфиденциальное сотрудничество» и др.).

В-четвертых, обоснованной представляется дифференциация ответственности за сбор сведений в отношении объектов критической информационной инфраструктуры и оборонно-промышленного комплекса путем выделения квалифицированного состава в ст. 276 УК РФ, а также дополнение диспозиции данной статьи указанием на такой способ совершения преступления, как использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет.

В-пятых, результативность уголовно-правового противодействия посягательствам на внешнюю безопасность детерминирована не только совершенством законодательных конструкций, но и уровнем координации деятельности уполномоченных субъектов (ФСБ РФ, СВР, МВД РФ, СК РФ, ВНГ РФ). Перспективными направлениями деятельности выступают внедрение единых цифровых платформ межведомственного взаимодействия (для оперативного обмена информацией об угрозах) и активизация профилактической работы среди лиц, допущенных к государственной тайне, с акцентом на разъяснение вербовочных методик, реализуемых посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Отдельного внимания требует формирование мировоззренческой позиции граждан, сотрудников и военнослужащих, ориентированной на неприятие деструктивной идеологии [2, с. 7].

Резюмируя изложенное, следует констатировать: проведенный анализ свидетельствует о том, что современная уголовная политика в сфере охраны внешней безопасности испытывает воздействие принципиальных вызовов, детерминированных как эволюцией форм предательства, так и технологическим прогрессом. Нормы ст. 275–276.1 УК РФ, сохраняя свое базовое значение, объективно нуждаются в адаптации к новым условиям.

Имплементация предложенных в настоящей статье мер призвана обеспечить создание стройного и действенного механизма уголовно-правовой защиты суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации перед лицом современных гибридных угроз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов И. А. Влияние информационно-коммуникационных технологий на преступность несовершеннолетних и проблемы получения доказательственной информации в ходе их допроса // Вестник экономической безопасности. 2025. № 1. С. 11–16.

2. Бабичев А. М. Мировоззренческая устойчивость у военнослужащих Росгвардии к негативному информационному воздействию как цель педагогической деятельности // Альманах Пермского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1(13). С. 6–10.

3. Бутов С. В. Нравственность и право: проблемные вопросы взаимодействия в современном правовом пространстве // Актуальные проблемы частного права (к 100-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора, доктора юридических наук Ю. М. Аристакова) : сб. ст. по материалам межвуз. науч.-практ. круглого стола, Санкт-Петербург, 24 октября 2025 г. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. С. 40–45.

4. Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2012. 267 с.

5. Кийко А. Ю. Объективные детерминанты совершенствования инструментов уголовно-правовой защиты суверенитета Российской Федерации от внешних посягательств // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 2(31). С. 48–59.

6. Кулев А. Г. О модернизации составов преступлений против внешней безопасности государства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 170–176.

7. Новокшонов Д. В. Объективная сторона преступления (начало) // Аграрное и земельное право. 2024. № 2(230). С. 246–249.

8. Середа И. М. Государственная измена: отдельные вопросы квалификации // Пролог: журнал о праве. 2023. № 1(37). С. 79–90.

9. Черепанов Р. В. Специальная военная операция как инструмент обеспечения внешней безопасности России в условиях гибридной войны // Защита государственности: историческое наследие и современные вызовы : сб. науч. тр. II Межведомств. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Санкт-Петербург, 21 октября 2025 г. СПб. : Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, 2025. С. 280–284.

УДК 343.85

Ермачкова Олеся Александровна
аспирант, преподаватель
Пензенский государственный университет
г. Пенза, Российская Федерация
olesaermackova66@gmail.com

Специально-криминологические меры предупреждения преступлений, совершаемых общеопасным способом

Аннотация. *Настоящая статья посвящена исследованию специально-криминологических мер, направленных на предупреждение преступлений, совершаемых общеопасным способом. В рамках проведенного исследования подробно рассматриваются характерные особенности указанного вида преступной деятельности, которые определяются, прежде всего, исключительно высокой степенью общественной опасности, а также реальной угрозой причинения существенного вреда неограниченному и заранее не определенно-*

© Ермачкова О. А., 2026

му кругу лиц. Особое внимание в статье уделяется обоснованию необходимости формирования и реализации комплексного подхода к предупреждению преступлений рассматриваемой категории. Значимым эмпирическим вкладом настоящего исследования является авторская статистика, полученная в результате проведенного анкетирования лиц, отбывающих наказание за преступления, совершенные общеопасными способами. В рамках данного исследования формируются и обосновываются авторские специально-криминологические меры противодействия преступности.

Ключевые слова: *общеопасный способ, преступность, криминологическая профилактика, предупреждение преступлений, общественная безопасность, специально-криминологические меры, риск, криминогенные факторы.*

Ermachkova Olesya Aleksandrovna
postgraduate student, teacher
Penza State University
Penza, Russian Federation

Special criminological measures to prevent crimes committed in a generally dangerous manner

Annotation. *This article focuses on the study of special criminological measures aimed at preventing crimes committed by dangerous methods. As part of the conducted research, the characteristic features of this type of criminal activity are examined in detail, which are determined primarily by the exceptionally high degree of public danger, as well as the real threat of causing significant harm to an unlimited and predetermined circle of persons. The article pays special attention to justifying the need to form and implement a comprehensive approach to preventing crimes of this category. A significant empirical contribution of this study is the author's statistics obtained from a survey of individuals serving sentences for crimes committed in a public-dangerous manner. Within the framework of this research, the author's special criminological measures to counter crime are formed and substantiated.*

Keywords: *general dangerous method, crime, criminological prevention, crime prevention, public safety, special criminological measures, risk, criminogenic factors.*

Применение общеопасного способа при совершении преступления значительно увеличивает степень его общественной опасности, так как причиняемый вред выходит за рамки ущерба конкретному лицу и распространяется на широкие слои населения [5, с. 170]. В связи с этим возникает острая необходимость в разработке и практическом применении действенных специально-криминологических мер профилактики, ориентированных на устранение условий и факторов, способствующих совершению подобных преступлений.

Преступления, совершаемые общеопасным способом, обладают рядом характерных отличительных черт:

1. Значительный масштаб потенциального ущерба, в том числе создание угрозы жизни и здоровью большого количества людей.
2. Высокая степень скрытности при подготовке преступления, в особенности в случаях применения технически сложных инструментов и средств.
3. Затрудненность предвидения возможных последствий, вызванная неподдающимися контролю факторами общеопасного характера [3, с. 83].

Специально-криминологическое предупреждение данных преступлений включает в себя комплекс целенаправленных мероприятий, реализуемых уполномоченными структурами (правоохранительными органами, государственными институтами, службами безопасности и иными субъектами) направленных на устранение и нейтрализацию факторов, способствующих совершению преступлений [2, с. 216].

В рамках данного направления выделяются следующие группы мер:

1. Правовые меры
2. Организационные меры
3. Оперативно-розыскные меры
4. Технические и технологические меры
5. Меры индивидуально-профилактического воздействия
6. Меры информационного и просветительского характера

С целью определения обстоятельств, способствующих совершению преступлений с применением общеопасных способов, и формирования конкретных профилактических мер был проведен опрос 24 осужденных, виновных в совершении указанных преступлений.

На основе полученных результатов удалось составить обобщенный социально-криминологический профиль лица, прибегающего к общеопасным способам совершения преступлений. В составе респондентов доминируют представители мужского пола, на долю которых приходится три четверти (75 %) всех участников исследования, при этом основная их часть относится к возрастной группе от 25 до 45 лет (62,47 %) [1, с. 21]. В территориальном отношении заметно преобладают выходцы из поселков городского типа (55 %) и сельской местности (20 %), что указывает на отчетливую географическую обусловленность данного вида преступности.

Что касается уровня образования, наиболее распространенными оказались общее среднее (41,04 %) и среднее специальное (29,17 %), тогда как удельный вес лиц с высшим образованием ничтожно мал – всего 4,17 %. Каждый третий из опрошенных (33,34 %) не имеет стабильного источника дохода, а прочие заняты преимущественно в областях, не предполагающих высокой профессиональной подготовки.

Существенное значение имеют социально-психологические характеристики личности преступника:

– склонность к импульсивным реакциям и агрессивному поведению выявлена у 58,5 % правонарушителей;

– среди различных форм зависимости наиболее распространенной является алкогольная – 30 %, тогда как наркотическая зависимость фиксируется у 10 %;

– в каждом третьем случае (32,8 %) непосредственным поводом для совершения противоправного деяния стал конфликт между людьми;

– подавляющее большинство преступлений – три четверти (75 %) от общего числа – было заранее спланировано и совершено с умыслом.

Среди общеопасных способов совершения преступлений лидирующее положение занимает поджог – его доля составляет 76 %, что указывает на доступность и сравнительную простоту применения данного метода [4, с. 99].

В мотивационной структуре преобладают личностно-эмоциональные побуждения: неприязненные отношения между людьми (32 %), ревность (24 %), а также стремление отомстить (16 %).

Проведенный анализ позволяет выделить основные факторы, обусловливающие совершение подобных преступлений:

– неурегулированные конфликты в сфере межличностных отношений;

– недостаточная эмоциональная устойчивость личности;

– нарушение процессов социальной адаптации.

– употребление наркотических и одурманивающих веществ;

– легкость получения орудий для совершения противоправных действий.

На основе изучения эмпирических данных можно выделить ряд специальных криминологических мер, отличающихся высокой целенаправленностью и практической ценностью.

1. Профилактика конфликтов в местных сообществах

Поскольку 32,8 % преступлений связаны с межличностными конфликтами, представляется целесообразным введение программ медиации и внесудебного разрешения споров в небольших населенных пунктах и поселках городского типа. Реализация подобных программ должна осуществляться при непосредственном участии участковых уполномоченных полиции и социальных служб.

2. Своевременное выявление агрессивно-импульсивных тенденций

Принимая во внимание, что более половины опрошенных (58,5 %) демонстрируют выраженную агрессивность, требуется разработка комплексной системы раннего обнаружения лиц с высоким уровнем склонности к агрессивному поведению, которая должна предусматривать:

– проведение психодиагностических мероприятий в учреждениях системы образования;

– установление контроля за гражданами, ранее привлекавшимися к административной ответственности (50 %).

3. Снижение доступности орудий и средств совершения преступлений, представляющих общественную опасность

Преобладание случаев поджогов среди зафиксированных преступлений (76%) свидетельствует о необходимости:

– усиления надзора за обращением горючих и легковоспламеняющихся материалов;

– введения систем контроля и отслеживания их приобретения;

– совершенствования технических средств и методов предупреждения возгораний.

4. Индивидуальная профилактическая работа с социально уязвимыми категориями населения

Принимая во внимание значительную долю лиц без постоянного источника дохода (33,34%) и практически повсеместную неудовлетворенность материальным достатком (95%), представляется необходимым:

– расширение программ содействия занятости населения;

– оказание целевой социальной помощи нуждающимся;

– привлечение к участию в программах профессиональной подготовки и переквалификации.

5. Профилактика алкогольной и наркотической зависимости

Принимая во внимание, что 40 % опрошенных имеют зависимости, необходимо реализовать следующие меры:

– усилить надзор за гражданами, состоящими на учете в наркологических учреждениях;

– обеспечить их обязательное включение в реабилитационные программы;

– встроить профилактику зависимостей в общую систему противодействия преступности.

6. Психологическая коррекция и работа с мотивационной составляющей личности

Поскольку среди побудительных причин правонарушений преобладают эмоционально обусловленные факторы – ревность, стремление к мести, личная неприязнь – представляется необходимым:

– разработать и внедрить программы по управлению агрессивным поведением;

– организовать психологическое сопровождение лиц, входящих в группу риска.

- совершенствования умений мирного урегулирования спорных ситуаций.

7. Профилактическая работа с семьей и ближайшим окружением

Несмотря на то, что в подавляющем большинстве случаев родственники не имеют судимости (87,49 %), значительный удельный вес неполных семей (45 %) обусловливает необходимость:

– совершенствования системы социального патронажа;

– проведения превентивных мероприятий с семьями, находящимися в группе риска;

– укрепления и развития родительских навыков и компетенций.

Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что специально-криминологические меры предупреждения преступности должны выстраиваться как комплексная, многоуровневая и межотраслевая система.

Результаты эмпирического анализа свидетельствуют о том, что преступления, совершаемые с применением общеопасных способов, во многом обусловлены социально-психологическими факторами и индивидуальными характеристиками личности преступника. Предложенные авторские специально-криминологические меры отличаются выраженной прикладной значимостью и направлены на нейтрализацию конкретных криминогенных причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Включение данных, полученных в ходе опросов, в механизм противодействия преступности способствует совершенствованию предупредительной работы благодаря ее целенаправленности, индивидуализированному подходу и опоре на научную базу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю. М. Личность преступника: криминолого-психологическое исследование : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2010. 368 с.

2. Секиров А. А. Различие общесоциальных и специально-криминологических мер // Молодой ученый. 2024. № 41(540). С. 215–218.

3. Федышина П. В. Источник повышенной опасности при совершении преступления общеопасным способом // Криминалистъ. 2024. № 4(49). С. 78–84.

4. Федышина П. В. Поджог как общеопасный способ совершения преступления // Криминалистъ. 2023. № 4(45). С. 99–104.

5. Щетинина Н. В., Макеева И. С. Общеопасный способ совершения преступления: вопросы толкования и правоприменение // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 167–170.

УДК 342.7

Шукурова Гиджран Рауф кызы
аспирант кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права им. В. Е. Эминова
Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина
Москва, Российская Федерация
shukurovaa5@yandex.ru

Цифровые инструменты профилактики правонарушений и защиты прав несовершеннолетних мигрантов

Аннотация. *В статье рассматриваются цифровые инструменты, которые применяются для профилактики правонарушений среди несовершеннолетних мигрантов, а также механизмы защиты их прав в условиях цифровой трансформации государственного управления. Анализируются возможности идентификационных систем, электронных сервисов взаимодействия с органами опеки и правового просвещения в цифровой среде. Выявляются риски дискриминации и нарушения прав детей-мигрантов при использовании автоматизированных систем, а также предлагаются пути совершенствования правового регулирования цифровых инструментов в данной сфере.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние мигранты, профилактика правонарушений, защита прав детей, цифровые инструменты, электронные сервисы, идентификация мигрантов, автоматизированные системы, правовое просвещение.*

© Шукурова Г. Р. к., 2026

Shukurova Gijran Rauf kyzy
postgraduate student
department of criminology and criminal-executive law
named after V. E. Eminov
Moscow State Law University named after O. E. Kutafin
Moscow, Russian Federation

Digital tools for crime prevention and protection of the rights of minor migrants

Annotation. *This article examines digital tools used to prevent delinquency among minor migrants, as well as mechanisms for protecting their rights in the context of the digital transformation of public administration. It analyses the capabilities of identification systems, electronic services for interaction with guardianship authorities, and legal education in the digital environment. It identifies the risks of discrimination and violations of the rights of migrant children when using automated systems and proposes ways to improve the legal regulation of digital tools in this area.*

Keywords: *minor migrants, crime prevention, protection of children's rights, digital tools, electronic services, identification of migrants, automated systems, legal education.*

В условиях цифровой трансформации государственного управления все большее значение приобретают автоматизированные системы учета, контроля и сервисного взаимодействия с населением. Особую актуальность это направление получает в миграционной сфере, где цифровые инструменты призваны обеспечить баланс между соблюдением режима законности и защитой прав уязвимых категорий граждан. Так, в России появляется «Новая Концепция миграционной политики России на 2026–2030 годы», где реализуется переход на цифровые инструменты для управления миграцией [2].

В 2025–2026 годах в Российской Федерации был принят ряд нормативных правовых актов, существенно изменивших подходы к цифровому учету и контролю за мигрантами [1]. На сегодняшний день к числу наиболее чувствительных групп относятся несовершеннолетние мигранты, правовое положение которых сопряжено с рисками дискриминации, проблемами с социализацией и вовлечениями в незаконную деятельность.

Цель этой статьи – анализ цифровых инструментов для предотвращения преступлений и защиты прав несовершеннолетних мигрантов в контексте действующего российского законодательства, а также предложение путей улучшения действующего механизма.

Несовершеннолетние мигранты относятся к числу наименее защищенных категорий иностранных граждан на территории Российской Федерации. Как отмечает А. А. Нестерова в своем исследовании, проведенном в Москве и Московской области на выборке из 179 детей мигрантов, данная категория неоднородна и включает несколько групп: дети, мигрировавшие вместе с родителями («полуторное поколение»), дети, родившиеся в семьях мигрантов уже в стране приема, а также дети-беженцы, находящиеся без сопровождения взрослых [5].

К основным правам несовершеннолетних мигрантов, нуждающимся в особой охране, относ тся право на образование, медицинскую помощь, защиту от дискриминации и жестокого обращения, а также право на воссоединение с семьей. При этом, как показывает исследование А. А. Нестеровой, дети-мигранты сталкиваются с серьезными вызовами: языковой барьер, «культурная раздвоенность», трудности самоидентификации, эмоциональная депривация, связанная с отрывом от значимых взрослых, отсутствие или неполнота документов, низкий уровень правовой грамотности [5]. Именно из-за этого несовершеннолетние мигранты чаще других совершают незаконную деятельность.

Так, цифровые инструменты должны выполнять две взаимосвязанные задачи: не только обеспечивать предотвращение преступлений, но и гарантировать реализацию и защиту прав несовершеннолетних мигрантов.

В Российской Федерации с 2025 года активно внедряются цифровые инструменты, направленные на усиление контроля за миграционными процессами. Ключевым нормативным актом в этой сфере стал Федеральный закон от 9 июля 2025 г. № 467-ФЗ, который ввел понятие «цифровой профиль иностранного гражданина» [6], который собирает информацию о биометрии, месте работы и учебы, а также о соблюдении миграционного законодательства.

Другим значимым инструментом является тестирование с помощью мобильного приложения «Амина», которое позволяет получать правоохранительным органам информацию о местонахождении трудовых мигрантов. Как сообщает ТАСС, с 1 сентября 2025 года для трудовых мигрантов, прибывших в Москву, во время безвизового режима, стало обязательным использование такого сервиса. При этом важно подчеркнуть, что несовершеннолетние от обязанности установки данного приложения освобождены [4]. Однако информация о законных представителях-мигрантах, содержащаяся в их цифровых профилях, косвенно влияет и на правовое положение их детей.

Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 314-ФЗ [8] запустил механизм автоматизированного обмена данными о детях-мигрантах между Министерством внутренних дел и образовательными учреждениями через портал «Госуслуги» и платформу «Моя школа» [7]. Это позволяет оперативно выявлять случаи уклонения от постановки на миграционный учет и нарушения правил проживания при въезде в страну, тем самым способствуя предотвращению преступлений.

Наряду с контрольными механизмами, цифровая среда предоставляет возможности для защиты прав детей-мигрантов. Единый портал «Госуслуги» в настоящее время предоставляет ряд сервисов для иностранных граждан, включая возможность подачи уведомлений о прибытии, получения государственных услуг в электронном виде. Однако, как отмечают исследователи, доступ к этим сервисам для несовершеннолетних мигрантов и их законных представителей сопряжен с трудностями, связанными с необходимостью подтвержденной учетной записи и языковым барьером [5].

В Российской Федерации также предпринимаются шаги по цифровому правовому просвещению мигрантов. Однако, как справедливо отмечает К. Кабанов, существующие механизмы носят фрагментарный характер и не обеспе-

чивают в полной мере защиту прав несовершеннолетних мигрантов, особенно в части доступа к информации на понятном языке [2].

Цифровые инструменты являются не только очевидным преимуществом, но и серьезным риском. Первый и наиболее значимый риск – цифровая дискриминация. Алгоритмические системы могут неосознанно «метить» мигрантов как группу повышенного риска, что влечет за собой необоснованные проверки и ограничения [3].

Второй риск – цифровой барьер. Часть несовершеннолетних мигрантов и их законных представителей не имеют доступа к смартфонам, интернету или не владеют русским языком в достаточной мере для использования цифровых сервисов [3]. Как следствие, наиболее уязвимые группы исключаются из системы цифровой защиты, что противоречит принципу равенства доступа к правам.

По мнению экспертов, существует опасность того, что ужесточение цифрового контроля при отсутствии эффективных механизмов правовой помощи приведет к уходу семей мигрантов с детьми в «тень», что усугубит, а не решит проблемы профилактики правонарушений [2].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. В Российской Федерации сформирована нормативная база для внедрения цифровых инструментов учета и контроля за мигрантами, включая несовершеннолетних (цифровой профиль, автоматизированный обмен данными между ведомствами) [5; 6]. Внедрение цифрового профиля вызвано необходимостью борьбой с нелегальной миграцией и правонарушениями [3].

2. Эти инструменты обладают большим потенциалом для предотвращения правонарушений, но их применение в отношении несовершеннолетних требует повышенных гарантий защиты прав.

В целях совершенствования действующего механизма предлагается:

1. Создать на «Госуслугах» сервис для детей-мигрантов с онлайн-консультацией на нескольких языках;

2. Разработать и распространить через цифровые каналы (мессенджеры, Госуслуги) доступные правовые памятки для детей-мигрантов и их родителей;

3. Обучить сотрудников органов внутренних дел и образования работе с цифровыми инструментами без нарушения прав детей.

Следовательно, цифровые инструменты в сфере предотвращения правонарушений и защиты прав несовершеннолетних мигрантов должны работать не только в интересах государства, но и в первую очередь в интересах самого ребенка. Только при соблюдении этого баланса цифровизация станет реальным преимуществом, а не дополнительным фактором уязвимости.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверьянова О. «А если система рухнет?»: Кирилл Кабанов раскритиковал тотальную цифровизацию миграционного учета // Аргументы Недели. 2026. 18 марта. URL: https://argumenti.ru/opinion/2026 /03/ 990630 (дата обращения: 12.04.2026).

2. Вепренцев С. Эксперт о цифровизации миграционных процессов: «Это поможет национальной безопасности». URL: https://fedpress.ru/expert-opinion/3421773 (дата обращения: 12.04.2026).

3. Ковалишина К. В., Евсикова Е. В. Цифровой профиль мигранта: особенности и перспективы развития // Аграрное и земельное право. 2024. № 8(236). С. 108–112. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-profil-migranta-osobennosti-i-perspektivy-razvitiya (дата обращения: 12.04.2026).

4. Кирьянов Ю. PCBdesigner.ru : сайт разработчика печатных плат. Н. Новгород, 2012–2019. URL: https://pcbdesigner.ru (дата обращения: 28.06.2019).

5. Московский регион вводит новый цифровой сервис для миграционного контроля. URL: https://tass.ru/ obschestvo /24790455 (дата обращения: 12.04.2026).

6. Нестерова А. А. Дети, охваченные миграционными процессами: разнообразие, вызовы и диверсификация моделей поддержки // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16, № 4. С. 645–660. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deti-ohvachennye-migratsionnymiprotsessami-raznoobrazie-vyzovy-i-diversifikatsiya-modeley-podderzhki (дата обращения: 12.04.2026).

7. О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина» : Указ Президента РФ от 09 июля 2025 г. № 467 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507090019 (дата обращения: 12.04.2026).

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2025 № 314-ФЗ. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/ 0001202507310063 (дата обращения: 12.04.2026).

СЕКЦИЯ 4

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.9

Шапиро Людмила Геннадьевна
доктор юридических наук, профессор
заслуженный юрист РФ, почетный работник
высшего профессионального образования РФ
заведующий кафедрой криминалистики
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
Lyudmila-shapiro2014@yandex.ru

Проблемы судебно-экспертного обеспечения правоохранительной деятельности в условиях цифровизации преступности

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные правовые, организационные и тактические проблемы использования судебных экспертиз в деятельности правоохранительных органов в условиях активной цифровизации преступности. Акцентируется внимание на необходимость четкого законодательного урегулирования института судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве. Автором сформулирован и обоснован ряд предложений, направленных на решение выявленных проблем.*

Ключевые слова: *судебная экспертиза, заключение эксперта, судебный эксперт, компетентность эксперта, компетенция эксперта, справочно-консультационная деятельность эксперта, экспертные ошибки, рецензирование экспертных заключений.*

Shapiro Lyudmila Gennadyevna
doctor of law, professor, honored lawyer
of the Russian Federation, honorary worker
of higher professional education of the Russian Federation
gead of the department of criminology
Saratov State Law Academ
Saratov, Russian Federation

Problems of forensic service providing for law enforcement activities in the convents of the active digitalization of criminality

Annotation. *The article examines current legal, organizational and tactical issues of using forensic examinations in the activities of law enforcement agencies in the convents of the active digitalization of criminality. Attention is focused on the need for clear legislative regulation of the*

© Шапиро Л. Г., 2026

institution of forensic examination in criminal proceedings. The author formulates and substantiates a number of proposals aimed at addressing the identified issues.

Keywords: *forensic examination, expert's opinion, forensic expert, expert competence, expert reference and consulting activities, expert errors, review of expert opinions.*

В условиях цифровизации и глобализации преступности, высокой степени ее латентности, постоянного изменения способов совершения и сокрытия преступлений правоохранительная деятельность не может эффективно осуществляться без качественного судебно-экспертного сопровождения.

Помощь эксперта необходима на стадии возбуждения уголовных дел, их расследования и предупреждения с учетом ситуационного подхода и специфики совершенного преступления. Эксперт может оказывать следователю справочно-консультационную помощь, принимать участие в следственных действиях, осуществлять экспертные исследования. Тем не менее, на эффективность этой деятельности значительное негативное влияние оказывает наличие ряда правовых, организационных и тактических проблем.

В качестве правовых проблем судебно-экспертного обеспечения правоохранительной деятельности можно отметить отсутствие четкого законодательного урегулирования ряда понятий и категорий судебно-экспертной деятельности (например, такие понятия, как «специальные знания», «компетентность» и «компетенция судебного эксперта», критерии оценки экспертной компетентности законодателем вообще не определены). Отсутствует и единообразный подход к статусу судебного эксперта. Наиболее остро эта проблема проявляется в негосударственном секторе судебно-экспертной деятельности. Действующее законодательство не предусматривает лицензирования или обязательной сертификации деятельности негосударственных судебных экспертов, их систематической аттестации, хотя лица, занимающие должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях должны один раз в пять лет проходить аттестацию в целях подтверждения своей компетентности согласно ст. 13 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ [6].

В целях решения указанных проблем Министерством юстиции Российской Федерации разработан проект ФЗ «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в котором унифицируются требования к экспертам, предусматривается обязательная аттестация (сертификация) и мониторинг качества их деятельности, формирование единого реестра экспертов. К сожалению, принятие нового закона откладывается с 2013 года, что негативно сказывается на организации экспертной деятельности, реализуемой в условиях правовой неопределенности. Кроме того, «проект чрезмерно детализирован и не согласован с базовыми принципами судебно-экспертной деятельности» [3].

Современная тенденция к расширению перечня судебных экспертиз, которые могут проводиться только государственными экспертными учреждениями, обусловит еще большую загруженность экспертов и, соответственно, увеличение сроков производства экспертных исследований, что негативно скажется на качестве расследования и судебного разбирательства. Кроме того, не со-

всем понятно, каким образом будет достигнута цель обеспечения единых научно-методических подходов при производстве судебных экспертиз, если производство определенного перечня родов (видов) будет осуществляться исключительно в государственных судебно-экспертных организациях. Таким образом, подразумевается, что негосударственные судебные эксперты не в состоянии использовать общепринятые и апробированные методики производства судебных экспертиз.

К организационным проблемам, прежде всего, можно отнести сложности следователя (суда), связанные с определением области подлежащих применению специальных знаний и, соответственно, необходимого вида судебной экспертизы, которую необходимо назначить. Учитывая, что в последние годы появляются и активно развиваются различные виды экспертиз (например, компьютерно-технические, экологические, социально-гуманитарные экспертизы), методика производства которых находится в стадии разработки, обостряется и проблема, связанная с подбором эксперта, проверкой его компетентности, особенно в случаях привлечения негосударственного эксперта.

Тактические проблемы, прежде всего, связаны с профессиональным уровнем следователя (дознавателя). Следователь не всегда знает возможности различных видов судебных экспертиз с учетом бурного развития материнских наук, лежащих в основе той или иной экспертизы, что обусловливает неправильное определение очередности назначения судебных экспертиз, неграмотную формулировку вопросов эксперту, некачественную подготовку подлежащих экспертному исследованию объектов; тактически необоснованное назначение той или иной экспертизы. Таким образом, качество деятельности следователя при назначении той или иной судебной экспертизы во многом обусловливается наличием у него актуальных знаний особенностей подготовки объектов для экспертного исследования, в том числе работы с цифровыми следами. Эта проблема особенно остро проявляется при расследовании преступлений, совершенных с применением цифровых технологий, количество которых неуклонно растет. В этой связи увеличивается и потребность в производстве компьютерно-технических экспертиз при их расследовании.

В связи с тем, что качество экспертного заключения во многом зависит от качества деятельности и компетентности следователя, поскольку следственные ошибки закономерно влекут ошибки экспертные, наряду с систематическим повышением квалификации следователей и экспертов необходима также грамотная организация их взаимодействия, в том числе посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий.

Рассматривая возможности использования искусственного интеллекта в деятельности следователя, А. Б. Смушкин справедливо отмечает, что «…с активным применением интеллектуальных систем становится возможным интеллектуальный подбор и рекомендации следователю экспертного учреждения, объема и содержания вопросов эксперту, нетривиального объединения разнородных экспертиз в необходимое комплексное исследование» [4, с. 128]. Тем не менее, использование искусственного интеллекта не освобождает следователя от обязанности повышать свой профессиональный уровень, в том числе приоб-

ретать цифровые компетенции, в связи с необходимостью тщательно анализировать результаты использования искусственного интеллекта, которые зачастую не свободны от ошибок.

С учетом сложностей следователя в оценке экспертных заключений искусственный интеллект может быть применен и в этой сфере деятельности, но информация, полученная с его помощью, должна иметь вспомогательный характер и подвергаться тщательному анализу и проверке.

Сложности, связанные с оценкой экспертного заключения, могут быть устранены посредством обеспечения их рецензирования другим экспертом или специалистом, обладающим достаточным для этой деятельности уровнем компетентности: рецензент должен иметь уровень компетентности не ниже уровня компетентности эксперта, давшего заключение. Несмотря на бурные дискуссии теоретиков и практиков, а также отсутствие единообразия судебной практики относительно возможности использования рецензирования оно активно используется в судопроизводстве. К тому же Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что сторона зашиты с опорой на мнение специалиста может приводить доводы, опровергающие заключение судебной экспертизы, обосновывать ходатайство о проведении повторной или дополнительной экспертизы [1], а Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 19 Постановления от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (в ред. от 29.06.2021 г.) отметил, что для оказания помощи в оценке заключения эксперта может привлекаться специалист [2].

Особо следует отметить проблемы подготовки судебных экспертов, одной из которых является отсутствие единообразного подхода к этой деятельности: современный федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза предусматривает далеко не все экспертные специализации, а только криминалистические, инженерно-технические, экономические, речеведческие экспертизы, экспертизы веществ, материалов и изделий [5]. Возникает закономерный вопрос: как быть с подготовкой экспертов по другим направлениям экспертной деятельности? Данная специальность относится к укрупненной группе юридических специальностей, и ее реализация обеспечивается изучением значительного количества правовых дисциплин (уголовно-процессуального, гражданского процессуального права и т. д.), что позволяет эксперту грамотно применять соответствующее процессуальное законодательство, регулирующее институт судебной экспертизы.

В вузах, осуществляющих подготовку судебных экспертов, к сожалению, не всегда обеспечивается формирование криминалистического (экспертного) мышления, необходимый уровень профессиональной квалификации преподавателей, практикоориентированность учебного процесса, наличие современного экспертного оборудования, программного обеспечения, возможность для обучающихся самостоятельно проводить учебные экспертные исследования, что не способствует формированию компетенций будущего судебного эксперта.

Систематическое повышение квалификации судебных экспертов также необходимо, особенно в свете появления новых вызовов преступной деятельно-

сти, связанных с развитием технологий создания дипфейков, идентификация которых пока не обеспечена необходимыми методиками. Судебно-экспертная деятельность должна быть в полной мере обеспечена искусственным интеллектом, прежде всего, в целях использования его возможностей в качестве интеллектуального помощника для решения различных экспертных задач [7, с. 143]. Очевидно, что формулирование выводов на основе проведенного исследования остается задачей и прерогативой судебного эксперта.

В заключение хотелось бы отметить обусловленность экспертных ошибок обозначенными выше проблемами. Их скорейшее решение позволит повысить эффективность судебно-экспертного обеспечения правоохранительной деятельности. Можно констатировать, что необходима трансформация судебно-экспертной деятельности, которая по сути уже происходит под влиянием глобальной цифровизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 6-О от 31 января 2023 г. об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевцова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 31 части второй статьи 74 и частью третьей статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. URL: https://ceur.ru/docs/KSRFD ecision662936.pdf (дата обращения: 12.03.2026).

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (в ред. от 29.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2; URL: https://base.garant.ru/12181630/ (дата обращения: 11.03.2026).

3. Специалисты обсудили вопросы судебной экспертизы за круглым столом. URL https://ceur.ru/news/ekspertiza/speczialisty-obsudili-voprosy-sudebnoj-ekspertizy-za-kruglym-stolom/ (дата обращения: 13.03.2026).

4. Смушкин А. Б. О влиянии искусственного интеллекта на следственную деятельность // Ә80 Әубәкіров оқулары: халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары (2026ж. 19 ақпан) = Аубакировские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (19 февраля 2026 г.). Алматы : Қазақстан Республикасы ІІМ М. Есболатов атындағы Алматы академиясының ҒЗжРБЖҰБ, 2026. 244 б.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза : утвержденный Приказом Минобрнауки России от 31 августа 2020 г. № 1136 (в ред. от 27.02.2023) URL: https://base.garant.ru/74636600/53f89421bbdaf741eb2d1ecc 4ddb4c33/ (дата обращения: 20.03.2026).

6. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.

7. Юматов В. А., Юматова Э. Г. Искусственный интеллект в судебной экспертологии: проблемы и перспективы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2025. № 4. С. 137–146.

УДК 343.13

Баумштейн Антон Борисович
адвокат, доктор юридических наук, доцент
профессор кафедры уголовного права
Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
5068896@list.ru

Заключение под стражу, залог и иные меры пресечения: современные аргументы стороны защиты

Аннотация. *В статье предлагается авторский взгляд на современную защитительную аргументацию по вопросам заключения под стражу, залога, домашнего ареста и запрета определенных действий. Обосновывается, что центральная проблема практики состоит не в отсутствии альтернатив изоляции, а в устойчивой тенденции подменять анализ конкретных рисков ссылкой на тяжесть обвинения. Показано, что эффективная позиция защиты строится на индивидуализации процессуальных рисков, разработке суду исполнимой модели контроля и критике шаблонной мотивировки. Отдельное внимание уделено тем тезисам, которые требуют персональной авторской доработки с опорой на собственную адвокатскую практику.*

Ключевые слова: *меры пресечения, заключение под стражу, залог, домашний арест, запрет определенных действий, сторона защиты, судебный контроль.*

Baumshteyn Anton Borisovich
lawyer, doctor of law, associate professor
professor of the department of criminal law
South-West State University
Kursk, Russian Federation

Detention, bail and other preventive measures: modern defense arguments

Annotation. *The article offers an authorial view of modern defense arguments concerning detention, bail, house arrest and the prohibition of certain actions. It is argued that the central problem of current practice lies not in the absence of alternatives to custody, but in the persistent tendency to replace the analysis of concrete procedural risks with a reference to the gravity of the charge. The paper shows that effective defense is based on individualized risk analysis, a workable model of procedural control proposed to the court, and criticism of template judicial reasoning. Special attention is paid to theses that should be supplemented by the author's own professional experience.*

Keywords: *preventive measures, detention, bail, house arrest, prohibition of certain actions, defense, judicial control.*

© Баумштейн А. Б., 2026

В российской практике вопрос о мере пресечения слишком часто решается так, как будто речь идет не о временном процессуальном инструменте, а о предварительной репутационной оценке обвиняемого. Именно поэтому дискуссия о заключении под стражу, залоге и иных мерах пресечения давно вышла за пределы узкопроцессуальной техники. На мой взгляд, главная проблема сегодняшней практики состоит не в дефиците нормативных возможностей, а в привычке рассматривать арест как исходную точку, а все остальные меры – как исключение, которое еще нужно дополнительно оправдать. Для стороны защиты такая логика принципиально неприемлема: она смещает бремя убеждения и превращает спор о рисках в спор о тяжести обвинения.

Отправным методологическим тезисом для защиты остается различение оснований и условий избрания меры пресечения. Е. В. Миронова справедливо отмечала, что «уголовно-процессуальный закон четко разграничивает основания и условия избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, и подмена одного понятия другим недопустима» [3, с. 105]. Этот тезис представляется мне не просто теоретически верным, а практически ключевым. Как только суд начинает подменять анализ реальных процессуальных рисков ссылкой на категорию преступления, объем обвинения, публичный статус лица или эмоциональную реакцию потерпевшего, мера пресечения перестает быть средством обеспечения процесса и начинает выполнять квазикарательную функцию еще до постановления приговора.

Именно здесь защита должна быть особенно настойчивой. Ее задача – не в общем несогласии с арестом, а в разложении доводов обвинения на составные элементы: какой риск заявлен, чем он подтвержден, почему он актуален именно сейчас и почему его нельзя нейтрализовать менее строгими ограничениями. Такая позиция дисциплинирует судебное рассмотрение и возвращает его в рамки доказывания. Пленум Верховного Суда Российской Федерации прямо ориентирует суд на обсуждение возможности применения более мягкой меры пресечения [4]. Следовательно, для защиты принципиально важно добиваться не риторического, а содержательного сопоставления различных мер, иначе состязательность на этой стадии остается формальной.

Практически сильная защитительная позиция начинается там, где сведения о личности перестают быть набором «положительных характеристик» и превращаются в процессуальные контраргументы. Н. А. Симагина обоснованно пишет, что обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, позволяют ответить и на вопрос о необходимости самой меры, и на вопрос о ее виде [5, с. 34]. Я бы сформулировал эту мысль еще жестче: без индивидуализации личности спор о мере пресечения вырождается в спор о тяжести статьи. Поэтому семье, состоянию здоровья, наличию постоянного места жительства, трудовой занятости, поведению после возбуждения дела и устойчивым социальным связям необходимо придавать не декоративное, а доказательственное значение. В этом и состоит одна из главных профессиональных задач защиты – показать суду, что перед ним не «типовая фигура обвиняемого», а конкретный человек с конкретной жизненной ситуацией.

Логика защиты меняется и в зависимости от стадии расследования. Если основные носители информации изъяты, свидетели уже допрошены, документы исследованы, а сам обвиняемый не пытался скрыться и не нарушал ранее возложенные ограничения, довод о необходимости изоляции нередко держится уже не на фактах, а на инерции первоначального решения. Именно здесь особенно заметно, насколько арест способен превратиться в меру «по умолчанию». Между тем сведения о возрасте, семейном положении, состоянии здоровья и роде занятий подлежат самостоятельной оценке при избрании меры пресечения [5, с. 38]. Защита должна использовать это не как дежурную ссылку, а как повод для критики формальной судебной мотивировки: если суд перечислил обстоятельства, но не объяснил, как именно он их оценил, такая аргументация не может считаться полноценной.

Особое место в системе альтернатив изоляции занимает залог. С. И. Вершинина точно определила его сущность: «современный залог – это мера принуждения, производная от заключения под стражу; мера, выступающая его альтернативой» [2, с. 82]. Для меня в этом определении важна не только теоретическая характеристика, но и заложенный в ней практический смысл: залог – это не «льготный режим» и не жест доброй воли суда, а полноценный механизм процессуального принуждения. Именно поэтому обсуждение залога должно выходить за пределы формулы «имеются ли основания применить более мягкую меру». В центре спора должны находиться конкретная сумма, ее соразмерность, источник внесения, реальная исполнимость решения и связь имущественного ограничения с нейтрализацией заявленных рисков. Не менее значим и другой вывод автора: «у каждого задержанного или арестованного есть право быть освобожденным под залог, размер которого определяется судом на основании установленных законом критериев» [2, с. 82]. Парадокс современной практики, на мой взгляд, состоит в том, что суды нередко признают залог допустимым теоретически, но фактически назначают его в размере, который превращает альтернативу аресту в процессуальную фикцию.

Домашний арест и запрет определенных действий заслуживают более серьезного отношения, чем-то, которое они обычно получают в судебной практике. О. Г. Часовникова справедливо связывает современную востребованность домашнего ареста с «техническим прогрессом, позволяющим существенно упростить контроль за его соблюдением» [6, с. 197]. Иными словами, спор о мере пресечения сегодня уже невозможно вести в логике прошлого десятилетия, когда контроль вне следственного изолятора воспринимался как заведомо ненадежный. Технологические средства контроля, возможность адресных запретов и более гибкая организация процессуального наблюдения объективно расширили ресурс неизоляционных мер. Вместе с тем М. Г. Янин небезосновательно констатировал, что «институт запрета определенных действий в действующей редакции не стал на практике реальной альтернативой институту заключения под стражу» [7, с. 67]. Я бы добавил: проблема здесь не столько в самой мере, сколько в бедности правоприменительной фантазии. Если защита и суд продолжают мыслить категориями «либо арест, либо почти полная свобода», потенциал адресных ограничений действительно остается невостребованным.

В этом контексте представляется весьма точной позиция А. О. Бекетова, который пишет: «применение аналогичных по своей сути запретов в рамках различных мер пресечения по существу сближает их, но не лишает самостоятельности» [1, с. 28]. Для защиты это, по существу, руководство к действию. Недостаточно заявить, что возможен запрет определенных действий; необходимо предложить суду конкретную конструкцию: запрет общения с определенными лицами, запрет пользования средствами связи, запрет посещения конкретных мест, сдачу документов для выезда, обязанность явки по первому требованию, допустимый режим передвижения и, если это необходимо, использование технических средств контроля. Иначе говоря, сильная защита по вопросу о мере пресечения – это всегда работа на опережение: адвокат должен не только критиковать проект решения следствия, но и фактически предлагать суду собственный проект мотивированного постановления.

Считаем, что устойчивость арестоцентричной практики объясняется не отсутствием правовых инструментов, а дефицитом судебной воли к их полноценному применению. Закон давно допускает более тонкую настройку ограничений, чем это обычно следует из текста стандартных постановлений. Следовательно, качество судебного контроля на этой стадии зависит не столько от формального перечня мер пресечения, сколько от готовности суда воспринимать защиту как источник юридически значимой альтернативы, а не как сторону, которая лишь просит о снисхождении. В этом смысле одна из важнейших задач адвоката состоит в том, чтобы изменить сам язык процесса: вместо просьбы о мягкости – требование о доказанности рисков; вместо ссылки на «положительные данные о личности» – демонстрация их антирискового значения; вместо общего ходатайства о смягчении – предложение исполнимой модели контроля.

Таким образом, современная защита в спорах о мере пресечения должна быть не реактивной, а проектирующей. Ее сила состоит в способности превратить абстрактный спор о строгости меры в предметный разговор о целях процесса, о доказанности конкретных рисков и о соразмерности ограничений. Именно тогда залог, домашний арест и запрет определенных действий перестают восприниматься как второстепенные компромиссы и начинают выполнять свое подлинное назначение – обеспечивать надлежащее поведение обвиняемого без преждевременной карательной деформации процесса. С научной и практической точек зрения именно этот поворот – от презумпции ареста к презумпции мотивированного выбора – представляется сегодня наиболее значимым.

Наиболее отчетливо такая подмена, на мой взгляд, проявляется по делам об экономических и должностных преступлениях, а также в многоэпизодных делах с большим объемом материалов. В подобных ситуациях сама сложность расследования нередко начинает восприниматься как негласный аргумент в пользу изоляции, хотя, по существу, она не тождественна ни риску сокрытия, ни риску давления на участников процесса. Нужно исходить из того, что именно в этих категориях дел суду особенно важно сопротивляться соблазну подменять доказанность риска масштабом обвинительной фабулы. Сложное дело еще

не означает опасного обвиняемого; напротив, именно здесь защита обычно располагает наибольшими возможностями показать устойчивость социальных связей, прозрачность имущественного поведения и отсутствие конкретных фактов, свидетельствующих о намерении воспрепятствовать расследованию.

Позиция автора состоит в том, что реалистичный залог должен быть чувствительным, но исполнимым. Заведомо неподъемная сумма не усиливает меру пресечения, а дискредитирует саму идею залога как действительной альтернативы аресту. По делам экономической и должностной направленности размер залога, по моему убеждению, должен соотноситься не только с тяжестью обвинения, но и с легальными доходами лица, составом его имущества, объемом семейных обязательств, возможностью возмещения ущерба и сроком, в течение которого залог реально может быть внесен. Сумма, которая объективно не может быть внесена в разумный период, лишь внешне сохраняет форму альтернативной меры, но по существу означает скрытый отказ в ее применении.

С моей точки зрения, реальный шанс на замену ареста появляется тогда, когда защита действует не одномоментно, а накопительно. Наиболее убедительно работают те случаи, где заранее собраны документы о личности, показана динамика расследования, подтверждено отсутствие попыток скрыться, предложена конкретная модель ограничений и решены организационные вопросы, связанные с залогом либо домашним арестом. Иными словами, суд значительно чаще готов обсуждать альтернативу изоляции там, где защита устраняет неопределенность и предлагает не общую просьбу о смягчении, а процессуально выверенное решение. Именно совокупность таких действий, а не один сильный довод сам по себе, обычно меняет вектор судебного усмотрения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бекетов А. О. Запрет определенных действий, залог, домашний арест: рокировка принудительного потенциала мер пресечения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2022. Т. 19, № 2. С. 27–31.

2. Вершинина С. И. Проблемы правового регулирования залога как меры пресечения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 78–83.

3. Миронова Е. В. Условия избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 105–107.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 27 мая 2025 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Российская газета. 2013. № 294.

5. Симагина Н. А. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, и особенности их установления при ее избрании : учеб. пособие. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2021. 180 с.

6. Часовникова О. Г. Домашний арест как мера пресечения: генезис и современное состояние // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 4. С. 194–200.

7. Янин М. Г. Запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 62–68.

УДК 343.1

Голубовский Владимир Юрьевич
доктор юридических наук, профессор
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России
главный научный сотрудник
г. Москва, Российская Федерация
63wladimir@mail.ru

Правовое положение следователя в российском уголовном судопроизводстве: вопросы истории и современности

Аннотация. *Основное внимание в работе автор уделяет сравнительно-правовому анализу правового положения следователя в советский период и в настоящее время, когда развитие уголовно-процессуальной политики происходит в условиях гибридных внешних угроз национальной безопасности и усилением их взаимосвязи с внутренними угрозами. Современное развитие уголовного судопроизводства будет эффективным только при условии четкого определения предназначения в процессе следователя, предварительно формирующего объем доказательств, достаточных в последующем для справедливого разрешения судом уголовного дела, что подразумевает наделения следователя соответствующим процессуальным статусом.*

Ключевые слова: *правовое положение, процессуальная самостоятельность, следователь, уголовно-процессуальное законодательство.*

Golubovsky Vladimir Yuryevich
doctor of law, professor, chief researcher
All-Russian Research Institute of the Ministry
of internal affairs of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

The legal status of the investigator in russian criminal procedure: historical and contemporary issues

Annotation. *The author focuses on a comparative legal analysis of the legal status of investigators in the Soviet period and today, when criminal procedure policy is evolving in the context of hybrid external threats to national security and their increasing interconnection with internal threats. The modern development of criminal procedure will only be effective if the investigator's role in the process is clearly defined, preliminarily gathering evidence sufficient for a fair resolution of the criminal case by the court, which implies granting the investigator the appropriate procedural status.*

© Голубовский В. Ю., 2026

Keywords: *legal status, procedural independence, investigator, criminal procedure legislation.*

Реформирование уголовно-процессуального законодательства, в течение длительного периода времени не привело к стабильности уголовного судопроизводства, только лишь усилило неопределенность вектора общего развития, с учетом того, что современным трендом развития уголовно-процессуального законодательства является его гуманизация. Отечественное уголовное судопроизводство требует радикального пересмотра подхода к устранению обвинительного уклона посредством гуманизации законодательных механизмов [2, с. 126].

В Концепции судебной реформы РСФСР 1991 года [5] подчеркивалась необеспеченность процессуальной самостоятельности следователя, при том, что самостоятельность следователя и его личная ответственность за ведение следствия, собственно, и должны отличать следователя от чиновника администрации. В Концепции формулировалась задача по построению уголовного процесса на состязательных началах, распространив принцип состязательности и на досудебные стадии. Фактического равенства с государством у частного лица не может, поскольку последний не имеет возможности по применению мер процессуального принуждения, выступая более слабой стороной [6]. Закреплялся принцип объективной (материальной) истины (ст. 19), а следователь не относился к стороне обвинения. Несмотря на это, следователь всегда занимал и продолжает, занимает особое место в системе участников уголовного судопроизводства, осуществляя от имени государства свои властные полномочия по расследованию уголовных дел.

Если вернуться к советскому периоду, то процессуальная самостоятельность следователя означала его право принимать самостоятельно, по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, в строгом соответствии с законом, все решения о направлении следствия и о производстве следственных действий. Исключение составляли случаи, когда законом предусмотрено получение санкции от прокурора.

Понятие процессуальная самостоятельность следователя формулировалась из содержания ряда норм уголовно-процессуального права, которые в совокупности определяли место и роль следователя в стадии предварительного расследования, его полномочия, регулировали отношения с участниками уголовного процесса на данной стадии. При этом необходимо отметить, что фактически процессуальная деятельность начинается с момента получения сообщения (заявления) о совершенном преступлении.

Свою процессуальную самостоятельность следователь осуществлял только в пределах того круга полномочий, которыми он наделен по закону (ст. 30 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик) [1].

Следует согласиться с мнением тех ученых, которые определяли следователя, как самостоятельной процессуальной фигурой, самостоятельным субъектом уголовно-процессуальной деятельности, наделенным широкими полномо-

чиями для успешного ведения следствия, для изобличения совершивших преступления лиц и несущий обязанности вести следствие на основе законности, с соблюдением прав и законных интересов участвующих в деле лиц [8, с. 228].

О важности роли следователя писал В.К. Случевский: «Следователь, а не прокурор, представляется главным по производству предварительного следствия лицом, сохраняющим за собой инициативу и самостоятельность действий, равно как и ответственность за правильное и целесообразное его ведение» [7, с. 34]. В. И. Никандров, рассматривая процессуальную самостоятельность следователя, не разделяет мнение ученых, которые включают эту самостоятельность в принципы уголовного процесса, а причисляет их к «общим условиям предварительного следствия» [4, с. 18].

Процессуальная самостоятельность следователя предполагала определение им наиболее эффективных процессуальных действий, отнесенных к его компетенции, обеспечивающих результативное достижение задач предварительного следствия при строжайшем соблюдении законности. Самостоятельно решая вопрос о том, какие процессуальные действия необходимо в каждом случае произвести, следователь сам определял целесообразную тактику их производства. Следователь вправе выбирать только такие тактические приемы, которые основаны на законе. Как справедливо отмечал С. П. Митричев, содержание и направленность тактических приемов служат быстрому и полному раскрытию преступлений, и укреплению социалистической законности, причем характер следственной тактики определяет уголовно-процессуальный закон [3, с. 15].

Следователь самостоятельно составлял план расследования с учетом тех версий, которые он построил на основе оценки имеющихся по делу данных. В процессе расследования мог по собственному усмотрению вносить в план изменения.

О процессуальной самостоятельности следователя нельзя говорить как о деятельности полной бесконтрольности при производстве по делу, как предоставление возможности в любом случае поступать по произвольному усмотрению. Советский следователь был представителем органа государства, он проводил политику государства по борьбе с преступлениями теми способами, которые предусмотрены законом. Порядок осуществления полномочий следователя, характер и пределы его процессуальной самостоятельности отвечали интересам быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных на основе правильного применения закона, способствовать осуществлению воспитательных и профилактических задач советского уголовного судопроизводства.

В случае несогласия следователя с указаниями прокурора о привлечении в качестве обвиняемого, о направлении дела для предания обвиняемого суду или о прекращении дела следователь вправе представить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений. В этом случае прокурор или отменяет указания нижестоящего прокурора, или поручает производство следствия по этому делу другому следователю.

Следователь в силу веления закона обладает процессуальной независимостью и самостоятельностью. Необходимо создавать все условия для того, чтобы

это требование закона неукоснительно соблюдалось. Никто, кроме лиц, перечисленных в законе, не может и не должен вмешиваться в работу следователя по конкретному делу, в изучение дел, дачу указаний о проведении следствия. Только при таком условии может быть объективное и беспристрастное следствие.

В настоящее время следует отметить, что нет единого подхода к различию между понятиями «правовой статус» и «правовое положение», в частности, второе понятие, в отсутствие общепринятого мнения в доктрине, является более широким, охватывающим помимо непосредственно статуса должностного лица (прав, обязанностей и ответственности), систему правовых связей и взаимозависимостей, в которых субъект состоит. Отмечается, что правовое положение может включать в себя несколько правовых статусов субъекта.

Таким образом, историко-правовой анализ совершенствования правового положения следователя подтверждает целесообразность создания прочной основы для укрепления законности и правопорядка, что в свою очередь будет способствовать обеспечению национальной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=221794&ysclid=mqsdaqw8zd525183931#9O67UNVcR0UbE03S1 (дата обращения: 10.04.2026).

2. Кунц Е. В. Обеспечение права личности на защиту при вынесении судебного решения // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф., Орел, 28 марта 2025 г. Орел : Орловский юридический институт МВД РФ им. В. В. Лукьянова, 2025. С. 126–129.

3. Митричев С. Следственная тактика – это мастерство // Социалистическая законность. 1971. № 4. С. 14–18.

4. Никандров В. И. Общие условия производства предварительного следствия в советском уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1973. 20 с.

5. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=221794&ysclid=mqsdaqw8zd525183931#9O67UNVcR0UbE03S1 (дата обращения: 10.0.2026).

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко». URL: https://yandex.ru/search/? text=%D0%9E+%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D0%B8+%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%BE%D0%B9+%D1%80%D0%B5%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D1%8B+%D0%B2+%D0%A0

%D0%A1%D0%A4%D0%A1%D0%A0&lr=7&clid=1836587 (дата обращения: 10.04.2026).

7. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса : в 2 ч. Ч. 1. Судоустройство. М. : Зерцало, 2008. – 374 с.

8. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. [В 2 т.]. [Перераб. и доп. изд.]. М. : Наука, 1968–1970.

УДК 343.9

Жбанков Виктор Андреевич
доктор юридических наук, профессор
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
заслуженный юрист Российской Федерации
Российская таможенная академия
г. Люберцы, Российская Федерация
viktor.zhbankov@mail.ru

К вопросу о расследовании легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности совершения и расследования легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления.*

Ключевые слова: *криминалистика, криминалистическая тактика, расследование преступлений, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления.*

Zhbankov Viktor Andreevich
professor, doctor of legal sciences
professor of the department of criminal-legal disciplines
Honored Lawyer of the Russian Federation
Russian Customs Academy
Lyubertsy, Russian Federation

On the issue of investigating the legalization (laundering) of funds or other property acquired by this person as a result of the commission of a crime

Annotation. *This article examines the specifics of the legalization (laundering) of funds or other property acquired by a person through the commission of a crime and its investigation.*

Keywords: *forensic science, forensic tactics, crime investigation, legalization (laundering) of funds or other property acquired by a person through the commission of a crime.*

Уголовная ответственность за данное преступление предусмотрена ст. 174.1 УК РФ. Его общественная опасность исключительно велика, поскольку

© Жбанков В. А., 2026

оно является одним из основных источников, обеспечивающих функционирование теневой экономики, что создает реальную угрозу экономической безопасности и финансовой устойчивости любого государства. В этой связи, борьба с данным преступлением имеет исключительно важное значение. Однако практика их выявления, раскрытия и расследования свидетельствует о серьезных проблемах в этом направлении: раскрывается и расследуется небольшое число преступлений, к уголовной ответственности привлекается незначительное количество лиц. Так, таможенными органами в 2024 году и за 9 месяцев 2025 года возбуждено только по 5 уголовных дел по ст. 174.1 УК РФ [1; 2]. Поэтому разработка рекомендаций по повышению эффективности выявления и расследования рассматриваемых преступлений имеет существенное значение.

В литературе отмечается, что организация борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершенного им преступления требует учета специфики данного деяния, которая, в свою очередь, обуславливает особенности деятельности по его выявлению, раскрытию и расследованию [3, с. 4–5; 4, с. 282].

Рассмотрим некоторые особенности их совершения и расследования.

Прежде всего, отметим, что данной проблеме в литературе уделяется определенное внимание [4, с. 282; 5; 6; 7, с. 37–48; 8, с. 24–28; 9, с. 142–157].

Особенности совершения данных преступлений определяются:

а) связью легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершенного им преступления с предикатными преступлениями, в результате которых получен преступный доход. В частности, это незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ (ст. 228, 228.1., 2282, 229, 232 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), незаконное предпринимательство (ст.171 УК РФ) и др.;

б) кругом лиц, совершающих преступления: криминальные авторитеты, действующие в основном в сфере экономики; директора, экономисты и бухгалтера предприятий с государственной либо коллективной формой собственности; коррумпированные сотрудники российских банковских и иных финансовых учреждений; работники правоохранительных и других государственных органов; руководители иностранных банков и финансовых учреждений и др. Некоторые из них являются депутатами различных уровней или имеют особый правовой статус;

в) многообразием способов совершения преступлений, которые постоянно совершенствуются, адаптируясь к принимаемым контрмерам со стороны правоохранительных органов;

г) интернационализацией процесса легализации, обусловленной интеграцией финансовых рынков и стремлением преступников избежать выявления своей незаконной деятельности за счет концентрации ее в странах, где финансовый контроль отсутствует либо ослаблен за счет несовершенства законодательной базы.

К особенностям расследования, рассматриваемых преступлений, следует отнести:

а) в большинстве случаев уголовные дела по ст. 174.1. УК РФ возбуждаются при расследовании предикатных преступлений. Таким образом, в отношении одного лица одновременно производится расследование по двум преступлениям, что обуславливает необходимость реализации весьма значительного количества процессуальных, следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий;

б) в процессе расследования необходимо установить местонахождение наличных и безналичных денежных средств, ценностей. Если в случае установления местонахождения наличности и ценностей работают традиционные правила, то установление безналичных денежных средств представляет собой сложный процесс и зависит от того, насколько задействованные в «отмывании» банки в своей деятельности придерживаются законов и инструкций Центрального банка Российской Федерации в отношениях с другими банками, международных правил оказания банковских услуг;

в) задержание и последующий допрос лиц, совершивших рассматриваемые преступления, требует особо тщательной подготовки, включая изучение социальных, психологических и биологических свойств их личности, подготовку доказательственной базы и т. д.

При подготовке доказательственной базы следует иметь в виду, что вся финансово-экономическая деятельность состоит из операций, сделок, договоров. В этой связи следует изучить и подготовить документы, отражающие проведение операций, сделок, договоров для последующего предъявления их допрашиваемому;

г) процесс расследования связан с необходимостью изучения, изъятия и исследования большого количества документов, указывающих на совершение преступления, включающих:

– финансовые документы, содержащие сведения о фактах и объемах совершения сделок;

– правоустанавливающие, регистрационные и связанные с ними документы, содержащие сведения об операциях и сделках с преступными доходами, а также о фактах перехода, возникновения права собственности или иного законного права на определенные объекты;

– товарно-транспортные документы, оформленные на перевозимые материальные ценности, находящиеся в процессе легализации или легализованные;

– личные;

– черновые записи;

д) в процессе расследования необходимо допросить весьма значительное количество свидетелей:

– должностных лиц государственных органов, уполномоченных принимать юридически значимые решения (например, о признании или регистрации права собственности или иные юридически значимые решения);

– судей, государственных регистраторов росреестра, нотариусов;

– лиц, осуществляющих вспомогательные или технические функции в государственных органах (например, секретарей судебного заседания, помощников нотариусов, делопроизводителей, технического персонала и т. д.);

– сотрудников различных организаций, осуществляющих предпринимательскую и иную разрешенную законом деятельность, выступивших в качестве добросовестных участников сделки с субъектами, причастными к легализации (отмыванию) преступных доходов (например, сотрудников риэлтерских компаний, через которые осуществлялись сделки по имитации правомерности нахождения в ведении определенных субъектов недвижимости, к которой они получили доступ в результате совершения преступления);

– сотрудников организаций, которым под видом легальной экономической деятельности сбывались материальные ценности, приобретенные преступным путем, либо у которых приобретались материальные ценности за денежные средства, полученные преступниками в результате совершения деяния;

– сотрудников банков и иных финансовых учреждений, через которые осуществлялись финансовые операции по имитации правомерной гражданско-правовой сделки;

– лиц, выполняющих вспомогательные или технические функции в коммерческих или иных организациях, являвшихся участниками сделок, предметом которых являлись легализуемые денежные средства или иные материальные ценности;

– случайных очевидцев отдельных этапов деятельности по легализации денежных средств или иных материальных ценностей, полученных в результате совершения преступления;

– должностных лиц правоохранительных и иных государственных органов, выявивших признаки легализации (отмывания) денежных средств или иного и имущества, полученных в результате совершения преступления;

– родственников и знакомых лиц, совершивших преступление;

е) необходимость изъятия и изучения значительного количества документов и получения информации от весьма большого числа свидетелей обуславливает проведение на первоначальном этапе расследования весьма большого числа выемок, обысков, допросов, очных ставок, назначения судебных экспертиз.

В заключение отметим:

– общественная опасность легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления чрезвычайно высока, поскольку данные деяния является одним из основных источников, обеспечивающих функционирование теневой экономики;

– борьба с данным преступлением имеет исключительно важное значение;

– практика выявления, раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений свидетельствует о серьезных проблемах их раскрывается и расследуется: выявляется небольшое число деяний, к уголовной ответственности привлекается незначительное количества лиц;

– данные преступления очень специфичны. Специфика их совершения обуславливает особенности процесса расследования.

В этой связи, при выявлении и расследовании легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления необходимо учитывать специфику их совершения, обуславливающую особенности расследования данных деяний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2024 год. URL: https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovanij-i-doznaniya/document/617555 (дата обращения: 21.01.2026).

2. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 9 месяцев 2025 года. URL: https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennyx-rassledovanij-i-doznaniya/document/662757 (дата обращения: 21.01.2026).

3. Домовец С. С., Волколупов В. Г., Двуреченская Н. А. Особенности расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, полученных преступным путем (ст. 174, 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М., 2019. С. 4–5.

4. Гайдараджи Т. В., Гебре В. Д., Кожабаев М. Х. Особенности выявления, квалификации и расследования преступлений, предусмотренных ст. 174.1. УК РФ // Вестник науки. 2023. Т. 3, № 12(69). С. 282.

5. Коляда А. В. Расследование легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем : дис. … канд. юрид. наук. М., 2010;

6. Крачун Ю. В. Совершенствование методики расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем : дис. … канд. юрид. наук. Тула, 2015. 183 с.

7. Иванов И. И., Чудаков А. Ю. Проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 174 Уголовного кодекса Российской Федерации и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1(26). С. 37–48.

8. Гончаров А. В. Актуальные вопросы расследования легализации денежных средств и иного имущества, приобретенных незаконных путем // Актуальные проблемы государства и права. 2025. Т. 9, № 1. С. 24–28.

9. Соловьев А. В. Особенности первоначального этапа расследования легализации доходов, приобретенных преступным путем // Черные дыры в Российском законодательстве. 2002. № 4. С. 142–157.

УДК 343.123.6

Кобзарев Федор Михайлович
доктор юридических наук, профессор
Костромской государственный университет
профессор кафедры уголовно-процессуального
права имени Н. В. Радутной
Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева
г. Кострома, Российская Федерация
kobzarfm@mail.ru

Ярков Александр Андреевич
аспирант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
yarkov.aleks@gmail.com

Реализация процессуальных полномочий участковым уполномоченным полиции при производстве по уголовным дела частного обвинения

Аннотация. *Учитывая особенности производства по уголовным делам частного обвинения и участия участкового уполномоченного полиции в проверке заявлений о преступлениях, уголовное преследование за совершение которых осуществляется в частном порядке, в статье рассматривается порядок реализации процессуальных полномочий этим должностным лицом органа дознания при рассмотрении таких заявлений. Проводится анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ, судебной практики, а также последних изменений УПК РФ по рассматриваемым вопросам. В качестве вывода формируются предложения по совершенствованию правового регулирования процессуальной деятельности органов дознания, участкового уполномоченного и суда при производстве по делам частного обвинения.*

Ключевые слова: *уголовные дела частного обвинения, участковый уполномоченный полиции, процессуальные полномочия, заявления о преступлении, подсудность дел частного обвинения.*

Kobzarev Fyodor Mikhailovich
doctor of law, professor
Kostroma State University
professor department of criminal procedure
law named after N. V. Radutnaya
Russian State University of Justice
named after V. M. Lebedev
Kostroma, Russian Federation

Yarkov Aleksandr Andreevich
postgraduate student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

© Кобзарев Ф. М., Ярков А. А., 2026

Exercise of procedural powers by a district police officer in private criminal prosecution

Annotation. *Considering the specifics of private criminal prosecution proceedings and the participation of a district police officer in the investigation of allegations of crimes for which criminal prosecution is carried out privately, this article examines the procedure for exercising procedural powers by this official of the investigative body when reviewing such allegations. An analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, judicial practice, and the latest amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on the issues under consideration is conducted. Proposals for improving the legal regulation of the procedural activities of investigative bodies, district police officers, and the court in private prosecution cases are formulated.*

Keywords: *private prosecution criminal cases, district police officers, procedural powers, criminal complaints, jurisdiction over private prosecution cases.*

По результатам предпринимаемого в последние годы реформирования производства по уголовным делам частного обвинения, следует констатировать, во-первых, что федеральным законодателем, в настоящее время, в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ, отнесены к преступлениям уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляемое в частном порядке, два состава преступлений, предусмотренные ч. 1 ст. 115 УК РФ (легкий вред здоровья) и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ (нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющему судимость).

Данные преступления хотя и не представляют большой общественной опасности, но зачастую связаны с проявлением, так называемого «домашнего насилия» и соответственно во многих случаях на первоначальном этапе рассмотрения заявлений об их совершении, а нередко и предварительного расследования, становятся предметом служебной деятельности участкового уполномоченного полиции, в том числе, его уголовно-процессуальной деятельности как должностного лица органа дознания [4;6].

Во-вторых, следует отметить, что произошло расширение подсудности уголовных дел частного обвинения, и кроме мировых судей производство по отдельным таким делам в связи с изменениями, внесенными в УПК РФ в декабре 2025 года осуществляется и другими судами, в частности, районными и гарнизонными военными судами [3].

Вместе с тем, как представляется, эти изменения фактически не затронули положений, касающихся деятельности органов дознания (а, значит, и участкового уполномоченного) и органов предварительного следствия по производству уголовных дел частного обвинения, а также порядка их взаимодействия с судами.

К числу таких законодательно недостаточно четко регламентированных положений следует отнести вопрос о порядке действий того же участкового уполномоченного при получении им для проверки от гражданина, проживающего на закрепленном за уполномоченным участке, заявления о преступлении,

к примеру, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, совершенном соседом заявителя и его просьбы о привлечении этого лица к уголовной ответственности.

В Постановлении от 28 июня 2023 года № 36-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что если лица, потерпевшие от преступлений, относящихся к уголовным делам частного обвинения, за защитой своих прав обращаются в органы внутренних дел, к числу основных задач которых относится оказание помощи гражданам, пострадавшим от преступлений, и которые наделены Федеральным законом от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» и уголовно-процессуальным законом соответствующими полномочиями, а также обладают специальными средствами и навыками раскрытия преступлений, то органы внутренних дел обязаны в каждом случае поступления заявления о преступлении принять его, зарегистрировать, провести проверку в порядке статей 144 и 145 УПК Российской Федерации и принять по нему решение в пределах установленной компетенции [5].

Соответственно этот порядок полностью распространяется и на деятельность участкового уполномоченного, если после регистрации заявления о преступлении, ему будет поручено руководством органа дознания проводить проверку указанного заявления. В этом случае при проверке заявления о преступлении, исходя из требований ч. 1 ст. 144 УПК РФ, он праве получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать и изымать документы и предметы, назначать судебную экспертизу, производить осмотр документов и предметов, освидетельствование. Вполне допустимо и проведение им осмотра места происшествия. Также ему, как и дознавателю, на наш взгляд, предоставляется право дачи органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Вместе с тем, возникает вопрос о том, что выполнение этих процессуальных действий, является в каждом случае его (или другого уполномоченного лица органа дознания) правом или обязанностью? Можно предположить, что, если пострадавший обращается за помощью именно в орган внутренних дел, а не непосредственно в суд, то участковый уполномоченный обязан проводить проверку полно, всесторонне и объективно и обеспечить собирание и закрепление достаточных данных, указывающих на наличие или отсутствие признаков преступления.

Другое дело, что участковый уполномоченный после проверки заявления о преступлении и установлении, что уголовное дело по этому преступлению считается делом частного обвинения, обязан принять в установленном порядке только одно решение, а именно: о передаче заявления о преступлении и материалов проверки в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ в суд. Принятие иного решения, особенно, об отказе в возбуждении уголовного дела недопустимо. По поводу этого Конституционным Судом Российской Федерации определено, что руководитель следственного органа, следователь и дознаватель не уполномочены разрешать вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела частного обвинения, а постановление об этом, как вынесенное за пределами их

компетенции и умаляющее гарантии защиты прав потерпевшего, не может служить ни препятствием для принятия судом к своему производству заявления о преступлении, предусмотренном в частном порядке, ни основанием для прекращения уголовного дела по мотиву наличия такого неотмененного постановления [5; 6]. Вполне очевидно, что этот порядок принятия решения распространяется в полном объеме и на участкового уполномоченного.

При этом следует учитывать, что решение участкового уполномоченного о направлении заявления и материалов проверки по подсудности в суд оформляется, как правило, процессуальным актом в виде постановления, копия которого должна быть направлена заявителю с разъяснением требования ч. 5, 6 ст. 318 УПК РФ к содержанию заявления о возбуждении уголовного дела частного обвинения, а также положение ч. 1 ст. 319 УПК РФ о последствиях несоблюдения требований закона к содержанию заявления.

Эти положения, как и предлагают отдельные исследователи, требуется закрепить в уголовно-процессуальном законе посредством внесения соответствующих дополнений ст. 24, 27, 38–40 УПК РФ нормами, исключающими принятие органом дознания, дознавателем либо следователем процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела о совершении преступлений, отнесенных к делам частного обвинения.

Следующим вариантом необходимости реализации участковым уполномоченным процессуальных полномочий является рассмотрение им заявления по преступлению частного обвинения, по которому лицо его совершившее не известно (ч. 4 ст. 20 УПК РФ). Данное заявление может быть направлено органу дознания и судьей при обращении с заявлением пострадавшего непосредственно в суд. В этом случае участковый уполномоченный обязан выполнить не только все перечисленные выше требования по установлению признаков преступления, но и принять меры по установлению лица его совершившего, в первую очередь, посредством производства следственных и иных процессуальных действий.

Однако решение о возбуждении уголовного дела им может быть принято только при делегировании ему начальником органа дознания полномочий дознавателя и согласия на это прокурора. В ином случае, заявление и материалы проверки для решения вопроса о возбуждении уголовного дела должны по общему правилу передаваться дознавателю, а при установлении, что лицо, совершившее преступление, относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам (ст. 447, 448 УПК РФ), в органы Следственного комитета РФ.

По сложившейся практике участие участкового уполномоченного в производстве по делам частного обвинения может также выражаться в выполнении отдельных поручений следователя или дознавателя при возбуждении ими уголовного дела в установленном порядке и производстве данными лицами предварительного расследования в соответствии с положениями ч. 3 ст. 318 УПК РФ. Это относится к случаям, когда потерпевший в силу зависимого или

беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, а также, как указывалось, при совершении преступления лицом, данные о котором неизвестны. Эти поручения могут касаться не только необходимости выполнения следственных и иных процессуальных действий, но и производства оперативно-розыскных или исключительно розыскных мероприятий.

Не вдаваясь в подробности анализа неоднозначного правового регулирования полномочий участкового уполномоченного по производству оперативно-розыскных мероприятий и практики реализации этих полномочий, уместно отметить, что, очевидно, к числу таких мер по рассматриваемым категориям уголовных дел, можно отнести опросы граждан, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, обследование помещений, зданий, наблюдение.

Не смотря на то, что основной особенностью производства по уголовным делам частного обвинения является обязательность волеизъявления потерпевшего о начале уголовного преследования лица, причинившего ему вред и возложения бремени доказывания вины этого лица на частного обвинителя, с суда не снимается обязанность принятия итогового законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения по результатам рассмотрения таких дел. Этим обусловлены требования ч. 2 ст. 319 УПК РФ об оказании судом сторонам по их ходатайству содействия в собирании таких доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно.

В свою очередь, удовлетворение подобных ходатайств связано с необходимостью взаимодействия судей с различными органами и организациями, в первую очередь, с правоохранительными органами, их должностными лицами, в том числе, с участковыми уполномоченными полиции. Это выражается не только в направлении судьями этим органам различных запросов о предоставлении справок, характеристик, рапортов, актов обследования, но и, на наш взгляд, в оценке качественности и достаточности данных, содержащихся в материалах проверки, приложенных к поступившему в суд заявлению потерпевшего о возбуждении уголовного дела частного обвинения. Очевидно, неслучайно, по словам мировых судей, «им легче рассмотреть десять «обычных» уголовных дел, чем одно дело частного обвинения» [1, с. 20–22].

На практике судьи нередко устанавливают в заявлении о преступлении, поступившее от органа дознания, что оно не соответствует требованиям ч. 5, 6 ст. 318 УПК РФ и в соответствии с положениями ч. 1 ст. 319 УПК РФ, возвращают его заявителю [2, с. 323–327]. Соответственно приложенные к заявлению материалы до разрешения вопроса о принятии судьей заявления к производству хранятся в суде, так как возвращение в этом случае заявления и материалов в орган дознания законом не предусмотрено. Поэтому, исходя из назначения уголовного судопроизводства, представляется, целесообразным внесения в главу 41 УПК РФ дополнений о возможности возврата судом органу

дознания материалов, поступивших вместе с заявлением потерпевшего ввиду их неполноты.

Кроме того, с целью более полного обеспечения реализации прав сторон, целесообразно дополнить часть 2 ст. 319 УПК РФ, предусмотрев в ней право судьи на оказание содействия сторонам в собирании доказательств не только по ходатайству сторон, но и по собственной инициативе.

Реализация этих предложений, по нашему мнению, будет способствовать не только повышению уровню правовой защищенности потерпевших от преступлений, отнесенных законодателем к уголовным делам частного обвинения, но и укреплению правового положения, как в целом органа дознания, так и в частности, процессуального статуса участкового уполномоченного полиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азаренок Н. В. Упразднение дел частного обвинения как проявление поиска баланса публичного и частного интересов в современном отечественном уголовном процессе // Мировой судья. 2022. № 4. С. 20–22.

2. Коробова А. А. Актуальные проблемы по делам частного обвинения в уголовном процессе // Молодой ученый. 2021. № 22(364). С. 323–327.

3. Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. № 535-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации». URL: https://ivo.garant.ru/#/document/413376334/paragraph/1:0 (дата обращения: 10.04.2026).

4. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 06 июля 2023 г. № 19-УД23-16-к5. URL: https://www. Consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=769460&ysclid=mqsfc720y5564847906#AoTLUNV0UouIvt5z (дата обращения: 10.04.2026).

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2023 года № 36-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 24 и пункта 5 части первой статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. А. Школьник». URL: https://www.consultant.ru/document/cons _doc_LAW_450793/?ysclid=mqsfg1liba717650566 (дата обращения: 10.04.2026).

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. И. Баскаковой». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online .cgi?req=doc&base=ARB&n=804650&ysclid=mqsfies0d6293971609#sBhMUNV6VgX7Yhy31 (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 343.132.1

Мартыненко Сергей Борисович
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
martyncomorder@mail.ru

Уголовно-процессуальное регулирование фактических и юридических оснований производства эксгумации: существенные недостатки и пути их устранения

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблем уголовно-процессуального регулирования фактических и юридических оснований производства эксгумации. По мнению автора, обязательным атрибутом данных, образующих фактические основания ее проведения, должно служить их указание на то, что без извлечения трупа из места захоронения не могут быть установлены обстоятельства, позволяющие принять правильное итоговое решение по уголовному делу. В статье, помимо прочего, подвергаются обоснованной критике получение согласия на эксгумацию всех близких или иных родственников покойного как обязательное условие ее производства на основании постановления следователя, а также отсутствие в УПК РФ специальных норм, регламентирующих порядок получения судебного разрешения на проведение эксгумации. Исходя из анализа соответствующих научных воззрений, автором высказываются предложения об устранении недостатков законодательного регулирования фактических и юридических оснований производства эксгумации.*

Ключевые слова: *следственные действия, эксгумация, фактические основания производства эксгумации, юридические основания производства эксгумации, постановление следователя об эксгумации, разрешение суда на проведение эксгумации.*

Martynenko Sergey Borisovich
candidate of legal sciences, associate professor
associate professor of the department
of criminal law and procedure
Saint Petersburg institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation

Criminal procedure regulation of the factual and legal grounds for carrying out an exhumation: significant shortcomings and ways to eliminate them

Annotation. *The article is devoted to the study of problems of criminal procedure regulation of the factual and legal grounds for carrying out an exhumation. In the author's opinion, a mandatory attribute of the data that forms the factual basis for its implementation should be their indication that without removing the body from the burial site, the circumstances that would allow the*

© Мартыненко С. Б., 2026

correct final decision on the criminal case cannot be established. The article, among other things, justifiably criticizes the requirement to obtain consent for exhumation from all close or other relatives of the deceased as a mandatory condition for its implementation on the basis of an investigator's decision, as well as the absence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of special rules regulating the procedure for obtaining judicial permission to conduct an exhumation. Based on the analysis of relevant scientific views, the author makes proposals to eliminate the shortcomings of legislative regulation of the actual and legal grounds for carrying out the exhumation.

Keywords: *investigative actions, exhumation, actual grounds for exhumation, legal grounds for exhumation, investigator's decision on the exhumation, the court's decision to carry out the exhumation.*

Эксгумация представляет собой следственное действие (ч. 1 ст. 164 УПК РФ) комплексного характера, поскольку не ограничивается исключительно актом извлечения из могилы мертвого тела, а включает или может включать в себя осмотр окружающей место захоронения территории и участка местности, на котором оно непосредственно расположено, надмогильных сооружений, погребальной ямы, извлекаемых из нее грунта и гроба, самого трупа, а также изъятие самых разнообразных объектов материального мира: элементов надмогильных конструкций, гроба и одежды покойного, различных предметов, помещенных в гроб при первичном захоронении усопшего, образцов грунта с участка местности, на котором расположено захоронение, и из могилы, различного биологического материала и т. п. Помимо этого, процедура эксгумации нередко охватывает также и опознание останков покойного знавшими его при жизни лицами.

Соответственно, эксгумация фактически способна вбирать в себя такие следственные действия, как осмотр места происшествия, выемка, осмотр трупа, предъявление его для опознания и получение образцов для сравнительного исследования, либо определенные их элементы [6, с. 10–11].

Эксгумация, равно как и другие следственные действия, производится: а) при наличии фактических (материальных) оснований, т. е. имеющихся в материалах уголовного дела данных о том, что посредством ее проведения могут быть получены сведения, способствующие выяснению обстоятельств, входящих в предмет доказывания; б) в условиях тактического риска, предполагающих вероятность того, что в результате ее осуществления искомых сведений в распоряжении следствия не окажется.

Однако в отличие от прочих следственных действий эксгумация является комплексной, многоплановой, содержательно насыщенной, тактически и технически сложной в реализации, а кроме того, весьма дорогостоящей процедурой. Проведение эксгумации фактически подлежит предварительному согласованию с родственниками покойного или же, в случае наличия у них возражений, вызывает необходимость получения соответствующего судебного разрешения (ч. 3 ст. 178 УПК РФ). Извлечение мертвого тела из места захоронения и последующее его погребение требуют от следователя привлечения к этому и координации действий множества самых различных субъектов, а также обес-

печения подготовки и использования широкого спектра материально-технических средств. Указанные экстраординарные для любого нормального человека и растянутые во времени действия, очевидцами и участниками которых, как правило, становятся родственники покойного, заставляют пребывать их в длящейся психотравмирующей ситуации и испытывать глубокие нравственные страдания. Кроме того, сама возможность извлечения останков усопшего из места их погребения может войти в противоречие с местными религиозными верованиями, обычаями и традициями, вызвав активное противодействие производству эксгумации со стороны не только близких, но и земляков покойного [1, с. 121; 6, с. 47–48].

Исходя из вышеизложенного, эксгумация должна носить исключительный характер, в связи с чем обязательным атрибутом данных, образующих фактические основания ее производства, должно служить их указание на то, что установление обстоятельств, имеющих ключевое значение для правильного определения исхода уголовного дела и судьбы обвиняемого, без извлечения трупа из места захоронения не представляется возможным [3, с. 143]. К таким обстоятельствам, прежде всего, надлежит относить элементы предмета доказывания, составляющие его главный факт, а именно: событие преступления (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и виновность конкретного лица в его совершении (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

В уголовно-процессуальной и криминалистической науках неоднократно предпринимались попытки облечь фактические основания производства эксгумации, обуславливающие необходимость ее проведения, в формы конкретных сведений, в частности, о том, что: смерть человека имела насильственный характер или наступила не по тем причинам, которые указаны в медицинском свидетельстве о смерти, а патолого-анатомическое вскрытие и судебно-медицинское исследование трупа не проводились [2, с. 43; 3 с. 143; 5, с. 88; 6, с. 18]; имели место упущения при первичном судебно-медицинском исследования трупа или неполнота такого исследования [5. с. 88; 6, с. 18]; осмотр трупа не производился или производился ненадлежащим образом [2, с. 43; 5, с. 88; 6, с. 18]; имеются принципиальные противоречия заключения судебно-медицинского эксперта с другими материалами уголовного дела [2, с. 44; 5, с. 88; 6, с. 18]; в месте официального захоронения одного лица погребены останки другого [3, с. 143]. Кроме того, различными авторами отмечалось, что эксгумацию следует производить при: возникновении в связи с появлением вновь открывшихся обстоятельств вопросов, которые нельзя разрешить без извлечения трупа из места захоронения [2, с 44; 5, с. 88; 6, с. 18]; признании заключения эксперта, проводившего судебно-медицинскую экспертизу, недопустимым доказательством [3, с. 143].

В указанной связи представляется целесообразным привести в уголовно-процессуальном законе перечень обстоятельств, влекущих обязательное производство эксгумации, который предопределит принятие надлежащего решения следователем в соответствующих ситуациях и укрепит обоснованность его по-

зиции при поддержании ходатайства о проведении эксгумации в суде (ч. 3 ст. 178 УПК РФ). Вместе с тем такой перечень следует оставить открытым, поскольку предусмотреть все случаи, в которых может возникнуть потребность в извлечении трупа из места захоронения чрезвычайно сложно.

В качестве юридических (формальных, процессуальных) оснований производства эксгумации, выступают такие процессуальные акты, как постановление следователя, а при наличии возражений против ее проведения со стороны близких или иных родственников покойного – решение суда (ч. 3 ст. 178 УПК РФ). Существенным недостатком законодательного регулирования этих оснований служит то, что постановление следователя об эксгумации, в соответствии с ч. 3 ст. 178 УПК РФ, не порождает соответствующих правовых последствий в случае отсутствия согласия родственников усопшего на проведение этого следственного действия. Так, отсутствие или наличие возражений этих лиц против проведения эксгумации фиксируется в указанном процессуальном акте предварительного следствия и удостоверяется их подписями после его им объявления. При этом отрицательное волеизъявление родственников покойного исключает производство эксгумации на основании уже вынесенного следователем постановления. Такой нормотворческий подход в силу своей абсурдности заставляет согласиться с мнением П. В. Елфимова о необходимости установления в уголовно-процессуальном законе возможности вынесения следователем постановления об эксгумации только после получения письменных заявлений от родственников покойного об их согласии на проведение этой процедуры [3, с. 146].

В соответствии с ч. 3 ст. 178 УПК РФ несогласие с производством эксгумации любого близкого, а при их отсутствии – иного родственника покойного допускает ее проведение исключительно на основании постановления судьи. Между тем установление следователем родни усопшего и выяснение ее отношения к предстоящему мероприятию может явиться процессом достаточно длительным, трудоемким, ресурсозатратным и не исключающим вероятности того, что соответствующее согласие какого-нибудь родственника покойного все же испросить не удастся, в связи с чем доказательства, полученные на основе результатов эксгумации, будут признаны недопустимыми [4, с. 141. По данной причине следует разделить позицию А. В. Верещагиной относительно того, что надлежит законодательно сохранить лишь судебный порядок принятия решения об эксгумации [1, с. 126].

Помимо указанного, необходимо согласиться с предложением А. В. Верещагиной о дополнении приведенного в ч. 2 ст. 29 УПК РФ перечня принимаемых судом в порядке превентивного судебного контроля решений судебным решением о производстве эксгумации, одновременно включив последнюю в представленный в ч. 2 ст. 164 УПК РФ круг следственных действий, производимых по решению суда [1, с. 126]. Наряду с этим требуется указать в ч. 3 ст. 178 УПК РФ, что получение судебного решения на производство эксгумации осуществляется в порядке, регламентированном ст. 165 УПК РФ, ли-

бо предусмотреть в уголовно-процессуальном законе иной соответствующий порядок.

Таким образом, уголовно-процессуальное регулирование фактических и юридических оснований производства эксгумации в настоящее время характеризуется многочисленными недостатками. Небрежный подход законодателя к нормативной регламентации общественных отношений в исследуемой области дезориентирует следователя при принятии решения о проведении указанного следственного действия, неоправданно затягивает и даже ставит под сомнение вступление в юридическую силу выносимого следователем постановления об эксгумации, а также, порождает риски признания сведений, полученных в результате ее производства, недопустимыми доказательствами. При этом восприятие законодателем представленных в настоящей статье предложений по устранению вышеозначенных недостатков может способствовать повышению оперативности, качества и эффективности производства по уголовным делам, связанного с необходимостью извлечения трупа из места захоронения, и укреплению законности соответствующей процессуальной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верещагина А. Л. Эксгумация в российском уголовном судопроизводстве: религиозный, исторический и нормативный аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университете МВД России. 2025. № 1(105). С. 119–129.

2. Гришин А. В., Волкова В. Р. Эксгумация как вид следственного действия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2020. № 1(82). С. 42–51.

3. Елфимов П. В. К вопросу о фактических и юридических основаниях производства эксгумации: проблемы законодательного регулирования и пути их преодоления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 142–152.

4. Игнатьева А. А. Некоторые проблемные аспекты уголовно-процессуального регулирования эксгумации // Труды студенческого научного общества : сб. науч. ст. Т. 4. СПб. : С.-Петерб. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. С. 138–143.

5. Ильяшенко А. Н., Лозовский Д. Н. Актуальные вопросы производства эксгумации в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2017. № 1(59). С. 87–91.

6. Натура Д. А., Натура А. И. Эксгумация и особенности тактики следственных действий, связанных с эксгумированным трупом. М. : Юрлитинформ, 2003. 104 с.

УДК 343

Гребцов Максим Вячеславович
аспирант
Юго-Западный государственный университет
г. Курск, Российская Федерация
unforgiva@mail.ru

Уголовно-правовые, процессуальные, криминалистические и криминологические проблемы противодействия преступлениям, совершаемым на объектах транспортной инфраструктуры в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий

Аннотация. *В статье рассматриваются уголовно-правовые, процессуальные, криминалистические и криминологические проблемы противодействия преступлениям, совершаемым на объектах транспортной инфраструктуры в условиях цифровизации транспортного комплекса. Обосновывается, что эффективность противодействия таким деяниям зависит не только от точной уголовно-правовой квалификации, но и от своевременного процессуального закрепления цифровых следов, а также от разработки криминалистических алгоритмов расследования гибридных транспортно-цифровых посягательств. По мнению автора, ключевая проблема квалификации состоит в разграничении преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, нарушений требований транспортной безопасности и преступлений в сфере компьютерной информации. Формулируется вывод о необходимости перехода от «объектного» к «контурному» подходу в уголовно-правовой оценке таких посягательств.*

Ключевые слова: *транспортная инфраструктура, транспортная безопасность, уголовно-правовое противодействие, уголовный процесс, криминалистическое обеспечение, цифровые следы, детерминанты.*

Grebtsov Maksim Vyacheslavovich
postgraduate student, Southwest State University
Kursk, Russian Federation

Criminal law, procedural, forensic, and criminological issues in countering crimes committed at transport infrastructure facilities in the context of the development of information and telecommunication technologies

Annotation. *The article examines criminal law, procedural, forensic, and criminological issues related to countering crimes committed at transport infrastructure facilities in the context of the digitalization of the transport sector. It is argued that the effectiveness of countering such acts depends not only on accurate criminal law qualification, but also on the timely procedural fixation of digital traces, as well as on the development of forensic algorithms for investigating hybrid transport-digital offenses. According to the author, the key problem of qualification lies in distinguishing between crimes against traffic safety and the operation of transport, violations of transport security requirements, and crimes in the field of computer information. The conclusion is made about the need to shift from an "object-based" approach to a "contour-based" approach in the criminal law assessment of such offenses.*

© Гребцов М. В., 2026

Keywords: *transport infrastructure, transport security, criminal law counteraction, criminal procedure, forensic support, digital traces, determinants.*

Федеральный закон «О транспортной безопасности» исходит из понимания транспортной безопасности как состояния защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства [2]. Вместе с тем в современных условиях такой объект уже не может восприниматься исключительно как совокупность зданий, сооружений, путей сообщения и технических средств. Он представляет собой сложную систему, включающую каналы связи, автоматизированные системы управления, цифровые сервисы допуска, навигации, учета и обслуживания. Дополнительное значение имеет то обстоятельство, что Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» относит к субъектам критической информационной инфраструктуры, помимо прочего, лиц, чьи информационные системы и сети функционируют в сфере транспорта [3]. Следовательно, преступное посягательство на объект транспортной инфраструктуры сегодня нередко реализуется не через прямое физическое воздействие, а через воздействие на его цифровой контур.

Криминологический фон рассматриваемой проблемы подтверждается и официальной статистикой. По данным МВД России, за январь – май 2025 г.: «число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, оказалось на 1,3 % выше показателя аналогичного периода предыдущего года» [11]. Даже при снижении отдельных категорий таких деяний сама устойчивость цифровой преступности свидетельствует о том, что транспортная инфраструктура, как одна из наиболее технологически зависимых сфер, объективно входит в зону повышенного риска. Правительственная Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий [5], а затем и Федеральный закон «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» фактически закрепили курс на институционализацию комплексного ответа государства на подобные угрозы [4].

С уголовно-правовой точки зрения одна из наиболее сложных проблем состоит в конкуренции и сочетании норм глав 27 и 28 УК РФ. Если цифровое вмешательство создает угрозу безопасной эксплуатации транспортных средств, приводит к блокированию транспортных коммуникаций, нарушению работы средств сигнализации, связи или иного транспортного оборудования, то формальное обращение лишь к составам неправомерного доступа к компьютерной информации либо неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру не отражает всей сущности содеянного. В подобных случаях пересекаются нормы о нарушении требований транспортной безопасности, о приведении в негодность транспортных средств или путей сообщения, о дей-

ствиях, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, и нормы о преступлениях в сфере компьютерной информации [1].

Представляется, что для целей квалификации определяющим должен быть не столько технический способ воздействия, сколько его функциональная направленность. Когда лицо посредством компьютерной атаки вмешивается в работу систем, обеспечивающих движение, диспетчеризацию, сигнализацию, контроль доступа или иную деятельность, непосредственно связанную с безопасной эксплуатацией транспорта, основным объектом посягательства выступают общественные отношения в сфере транспортной безопасности и безопасного функционирования транспорта, а компьютерное воздействие образует способ совершения посягательства. И напротив, когда преступное поведение затрагивает преимущественно сервисный либо имущественный сегмент – например, платежные, билетные или клиентские системы, – приоритет должны получать нормы о преступлениях против собственности и преступлениях в сфере компьютерной информации. Именно такой подход, по мнению автора, позволяет избежать как неоправданного «растворения» транспортной составляющей преступления, так и искусственного расширения специальных компьютерных составов [10, с. 51].

Отдельную проблему образует применение ст. 274.1 УК РФ. Сам по себе факт того, что транспортная организация использует информационные системы, еще не означает автоматической квалификации любого цифрового инцидента как неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру. Для такой оценки требуется установить, что посягательство было направлено именно на объект КИИ в юридическом смысле этого понятия. В противном случае возникает риск чрезмерно широкой интерпретации уголовного закона. Заслуживает поддержки позиция Ю. В. Грачевой, С. В. Маликова и А. И. Чучаева, где отмечается, что уголовно-правовая охрана компьютерной информации не должна строиться на чрезмерно узких технологических признаках, отстающих от реальной динамики цифровой среды [7, с. 24].

Криминологически рассматриваемые преступления характеризуются рядом устойчивых особенностей. Во-первых, они носят гибридный характер; во-вторых, такие деяния отличаются пространственной распределенностью; в-третьих, для них типична высокая латентность. Как справедливо отмечается в научной литературе, что цифровизация изменила не только способы посягательств, но и сам предмет преступного интереса: им все чаще становятся не вещи в их классическом понимании, а доступ к управлению процессом, к массивам данных, к цифровым платежным или сервисным активам [6, с. 8; 8, с. 24; 9, с. 154].

Не менее значимым представляется процессуальный и криминалистический аспект противодействия рассматриваемым деяниям. Специфика преступлений, совершаемых на объектах транспортной инфраструктуры с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, заключается в том, что их доказательственная картина формируется на стыке материальных, электронных и поведенческих следов. В подобных случаях для уголовного судо-

производства принципиальное значение приобретают своевременное обнаружение, фиксация, изъятие и процессуально безупречное закрепление цифровых следов: журналов событий, сетевого трафика, данных систем диспетчеризации, контроля доступа, видеонаблюдения, служебной переписки, сведений о действиях операторов и подрядных организаций.

С криминалистической точки зрения данные посягательства требуют адаптации традиционных методик расследования к гибридной природе транспортно-цифровых инцидентов. Речь идет о необходимости комплексного взаимодействия следователя, оперативных подразделений, специалистов в области информационной безопасности, экспертов-компьютерщиков, а в ряде случаев – сотрудников транспортных и надзорных органов. Существенное значение имеют построение типичных следственных версий, разграничение аварийного, технического и криминального сценариев события, а также алгоритм первичных следственных действий, ориентированный на сохранение электронной доказательственной среды. Тем самым процессуальная эффективность и криминалистическая обеспеченность расследования становятся не факультативным, а системообразующим условием реального противодействия преступлениям на объектах транспортной инфраструктуры.

В процессуальном отношении особую сложность представляет то обстоятельство, что значимая доказательственная информация по делам данной категории нередко существует ограниченное время и распределена между различными носителями, информационными системами и субъектами эксплуатации. Поэтому уже на первоначальном этапе расследования требуется не формальное реагирование на факт инцидента, а выстраивание последовательной модели доказывания, при которой осмотр места происшествия дополняется оперативным получением электронных журналов, сведений о сеансах удаленного доступа, резервных копий, данных о маршрутизации команд, а также фиксацией действий должностных лиц, отвечавших за эксплуатацию соответствующих систем. Для криминалистики здесь принципиально важно сохранить не только содержание цифровых следов, но и их контекст: время возникновения, последовательность изменения, связь с конкретным техническим устройством, учетной записью или служебной функцией. Именно утрата этого контекста чаще всего и делает электронную информацию уязвимой в доказательственном плане. В связи с этим особое значение приобретает участие специалиста уже на стадии производства первоначальных следственных действий, поскольку без специальных знаний затруднительно отличить следы преступного вмешательства от последствий штатного обновления системы, аварийного сбоя либо ошибочных действий персонала.

Отметим, что криминогенная специфика объектов транспортной инфраструктуры объясняется сочетанием как минимум четырех факторов: высокой концентрацией пассажирских и грузовых потоков; зависимостью транспорта от непрерывности технологического процесса; множественностью подрядчиков

и пользователей цифровых сервисов; а также тем, что старые инженерные решения нередко сосуществуют с новыми цифровыми платформами.

Несомненно, органы внутренних дел на объектах транспортной инфраструктуры в соответствии со своей компетенцией участвуют в противодействии преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, однако данное противодействие бывает затруднительным и порой малоэффективным без тесного взаимодействия с территориальными органами внутренних дел и другими правоохранительными органами.

Сказанное позволяет сделать и более общий вывод для уголовной политики. Усиление санкций само по себе не способно обеспечить надлежащее противодействие преступлениям на объектах транспортной инфраструктуры. Гораздо важнее обеспечить нормативную и организационную связность транспортной безопасности, защиты КИИ и уголовно-правового преследования. В этом плане значение имеют не только уголовно-правовые запреты, но и обязательное сохранение цифровых следов инцидента, единые правила классификации транспортных компьютерных атак, быстрое межведомственное информационное взаимодействие и выработка моделей квалификации для гибридных посягательств.

Вопрос обеспечения безопасности информационной сферы, включающей в себя информационные технологии и информационную безопасность России, становится все более актуальным, а совершенствование направлений противодействия преступлениями в данной сфере и защита прав пользователей и субъектов персональных данных являются крайне необходимыми. Тенденции развития позволяют предположить, что в будущем преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, в частности, на объектах транспортной инфраструктуры, будут только распространяться и усложняться, поэтому крайне важно уже на данном этапе решительно принимать необходимые меры противодействия рассматриваемым преступлениям.

Таким образом, традиционный подход, при котором объект транспортной инфраструктуры рассматривается лишь как место совершения преступления, в цифровую эпоху уже недостаточен. Более продуктивным представляется контурный подход, в рамках которого внутри транспортной инфраструктуры выделяются: контур безопасного движения и эксплуатации; контур транспортной безопасности; сервисно-коммерческий цифровой контур. Так, полноценное противодействие таким преступным посягательствам не исчерпывается вопросами квалификации. Оно предполагает надлежащее процессуальное обеспечение расследования, своевременное выявление, фиксацию и сохранение цифровых следов, а также разработку криминалистических рекомендаций по расследованию гибридных транспортно-цифровых инцидентов. Следовательно, дальнейшее развитие противодействия преступлениям на объектах транспортной инфраструктуры должно осуществляться на основе согласованного сочетания

уголовно-правовых, процессуальных, криминалистических и криминологических средств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 20 февраля 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Федеральный закон от 09 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 837.

3. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (в ред. от 7 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31. Ст. 4736.

4. Федеральный закон от 01 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 14. Ст. 1574.

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495619/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/?ysclid=mqsfvtkuv4608144556 (Дата обращения: 10.04.2026.).

6. Воронин Ю. А., Беляева И. М., Кухтина Т. В. Современные тенденции преступности в цифровой среде // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. Т. 21, № 1. С. 7-12.

7. Грачева Ю. В., Маликов С. В., Чучаев А. И. Преступления в сфере компьютерной информации: критический взгляд // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 152–176.

8. Капинус О. С. Цифровизация преступности и уголовное право // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13, № 1. С. 22–29.

9. Расторопов С. В., Прорвич В. А. Информационные основы современной уголовно-правовой защиты субъектов цифровой экономики и финансов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 2. С. 143–169.

10. Хромов И. Л., Озеров К. И. Противодействие мошенничествам, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (оперативно-розыскная деятельность и криминологический анализ): монография. М. : Юриспруденция, 2023. 98 с.

11. МВД России публикует статистическую информацию о состоянии преступности в Российской Федерации за январь – май 2025 года. URL: мвд.рф (дата обращения: 10.03.2026).

УДК 343.98

Усенко Анатолий Сергеевич
кандидат юридических наук, начальник
отдела организации и сопровождения
научной деятельности, заместитель начальника
управления науки и инноваций
старший преподаватель кафедры криминалистики
Кубанский государственный аграрный
университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Российская Федерация
ceo@epomen.ru

О целесообразности совершенствования мер криминалистической профилактики преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и органов местного самоуправления

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы криминалистической профилактики должностных преступлений. На основе анализа статистических данных о состоянии преступности в Российской Федерации за период с 2010 по 2024 год выявлена устойчивая тенденция к росту числа регистрируемых деяний коррупционной направленности. В работе обосновывается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования методики расследования указанных преступлений и развития системы криминалистических превентивных мер. В качестве одного из направлений предлагается внедрение комплекса профилактических мер, ориентированных на повышение прозрачности деятельности государственных органов и правовой грамотности хозяйствующих субъектов.*

Ключевые слова: *криминалистическая профилактика, коррупционная преступность, должностные преступления, предупреждение преступлений, противодействие коррупции, правовая осведомленность.*

Usenko Anatoly Sergeevich
candidate of legal sciences, head of the department
of organization and support of scientific activities
deputy head of the department of science
and innovation, senior lecturer at the department of criminology
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russian Federation

© Усенко А. С., 2026

On the expediency of improving measures for the criminalistic prevention of crimes against State power, the interests of the civil service and local governments

Annotation. *The article discusses current issues of criminalistic prevention of official crimes. Based on the analysis of statistical data on the state of crime in the Russian Federation for the period from 2010 to 2024, a steady upward trend in the number of registered acts of corruption has been revealed. The paper substantiates the conclusion that it is necessary to further improve the methods of investigating these crimes and to develop a system of criminalistic preventive measures. As one of the directions, it is proposed to introduce a set of preventive measures aimed at increasing the transparency of government agencies and the legal literacy of business entities.*

Keywords: *criminalistic prevention, corruption crime, official crimes, crime prevention, anti-corruption, legal awareness.*

Проблема противодействия преступлениям против государственной власти и интересов службы традиционно находится в центре внимания криминалистической науки. Высокая общественная опасность данных деяний, их тесная связь с коррупцией и способность подрывать авторитет публичной власти обусловливают необходимость поиска новых, более эффективных форм и методов их предупреждения. В настоящей статье на основе анализа современного состояния преступности предпринята попытка обосновать направления совершенствования мер именно криминалистической профилактики.

Одним из наиболее общественно опасных деяний, затрагивающих все сферы государственной деятельности и отечественной экономики и подрывающих авторитет государства в глазах населения, являются преступления, регламентированные гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» (далее по тексту – должностные преступления). Так, например, ущерб от коррупции в 2024 г. составил 14,2 млрд руб., в 2023 г. – 50 млрд руб., в 2022 г. – 37,6 млрд руб., в 2021 г. – 39,4 млрд руб., в 2020 г. – 58 млрд руб., в 2019 г. – 55,1 млрд руб., в 2018 г. – 65,7 млрд руб., в 2017 г. – 10,3 млрд руб., в 2016 г. – 78 млрд руб., в 2015 г. – 44 млрд руб. Отметим, что столь существенная амплитуда колебаний размера причиненного ущерба свидетельствует не столько о реальной криминогенной ситуации, сколько об избирательной эффективности правоприменительной практики и высоком уровне латентности, когда выявляются либо отдельные резонансные дела с многомиллиардным ущербом, либо текущая низовая коррупция.

Приведенные статистические данные, несмотря на их ежегодную вариативность, свидетельствуют о перманентном и высоколатентном характере исследуемой группы преступлений, что требует не просто реагирования на уже совершенные деяния, а смещения акцента на их предупреждение.

Методологическую основу настоящего исследования образует диалектический метод научного познания, позволивший рассмотреть должностную преступность как динамичное, развивающееся явление, тесно связанное с социаль-

но-экономическими условиями. В процессе исследования применялся комплекс общенаучных и частнонаучных методов.

Исходя из анализа общего количества уголовных дел, возбуждаемых в рамках гл. 30 УК РФ за 2010–2024 гг., усматривается снижение с 2010 по 2018 г. количества выявленных должностных преступлений, что обуславливается совершенствованием антикоррупционного законодательства и внедрением новых мер по противодействию коррупции и других должностных преступлений. Однако с 2021 г. наблюдается устойчивая тенденция роста выявленных должностных преступлений. Так, с 2021 г. по 2024 г. количество возбужденных уголовных дел возросло с 30 608 до 35 597 в 2024 г., что приближается к показателям 2012–2013 гг.

На основании анализа динамики возбужденных уголовных дел за 2010–2024 гг. представляется возможным построение прогнозной модели, согласно которой при сохранении текущих тенденций к 2026 г. показатель может достигнуть 39 тыс., а к 2027 г. – превысить 41,5 тыс. зарегистрированных преступлений.

В этой связи особую актуальность приобретает вопрос не столько о наказании, сколько о целесообразности совершенствования именно криминалистической профилактики, т. е. системы мер, основанных на криминалистических знаниях и направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению данных преступлений.

Представляется, что одним из перспективных направлений снижения уровня коррупционной преступности является разработка и внедрение стратегии, направленной на повышение уровня правовой осведомленности хозяйствующих субъектов о механизмах совершения должностных преступлений и способах защиты от них [1; 2].

В целях обеспечения прозрачности деятельности публичной власти и минимизации коррупционных рисков необходимо обеспечение открытого доступа заинтересованных лиц к исчерпывающей информации о порядке предоставления государственных и муниципальных услуг, а также публикация на официальных сайтах государственных органов актуальных контактных данных контрольно-надзорных органов. Систематическое размещение на указанных интернет-ресурсах нормативных правовых актов федерального, регионального и локального уровней, регламентирующих вопросы антикоррупционной политики, будет способствовать усилению общественного контроля за деятельностью государственных служащих и повышению уровня информированности гражданского общества.

Однако информационная открытость является лишь базовым условием. Помимо публикации нормативной базы, целесообразно внедрение специализированных мобильных приложений и интернет-порталов, позволяющих гражданам в режиме реального времени отслеживать статус рассмотрения своих обращений, этапы прохождения государственных услуг, а также анонимно сообщать о фактах вымогательства или волокиты. Важным элементом является раз-

витие института независимых антикоррупционных экспертов с предоставлением им доступа к обезличенным данным о деятельности ведомств для проведения анализа коррупциогенных факторов.

На этапе отбора кандидатов на должности государственной и муниципальной службы необходимо углубление криминалистических методов проверки. Речь идет не только о наличии судимости, но и о выявлении склонности к коррупционному поведению с помощью психофизиологических исследований, например, тестирования на полиграфе, анализа связей кандидата (проверка на аффилированность с коммерческими структурами через цифровые платформы и пр.) и мониторинга его социальных сетей на предмет несоответствия расходов официальным доходам еще до трудоустройства. Данный подход базируется на криминалистическом учении о личности преступника, позволяя выявлять на раннем этапе лиц, обладающих коррупционно-опасными моделями поведения, что в конечном счете способствует устранению условий, способствующих совершению преступлений, – т. е. решает главную задачу криминалистической профилактики.

Проведенный анализ статистических данных подтверждает сохранение напряженной криминогенной обстановки в сфере должностных преступлений, что актуализирует поиск превентивных мер.

Таким образом, криминалистическая профилактика преступлений против государственной власти должна рассматриваться как приоритетное направление, позволяющее воздействовать на причины и условия совершения деяний до наступления общественно опасных последствий. Эффективная система профилактики должна носить комплексный характер и включать в себя не только меры информационной открытости, но и инструменты кадрового отбора (в том числе психофизиологические методы), а также механизмы цифрового контроля за деятельностью госслужащих.

Дальнейшие научные разработки в данной области целесообразно направить на создание частных криминалистических методик профилактики применительно к отдельным видам должностных преступлений (например, взяточничество, превышение должностных полномочий, халатность) и конкретным сферам государственного управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коротина А. А. Совершенствование современного механизма противодействия коррупции в России // Вестник экономики и права. 2024. № 91. С. 53–67.

2. Сейтягьяева Д. А. Криминалистическая классификация способов передачи взятки // Вестник экономики и права. 2025. № 103. С. 85–90.

УДК 351.74:004.056

Черкова Марина Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры государственного управления
Луганский государственный университет им. В. Даля
г. Луганск, Российская Федерация
marina.cher.80@mail.ru

Черков Владимир Александрович
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры государственного управления
Луганский государственный университет им. В. Даля
г. Луганск, Российская Федерация
Vladimir_Cherkov@mail.ru

Цифровая гигиена как фактор обеспечения информационной безопасности в правоохранительных органах

Аннотация. *В статье рассматривается цифровая гигиена как важнейший элемент профессиональной деятельности правоохранительных органов в условиях цифровой трансформации. Анализируются основные угрозы, связанные с нарушением правил безопасного обращения с информацией, и раскрываются практические меры по повышению информационной безопасности сотрудников. Особое внимание уделяется роли цифровой гигиены в предотвращении утечек данных, фишинговых атак и иных киберрисков, влияющих на эффективность и законность служебной деятельности.*

Ключевые слова: *цифровая гигиена, правоохранительные органы, информационная безопасность, киберугрозы, персональные данные, фишинг, цифровая трансформация, служебная деятельность.*

Cherkova Marina Yuryevna
candidate of legal sciences, associate professor, associate professor
of the Department of Public Administration
Lugansk State University named after Vladimir Dahl
Lugansk, Russian Federation

Cherkov Vladimir Alexandrovich,
candidate of legal sciences, associate professor
associate professor of the Department of Public Administration
Lugansk State University named after Vladimir Dahl
Lugansk, Russian Federation

Digital hygiene as a factor in ensuring information security in law enforcement agencies

Annotation. *The article is dedicated to digital hygiene as a key component of law enforcement professionals' activity in the context of digital transformation. It analyzes the main threats as-*

© Черкова М. Ю., Черков В. А., 2026

sociated with unsafe information handling and outlines practical measures to enhance employees' information security. Special attention is given to the role of digital hygiene in preventing data leaks, phishing attacks, and other cyber risks that affect the effectiveness and legality of official duties.

Keywords: *digital hygiene, law enforcement agencies, information security, cyber threats, personal data, phishing, digital transformation, professional activity.*

Переход правоохранительных органов к электронному документообороту, межведомственным базам данных, мобильным рабочим местам и цифровым каналам коммуникации резко расширил возможности службы, но одновременно сделал ее уязвимее. Любая ошибка сотрудника – слабый пароль, переход по ссылке, хранение служебных файлов на личном устройстве – может привести к утечке персональных данных, компрометации оперативной информации или срыву в расследовании уголовного дела.

В условиях цифровой трансформации цифровая гигиена становится не вспомогательным навыком, а одним из факторов профессиональной эффективности и служебной надежности [1]. Цифровую гигиену в этой сфере важно рассматривать не только как элемент информационной безопасности, но и как часть профессиональной дисциплины. Для правоохранительной системы, где цена ошибки измеряется не только репутационными, но и правовыми, оперативными и даже человеческими потерями, такая дисциплина приобретает стратегическое значение [5].

На сегодняшний день пока еще не так много исследований информационной гигиены в контексте успешности профессиональной деятельности специалистов. В общем смысле цифровая гигиена понимается как комплекс мер, навыков и правил, обеспечивающих безопасное и рациональное использование цифровых технологий. В методических материалах и научных публикациях она описывается как система действий, направленных на защиту цифрового профиля, предупреждение негативных последствий цифрового следа и снижение рисков кибератак, фишинга, вирусов и утечек данных [2; 4; 10].

Для правоохранительных органов это понятие, на наш взгляд, шире бытового уровня. Оно включает не только индивидуальное поведение сотрудника, но и организационные регламенты, контроль доступа, культуру работы с информацией и устойчивые процедуры реагирования на инциденты. Иными словами, цифровая гигиена в данном случае – это одновременно личная ответственность и институциональная практика.

Следует отметить, что служебная деятельность правоохранительных органов постоянно связана с обработкой конфиденциальных данных: сведений о гражданах, свидетелях, подозреваемых по делу, оперативных разработках, служебных маршрутах, внутренних коммуникациях, результатах межведомственного информационного обмена и т. п. [11]. Именно поэтому информационная гигиена должна рассматриваться как значимая составляющая профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, особенно в сферах межведомственного электронного взаимодействия, информационного обеспечения, защиты информационных ресурсов и реализации цифровых проектов.

Если в обычной организации ошибка сотрудника чаще всего приводит к локальной проблеме, то в правоохранительной системе она может повлечь срыв проведения следственных действий, компрометацию источников, уничтожение доказательств или вмешательство в служебные операции. Следовательно, цифровая гигиена становится частью правоприменительной надежности и элементом обеспечения прав граждан.

С правовой точки зрения обеспечение информационной безопасности в данной сфере опирается на положения Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [8], который закрепляет необходимость правовых, организационных и технических мер, направленных на защиту информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления и распространения. В отношении персональных данных дополнительное значение имеет статья 19 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» [9], возлагающая на оператора обязанность принимать необходимые меры для защиты данных от неправомерного или случайного доступа, а также от иных неправомерных действий. Следовательно, нарушение правил цифровой гигиены в правоохранительной деятельности может рассматриваться не только как организационный недостаток, но и как фактор возникновения правовых рисков.

Одной из наиболее распространенных угроз выступает фишинг. В научно-прикладном смысле фишинг представляет собой форму социальной инженерии, основанную на имитации доверенного источника с целью побудить пользователя раскрыть учетные данные, перейти по вредоносной ссылке либо открыть зараженное вложение [6]. Для правоохранительных органов фишинговые атаки особенно опасны тем, что они нередко адресуются конкретным сотрудникам, содержат элементы служебной стилистики и маскируются под внутренние уведомления, что повышает вероятность их успешного восприятия. В случае компрометации служебной учетной записи злоумышленник может получить доступ к внутренней переписке, ведомственным базам и иным ресурсам, содержащим охраняемую законом информацию.

Существенную угрозу представляют вредоносные вложения и зараженные файлы, распространяемые посредством электронной почты, мессенджеров и иных каналов цифровой коммуникации. Подобные объекты часто используются как средство первичного проникновения в информационную инфраструктуру: после открытия документа может быть активирован вредоносный код, обеспечивающий хищение данных, установку скрытого доступа или шифрование файлов. В условиях правоохранительной деятельности это может повлечь не только технический инцидент, но и нарушение целостности доказательственной информации, утрату процессуальных материалов либо компрометацию служебных данных, что противоречит требованиям их защищенности, установленным законодательством.

Отдельное место занимает проблема слабых, повторяющихся и недостаточно контролируемых паролей. Несмотря на распространенность этого риска, именно он часто является причиной несанкционированного доступа к учетным записям. В научной и практической плоскости данный фактор относится к чис-

лу типичных проявлений низкой цифровой дисциплины, когда субъекты не соблюдают элементарные правила аутентификации и тем самым снижают устойчивость ведомственной информационной системы [3]. Для правоохранительных органов эта угроза усугубляется тем, что доступ через один скомпрометированный аккаунт может быть расширен на смежные ресурсы, базы данных и каналы служебного взаимодействия.

Значимым риском является подключение к небезопасным сетям и использование незащищенных каналов передачи данных. Публичные Wi-Fi-сети, неавторизованные маршрутизаторы и иные открытые соединения создают возможности для перехвата трафика, подмены коммуникационных узлов и внедрения вредоносных компонентов. В связи с этим нормы статьи 16 Федерального закона № 149-ФЗ, предусматривающей защиту информации как принятие правовых, организационных и технических мер, имеют прямое значение для служебной практики: передача сведений по небезопасному каналу фактически снижает эффективность предусмотренных законом гарантий.

Необходимо также выделить несанкционированную установку программного обеспечения (далее – ПО). Использование непроверенных приложений, расширений и цифровых сервисов создает риск внедрения вредоносного кода, нарушения конфигурации защитных средств и выхода информации за пределы установленного контура обработки. В правоприменительном аспекте такая практика может привести к нарушению организационных и технических мер защиты персональных данных. Для правоохранительных органов проблема осложняется тем, что стороннее ПО нередко устанавливается под видом «удобного инструмента» для ускорения служебной работы, хотя фактически подрывает режим защищенности.

Особую угрозу представляет смешение личной и служебной цифровой среды. Использование одних и тех же устройств, учетных записей, облачных сервисов и мессенджеров для частных и служебных целей увеличивает вероятность случайного раскрытия информации, ее синхронизации с личными аккаунтами и неконтролируемого распространения. С позиции нормативно-правового подхода подобное смешение затрудняет реализацию принципа ограничения доступа к информации и ослабляет исполнение обязанности по обеспечению ее защиты, закрепленной в федеральном законодательстве.

Отдельного анализа заслуживает социальная инженерия как наиболее адаптивная и психологически ориентированная форма угрозы. В отличие от классических технических атак, социальная инженерия направлена не на преодоление технологических барьеров, а на манипулирование поведением человека путем использования доверия, авторитета, срочности или страха служебных санкций. Злоумышленник может побуждать сотрудника сообщить пароль, подтвердить «обновление», открыть файл или перейти по ссылке, используя убедительные легенды и имитацию официальной коммуникации. Для правоохранительных органов это особенно опасно, поскольку служебные учетные данные нередко обеспечивают доступ к охраняемым законом компьютерным ресурсам, неправомерный доступ к которым образует состав преступления, пре-

дусмотренный статьей 272 УК РФ (Неправомерный доступ к компьютерной информации) [7].

Таким образом, комплекс основных угроз цифровой безопасности в правоохранительной сфере включает как технические, так и поведенческие, организационные и правовые риски. Их преодоление требует не только использования средств защиты информации, но и формирования у сотрудников устойчивых навыков цифровой гигиены, правосознания и информационной ответственности. В этом смысле цифровая гигиена выступает не частной рекомендацией, а необходимым условием реализации обязанностей, предусмотренных законодательством в сфере информации, персональных данных и защиты компьютерной информации.

Надежная цифровая гигиена в деятельности правоохранительных органов основывается на системе взаимосвязанных принципов, каждый из которых направлен на снижение вероятности информационных инцидентов и повышение устойчивости служебной цифровой среды.

Первым базовым принципом выступает минимизация доверия. Его сущность заключается в том, что любое цифровое сообщение, ссылка, вложение, учетная запись, устройство или сетевое соединение должны подвергаться дополнительной проверке, независимо от внешней достоверности и привычности источника. Для правоохранительной деятельности данный принцип особенно важен, поскольку злоумышленники нередко используют имитацию официальной переписки, поддельные интерфейсы и знакомую служебную лексику, стремясь снизить критичность восприятия информации сотрудником. Следовательно, проверка подлинности источника, корректности доменного имени, формата вложения и сетевого адреса должна стать стандартной процедурой повседневной работы. Такой подход позволяет ограничить влияние социальной инженерии и уменьшить вероятность несанкционированного доступа к служебным ресурсам.

Вторым принципом является разделение цифровых контуров, т. е. недопущение смешения служебной и личной информационной среды. В практическом смысле это означает использование отдельных устройств, учетных записей, почтовых сервисов и мессенджеров для выполнения служебных и частных задач. Подобное разграничение имеет принципиальное значение, поскольку личные цифровые устройства, как правило, хуже администрируются, реже обновляются и нередко используются в менее защищенной среде. Если служебные данные синхронизируются с личными облачными хранилищами или передаются через неофициальные каналы, возрастает риск их утраты, несанкционированного копирования или случайного распространения. В правоохранительных органах, где обрабатываются сведения ограниченного доступа, данное требование приобретает не только организационное, но и правовое значение.

Третьим важным принципом является регулярное обновление и техническая защита цифровой среды. Он предполагает систематическое применение антивирусных средств, своевременное обновление операционных систем и прикладного программного обеспечения, использование многофакторной аутентификации, а также применение надежных и уникальных паролей. Обновле-

ние программного обеспечения необходимо рассматривать не как формальную техническую процедуру, а как обязательный элемент защиты от известных уязвимостей, которыми активно пользуются злоумышленники. Многофакторная аутентификация существенно снижает риск компрометации учетной записи даже в случае утечки пароля, а использование сложных и уникальных комбинаций символов препятствует повторному применению одних и тех же данных доступа на разных ресурсах. Кроме того, ограничение автоматического подключения к публичным сетям снижает вероятность перехвата трафика и несанкционированного вмешательства в служебные коммуникации.

Четвертым принципом выступает осознанное информационное поведение. Оно предполагает ответственное отношение сотрудника к публикации, передаче и хранению информации в цифровой среде. В правоохранительной сфере недопустимо размещение служебных сведений в открытом доступе, обсуждение рабочих вопросов в незащищенных каналах связи, использование непроверенных облачных сервисов и передача конфиденциальных материалов через личные аккаунты. Кроме того, важным аспектом осознанного поведения является контроль цифрового следа, поскольку любая активность в сети может быть сохранена, воспроизведена или использована для анализа служебной и личной активности сотрудника. В результате цифровая осторожность становится частью не только безопасности, но и профессиональной репутации.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что принципы цифровой гигиены в правоохранительной деятельности образуют целостную систему, направленную на предупреждение как технических, так и поведенческих рисков. Их реализация требует не эпизодических мер, а постоянного соблюдения установленных правил, повышения цифровой грамотности и формирования устойчивых навыков безопасного поведения в информационной среде. Только при таком подходе цифровая гигиена может выполнять свою основную функцию – обеспечивать надежность, конфиденциальность и устойчивость служебной деятельности.

На практическом уровне цифровая гигиена должна быть встроена в повседневную службу. Это означает обязательное обучение персонала, регулярные инструктажи по киберрискам, тестирование сотрудников на фишинг, жесткую политику паролей и единые стандарты работы с электронными документами.

Полезной мерой является, на наш взгляд, внедрение принципа «минимально необходимого доступа», когда сотрудник получает только те права доступа, которые нужны для выполнения его задач. Не менее важны процедуры реагирования: быстрое сообщение об инциденте, изоляция зараженного устройства, смена учетных данных и документирование происшествия. В правоохранительных структурах такие меры должны быть не эпизодическими, а регламентированными и обязательными.

Цифровая гигиена невозможна без соответствующей служебной культуры. Если сотрудник воспринимает требования безопасности как формальность, правила начинают нарушаться даже при наличии хорошей технической защи-

ты. Поэтому важно формировать понимание, что цифровая дисциплина – это часть профессиональной этики, а не внешнее ограничение.

Особое значение имеет личный пример руководителей. Когда начальник подразделения сам соблюдает правила работы с данными, не пересылает служебную информацию через незащищенные каналы и требовательно относится к обучению, стандарты безопасности закрепляются устойчивее. Таким образом, цифровая гигиена работает не только как набор инструкций, но и как элемент организационного доверия.

Необходимо также подчеркнуть, что цифровая гигиена повышает не только защищенность системы, но и профессиональное здоровье сотрудников. Рациональная работа с информацией снижает информационный шум, уменьшает вероятность ошибок и помогает сохранять внимание к действительно значимым задачам.

В заключение следует отметить, что цифровая гигиена в деятельности правоохранительных органов – это не факультативная рекомендация, а необходимое условие эффективной и законной работы. Она объединяет индивидуальную осторожность, организационную дисциплину и техническую защиту, создавая устойчивую среду для обращения с чувствительной информацией.

В эпоху цифровой трансформации правоохранительные органы не могут ограничиться только внедрением технологий. Им требуется развивать культуру безопасного поведения в цифровой среде, потому что именно она превращает технологии из источника риска в инструмент эффективной защиты общественного порядка и законных прав и интересов граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антоновский А. В. Информационная гигиена как фактор успешной профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Прикладная психология и педагогика. 2024. № 4. С. 262–270. URI: https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-4-262-270 (дата обращения: 04.04.2026).

2. Крылова Н. Н. Информационная гигиена и психогигиена интеллектуального труда как условие профессиональной надежности педагога в условиях цифровизации образования // Эргодизайн. 2024. № 2(24). С. 180-191. URL: https://elibrary.ru/LRSJPX (дата обращения: 04.04.2026).

3. Метельков А. Н. О проблеме аутентификации с использованием паролей при информационном взаимодействии // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2020. №. 3. С. 59–68. URL: https://doi.org/10.37468/2307-1400-2020-3-59-68 (дата обращения: 05.04.2026).

4. Методические рекомендации по организации и проведению в государственных и муниципальных общеобразовательных организациях Республики Башкортостан уроков «цифровой гигиены». URL: https://irorb.ru/wp-content/uploads/2025/11/metodich.-rekom.-czifrovaya-gigiena .pdf (дата обращения: 04.04.2026).

5. Руденкин Д. В. Развитие исследований цифровой гигиены в зарубежной и российской науке // Заметки ученого. 2022. № 1–1. С. 233–238. URL: https://elibrary.ru/YIOOSI (дата обращения: 04.04.2026).

6. Социальная инженерия: методы атак и способы защиты // Информационная безопасность. 30 марта 2026. URL: https://www.itsdelta.ru/blog/informatsionnaya-bezopasnost/sotsialnaya-inzheneriya-metody-atak-i-sposoby-zashchity/ (дата обращения: 05.04.2026).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.04.2026).

8. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 05.04.2026).

9. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_61801/ (дата обращения: 05.04.2026).

10. Черков В. А., Дашко Е. Е. Отдельные направления правовой защиты информационной безопасности человека и общества // Современные научные изыскания в сфере государственного и муниципального управления : материалы науч.-практ. конф. (с междунар. участием), посвященной Дню Российской науки. В 2 ч. Луганск, 2023. С. 356–367.

11. Черков В. А., Черкова М. Ю. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Приоритетные направления экономического, социального и политического развития информационного общества (ПН-2022) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. В 3 т. Тюмень, 2024. С. 201–206.

УДК 343.98

Шавловский Андрей Борисович
преподаватель, Московская академия
Следственного комитета
Российской Федерации имени А. Я. Сухарева
г. Москва, Российская Федерация
ashavlovsky@mail.ru

К вопросу о привлечении компьютерно-технического специалиста к осмотру мобильных устройств и их компонентов

Аннотация. *В статье рассмотрены некоторые аспекты привлечения компьютерно-технического специалиста к участию в следственном осмотре мобильного устройства и его компонентов на практике. Проанализированы установленные законодателем уголовно-процессуальные нормы привлечения специалиста следователем. Аргументируется необхо-*

© Шавловский А. Б., 2026

димость привлечения компьютерно-технического специалиста к осмотру памяти мобильного устройства и его компонентов в целях надлежащего обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов, а также недопущения утери доказательственной информации.

Ключевые слова: *специалист, следователь, осмотр, цифровые следы, мобильные устройства, следственное действие.*

Shavlovsky Andrey Borisovich
lecturer, Sukharev Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

On the issue of involving a computer technician in the inspection of mobile devices and their components

Annotation. *The article discusses some aspects of involving a computer and technical specialist in the examination of a mobile device and its components in practice. The author analyzes the criminal procedure rules established by the legislator for the involvement of a specialist by an investigator. The article argues for the need to involve a computer and technical specialist in the examination of the memory of a mobile device and its components in order to properly detect, record, and remove digital traces, as well as to prevent the loss of evidence.*

Keywords: *specialist, investigator, examination, digital traces, mobile devices, investigative action.*

Интенсивное развитие высоких технологий и процессы цифровизации оказали существенное влияние на трансформацию способов и средств совершения различных видов преступных деяний. Как отмечает А. А. Бессонов, «широкий охват населения и всех областей жизни информационными технологиями спровоцировал стремительный рост преступлений, совершаемых с использованием этих же технологий» [1, с. 24].

В следственной практике особое значение имеют мобильные устройства и их компоненты (SIM-карты, флеш-накопители) как источники криминалистически значимой информации. Мобильные устройства нередко являются средствами подготовки, совершения и сокрытия преступлений. По этой причине в криминалистике все более актуализируется разработка теоретических и практических рекомендаций, направленных на осмотр и исследование мобильных устройств и их компонентов. Как подчеркивает А. Б. Смушкин, «чтобы отвечать современным требованиям, криминалистика должна активно разрабатывать вопросы осмотра, исследования мобильных устройств, изучения и анализа содержащейся в них информации» [4, с. 48].

Современное мобильное устройство является не только средством связи, но и сложным многофункциональным цифровым устройством, в памяти которого содержатся цифровые следы: сведения об учетных данных его владельца, зарегистрированных SIM-картах, о коммуникациях, об интернет-активности пользователя, о журналах голосовых вызовов и SMS-сообщений, данные мобильных приложений (программ).

Установлено, что природа цифровых следов как объектов криминалистического изучения имеет некоторые свойства и признаки, которые отличают их от традиционных материальных следов: модифицируемость, возможность копирования и удаления, восприятие через специальные аппаратные-программные средства, а также невозможность существования без специальной среды – электронных носителей информации. Для недопущения модификации, уничтожения или повреждения цифровых следов на практике применяется специальная и криминалистическая техника: криминалистические блокираторы записи данных, копировщики и дубликаторы.

При этом взаимодействие с цифровыми следами, содержащимися в памяти мобильных устройств и их компонентов дополнительно характеризуется следующим:

- цифровые следы в мобильных устройствах дополнительно подвержены изменению посредством возможного воздействия сетей сотовой связи, беспроводных сетей (к примеру, функция синхронизации данных);

- в отдельных случаях процесс обеспечения доступа к информации, содержащейся в памяти мобильных устройств достаточно затруднителен по причине использования современных средств криптографической защиты и стеганографии. В частности, в отдельных мобильных устройствах марки Xiaomi штатные средства мобильной операционной системы позволяют создавать пользователю второй профиль (пространство), который может содержать файлы и приложения в изолированной среде, отличные от первого профиля, что может быть недоступно для изучения следователю.

Указанные обстоятельства обусловливают необходимость особого подхода к осмотру информационного содержимого мобильных устройств для недопущения утери цифровых доказательств, а также полного исследования всего информационного содержимого устройства.

В связи с чем имеется потребность в привлечении следователем компьютерно-технического специалиста для использования специальных знаний в целях обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов в памяти мобильных устройств и их компонентов. Согласно ч. 1 ст. 58 УПК РФ специалист привлекается к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в пределы его компетенции.

Кроме этого, ст. 164.1 УПК РФ устанавливает специальные требования к изъятию электронных носителей и копированию с них информации с участием специалиста, что подтверждает особо важное значение цифровых следов в системе доказательств и повышенное внимание законодателя к использованию специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Решение об использовании специальных знаний, а именно применении технико-криминалистических средств, в ходе следственных действий всегда принимается следователем и реализуется посредством привлечения специалиста в порядке ст. 168 УПК РФ либо путем назначения судебной компьютерно-технической экспертизы в порядке ст. 195 УПК РФ [5, с. 148].

Привлекаемый к участию в осмотре мобильного устройства компьютерно-технический специалист оказывает не только консультативную помощь следователю, но и содействует в решении поставленных перед ним задач в собирании цифровых следов посредством применения технико-криминалистических средств.

Также следует подчеркнуть, что сам факт участия специалиста в осмотре мобильного устройства не подменяет необходимость производства судебной компьютерно-технической экспертизы. Если в ходе осмотра следователем установлено, что требуется полное и всестороннее исследование информационного содержимого мобильного устройства и его компонентов, то он выносит постановление о назначении судебной компьютерно-технической экспертизы. Как отмечает Р. А. Кокорев, «если для получения выводов лица, обладающего специальными знаниями необходимо провести лабораторные исследования, то следователь (дознаватель) обязан назначить судебную экспертизу. Если же исследование может ограничиться лишь внешним осмотром, измерением, получением информации из справочных материалов, каталогов, словарей и других источников информации, то следователь (дознаватель) должен пригласить лицо, обладающего знаниями в интересующей области, в качестве специалиста» [3, с. 109].

В. Б. Вехов указывает, что «в процессе осмотра сотового радиотелефона могут возникнуть и другие негативные ситуации, связанные с блокировкой осматриваемой компьютерной информации. В этих случаях осмотр следует завершить. Последующее исследование криминалистически значимых сведений, содержащихся в памяти телефона и подключенных к нему электронных носителей информации, возможно в рамках производства судебной компьютерно-технической экспертизы» [2, с. 168].

Таким образом, участие компьютерно-технического специалиста в следственном осмотре мобильного устройства и его компонентов имеет важное значение в целях надлежащего обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов, а также недопущения утери или повреждения доказательственной информации при расследовании преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бессонов А. А. Новый технологический уклад как вызов современной правоохранительной системе // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч., Москва, 25 апреля 2025 года. М. : Академия управления МВД России, 2025. С. 23–31.

2. Вехов В. Б. Особенности следственного осмотра сотового радиотелефона // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 4(10). С. 166–169.

3. Кокорев Р. А. Практическое значение участия специалиста при производстве отдельных следственных действий // Наука и новация: современные проблемы теории и практики права : сб. материалов Междунар. науч.-практ.

конф. в рамках IV Междунар. Фестиваля науки, Москва, 20–21 февраля 2019 г. М. : Московский государственный областной университет, 2019. С. 108–110.

4. Смушкин А. Б. Криминалистическое исследование мобильных устройств // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 2. С. 48–52.

5. Шавловский А. Б. Особенности криминалистического исследования мобильных устройств и их компонентов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 1(47). С. 144–151.

УДК 341.48/.49

Анянова Екатерина Сергеевна
кандидат юридических наук, юрисконсульт
ООО «Центр правовой защиты „Бастион“»
г. Калининград, Российская Федерация
anyanova@mail.ru

Международное право и судебный процесс о совершенных подрывах газопроводов «Северный поток – 1» и «Северный поток – 2»

Аннотация. *В статье выявлены основные проблемы в реализации Российской Федерацией своего права на проведение независимого и всестороннего расследования подрывов «Северных потоков». Поскольку просьбы о взаимной правовой помощи России были отклонены европейскими государствами, в статье проведен анализ норм международного права, наделяющих государство правом проводить расследование данного инцидента. В работе исследован вопрос уголовной юрисдикции в исключительной экономической зоне (ИЭЗ) прибрежного государства, и соответственно право ФРГ, Швеции и Дании проводить расследование подрывов трубопроводов в условиях отсутствия универсальной юрисдикции в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. для случаев повреждения трубопровода. Делается вывод о недостаточность правового режима трубопроводов для эффективной защиты от злоумышленных действий.*

Ключевые слова: *международное право, «Северный поток», трубопроводы, диверсия, исключительная экономическая зона, терроризм.*

Anyanova Ekaterina Sergeevna
candidate of legal sciences, legal consultant
Limited liability company “Centr pravovoj zashchity “Bastion”
Kaliningrad, Russian Federation

International law and court process on the explosion of the gas pipeline “Nord Stream – 1” and “Nord Stream – 2”

Annotation. *The main problems in the implementation by the Russian Federation of its right to conduct an independent and comprehensive investigation into the “Nord Stream” explosions are identified in this article. Since European states rejected Russia's requests for mutual legal assistance, analysis of the rules of international law that grant the state the right to investigate this inci-*

© Анянова Е. С., 2026

dent was carried out in this article. In the paper the issue of criminal jurisdiction in the exclusive economic zone (EEZ) is scrutinized. Correspondingly the right of Germany, Sweden and Denmark to carry out the investigation of explosions of pipelines in the circumstances of absence in the UN Law of the Sea Convention, 1982 of the universal jurisdiction for the case of pipelines' damage. The conclusion is made on the insufficient legal regulation of the pipelines for the effective protection from malicious acts.

Keywords: *international law, "Nord Stream", pipelines, sabotage, exclusive economic zone, terrorism.*

Взрыв трубопроводов «Северные потоки» в Балтийском море 26 сентября 2022 г. был квалифицирован Россией как акт терроризма, подпадающий под действие Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом (МКББТ). Однако расследование данных взрывов идет без участия РФ, просьбы о взаимной правовой помощи России и попытки инициировать международное расследование взрывов, в том числе с привлечением Совета Безопасности ООН, были отклонены.

В данной статье рассматриваются вопросы международно-правового регулирования расследования взрывов на «Северных потоках».

1. Инцидент взрывов «Северных потоков» в Балтийском море

В настоящее время идет судебный процесс в высшей судебной инстанции ФРГ в г. Карлсруэ – Федеральном верховном суде ФРГ. 18 августа 2025 г. был оформлен ордер на арест обвиняемого Сергея Кузнецова. Данное лицо обвиняется в намеренном совершении с 8 по 26 сенября 2022 г. в г. Лубмине в земле Мекленбург – Передняя Померания и исключительной экономической зоне (ИЭЗ) в Балтийском море рядом с датским островом Борнхольмом совместно с другими 6 лицами с помощью парусной яхты и водолазного снаряжения закладки взрывных устройств на трех трубопроводах «Северных потоков». Эти противоправные диверсионные акты вывели из строя предприятие, которое служило общественному обеспечению светом, теплом, энергией. Данные действия, таким образом, были направлены против безопасности ФРГ [5].

Подсудимый обвиняется в антиконституционном саботаже посредством намеренного повреждения собственности, направленного против существования или безопасности ФРГ (ч. 3 абз. 1 ст. 88 УК ФРГ) в совокупности с приведением в действие взрывного устройства (абз. 1 ст. 308 УК ФРГ) и умышленным повреждением чужого имущества значительной стоимости (абз. 1 ст. 305 УК ФРГ, абз. 2 ст. 25, ст. 52 УК ФРГ).

Международно-правовые конвенции несмотря на то, что в них регламентируются общий порядок противодействия преступности, механизмы борьбы с ней и оказания взаимной правовой помощи [2, с. 130], в данном расследовании не применяются, только национальное право ФРГ. По крайней мере, это следует из опубликованных на сайте Федерального верховного суда ФРГ документов.

2. Участие Швеции, Швейцарии, Российской Федерации в данном расследовании и судебном процессе

Газопроводы «Северный поток – 1» и «Северный поток – 2» проходят по дну Балтийского моря из России в Германию и пересекают территориальное море трех государств (России, Дании и Германии) и ИЭЗ пяти государств (Рос-

сии, Финляндии, Швеции, Дании и Германии). Владелец и оператор «Северного потока – 1» – компания “NordStream AG”. Владелец и оператор «Северного потока – 2» – компания “NordStream 2 AG”. “NordStream AG” и “NordStream 2 AG” зарегистрированы в Швейцарии [6].

Российская государственная энергетическая компания Газпром владеет контрольным пакетом акций «Северного потока – 1» и является владельцем «Северного потока – 2».

Возникает вопрос, какое государство имеет право провести расследование?

П. 1. b) iii) ст. 56 Конвенции ООН по морскому праву предусматривает, что прибрежное государство в ИЭЗ имеет юрисдикцию, предусмотренную в отношении защиты и сохранения морской среды. Ст. 58 Конвенции предусматривает, что все государства, как прибрежные, так и не имеющие выхода к морю, имеют свободу прокладывать трубопроводы в любой ИЭЗ и заниматься другими международно-правомерными видами использования моря, связанными с этой свободой, такими как съемка или их эксплуатация, с учетом других норм международного права. Прибрежное государство, однако, не обладает возможностью защитить проложенный в ИЭЗ трубопровод

Согласно ч. 1 ст. 194 Конвенции государства осуществляют определенные суверенные права и юрисдикцию в ИЭЗ [1, с. 90], принимают меры, которые необходимы для предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды из любого источника, в том числе трубопроводов, проходящих через ИЭЗ. Более широких прав конвенция не предусматривает [7].

Поскольку место установки и подрыва трубопроводов расположено в ИЭЗ Дании и Швеции, после инцидента в этих государствах были возбуждены уголовные дела в соответствии с положениями Конвенции ООН по морскому праву. Швейцария, где зарегистрирована компания, эксплуатирующая трубопроводы, не стала расследовать этот теракт [4]

В ходе расследования шведскими правоохранительными органами было обнаружено, что трубопроводы подверглись «грубой диверсии», рядом с местом происшествия были найдены «посторонние предметы», содержащие «остатки взрывчатых веществ» [8].

В письме Совету от 21 февраля 2023 г. Дания, Германия и Швеция отметили, что в ходе расследования было установлено, что причиной повреждения трубопроводов стали «мощные взрывы в результате диверсии» [8].

Государства могут распространить уголовную юрисдикцию на действия, совершенные в ИЭЗ, но они могут применять эти нормы только в отношении судов под своим флагом и своих граждан в соответствии со ст. 97 Конвенции ООН 1982 г. Например, в случае Швеции виновные в диверсии на «Северных потоках» могли быть привлечены к ответственности по разделу 3, разделу 4 Уголовного кодекса Швеции только при условии, что они были шведами или действовали с судна под шведским флагом.

Соответственно, нормы шведского и датского уголовного права не распространяются на подрывы.

Правительства Швеции, ФРГ, Дании сделали заявления о своей полной приверженности этой Конвенции и расследования в Швеции и Дании были за-

вершены [9], поскольку в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. для случаев повреждения трубопровода отсутствует универсальная юрисдикция. Если бы диверсия с «Северными потоками» произошла в зоне, находящейся под территориальным суверенитетом прибрежных государств, прибрежное государство было бы в полномочии расследовать данное уголовное дело.

Анализ обычного правового режима подводных трубопроводов, предусмотренного Конвенцией, показал, что государствам зачастую не хватает возможностей для эффективной защиты от злоумышленных действий [1].

А вот в Российской Федерации данное преступление в расследовании было квалифицировано несколько иначе: произошедший «саботаж» [3, с. 87] был квалифицирован следственным управлением Федеральной службы безопасности России как «Акт международного терроризма» по ч. 1 ст. 361 Уголовного кодекса РФ. Было возбуждено уголовное дело № 12207007701000090.

Судебный процесс в Федеральном верховном суде ФРГ проходит без участия представителей России. В решении этого суда от 10 декабря 2025 г. указывается, что взрывы на трубопроводах «Северный поток – 1» и «Северный поток – 2» «с высокой долей вероятности» были совершены «по заказу иностранного государства», в частности Украины [5].

3. Юрисдикция ФРГ на расследование и взаимодействие с РФ

10 октября 2022 г. Генеральная прокуратура ФРГ начала расследование в отношении неустановленных лиц в связи со взрывами на трубопроводах «Северный поток» с целью установления факта совершения преступления по ст. 88 «Антиконституционный саботаж» Уголовного кодекса Германии и других преступлений. Данное расследование находится в исключительной компетенции Генпрокуратуры Германии [9].

Юрисдикция ФРГ основывается на конструкции трубопроводов. Трубопроводы географически идут от территории России через Балтийское море до территории Федеративной Республики Германия. Части этих конструкций расположены на территории Германии; это относится к участкам трубопроводов, проходящим в пределах территориальных вод Германии (п. 1 ст. 2 Конвенции ООН по морскому праву) и внутренних вод Германии (п. 1 ст. 8 Конвенции ООН по морскому праву), а также к пунктам приема и сброса, расположенным на материковой части Германии недалеко от Любмина.

4. Международное право о помощи в уголовном расследовании

В рамках возбужденного Россией уголовного дела № 12207007701000090 по факту подрыва газопроводов как «Акт международного терроризма» по ч. 1 ст. 361 Уголовного кодекса РФ Россия неоднократно направляла запросы о правовой помощи в уголовном деле. Если возбуждено уголовное дело было на основании статьи УК РФ, то запросы рассылались на основании Европейской конвенции о правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г. (ЕКПП) в компетентные органы государств Королевства Дания, Швеции, Швейцарской Конфедерации, ФРГ, соответствующие международные организации, в том числе про предположительное неисполнение государствами своих обязательств, в частности МКББТ и Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (МКБФТ) [8], а также просьбу о проведении незави-

симого и всестороннего международного расследования с участием Российской Стороны как собственника «Северного потока – 1» и «Северного потока – 2».

Тем не менее, просьбы о взаимной правовой помощи России были отклонены.

Россия также неоднократно пыталась инициировать совместное расследование. Швеции, Дании, ФРГ, Швейцарии неоднократно направлялись подобные предложения. Однако данные государства в своих письмах и ответах выразили отказ от совместного расследования. Также в ответах сообщалось, что выполнение запросов ФСБ России якобы может поставить под угрозу безопасность их государств, также возможно приведет к ущемлению интересов ФРГ в смысле п. b ст. 2 ЕКПП.

После инцидента в сентябре 2022 г. Совет Безопасности несколько раз обсуждал проблему «Северного потока».

В письме Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 13 марта 2023 г. на имя Генерального секретаря и Председателя Совета Безопасности A/77/799–S/2023/193 20.03.23 ГА СБ содержался проект резолюции Совета Безопасности. Проект, подготовленный Россией и поддержанный несколькими странами-членами ООН – Беларусь, Боливарианская Республика Венесуэла, Китай, Корейская Народно-Демократическая Республика, Никарагуа, Российская Федерация, Сирийская Арабская Республика и Эритрея, осуждал «акт диверсии» на газопроводах «Северный поток – 1» и «Северный поток – 2» и просил Генерального секретаря создать международную независимую комиссию для расследования инцидента.

27 марта 2023 г. Совет проголосовал за проект резолюции Совета Безопасности ООН S/2023/212 по «Северному потоку». Проект резолюции не был принят: три голоса «за» (Бразилия, Китай и Россия) и 12 воздержавшихся [9].

В связи с произошедшим Россия посчитала возможным предъявить досудебные претензии Германии, Дании, Швеции и Швейцарии на основании МКББТ и МКБФТ, указав свое намерение: обратиться в Международный Суд ООН в соответствии с ч. 1 ст. 20 МКББТ и ч. 1 ст. 24 МКБФТ [4].

Подобная ситуация, которая сложилась вокруг расследования нападения на «Северные потоки», демонстрирует недостаточность имеющихся международно-правовых инструментов для эффективной охраны международных трубопроводов от злоумышленных действий [6], в частности актов терроризма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гудков И., Энтин М. «Северные потоки» Как принудить страны ЕС ответить за причиненный ущерб // Международные процессы. 2024. Т. 22, № 2 (77). С. 86–94

2. Кузнецов Д. В. Виды международно-правовых актов, применяемых при расследовании уголовных дел. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2(24). С. 127–131.

3. Ного С., Манойлович Д. Нападение на трубопровод «Северный поток»: Международное преступление государственного характера. Статья вторая //

Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. 2024. № 3(43). С. 85–93.

4. Ответ официального представителя МИД России М. В. Захаровой на вопрос МИL «Россия сегодня» в связи с трехлетней годовщиной подрывов газопроводов «Северный поток – 1» и «Северный поток – 2» // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 26.09.2025 URL: https://mid.ru/ru/ foreign_policy/news/2049426/(дата обращения: 28.02.2026).

5. Beschluss vom Bundesgerichtshof vom 10. Dezember 2025 // StB 60/25. 3 BJs 297/25 URL: https://www.bundesgerichtshof.de/SharedDocs/ Entscheidungen/DE/Strafsenate/3_StS/2025/StB__60-25.pdf?__blob=publication File&v=5 (дата обращения: 02.01.2026).

6. Hernández-Benito, D. Damages to submarine cables and pipelines in times of peace and war: the Nord Stream sabotage // Amsterdam law forum. 2024. Vol. 16. Is. 1.

7. Lorenz W., Zaręba S. Consequences of the Nord Stream 1 and 2 Gas Pipeline Explosions // Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. The Polish Institute of International Affairs. 2022. 29.09. № 125.

8. The Nord Stream Incident: Open Briefing // Security Council Report. What's In Blue. 3 October 2024 URL: https://www.securitycouncilreport. org/whatsinblue/ 2024/10/the-nord-stream-incident-open-briefing.php (дата обращения: 23.05.2025).

9. Ukraine: Vote on Draft Resolution on the Nord Stream Incident // Security Council Report. What's In Blue. 26 March 2023 URL: https://www. securitycouncilreport.org/whatsinblue/2023/03/ukraine-vote-on-draft-resolution-on-the-nord-stream-incident.php (дата обращения: 23.05.2025).

СЕКЦИЯ 5

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ, СЕМЕЙНЫХ И ТРУДОВЫХ ПРАВ

УДК 343.13

Бурмагин Сергей Викторович,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина
г. Москва, Российская Федерация
serburmagin@yandex.ru

Институт возвращения судом уголовного дела прокурору: «сохранить нельзя ликвидировать»

Аннотация. *В статье на основе анализа оснований и статистики применения процедуры возвращения уголовного дела прокурору отмечается, как негативное явление, ее сближение с упраздненным институтом направления уголовного дела судом для дополнительного расследования, имевшим существенные недостатки. Автор высказывает в связи с этим суждения о возможности сокращения оснований возвращения дела прокурору за счет реорганизации уголовно-процессуальных норм, регламентирующих привлечение в качестве обвиняемого и изменение обвинения в судебном производстве.*

Ключевые слова: *уголовное судопроизводство, суд, дополнительное расследование, процессуальные нарушения, возвращение дела прокурору, изменение обвинения*.

Burmagin Sergei Viktorovich,
doctor of law, professor, professor
of the department of criminal procedure law,
Kutafin Moscow state law university
Moscow, Russian Federation

Institution of the court's return of the criminal case to the prosecutor: «it cannot be saved or eliminated»

Annotation. *Based on the analysis of the grounds and statistics of the application of the procedure for returning a criminal case to the prosecutor, the article notes as a negative phenomenon its convergence with the abolished institution of sending a criminal case to the court for additional investigation, which had significant drawbacks. In this regard, the author expresses opinions about the possibility of reducing the grounds for returning the case to the prosecutor by reorganizing the criminal procedure rules governing the involvement of an accused and changing charges in court proceedings.*

© Бурмагин С. В., 2026

Keywords: *criminal proceedings, court, additional investigation, procedural violations, return of the case to the prosecutor, change of charges.*

Существующая с момента принятия УПК РФ 2001 г. процедура возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ), нацелена, главным образом, на устранение таких препятствий рассмотрения дела судом, которые являются следствием формальных, процедурных нарушений, связанных с составлением и предъявлением обвинительных документов (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). Вместе с тем, в результате дополнений и изменений в ст. 237 УПК РФ, введенных целым рядом федеральных законов (Федеральный закон от 04 июля 2003 г. № 92-ФЗ; Федеральный закон от 02 декабря 2008 г. № 226-ФЗ; Федеральный закон от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ; Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 64-ФЗ; Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ; Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 327-ФЗ), институт возвращения уголовного дела прокурору в значительной степени приблизился и в своем содержании, и процедурно к упраздненному институту направления уголовного дела судом на дополнительное расследование, вобрав в себя бóльшую часть оснований последнего.

Несмотря на произошедшее с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ увеличение оснований возвращения дел прокурору как за счет введения новых (пункты 4, 5 и 6 ч.1, а также части 1.1 и 1.2 статьи 237 УПК РФ), так и вследствие расширенного толкования изначально предусмотренных (п. 1 ч.1 ст. 237 УПК РФ), количество постановлений судов первой инстанции о возвращении уголовных дел прокурору и в абсолютном, и в относительном исчислении заметно снизилось: с 41363 дел в 2004 г. до 7733 дел в 2024 г. (в 5,3 раза) или с 3,97% от общего числа оконченных уголовных дел в 2004 г. до 1,17% – в 2024 г. (в 3,4 раза) [7].

Уменьшение случаев возвращения судом уголовных дел прокурору обусловлено существенным снижением на протяжении ряда лет общего объема уголовных дел, поступающих на рассмотрение судов первой инстанции, а также низкой востребованностью таких оснований возвращения дела, которые предусмотрены пунктами 2, 3, 4, 5 части 1 и п. 2 ч. 1.2. ст. 237 УПК РФ. Кроме того влияние оказывает и практика вышестоящих (апелляционных и кассационных судов), весьма критически оценивающих попытки судов первой инстанции возвратить дело прокурору по недостаточно веским причинам. Так, в 2024 г. в апелляционном порядке обжалованы судебные постановления о возвращении уголовного дела в отношении 5471 лица (более 53% от общего числа постановлений, вынесенных в порядке ст. 237 УПК РФ), из которых суды апелляционной инстанции отменили 2583, т. е. более 47 %.

Следует отметить, что возвращение уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ в целях исправления «заниженного» обвинения и устранения большинства процессуальных нарушений предполагает последующее проведение дополнительного расследования, а оно несет в себе недостатки и пороки, из-за которых законодатель в свое время отказался от этого процессуального института: ограничение доступа к правосудию, затягивание сроков производст-

ва по делу, препятствие для компенсации причинного преступлением вреда, отсутствие контроля суда за движением дела, использование дополнительного расследования в целях избегания оправдательного приговора и другие.

Поскольку предотвратить эти негативные последствия при практическом применении процедуры возвращения дела прокурору не удается, а ее законодательная корректировка к их устранению не привела, в целях нивелирования указанных отрицательных сторон (последствий) использования процедуры возвращения уголовных дел прокурору представляется теоретически и практически оправданным рассмотрение вопроса о сокращении оснований ее применения.

На текущий момент можно выделить (в обобщенном виде) две основные причины, по которым уголовные дела возвращаются из суда прокурору: 1) наличие процессуальных нарушений, препятствующих рассмотрению и разрешению уголовного дела судом; 2) необходимость приведения предъявленного обвинения в соответствие с установленными обстоятельствами (фактами), когда суд не в состоянии сделать это самостоятельно.

Статистика свидетельствует, что наибольшее количество уголовных дел возвращается прокурору по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, которое по сложившейся судебной практике трактуется достаточно широко и включает в себя не только непосредственные нарушения требований закона при составлении обвинительного заключения (акта или постановления), но и иные существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные в ходе предварительного расследования, которые суд не может устранить в судебном заседании и в то же время не должен оставить без реагирования, поскольку их наличие в деле, в силу ст. 389.17 УПК РФ, послужит основанием для отмены приговора или иного итогового решения. Устранить полностью подобные нарушения из практики органов расследования невозможно – они были, есть и будут, следовательно, данное основание возвращения дела прокурору исключить нельзя, но можно на практике скорректировать оценку некоторых нарушений, переводя их в разряд «несущественных», устранимых самим судом – подобная «переоценка» отчасти произведена в недавнем постановлении Пленума Верховного Суда РФ [8].

Одной из самых распространенных причин возвращения дела прокурору по-прежнему остаются нарушения и недостатки, допущенные при вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого, которые, как правило, автоматически переносятся органом, расследующим дело, в текст обвинительного заключения, что и приводит в свою очередь к нарушению требований ст. 220 УПК РФ. Несоответствие обвинительного заключения предъявленному обвинению также сохраняет свою актуальность в качестве препятствия для рассмотрения дела судом. Представляется, что в перспективе данная проблема может быть успешно решена при полном отказе от изжившего себя института привлечения лица в качестве обвиняемого (глава 23 УПК РФ), упразднение которого устранит и связанные с ним основания возвращения дела прокурору. Возможность и необходимость переноса акта предъявления обвинения на заключительный этап предварительного расследования по всем уголовным делам

без исключения, а не только расследуемым в форме дознания, широко обсуждается в научной литературе и находит немало сторонников среди ученых-процессуалистов [1; 3; 4; 6].

Сокращение случаев возвращения уголовных дел прокурору можно достичь и за счет исключения из оснований данной процедуры причин, связанных с несоответствием формулировки обвинения (фактологического описания деяния и (или) его юридической квалификации) установленным, в том числе в судебном производстве, фактическим обстоятельствам, указывающим на совершение лицом более тяжкого преступления, общественно-опасного деяния (п. 6 ч. 1, ч. 1.1 ст. 237 УПК РФ). Такой поворот в развитии института возвращения уголовного дела прокурору возможен при отказе от догматического подхода в отечественной процессуальной доктрине к понятию права обвиняемого на защиту и признании возможности изменения предъявленного обвинения на более тяжкое непосредственно в судебных стадиях производства по делу при соблюдении гарантий реального, а не мнимого обеспечения обвиняемому права на защиту от измененного (усиленного) обвинения. Проводимые в данном направлении сравнительно-правовые исследования [2; 5] убедительно доказывают отсутствие правовых препятствий, в том числе с позиции соблюдения прав человека, для перехода к порядку судебной корректировки обвинения и отказа от использования в этих целей процедуры возвращения дела прокурору.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурмагин С. В. Быть или не быть институту привлечения в качестве обвиняемого // Lex Russica. 2025. № 8. С. 31–41.

2. Бурмагин С. В., Барабанов П. К. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. 2022. № 12. С. 45–53.

3. Волчецкая Т. С., Петров И. В. Предъявление обвинения в уголовном процессе: архаизм или насущная необходимость? // Современное право. 2011. № 12. С. 89–93.

4. Гаврилов Б. Я., Красильников А. В. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4(68). С. 88–96.

5. Гаврилов Б. Я. Пределы судебного разбирательства и возможности суда по изменению обвинения: российский и зарубежный опыт // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3(63). С. 83–91.

6. Ковтун Н. Н., Ковтун И. С. Институт привлечения в качестве обвиняемого в уголовном процессе России: его «классические» и «упрощенные» формы в контексте обсуждаемых в доктрине новаций // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 2(93). С. 121–125.

7. Отчеты Судебного департамента при Верховном Суде РФ «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» (Форма № 1), «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке» (Форма № 6) // ГАС «Правосудие». URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 05.04.2025).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм УПК РФ, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.

УДК 341.9

Васильева Анастасия Валерьевна
старший преподаватель
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Российская Федерация
a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Ланкова Виталина Алексеевна
студент, Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Российская Федерация
vitawadcfv@gmail.com

Актуальные вопросы правового регулирования трансграничных алиментных обязательств

Аннотация. *В работе анализируются правовые аспекты взыскания алиментов в ситуациях, осложненных присутствием иностранного элемента. Рассматриваются ключевые международные акты, задающие подходы к решению трансграничных споров о содержании несовершеннолетних. Отдельное внимание уделено коллизионным нормам Семейного кодекса Российской Федерации и положениями двусторонних соглашений о взаимной помощи, где определяющую роль играет принцип совместного проживания сторон либо гражданство ребенка. Обосновывается необходимость присоединения страны к профильным конвенциям для выстраивания эффективного международного взаимодействия в данной сфере.*

Ключевые слова: *алименты, международные соглашения, несовершеннолетние, коллизионное регулирование, алиментные обязательства.*

Vasilyeva Anastasia Valeryevna
senior lecturer, Far Eastern Law Institute (branch)
University of the Prosecutor’s Office o
f the Russian Federation,
Vladivostok, Russian Federation

Lankova Vitalina Alekseevna
student, Far Eastern Law Institute (branch)
University of the Prosecutor’s Office
of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

© Васильева А. В., Ланкова В. А., 2026

Current issues of legal regulation of cross-border alimony obligations

Annotation. *The paper analyzes the legal aspects of alimony recovery in situations complicated by the presence of a foreign element. The key international acts defining approaches to resolving cross-border disputes on the maintenance of minors are considered. Special attention is paid to the conflict-of-laws norms of the Family Code of the Russian Federation and the provisions of bilateral agreements on mutual assistance, where the principle of cohabitation of the parties or the citizenship of the child plays a decisive role. The article substantiates the need for the country to join relevant conventions in order to build effective international cooperation in this area.*

Keywords: *alimony, international agreements, minors, conflict of laws regulation, alimony obligations.*

Каждый ребенок имеет прав на такие жизненные условия, которые обеспечивают его полноценное, всестороннее развитие, что прямо закреплено в ст. 27 Конвенции о правах ребенка [3]. В указанном международном правовом акте закреплена обязанность государств-участников в соответствии с национальными условиями принимать необходимые меры, способствующие реализации закрепленного права. В российском законодательстве право ребенка на достойную жизнь и развитие реализуется, в том числе, через обязанность родителей (усыновителей) материально обеспечивать своего ребенка, а также с механизмом принудительного удержания алиментов.

В условиях увеличения количества брачных союзов с участием лиц без гражданства или иностранных граждан все более значимой становится проблема принуждения к уплате алиментов в ситуациях, когда несовершеннолетний и обязанное лицо находятся на территориях различных государств.

Международное семейное право имеет дело с коллизиями и способами их преодоления для урегулирования трансграничных семейных отношений. В отечественном международном частном праве этому аспекту традиционно уделяется много внимания, что зачастую ограничивает область исследования конфликтными нормами. Однако международное семейное право неизмеримо богаче: его содержание наряду с коллизионными правилами включает положения о правах и свободах индивида, защита которых обеспечивается публичными средствами.

Сегодня международное семейное право перестает быть областью исключительно частноправового регулирования. Вмешательство государства в семейную жизнь делает более невозможным рассмотрение международного семейного права в отрыве от прав человека, что стирает границы между международным публичным и международным частным правом, позволяя рассматривать международное семейное право не только в традиционном коллизионном контексте, но и в контексте прав человека, в том числе права на уважение частной и семейной жизни, и запрета дискриминации.

Вопросы алиментных обязательств, осложненных иностранным элементом, регламентируются положениями международных соглашений и конвенций, двусторонних договоров о взаимной правовой помощи, а также коллизионными нормами, содержащимися во внутреннем законодательстве стран. В международно-правовом регулировании трансграничных алиментных обязательств клю-

чевую роль играют такие акты, как Нью-Йоркская конвенция 1956 года о взыскании алиментов за границей, Гаагская конвенция 1958 года о признании и приведении в исполнение судебных решений по алиментным делам в отношении детей, Гаагская конвенция 1973 года о применимом праве к алиментным обязательствам, а также Гаагская конвенция 2007 года о взыскании алиментов на детей и других видов семейной поддержки.

Хотя Российская Федерация не является участницей ни одного из перечисленных договоров, в них закреплены основные направления и способы урегулирования наиболее сложных вопросов, связанных с алиментными обязательствами: принудительное удержание алиментов с должника, находящегося за рубежом; признание и приведение в исполнение судебных решений иностранных государств о взыскании средств на ребенка с гражданина другой страны; выбор порядка взаимодействия международных норм и правил иностранного законодательства при рассмотрении дел о выплате алиментов.

В то же время, с рядом государств (Болгария, Монголия, Чехия и др.) заключены двусторонние международные соглашения об оказании правовой помощи по семейным делам. Как отмечается в научной литературе, Конвенция 2007 года вызывает «особый интерес» ввиду своей относительной новизны, а также тем, что к ней присоединены государства, в которых не редко проживают лица, обязанные уплачивать алименты на российских детей [6, с. 199].

Обращаясь к российскому законодательству, важно отметить, что в соответствии с коллизионным регулированием, закрепленным в статье 163 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), определяющим критерием выступает принцип общего места проживания сторон: именно законодательство того государства, где родители и ребенок живут совместно, подлежит применению к вопросам родительских прав и обязанностей, включая алиментные обязательства [5]. В случаях, когда совместного проживания родителей и ребенка нет, применимое право определяется исходя из гражданства ребенка как управомоченного на получение содержание лица. Однако, отсутствует положение, например, о возможности по ходатайству истца применить законодательство места жительства истца, что наталкивает на мысль о возможности расширения указанной нормы в этой части для возможности ее дальнейшего более гибкого применения.

Как отмечается, все-таки, в подавляющем большинстве случаев коллизионные нормы, регулирующие алиментные обязательства, содержатся в двусторонних соглашениях Российской Федерации [1, с. 62]. В качестве примера могут выступать Договор между СССР и Народной Республикой Болгарией о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам [2], а также Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в Минске [4].

Анализ положений названных документов показывает, что ключевым ориентиром при выборе применимого национального права выступает принцип последнего совместного проживания сторон: суд руководствуется законодательством той страны, где плательщик и получатель алиментов жили вместе или продолжают жить совместно. В ситуациях, когда алименты запрашиваются на

несовершеннолетнего, международные договоры чаще всего предоставляют самому ребенку возможность определить, правовые нормы какого государства будут использоваться для урегулирования спора. Если же стороны алиментных правоотношений находятся на территории разных государств-участников двустороннего или многостороннего соглашения о правовой помощи, – то главенствующую роль в выборе применения правовых норм играет гражданство ребенка-получателя алиментов.

Таким образом, в настоящее время, система международных соглашений Российской Федерации о признании действия судебных актов не в полной мере развита. Вследствие этого зачастую иностранные юрисдикции не учитывают вынесенные российскими удами решения, что серьезно осложняет или вовсе исключает возможность удержания алиментов с лиц без российского гражданства. Следовательно, правовые механизмы взыскания алиментов при наличии иностранного элемента требуют дальнейшей доработки и оптимизации.

Ключевым направлением здесь выступает присоединение Российской Федерации к профильным конвенциям, что положительно скажется на налаживании рабочих взаимосвязей с государствами – их участниками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырева О. М. Регулирование трансграничных алиментных отношений в международном частном праве // Социально-гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке : сб. тр. конф. Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 15 ноября 2023 г. М. : Ред.-изд. дом Российского нового университета, 2024. С. 59–64.

2. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Народной Республикой Болгарией о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам [Москва, 19.02.1975]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900496 (дата обращения: 12.04.2026).

3. Конвенция о правах ребенка [принята резолюцией № 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20.11.1989]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 10.04.2026).

4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [г. Минск, 22.01.1993]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=505484 (дата обращения: 12.04.2026).

5. Семейный кодекс Российской Федерации : [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г. № 223-ФЗ] (в ред. от 23 марта 2026 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=mqsioau7ty1725 5527 (дата обращения: 12.04.2026).

6. Темникова Н. А. Международно-правовое регулирование взыскания алиментов на детей в трансграничных отношениях // Второй Пермский конгресс ученых-юристов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 28–29 октября 2011 г. Пермь : Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2011. С. 199–201.

УДК 347.2

Яковенко Елена Владимировна
кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Россия
yakovenko.elena.vl@yandex.ru

Иск о признании права отсутствующим в системе способов защиты гражданских прав: проблемы квалификации и правоприменения

Аннотация. *В последнее время использование такого способа защиты вещных прав, как признание права отсутствующим, приобретает особую актуальность. Законодательство до сих пор не содержит положений, которые позволили бы четко определить правовую природу данного способа защиты, критерии его применения. Анализ научной литературы, законодательства и правоприменительной практики показывает наличие проблем как доктринального, так и практического характера, в том числе, связанных с разграничением различных способов защиты вещных прав, применением положений о сроках исковой давности. Это предопределяет необходимость дальнейшего изучения данного вопроса для последующего совершенствования законодательства, регулирующего отношения в данной сфере.*

Ключевые слова: *иск о признании права отсутствующим; негаторный иск; виндикационный иск; способы защиты гражданских прав; исковая давность; добросовестный приобретатель.*

Yakovenko Elena Vladimirovna
candidate of legal sciences, associate professor
head of the department of civil law disciplines
Far Eastern Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

A claim for recognition of a right that is absent from the system of ways to protect civil rights: problems of qualification and law enforcement

Annotation. *Recently, the use of such a method of protecting property rights as recognition of the right as absent has become particularly relevant. The legislation still does not contain provisions that would clearly define the legal nature of this method of protection, as well as the criteria for its application. An analysis of scientific literature, legislation and law enforcement practice shows the existence of problems of both a doctrinal and practical nature, including those related to the differentiation of various methods of protecting property rights, as well as the application of provisions on the limitation period. This determines the need for further study of this issue for the subsequent improvement of legislation regulating relations in this area.*

Keywords: *claim for recognition of the right as absent; negatory claim; vindication; ways to protect civil rights; statute of limitations, a bona fide buyer.*

© Яковенко Е. В., 2026

Иск о признании права отсутствующим представляет собой уникальный феномен российской правовой системы. Не будучи прямо поименованным в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), он был сконструирован судебной практикой и впервые легализован в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29.04.2010 [12]. Долгое время указанный способ защиты понимался судами очень широко, практически не имел конкретных критериев и условий применения, и нередко фактически подменял собой иные способы защиты вещных прав. Однако в 2025 году подходы к его применению существенно изменились.

В доктрине гражданского права правовая природа рассматриваемого иска оценивается неоднозначно. Одни авторы квалифицировали его как разновидность негаторного иска, указывая в том числе на то, что признание права собственности сводится к судебной констатации наличия или отсутствия права, а устранение неопределенности относительно вещного права составляет общую цель как негаторного, так и негативного иска о признании [9, с. 137–144; 15]. Данная правовая позиция нашла отражение в судебной практике – согласно п. 12 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153 иск о признании права отсутствующим, заявленный владеющим лицом, аналогичен негаторному иску, и на него не распространяется исковая давность в силу ст. 208 ГК РФ [2].

В то же время ряд авторов отстаивали самостоятельную природу этого требования, указывая, что негаторный иск направлен на устранение фактических препятствий во владении, тогда как иск о признании права отсутствующим призван устранять юридические помехи – недостоверную запись в ЕГРН [3; 6, с. 13; 13, с. 14–20; 14, с. 90–98]. Однако до определенного времени эта позиция не была поддержана судебной практикой.

Первый акт, где прямо сформулирована идея исключительности (экстраординарности) иска о признании права отсутствующим, – Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2018), утвержденный Президиумом ВС РФ 04.07.2018. В п. 15 указанного Обзора разъяснено: «Иск о признании права отсутствующим является исключительным способом защиты и может быть заявлен только владеющим собственником, если нарушение его прав невозможно устранить иным способом, в частности путем признания права, истребования имущества из чужого незаконного владения, устранения препятствий в пользовании имуществом, не связанных с лишением владения, либо путем оспаривания сделок об отчуждении имущества» [4]. Это первое официальное разъяснение, в котором:

– прямо использован термин «исключительный способ защиты»;

– сформулировано ключевое условие – невозможность защиты иным способом;

– перечислены иные способы, которые должны быть рассмотрены до использования данного иска.

Анализ судебной практики позволяет выделить следующие обязательные условия, при которых иск о признании права отсутствующим может быть признан надлежащим способом защиты:

1. Критерий владения. Истец должен фактически владеть имуществом. Если имущество выбыло из владения истца и находится у ответчика, надлежащим способом защиты является исключительно виндикационный иск (ст. 301 ГК РФ). Как указал Верховный Суд РФ в Определении от 01.04.2025 № 302-ЭС24-20524, «отсутствие у истца владения имуществом, даже выбывшего против его воли, не может быть защищено иском о признании права ответчика отсутствующим, поскольку целью восстановления нарушенных прав является фактическое завладение спорным имуществом» [8].

2. Ответчик по иску не должен владеть имуществом, но должен значиться в ЕГРН в качестве правообладателя. Спор направлен именно на погашение недостоверной записи, а не на изъятие вещи из чужого владения. Признание права ответчика отсутствующим возможно только при наличии у истца права собственности, владении им имуществом и неосновательной регистрации права собственности за ответчиком, который этим имуществом не владеет [7].

3. Отсутствует возможность защитить нарушенное право иными способами – виндикацией, негаторным иском либо иском о признании права. Именно эта субсидиарность придает иску исключительный характер [5].

Несмотря на признание данного иска исключительным, Верховный Суд РФ в 2018 году не дал разъяснений по вопросу применения к таким искам правил исчисления сроков исковой давности. Суды продолжали ориентироваться на п. 12 Информационного письма № 153, где прямо указывалось: «Исковая давность на требование владеющего и реестрового собственника о признании права отсутствующим не распространяется, так как оно является разновидностью негаторного иска (ст. 208 ГК РФ)» [2].

Таким образом, по кругу ситуаций иск стал исключительным (нельзя использовать, если можно применить иные способы защиты), но, если он все-таки применялся, на него не распространялась исковая давность. Суды обосновывали это тем, что пока существует недостоверная запись в ЕГРН, нарушение права владеющего собственника длится непрерывно, следовательно, срок исковой давности не течет.

Наиболее существенные изменения практика применения исковой давности к требованиям о признании права отсутствующим претерпела в 2025 году. В Постановлении от 28.01.2025 № 3-П Конституционный Суд РФ сформулировал принципиально новые подходы к разрешению таких споров и указал, что во-первых, требования о признании права отсутствующим не могут произвольно исключаться из-под действия института исковой давности; во-вторых, момент начала течения срока давности надлежит исчислять с наиболее раннего из объективных обстоятельств, свидетельствующих об осведомленности государства о состоявшемся предоставлении участка. В качестве таких обстоятельств в литературе указывают следующие: появление признаков освоения участка, отражение его границ в кадастре, выявление нарушения прав публичной собственности в ходе спора или отмена акта о предоставлении участка [1, с. 81–92].

Истечение срока исковой давности и добросовестность приобретателя приобретают особое значение, когда речь идет о правах на земельные участки, находящиеся в границах особо охраняемых природных территорий. Учитывая, что такие участки объективно не могут находиться в частной собственности, истечение срока исковой давности здесь должно влечь не отказ в иске, а выступать основанием для предоставления гражданину компенсации, в первую очередь – в виде равноценного земельного участка, а при его отсутствии – иными способами, включая возмещение стоимости законно возведенных построек [11].

В развитие этой позиции Верховный Суд РФ в определении от 01.04.2025 по делу № 302-ЭС24-20524 указал, что отсутствие разумных временных ограничений для принудительной защиты нарушенных прав ведет к ущемлению прав и охраняемых законом интересов ответчиков и третьих лиц. Требования публично-правовых образований об истребовании имущества, включая требования, формально облеченные в форму иска о признании права отсутствующим, подлежат рассмотрению по правилам ст. 301, 302 ГК РФ с применением общего трехлетнего срока исковой давности, при этом срок исчисляется с момента, когда уполномоченный орган узнал или должен был узнать о нарушении права. Верховный Суд РФ также указал, что предъявление иска о признании права отсутствующим для последующего обращения с требованием о виндикации является недопустимой моделью защиты, избираемой с целью преодоления установленных законом надлежащих способов защиты и достижения неправомерного результата [8].

Отсюда вытекает необходимость рассмотрения вопроса о последствиях неправильного выбора способа защиты. Анализ практики показывает, что ошибка в выборе способа защиты чаще всего влечет отказ в удовлетворении заявленных требований. Хотя Верховный Суд РФ в отдельных судебных актах излагал позицию о том, что при неправильном формулировании истцом способа защиты, если очевиден преследуемый материально-правовой интерес, суд обязан самостоятельно определить характер правоотношений и применить надлежащие нормы [12], суды редко идут на переквалификацию требований. Так, если истец ошибочно заявил иск о признании права отсутствующим вместо виндикационного иска, ему, как правило, отказывают в удовлетворении иска, обосновывая это различием в предмете доказывания и установлении юридически значимых обстоятельств [7].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов и предложений.

С одной стороны, иск о признании права отсутствующим окончательно утвердился в судебной практике как экстраординарный способ защиты, допустимый лишь при невозможности использования иных средств судебной защиты и при условии сохранения истцом владения имуществом. Цель такого иска – корректировка реестра прав на недвижимость путем исключения недостоверных записей. Этот иск является вещным иском правопрекращающего характера [10, с. 242–262; 13, с. 14–20]. При этом, помимо признания за данным способом защиты исключительного характера, в судебной практике сформировалась по-

зиция о недопустимости изъятия таких исков из-под действия положений об исковой давности по аналогии с негаторными исками. Соблюдение необходимого баланса между интересами сторон в таких спорах должно достигаться за счет сформулированного в разъяснениях высших судебных инстанций правила о том, что ошибка в выборе способа защиты заинтересованного лица не должна влечь отказ в удовлетворении его исковых требований по одним лишь формальным основаниям.

С другой стороны, анализ судебных постановлений по делам о признании права отсутствующим показывает, что на уровне судов первой, апелляционной, кассационной инстанций не сложилось единого подхода к пониманию и критериям использования заинтересованными лицами указанного способа защиты, такие постановления нередко отменяются вышестоящими судами.

С учетом вышесказанного представляется, что для решения проблем, связанных с использованием в качестве способа защиты гражданских прав иска о признании права отсутствующим необходимы не просто разъяснения, сформулированные на уровне Верховного Суда Российской Федерации, а выработка и включение соответствующих положений в гражданское законодательство. Целесообразно дополнить главу 20 ГК РФ положениями, которые закрепили бы возможность предъявления иска о признании права или обременения отсутствующим, условия его предъявления и удовлетворения, правила применения к таким искам сроков исковой давности.

Такой подход позволит разрешить дискуссии о правовой природе рассматриваемого способа защиты гражданских прав, снять правовую неопределенность в части критериев его применения и будет способствовать максимально эффективной защите как публичных, так и частных интересов в сфере вещно-правовых отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айрапетян Г. В. Применение исковой давности к искам о признании права отсутствующим: комментарий к Постановлению Конституционного Суда РФ от 28 января 2025 года № 3-П // Закон. 2025. № 4. С. 81–92.

2. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 января 2013 г. № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_143244/ ?ysclid=mqsj5q1ev2961099307 (дата обращения: 10.04.2026).

3. Морева И. М. Правовая природа признания зарегистрированного права отсутствующим // Lex Russica. 2016. № 9(118). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-priznaniya-zaregistrirovannogo-prava-otsutstvuyuschim (дата обращения: 10.04.2026).

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301921/?ysclid=mqsja0155u109688825 (дата обращения: 10.04.2026).

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025) (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ 08.10.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516206 /?ysclid=mqsjd cmw2142061033 (дата обращения: 10.04.2026).

6. Оганесян А. Н. Особенности применения вещно-правовых способов защиты гражданских прав на недвижимое имущество : автореф. дис. ... канд. юрид наук : 12.00.03. М., 2012. 26 с.

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2018 № 117-КГ18-15. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-10042018-n-117-kg18-15/ (дата обращения: 10.03.2026).

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.04.2025 № 302-ЭС24-20524 по делу № А33-33025/2022. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01042025-n-302-es24-20524-po-delu-n-a33-330252022/ (дата обращения: 10.03.2026).

9. Петрушкин В. А. Иск о признании права (обременения) отсутствующим в системе способов защиты прав на недвижимость // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 4. С. 137–144.

10. Подшивалов Т. П. Иск о признании вещного права отсутствующим в судебной практике // Вестник гражданского права. 2024. № 2. С. 242–262.

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.2025 № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона „О государственной регистрации недвижимости“ в связи с жалобами граждан Н. И. Гришиной, Н. З. Гулордавы и других». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497120/?ysclid=mqsjkits5z98 0525691 (дата обращения: 10.03.2026).

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 100466/ ?ysclid=mqsjpgqvv417292141 (дата обращения: 10.03.2026).

13. Сазанова И. В. Иск о признании зарегистрированного права (обременения) отсутствующим: место в системе способов защиты гражданских прав // Юрист. 2021. № 10. С. 14–20.

14. Усачева К. А. Негаторный иск в исторической и сравнительно-правовой перспективе // Вестник гражданского права. 2013. № 6. С. 84–130.

15. Файзрахманов К. Р. Признание права или обременения отсутствующим в системе способов защиты вещных прав // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4 (65). URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/priznanie-prava-ili-obremeneniya-otsutstvuyuschim-v-sisteme-sposobov-zaschity-veschnyh-prav (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 366.54

Сироткин Алексей Геннадьевич
кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
юридического института им. Ю. П. Новицкого
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
a_sirotkin@kosgos.ru

Палюлина Ирина Александровна
кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
palylina_ia@kosgos.ru

Эволюция института защиты прав потребителей: от lex talionis к международным стандартам

Аннотация. *В статье на основе сравнительно-исторического метода исследуется качественная трансформация механизмов защиты прав потребителей. Показано, что становление данного института не сводится к линейному накоплению гарантий для потребителя, а представляет собой смену фундаментальных парадигм: от частной эквивалентности и компенсационной рациональности к публичному патернализму и цифровому протекционизму. Выделены ключевые точки развития, в которых менялись природа санкции, концепция дефекта товара (работы, услуги) и роль государства в защите прав потребителей.*

Ключевые слова: *защита прав потребителей, lex talionis, парадигма, слабая сторона, качество товара, информационная безопасность, потребительский патернализм.*

Sirotkin Aleksey Gennadyevich
candidate of legal sciences
head of the department of civil law disciplines
at the Novitsky Law Institute
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Palyulina Irina Aleksandrovna
candidate of historical sciences, associate professor
associate professor of the department of civil law disciplines
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The evolution of the consumer protection institute: from lex talionis to international standards

© Сироткин А. Г., Палюлина И. А., 2026

Annotation. *The article examines the qualitative transformation of consumer protection mechanisms based on the comparative historical method. It is shown that the formation of this institution is not limited to the linear accumulation of guarantees for the consumer, but represents a change in fundamental paradigms: from private equivalence and compensatory rationality to public paternalism and digital protectionism. The key points of development where the nature of sanctions, the concept of a defect in a product (work, service) and the role of the state in protecting consumer rights were changed are highlighted.*

Keywords: *consumer protection, lex talionis, paradigm, weakness, product quality, information security, consumer paternalism.*

На первый взгляд история института защиты прав потребителей выглядит как последовательное расширение правомочий покупателя (заказчика), которым выступает физическое лицо. Она начинается с возникновения простых по содержанию норм о возврате некачественного товара и завершается в настоящий момент разветвленной системой международных стандартов. Однако такой взгляд упускает сущностное различие между отдельными правилами купли-продажи, существовавшими в древности, и современными нормами, основанными на признании потребителя экономически и информационно слабой стороной. Даже эволюция значения слова «потребитель» в русском языке – от «истребителя, разорителя» (1806 г.) [8, с. 83], «уничтожающего что-либо через потребление» [9, с. 403] к универсальной фигуре участника гражданского оборота – отражает смену взглядов на данного субъекта права. Ранее акцент делался на акте потребления, направленного на уничтожение блага, а теперь – на нуждающемся в защите человеке.

В данной статье предпринята попытка проследить, насколько смена механизмов защиты покупателя соотносится со сменой правовых парадигм – в частности, действительно ли мы наблюдаем линейное движение от репрессивной логики lex talionis к современному патерналистскому стандарту, гарантированному международным правом.

В древнейших правовых памятниках защита прав покупателя или заказчика еще не отделена от общей логики возмездного причинения вреда. Ответственность исполнителя (строителя, лекаря, продавца) часто носила карательный характер и определялась по принципу талиона, осложненного сословным неравенством. Законы Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) прямо связывают санкцию с социальным статусом потерпевшего: смерть раба влечет обязанность предоставить другого раба, смерть полноправного – членовредительство, а гибель сына хозяина дома – убийство сына строителя [3, с. 225]. Здесь нет речи о защите «потребителя» как специфической фигуры. Действует обычная для своего времени логика возмещения, закрепленная законом. При заключении договора купли-продажи, в частности, предусматривалась возможность для покупателя вернуть продавцу некачественный товар и получить назад уплаченные деньги, если недостаток обнаруживался в течение месяца после покупки. Это также было продиктовано идеей обмена эквивалентами, а не установлением государственных гарантий для потребителя.

Несколько иначе выглядит ситуация в Законах Ману (II в. до н. э. – II в. н. э.). Запрет продажи смешанного, низкокачественного товара, а также предос-

тавление права немотивированного отказа от сделки в течение десяти дней [4, с. 211] свидетельствуют о зарождении ответственности за сам факт информационной неопределенности. Тем не менее, санкции в отношении лекаря, «действовавшего неверно», всего ограничиваются штрафом, тогда как золотых дел мастера за обман ждет мучительная казнь. Наказание, таким образом, попрежнему привязано не к статусу пострадавшего, а к степени злонамеренности нарушителя и сакральной чистоте профессиональной деятельности. Защита интересов покупателя все еще во многом остается побочным продуктом общей уголовно-правовой реакции.

Аналогичную картину можно наблюдать и в древнерусском праве. Пространная редакция Русской Правды (XII в.) защищает добросовестного приобретателя краденой вещи, обязывая вернуть ее собственнику, но гарантируя возврат денег [1, с. 516]. Эта конструкция напоминает двустороннюю реституцию, однако ее цель – не восстановление нарушенного потребительского интереса, а восстановление владения и пресечение кражи. Даже знаменитая норма Псковской судной грамоты о том, что протрезвевшие стороны могут отказаться от обмена или купли-продажи [11], фиксирует порок воли, а не экономическую слабость одной из сторон. Потребитель как особая правовая категория здесь еще отсутствует.

Таким образом, на первом этапе развития института прав потребителей центральным был принцип эквивалентного воздаяния, а потерпевший выступал не как слабая сторона договора, а как субъект, чья частная воля восстанавливается насильственным или компенсационным путем.

Следующий шаг сделан римским частным правом, рецепированным средневековой Европой [6, с. 117]. Дигесты Юстиниана (VI в.) уже четко разделяют незнание продавца о недостатках и умысел: в первом случае он возмещает только разницу в цене, во втором – весь ущерб [2]. Явные недостатки, которые покупатель мог заметить, вовсе лишают его права на защиту, так проявляется принцип «осмотрительности покупателя» (caveat emptor). Продавцу дозволено расхваливать товар, пока он не переходит к намеренному введению потребителя в заблуждение. Шестимесячный срок для возврата и годичный для уценки при скрытых дефектах закладывают основу современной гарантии качества, однако и здесь речь идет лишь о восстановлении имущественного равновесия, а не о выравнивании переговорных возможностей. Римская модель на многие столетия определила европейское частное право, где потребитель мыслился как равный субъект, способный сам позаботиться о своих интересах.

Эпоха промышленной революции и массового производства разрушила эту конструкцию. Стандартизация товаров, работ, услуг, усложнение технологий и агрессивная реклама лишили покупателя возможности оценить качество продукта. Снижение информационной автономии покупателя вызвало к жизни потребность в превентивной, а не последующей защите потребителя. В частности, первыми проявлениями такого подхода стали нормативные акты о чистоте пищевых продуктов, например, британский «Закон о продаже продуктов питания и лекарств» (Sale of Food and Drugs Act) 1875 года и американский «Закон о чистоте продуктов питания и лекарств» (Pure Food and Drug Act) 1906 года.

Они заложили основу для публичного контроля за качеством и безопасностью. Однако ключевое изменение происходит на уровне правосознания, поскольку покупатель впервые начинает рассматриваться не как равный контрагент, а как уязвимая сторона.

Традиционно в качестве точки отсчета современной потребительской политики указывается выступление президента США Дж. Кеннеди 15 марта 1962 года. Оно ценно не столько перечнем прав, сколько признанием того, что «голос потребителя не слышен» и что эта группа нуждается в организованной защите [10]. Провозглашенные права – на безопасность, информацию, выбор и право быть выслушанным – перевели проблему из плоскости частных договорных исков в плоскость публичной политики. Добавленные позднее Международной организацией потребителей права на возмещение ущерба, просвещение, удовлетворение базовых нужд и здоровую окружающую среду [5] лишь укрепили идею о том, что государство и общество обязаны компенсировать юридическое и практическое неравенство потребителя и его контрагентов.

Принятые Генеральной Ассамблеей ООН в 1985 году и пересмотренные в 2015 году Руководящие принципы защиты интересов потребителей [7] не просто систематизировали права, но придали им характер международных обязательств. Тем самым завершилось превращение разрозненных частноправовых средств в универсальный правовой институт. Национальные законодатели, следуя этим стандартам, стали внедрять повышенную ответственность продавца (исполнителя, изготовителя), штрафные санкции в пользу потребителя, презумпцию его неосведомленности и процессуальные льготы (подсудность по выбору истца, освобождение от государственной пошлины). Данное обстоятельство во многом обусловило специфику российского Закона «О защите прав потребителей» 1992 года, представляющего собой скорее инструмент государственного патернализма в отношении граждан-потребителей товаров, работ, услуг, нежели средство выравнивания частных интересов.

Современный этап ставит перед институтом защиты прав потребителей задачи, неведомые предыдущим эпохам. Если раньше уязвимость проистекала из незнания свойств товара, то теперь – из избыточного информационного потока. Цифровые платформы, алгоритмическое ценообразование, разнообразные уловки, затрудняющие отказ от услуги или удаление аккаунта, сбор персональных данных без осмысленного согласия фактически лишают пользователя того рационального выбора, на восстановление которого были направлены усилия XX века. Одновременно появляется категория «особо уязвимых потребителей» (пожилые люди, несовершеннолетние, лица с ограниченными возможностями), требующая не просто равенства условий, а опережающей защиты. Если в древности уязвимость потерпевшего компенсировалась персональной жестокостью наказания, то в цифровую эпоху мы наблюдаем иной, превентивный механизм: на платформы возлагается обязанность создавать среду, гарантирующую осознанный выбор, при этом должны быть установлена ответственность за использование алгоритмических механизмов, блокирующих этот выбор. Это не возрождение талиона, а реакция на структурную информационную асимметрию.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что развитие института защиты прав потребителей не было линейным. Условно можно говорить об этапе карательного характера ответственности, где статус потерпевшего определял санкцию, тогда как фигура покупателя не выделялась. Позднее, в рамках римской традиции, акцент сместился на компенсаторные механизмы, однако бремя осмотрительности лежало на самом покупателе. Лишь в XX веке происходит принципиальный сдвиг к публичному патернализму, закрепляющему неравенство переговорных возможностей как юридический факт и признающему потребителя заведомо слабой стороной. Наконец, формирующийся сегодня цифровой протекционизм ставит вопрос о применимости классических правовых категорий к структурной уязвимости потребителя, подвергающегося информационным манипуляциям со стороны контрагентов.

Таким образом, за внешним сходством регулирования потребительских отношений на разных исторических этапах прослеживаются принципиально разные логики. Человечество движется от воздаяния за вред, причиненный конкретному лицу, к созданию среды, в которой слабая сторона защищена самим фактом наличия публичного порядка, возвышающегося над свободой договора. Дальнейшие исследования института защиты прав потребителей могут быть направлены на поиск баланса между адаптацией публичного порядка к платформенной экономике и сохранением того уровня гарантий, который был достигнут благодаря имплементации международных стандартов в российское законодательство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под ред. Д. С. Лихачева и др. В 20 т. Т. 4: XII век. СПб. : Наука, 1997. 685 с. URL: https:// https://djvu.online/file/DFJ794b2OJ2T5 (дата обращения: 05.04.2026).

2. Дигесты Юстиниана / Избр. фрагменты в пер. и с примеч. И. С. Перетерского ; отв. ред. Е. А. Скрипилев. М. : Наука, 1984. 455 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Yustinian-1/digesty-yustiniana/20_1 (дата обращения: 05.04.2026).

3. Дьяконов И. М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // Вестник древней истории. 1952. № 3. С. 225–303. URL: https://vdi.jes.su/s0321-03910000621-9-1-ru-14/ (дата обращения: 30.03.2026).

4. Законы Ману / пер. С. Л. Эльмановича, испр. и доп. Г. Ф. Ильиным. М. : Изд-во вост. лит., 1960. 363 с. URL: https://lit.lib.ru/img/i/irhin_w_j/zbiblioteka1/zakonymanu.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

5. История возникновения Всемирного дня защиты прав потребителей. URL: https://33.rospotrebnadzor.ru/content/687/83515/ (дата обращения: 05.04.2026).

6. Липка Д. В. Становление и развитие института защиты прав потребителей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 116–120.

7. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для защиты интересов потребителей. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ditccplpmisc2016d1_ru.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

8. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. В 6 ч. Ч. 5. От П до С. СПб. : типография В. Плавильщикова, Академия наук, 1822. 1142 с. URL: https://www. prlib.ru/item/365950 (дата обращения: 30.03.2026).

9. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской академии наук. В 4 т. Т. 3. СПб. типография Императорской академии наук, 1847. 589 с. URL: https://www.prlib.ru/item/445887 (дата обращения: 30.03.2026).

10. Специальное обращение американского президента к Конгрессу 15 марта 1962 года. URL: https://souz-potrebiteley.ru/documents/info/78655/ (дата обращения: 05.04.2026).

11. Черепнин Л. В., Яковлев А. И. Псковская Судная грамота (Новый перевод и комментарий). Исторические записки. Т. 6. 1940. С. 235–297. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.php (дата обращения: 05.04.2026).

УДК 347.626.7

Васильева Анастасия Валерьевна
старший преподаватель кафедры
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Российская Федерация
a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Пильгуй Роман Евгеньевич
студент, Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Российская Федерация
pilguy_roman@mail.ru

Особенности раздела общего имуществе супругов в условиях осуществления предпринимательской деятельности одним из них

Аннотация. *В работе анализируются правовые проблемы раздела общего имущества супругов, когда один из них осуществляет предпринимательскую деятельность. Рассматривается ключевые нормативные акты и позиции Верховного Суда РФ, касающиеся определения момента возникновения права на доход, методики его исчисления и критериев отнесения налоговых долгов к общим обязательствам. Отдельное внимание уделено доктринальным подходам к разделу бизнес-активов. Обосновывается необходимость законодательного за-*

© Васильева А. В., Пильгуй Р. Е., 2026

крепления понятия «чистого дохода», четких критериев общих долгов и механизма сохранения бизнес-активов за супругом-предпринимателем с выплатой компенсации другому супругу.

Ключевые слова: *общее имущество супругов, раздел имущества, предпринимательская деятельность супругов, доход от предпринимательской деятельности, совместно нажитое имущество, долги супругов, налоговые обязательства, бизнес-активы, семейное законодательство.*

Vasilyeva Anastasia Valeryevna
senior lecturer of the department
Far Eastern Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

Pilguy Roman Evgenevich
student, Far Eastern Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

Features of the division of common property of spouses in the context of entrepreneurial activity by one of them

Annotation. *The paper analyzes the legal problems of dividing the common property of spouses when one of them is engaged in entrepreneurial activities. It examines the key regulatory acts and positions of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the determination of the moment when the right to income arises, the methodology for calculating income, and the criteria for classifying tax debts as common obligations. Special attention is paid to the doctrinal approaches to the division of business assets. The paper substantiates the need for legislative consolidation of the concept of "net income", clear criteria for common debts, and a mechanism for preserving business assets for the entrepreneurial spouse while compensating the other spouse*

Keywords: *common property of spouses, division of property, business activities of spouses, income from business activities, jointly acquired property, debts of spouses, tax obligations, business assets, and family legislation.*

Институт брачно-семейных отношений в современной России претерпевает значительные изменения, обусловленные как эволюцией семейного законодательства, так и трансформацией экономических отношений в целом. Одной из наиболее сложных и дискуссионных в судебной практике всегда остается проблема законного раздела общего имущества супругов, основанного на точном и справедливом балансе интересов, особенно в случаях, когда один из них осуществляет предпринимательскую деятельность.

Конституция Российской Федерации (далее – РФ), закрепляя право частной собственности и его судебную защиту (ст. 35), а также гарантируя государственную поддержку семьи материнства, отцовства и детства, создает тем самым фундаментальную основу для формирования правового режима имущества супругов [2].

В развитие данных конституционных положений ч. 1 ст. 256 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственность, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества [1]. Данная норма Гражданского кодекса РФ служит связующим звеном между гражданско-правовым регулированием отношений собственности и специальными нормами семейного законодательства.

В свою очередь, Семейный кодекс (далее – СК) РФ конкретизирует данное положение, определяя состав общего имущества супругов. Согласно ч. 2 ст. 34 СК РФ, к имуществу, нажитому супругами во время брака относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, а также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале и т. д. [3]. Таким образом, законодатель прямо относит доходы и имущество, полученные от предпринимательской деятельности одного из супругов к совместно нажитому имуществу, не связывая это с формальным участием или неучастием другого супруга в такой деятельности.

Однако, несмотря на столь четкое нормативное закрепление общего режима в отношении предпринимательских доходов и имущества, приобретенного за их счет, правоприменительная практика сталкивается с серьезными трудностями при разрешении споров о разделе такого имущества.

Проблемным в правоприменительной практике остается вопрос, что включает в себя «доходы от предпринимательской деятельности». На сегодняшний момент времени легальное определение понятия «доход» содержится в ч.1 ст. 41 Налогового кодекса РФ, где под ним понимается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той мере, в которой такую выгоду можно оценить [4].

Однако отождествление налогового понятия дохода с категорией «доходы от предпринимательской деятельности» в контексте семейных правоотношений сталкивается с серьезными трудностями. Ключевая из них заключается в том, что далеко не всякую экономическая активность супруга в браке следует считать предпринимательством [5, ст. 35]. Как верно отмечается в доктрине, подлинным источником дохода, охватываемым ч. 2 ст. 34 СК РФ, выступает лишь предпринимательская деятельность физического лица, осуществляемая без образования юридического лица и отвечающая критериям, закрепленным в ст. 2 Гражданского кодекса РФ: самостоятельность, систематичность, риск, направленность на систематическое получение прибыли. Соответственно, поступления, которые супруг получает от пассивных форм участия в коммерческих структурах, например, дивиденды как участник хозяйственного общества, не могут квалифицироваться в качестве «доходов от предпринимательской деятельности» в строгом смысле данного термина. Такие выплаты относятся к доходам от иной, не предпринимательской, экономической деятельности, что влечет за собой различия в правовом режиме и порядке раздела.

Еще один аспект правовой неопределенности касается методики исчисления дохода от предпринимательской деятельности, подлежащего включению в общее имущество супругов. Анализ судебной практики показывает, что за основу нередко берется совокупность всех поступлений, зафиксированных на расчетных счетах ИП супруга, без какой-либо корректировки. В подтверждение можно сослаться на определение Верховного Суда РФ от 01.10.2019 № 78КГ19-41, где суд посчитал подлежащими разделу все средства, полученные ИП по договорам, заключенным в браке [6]. При этом суд не принял во внимание, что у предпринимателя могли иметься неисполненные обязательства перед контрагентами, налоговые и иные долги, непосредственно связанные с полученными суммами.

В итоге понятие «доход» в п. 2 ст. 34 СК РФ на практике становится валовой выручкой без вычета издержек, что не соответствует экономической сущности данного показателя.

Также следует обратить внимание на момент признания доходов в составе общего имущества [7, ст. 145]. В правовой позиции, выработанной Верховным Судом РФ, ключевое значение для отнесения предпринимательских доходов к общему имуществу супругов придается не дате фактического зачисления средств, а моменту возникновения у супруга-предпринимателя права требования на соответствующее встречное предоставление. Иными словами, если юридический факт, порождающий право на получение дохода, имел место в период брака, то последующее поступление денег – даже после официального прекращения брачных отношений – не меняет правовой природы этих средств: они подлежат разделу как совместно нажитое имущество [8].

Одной их наиболее острых проблем, выявленных правоприменительной практикой, является отсутствие единообразного подхода к учету долговых обязательств при разделе имущества супругов, когда один из них занимается предпринимательской деятельностью. Действующее семейное законодательство не содержит четких критериев, позволяющих определить, какие именно долги супруга-предпринимателя следует считать общими, а какие – его личными. Это порождает серьезные противоречия в судебных решениях.

В спорах, связанных с налогообложением, суды нередко приходят к выводу, что обязанность по уплате налогов, возникшая у супруга-предпринимателя в период брака, является общим долгом супругов.

Однако Верховый Суд РФ в определении по делу № 91-КГ25-3КЗ высказал принципиальную позицию относительно того, в каких случаях задолженность индивидуального предпринимателя перед налоговыми органами может считаться общим долгом супругов, а в каких – нет. [9]. Исходя из позиции суда, сам по себе брак не делает такие обязательства автоматически совместными.

Суд указал два условия, при которых долг может быть признан общим. Во-первых, необходимо доказать, что все доходы от бизнеса полностью уходили на нужды семьи. Если часть выручки тратилась на зарплату сотрудникам, закупку материалов, инструментов или развитие дела – этого недостаточно. Во-вторых, задолженность должна возникнуть в период фактических брачных отношений, а не после их прекращения. В рассмотренном деле предприниматель

не смог подтвердить, представленные выше факты: доходы направлялись на операционные расходы бизнеса, а долги образовывались уже после распада семьи. Верховный Суд РФ отказал в признании налоговой задолженности общим долгом.

Таким образом, налоговые обязательства предпринимателя признаются общим долгом супругов только в исключительных случаях – при строгом доказывании того, что весь бизнес работал исключительно на нужды семьи, а его доходы полностью поступали в общий семейный бюджет. Во всех остальных ситуациях бремя уплаты налогов лежит на самом предпринимателе.

Также необходимо обратить внимание на раздел недвижимого имущества, а именно «бизнеса». В научных исследованиях и судебной практике под «бизнесом» супругов, подлежащим разделу при прекращении брака, принято понимать не саму предпринимательскую активность как процесс, а совокупность имущественных активов и прав, возникших в результате этой деятельности в период брака. Однако законодательство не содержит легального определения понятия «бизнеса супругов» как единого объекта гражданских прав, что порождает серьезные доктринальные споры и проблемы правоприменения.

Верховный Суд РФ в определении от 26.03.2019 № 81-КГ19-2 прямо указал, что сам по себе «бизнес» не является самостоятельным объектом гражданских прав по смыслу статьи 128 Гражданского кодекса РФ. Следовательно, при разделе речь идет не о передаче «бизнеса» в качестве объекта целиком, а о распределении составляющих его элементов.

Исходя из этого, в научных работах предлагается трактовать совместно нажитое дело как многокомпонентный имущественный комплекс, объединяющий несколько разновидностей объектов (например, имущество, задействованное непосредственно в коммерческой деятельности; права имущественного характера; исключительные права).

Следует согласиться с позициями авторов научных работ, аргументирующие необходимость ухода от вещно-правовой модели регулирования семейных имущественных отношений и обращения к конструкции, базирующейся на обязательственном праве, в особенности в отношении предпринимательских активов. Авторы предлагают при разделе оставлять коммерческие активы за тем супругом, кто реально занимался «бизнесом», с одновременным присуждением другому супругу денежной компенсации. Такой подход позволяет предотвратить ликвидацию дела, сохранить рабочие места и поддержать стабильность гражданского оборота.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Действующее законодательство не содержит четких критериев для раздела предпринимательских доходов и долгов супругов, что порождает противоречивую судебную практику. Верховный Суд РФ установил, что доходы подлежат разделу с момента возникновения права на них, а налоговые долги признаются общими лишь при строгом доказывании того, что все доходы от бизнеса полностью направлялись на нужды семьи. «Бизнес» как таковой не является самостоятельным объектом раздела – разделу подлежат отдельные активы. В связи с этим, обоснованным представляется переход от вещно-правовой мо-

дели к обязательственно-правовой, при которой бизнес-активы сохраняются за супругом-предпринимателем с выплатой компенсации другому супругу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации : [принят Государственной Думой 21 октября 1994 г. № 51-ФЗ] (в ред. от 31 июля 2026 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mq sker0yyo449311119 (дата обращения: 10.04.2026).

2. Конституция Российской Федерации : официальный текст : [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11- ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ от 05.10.2022]. URL: http://pravo.gov.ru/constitution/.

3. Семейный кодекс Российской Федерации : [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г. № 223-ФЗ] : (в ред. от 23 марта 2026 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=mqskbh8tvg1841 4796 (дата обращения: 10.04.2026).

4. Налоговый кодекс Российской Федерации : [принят Государственной Думой 16 июля 1998 г., одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г. № 146-ФЗ] (вред от 11 февраля 2026 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_19671/?ysclid=mqskhn99nn425479946 (дата обращения: 10.04.2026).

5. Чефранова Е. А., Чашкова С. Ю. Направления совершенствования правового регулирования имущественных отношений супругов (сфера согласования интересов бизнеса и интересов супругов) // Lex Russica. 2024. № 12(217). С. 35.

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации № 78-КГ19-41 от 01.10.2019. URL: https:// lega-lacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam. verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01102019-n-78-kg19-41/ (дата обращения: 10.04.2026).

7. Терехов Е. А. Правовое регулирование доходов супругов от предпринимательской деятельности и проблемы их раздела при расторжении брака // Закон и власть. 2025. № 3. С. 144–147.

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354704/?ysclid=mqskxmvpu73 5276466 (дата обращения: 10.04.2026).

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации № 91-КГ25-3-К3 от 26.08.2025. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412586157/ (дата обращения: 10.04.2026).

СЕКЦИЯ 6

ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 34.05

Белякова Полина Сергеевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
pb275859@gmail.com

Пащенко Екатерина Валентиновна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
ekarasna564@mail.ru

Распределение государственных регистрационных знаков как источник государственного дохода: сравнительный опыт России и Казахстана

Аннотация. *В статье приводится сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан в сфере распределения государственных регистрационных знаков. Выявлены ключевые отличия подходов в регулировании данной области общественных отношений. На основании опыта Республики Казахстан обосновывается целесообразность введения похожей системы реализации регистрационных знаков, как инструментов пополнения государственного бюджета и обеспечения интересов прав граждан.*

Ключевые слова: *государственный регистрационный знак, сравнительно-правовой анализ, бюджет, законодательство Республики Казахстан.*

Belyakova Polina Sergeevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Pashchenko Ekaterina Valentinovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Distribution of state registration marks as a source of government revenue: the experience of Russia and Kazakhstan

Annotation. *The article provides a comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the field of distribution of state registration marks. The key differences in approaches to regulating this area of public relations are revealed. Based on the experience of the Republic of Kazakhstan, the expediency of introducing a similar sys-*

© Белякова П. С., Пащенко Е. В., 2026

tem for the sale of registration marks as tools for replenishing the state budget and ensuring the interests of citizens' rights is substantiated.

Keywords: *state registration mark, comparative legal analysis, budget, legislation of the Republic of Kazakhstan.*

Государственный регистрационный знак (далее – ГРЗ), согласно Федеральному закону от 03.08.2018 № 283-ФЗ– это индивидуальное буквенно-цифровое обозначение, присваиваемое транспортному средству (далее – ТС) регистрационным подразделением. Он является универсальным средством идентификации, позволяющим органам власти и участникам дорожного движения идентифицировать один автомобиль среди сотен других. Однако в настоящее время ГРЗ превратился и в предмет потребительского спроса, незаконной перепродажи. Так, если воспользоваться информационной сетью, можно обнаружить массу объявлений о покупке или продаже: владельцы авто ищут наиболее привлекательные для них сочетания на номере по различной стоимости, а владельцы «красивых» номеров стремятся продать их за значительную сумму – чем более высокий спрос на определенное обозначение, тем соответственно вырастает стоимость.

Однако в Российской Федерации нет действующего механизма, который бы позволил гражданам приобретать «красивые» номера, а государству – получать с подобных сделок доход в казну. Несомненно, поступления необходимы в любое время, но особенно они требуются в периоды времени, когда уменьшается ВВП и растет дефицит. Согласно предварительным оценкам Правительство РФ зафиксировало в период с января по февраль 2026 года дефицит бюджета в размере 3,449 трлн рублей, для сравнения в тот же период 2025 года он составлял 2,701 трлн рублей.

Существенное влияние геополитической ситуации не позволяет должным образом увеличивать доходы от международных сделок, поэтому оптимальным вариантом является постепенное создание механизма государственной продажи ГРЗ, который позволит создать новый источник получения дохода для государства.

Помимо экономической составляющей стоит обратить внимание на противоправный элемент в сфере «серой» купли-продажи ГРЗ. Нередко автовладельцы сталкиваются с недобросовестными продавцами, которые лишают граждан не только средств, но и автотранспорта [10].

В свою очередь, Республика Казахстан решает этот вопрос иным путем, закрепляя государственную монополию на продажу ГРЗ. Следовательно, изучение данного опыта составляет одновременно научный и практический интерес.

В Российской Федерации процесс распределения государственных регистрационных знаков осуществляется в соответствии с установленным регламентом, который предусматривает выдачу номеров в строгой последовательности. В соответствии с действующим законодательством, автовладельцы не имеют права приобретать регистрационный знак за дополнительную плату, выбирая определенную буквенно-цифровую комбинацию. Данный порядок установлен пунктом 42 Постановления Правительства РФ от 21.12.2019 № 1764 (ред. от 26.08.2025) «О государственной регистрации транспортных средств

в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации»[8].

Исключение составляет ситуация, когда гражданин переоформляет уже находящееся в его собственности транспортное средство и желает сохранить ранее присвоенный ему государственный регистрационный знак. Такая возможность сохранения предусматривается пунктом 44 указанного выше Постановления Правительства РФ [8].

Поскольку законодательство не содержит легальных механизмов для приобретения приоритетного права на выбор регистрационного знака, на рынке сформировался теневой сегмент, в котором посредники и недобросовестные сотрудники органов внутренних дел предлагают приобретение «блатных» номеров за вознаграждение. Такая практика создает значительные экономические риски для добросовестных приобретателей, которые могут потерять денежные средства, так и не получив обещанный регистрационный знак.

В Республике Казахстан правовую основу регистрации транспортных средств составляют Закон Республики Казахстан от 17.04.2014 № 194-V «О дорожном движении» [2] и Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 2 декабря 2014 года № 862 [4; 9]. В свою очередь рассматриваемая система покупки у государства ГРЗ в Казахстане была внедрена в декабре 2012 года, придя на смену неофициальному рынку продажи. Механизм прост: государство определяет обозначения повышенного спроса, соответственно увеличивает их стоимость и позволяет автовладельцам до регистрации ТС забронировать интересующий их номер. А в январе 2026 года РК интегрировала данный способ на государственный портал eGov.kz, аналог Госуслуг в РФ [1].

Можно выделить основные характеристики применяемой в Казахстане модели: прозрачность – в режиме реального времени можно узнать стоимость определенного ГРЗ и забронировать; ценообразование – государство устанавливает цену для всех номеров, для номеров с повышенным спросом установлены специальные аукционы; общедоступность – любой гражданин Республики Казахстан имеет право приобретать у государства напрямую либо через специализированные аукционы регистрационный номер; зачисление средств непосредственно в бюджет государства – поступления, то есть пошлины и оплата ГРЗ, являются законным и достаточно доходным способом пополнения бюджета.

По данным Министерства Внутренних дел Республики Казахстан такая система является востребованной и действует с большим ажиотажем среди автовладельцев: «Если учитывать только выданные 137 631 ГРНЗ, их оформление принесло в бюджет 5 952 540 750 тенге (примерно 978 614 711,66 рублей)» [5]. Таким образом, в настоящий момент государство получает доход, который раньше находится в нише теневого рынка, среди посредников, а граждане– правовую защиту своей сделки.

Казахстанская система демонстрирует инновационные подходы к распределению государственных регистрационных знаков (ГРЗ), что способствует легализации ранее существовавшего теневого рынка и обеспечивает дополнительные поступления в государственный бюджет. Российская система, в свою

очередь, требует модернизации с учетом положительного опыта зарубежных стран.

Анализ казахстанской практики показывает, что внедрение механизмов электронного бронирования, государственного регулирования ценовой политики и прозрачной системы определения стоимости государственных регистрационных знаков может стать эффективным решением для оптимизации процессов распределения ГРЗ[6]. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть возможность адаптации указанных механизмов в Российской Федерации.

На основании сравнения законодательства двух государств предлагается предусмотреть меры подобного урегулирования в Российской Федерации с последующей их доработкой.

Так, следует внести изменения в Федеральный закон №283-ФЗ создав отдельную категорию номерных обозначений – сочетаний повышенного спроса.

Также стоит по аналогии с сервисом eGov.kzинтегрировать механизм подбора и оценки ГРЗ в Госуслуги; создать портал для проведения аукционов по купле-продаже государственных регистрационных знаков, соответственно с установлением фиксированной начальной стоимости Российской Федерацией [7].

В дополнение стоит установить защитные меры для «перепродажи» номеров у частных владельцев, так как официально продавать номера запрещено, то государство должно сохранять монополию на их передачу [3]; для этого целесообразно закрепить, что сделки по передаче права на ГРЗ между физическими лицами допустимы исключительно при посредничестве государственной платформы, что в свою очередь поможет легализовать теневой рынок сбыта регистрационных номеров и увеличить поступления в государственный бюджет посредством налогообложения такой деятельности.

Таким образом, реализация подобных мер позволит создать дополнительный и весьма доходный способ пополнения государственного бюджета; легализовать рынок сбыта ГРЗ среди частников или посредников; снизить коррупционные и иные риски при совершении сделок с государственными регистрационными номерами в Российской Федерации.

Изучение и сравнение законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан в вопросе регистрации и выдачи государственных регистрационных номеров, их купли-продажи показало, что в настоящее время Казахстан сформировал более современную и бюджетоорентированную политику, которая высоко востребована в экономической сфере и не теряет государственной монополии. В свою очередь внедрение подобного механизма в Российской Федерации позволит обеспечить существенные бюджетные поступления, позволяющие уменьшать дефицит; создаст нормативную базу для устранения пробелов в регулировании; уменьшит теневой рынок регистрационных номеров и снизит коррупционную составляющую. Опыт других государств может быть использован для решения насущных вопросов, дальнейшее исследование данной темы может быть направлено на изучение законодательства других развитых государств, например, таких как ОАЭ, Сингапур и прочих, законодательство которых предусматривает коммерческие системы распределения государственных регистрационных номеров.

Список источников

1. Деньги за цифры: казахстанцы массово понесли крупные суммы за красивые номера // Tengrinews. URL: https://tengrinews.kz/autonews/dengi-tsifryi-kazahstantsyi-massovo-ponesli-krupnyie-summyi-593252/ (дата обращения: 05.04.2026).

2. Закон Республики Казахстан «О дорожном движении» от 17.04.2014 № 194-V. URL :https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000194 (дата обращения: 05.04.2026).

3. «Красивые» автомобильные номера в банкротстве // Право.РФ, Pravo.RU, Право.RU. URL: https://pravo.ru/opinion/260878/ (дата обращения: 07.04.2026).

4. Министерство внутренних дел Республики Казахстан : офиц. сайт. URL: https://www.mvd.gov.kz. (дата обращения: 08.04.2026).

5. Новосибирец предстанет перед судом за обман при продаже «блатного» госномера // ВН.ру Все новости Новосибирской области. URL: https://vn.ru/edition/ (дата обращения: 07.04.2026).

6. Аукцион номерных знаков // Портал электронного правительства Республики Казахстан. URL: https://egov.kz. (дата обращения: 08.04.2026).

7. Постановление Правительства Республики Казахстан «Об утверждении Правил проведения электронных аукционов по реализации персонализированных государственных регистрационных номерных знаков» от 27.12.2019 № 996. URL:https://primeminister.kz/assets/media/pravila-777-080714-rus.pdf (дата обращения 06.04.2026).

8. Постановление Правительства РФ «О государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Правилами государственной регистрации транспортных средств в регистрационных подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации)» от 21.12.2019 № 1764. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341398/ (дата обращения: 08.04.2026).

9. Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан «Об утверждении Правил государственной регистрации и учета отдельных видов транспортных средств по идентификационному номеру транспортного средства, подготовки водителей механических транспортных средств, приема экзаменов и выдачи водительских удостоверений» от 02.12.2014 года № 862. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0010056 (дата обращения: 05.04.2026).

10. Федеральный закон «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 283-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304041/ (дата обращения 06.04.2026).

УДК 343.85

Гречко Елизавета Дмитриевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
elisabetagrechko@yandex.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Дропперство как новый вид преступной деятельности

Аннотация. *В статье анализируется феномен дропперства как современного вида преступной деятельности, связанного с использованием банковских карт, электронных кошельков и иных платежных инструментов для проведения незаконных финансовых операций. Анализируются сущность, характерные признаки и виды дропперства (банковское, криптовалютное, смешанное). Особое внимание уделено эволюции уголовного законодательства РФ в связи с принятием Федерального закона от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ, дополнившего статью 187 УК РФ. Выявляются сохраняющиеся проблемы квалификации, прежде всего в части доказывания субъективной стороны преступления.*

Ключевые слова: *дропперство, цифровая экономика, электронные платежные системы, неправомерный оборот средств платежей, статья 187 УК РФ, корыстная заинтересованность, криптовалюта, умысел.*

Grechko Elizaveta Dmitrievna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich
candidate of legal sciences, associate professor
associate professor of the department of judicial
and law enforcement activities
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Dropshipping as a new type of criminal activity

Annotation. *The article analyzes the phenomenon of dropshipping as a modern type of criminal activity related to the use of bank cards, electronic wallets, and other payment instruments for conducting illegal financial transactions. The article analyzes the essence, characteristics, and types of dropshipping (banking, cryptocurrency, and mixed). Special attention is paid to the evolution of the Russian Federation's criminal legislation in connection with the adoption of Federal*

© Гречко Е. Д., Евстегнеев А. С., 2026

Law No. 176-FZ of June 24, 2025, which amended Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article identifies ongoing challenges in the qualification process, particularly in proving the subjective aspect of the crime.

Keywords: *dropshipping, digital economy, electronic payment systems, illegal circulation of payment instruments, Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, self-interest, cryptocurrency, and intent.*

Современная цифровая экономика и стремительное развитие электронных платежных систем породили новые формы преступной деятельности. Одной из таких форм стало дропперство. В научной и правоприменительной практике под дропперством, как правило, понимается специфический вид противоправной деятельности, связанный с использованием физических лиц в качестве подставных лиц для осуществления финансовых операций в интересах организаторов преступных схем.

Сущность данного явления заключается в том, что реальные инициаторы и выгодоприобретатели преступления стремятся скрыть свою причастность, используя посредников – так называемых дропов. Эти лица предоставляют свои банковские счета, платежные реквизиты, доступ к электронным кошелькам или иным финансовым инструментам для проведения транзитных операций. Участие «дропов» может носить как осознанный характер, т. е. за материальное вознаграждение, так и быть обусловлено введением в заблуждение, недостаточной правовой грамотностью или социально-экономической уязвимостью [1, с. 1078].

К числу характерных признаков дроппества относится участие третьего лица в финансовых операциях при отсутствии у него фактического контроля над денежными средствами. Формально выступая владельцем счета или платежного инструмента, «дроп» не принимает самостоятельных решений относительно движения средств, действуя по указаниям организаторов схемы. Существенным признаком является направленность операций на сокрытие преступного происхождения денежных средств, что достигается посредством их транзита через цепочку счетов. Взаимодействие между участниками, как правило, носит дистанционный характер и осуществляется с использованием цифровых каналов связи.

В зависимости от используемых инструментов и способов реализации выделяются различные виды дроппества. Наиболее распространенным является банковское дроппество, при котором используются счета физических лиц для транзита и последующего обналичивания денежных средств. С развитием цифровых технологий широкое распространение получило криптовалютное дроппество, предполагающее использование электронных кошельков, аккаунтов на криптовалютных биржах и иных цифровых платформ, что значительно усложняет контроль за финансовыми потоками ввиду их высокой степени анонимности. Наряду с этим все чаще встречаются смешанные схемы, сочетающие традиционные банковские инструменты и цифровые активы, что позволяет преступникам более эффективно маскировать происхождение средств и минимизировать риски их выявления [2, с. 127–130].

До недавнего времени деятельность «дропперов» в Российской Федерации не имела самостоятельной уголовно-правовой квалификации и охватывалась лишь косвенными нормами Уголовного кодекса РФ. Лица, предоставлявшие свои банковские карты, счета или доступ к электронным средствам платежа третьим лицам, как правило, привлекались к ответственности по статьям о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), легализации (отмывании) денежных средств (ст. ст. 174 и 174.1 УК РФ), а также неправомерном обороте средств платежей (ст. 187 УК РФ) [3].

Однако подобный подход не позволял в полной мере отразить реальную общественную опасность дропперства как важного элемента современной преступной деятельности. Более того, он существенно осложнял процесс доказывания, поскольку требовалось устанавливать осведомленность лица о преступном происхождении денежных средств, наличия умысла и связь с конкретным преступлением. В результате правоприменительная практика характеризовалась неоднородностью, а виновные лица нередко либо избегали ответственности, либо привлекались по менее тяжким составам преступления.

Ситуация изменилась только в 2025 году, когда был принят Федеральный закон от 24 июня 2025 года № 176-ФЗ, который внес существенные изменения в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации. Указанная статья была дополнена частями 3-6, а также соответствующими примечаниями, что позволило законодательно охватить все ключевые формы участия в дропперских схемах [5]. Данные новеллы фактически выстроили целостную систему уголовной ответственности, охватывающую как непосредственных владельцев платежных средств, так и посредников, а также иных участников незаконного оборота электронных средств платежа. В результате был сформирован комплексный правовой механизм противодействия дропперству, учитывающий различную степень вовлеченности лиц в совершение неправомерных финансовых операций.

Так, часть 3 статьи 187 УК РФ устанавливает ответственность за наиболее «пассивную» форму участия в противоправной деятельности. Речь идет о случаях, когда лицо, являясь клиентом банка и законным владельцем электронного средства платежа (например, банковской карты, счета или доступа к дистанционному банковскому обслуживанию), передает это средство или доступ к нему другому лицу для осуществления неправомерных операций. При этом ключевым условием уголовной ответственности выступает наличие корыстной заинтересованности, т. е. получение вознаграждения или иной материальной выгоды. Существенно, что в рамках данной нормы лицо непосредственно не участвует в проведении операций – его роль ограничивается предоставлением инструмента, который в дальнейшем используется третьими лицами. Таким образом, объективная сторона выражается именно в факте передачи или предоставления доступа, а не в совершении финансовых транзакций.

Показательной в данном контексте является правоприменительная практика. Так, в 2025 году в г. Костроме к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 187 УК РФ была привлечена гражданка, которая, испытывая материальные трудности, за вознаграждение оформила на свое имя несколько банковских карт, при-

вязала к ним новый номер телефона и передала их вместе с доступом третьим лицам. Впоследствии через указанные счета неизвестными было проведено свыше 4 млн рублей. Несмотря на значительный объем транзитных операций, сама обвиняемая не осуществляла управление денежными средствами, а ее роль ограничивалась предоставлением платежных инструментов. Указанные обстоятельства позволили квалифицировать ее действия именно по части 3 статьи 187 УК РФ, что наглядно иллюстрирует применение данной нормы в случаях так называемого «пассивного» дропперства [4].

Часть 4 указанной статьи предусматривает ответственность за более активную форму поведения. Здесь субъект также является владельцем средства платежа, однако, в отличие от ситуации, предусмотренной частью 3, он не ограничивается передачей доступа, а самостоятельно осуществляет неправомерные операции с использованием своего платежного инструмента. При этом такие действия совершаются по указанию либо в интересах третьих лиц, что указывает на включенность лица в преступную схему в качестве непосредственного исполнителя отдельных операций. Несмотря на формальное сходство субъектного состава с частью 3, различие заключается именно в степени активности: если в части 3 лицо лишь предоставляет возможность совершения преступления, то в части 4 оно уже реализует эту возможность, непосредственно участвуя в движении денежных средств.

Часть 5 статьи 187 УК РФ регулирует ответственность лиц, которые не являются владельцами электронных средств платежа, но при этом играют посредническую или организационную роль в их незаконном обороте. Объективная сторона здесь выражается в приобретении, передаче, а равно ином обороте чужих средств платежа или доступа к ним с целью последующего использования для совершения неправомерных операций. В данную категорию попадают так называемые «вербовщики», «диспетчеры» или иные участники, которые обеспечивают функционирование дропперских схем, подбирая лиц, готовых предоставить свои счета, либо аккумулируя и распределяя такие средства платежа между исполнителями. Их деятельность носит более системный и организующий характер, что обусловливает более высокую степень общественной опасности по сравнению с действиями, предусмотренными частями 3 и 4.

Наконец, часть 6 статьи 187 УК РФ предусматривает ответственность за наиболее активную и опасную форму участия – непосредственное осуществление неправомерных операций с использованием чужих электронных средств платежа лицом, не являющимся их владельцем. В данном случае субъект не только не обладает правами на соответствующее средство платежа, но и самостоятельно использует его для совершения финансовых операций. Это может выражаться в переводе денежных средств, их обналичивании или иных действиях, направленных на распоряжение чужими финансовыми ресурсами. В отличие от части 5, где лицо организует или обеспечивает оборот платежных средств, здесь оно выступает непосредственным исполнителем операций, что сближает данную норму с формами прямого участия в преступной деятельности.

Объединяющим признаком всех указанных составов является наличие корыстной заинтересованности, которая выступает обязательным элементом субъективной стороны и позволяет отграничить уголовно наказуемые деяния от случаев добросовестного заблуждения или неосторожного поведения. При этом законодатель выстраивает последовательную градацию ответственности: от пассивного предоставления средств платежа (часть 3) к активному участию владельца в операциях (часть 4), далее к посреднической и организующей деятельности (часть 5) и, наконец, к непосредственному использованию чужих платежных инструментов (часть 6).

Максимальное наказание по наиболее тяжким составам достигает шести лет лишения свободы со значительным штрафом, что свидетельствует о серьезном подходе государства к противодействию дропперству. Вместе с тем законодатель предусмотрел и стимулирующий механизм: лицо, впервые совершившее преступления, предусмотренные частями 3 или 4 статьи 187 УК РФ, может быть освобождено от уголовной ответственности при условии активного содействия раскрытию преступления и добровольного сообщения о других участниках противоправной деятельности [5].

Несмотря на позитивные изменения в законодательстве, вопросы квалификации дропперства остаются сложными и неоднозначными. Ключевой проблемой является доказывание субъективной стороны преступления – умысла. Для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо доказать, что оно осознавало противоправный характер своих действий и желало их совершения либо сознательно допускало наступление общественно опасных последствий. В отношении лиц, вовлеченных в дропперские схемы путем обмана или злоупотребления доверием, установление таких обстоятельств представляет значительную сложность.

Таким образом, дропперство представляет собой сложное и многогранное явление современной цифровой экономики, выступающее важным элементом преступных финансовых схем, направленных на сокрытие происхождения денежных средств и минимизацию рисков привлечения организаторов к ответственности. Использование подставных лиц позволяет фактическим выгодоприобретателям дистанцироваться от незаконных операций, что существенно осложняет выявление и пресечение противоправной деятельности.

Введение в 2025 году специальных норм, закрепленных в частях 3–6 статьи 187 УК РФ, стало значительным шагом в развитии уголовного законодательства, позволившим сформировать дифференцированный подход к оценке различных форм участия в дропперских схемах.

Законодатель последовательно разграничил степень вовлеченности субъектов – от пассивного предоставления средств платежа до непосредственного осуществления неправомерных операций с использованием чужих финансовых инструментов, что повысило точность квалификации и эффективность правоприменения.

Вместе с тем, несмотря на очевидные преимущества обновленного правового регулирования, сохраняются существенные проблемы, связанные прежде всего с установлением субъективной стороны преступления. Доказывание умысла, особенно в случаях вовлечения лиц в противоправные схемы посредством обмана или вследствие их социальной уязвимости, остается одной из ключевых задач правоприменительной практики.

В этой связи представляется, что дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на уточнение критериев разграничения форм вины, а также на совершенствование механизмов предупреждения вовлечения граждан в дропперские схемы. Только комплексный подход, сочетающий уголовно-правовые меры с профилактикой и повышением уровня правовой грамотности населения, способен обеспечить эффективное противодействие данному виду преступной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ахатова А. М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовноправовой оценки и правоприменения. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/drop-kak-souchastnik-prestupleniy-sovershennyh-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-setey-problemy-ugolovno-1/ viewer (дата обращения: 20.04.2026).

2. Копылов В. В., Прокофьев О. М., Калошина Ю. С. Особенности совершения дистанционных хищений денежных средств граждан с использованием метода социальной инженерии // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №3. С. 126–131.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г., № 63-ФЗ : офиц. текст : по состоянию на 18 марта 2025 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/?ysclid=mqsmr3loq2285747342 (дата обращения: 20.04.2026).

4. УМВД России по Костромской области. URL: https://44.мвд.рф/news/item/61989257 (дата обращения: 20.04.2026).

5. Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» : принят Гос. Думой 17 июня 2025 г. : одобр. Советом Федерации 18 июня 2025 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508353/?ysclid=mqsmr3loq2285747342 (дата обращения: 05.04.2026).

УДК 347.963

Борисова Татьяна Олеговна
студент, Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
tanya20122004@gmail.com

Проблемы и перспективы совершенствования прокурорского надзора в сфере противодействия киберпреступности

Аннотация. *В статье исследуются актуальные проблемы прокурорского надзора в условиях стремительного роста киберпреступности. В этой связи автором указывается на недостаток цифровых компетенций у прокурорских работников, что препятствует квалифицированному осуществлению ими прокурорского надзора за процессуальной деятельностью по расследованию преступлений в сфере информационных технологий. Кроме того, в качестве серьезного законодательного пробела отмечается отсутствие уголовно-процессуальных норм, регулирующих особенности собирания, проверки и оценки электронных доказательств. На данной основе, предлагается: а) включить в программы обучения и повышения квалификации будущих и действующих прокурорских работников соответствующие образовательные модули; б) определить статус электронных доказательств в уголовно-процессуальном законе и закрепить в нем положения, регламентирующие их получение и использование в процессе доказывания.*

Ключевые слова: *киберпреступность, прокурорский надзор, электронные доказательства, цифровая криминалистика, уголовное судопроизводство, система «Антифрод».*

Borisova Tatyana Olegovna
student, Saint Petersburg institute (branch)
of the All-Russian state university of justice
Saint Petersburg, Russian Federation

Problems and prospects for improving prosecutorial oversight in the field of combating cybercrime

Annotation. *The article examines current challenges of prosecutorial oversight amid the rapid growth of cybercrime. In this regard, the author highlights a lack of digital competencies among prosecutorial personnel, which hinders their competent supervision of procedural activities in the investigation of information technology-related crimes. Furthermore, a significant legislative gap is identified: the absence of criminal procedure norms regulating the specific procedures for the collection, verification, and evaluation of electronic evidence. On this basis, the author proposes: a) to incorporate relevant educational modules into the initial training and continuing professional development programs for future and incumbent prosecutors; b) to legally define the status of electronic evidence in criminal procedure legislation and establish provisions governing its acquisition and use in the process of proof.*

Keywords: *cybercrime, prosecutorial oversight, electronic evidence, digital forensics, criminal proceedings, "Antifraud" system.*

© Борисова Т. О., 2026

Из-за роста числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий актуализируются вопросы организации и осуществления прокурорского надзора в данной сфере. Согласно одному из доктринальных определений, киберпреступность представляет собой противоправную деятельность, осуществляемую посредством ИТ-технологий для извлечения материальной выгоды или причинения вреда [4, с. 861]. Официальные данные подтверждают устойчивую тенденцию: в 2024 году доля IT-преступлений составила 40 % от общего числа зарегистрированных деяний, при этом их раскрываемость не превышает 26 % [2]. Подобный разрыв указывает на недостаточную адаптацию правоохранительных механизмов к современным реалиям. Правовую основу прокурорской деятельности в рассматриваемой сфере составляют нормы главы 28 УК РФ, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также ведомственные документы, в частности, Концепция цифровой трансформации органов прокуратуры до 2030 года [3]. Тем не менее, нормативное регулирование не всегда успевает за динамикой развития цифровой среды, что обуславливает необходимость совершенствования соответствующей прокурорско-надзорной практики.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, что в условиях цифровизации требует от него не только классических правовых знаний, но и специальных навыков работы с электронной информацией. На практике качество надзора часто снижается ввиду недостаточной цифровой подготовки прокурорских работников и алгоритмов их взаимодействия с другими правоохранительными органами и компетентными в соответствующей области субъектами. Как отмечается в ведомственных методических рекомендациях, расследование преступлений в сфере компьютерной информации осложняется как изменением схем дистанционного мошенничества, так и формальным применением традиционных следственных процедур [6]. В связи с этим целью настоящей работы является анализ проблемных аспектов прокурорского надзора в данной сфере и выработка предложений по повышению его эффективности.

Одной из таких проблем выступает отсутствие у работников правоохранительных органов достаточных компетенций по работе с доказательственной базой, связанной с цифровой средой. Юридическое образование традиционно ориентировано на расследование «классических» преступлений, тогда как работа с электронной информацией требует понимания архитектуры сетей, принципов шифрования и правил фиксации метаданных. Нарушение указанных требований ведет к процессуальным ошибкам: неверной квалификации деяний, утрате электронных следов или ненадлежащему оформлению результатов изъятия устройств. Так, изъятие мобильного телефона без использования специализированного программного обеспечения для создания копий может привести к модификации или удалению журналов вызовов, переписки и данных авторизации в банковских приложениях. Подобные нарушения делают полученные

сведения недопустимыми доказательствами, что подтверждается судебной практикой [5, с. 164].

Для нивелирования указанного дефицита представляется целесообразным внедрить в программы подготовки и повышения квалификации прокурорских работников специализированные модули по цифровой криминалистике. Их содержание должно охватывать правовые и технические аспекты работы с электронными носителями, включая порядок изъятия, фиксации метаданных и оценки заключений экспертов [6]. Кроме того, в региональных прокуратурах могут создаваться профильные подразделения, укомплектованные специалистами, обладающими как юридическим образованием, так и техническими навыками. Подобный подход позволит оперативнее анализировать сетевые логи и корректно выстраивать доказательственную базу.

В качестве примера положительного опыта взаимодействия прокурорских работников со сведущими в области информационных технологий субъектами можно привести организацию по инициативе прокуратуры Зеленоградского округа г. Москвы совместно с НИУ «МИЭТ» лаборатории, к работе в которой для мониторинга фишинговых сайтов и ресурсов с запрещенным контентом привлекаются студенты технических специальностей [7, с. 862]. Полученные данные используются прокурорами для оперативного обращения в Роскомнадзор или суды с требованием о блокировке. Подобная практика не только способствует раннему выявлению угроз, но и формирует правовую культуру у будущих IT-специалистов.

Развитие подобных площадок позволит прокурорам вырабатывать практические отрабатывать навыки анализа вредоносного ПО и мониторинга соответствующей сетевой активности. Как подчеркивается в методических рекомендациях, компетентный надзор и своевременное привлечение специалистов на досудебных стадиях минимизируют риски признания доказательств недопустимыми и снижают количество возвращаемых для дополнительное расследование уголовных дел [6].

Помимо указанного, серьезной проблемой является отсутствие в УПК РФ легального определения понятия «электронные доказательства». Неопределенность их статуса порождает споры о допустимости цифровых данных в качестве доказательств и создает риски их исключения из доказательственной базы. На практике следственные действия по изъятию электронных носителей нередко проводятся с нарушением требований ст. 164.1 УПК РФ: информация копируется без участия специалиста, не фиксируется контрольная сумма файлов, нарушается порядок упаковки и хранения устройств [1, с. 354]. Как отмечается в научной литературе, фиксация переписки или транзакций исключительно путем скриншотов без обеспечения криптографической целостности исходных данных ведет к признанию таких сведений недопустимыми [5, с. 167]. Судебная практика подтверждает, что нарушение процедуры изъятия позволяет защите оспаривать допустимость изъятых данных и заявлять ходатайства об их исключении из доказательственной базы [8, с. 24]. Указанные пробелы затрудняют работу прокурора и требуют законодательного решения.

Для устранения означенных проблем представляется необходимым внести в УПК РФ норму, закрепляющую понятие «электронное доказательство» и регламентирующую порядок его фиксации, изъятия и хранения. Одновременно Генеральной прокуратуре Российской Федерации следует издать единые методические рекомендации, определяющие алгоритмы работы с электронными носителями, требования к криптографической защите данных и порядок запроса метаданных у операторов связи [6]. Важным направлением дальнейшего совершенствования прокурорско-надзорной деятельности выступает ее интеграция с государственной системой «Антифрод» (запущена 01.03.2026), модули которой позволяют автоматизированно фиксировать цифровые следы и формировать защищенные реестры изъятых данных. Внедрение указанных мер в практику прокурорской деятельности сформирует единый стандарт работы с электронной информацией, снизив риски субъективных ошибок при осуществлении прокурорского надзора в досудебном производстве.

Качество прокурорского надзора напрямую зависит от регламентации работы с электронной информацией, поскольку прокурор обязан проверять относимость, допустимость и достоверность каждого доказательства. Сочетание законодательных изменений, ведомственных методик и цифровых платформ позволит использовать электронные данные как надежный инструмент доказывания. При этом эффективность уголовного преследования по-прежнему будет зависеть от слаженности межведомственного взаимодействия и создания единого информационного пространства.

Проведенный анализ показывает, что эффективность прокурорского надзора в сфере кибербезопасности зависит от способности правоохранительной системы адаптироваться к новым цифровым реалиям. Основными препятствиями остаются дефицит цифровых компетенций прокурорских кадров и отсутствие в УПК РФ легального статуса электронных доказательств. Указанные пробелы приводят к затягиванию расследования и оспариванию цифровых доказательственных материалов в суде. Решение данных задач требует не фрагментарных изменений, а системного улучшения надзорной деятельности в соответствии с принципами «высокотехнологичного надзора», закрепленными в Концепции цифровой трансформации органов прокуратуры до 2030 года [3].

Реализация предложенных мер позволит сформировать единый процессуальный стандарт работы с цифровой информацией. Отлаженное межведомственное взаимодействие создаст оптимальные условия для раннего выявления и пресечения киберпреступлений. В современных реалиях прокуратура должна выступать как гарантом законности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, так и активным участником формирования безопасной цифровой среды, что позволит обеспечить дальнейшее позитивное развитие последней.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афанасьева С. И., Добровлянина О. В. О внедрении, развитии, усовершенствовании электронных способов собирания доказательственной информации по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 2 (60). С. 349–377.

2. Волк И. В. Статистические сведения о состоянии преступности за 2024 год: официальное сообщение. URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 20.04.2026).

3. Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года : утв. приказом Генерального прокурора РФ от 11.09.2025 № 621. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_514574/ (дата обращения: 10.04.2026).

4. Кожурова Ю. В. Противодействие киберпреступлениям органами прокуратуры // Аллея науки. 2023. Т. 1, № 10 (85). С. 860–864.

5. Маевский С. С., Зайцева А. Н. Криминалистические технологии обнаружения, фиксации, изъятия цифровых следов преступления // Экономика. Социология. Право. 2025. № 2(38). С. 162–169.

6. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/4900250-e5958088/ (дата обращения: 08.04.2026).

7. Павлова Л. А. Роль органов прокуратуры РФ в борьбе с киберпреступностью // Аллея науки. 2023. Т. 1, № 10 (85). С. 860–864.

8. Туршин А. И. Осмотр электронных доказательств в уголовном процессе: судебный аспект // Юридические исследования. 2025. № 8. С. 18–30.

УДК 343.5

Иванова Виктория Евгеньевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vika_ivanova_0606@inbox.ru

Ответственность за незаконное создание и оборот порнографических материалов или предметов путем использования искусственного интеллекта

Аннотация. *В статье рассматривается проблема использования искусственного интеллекта для создания и оборота порнографических материалов. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит самостоятельного состава преступления за подобные действия с применением искусственного интеллекта, что требует дополнения уголовного законодательства. Автор предлагает ввести квалифицирующие признаки, учитывающие специфику и высокий уровень общественной опасности применения искусственного интеллекта в указанных преступлениях и необходимость защиты свободы, чести и достоинства личности, а также общественной нравственности.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, нейросети, порнографические материалы, дипфейк, честь и достоинство личности, конституционные права личности, общественная нравственность, уголовная ответственность.*

© Иванова В. Е., 2026

Ivanova Victoria Evgenievna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Responsibility for the illegal creation and trafficking of pornographic materials or objects through the use of artificial intelligence

Annotation. *The article discusses the problem of using artificial intelligence to create and distribute pornographic materials. The current Criminal Code of the Russian Federation does not contain an independent corpus delicti for such actions using artificial intelligence, which requires the addition of criminal legislation. The author suggests introducing qualifying criteria that take into account the specifics and high level of public danger of using artificial intelligence in these crimes and the need to protect freedom, honor and dignity of the individual, as well as public morality.*

Keywords: *artificial intelligence, neural networks, pornographic materials, deepfake, personal honor and dignity, constitutional rights of the individual, public morality, criminal liability.*

Современное общество достаточно широко продвинулось в области развития информационных технологий. На сегодняшний день большой популярностью пользуются нейросети. Их многочисленное разнообразие и скорость работы делают жизнь пользователей проще и удобнее. Одной из важных положительных сторон применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) является его помощь в раскрытии различных преступлений. Рассматривая вопрос об использовании ИИ, И. С. Жужлов в своей научной статье «Возможности применения искусственного интеллекта в предупреждении преступлений», отмечает, что «на сегодняшний день с помощью алгоритмов машинного обучения правоохранительные органы могут анализировать исторические данные о преступлениях и выявлять закономерности, которые помогают предсказать, где и когда могут произойти новые преступления. Это позволяет более эффективно распределять ресурсы и проводить профилактические мероприятия» [2].

Несмотря на вышеперечисленные положительные аспекты использования нейросети, также существуют негативные стороны, связанные с ее применением. Особое внимание стоит обратить на совершение преступлений с помощью ИИ. Согласно статистике Прокуратуры Костромской области в 2024 году в Костромской области поставлены на учет 3564 (3561, +0,1 %) преступления, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации [4]. «Число судебных дел, связанных с применением технологии искусственного интеллекта (ИИ), увеличилось на 39 % за последние 4 года», – пишут «Известия» со ссылкой на исследование, проведенное центром «Аналитика. Бизнес. Право» [6]. В связи с этим преступления, совершенные путем использования ИИ, продолжают оставаться актуальными.

Материалами для исследования выступали статистические данные, законодательство Российской Федерации, практика его применения, научная литература в области применения ИИ.

В процессе исследования применялись общенаучные методы, такие как анализ, синтез, дедукция, обобщение. Среди специальных методов использовался сравнительно-правовой метод.

Одним из преступлений, связанных с применением нейросети, является создание и оборот порнографических материалов или предметов путем использования ИИ. «В 2023 году было выявлено почти 280 000 поддельных порнографических видео, созданных при помощи искусственного интеллекта», – также отмечают «Известия» со ссылкой на исследования компании Home Security Heroes, тем самым подтверждая актуальность данной проблемы не только на территории Российской Федерации, но и зарубежных стран [1].

Стоит отметить, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не выделяет применение ИИ в качестве самостоятельного квалифицирующего признака при создании и обороте порнографических материалов, рассматривая нейросети лишь как одно из возможных технических средств. Например, «Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов» (ст. 242 УК РФ) либо (в зависимости от ряда обстоятельств) «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» (ст. 242.1 УК РФ) может быть применена к злоумышленнику [3]. Упомянутое преступление проявляется в незаконном создании порнографических материалов и передаче их другим лицам, организации их показа. За данное деяние предусмотрена ответственность в виде штрафа в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительных работ на срок до двух лет, либо лишения свободы на тот же срок. Статья 242.1 УК РФ предусматривает наказание за аналогичное деяние, но уже с учетом совершения преступления в отношении несовершеннолетних. Так, виновному грозит лишение свободы на срок от двух до восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пятнадцати лет либо без такового, а в отдельных случаях лишение свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пятнадцати лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Следует также понимать, что нейросети и генеративные модели ИИ являются нейтральными инструментами, по своей сути схожими с программным обеспечением или компьютерной техникой. Разработчики, создающие эти технологии без намерения на их противоправное применение, не могут быть привлечены к уголовной ответственности за последующие злоупотребления со стороны других лиц. Ответственность наступает лишь в случае целенаправленного использования таких технологий для незаконного производства, хранения или распространения порнографических материалов (ст. 242, 242.1 УК РФ), а также для создания контента, наносящего ущерб чести и достоинству (ст. 128.1 УК РФ). Данный подход соответствует фундаментальному принципу

уголовного права о субъективной стороне преступления (ст. 24, 25 УК РФ), согласно которому вина возникает при наличии умысла или неосторожности у лица, непосредственно совершившего противоправное деяние.

Необходимость выделения использования ИИ в качестве самостоятельного квалифицирующего признака в составах преступлений, предусмотренных ст. 242 и ст. 242.1 УК РФ, продиктована качественным изменением характера и степени их общественной опасности: нейросети позволяют злоумышленникам генерировать противоправный контент в неограниченных масштабах и без необходимости организации реального съемочного процесса; синтезированные материалы зачастую визуально и аудиально неотличимы от подлинных записей без применения специальных программно-аппаратных комплексов, что не только причиняет колоссальный урон общественной нравственности за счет беспрецедентной массовости и доступности контента, но и создает новые векторы угроз для конституционных прав личности; встраивание биометрических данных (изображения лица, голоса) реального человека, в особенности, несовершеннолетнего, в порнографический материал без его согласия влечет за собой тяжкие, а порой и необратимые репутационные и психотравмирующие последствия для потерпевшего.

Таким образом, применение ИИ переводит данные посягательства из разряда традиционных преступлений в категорию высокотехнологичных угроз, что требует адекватной и соразмерной реакции со стороны уголовного закона.

В связи с этим предлагается внести изменения в УК РФ, которые предусматривали бы уголовную ответственность конкретно за данное деяние.

Предлагается ввести квалифицирующий признак в ч. 3 ст. 242, гл. 25 раздела IX УК РФ новый пункт «г»: «с использованием компьютерных технологий синтеза изображений, аудио- и видеоматериалов»:

Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»;

в) с извлечением дохода в крупном размере;

г) с использованием компьютерных технологий синтеза изображений, аудио- и видеоматериалов, –

наказываются лишением свободы на срок от двух до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пятнадцати лет либо без такового.

Дополнить ч. 2 ст. 242.1 УК РФ новым пунктом «д» с аналогичной формулировкой: «с использованием компьютерных технологий синтеза изображений, аудио- и видеоматериалов»:

Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные:

а) в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста;

б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

в) с извлечением дохода в крупном размере;

г) с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»;

д) с использованием компьютерных технологий синтеза изображений, аудио- и видеоматериалов, –

наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пятнадцати лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Родовым объектом данного деяния выступает общественная нравственность, поэтому целесообразно включать незаконное создание и оборот порнографических материалов или предметов путем использования технологий искусственного интеллекта в гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» раздела IX УК РФ.

Применение вышеописанных квалифицирующих признаков не устанавливает ответственность за разработку или предоставление генеративных моделей ИИ. Такие признаки охватывают только случаи целенаправленного применения технологий для совершения противоправных действий, подтвержденного совокупностью доказательств (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [5]; аналогично по ст. 242 УК РФ).

Таким образом, совершенствование уголовного закона необходимо для минимизации рисков от злоупотребления технологиями искусственного интеллекта, тем самым способствуя гармоничному развитию цифровых технологий в интересах общества и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В 2023 году было выявлено почти 280000 поддельных порнографических видео, созданных при помощи искусственного интеллекта. URL: https://iz.ru/1638024/dmitrii-bulgakov/golaia-tcifra-eksperty-predupredili-o-riskakh-populiarnosti-dipfeik-porno (дата обращения: 12.04.2026).

2. Жужлов И. С. Возможности применения искусственного интеллекта в предупреждении преступлений. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnost i-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-preduprezhdenii-prestupleniy/viewer (дата обращения: 12.04.2026).

3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_10699/ (дата обращения: 12.04.2026).

4. Преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Об итогах работы прокуратуры области в сфере уголовно-правовой статистики за 2024 г. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_44/mass-media/news/main/e5669961/ (дата обращения: 12.04.2026).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_52017 (дата обращения: 13.04.2026).

6. Рост судебных дел, связанных с применением технологии искусственного интеллекта. URL: https://iz.ru/1853861/2025-03-14/cislo-svazannyh-s-ii-sudebnyh-del-vyroslo-pocti-v-poltora-raza (дата обращения: 13.04.2026).

УДК 343.914

Лаптев Никита Константинович
студент, Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Российская Федерация
laptevnik2020@gmail.com

Петровский Антон Владимирович
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Российская Федерация
Anton-Petrovski@yandex.ru

Женская преступность в современной России: структурные изменения и основные детерминанты

Аннотация. *В статье анализируется женская преступность в современной России как неотъемлемый и динамичный элемент общей преступности. Отмечается парадоксальная тенденция: при общем снижении числа зарегистрированных преступлений удельный вес женщин среди всех лиц, совершивших преступления, устойчиво растет. Рассматриваются основные детерминанты женской преступности: деформация института семьи, экономическая уязвимость, вовлечение женщин в организованную преступность, влияние военных конфликтов и социальных сетей. Обосновывается необходимость разработки специализированных мер предупреждения с учетом выявленных факторов и социально-культурной ситуации.*

Ключевые слова: *криминология, преступность, женская преступность, статистические данные, динамика, социальная роль женщины.*

© Лаптев Н. К., Петровский А. В., 2026

Laptev Nikita Konstantinovich
Student, Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation

Petrovsky Anton Vladimirovich
doctor of law, associate professor
professor, department of criminal law
and criminology Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation

Female crime in modern Russia: structural changes and main determinants

Annotation. *The article examines female crime in modern Russia as an integral and dynamic element of general crime. A paradoxical trend can be identified: despite an overall decrease in the number of registered crimes, the proportion of women among all persons who have committed crimes is steadily growing. The main determinants of this phenomenon are examined: the deformation of the family institution, economic vulnerability, the involvement of women in organized crime, the impact of military conflicts, and the influence of social networks. The necessity of developing specialized preventive measures taking into account the identified factors is substantiated.*

Keywords: *criminology, crime, female crime, statistical data, dynamics, social role of women.*

Женская преступность – как социальное явление не является чем-то новым для современного общества. Еще в литературных памятниках античных авторов, таких как «Колхидянки» Софокла, в основе сюжета лежит миф о Медее, которая совершила убийство ради мести мужу Ясону, включая отравление его новой жены и ее отца, а затем и убийство собственных детей [11]. Схожая легенда представлена у Эсхила в «Агамемноне», где Клитемнестра убивает своего мужа в отместку за жертвоприношение их дочери Ифигении [13, с. 161–195].

Это позволяет утверждать, что женская преступность существовала всегда в обществе с момента его возникновения, являясь вечной проблемой общества. Ее виды и масштабы менялись в зависимости от социальных условий, общественного развития, экономических процессов, а также изменений института семьи и брака. Кардинально женская преступность трансформировалась в XIX–XX вв. в индустриальных странах, по причине включения женской части населения в экономику. Последующие изменения социальной роли женщины, трансформация семейного уклада и расширение прав, изменили их положение в обществе, повлияли на социальную роль, создав больше возможности для совершения преступлений. Как указывает С. Г. Куликова, рост преступности среди женщин находится в зависимости с их стремлением освободиться от контроля патриархальной семьи» [4, с. 10–15].

Несмотря на то, что женская преступность как объект исследования была выделена давно, долгое время в общественном мышлении и, в частности, криминологии этому явлению не уделяли должное внимание, так как считалось, что роль женской преступности в общей массе преступлений незначительна,

и доля преступлений, в XIX в. составляет примерно 1:10. Однако во второй половине XX в. внимание к женской преступности изменилось, что было обусловлено особой социальной значимостью.

Первые исследования, рассматривали преступное поведение женщин через призму «естественной» природы или девиации. Например, труды основоположника антропологической школы Ч. Ломброзо указывают, что причины и условия женской преступности обусловлены врожденными (биологическими) свойствами [5, с. 5]. Стоит отметить, что современники восприняли данную идею неоднозначно, по причине гендерной предвзятости и игнорирование других аспектов: финансового положения, уровень образования и др.

Какова же особенность современной женской преступности в России? В первую очередь стоит проанализировать статистику. Ее анализ показывает наличие двух противоположных тенденций:

1) наличие процесса снижения как числа зарегистрированных преступлений, так и лиц, их совершивших. Если в 2016 г. было 2160 тыс. преступлений и установлено 1015,9 тыс. лиц, их совершивших, то в 2025 г. зарегистрировано 1771,1 тыс. преступлений и выявлено 594,9 тыс. лиц [9];

2) в 2016 году в общем числе лиц, совершивших преступления, женщины составляли 148 тыс., то в 2025 г. их число снизилось до 116,2 тыс. Однако доля женщина, в общем объеме лиц, совершивших преступления поднялась с 14,5 % в 2016 г. до 19,5 % в 2025 г. [10].

Нужно признать присутствие негативного тренда – при снижении общего числа зарегистрированных преступлений, совершенных женщинами, их доля среди всех лиц, совершивших преступления в России, растет. И этот показатель с небольшими отклонениями продолжает увеличиваться с 1991 года. Фактически, в течение всего постсоветского периода доля преступлений, совершаемых женщинами, практически все время увеличивается. Причем прирастает она не только за счет привычных для женской преступности бытовых и корыстных преступлений, но и за счет других видов преступлений. По данным Генеральной прокуратуры, наблюдается увеличение количества женщин, совершивших преступления в составе организованной группы (21,6 %), преступного сообщества (преступной организации) (29,8 %) [8].

Одной из причин стоит признать проблематику института семьи, которая в современной России утрачивает свое патриархальное начало. Например, в 2022 г. на 1053,7 тыс. зарегистрированных браков пришлось 683 тыс. разводов [7, с. 95–103]. Среди женщин-преступниц довольно высока доля не состоявших в браке и тех, чья семья распалась (в среднем 70 %) [12, с. 93–104]. Современное общество кардинально изменилось, даже в сравнении с концом XX в. Семья в определенной мере лишилась прежнего значения регулятора поведения и образа жизни, ослабилась ее превентивная функция. Исчезло множество социальных ограничений, которые содействовали общественному осуждению женщин за отход от традиционной модели поведения как в семье, так и в обществе.

Изменился порядок воспитания и взаимодействие полов. Ранее существовавшее категоричное деление «мужского» и «женского» поведения, постепенно «стирается». В современном мире эта грань постепенно исчезает. Расширяется социальная мобильность женщины, позволяя ей быть более активным участником управленческих и экономических отношений, что создает дополнительные возможности для криминального поведения.

Существенное влияние на женскую преступность оказывают экономические процессы. Такие явления, как экономические кризисы, безработица и бедность, влияют не только на мужскую, но и на женскую часть населения, поскольку женщины в настоящее время включены в сферу экономической деятельности наравне с мужчинами. Но женщины достаточно часто занимают нишу малооплачиваемых специальностей, что, по мнению Ю. М. Антонян, огрубляет, очерствляет женщину, лишает ее таких природно-присущих черт, как женственность, мягкость, слабость, чувствительность, делает ее резкой, агрессивной, склонной разрешать возникающие проблемные ситуации с помощью силы [1, с. 322–332]. Сложности на рынке труда влияют на женскую преступность достаточно сильно, так как женщина сталкивается с этим как в молодом возрасте, так и в более зрелом. Этот незаконный и патриархальный пережиток должен исчезнуть из жизни российского общества.

Важными представляются политические и социальные конфликты, которые в должной мере распространяются в том числе и на женщин. Военные действия активно способствуют росту женской преступности. Например, в период Великой Отечественной войны удельный вес преступлений, совершенных женщинами, составлял 31,8 % и почти не изменялся до 1950 г. Доля женщин, совершивших преступления против личности в военное время и после окончания войны, была высокой [6, с. 663–669]. Из современных примеров можно привести СВО, когда с началом боевых действий количество возбужденных уголовных дел в отношении женщин увеличилось с 7740 в 2022 году до 14 258 в 2024 году, и этот двукратный рост, отчасти связан с уменьшением мужского населения и его замещением женским [3].

Нельзя пройти мимо изменений морально-нравственных ценностей под влиянием информационных технологий. Социальные сети могут формировать у отдельных категорий пользователей девиантные установки за счет распространения соответствующего контента. Частая демонстрация роскошного образа жизни формирует желание его достичь, но в связи с ограниченной доступностью легальных способов получения высоких доходов побуждает к корыстным преступлениям. Теория Р. Мертона указывает, что разрыв между культурно одобряемыми целями, такими как «красивая жизнь», и легитимными средствами их достижения вызывает у лица девиантное поведение [2, с. 189–190]. Важно отметить, что это влияние не прямое, а опосредованное. Социальные сети выступают катализатором и транслятором ценностей, но корни лежат в социально-экономическом положении, личностных особенностях, конфликтности, неравенстве и бедности.

Можно сделать вывод, что женская преступность в современной России характеризуется устойчивым ростом доли женщин в общем числе лиц, совершивших преступления, несмотря на общее снижение преступности. Основными детерминантами выступают деформация института семьи, экономическая уязвимость, вовлечение в организованную преступность, военные конфликты и влияние социальных сетей. Выявленные тенденции требуют разработки специализированных профилактических мер, учитывающих социальные роли и экономическое положение женщин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М. : Логос, 2004. 387 с.

2. Комлев Ю. Ю. Теории девиантного поведения : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : АЛЕФ-ПРЕСС, 2014. 222 с.

3. Королевы криминала. На Украине растет женская преступность. URL: https://inosmi.ru/20240906/prestupnost-270006973.html (дата обращения: 05.01.2026).

4. Куликова С. Г. Женская преступность в России второй половины XIX–начала XX веков: взгляд справа // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 10–15.

5. Ломброзо Ч. Женщина-преступница и проститутка. Минск, 2000. 335 с.

6. Лунеев В. В. Криминология : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2025. 686 с.

7. Маклакова Е. А. Статистика современной семьи: браки, разводы, рождаемость // Вестник Удмуртского университета. Серия «Социология. Политология. Международные отношения». 2024. Т. 8, № 1. С. 95–103.

8. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 05.01.2026).

9. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2016 года // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. URL: https://мвд.рф /reports/item/209732 (дата обращения: 05.01.2026).

10. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 года // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. URL: https://мвд.рф /reports/item/77848182/ (дата обращения: 05.01.2026).

11. Софокл. Драмы / пер. Ф. Ф. Зелинского, О. В. Смыки, В. Н. Ярхо ; под ред. М. Л. Гаспарова, В. Н. Ярхо. М. : Наука, 1990. (Литературные памятники).

12. Шиян В. И. Преступления против собственности как угроза государственной и общественной безопасности // Транспортное право и безопасность. 2025. № 4(56). С. 93–104.

13. Эсхил. Трагедии. М. : Наука, 1989. С. 161–195.

УДК 343.8

Манафова Сильвана Артековна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
silvanamanafova1402@gmail.com

Перспективы внедрения научно-технических средств электронной формы в систему исполнения наказаний

Аннотация. *Цифровая эпоха – это новый этап нашей жизни, который уже наступил. Как и любой другой процесс, цифровизация имеет свои плюсы и минусы. В условиях цифровизации уголовно-исполнительная система тоже не осталась в стороне. Проведение цифровой трансформации и научно-техническое развитие являются одними из приоритетных направлений Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года. В настоящее время существует и слаженно функционирует уголовно-исполнительная система, которая показала свою эффективность на протяжении многих лет. Однако мир не стоит на месте и постоянно развивается.*

Ключевые слова: *цифровизация, искусственный интеллект, система исполнения наказаний, научно-технические средства, цифровая трансформация.*

Manafova Silvana Artekovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Prospects for the introduction of electronic scientific and technical means into the system of punishment

Annotation. *The digital era is a new stage in our lives that has already arrived. Like any other process, digitalization has its own advantages and disadvantages. The digitalization of the criminal justice system is also a priority. The implementation of digital transformation and scientific and technological development is one of the key areas of the concept for the development of the criminal justice system until 2030. Currently, the criminal justice system operates smoothly and has proven its effectiveness over the years. However, the world is constantly evolving.*

Keywords: *digitalization, artificial intelligence, penal system, scientific and technical means, digital transformation.*

Цифровизация как способ улучшения уголовно-исполнительной системы имеет много достоинств. На данный момент существует большое количество стран, в которых цифровизация и научно-технический прогресс широко применяются в уголовно-исполнительной системе. Существующий международный опыт показывает, что при грамотном внедрении электронные технологии могут значительно сократить уровень рецидивизма и снизить расходы на содержание заключенных. Так, например, в США, Великобритании, Нидерландах, Швеции и Норвегии широко применяются электронные браслеты. А такая страна, как Китай, является мировым лидером по внедрению биометрического контроля. Безусловно, указанные процессы цифровизации не могли обойти стороной

© Манафова С. А., 2026

и систему исполнения наказаний в нашей стране [7]. Так, Приказом ФСИН России от 30.12.2020 № 984 (ред. от 22.10.2021) «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы исполнения наказаний на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» [6] были выделены главные цели на ближайшее время: повышение уровня удовлетворенности цифровыми услугами, оказываемыми государством, плотное взаимодействие коммерции с государственными структурами и снижение в связи с этим издержек, повышение общего уровня качественного обеспечения населения услугами, оказываемыми государством, включая цифровые [8, с. 3].

В Российской Федерации существует также Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, которая предусматривает отдельную XIV главу, в которой отражена цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы. Данные меры направлены на улучшение системы исполнения наказаний, чего невозможно добиться без внедрения научно-технических средств на базе искусственного интеллекта [12].

Искусственный интеллект можно успешно внедрить и использовать для видеонаблюдения. В системе исполнения наказаний существует ряд областей, функционирование которых возможно улучшить с помощью внедрения системы видеонаблюдения с искусственным интеллектом, способным записывать анализировать видеоданные. Так, например, при помощи искусственного интеллекта (далее – ИИ) можно повысить эффективность надзора за поведением заключенных. Организация надзора за поведением заключенных в следственных изоляторах и исправительных учреждениях часто недостаточно эффективна. Система наблюдения и надзора за осужденными успешно функционирует, однако необходимо также не забывать о наличии человеческого фактора. Оператор видеонаблюдения не всегда может спрогнозировать поведение осужденных до совершения ими противоправных действий. Системы видеонаблюдения на базе ИИ могут использоваться для обнаружения драк, конфликтов, выявления у осужденных запрещенных предметов (телефонов, ножей и т. д.), а также для прогнозирования поведения осужденных с целью предотвращения несанкционированных действий.

На данный момент в Федеральной службе исполнения наказаний разрабатывается экспериментальный проект по внедрению системы, способной идентифицировать лица и действия осужденных в исправительной колонии № 6 Астраханской области. Согласно техническому заданию, система должна выявлять порядка 60 различных нарушений, включая: случаи самовольного покидания заключенными территории учреждения, курение в неположенном месте, несоблюдение установленного распорядка, нарушения в ношении форменной одежды, уклонение от участия в коллективных мероприятиях, игнорирование указаний администрации и другие проступки.

Согласно техническому заданию, система должна будет формировать ежедневный отчет, включающий данные о правонарушениях, фамилия, имя и отчество заключенного, фотографии и время происшествия. Система будет анализировать частоту контактов и внешних связей между осужденными и со-

трудниками, что позволит выявлять и дисциплинировать недобросовестных работников Федеральной службы исполнения наказаний.

Искусственный интеллект также широко может быть использован в период дефицита кадров, который наблюдается в системе на данный момент. Так, на примере Самарской области в двух колониях приступили к службе роботы-патрульные, которые представляют собой автоматизированных охранников, оснащенных современными средствами навигации, видеонаблюдения и аналитики. Робот-патрульный способен в автоматическом режиме осуществлять патрулирование закрепленной территории, фиксировать нарушения установленного режима, передавать данные, а также оперативно реагировать на нештатные ситуации.

Помимо анализа видеоданных, ИИ также может быть использован для анализа и выявления нецензурных выражений в телефонных переговорах осужденных. Согласно части 5 статьи 92 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), телефонные разговоры осужденных могут контролироваться персоналом исправительных учреждений [1]. Программные продукты на базе ИИ будут выявлять в разговорах заключенных слова-маркеры, в том числе нецензурную лексику, а также переходы на иностранный язык. При обнаружении слов-маркеров сигналы будут подаваться оперативному сотруднику, который в последующем прослушает эту запись повторно. Внедрение такой программы позволит снизить нагрузку на работников Федеральной службы исполнения наказаний и будет средством профилактики возможных нарушений закона.

Для повышения практической значимости предлагается внести изменения в часть 1 статьи 83 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, изложив ее в следующей редакции:

«1. Администрация исправительных учреждений вправе использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора, и контроля для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных. При использовании указанных средств допускается применение аппаратно-программных комплексов, функционирующих на базе технологий искусственного интеллекта (систем (видео-/аудио-) аналитики).

Аналитические выводы и прогнозы, сформированные аппаратно-программными комплексами на базе технологий искусственного интеллекта, носят вспомогательный характер и подлежат обязательной верификации должностным лицом.

Решение о применении мер взыскания не может быть основано исключительно на автоматизированной обработке данных без участия человека.

Осужденный имеет право ознакомиться с материалами видеоаналитики, послужившими основанием для наложения взыскания, и оспорить выводы аппаратно-программного комплекса.

Бремя доказывания достоверности данных искусственного интеллекта лежит на администрации учреждения.

Срок хранения данных, полученных из аудиовизуальных, электронных и иных средств контроля и надзора, аппаратно-программных комплексов, функционирующих на базе технологий искусственного интеллекта, составляет 30 суток».

Данная норма закрепляет статус ИИ исключительно как системы поддержки принятия решений (далее – СППР), защищая права осужденных от алгоритмических ошибок и гарантируя реализацию принципа личной ответственности должностного лица за применение дисциплинарных мер.

Еще одним научно-техническим средством, широко внедряемым в систему исполнения наказаний, является биометрическая идентификация по лицу, позволяющая оперативно отслеживать передвижения осужденных, контролировать их участие в общественной жизни и фиксировать нарушения.

В США биометрическая идентификация активно применяется для мониторинга условно осужденных. В штате Миссури действует система REJIS (Regional Justice Information System), интегрирующая базы данных правонарушителей и позволяющая идентифицировать их с помощью видеонаблюдения. Китай является мировым лидером по внедрению биометрического контроля [13, с. 3]. Здесь идентификация по лицу применяется как в системе общественного наблюдения, так и в управлении исправительными учреждениями, что повышает эффективность контроля за осужденными. В России биометрическая идентификация постепенно получает широкое распространение, так как имеет большой потенциал. Внедрение таких систем повышает точность контроля за осужденными, позволяет снизить нагрузку на сотрудников уголовно-исполнительных инспекций. Среди средств биометрической идентификации на данный момент в России широко используется распознавание по отпечаткам пальцев. Отпечатки пальцев (папиллярные узоры) представляют особый интерес в качестве источника информации для идентификации личности в силу уникальных индивидуальных признаков [9, с. 2]. Для обеспечения надежности охраны и эффективности работы персонала на контрольно-пропускных пунктах в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) широко применяется распознавание по отпечаткам пальцев.

В целях получения достоверных данных в местах лишения свободы необходимым является использование нескольких типов идентификации (двух или трех) с учетом категории контингента исправительных учреждений, режима содержания, особенностей организации производственной деятельности. В настоящее время во всех территориальных органах ФСИН России используются биометрические системы распознавания личности. Так, например, биометрическая идентификация применяется в ФКУ СИЗО-1 (следственном изоляторе № 1 Костромской области). Такая система начала работать с 2016 года. В учреждении внедрена биометрическая пропускная система «Синергет», которая идентифицирует личность по трем параметрам: данным паспорта, электронной фотографии и отпечаткам пальцев. Эти данные заносятся на специальную пластиковую карту, которая используется при проходе через контрольно-пропускной пункт. Система позволяет оптимизировать процесс контроля доступа, сокра-

тить время на проверку личности и минимизировать риски подмены подозреваемых или побега.

На данный момент в России существует пилотный проект «Цифровая ИК», реализованный в исправительной колонии ИК-6 Владимирской области, который включает использование видеоаналитики на основе ИИ для распознавания лиц осужденных, фиксирует голоса и изображения, создавая цифровые профили для биометрического учета, и отслеживает перемещения по территории, оперативно выявляя подозрительную активность.

В нормативном поле, согласно части 2 статьи 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» [3], статье 9 Федерального закона «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» от 25.07.1998 № 128-ФЗ [2] и статье 83 УИК РФ, сбор и обработка данных могут производиться без согласия осужденных, так как это осуществляется в рамках правосудия и исполнения судебных актов. Применение идентификации личности по биометрическим персональным данным в системе исполнения наказаний будет обусловлено повышением безопасности, оптимизацией контроля и предотвращением правонарушений в пенитенциарных учреждениях. Данные действия проводятся в рамках осуществления правосудия, поэтому пределы вмешательства в личную жизнь строго регламентированы.

Отдельное внимание при внедрении ИИ в систему исполнения наказаний следует уделить проблемам ресоциализации и социальной адаптации осужденных. Широко внедренную и закрепленную в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» от 06 февраля 2023 г. № 10-ФЗ [4] систему пробации можно усовершенствовать с помощью внедрения ИИ. Обозначенные в Распоряжении Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года» [5] вызовы, требуют принятия дополнительных мер для достижения основной цели уголовно-исполнительного законодательства — исправления осужденных, а также их ресоциализации и социальной адаптации.

Лица, освободившиеся или готовящиеся к освобождению из мест лишения свободы, зачастую не адаптированы к жизни в гражданском обществе, поэтому в качестве средства улучшения их жизни после освобождения из пенитенциарных учреждений можно использовать ИИ. Искусственный интеллект будет использоваться для оказания содействия таким лицам в трудоустройстве и бытовом устройстве.

Помимо этого, ИИ также может быть использован для оказания психологической поддержки лицам, которые в скором времени освободятся из мест лишения свободы [11]. С такими лицами на данный момент осуществляется работа психологов, которые помогают им социализироваться, вновь приобретать утраченные навыки поведения в обществе. Существуют Digital-технологии, которые способствуют выявлению закономерностей и предсказанию возможных сценариев для понимания сотрудниками степени готовности осужденных к интеграции в общество [10, с. 2]. Искусственный интеллект может быть использован для создания виртуальных симуляторов, которые помогут развивать умения, необходимые для успешной реинтеграции в общество. Такие тренажеры

могут имитировать различные жизненные обстоятельства, с которыми осужденные столкнутся после освобождения, и помогать им развивать социальные навыки, управлять эмоциями при принятии решений. Кроме того, важно не только автоматизировать существующие процессы, но и переосмыслить сам подход к взаимодействию с осужденными. Например, использование онлайн-платформ для психосоциальной поддержки может значительно повысить эффективность работы с осужденными, предоставляя им доступ к ресурсам, которые обучат их и помогут в социальной адаптации. При таком подходе сочетаются несколько типов средств исправления (воспитательная работа, образование и общественное воздействие) и видов воспитательного воздействия (нравственное и трудовое) с цифровой спецификой.

Для внедрения такой системы необходимо УИК РФ дополнить статьей 109.1 («Психологическая работа с осужденными к лишению свободы»), которая будет следующего содержания:

«При проведении психологической работы с осужденными администрация учреждений вправе использовать современные информационно-телекоммуникационные технологии, а также технические средства моделирования социальных ситуаций в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти».

Необходимо разработать Распоряжение Правительства, которое будет содержать перечень электронных и интерактивных средств, используемых в целях проведения воспитательной и психологической работы с осужденными.

При проведении психологической работы с осужденными, а также при подготовке их к освобождению могут применяться специализированные цифровые платформы, интерактивные виртуальные симуляторы социальных ситуаций и дистанционные технологии, направленные на формирование и восстановление навыков правопослушного поведения в обществе». Данные поправки позволят легализовать использование современного оборудования (включая шлемы виртуальной реальности и тренажеры социальных взаимодействий) в воспитательной работе, обеспечивая целевое финансирование таких программ в рамках цифровой трансформации ФСИН.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сказать, что цифровая трансформация УИС – это не далекое будущее, а непосредственно настоящее, и цифровые изменения в области исполнения наказаний наступают уже сегодня. Подводя итог исследованию, можно констатировать, что внедрение систем искусственного интеллекта в деятельность УИС требует опережающего правового регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 12940/ (дата обращения: 08.04.2026).

2. Федеральный закон «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» от 25.07.1998 № 128-ФЗ. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19562/ (дата обращения: 22.04.2026).

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 23.04.2026).

4. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ. URL: https://www. consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_439127/ (дата обращения: 22.04.2026).

5. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.». URL: https://www. consultant.ru/ (дата обращения: 08.04.2026).

6. Приказ ФСИН России от 30 декабря 2020 № 984 (ред. от 22.10.2021) «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации Федеральной службы исполнения наказаний на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов». URL: https://www. consultant.ru/ (дата обращения: 08.04.2026).

7. Ананьева Екатерина Олеговна. Цифровая трансформация УИС. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-uis (дата обращения: 10.04.2026).

8. Карабанов Р. М., Балакин А. В. Цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy (дата обращения: 09.04.2026).

9. Особенности применения систем биометрической идентификации личности на объектах уголовно-исполнительной системы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-sistem-biometricheskoy-identifikatsii-lichnosti-na-obektah-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy (дата обращения: 10.04.2026).

10. Пекарева В. В., Фроловская Ю. И. Искусственный интеллект как инструмент в системе средств, способствующих исправлению осужденного. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-instrument-v-sisteme-sredstv-sposobstvuyuschih-ispravleniyu-osuzhdennogo (дата обращения: 07.04.2026).

11. Спасенников Б. А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных. URL: https://cyberleninka.ru /article/n/psihologicheskaya-pomosch-kak-sredstvo-ispravleniya-osuzhdennyh (дата обращения: 09.04.2026).

12. Усеев Р. З. Проект Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года: вопросы формы, содержания и сравнения с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года. URL: https://cyberleninka.ru/article/n /proekt-kontseptsii-razvitiya-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-do-2030-goda-voprosy-formy-soderzhaniya-i-sravneniya-s-kontseptsiey (дата обращения: 10.04.2026).

13. Цифровой контроль в уголовно-исполнительной системе: перспективы и вызовы внедрения новых технологий. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

tsifrovoy-kontrol-v-ugolovno-ispolnitelnoy-sisteme-perspektivy-i-vyzovy-vnedreniya-novyh-tehnologiy (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 349.444

Медведева Екатерина Дмитриевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
katerina1645423@gmail.com

Хренова Мария Алексеевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
hrenovam17@gmail.com

Андрианова Екатерина Игоревна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
andrianovakatarina@gmail.com

Проблема заключения договора на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами

Аннотация. *В статье рассматривается проблема уклонения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от уплаты тарифов, установленных договором на оказание услуги по обращению с твердыми коммунальными отходами, особенно актуальная для городской застройки с коммерческими помещениями в многоквартирных домах. Авторы предлагают ввести автоматизированную систему «ТКО-бизнес», которая станет центральным элементом в системе взаимодействия между региональным оператором и предпринимателями.*

Ключевые слова: *твердые коммунальные отходы, ТКО, региональный оператор, договор на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, автоматизированная система.*

Medvedeva Ekaterina Dmitrievna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khrenova Maria Alekseevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Andrianova Ekaterina Igorevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

© Медведева Е. Д., Хренова М. А., Андрианова Е. И., 2026

The problem of concluding a contract for the provision of services for the management of municipal solid waste

Annotation. *The article examines the problem of evasion of legal entities and individual entrepreneurs from paying tariffs established by the contract for the provision of services for the management of municipal solid waste, especially relevant for urban development with commercial premises in apartment buildings. The authors propose to introduce an automated "TCO-business" system, which will become a central element in the system of interaction between the regional operator and entrepreneurs.*

Keywords: *municipal solid waste, MSW, regional operator, contract for the provision of municipal solid waste management services, legal entity, individual entrepreneur, automated system.*

Деятельность любой организации или индивидуального предпринимателя неизбежно связана с образованием твердых коммунальных отходов (далее – ТКО), что создает существенные вызовы для системы обращения с ТКО, особенно в условиях городской застройки.

По данным исследования аналитической службы аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza за 2025 год, основанного на информации Росприроднадзора, реальный показатель накопления ТКО по Костромской области превышает средние значения и достигает 375,2 кг на человека в год [10], тогда как норма накопления ТКО, например, на одного проживающего в многоквартирном доме в городских сельских поселениях и округах составляет 2,41 м^3 (273,8 кг), что закреплено в Постановлении Департамента строительства, жилищно-коммунального хозяйства и топливно-энергетического комплекса Костромской области от 18.01.2024 №2-НП «Об утверждении нормативов накопления твердых коммунальных отходов (ТКО) на территории Костромской области» [3]. Это приводит к серьезным проблемам: баки переполняются, мусор скапливается вокруг контейнерных площадок, что вызывает распространение неприятных запахов (особенно в теплое время года), привлекает грызунов и насекомых, а также создает дополнительные трудности из-за неровностей и ям возле площадок, которые затрудняют доступ к ним. Помимо санитарно-гигиенических рисков, ситуация негативно влияет на эстетическое восприятие жилого пространства.

Согласно ч. 4 ст. 24.7 Федерального закона от 24.06.1998 (ред. от 28.12.2025) «Об отходах производства и потребления» собственники ТКО обязаны заключить договор на оказание услуг по обращению с ТКО с региональным оператором, в зоне деятельности которого образуются ТКО и находятся места их накопления [11].

Согласно Постановлению Правительства РФ от 07.03.2025 № 293 «О порядке обращения с твердыми коммунальными отходами» (вместе с «Правилами обращения с твердыми коммунальными отходами»), лица, указанные в подпункте «г» пункта 8 (в иных зданиях, строениях, сооружениях, нежилых помещениях и на земельных участках, на которых происходит образование ТКО и т. д.), обязаны в течение 10 рабочих дней со дня возникновения или перехода права собственности или иного права на здание направить региональному оператору заявку на заключение договора на услуги по обращению с ТКО и необ-

ходимые для этого документы, которые также предусмотрены данным постановлением. В течение 15 рабочих дней после получения полной заявки оператор направляет 2 экземпляра подписанного проекта по типовой форме. Потребитель в те же 15 рабочих дней должен либо подписать договор и вернуть один экземпляр, либо направить мотивированный отказ с предложениями по изменениям. Если оператор не направил проект договора в срок, договор считается заключенным на 16 рабочий день на условиях типового договора и по утвержденному единому тарифу.

Предусмотрен и иной порядок заключения договора. Если потребитель не подал заявку вовремя, договор все равно считается заключенным на 16 рабочий день после размещения оператором предложения на своем сайте в сети Интернет – на условиях, указанных в Правилах, с расчетом объема ТКО по нормативу и по утвержденному тарифу. Договор заключается с региональным оператором, в зоне деятельности которого образуются отходы и находятся места их накопления [4].

Однако на практике хозяйствующие субъекты часто считают услугу регионального оператора дополнительной нагрузкой и выбрасывают мусор в жилые баки, предполагая, что могут не платить за вывоз. Например, в феврале 2026 года в Архангельской области региональный оператор «ЭкоИнтегратор» провел выездные проверки предпринимателей. В общей сложности услугу не оплачивают около 6000 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. При этом для многих цена вопроса составляет всего 200 рублей в месяц [1]. То есть выходит, что коммерческие организации, размещенные на первых этажах многоквартирных домов, зачастую не исполняют условия договора на оказание услуг по обращению с ТКО, но складируют образующиеся отходы на ближайших контейнерных площадках, ошибочно полагая, что это освобождает их от уплаты услуг.

При неисполнении договора со стороны юридического лица или индивидуального предпринимателя региональный оператор может подать иск в суд и взыскать невыплаченную сумму [2]. Это подтверждается судебной практикой, в том числе по Костромской области (например, решение от 19 августа 2025 г. по делу № А31-2148/2025) [9]. Общество с ограниченной ответственностью «Спецтранс» обратилось в арбитражный суд с заявлением к индивидуальному предпринимателю о взыскании задолженности по договору от 11.12.2023 № 181-2023 в размере 268893 рубля 93 копейки, а также расходов по уплате государственной пошлины. Суд, исследовав обстоятельства заключения между региональным оператором и ответчиком договора на оказание услуг по обращению с ТКО, установил, что стороны не пришли к соглашению о заключении договора по условиям истца, и признал, что договор считается заключенным на условиях типового договора. В связи с этим само по себе отсутствие договора как единого подписанного сторонами документа не препятствует региональному оператору оказывать услуги в соответствии с типовым договором, что прямо предусмотрено положениями пункта 5 статьи 24.7 Закона № 89-ФЗ и пункта 5 Правил № 1156. Следовательно, у ответчика возникла

обязанность по оплате услуг регионального оператора, и суд решил удовлетворить иск. Такая же ситуация описывается в решениях от 10 июня 2025 г. по делу № А31-9493/2024 [8], от 10 июня 2025 г. по делу № А31-4782/2024 [7], от 10 июня 2025 г. по делу № А31-1529/2024 [6], от 10 апреля 2025 г. по делу № А31-10203/2024 [5] и т. д.

Представляется, что одной из причин вышеописанной проблемы является разрозненность информационных потоков и отсутствие системного подхода к размещению достоверной и полной информации. Например, на официальном сайте в сети Интернет ООО «ЭкоТехМенеджмент» (региональный оператор по Костромской области по состоянию на 14 апреля 2026 года) не размещены территориальные схемы деятельности оператора, дата публикации публичной оферты или типового договора (это важно для того, чтобы правильно определить дату заключения договора), нет единого списка лиц, заключивших договор и т. д.

Для решения описанной проблемы авторами статьи предлагается создать единую автоматизированную систему «ТКО-бизнес», которая станет центральным элементом в системе взаимодействия между региональным оператором и предпринимателями. Система будет включать электронный реестр договоров с возможностью онлайн-подписания, автоматизированный калькулятор расчета платежей, учитывающий специфику каждого бизнеса, а также информацию с подробным разъяснением законодательства. Важным элементом станет система уведомлений о необходимости заключения договора и изменениях в законодательстве. Каждый предприниматель получит доступ к личному кабинету, где сможет отслеживать историю платежей, подавать заявки на перерасчет и обращаться в службу поддержки. Платформа может содержать и иную информацию, которая необходима для урегулирования правоотношений между региональным оператором и коммерческими организациями.

Данная мера позволит автоматизировать процесс заключения договоров, сделать расчеты прозрачными, снизить нагрузку на всех участников процессов и существенно повысить уровень информированности предпринимателей. Система будет предупреждать нарушения со стороны всех участников правоотношений и устранит информационный разрыв между ними.

Таким образом, отсутствие системного подхода к размещению необходимой информации для заключения договора на оказание услуг по обращению с ТКО не только усугубляет локальные проблемы с мусором, но и подрывает стабильность всей системы обращения с ТКО.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Около 6000 юрлиц в Архангельской области не платят за вывоз ТКО // Регион29: новости Архангельска, аналитика, комментарии. URL: https://region29.ru/2026/03/06/69a9d5eefa138c639d 0661d8.html (дата обращения: 08.04.2026).

2. Ответственность предпринимателей за незаключение договоров на вывоз отходов с региональным оператором. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/

proc_78/activity/legal-education/explain/nature /e2017992/ (дата обращения: 08.04.2026).

3. Постановление Департамента строительства, жилищно-коммунального хозяйства и топливно-энергетического комплекса Костромской области от 18 января 2024 г. № 2-НП «Об утверждении нормативов накопления твердых коммунальных отходов на территории Костромской области». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/ 4401202401250001 (дата обращения: 08.04.2026).

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 07 марта 2025 г. № 293 (ред. от 06.03.2026) «О порядке обращения с твердыми коммунальными отходами» (вместе с «Правилами обращения с твердыми коммунальными отходами»). URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 08.04.2026).

5. Решение Арбитражного суда Костромской области от 10 апреля 2025 г. по делу № А31-10203/2024. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/0RHBZh4 LwINm/?arbitral-txt=договора+по+обращению+с+ТКО&arbitral-case_doc=& arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region= &arbitral-court=АС+Костром ской+области& arbitral-judge=&_= 1775582661809&snippet_pos=4908#snippet (дата обращения: 08.04.2026).

6. Решение Арбитражного суда Костромской области от 10 июня 2025 г. по делу № А31-1529/2024. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ dUdLi3SD4NdN/?Arbitral-txt=договора+по+обра щению+с+ТКО&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=& arbitral-region=&arbitral-court=АС+Костромской+ области& arbitral-judge=&_=1775582661809&snippet_pos=56 92#snippet (дата обращения: 08.04.2026).

7. Решение Арбитражного суда Костромской области от 10 июня 2025 г. по делу № А31-4782/2024. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/ ts11HR6cXrZX/?arbitral-txt=договора+по+обращению+с+ТКО&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=& arbitral-region=&arbitral-court=АС+Костромской+области&arbitral-judge=&_ =1775582661809&snippet_pos=54 54#snippet (дата обращения: 08.04.2026).

8. Решение Арбитражного суда Костромской области от 10 июня 2025 г. по делу № А31-9493/2024. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/vh6OoxBmekdb/ (дата обращения: 08.04.2026).

9. Решение Арбитражного суда Костромской области от 19 августа 2025 г. по делу № А31-2148/2025. URL: https://sudact.ru/arbitral/ doc/cgSEGWu99p5l/?arbitral-txt=договора+по+обращению+с+ТКО&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to= &arbitral-region=&arbitral-court=АС+Костромской+области&arbitral-judge=&_ =1775677900503&snippet _pos=45 36#snippet (дата обращения: 08.04.2026).

10. Сколько мусора генерируют жители регионов ЦФО. // Новости сегодня в России и мире. URL: https://rg.ru/2025/10/07/reg-cfo/chempiony-po-othodam.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 08.04.2026).

11. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (ред. от 23.03.2026) «Об отходах производства и потребления». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 08.04.2026).

УДК 343.5

Смирнова Ульяна Александровна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
ulanasmirnova074@gmail.com

Евстегнеев Алексей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Вовлечение несовершеннолетних в антиобщественную противоправную деятельность посредством сети Интернет: новые формы и уголовно-правовые риски

Аннотация. *Статья посвящена проблеме вовлечения несовершеннолетних в антиобщественную и противоправную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Актуальность исследования обусловлена тенденцией роста количества зарегистрированных преступлений, связанных с исследуемой противоправной деятельностью. В статье также указывается на появление новых форм вовлечения несовершеннолетних, что создает уголовно-правовые риски в условиях активной цифровизации. Наряду с этим, рассматриваются вопросы квалификации деяний, связанных с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную и противоправную деятельность посредством сети Интернет, а также анализируются современные формы указанного вовлечения и проблемы их уголовно правовой оценки.*

Ключевые слова: *антиобщественная деятельность, несовершеннолетний, противоправная деятельность, информационно-телекоммуникационные сети, вовлечение, преступления.*

Smirnova Ulyana Alexandrovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich
candidate of legal sciences, associate professor
associate professor of the department of judicial
and law enforcement activities
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

© Смирнова У. А., Евстегнеев А. С., 2026

Involving minors in anti-social and illegal activities via the Internet: new forms and criminal risks

Annotation. *The article is devoted to the problem of involving minors in antisocial and illegal activities using information and telecommunication networks (including the Internet). The relevance of the study is due to the growing number of registered crimes related to the illegal activities under study. The article also highlights the emergence of new forms of involving minors, which creates criminal risks in the context of active digitalization. In addition, the article discusses the qualification of acts related to the involvement of minors in antisocial and illegal activities through the Internet, as well as the current forms of such involvement and the problems of their criminal legal assessment.*

Keywords: *antisocial activities, minor, illegal activities, information and telecommunication networks, involvement, crimes.*

Свободный и, как показывают результаты исследований, бесконтрольный доступ несовершеннолетних к интернет-ресурсу в настоящее время является благодатной почвой для их вовлечения в преступную деятельность. Анализ статистических данных последних нескольких лет указывает на негативную тенденцию роста преступлений, совершенных несовершеннолетними или с их (при их) непосредственным участием. По данным в СМИ в апреле этого года в Москве 15-летний подросток поджег АЗС на улице Космонавта Волкова, по указанию злоумышленников, полученному по сети Интернет [1]. В частности, подросток облил и поджог топливораздаточную колонку легковоспламеняющейся жидкостью. Подобные случаи свидетельствуют о возрастающей роли сети Интернет как исходной среды вовлечения несовершеннолетних в противоправную и преступную деятельность. Вместе с тем, согласно положениям ст. ст. 38 и 45 Конституции Российской Федерации [2] вопрос их защиты является прямой обязанностью государства, в том числе и от противоправных проявлений в отношении несовершеннолетних.

Помимо прямой защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, первоочередной задачей государства является формирование системы превентивных мер, направленных на недопущение преступных посягательств в отношении несовершеннолетних, а также их вовлечение в противоправную и преступную деятельность. Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ в часть 2 статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации дополнена новым квалифицирующим признаком, усиливающим ответственность виновного лица за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») [4]. Наказание за такое деяние предусмотрено в виде лишения свободы на срок от трех до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового [3]. Наряду с этим, часть 3 этой же статьи также дополнена двумя новыми квалифицирующими признаками, ужесточающими ответственность за деяния, предусмотренные частями 1 и 2 настоящей статьи, совершенные в отношении двух или более несовершеннолетних, а также в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. За совершение деяний, предусмот-

ренных ч. 3 ст. 150 УК РФ, законодатель предусмотрел более строгое наказание в виде лишения свободы, увеличив срок от четырех до девяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. При этом следует отметить то, что законодатель, этим же законом в статью 151 Уголовного кодекса Российской Федерации (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий) внес аналогичные изменения. Такое решение законодателя, как нам представляется, свидетельствует о том, что государство таким образом усиливает уголовно-правовую охрану несовершеннолетних от пагубного влияния социальных и информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Ни для кого не секрет то обстоятельство, что современные информационные технологии эволюционируют и развиваются изо дня в день, вводя в действия все новые и новые формы воздействия на психику и сознание несовершеннолетних, используя различные манипуляции, разрабатывают новые игровые формы такого воздействия, а также искажения действительности и ее восприятия. В виду того, что несовершеннолетние являются наиболее уязвимой группой из-за их не зрелого возраста, затрудняющего здраво оценивать обстановку, и учитывая то, что значительную роль такого воздействия играют психологические аспекты, представляется своевременным такое законодательное реагирование, связанное с внесением дополнительных квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в статьи 150 и 151 Уголовного кодекса российской Федерации.

Статья 150 УК РФ содержит указания на такие формы вовлечения как обещание, обман, угроза, а также на вовлечение, совершаемое «иным способом». Если при квалификации содеянного виновным использовались обещание, обман или угроза, то у правоприменителя не возникает особых сложностей. В данном случае особый интерес представляют «иные способы» воздействия на несовершеннолетнего при его вовлечении в преступную деятельность в виду их неопределенного характера.

Некоторые специалисты предлагают классифицировать эти способы следующим образом:

1. Информационно-манипулятивные формы, среди которых выделяют:

– различные провокации (челленджи (вызовы), прямо побуждающие к совершению конкретных действий, реклама казино и азартных игр, и т. п.);

– распространение ложной и (или) неполной информации, искажающей нормальное восприятие чего-либо;

– романтизация, т. е. создание положительной репутации у определенного явления, его восхваление (например, романтизация криминального образа жизни);

– искажение системы ценностей личности – намеренное принижение основных человеческих ценностей, их клевета, оскорбление, демонстрация фото- и видеоматериалов с демонстрацией культа жестокости, различной символики,

разжигания чувства ненависти между отдельными национальными или этническими группами и т. п.

2. Игровизация и контентные формы:

– геймификация («игровизация») – использование игровых технологий для побуждения к определенным действиям (например, использование системы поощрений за выполнение заданий или иные активности;

– создание юмористических и развлекательных контентов, отличить которые от безобидных крайне сложно;

– элементы вовлечения через медиа и социальные сети.

3. Социально-культурные и субкультурные группы:

– пропаганда антисоциального (преступного) образа жизни в молодежных субкультурах. Например, субкультура «АУЕ» («Арестантское уголовное единство»), которая пропагандирует антисоциальный образ жизни и навязывает стереотипы и модели поведения, характерные для представителей криминального мира, находящихся в местах лишения свободы.

4. Экономико-управляемые и алгоритмические формы:

– маркетинговая «воронка вовлечения». Как правило, несовершеннолетний пользователь сначала привлекается в группу по интересам, затем по активности в этих группах отбирается и через личные сообщения приглашается в тематическое сообщество с более узкими интересами. После этого происходит отбор в закрытые группы и чаты, где уже происходит вовлечение в опасную и преступную деятельность сообществ. Кроме того, злоумышленники нередко используют экономические манипуляции, создавая у несовершеннолетних иллюзию успешности и привлекательного образа жизни [1].

Таким образом, прослеживается тенденция, связанная с трансформацией форм вовлечения в антиобщественную и противоправную деятельность, которая в условиях цифровизации заметно усложнилась в плане ее разоблачения, получив новые современные приемы и способы вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную противоправную деятельность Сказанное, как нам представляется, обусловливает целесообразность углубленного изучения причин и условий, способствующих увеличению количества подобных преступлений, а также более глубокое изучение и понимание механизмов и способов вовлечения несовершеннолетних в преступную и иную противоправную деятельность, учитывая, что эти приемы и методы постоянно совершенствуются, в том числе с использованием злоумышленниками современных информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») и новых психологических приемов и способов воздействия на несовершеннолетних в целях их вовлечения в противоправную и преступную деятельность. Проведенное исследование обусловливает вывод о том, что в условиях цифровизации и развития современных технологий, злоумышленники, разрабатывая новые формы воздействия на несовершеннолетних, используют возможности оказания коммуникационного, алгоритмического и психологического влияния, что вынуждает государственные органы постоянно адаптироваться к изменяющимся условиям. В настоящее время, вовлечение несовершеннолетних в противоправную и преступную деятельность приобретает дистанционный характер с использованием

современных информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акиев А. Р. Иные способы вовлечения несовершеннолетнего в противоправную деятельность (ст. ст. 150,151,151.2 УК РФ): уголовно-правовой и криминалистический анализ. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inye-sposoby-vovlecheniya-nesovershennoletnego-v-protivopravnuyu-deyatelnost-st-150-151-151-2-uk-rf-ugolovno-pravovoy-i?ysclid= mnoh2n2y3y791349782 (дата обращения: 6.04.2026).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). URL: www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 6.04.2026).

3. Российская Федерация Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. № 63-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 6.04.2026).

4. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 7.04.2026)

УДК 342.7

Умнова Валерия Петровна
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
umnovavp@yandex.ru

Домнина Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
ol-domni@yandex.ru

Психологический конструкт «человеческое достоинство» (статья 21 Конституции РФ) как предел допустимого психологического воздействия в правоохранительной деятельности

Аннотация. *В статье предпринимается углубленный междисциплинарный анализ человеческого достоинства как фундаментальной конституционной ценности и одновременно психологического конструкта, определяющего пределы допустимого воздействия в правоохранительной деятельности. Особое внимание уделено трансформации методов психологического влияния в условиях цифровизации и усложнения криминальной среды, что*

© Умнова В. П., Домнина О. В., 2026

обусловливает необходимость уточнения критериев правомерности воздействия. На основе анализа законодательства, практики ЕСПЧ, Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ формулируется концепция «внутренней свободы личности» как ключевого предела допустимого воздействия.

Ключевые слова: *достоинство личности, психологическое воздействие, правоохранительная деятельность, допрос, ЕСПЧ, права человека, внутренняя свобода.*

Umnova Valeria Petrovna
student, of Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Domnina Olga Viktorovna
candidate of legal sciences, associate professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

The psychological construct of "human dignity" (article 21 of the Constitution of the Russian Federation) as the limit of permissible psychological impact in law enforcement

Annotation. *The article undertakes an in-depth interdisciplinary analysis of human dignity as a fundamental constitutional value and at the same time a psychological construct that defines the limits of permissible influence in law enforcement. Special attention is paid to the transformation of methods of psychological influence in the context of digitalization and the increasing complexity of the criminal environment, which necessitates the clarification of criteria for the legality of the impact. Based on the analysis of legislation and practice of the ECHR, the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, the concept of "internal freedom of the individual" as a key limit of permissible influence is formulated.*

Keywords: *personal dignity, psychological impact, law enforcement, interrogation, ECHR, human rights, internal freedom.*

Проблематика допустимого психологического воздействия в правоохранительной деятельности в последние годы приобретает качественно новое звучание. Это обусловлено не только ростом требований к соблюдению прав человека, но и принципиальным усложнением самих механизмов воздействия на психику личности. Современные технологии, включая методы нейролингвистического программирования, поведенческого анализа, а также цифровые средства наблюдения и контроля, создают условия, при которых влияние на внутреннее состояние субъекта становится более тонким, скрытым и, следовательно, менее поддающимся правовой оценке. В этих условиях конституционное положение о достоинстве личности (ст. 21 Конституции РФ) приобретает особую значимость, выступая своеобразным «предельным принципом», ограничивающим любые формы государственного воздействия [1]. Однако сама категория достоинства, несмотря на ее фундаментальный характер, остается в значительной степени оценочной, что порождает сложности в правоприменительной практике.

С точки зрения психологии достоинство личности представляет собой сложное интегративное образование, включающее когнитивный, эмоциональный и волевой компоненты. Оно проявляется в способности субъекта воспринимать себя как автономную, ценную и обладающую внутренней целостностью личность. Любое воздействие, направленное на подрыв этой целостности, независимо от его формы, может рассматриваться как посягательство на достоинство. Юридическая интерпретация данной категории традиционно опирается на ее абсолютный характер. Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что достоинство личности является основой всех прав и свобод и не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах [3]. В этом смысле оно выполняет функцию критерия оценки допустимости действий государства.

Особую сложность представляет разграничение допустимого психологического воздействия и недопустимого давления. В отличие от физического насилия, которое имеет очевидные внешние признаки, психологическое воздействие носит латентный характер и может маскироваться под правомерные процессуальные действия.

Практика Европейского суда по правам человека демонстрирует устойчивый подход к оценке подобных ситуаций. В деле «Михеев против России» (2006) суд указал, что даже угроза применения насилия может рассматриваться как бесчеловечное обращение [2]. В деле «Яллох против Германии» (2006) суд подчеркнул, что вмешательство в физическое и психическое состояние лица с целью получения доказательств является недопустимым [6]. Аналогичные подходы прослеживаются и в деле «Сальдуз против Турции» (2008) [7], где акцент сделан на значении процессуальных гарантий при допросе. Российская судебная практика в целом следует данным подходам. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27.06.2000 № 11-П указал на недопустимость использования методов, унижающих достоинство личности [3]. Верховный Суд РФ в своих разъяснениях подчеркивает, что доказательства, полученные с нарушением прав личности, не могут быть признаны допустимыми [4].

Междисциплинарный анализ показывает, что ключевой критерий разграничения допустимого и недопустимого психологического воздействия в правоохранительной деятельности – сохранность внутренней свободы личности [5; 8; 9; 10]. Речь идет не об абстрактной возможности выбора, а о способности индивида к автономному волеобразованию, критичности мышления и принятию решений на основе собственных убеждений. В этом аспекте человеческое достоинство раскрывает свой антропологический предел, за которым воздействие превращается из правомерного средства в скрытую форму подчинения воли.

С теоретической точки зрения психологическое воздействие в правоохранительной сфере нельзя оценивать только по внешней форме. Формальная корректность, отсутствие явных угроз, процессуальный порядок – все это еще не говорит о конституционной допустимости. Главное – фактический результат: сохраняется ли у человека возможность внутренне свободно относиться к требованиям, информации и своим решениям. Если его поведение перестает быть выражением собственной воли и становится следствием подавления или исто-

щения способности к самостоятельному суждению – значит, допустимые пределы психологического влияния превышены.

Достоинство личности здесь выступает как ограничитель публичной власти не только в сфере физической неприкосновенности, но и в области психического самоопределения. Обычно внимание уделяют явным формам жестокого или унижающего обращения. Однако более глубокий подход показывает: унижение достоинства возможно и без физического принуждения – там, где целенаправленно разрушаются внутренние механизмы автономии. Иными словами, нарушение достоинства может быть не только в причинении страданий, но и в создании условий, при которых человек теряет способность быть подлинным носителем собственной воли.

Особую значимость в этой связи приобретает категория интенсивности психологического воздействия. Допустимость того или иного метода не может устанавливаться отвлеченно, вне анализа его продолжительности, повторяемости, навязчивости, эмоциональной насыщенности и процессуального контекста применения. Даже нейтральные по форме приемы при определенной степени концентрации способны приобретать качественно иное правовое значение. Многократное возвращение к одному и тому же вопросу, длительное удержание лица в состоянии неопределенности, последовательное создание атмосферы безысходности, использование акцентированной эмоциональной доминанты, целенаправленное ослабление психологической устойчивости – все это в совокупности может формировать состояние, при котором внешне добровольное поведение фактически утрачивает признак свободы. Следовательно, вопрос о допустимости воздействия должен решаться не на уровне формального описания метода, а на уровне его реального психического эффекта.

С точки зрения юридической психологии, способность человека к автономному решению не постоянна и не сводится к одним лишь волевым качествам. Она меняется в зависимости от ситуации: эмоции, тревога, перегрузка, усталость, фрустрация, социальная зависимость – все это влияет. Поэтому право не должно исходить из выдумки об абсолютно устойчивом субъекте, который всегда одинаково готов противостоять давлению. Наоборот, чем сильнее процессуальная, психологическая или социальная асимметрия между властью и гражданином, тем жестче должны быть критерии допустимости воздействия. Иначе можно легализовать такие формы влияния, которые внешне не насильственны, а по сути – принуждение под видом убеждения или законной коммуникации.

Важно учитывать властную неравновесность в правоохранительной сфере. Человек, против которого ведется преследование, находится в напряжении из-за неопределенности, страха и зависимости от решений властей. В таких условиях даже умеренное воздействие дает непропорционально сильный эффект. Один и тот же прием в нейтральной обстановке и в ситуации процессударного подчинения оценивается по-разному. Предел допустимости зависит не только от действий представителя власти, но и от состояния того, на кого воздействуют, и от конкретной структуры властных отношений.

Из этого следует важный вывод: психологическая уязвимость – не второстепенное обстоятельство, а юридически значимый фактор, влияющий на оценку правомерности воздействия. Возраст, здоровье, эмоциональная нестабильность, внушаемость, зависимость, правовая неграмотность – все это снижает способность сопротивляться давлению и сужает границы допустимого. В таких условиях даже слабое воздействие может подчинить волю человека. Значит, универсального стандарта здесь быть не может: нужен подход, учитывающий психическую устойчивость и реальную свободу внутренней позиции.

Еще один важный момент – накопительный характер психологического воздействия. На практике часто упускают, что противоправный результат возникает не от одного явного акта давления, а от серии внешне безобидных действий. Но их повторяемость и направленность на нужный поведенческий итог создают кумулятивный эффект, разрушающий внутреннюю автономию. Это показывает ограниченность формально-юридического подхода: оценивать надо не каждый шаг в отдельности, а общую стратегию воздействия, ее цель и то, как ее воспринимает адресат.

Профессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов также способна смещать восприятие границ допустимого. Специфика деятельности – постоянная конфликтная среда, ориентация на выявление правонарушений, высокая ответственность и хроническое напряжение – формирует паттерны, при которых другой человек воспринимается не как автономная личность, а как объект проверки, носитель риска или источник информации. Такая редукция ведет к снижению чувствительности к морально-правовым пределам допустимого.

Именно здесь проявляется особая эвристическая ценность категории человеческого достоинства. Она препятствует инструментализации человека в правоохранительной практике и не допускает его сведения к средству достижения публично значимого результата. Достоинство в таком понимании выступает не просто как абстрактный конституционный принцип, а как нормативное выражение запрета на психологическую объективацию личности. Там, где субъект начинает восприниматься исключительно сквозь призму задач раскрытия, пресечения, доказывания или оперативного контроля, возникает повышенная вероятность того, что его внутренняя свобода будет принесена в жертву служебной целесообразности. Между тем именно недопустимость подобного подчинения личности государственному интересу и составляет одну из ключевых идей современного конституционализма.

С научной точки зрения это значит, что человеческое достоинство применительно к ст. 21 Конституции РФ надо толковать расширительно – как психолого-правовое понятие, включающее не только ценность личности, но и требование сохранять ее внутреннюю субъектность. Под субъектностью здесь понимается способность человека оставаться автором собственных решений и оценок даже при контакте с властью. Предел допустимого психологического воздействия проходит там, где государство перестает обращаться к разуму и свободной воле и начинает использовать механизмы психического ослабления, эмоционального подчинения или ситуационной дезориентации.

Таким образом, достоинство личности полезно рассматривать не просто как объект конституционной охраны, но и как методологический критерий оценки работы правоохранительных органов. Его психологическое измерение помогает выявить те формы скрытого принуждения, которые формально не подпадают под признаки насилия или прямой угрозы, но по факту ведут к тому же – подмене свободной воли навязанной моделью поведения. Игнорирование этого аспекта неоправданно расширяет зону допустимого воздействия и в итоге размывает саму идею конституционной неприкосновенности личности.

На этом основании представляется возможным сформулировать общий научный вывод: в правоохранительной деятельности предел допустимого психологического воздействия должен определяться не только формальной законностью применяемых методов, но прежде всего их влиянием на сохранность внутренней свободы, субъектности и способности лица к автономному принятию решений. Там, где воздействие разрушает эти основания, оно вступает в противоречие с конституционным содержанием человеческого достоинства, даже если внешне сохраняет видимость процессуальной корректности. Именно поэтому психологический конструкт человеческого достоинства следует рассматривать как один из центральных критериев правовой оценки властного воздействия в современной правоохранительной практике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп.) // Конституция Российской Федерации. М. : Проспект, 2020. 64 с.

2. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Михеев против России» от 26 янв. 2006 г. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.03.2026).

3. Постановление Конституционный Суд РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений…». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 27.03.2026).

4. Постановление Пленума Верховный Суд Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения…» // Российская газета. 2013. № 294. URL: https://rg.ru (дата обращения: 27.03.2026).

5. Нерсесянц В. С. Право и правовой закон. М. : Норма, 2003. 384 с.

6. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Яллох против Германии» от 11 июля 2006 г. URL: https://hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 27.03.2026).

7. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Сальдуз против Турции» от 27 ноября 2008 г. URL: https://hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 27.03.2026).

8. Головко Л. В. Уголовный процесс : учебник. М. : Статут, 2021. 768 с.

9. Хабриева Т. Я. Конституционные ценности : монография. М. : Юрист, 2019. 336 с.

10. Бойков А. Д. Права человека в уголовном процессе : учеб. пособие. М. : Норма, 2019. 256 с.

УДК 343.2

Бондарева Татьяна Сергеевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
Bondareva_tata06@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Уголовно-правовая оценка опасного вождения: проблемы правоприменения и судебная практика

Аннотация. *В работе исследуются актуальные проблемы уголовно-правовой оценки опасного вождения в Российской Федерации. Рассматривается правовая природа данного явления, закрепленного в Правилах дорожного движения, и его соотношение с административными правонарушениями и смежными составами преступлений. Особое внимание уделяется анализу статьи 267.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств. В работе анализируется современная судебная практика, отражающая тенденции расширительного применения данной нормы к случаям агрессивного и демонстративного вождения.*

Ключевые слова: *опасное вождение, уголовная ответственность, правонарушение, преступление, хулиганские побуждения.*

Bondareva Tatiana Sergeevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich
candidate of low, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Criminal legal assessment of dangerous driving: problems of law enforcement and judicial practice

Annotation. *The paper examines the current problems of criminal law assessment of dangerous driving in the Russian Federation. The legal nature of this phenomenon, fixed in the Rules of the Road, and its correlation with administrative offenses and related crimes are considered. Spe-*

© Бондарева Т. С., Евстегнеев А. С., 2026

cial attention is paid to the analysis of Article 267.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for actions that threaten the safe operation of vehicles. The paper analyzes modern judicial practice reflecting the trends of the extensive application of this rule to cases of aggressive and demonstrative driving.
Keywords: *dangerous driving, criminal liability, offense, crime, hooligan motives.*

Приступая к рассмотрению проблем уголовно-правовой оценки опасного вождения, представляется необходимым прежде всего определить содержание данной категории и выявить ее основные признаки. Следует отметить, что в действующем законодательстве Российской Федерации отсутствует легальное определение опасного вождения в рамках уголовного и административного права, что, как нам представляется, существенно осложняет процесс его правовой оценки.

Вместе с тем, такое понятие закреплено в правилах дорожного движения Российской Федерации, где под опасным вождением понимается неоднократное совершение водителем одного или нескольких действий, следующих друг за другом, выражающихся в нарушении правил дорожного движения и создающих угрозу гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств либо причинение иного имущественного ущерба [1]. Таким образом, законодатель дает понять, что данное явление носит комплексный характер, подчеркивая, что его сущность заключается не в единичном нарушении, а в совокупности взаимосвязанных противоправных действий, совершаемых в относительно короткий промежуток времени.

Анализ содержания приведенного определения, позволяет выделить ряд признаков опасного вождения. Во-первых, это неоднократность нарушений, которая предполагает совершение водителем нескольких противоправных действий. Во-вторых, следующим признаком опасного вождения является последовательность, образующих опасное вождение, свидетельствующая о сознательном характере действий водителя и, указывающая на игнорирование им требований безопасности дорожного движения. В-третьих, создание реальной угрозы причинения вреда жизни и здоровью граждан либо имущественного ущерба, что придает рассматриваемому явлению повышенную общественную опасность.

В научной литературе справедливо отмечается, что опасное вождение транспортного средства по своей правовой природе является более сложным и многогранным явлением по сравнению с отдельными административными правонарушениями, поскольку оно характеризуется не только объективными признаками нарушения правил дорожного движения, но и субъективным отношением лица к совершаемым действиям, выражающимися в демонстративном пренебрежении установленными нормами и интересами других участников дорожного движения [2].

Следует также обратить внимание на соотношение понятий «опасное вождение», «агрессивное вождение» и «дорожное хулиганство», которое нередко используются как тождественные, однако, как нам представляется, имеют определенные отличия. Так, агрессивное вождение в большей степени отражает психологическую характеристику поведения водителя, связанную с проявлени-

ем раздражительности, конфликтности и стремлении к доминированию на дороге. В свою очередь, опасное вождение представляет собой юридически значимую категорию, включающую совокупность конкретных нарушений правил дорожного движения, сопряженных с созданием обстановки, опасной для жизни и здоровья других участников дорожного движения и с опасностью повреждения чужих транспортных средств, обладающих признаками повышенной общественной опасности. Что касается так называемого «дорожного хулиганства», то данное понятие хотя и не закреплено законодательно, используется в научной литературе и правоприменительной практике для обозначения поведения, выходящего за рамки обычных нарушений правил дорожного движения и затрагивающего общественный порядок. В этой связи отдельные формы опасного вождения, сопровождающиеся демонстративным игнорированием норм поведения в обществе, могут приобретать признаки хулиганства и, соответственно, подпадать под действие уголовно-правовых норм [3].

Вместе с тем, как нам представляется, ключевой проблемой является отсутствие четких критериев разграничения указанных категорий, что создает предпосылки для их произвольного толкования правоприменителями. Данное обстоятельство приобретает особую значимость в условиях, когда отдельные проявления опасного вождения начинают квалифицировать по уголовному закону, в частности по статье 267.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Анализ положений названной нормы позволяет сделать вывод о наличии, в ее содержании, существенных пробелов, связанных с правовым ограничением или запретом опасного вождения. Несмотря на закрепление данного понятия в правилах дорожного движения, до настоящего времени отсутствует единый, четко сформулированный механизм установления ответственности за соответствующее поведение, образующее опасное вождение, что, как нам представляется, негативно сказывается на эффективности борьбы с таким явлением.

Прежде всего, следует отметить, что опасное вождение, будучи самостоятельной формой преднамеренного (умышленного) противоправного поведения, не получило надлежащего отражения в нормах административного законодательства. В течении длительного времени ответственность за подобные действия наступала лишь за отдельные нарушения правил дорожного движения, входящие в его состав, такие как несоблюдение дистанции, нарушение правил перестроения, препятствие обгону и иные деяния, предусмотренные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [4]. При этом совокупный характер опасного вождения как единого правонарушения не учитывался, что, по нашему мнению, не позволяло в полной мере оценить степень общественной опасности такого поведения недобросовестных участников дорожного движения.

Попытки законодателя восполнить данный пробел предпринимались неоднократно. Так, в Государственную Думу Российской Федерации вносился ряд законопроектов, направленных на введение самостоятельной административной ответственности за опасное вождение. Однако, как указывалось в пояснительных записках к соответствующим инициативам, ключевой проблемой являлась правовая неопределенность данного понятия, допускающая возмож-

ность его произвольного и расширительного толкования при рассмотрении дел об административных правонарушениях [5]. В этой связи законопроекты либо отклонялись, либо длительное время не получали дальнейшего развития.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что отсутствие четкой правовой оценки опасного вождения привело к формированию своеобразного правового вакуума, при котором фактически запрещенное поведение недобросовестных участников дорожного движения не обеспечено мерами правового воздействия, влекущего установление юридической ответственности. Как нам представляется, подобная ситуация противоречит принципам законности, равенства всех перед законом и неотвратимости ответственности, поскольку создает условия, при которых определенная категория лиц, систематически допускающая опасное вождение на дороге, привлекаются лишь к административной ответственности за отдельные эпизоды такого своего поведения.

Вместе с тем, развитие транспортной системы и увеличения количества дорожно-транспортных происшествий, вызванных опасным стилем вождения, обусловили необходимость поиска новых правовых механизмов воздействия на этих правонарушителей. В этой связи, в юридической литературе и правоприменительной практике все чаще высказывались предложения о целесообразности использования потенциала уголовного законодательства для квалификации наиболее опасных форм опасного поведения водителей [6].

Особое значение в данном контексте приобретают положения диспозиции ст. 267.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств. Данная норма введена в действующее уголовное законодательство России в 2017 году. Как следовало из пояснительной записки к проекту данной статьи – она принимается с целью повышения уровня транспортной безопасности и противодействия хулиганским действиям на транспорте [7].

Однако, как нам представляется, законодатель, формулируя диспозицию указанной статьи, не конкретизировал содержание таких действий, которые будут угрожать безопасной эксплуатации транспортных средств, а также не установил четких критериев их отграничения от, названных выше административных правонарушений и от смежных составов преступлений. Отсутствие четких рекомендаций по разрешению обозначенных проблем в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации лишь усугубляет ее, способствуя формированию неоднозначной и противоречивой судебной практики.

По нашему мнению, особого внимания заслуживает анализ складывающейся судебной практики по делам, связанным с опасным вождением и его уголовно-правовой оценкой. Именно правоприменительная практика в настоящее время фактически восполняет пробелы законодательства, формируя подходы к квалификации названных деяний.

Следует отметить, что до недавнего времени ст. 267.1 УК РФ применялась крайне редко, поскольку изначально она была ориентирована преимущественно на борьбу с хулиганскими действиями на транспорте, прежде всего на железнодорожном, воздушном и водном. Однако начиная с 2024–2025 гг. на-

блюдается устойчивая тенденция к расширительному применению данной нормы в отношении водителей автотранспортных средств, допускающих опасное и агрессивное вождение.

Одним из первых резонансных случаев стало рассмотрение уголовного дела в отношении водителя в г. Каспийске. Установлено, что лицо, управляя автомобилем марки Porsche Cayenne, систематически нарушало правила дорожного движения, в том числе выезжало на полосу встречного движения, совершало опасные маневры, создавая реальную угрозу жизни и здоровью других участников дорожного движения. При этом свои действия водитель фиксировал на видео и размещал в сети Интернет, что свидетельствовало о демонстративном характере поведения. Суд квалифицировал его действия по ст. 267.1 УК РФ и назначил наказание в виде штрафа в размере 180 000 рублей [8].

Аналогичный подход был применен и в иных регионах Российской Федерации. Так, из материалов судебной практики усматривается, что проведение нелегальных уличных заездов и дрифта также рассматривается судами как действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств. В частности, по одному из дел, рассмотренных в Приморском крае, установлено, что группа лиц организовала ночные заезды на проезжей части, сопровождающиеся опасными маневрами и грубым нарушением общественного порядка. В рамках расследования по ст. 267.1 УК РФ суд признал обоснованным применение обеспечительных мер в виде наложения ареста на транспортное средство подозреваемого, указав на необходимость обеспечения исполнения возможного приговора и имущественных взысканий [9].

Интерес представляет и практика назначения наказания по делам данной категории. Так, по приговору мирового судьи в г. Якутске лицо было признано виновным в совершении действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, и осуждено к штрафу в размере 170 000 рублей. Суд апелляционной инстанции, проверяя законность и обоснованность приговора, дополнительно указал на необходимость применения конфискации транспортного средства как орудия совершения преступления, что свидетельствует о тенденции к ужесточению подходов к ответственности за опасное вождение [10].

Анализ приведенных судебных решений позволяет выделить ряд ключевых признаков, при наличии которых действия водителей квалифицируются по ст. 267.1 УК РФ. Во-первых, системность нарушений правил дорожного движения, выражающаяся в совершении нескольких опасных маневров в течение короткого промежутка времени. Во-вторых, создание реальной угрозы жизни и здоровью других участников дорожного движения. В-третьих, демонстративный и умышленный характер поведения. В-четвертых, наличие хулиганского мотива, выражающегося в пренебрежительном отношении к общественной безопасности.

Вместе с тем необходимо отметить, что подобная практика вызывает неоднозначную оценку в научной среде и среди практикующих юристов. Так, высказывается позиция о том, что применение ст. 267.1 УК РФ к фактам опасного вождения носит спорный характер, поскольку уголовный закон содержит специальные нормы, регулирующие ответственность за нарушения правил дорож-

ного движения (например, ст. 264 УК РФ), и использование общей нормы может противоречить принципу юридической определенности [11, с. 51].

Кроме того, обращается внимание на то обстоятельство, что в ряде случаев уголовная ответственность наступает при отсутствии наступивших последствий, что также вызывает дискуссии относительно соразмерности наказания и степени общественной опасности деяния.

Тем не менее, несмотря на имеющиеся дискуссии, можно констатировать формирование устойчивой тенденции к криминализации наиболее опасных форм агрессивного вождения. Судебная практика постепенно вырабатывает критерии отнесения подобных действий к числу уголовно наказуемых, что, по сути, компенсирует отсутствие четкого законодательного регулирования в данной сфере.

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что проблема уголовно-правовой оценки опасного вождения в настоящее время находится на стадии активного формирования и развития. Несмотря на закрепление понятия «опасное вождение» в Правилах дорожного движения Российской Федерации, до настоящего времени отсутствует комплексный и системно выстроенный механизм юридической ответственности за соответствующее поведение, что обусловливает возникновение значительных трудностей в правоприменительной практике.

Анализ действующего законодательства позволяет прийти к выводу о наличии существенного пробела в правовом регулировании, выражающегося в отсутствии самостоятельной административно-правовой ответственности за опасное вождение и недостаточной определенности уголовно-правовых критериев его квалификации. В результате отдельные формы опасного и агрессивного вождения получают различную правовую оценку, что приводит к неоднородности судебной практики и затрудняет обеспечение единообразного применения закона.

Вместе с тем формирующаяся судебная практика свидетельствует о тенденции к расширительному применению ст. 267.1 УК РФ к наиболее опасным проявлениям поведения водителей, характеризующимся системностью нарушений, демонстративным характером действий и созданием реальной угрозы безопасности участников дорожного движения. Данная тенденция, с одной стороны, отражает стремление правоприменителя к обеспечению эффективной защиты общественной безопасности, однако, с другой стороны, вызывает дискуссии в части соблюдения принципов законности, правовой определенности и соразмерности уголовной ответственности.

Как представляется, дальнейшее развитие правового регулирования в данной сфере должно быть направлено на устранение существующих пробелов, формирование четких законодательных критериев разграничения административной и уголовной ответственности, а также обеспечение единообразия судебной практики. Только при соблюдении указанных условий возможно достижение баланса между необходимостью эффективного противодействия опасному вождению и гарантированием прав и законных интересов участников дорожного движения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. №1090 «О Правилах дорожного движения» (в ред. от 16.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01 сентября 2025 г.). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 04.04.2026).

2. Хиль И. М. актуальные аспекты противодействия агрессивному вождению и дорожному хулиганству в Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2(40). С. 17.

3. Голик Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // Lex Russica. 2017. № 8(129). С. 162–166.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года №195-ФЗ (ред. от 23 марта 2026 года). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 13.04.2026).

5. Проект Федерального закона № 644297-8 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 01.10.2024). URL: https://www.consultant.ru /cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=248142&ysclid=mqth7vqaa7363682811 #NJReYNVE10t4RrPB (дата обращения: 13.04.2026).

6. Баранчикова М. В. Криминализация повторных нарушений ПДД: актуальные проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 78–92.

7. Федеральный закон от 3 апреля 2017 года №60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant. ru/document/cons_doc_LAW_214786/?ysclid=mqthdmqxmq877762733 (дата обращения: 10.04.2027).

8. В России впервые вынесли приговор за угрозу безопасности движения // РБК. 2025. 14 января. URL: https://www.rbc.ru/society/14/01/2025/ 678590929a7947b36480363f?ysclid=mnxl4uw40793731406 (дата обращения: 10.04.2027).

9. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 18 сентября 2025 г. № 22-4121/25. URL: sudact.ru (дата обращения: 10.04.2026).

10. Апелляционное постановление Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 06.08.2025 № 10-42/2025.URL: sudact.ru (дата обращения: 10.042026).

11. Баранчикова М. В. Криминализация повторных нарушений Правил дорожного движения как направления повышенной безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 3. С. 49–52.

УДК 343.2/.7

Браницкий Александр Евгеньевич
студент, филиал Кубанского государственного университета в г. Новороссийск
г. Новороссийск, Российская Федерация
alexander.branitsky@yandex.ru

Исправительные работы: к вопросу об усугублении межотраслевых коллизий

Аннотация. *В статье исследуется эволюция и современное состояние института исправительных работ в уголовном праве России. Выявлены системные межотраслевые коллизии между нормами УК РФ, УИК РФ, ТК РФ и Конституцией РФ, затрагивающие гарантии оплачиваемого отпуска и правовую квалификацию злостного уклонения от отбывания наказания. Обоснована необходимость устранения противоречий путем законодательной гармонизации и внедрения бланкетного способа регламентации трудовых прав осужденных, что позволит сохранить исправительную направленность наказания при строгом соблюдении конституционных стандартов.*

Ключевые слова: *исправительные работы, межотраслевые коллизии, уголовно-исполнительное право, уголовное право, трудовые права осужденных, злостное уклонение, бланкетные нормы.*

Branitsky Alexander Evgenievich
student, branch of the Kuban State University in Novorossiysk
Novorossiysk, Russian Federation

Correctional work: on the issue of aggravating intersectoral conflicts

Annotation. *The article examines the evolution and current state of the institution of correctional labor in Russian criminal law. Systemic intersectoral conflicts have been identified between the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, the Labor Code of the Russian Federation and the Constitution of the Russian Federation, affecting guarantees of paid leave and the legal qualification of malicious evasion from serving a sentence. The necessity of eliminating contradictions through legislative harmonization and the introduction of a form-based method of regulating the labor rights of convicts is substantiated, which will allow maintaining the correctional orientation of punishment while strictly observing constitutional standards.*

Keywords: *correctional work, intersectoral conflicts, penal enforcement law, criminal law, labor rights of convicts, malicious evasion, blank standards.*

Несмотря на то, что Уголовный кодекс Российской Федерации вступил в силу в 1996 году, обсуждения по поводу регулирования некоторых его положений продолжаются и по сей день. Серьезные дискуссии развернулись вокруг института системы уголовных наказаний и регламентации их отдельных видов. В частности, в настоящее время существует определенная отраслевая и межот-

© Браницкий А. Е., 2026

раслевая коллизионность регламентации такого вида наказания, как исправительные работы.

Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) закрепил в ст. 50, что исправительные работы назначаются лицу, имеющему основное место работы и заключающееся в ежемесячном удержании из заработной платы осужденного к исправительным работам производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, в пределах от пяти до двадцати процентов и на срок от 2 месяцев до 2 лет [1].

Указанный вид уголовного наказания за период своего существования неоднократно подвергался значительным изменениям. В первоначальной редакции УК РФ исправительные работы назначались лицам, имеющим основное место работы. С 8 декабря 2003 г по 7 декабря 2011 г. исправительные работы, наоборот, применялись в отношении лиц, не имевших основное место работы. С 7 декабря 2011 г. рассматриваемое наказание могло назначаться осужденному, имеющему основное место работы, а также не имеющему его. В последнем случае он отбывал исправительные работы в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства осужденного. Федеральным законом от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ в УК РФ были внесены изменения, которые снова поменяли суть нормы и самого вида наказания в целом. Законодатель изменил норму, вернув ей смысл, заложенный в первоначальной редакции: исправительные работы назначаются лицу, имеющему основное место работы.

Множественные кардинальные изменения сути исправительных наказаний отразились и на статистике назначения указанного вида наказания лицам, признанным виновным в совершении преступления. Так, в 1991 г. осужденных к исправительным работам от общего числа осужденных насчитывалось 21,8 %; в 1995 г. – 19,4 %; в 1996 г. – 8,2 %; в 2000 г. – 5 %; в 2002 г. – 9,2 %; в 2008 г. – 7,3 %; в 2015 г. – 9,6 %, в 2016 г. – 7,2 %; в 2017 г. – 8,2 %; в 2018 г. – 8,4 %; в 2021 г. – 5,46 % [2].

Исходя из сводных статистических сведений о состоянии судимости в России за 2024 г. всего по всем составам УК РФ осуждено 512845 человек, из которых 64723 человека приговорены к исправительным работам, что составляет 12,6 % от общего числа осужденных [3].

Устойчивый рост числа лиц, осужденных к исправительным работам, объективно требует особого внимания к вопросам правового регулирования данного вида наказания.

Особенностью наказания в виде исправительных работ, является совокупность трудовых, материальных и иных ограничений свобод, и прав осужденных, реализуемых без изоляции от общества в процессе их участия в общественно полезном труде для государства [4].

Существующая межотраслевая связь между положениями Конституции России, уголовно-исполнительным и трудовым законодательством в части регламентации определенных ограничений прав и свобод осужденного порождает системные несоответствия и правовые коллизии.

Так частью 5 статьи 37 Конституции РФ регламентировано право каждого гражданина, работающего по трудовому договору на оплачиваемый ежегодный отпуск, продолжительность которого установлена федеральным законом [5]. Применяя буквальное толкование нормы права, можно сделать вывод о том, что продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска установлена лишь одним федеральным законом. В соответствии с ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции [5].

В соответствии со ст. 115 Трудового кодекса РФ минимальный ежегодный оплачиваемый отпуск, предоставляемый работнику, работающему по трудовому договору, составляет 28 календарных дней [6]. Для отдельных категорий работников, например для инвалидов или несовершеннолетних, срок ежегодного оплачиваемого отпуска увеличен. Однако ч. 6 ст. 40 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации для лиц, отбывающих уголовное наказание в виде исправительных работ ежегодный оплачиваемый отпуск установлен в размере 18 рабочих дней [7].

Таким образом, ст. 40 Уголовно-исполнительного кодекса РФ создает межотраслевую коллизию, ограничивая право осужденных на отпуск по сравнению с общими нормами трудового законодательства. Более того, наличие специальной нормы права, регулирующей срок ежегодного оплачиваемого отпуска вступает в противоречие с нормой Конституции РФ.

В свою очередь мы полностью согласны с мнением Л. Л. Кругликова о том, что «уголовно-правовых оснований для применения запретов и обязанностей не существует» [8].

Кроме того, в настоящее время нерешенным остается существенное противоречие между уголовным и уголовно-исполнительным законодательством в части порядка регламентации ответственности за злостное уклонение от отбывания наказания в виде исправительных работ. Ст. 46 УИК РФ установлено, что нарушением порядка и условий отбывания наказания осужденным к исправительным работам является:

Непринятие мер к трудоустройству осужденным, уволенным с основного места работы. Указанная норма имеет отсылочный характер и ссылается на ч. 4 ст. 40 УИК РФ, которая устанавливает обязанность осужденного к исправительным работам, в случае увольнения его с основного места работы после вступления приговора суда в законную силу, встать на регистрационный учет в службе занятости в целях поиска работы. Кроме того, ст. 40 также устанавливает 15 срок, в течение которого осужденный обязан исполнить эту обязанность. Течение срока начинается либо со дня увольнения, либо со дня постановки на учет в уголовно-исполнительной инспекции.

Неявка в уголовно-исполнительную инспекцию без уважительных причин, либо прогуле или появлении на работе в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянении.

Указанные выше обстоятельства являются основанием для вынесения уголовно-исполнительной инспекцией осужденному предупреждения о замене исправительных работ другим видом наказания [7].

В соответствии с ч. 3 ст. 46 УИК РФ, лицо, осужденное к исправительным работам, повторно нарушающее порядок и условия их отбывания после получения письменного предупреждения о нарушении условий и порядка отбывания наказания, либо отказывающееся от выполнения возложенных на него трудовых обязанностей, признается злостно уклоняющимся от отбывания наказания. К данной категории также относятся лица, скрывшиеся с места жительства, место нахождения которых неизвестно [7].

Таким лицам, исходя из положений ч. 4 ст. 50 УК РФ суд вправе заменить неотбытое наказание принудительными работами или лишением свободы, применив расчет один день принудительных работ или лишения свободы за три дня исправительных работ [1].

Однако, очевидно, что ч. 3. ст. 46 УИК РФ напрямую противоречит уголовному законодательству. Частью 3 ст. 50 УК РФ установлено, что сущностью исправительных работ является удержание части денежных средств из заработной платы осужденного, а не в установлении каких-либо запретов и обязанностей. К. И. Голубцова полагает, что в этом случае осужденного нельзя признавать злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде исправительных работ. По ее мнению, правильным было бы установить дисциплинарную или административную ответственность за нарушение установленных инспекцией запретов и возложенных обязанностей осужденными, как к исправительным, так и к обязательным работам [4].

Как видится, назрела необходимость законотворческой деятельности относительно устранения обозначенных выше коллизий. С учетом сущностной характеристики анализируемого вида наказания, его направленность на исправление осужденного через трудовую деятельность с одновременным сохранением социальных и психологических связей с семьей и повседневным образом жизни следует прибегнуть к бланкетному способу изложения диспозиций статей УИК РФ в части регламентации трудовых прав осужденного.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Одинцова Л. Н., Пушкарева И. А. Исправительные работы: История и современность. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispravitelnye-raboty-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 07.04.2026).

3. Сводные статистические сведения о состоянии преступности в России за 2024 год. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания № 10.1. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 07.04.2026).

4. Голубцова К. И. Наказание в виде исправительных работ: Особенности и проблемы исполнения. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nakazanie-v-vide-ispravitelnyh-rabot-osobennosti-i-problemy-ispolneniya-1 (дата обращения: 30.03.2026).

5. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными общероссийском голосованием 1 июля 2020 года // Российская газета. 04 июля 2020 г. № 8198.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 21 декабря 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 3

7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 18 декабря 1996 г. одобрен Советом Федерации 25 декабря 1996 г. №1-ФЗ (ред. от 17 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.

8. Кругликов Л. Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 110–113.

УДК 349.444

Воронов Егор Андреевич
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
egor04A11@yandex.ru

Григорьева Марина Александровна
старший преподаватель
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
m_grigoreva@kosgos.ru

Проблема обеспечения жилищных прав граждан при изъятии жилых помещений для комплексного развития территории жилой застройки

Аннотация. *В настоящей статье рассматривается проблема обеспечения жилищных прав граждан при изъятии жилых помещений для комплексного развития территории жилой застройки. Анализируется статья 32.1 Жилищного кодекса Российской Федерации и исследуется сложившаяся судебная практика. Выявлена проблема несоразмерности денежного возмещения изъятого жилого помещения вследствие законодательной фиксации момента его определения при реализации комплексного развития территории жилой застройки. Предлагаются возможные пути развития законодательного регулирования, в том числе путем внесения изменений в жилищное законодательство. Также предлагаются варианты внесения изменений в действующий Жилищный кодекс Российской Федерации.*

Ключевые слова: *комплексное развитие территории, жилищные права, изъятие жилых помещений, недвижимость, денежное возмещение, договор о комплексном развитии территории.*

© Воронов Е. А., Григорьева М. А., 2026

Voronov Egor Andreevich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Grigorieva Marina Alexandrovna
senior lecturer
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The problem of ensuring the housing rights of citizens during the withdrawal of residential premises for the integrated development of residential buildings

Annotation. *This article examines the problem of ensuring the housing rights of citizens when removing residential premises for the integrated development of residential buildings. The article analyzes Article 32.1 of the Housing Code of the Russian Federation and examines the current judicial practice. The problem of the disproportionality of monetary compensation for the seized residential premises due to the legislative fixation of the moment of its definition during the implementation of the integrated development of the residential area has been identified. Possible ways of developing legislative regulation are proposed, including through amendments to housing legislation. There are also proposed options for making changes to the current Housing Code of the Russian Federation.*

Keywords: *integrated development of the territory, housing rights, seizure of residential premises, real estate, monetary compensation, agreement on integrated development of the territory.*

Согласно ч. 1 ст. 32 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ): «жилое помещение может быть изъято у собственника в связи с изъятием земельного участка, на котором расположено такое жилое помещение или расположен многоквартирный дом, в котором находится такое жилое помещение, для государственных или муниципальных нужд» [2].

Согласно ч. 7 ст. 65 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ) объекты недвижимости и земельные участки, расположенные в границах территории, в отношении которой было принято решение о комплексном развитии территории жилой застройки (далее – КРТ жилой застройки), могут подлежать изъятию для государственных или муниципальных нужд в целях реализации КРТ жилой застройки в порядке, установленном законодательством [1].

Изъятие жилых помещений граждан для реализации КРТ жилой застройки государственным органом власти или муниципальным образованием не должно ущемлять их жилищные права, гарантированные Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция). Согласно ч. 1 ст. 40 Конституции: «каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища» [3].

Правовой анализ действующего законодательства и судебной практики позволяет выделить актуальную проблему в рамках обеспечения жилищных прав граждан при изъятии жилых помещений для КРТ жилой застройки. Про-

блема заключается в несоразмерности денежного возмещения жилого помещения вследствие законодательной фиксации момента его определения при реализации КРТ жилой застройки.

В частности, согласно ч. 3 ст. 32.1 ЖК РФ установлено, что взамен освобождаемых собственниками своих жилых помещений им предоставляется возмещение, определяемое в соответствии с ч. 7 ст. 32 ЖК РФ на день, предшествующий дню принятия решения о КРТ жилой застройки [2].

Данная норма хоть и направлена на обеспечение формального расчета жилого помещения, но противоречит компенсационной природе возмещения равноценного жилья, гарантированной ч. 3 ст. 35 Конституции [3].

Согласно приказу Минстроя России от 08 декабря 2025 г. № 777/пр «О нормативе стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по Российской Федерации на первое полугодие 2026 года и средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по субъектам Российской Федерации на I квартал 2026 года», средняя рыночная стоимость квадратного метра общей площади жилья в I квартале 2026 г. составила, например, в Костромской области 82 743 руб., в Ивановской области 90 027 руб., а в Ярославской – 91 239 руб. [4].

В соответствии с приказом Минстроя России от 24 марта 2026 г. № 177/пр «О средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по субъектам Российской Федерации на II квартал 2026 года», средняя рыночная стоимость квадратного метра общей площади жилья на II квартал 2026г. выросла в Костромской области на 596 руб. и составила сумму в размере 83 339 руб, в Ивановской области снизилась до 88 080 руб., а в Ярославской области выросла на 3 306 руб. и составила 94 545 руб., по сравнению с I кварталом 2026 г [5].

«Вторичное жилье в крупных российских городах, по итогам 2025 года, подорожало в среднем на 8 % – до 146,9 тысячи рублей за квадратный метр, подсчитали аналитики „Циана“. В 2026 году ожидается увеличения цен предположительно на 8 %, спроса – на 10 %» [9]. В результате повышения рыночной стоимости квадратного метра общей площади жилого помещения, собственник получает денежную сумму, но не являющуюся равноценной для приобретения нового и (или) аналогичного жилья.

В судебном решении Абаканского городского суда Республики Хакасии от 29 июня 2025 г. по делу №2-4579/2024 рассматривался спор об изъятии квартиры площадью 15,9 кв. м., расположенной в многоквартирном доме (далее – МКД), включенном в границы реализации КРТ жилой застройки. Администрация города Абакана (далее – Администрация) настаивала на выкупе жилого помещения по денежной сумме, определенной на день, предшествующий принятию решения о КРТ жилой застройки. На момент проведения судебной экспертизы размер денежного возмещения на 30.04.2024г. составил 1 022 734 руб., однако по результату проведенной судебной экспертизы рыночная стоимость жилья на 14 апреля 2025 г. составила 2 304 701 руб.

Суд установил несоразмерность денежного возмещения суммы 1 022 734 руб. и указал, что собственник имеет право выбора: получить равноценное жилье

или выкуп жилья. Суд удовлетворил встречный иск собственника, обязав предоставить равнозначное жилое помещение, а в иске к Администрации отказал. В иске Администрации о принудительном изъятии жилья с выплатой денежного возмещения собственнику суд отказал [6].

Аналогичную позицию занял Пуровский районный суд Ямало-Ненецкого автономного округа. Районный суд по делу № 2-304/2025, рассмотрев спор об изъятии жилого помещения в рамках КРТ, определил размер денежного возмещения на основании судебной экспертизы, проведенной на дату рассмотрения дела, и «выровнял» временной разрыв между оценкой и изъятием жилья [8].

В решении Абаканского городского суда Республики Хакасии от 15 сентября 2025 г. по делу № 2-4476/2024 рассматривался спор об изъятии жилого помещения площадью 64,0 кв. м., расположенного в МКД, включенном в границы реализации КРТ жилой застройки. Администрация настаивала на выкупе квартиры по денежной сумме, определенной на день, предшествующий принятию решения о КРТ жилой застройки. В ходе судебного разбирательства проводилась повторная судебная экспертиза. По ее результатам было установлено: рыночная стоимость изымаемого имущества на дату проведения экспертизы составила 9 033 235 руб., тогда как размер денежного возмещения на 30 апреля 2024 г. составил 4 099 235 руб. Иск Администрации в части определения денежного возмещения в большем размере был отклонен судом. Право собственности на изымаемое имущество перешло к муниципальному образованию, а застройщик обязан выплатить собственнику 4 099 235 руб. [7].

Проведенный анализ судебной практики позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию жилищного законодательства:

Во-первых, в целях обеспечения реальной равноценности возмещения жилого помещения необходимо изменить момент, на который определяется рыночная стоимость изымаемого жилья. Вместо даты, предшествующей дню принятия решения о КРТ жилой застройки, необходимо установить в качестве определяющей дату, максимально приближенную к моменту фактического прекращения права собственности на такое жилье.

Во-вторых, для предотвращения обесценивания возмещения жилого помещения в период между направления договора о КРТ собственнику и его фактическим подписанием, необходимо закрепить правило обязательной индексации.

Коэффициент индексации должен исчисляться исходя из динамики изменений средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения в соответствующих субъектах РФ, ежеквартально утверждаемого приказами Минстроя.

В-третьих, в целях дополнительной защиты жилищных прав граждан, выбирающих натуральную форму возмещения (получение другого жилья взамен изымаемого), необходимо наделить субъекты РФ правом установления требований к местоположению МКД, в котором будет предоставляться собственнику такое жилое помещение. Это позволит властям учитывать местную специфику и гарантировать, что предлагаемое гражданам новое жилье будет находиться в том населенном пункте или районе, где они проживали ранее.

С учетом изложенного предлагаем внести следующие изменения в ст. 32.1 ЖК РФ:

1) ч. 3 ст. 32.1 ЖК РФ изложить в следующей редакции:

«3. Собственникам жилых помещений в многоквартирных домах, указанных в части 1 настоящей статьи, взамен освобождаемых ими жилых помещений предоставляется равноценное возмещение.

Размер равноценного возмещения определяется по правилам части 7 статьи 32 настоящего Кодекса на день заключения договора, предусматривающего переход права собственности на жилое помещение от собственника к лицу, обеспечивающему реализацию решения о комплексном развитии территории жилой застройки (далее – лицо, обеспечивающее реализацию решения), либо лицу, с которым заключен договор о комплексном развитии территории.

Коэффициент индексации рассчитывается как отношение средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения в соответствующем субъекте Российской Федерации, установленной федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики в сфере строительства, на квартал, в котором заключается договор, к аналогичному показателю, установленному на квартал, в котором было принято решение о комплексном развитии территории жилой застройки.

При отсутствии утвержденного показателя на соответствующий квартал применяется показатель последнего квартала, предшествующего дате определения возмещения.

В случае принудительного изъятия жилого помещения на основании решения суда размер равноценного возмещения определяется на день вынесения решения судом первой инстанции с применением индексации в порядке, установленном абзацем третьим настоящей части. Размер возмещения, подлежащий выплате, не может быть менее размера возмещения, определенного на день принятия решения о комплексном развитии территории жилой застройки»;

2) ч. 4 ст. 32.1 ЖК РФ изложить в следующей редакции:

«4. По заявлению собственника жилого помещения ему предоставляется взамен освобождаемого жилого помещения другое жилое помещение с зачетом его стоимости при определении размера возмещения за изымаемое жилое помещение.

Стоимость предоставляемого жилого помещения определяется на день заключения договора, предусматривающего переход права собственности на жилое помещение.

Нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации могут быть предусмотрены требования к местоположению многоквартирного дома, в котором собственнику предоставляется жилое помещение в соответствии с настоящей частью»;

3) ч. 14 ст. 32.1 ЖК РФ дополнить абзацем вторым следующего содержания:

«При рассмотрении судом требования о понуждении к заключению договора, предусматривающего переход права собственности на жилое помещение,

и об изъятии жилого помещения размер равноценного возмещения определяется судом на день вынесения решения. При этом суд обязан применить положения части 3 настоящей статьи об индексации размера возмещения».

Предлагаемые изменения в ч. 3, ч. 4 и ч. 14 ст. 32.1 ЖК РФ создадут новый правовой механизм обеспечения жилищных прав граждан при изъятии жилого помещения при реализации КРТ жилой застройки, и устранит существующие проблемы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 22 декабря 2004 г. : одобрен Советом Федерации 24 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 23 марта 2026 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 11.04.2026).

2. Жилищный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 22 декабря 2004 г. : одобрен Советом Федерации 24 декабря 2004 г. № 188-Фз (ред. 20 февраля 2026 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 11.04.2026).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11.04.2026).

4. Приказ Минстроя России от 8 декабря 2025 г. № 777/пр «О нормативе стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по Российской Федерации на первое полугодие 2026 года и средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по субъектам Российской Федерации на I квартал 2026 года» // Официальный сайт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/475295/ (дата обращения: 12.04.2026).

5. Приказ Минстроя России от 24 марта 2026 г. № 177/пр «О средней рыночной стоимости одного квадратного метра общей площади жилого помещения по субъектам Российской Федерации на II квартал 2026 года» // Официальный сайт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/ docs/479200/ (дата обращения: 12.04.2026).

6. Решение Абаканского городского суда Республики Хакасия от 15 сентября 2025 г. по делу № 2-4476/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/76C3ObworqVh/ (дата обращения: 12.04.2026).

7. Решение Абаканского городского суда Республики Хакасии от 29 июня 2025 г. по делу № 2-4579/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/2Y1BYvqxfUNv/ (дата обращения: 12.04.2026).

8. Решение Пуровского районного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 10 августа 2025 г. по делу № 2-304/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/qULQgqC5YxH1/ (дата обращения: 12.04.2026).

9. Эксперты рассказали, как подорожала вторичка в России в 2025 году // РИА Недвижимость. 2025. 25 дек. URL: https://realty.ria.ru/20251225/zhile-2064534541.html (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 343.85

Гавришева Дарья Ивановна
студент, Северо-Западный филиал
Российского государственного
университета правосудия им. В. М. Лебедева
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
daria.gavrissheva@yandex.ru

Противодействие органов внутренних дел вовлечению несовершеннолетних в террористическую деятельность

Аннотация. *В статье рассматриваются правовые и организационные основы противодействия органов внутренних дел России вовлечению несовершеннолетних в террористическую деятельность, анализируются нормы российского законодательства в данной сфере. Исследование современных способов вербовки подростков, а также профилактических мер, применяемых правоохранительными органами, позволило выявить ключевые проблемы и предложить пути повышения эффективности деятельности органов внутренних дел в рамках этого направления. Особенно отмечена необходимость увеличения штатной численности сотрудников и повышения их квалификации, обеспечение подразделений современным оборудованием и программными продуктами, расширение интерактивных форм взаимодействия с молодежью, внедрение элементов геймификации в профилактическую работу.*

Ключевые слова: *террористическая деятельность, органы внутренних дел, профилактические мероприятия, вербовка подростков, подразделения по делам несовершеннолетних.*

Gavrisheva Daria Ivanovna
student, North-West branch
V. M. Lebedev Russian State University of Yustice
Saint Petersburg, Russian Federation

Efforts by law enforcement agencies to prevent the involvement of minors in terrorist activities

Annotation. *The article examines the legal and organizational foundations of the internal affairs bodies of Russia to the involvement of minors in terrorist activities, analyzes the norms of Russian legislation in this area. The study of modern methods of recruiting teenagers, as well as preventive measures applied by law enforcement agencies, allows to identify key problems and suggest ways to improve the efficiency of internal affairs bodies. Particular emphasis was placed on the need to increase staffing levels and improve staff skills, to equip departments with modern*

© Гавришева Д. И., 2026

equipment and software, to expand interactive forms of engagement with young people, and to incorporate elements of gamification into preventive work.

Keywords: *terrorist activities, internal affairs bodies, preventive measures, recruitment of teenagers, juvenile affairs units.*

На сегодняшний день терроризм остается одной из самых серьезных угроз для общества. Особую тревогу вызывает то, что преступники все чаще пытаются использовать в своих целях несовершеннолетних, преимущественно подростков. Вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность — это процесс, при котором злоумышленники склоняют подростков к совершению террористических актов или других противоправных действий, направленных на устрашение населения или дестабилизацию работы органов власти. Подростки в силу возраста, незрелости и желания самоутвердиться становятся легкой мишенью для вербовщиков.

Российское законодательство устанавливает строгую ответственность за подобные действия. В Уголовном кодексе РФ есть несколько ключевых статей: статья 205.1 («Содействие террористической деятельности»), статья 205.2 («Публичные призывы к терроризму или его оправдание»), а также статья 150 («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления») [7]. Данные нормы позволяют привлекать к ответственности не только самих исполнителей терактов, но и тех, кто втягивает детей в преступную среду, что важно для предотвращения в дальнейшем новых инцидентов.

В такой ситуации на первый план выходит работа органов внутренних дел. Борьба с вовлечением несовершеннолетних в терроризм требует создания четкой системы профилактических действий, представляющей собой разносторонний подход к решению проблемы.

Безусловно, для обеспечения эффективности работы органов внутренних дел их деятельность должна регламентироваться законом.

Основными нормативно-правовыми актами в контексте рассматриваемого вопроса являются Федеральный закон «О полиции» [5], а также Федеральный закон «О противодействии терроризму» [6], которые устанавливают общие правила борьбы с террористической угрозой, а также роль органов внутренних дел в выявлении и пресечении таких преступлений.

Переходя к сути проблемы, в первую очередь стоит рассмотреть способы, которыми преступники втягивают подростков в террор. Наиболее популярный на сегодняшний день – это вовлечение через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». Это связано с тем, что подростки проводят в соцсетях, мессенджерах и игровых платформах огромное количество времени. Они охотно делятся личными переживаниями, рассказывают о проблемах в семье, финансовых трудностях, и других фактах, которые находятся в открытом доступе для преступников и помогают им выбрать потенциальное лицо для вербовки [3].

Также данная деятельность может осуществляться в образовательных и религиозных учреждениях, где подростки и не только, находящиеся в поиске себя и познающие новую религию, подвергаются влиянию террористических

организаций. Террористы выдают себя за наставников, учителей или «старших товарищей» и постепенно насаждают радикальные взгляды.

В целях предупреждения вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность сотрудниками органов внутренних дел проводится ряд профилактических мероприятий.

Одно из ключевых направлений – работа в школах и других учебных заведениях. Представители органов внутренних дел регулярно проводят с обучающимися беседы, посвященные борьбе с терроризмом. На таких встречах ребятам простыми словами объясняют, что такое терроризм, какая ответственность предусмотрена законом за участие в подобной деятельности, а главное – рассказывают о реальных способах вербовки, которые используют преступники в Интернете.

Кроме того, сотрудники полиции участвуют в крупных молодежных конференциях. Например, сотрудники Центра по противодействию экстремизму (ЦПЭ) УМВД России по Вологодской области совместно с региональным отделением «Движения Первых» проводят такие встречи, где обсуждают профилактику экстремизма и терроризма среди молодых людей [4].

Параллельно органы внутренних дел собирают и передают информацию о лицах, замеченных в связях с террористами или экстремистами. На основе предоставленных ими данных Федеральная служба по финансовому мониторингу формирует специальный Перечень организаций и физических лиц, причастных к экстремистской деятельности или терроризму. Это позволяет блокировать счета вербовщиков и пресекать совершение преступлений.

Особую роль в обнаружении и пресечении преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в террористическую деятельность, играет Главное управление по противодействию экстремизму Министерства внутренних дел Российской Федерации. В рамках своей компетенции это подразделение организует противодействие экстремизму и терроризму, координирует деятельность территориальных органов МВД и налаживает взаимодействие с другими федеральными и региональными ведомствами. Для этого сотрудники Главного управления и его подразделений на местах (Центров по противодействию экстремизму) проводят комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на своевременное выявление террористических угроз [2].

В эту работу входит и мониторинг интернета. Специалисты отслеживают сайты, форумы, социальные сети, мессенджеры и игровые платформы, чтобы выявить подозрительные страницы, группы или материалы, которые пропагандируют экстремизм и терроризм или призывают к участию в такой деятельности. Это позволяет фиксировать противоправную информацию и вовремя пресекать ее распространение. Кроме того, подразделения регулярно проводят оперативно-профилактические операции, нацеленные на нейтрализацию попыток вовлечения молодежи в деструктивную среду.

Так, сотрудники Центра по противодействию экстремизму ГУ МВД России по Ставропольскому краю совместно с коллегами из регионального УФСБ выявили и пресекли противоправную деятельность 17-летнего жителя города Михайловска. Оперативные сотрудники установили, что в августе 2023 года

молодой человек создал в популярном мессенджере канал и связанный с ним чат, где разместил серию публикаций, пропагандирующих идеологию террористической организации, запрещенной на территории России. По заключению психолого-лингвистической экспертизы, эти материалы содержали признаки пропаганды терроризма и побуждения к насильственным действиям [1]. В отношении задержанного было возбуждено уголовное дело по статье 205.5 Уголовного кодекса РФ, и он был заключен под стражу [7].

Однако, несмотря на принимаемые меры, деятельность органов внутренних дел по противодействию вовлечению несовершеннолетних в террористическую деятельность сталкивается с рядом сложностей, требующих постоянного совершенствования методов и средств.

Одной из ключевых проблем является высокая сложность отслеживания экстремистских материалов, распространяемых в интернете. Выявить умышленный поиск противоправного контента крайне сложно из-за отсутствия в законодательстве четких и однозначных критериев. Даже при получении физического доступа к устройству лица возникает необходимость доказать злонамеренность его действий и то, что он искал информацию осознанно, а не случайно перешел по ссылке. Хотя для мониторинга интернета используются автоматизированные системы, позволяющие повысить скорость поиска противоправного контента, их применение также требует дальнейшей доработки.

Вторая значительная проблема – недостаточная налаженность межведомственного взаимодействия. Эффективная защита несовершеннолетних от вербовщиков требует тесной координации усилий органов внутренних дел с Федеральной службой безопасности России, органами опеки и попечительства и образовательными учреждениями. В научной литературе подчеркивается, что все подразделения полиции и внутренней службы должны действовать согласованно, а изменения в первую очередь должны коснуться служб, на которые возложен основной объем задач по профилактике правонарушений несовершеннолетних – участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних. На практике эффективность такой координации не всегда достаточна, что снижает скорость реагирования на выявленные угрозы.

Также возникает проблема, связанная со сложностью донесения информации до несовершеннолетних в понятной форме в процессе проведения профилактических мероприятий. Традиционные лекции и беседы не всегда достигают цели, поскольку подростки могут просто не воспринимать предупреждения всерьез, что в разы снижает эффективность проводимых мероприятий.

Для преодоления указанных проблем предлагается ряд мер. В первую очередь, необходимо увеличение штата сотрудников, работающих в цифровой сфере. Речь идет о специалистах, умеющих не только проводить мониторинг, но и выявлять потенциальных вербовщиков, представляющих реальную опасность для пользователей. Важным направлением является регулярное повышение квалификации действующих сотрудников по программам, направленным на противодействие правонарушениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. Такое обучение позволит им лучше ориентироваться в современных угрозах, овладеть методами выявления и пре-

дотвращения киберпреступлений, а также формировать культуру безопасной работы в цифровой среде. Параллельно требуется обеспечение подразделений современным оборудованием и специализированным программным обеспечением.

Немаловажным аспектом является совершенствование механизмов быстрого обмена материалами, необходимыми для выявления причастности лиц к террористической деятельности или ее пропаганде. Это касается как налаживания более эффективного взаимодействия между различными подразделениями МВД, так и ускорения межведомственного документооборота с ФСБ, Роскомнадзором и другими государственными структурами.

Что же касается непосредственной работы с молодежью, вместо скучных лекций целесообразно делать упор на практически ориентированные конкурсы и мероприятия, в ходе которых подростки могли бы не только ознакомиться с особенностями современных террористических угроз и ответственностью за участие в такой деятельности, но и предложить свои варианты мер противодействия. Наиболее эффективно зарекомендовали себя интерактивные формы, такие как профилактические игры, где специалисты моделируют разнообразные опасные ситуации, проверяя умение подростков принимать обоснованные решения в условиях риска. Такой подход позволяет не просто проинформировать, а научить ребят самостоятельно анализировать сложные ситуации и действовать осознанно, что является бесценным навыком в современном мире. Важно также вовлекать в этот процесс не только детей, но и их родителей, а также использовать потенциал общественных организаций и волонтерских движений для более широкого охвата молодежной аудитории.

Таким образом, проблема вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность является довольно распространенной, поскольку подростки являются легкой мишенью для вербовщиков, активно использующих Интернет и другие каналы. Органы внутренних дел России на основе законодательства проводят профилактическую и оперативно-розыскную работу, однако существуют серьезные трудности, которые требуют конкретного и последовательного решения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. В Ставропольском крае оперативниками задержан местный житель, подозреваемый в пропаганде запрещенной идеологии. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_po_protivodejstviju_j/Publikacii_i_vistuplenija/item/66345835/ (дата обращения: 02.04.2026).

2. Главное управление по противодействию экстремизму. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_po_protivodejstviju_j (дата обращения: 30.03.2026).

3. Мошенники и террористы вербуют детей через игровые платформы: как защитить ребенка от беды. URL: /https://www.kp.ru/daily/27761.5/5190705/?ysclid=mm9g57pofi207911272 (дата обращения: 27.03.2026).

4. Сотрудники ЦПЭ УМВД России по Вологодской области во взаимодействии с руководством регионального отделения «Движение Первых» приняли участие в молодежной конференции по профилактике экстремизма. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_po_protivodejstviju_j/Publikacii_i_vistuplenija/item/59247682/ (дата обращения: 29.03.2026).

5. Федеральный закон от 07февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г.) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

6. Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 28 февраля 2025 г.) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

УДК 347.963

Иванова Алёна Александровна
студент, Санкт-Петербургский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ivanova.alena2004@icloud.com

К вопросу об эффективности правовых механизмов осуществления прокурорского надзора в экологической сфере

Аннотация. *В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты прокурорского надзора за соблюдением экологического законодательства в Российской Федерации. Проанализированы правовые инструменты реагирования на правонарушения в сфере экологии: представление, протест, предостережение, иск и выявлены системные проблемы прокурорского надзора в экологической сфере: недостаточная профильная подготовка прокуроров, сложности доказывания причинно-следственных связей между действиями (бездействием) хозяйствующих субъектов и наступившими негативными изменениями окружающей среды, трудности взыскания денежных средств в возмещение экологического вреда, а также дублирование функций и подмена деятельности специализированных контрольно-надзорных органов прокуратурой.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор, экологическое законодательство, возмещение экологического вреда, природоохранная прокуратура, экологическая безопасность.*

Ivanova Alena Aleksandrovna
student, Saint Petersburg institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice
Saint Petersburg, Russian Federation

On the issue of the effectiveness of legal mechanisms for implementing prosecutorial supervision in the environmental sphere

© Иванова А. А., 2026

Annotation. *The article examines the theoretical and practical aspects of prosecutorial supervision over compliance with environmental legislation in the Russian Federation. It analyzes the legal instruments for responding to environmental offenses: representation, protest, warning, and lawsuit, and identifies systemic problems in prosecutorial supervision in the environmental sphere, namely: insufficient professional training of prosecutors, difficulties in proving causal relationships between the actions (or inaction) of economic entities and the ensuing adverse environmental changes, challenges in recovering monetary damages as compensation for environmental harm, as well as duplication of functions and the substitution of specialized regulatory and supervisory bodies by the prosecutor's office.*

Keywords: *prosecutorial supervision, environmental legislation, compensation for environmental harm, environmental prosecutor's office, environmental safety.*

В статье 42 Конституции Российской Федерации закрепляется право каждого на благоприятную окружающую среду, фактическая реализация которого представляется невозможной без системного и последовательного прокурорского надзора. На фоне ухудшающейся экологической обстановки, роста техногенных угроз и недостаточной эффективности деятельность государственных органов, уполномоченных в сфере контроля за соблюдением природоохранного законодательства, именно прокуратура становится ключевым звеном в обеспечении законности природопользования.

Прокурорский надзор в рассматриваемой сфере – это соответствующая надзорная деятельность органов прокуратуры и складывающиеся в ходе этой деятельности правоотношения, в рамках которых прокуроры обеспечивают верховенство соответствующих положений Конституции Российской Федерации, наблюдают за соблюдением экологических норм (федеральных и региональных) и отстаивают право граждан на благоприятную окружающую среду.

Как справедливо отмечает Н. О. Володенкова, «предмет участия органов прокуратуры в осуществлении надзора за исполнением законов в экологической сфере представляет собой надзорную и иную определенную законом деятельность органов прокуратуры, направленную на обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации, соблюдение различных законов, действующих на территории Российского государства, защиту прав и свобод человека и гражданина, охрану интересов общества и государства» [2, с. 168]. Данная дефиниция подчеркивает универсальный и всеобъемлющий характер прокурорского надзора в исследуемой сфере, не ограниченного в отличие от деятельности иных государственных контролирующих органов пределами локальной ведомственной компетенции.

Нормативно-правовую основу рассматриваемого направления прокурорско-надзорной деятельности формируют Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», а также ведомственные акты, среди которых ключевое значение имеет Приказ Генерального прокурора РФ от 15 апреля 2021 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере». Именно этот документ определяет приоритетные направления надзорной деятельности: охрану атмосферного воздуха, водных объектов, лесов, недр, особо охраняемых

природных территорий, а также обеспечение экологически безопасного обращения с отходами. При этом, как подчеркивают специалисты, эффективность прокурорского надзора напрямую зависит от знания прокурором экологической обстановки, поскольку именно достоверная информация об основных показателях, характеризующих состояние окружающей среды, позволяет осуществлять возложенные на органы прокуратуры полномочия своевременно и надлежащим образом [4, с. 108–111].

Прокурорский надзор в экологической сфере реализуется через представление, протест и предостережение [3, с. 30–31].

Представление об устранении нарушений закона является императивным актом, направляемым в адрес поднадзорного субъекта, допустившего нарушение природоохранного законодательства. Оно инициирует процедуру восстановления нарушенных экологических прав и влечет привлечение виновных к дисциплинарной ответственности.

Протест приносится на нормативный или индивидуальный правовой акт, противоречащий экологическому законодательству. Данный инструмент позволяет в досудебном порядке блокировать реализацию незаконных решений, обязывая поднадзорного субъекта, издавшего противоправный акт, привести его в соответствие с законом либо отменить.

Предостережение о недопустимости нарушения закона применяется при наличии сведений о готовящихся противозаконных действиях. Эта профилактическая мера направлена на предотвращение причинения поднадзорными субъектами вреда окружающей среде, применяемая на стадии подготовки ими противоправного деяния и предполагающая привлечение таких субъектов к ответственности только в случае неисполнения ими требований, изложенных в указанном предостережении.

Системная проблема прокурорского надзора в экологической сфере – дефицит экологических знаний у прокуроров. Природоохранное право является межотраслевым, некодифицированным, находящимся в состоянии перманентного изменения. В данной связи профильная специализированная подготовка прокурорских работников в области квалификации экологических правонарушений представляется более чем актуальной.

Указанная проблема подтверждается судебной практикой, в частности решением Новосибирского районного суда Новосибирской области от 11 августа 2025 г. по делу № 2-2544/2025, где судом рассматривалось дело по иску прокуратуры о взыскании ущерба, причиненного почвенному покрову и водному объекту – реке Амба в результате ее загрязнения навозосодержащими стоками, к агропромышленному предприятию АО «Кудряшовское». В процессе судебного разбирательства были вскрыты существенные дефекты доказательственной базы, а именно: неподтвержденность расчетных показателей загрязнения и неточности при определении площади нарушенных земель. Удовлетворение исковых требований стало возможным лишь после проведения объективной судебной экологической экспертизы [5].

Эффективность прокурорского надзора в экологической сфере напрямую зависит от привлечения независимых специалистов-экологов и систематическо-

го повышения квалификации самих прокурорских работников. Как справедливо отмечают исследователи, именно тесное взаимодействие прокуроров с научно-исследовательским сообществом и профильными специалистами укрепляет доказательственную базу минимизирует риски оспаривания расчетов ущерба в суде и способствует принятию обоснованных процессуальных решений [1, с. 42–43]. Последовательная реализация данных мер позволит трансформировать прокурорский надзор из формально-контрольной функции в качественно новый инструмент защиты экологических прав, способный оперативно реагировать на современные вызовы в сфере природопользования и обеспечивать незыблемость конституционных гарантий права граждан на благоприятную окружающую среду.

Даже при условии четкого разграничения полномочий и выстраивания эффективного межведомственного взаимодействия прокурорская деятельность в экологической сфере неизбежно сталкивается с процессуальными и методическими барьерами на стадии возмещения причиненного природе ущерба. Одной из наиболее острых системных проблем остается сложность взыскания экологического вреда в судебном порядке. Действующее законодательство не закрепляет единой универсальной методики расчета ущерба, что порождает противоречивую правоприменительную практику: суды нередко отклоняют или существенно корректируют исковые требования прокуроров из-за недостаточной обоснованности заявленных сумм, опирающейся на устаревшие или узкоспециализированные ведомственные нормативы. Кроме того, доказывание причинно-следственной связи между действиями хозяйствующего субъекта и наступившими негативными последствиями требует проведения дорогостоящих комплексных экспертиз, привлечения узкопрофильных специалистов и значительных временных затрат.

Разрешение подобных ситуаций требует комплексного совершенствования нормативно-методической базы и организационных механизмов прокурорской работы. В первую очередь, необходимо инициировать разработку и утверждение на федеральном уровне единых, научно обоснованных методик расчета экологического вреда, которые учитывали бы современные технологии рекультивации, региональные особенности экосистем и принцип полного возмещения ущерба, а не только прямых затрат на ликвидацию последствий. Параллельно целесообразно создавать при региональных прокуратурах постоянные экспертно-аналитические группы с привлечением независимых экологов, почвоведов, гидрологов и судебных экспертов-оценщиков, что позволит готовить исковые заявления с безупречной доказательственной базой. Особую значимость приобретает активное использование инструментов административного судопроизводства по КАС РФ для оперативного понуждения нарушителей к устранению последствий и возмещению вреда, минуя затяжные процедуры гражданского процесса. Как подчеркивается в современных исследованиях прокурорской практики, именно сочетание унифицированных методик расчета ущерба и досудебного экспертного сопровождения позволяет минимизировать риски оспаривания исков в суде и обеспечить реальное восстановление нарушенных экологических прав граждан [6, с. 152].

Реализация этих мер превращает судебную защиту из формальности в реальный инструмент экологической реабилитации, но ее успех зависит от слаженности всех участников означенных процедур, что обуславливает необходимость четкого межведомственного взаимодействия и наличия высокой квалификации контролирующих и надзирающих должностных лиц в соответствующей области.

Анализ практики прокурорского надзора в сфере экологии показывает, что имеющийся в распоряжении прокурорских работников надзорный инструментарий достаточно широк и разнообразен. Однако эффективность его применения снижает ряд системных проблем, одной из которых, помимо указанных выше, является размывание границ полномочий органов прокуратуры и иных государственных органов, призванных осуществлять контрольные функции в области обеспечения безопасности окружающей среды. В этих обстоятельствах прокуроры фактически вынуждены подменять соответствующие контролирующие органы. Это приводит к неоправданному дублированию контрольно-надзорной деятельности, десинхронизации компетенций и необоснованному расходованию финансовых и материальных ресурсов государства. Одновременно с этим, как уже было отмечено, в органах прокуратуры остро не хватает специалистов, способных работать с межотраслевым природоресурсным правом, квалифицированно формировать доказательственную базу, обосновывающую предъявляемые прокурорами исковые требования, осуществлять эффективное взаимодействие с государственными контролирующими органами, специалистами и экспертами в области обеспечения экологической безопасности.

В заключение следует отметить, что для укрепления законности в данной сфере представляется необходимым последовательное осуществление перехода от ситуативного прокурорского реагирования к превентивному, упреждающему надзору.

Для достижения этой цели надлежит внедрить в образовательные программы обучения и повышения квалификации будущих и действующих прокурорских работников природоохранные модули, усилить специализированные природоохранные прокуратуры высококвалифицированными кадрами, разработать и ввести в действие регламенты межведомственного взаимодействия государственных контролирующих органов и прокуратуры, а также механизмы координации их деятельности с научно-исследовательским и экспертным сообществом.

Только такой подход способен превратить прокурорский надзор не в инструмент ликвидации последствий экологических бедствий и компенсации причиненного ими вреда, а в действенный механизм предотвращения экологических угроз и надежную гарантию обеспечения конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булгакова Л. С., Гуреева О. А., Кабанова М. Б., Лавров В. В. Актуальные вопросы прокурорского надзора в экологической сфере : учеб. пособие /

под ред. В. В. Лаврова. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. 60 с.

2. Володенкова Н. О. Прокурорский надзор за исполнением законов в экологической сфере // Молодой ученый. 2022. № 17 (412). С. 167–169.

3. Ермаченко С. В. Особенности прокурорского надзора в сфере охраны окружающей среды // Искусство правоведения. 2024. № 3. С. 29–36.

4. Марихова Н. Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 1(17). С. 108–111.

5. Решение № 2-2544/2025 от 11 августа 2025 г. по делу № 2-2544/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/W2m2cCW7pwra/ (дата обращения: 24.04.2026).

6. Усов А. Ю. Предъявление прокурором искового заявления о возмещении вреда, причиненного окружающей среде в результате предпринимательской и иной экономической деятельности // Роль прокуратуры в построении правового государства: история и современность : сб. ст. по материалам науч.-практ. круглого стола / отв. ред. Е. Ю. Антонова. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2022. С. 150–153.

УДК 347.77

Богачева Екатерина Александровна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
katya.bogacheva.44@mail.ru

Подходы к распределению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием технологий искусственного интеллекта: анализ пользовательских соглашений российских правообладателей

Аннотация. *Статья посвящена анализу пользовательских соглашений и условий пользования сервисами искусственного интеллекта, принадлежащим российским компаниям-правообладателям, которые применяются пользователями для генерации результатов интеллектуальной деятельности. В статье представлены существующие в теории и практике подходы к регулированию распределения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом. Автор анализирует варианты достижения баланса интересов между пользователями нейросети и ее правообладателем применительно к каждому из практических подходов, а также выделяет наиболее подходящий из них для возможного закрепления в российском законодательстве.*

Ключевые слова: *результаты интеллектуальной деятельности, искусственный интеллект, пользователь, правообладатель сервиса, простая (неисключительная) лицензия.*

© Богачева Е. А., 2026

Bogacheva Ekaterina Aleksandrovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Approaches to the distribution of exclusive rights to the results of intellectual activity created using artificial intelligence technologies: analysis of user agreements of Russian copyright holders

Annotation. *The article is devoted to the analysis of user agreements and terms of use of artificial intelligence services owned by Russian copyright holders, which are used by users to generate the results of intellectual activity. The article presents the approaches existing in theory and practice to regulating the distribution of exclusive rights to the results of intellectual activity created by artificial intelligence. The author analyzes the options for achieving a balance of interests between users of the neural network and its copyright holder in relation to each of the practical approaches, and also identifies the most appropriate one for possible consolidation in Russian legislation.*

Keywords: *results of intellectual activity, artificial intelligence, user, copyright holder of the service, simple (non-exclusive) license.*

С каждым годом растет количество лиц, использующих нейросети, в том числе для создания результатов интеллектуальной деятельности. Согласно данным акционерного общества «Коммерсантъ» совокупный трафик на ИИ-сервисы вырос почти в шесть раз за девять месяцев в 2025 году [4]. При этом еще в 2024 году «Нейростат» представил статистику, которая указывает, что по состоянию на июнь число пользователей, которые создавали с помощью нейросетей тексты, увеличилось с 24 до 33 %, изображения – с 26 до 28 %. Наиболее популярным применением данной технологии является написание текста (название бренда, рекламное объявление, сказка, текст песни и т. д.), генерация изображения – создание изображения по текстовому запросу (логотип, иконка, рекламный баннер, дизайны интерьера, интерфейса и упаковки и т. д.), что указывает на потребности пользователей в создании результата интеллектуальной деятельности с помощью искусственного интеллекта, многие из которых в дальнейшем применяются в коммерческих целях (например, рекламное объявление и баннер, дизайн упаковки) [6].

Создание результатов интеллектуальной деятельности с помощью искусственного интеллекта подтверждается исследованием сервиса Литрес, выявившим, что 54 % авторов используют искусственный интеллект в процессе написания книг (литературных произведений, относящихся к объектам авторских прав) [5].

Указанные данные свидетельствуют об актуальности вопроса использования искусственного интеллекта для создания результатов интеллектуальной деятельности, который не в полной мере регламентируется законодательством и вызывает дискуссии как теоретиков, так и правоприменителей.

Представленная ситуация порождает самые разные мнения по вопросу о распределении исключительных прав: охрана созданных искусственным интеллектом объектов институтом смежных прав; закрепление обязанности обо-

значать такие объекты специальным знаком, маркировкой [1, с. 2]; признание исключительного права на указанные объекты за программистом, создавшим программу для ЭВМ, функционирующую с применением технологий искусственного интеллекта, либо за правообладателем, если программист передал ему исключительное право; признание за разработчиком искусственного интеллекта только исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности; исключительное право на сгенерированные объекты принадлежит пользователю, с участием которого они были созданы; права на подобные объекты признаются за искусственным интеллектом; концепция «фиктивного авторства», которая предполагает оценку вклада каждого из причастных к обеспечению функционирования искусственного интеллекта, что позволит в каждом конкретном случае признать исключительные права за программистом, пользователем, лицом, предоставившим все условия для работы искусственного интеллекта [3].

К. Дьяков, старший юрист MTS AI, приходит к следующему выводу по данному вопросу: «…в тех случаях, когда объект создается (генерируется) силами исключительно искусственного интеллекта, он не может рассматриваться в качестве авторского произведения и регулироваться законодательством об интеллектуальной собственности. А если искусственный интеллект используется как техническое средство, благодаря которому был создан объект, то такое произведение может считаться авторским и регулироваться законодательством об интеллектуальной собственности» [2].

В российской практике применяются несколько подходов к регулированию вопроса о распределении исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с помощью нейросетей. Каждый из них устанавливается пользовательскими соглашениями об использовании сервисов или тому подобными актами. Поскольку значительное количество подобных соглашений имеет сходные условия, это позволяет выделить некоторые общие черты подхода к интеллектуальной собственности на сгенерированные искусственным интеллектом объекты.

В данной работе представлены результаты анализа следующих соглашений: пользовательское соглашение об использовании сервиса GigaChat (параграф 5) [8], условия использования сервиса «Шедеврум» (параграф 3) [13], пользовательское соглашение об использовании сервиса Kandinsky (пункты 1.6, 1.10 параграфа 1 и параграф 5) [10], пользовательское соглашение об использовании сервиса GitVerse (параграф 7) [9].

Изучение содержания указанных соглашений позволяет сделать следующие обобщения:

1. Исключительные права на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, включенные в сервис, включая программное обеспечение, дизайн, алгоритмы, заложенные в основу функционала сервиса, отдельные элементы сервиса, части сервиса и/или его функционала принадлежат компании-правообладателю.

2. Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности принадлежат пользователю. Прямое указание на данное правило можно найти в пунктах 1.10 и 5.7 пользовательского соглашения об использовании сервиса

Kandinsky [10], в пункте 6.2 Соглашения об использовании сервиса GigaChat для физических лиц [8]. В остальных соглашениях указывается на предоставление пользователем компании с момента создания произведения простой (неисключительной) безотзывной, безвозмездной лицензии на использование сгенерированного контента в течение всего срока действия исключительного права на территории всего мира. Из данного пункта следует, что именно пользователю принадлежат исключительные права на результат интеллектуальной деятельности, так как указанный пункт регламентирует распоряжение пользователем исключительным правом. Соответственно, российские компании признают исключительное право на объекты за пользователем нейросети.

При этом указанная лицензия предполагает такие действия, как воспроизведение, хранение, распространение, сублицензирование, доведение до всеобщего сведения, публичный показ, переработка (модификация), использование в рекламных, маркетинговых, информационных материалах.

3. Существуют ограничения для пользователя в случае распространения сгенерированного контента.

В пользовательских соглашениях об использовании сервисов Kandinsky [10] и GigaChat [8] указано, что при распространении пользователем результата интеллектуальной деятельности он обязан указывать его имя и фамилию, а также размещать на экземплярах сгенерированного контента информацию об использовании сервиса при его создании (пункты 5.4 соглашений). При этом в пунктах предусматривается возможность установления обязательных правил и инструкций по маркировке и/или атрибуции отдельных видов объектов.

Условия использования сервиса «Шедеврум» [13] устанавливают возможность использования сгенерированного контента только в личных некоммерческих целях. Если же пользователь желает применить объекты в коммерческой деятельности, то ему необходимо получить предварительное согласие Яндекса.

Указанный подход содержит положения, обеспечивающие определенный баланс сторон, так как предполагает возможности использования результата интеллектуальной деятельности как пользователем, так и правообладателем с определенными преимуществами для каждого из них.

Существуют также иные подходы к интеллектуальной собственности, сгенерированной искусственным интеллектом.

Первый предполагает принадлежность прав на результат интеллектуальной деятельности компании. Подобный подход закреплен в условиях использования сервиса «Ответы Поиска с Алисой» [12]. В них указывается, что Яндексу и иным правообладателям принадлежат все права не только на сервис и технологию, но и на запросы и ответы «Поиска с Алисой». При этом пользователю предоставляется право использовать сервис, а также размещенные на нем запросы и ответы «Поиска с Алисой» способами, не противоречащими условиям. Вместе с тем, устанавливается запрет на копирование, воспроизведение, переработку, распространение, доведение до всеобщего сведения запросов и ответов «Поиска с Алисой» без предварительного согласия Яндекса. Указанный подход в меньшей степени обеспечивает права пользователя, так как его ис-

пользование сгенерированного контента очень ограниченно. Большую часть действий с объектом он может осуществлять только с согласия правообладателя сервиса.

Второй подход предполагает предоставление пользователю простой (неисключительной) лицензии за вознаграждение. В отличие от первого похода, в данном случае получать разрешение на использование результатов интеллектуальной деятельности способами, указанными в лицензии, не требуется. Подобный подход закрепляется в пользовательском соглашении Экосистемы «Кэмп» (пункт 2) [11]. Более подробно содержание простой (неисключитльной) лицензии раскрывается в правилах использования сервиса «Модуль решения задач» (пункт 10). В качестве способов использования пользователем результатов интеллектуальной деятельности указываются его копирование, воспроизведение, перевод или другая переработка. При этом закрепляется, что в случае переработки создается новый результат интеллектуальной деятельности, все права на который принадлежат пользователю. Указанный подход в большей степени, чем первый, обеспечивает баланс интересов, так как пользователю предоставляется комплекс правомочий в рамках лицензии, на осуществление которых ему не требуется получить согласие. Однако следует учитывать, что в пользовательском соглашении предполагается предоставление пользования сервисом за плату. В данном случае также проявляется перекос в обеспечении интересов в сторону правообладателя сервиса, при том, что пользователь осуществляет использование сервисом за плату.

Третий подход нашел отражение в зарубежной практике, его можно наблюдать в договоре оказания услуг (публичной оферте) [7], который предлагает заключить компания из Латвии. Данное соглашение предполагает оплату пользователем услуг, заключающихся в предоставлении пользователю доступа к Syntx AI. При этом договор предусматривает принадлежность всех исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности пользователю, а также запрет их использования исполнителем (компанией) без предварительного согласия пользователя. Этот подход представляется более справедливым, чем второй, так как в данном случае за плату пользователь получает возможность пользоваться сервисом, при этом, в отличие от второго подхода, все исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности принадлежат пользователю. В данном случае интересы правообладателя сервиса обеспечиваются за счет внесения соответствующей платы, а пользователя – за счет отсутствия ограничения для использования результатов интеллектуальной деятельности пользователем.

На наш взгляд, наиболее правильной является концепция «фиктивного авторства», так как она предполагает возможность признания исключительных прав за разными лицами в зависимости от их вклада в создание произведения. Однако закрепление данного положения в законе может повлечь некоторые проблемы, так как вклад каждого из лиц в конкретном случае является оценочным. В связи с тем, что разработка исчерпывающих объективных критериев для признания вклада того или иного лица достаточным для утверждения за ним прав на результат интеллектуальной деятельности представляется невозмож-

ной, потребуется наличие лица, осуществляющего эту оценку. Поскольку судебная форма защиты прав в настоящее время все еще более распространена, чем внесудебная, введение в Гражданский кодекс РФ концепции «фиктивного авторства» может повлечь увеличение нагрузки на судебную систему в связи с возникающими спорами между пользователями и правообладателями сервисов (компаниями).

Исходя из этого, наиболее логичным представляется закрепление в законодательстве уже существующего подхода, применяемого российскими компаниями на практике. Самым удачным из них является тот, что нашел отражение в пользовательских соглашениях об использовании сервисов GigaChat, GitVerse, Kandinsky. Данный подход предполагает принадлежность всех прав на результат интеллектуальной деятельности пользователю с предоставлением компании простой (неисключительной) лицензии и ограничением его права использования в виде указания, что результат интеллектуальной деятельности создан с использованием этого сервиса. Он представляется наиболее правильным, так как обеспечивает баланс интересов сторон: пользователю принадлежит исключительное право, пользование сервисом осуществляется бесплатно, а правообладатель сервиса получает бесплатную рекламу при распространении пользователем сгенерированного контента, а также может использовать объекты в своих целях (указанных в лицензии).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зыков С. В. Смежные права как режим охраны результатов, созданных искусственным интеллектом. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 05.04.2026).

2. Скан О. Нейросети против людей. Кто является собственником цифровых произведений. URL: https://www.garant.ru/article/1799577/?ysclid=mnlwzhrwch748806605 (дата обращения: 05.04.2026).

3. Кухно М. О. Искусственный интеллект – новый субъект авторского права: недалекое будущее или фикция? URL: https://ipcmagazine.ru/articles/1729283/?ysclid=mnlkmeacx 3650282811 (дата обращения: 05.04.2026).

4. Телекоммуникации. URL: https://www.kommersant. ru/doc/8231573 (дата обращения: 05.04.2026).

5. Новости. URL: https://www.litres.ru/company/news/14207/ (дата обращения: 05.04.2026).

6. Статистика знания и использования генеративных нейросетей. URL: https://ya.ru/ai/stat?ysclid=mnlmmwyn4y25058627 (дата обращения: 05.04.2026).

7. Договор оказания услуг (публичная оферта). URL: https://syntx.ai/public-offer/ (дата обращения: 05.04.2026).

8. Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat. URL: https://developers.sber.ru/docs/ru/policies/gigachat-agreement/individuals?ysclid=mnlxb693tm628638377 (дата обращения: 05.04.2026).

9. Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GitVerse. URL: https://gitverse.ru/blog/files/polzovatelskoe-soglashenie.pdf?ysclid=mnlxbjmx9v57289469 (дата обращения: 05.04.2026).

10. Пользовательское соглашение об использовании Сервиса Kandinsky. URL: https://heroes.gorkyfilmfond.ru/terms-of-use (дата обращения: 05.04.2026).

11. Пользовательское соглашение Экосистемы Кэмп. URL: https://kampus.ai/public/docs/policies/kampus_plus_terms_policy_clients.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

12. Условия использования сервиса Ответы Поиска с Алисой. URL: https://yandex.ru/legal/yaneurum/ru/?ysclid=mnlxgizzyt626712074 (дата обращения: 05.04.2026).

13. Условия использования сервиса Шедеврум. URL: https://yandex.ru/legal/shedevrum_termsofuse/ru/?ysclid=mnlxgx9qkj55179278 (дата обращения: 05.04.2026).

УДК 343.24

Чубриков Никита Николаевич
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
nchub99@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Ретроспективный анализ назначения наказания за неоконченное преступление в российском праве и возможные пути его реформирования

Аннотация. *В настоящей статье осуществляется подробный и всесторонний анализ нормативно-правовых актов, ранее регулировавших назначение наказания за совершение неоконченного преступления в обширной истории российского права. Особое внимание уделяется анализу Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в редакции 1885 года, а также Уголовного кодекса РСФСР 1960 года. На основании проанализированных ранее действовавших уголовно-правовых норм предлагаются возможные пути законодательного реформирования действующего Уголовного кодекса Российской Федерации в области назначения наказания за совершение неоконченного преступления.*

Ключевые слова: *преступление, покушение, приготовление, наказание, историко-сравнительный анализ, ответственность, неоконченное преступление.*

© Чубриков Н. Н., Евстегнеев А. С., 2026

Chubrikov Nikita Nikolaevich
undergraduate, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich
candidate of legal sciences, associate professor
associate professor of the department of judicial
and law enforcement activities
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

A retrospective analysis of punishment for unfinished crimes in Russian law and Possible Paths for Reform

Annotation. *This article analyzes the legal framework governing sentencing for unfinished crimes throughout the history of Russian law. Based on the analyzed provisions, potential paths for reforming the current Criminal Code of the Russian Federation regarding sentencing for unfinished crimes are proposed.*

Keywords: *crime, attempt, preparation, punishment, intent, historical and comparative analysis, Criminal Code, liability, unfinished crime.*

Анализ источников российского права обусловливает вывод о том, что вопросам назначения наказания за неоконченное преступление традиционно уделялось значительное внимание.

Нормы, регулирующие назначение наказания за совершение неоконченного преступления, существовали во многих нормативно-правовых актах на протяжении всей истории российского права. Первые упоминания о назначении наказания за неоконченное преступления можно обнаружить в договоре Руси с Византией 944 года, в дальнейшем упоминания о исследуемом институте располагаются в Русской правде 1016 года, Соборном уложении 1649 года, Воинском артикуле Петра I, Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и его последующих редакциях, а также в нормативно-правовых актах Советского Союза и РСФСР.

Действующим Уголовным кодексом Российской Федерации устанавливается, что уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса за оконченное преступление [4].

Наказание за совершение покушения на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса за оконченное преступление [4].

Таким образом, историко-сравнительный анализ развития уголовного права в России позволяет сделать вывод о том, что институт неоконченного

преступления существует довольно давно. Нормы, устанавливающие наказание за неоконченное преступление, можно обнаружить в законодательстве Древней Руси.

Как отмечалось ранее, нормы устанавливающие наказание за неоконченное преступление можно найти еще в договоре Руси с Византией 944 года, в статье 5 которого указывалось следующее «аще ли кто покусится от Руси взяти что от людии цесарьства нашего, иже то сворить, покажнен будетъ вельми» [1, с. 32].

Первый письменный свод законов Киевской Руси, называвшийся Русская Правда 1016 года также предусматривал наказание за начатое, но неоконченное преступное деяние, а именно статья 24 гласила: «если кто вынет меч, но не ударит, то платит гривна кун», а также в соответствии со статьей 30 Русской Правды за удар мечом не повлекший смерть потерпевшего, было положено выплатить 3 гривны [2, с. 23].

Следующим историческим памятником российского права, устанавливающим наказание за неоконченное преступление, является Соборное уложение 1649 года, в котором положениями статьи 8 главы 22 предусматривалось наказание за совершение покушения на преступление, а именно: «А будет чей-нибудь человек помыслит смертное убийство на того, кому он служит или против его вымет какое оружье, хотя его убити, и ему за такое его дело отсечь рука» [3, с. 141].

Очередным источником права, предусматривающим наказание за неоконченное преступление был Воинский артикул, Петра Первого 1715 года, который оказал особое влияние на развитие законодательства об ответственности за неоконченное преступление. Так, в артикулах указывалось на конкретные случаи неоконченных преступлений и какое наказание может быть назначено за их совершение. Например, артикулом 185 устанавливалось наказание за совершение неоконченной кражи, а именно: «Також ежели вор, правда, ворветца в намерении украсть, но и в том пойман или отогнан, или помешает ему кто, что ничего с собою не унес, оного також шпицрутенами полегче наказать надлежит» [3, с. 196].

Как нам представляется, значимым нормативным правовым актом в становлении исследуемого института можно назвать Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., являющееся одним из первых кодифицированных нормативных правовых актов России. Здесь следует обратить особое внимание на анализируемое Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 года.

В главе III Уложения под заголовком: «О определении наказания по преступлениям» содержалось предписание о возможном привлечении к уголовной ответственности виновного за обнаружение умысла на совершение преступления, за подготовку к совершению преступления, за покушение на преступление. При этом за покушение на преступление, в зависимости от завершенности выполненных общественно опасных действий, законодатель предусмотрел два вида покушения – оконченное и неоконченное покушение.

Так, согласно положениям ст. 111 Уложения устанавливалась уголовная ответственность за умысел на совершение преступления, который являлся наказуемым исключительно в случаях, специально установленных настоящим Уложением [6].

Из содержания ст. 112 Уложения следует, что приготовление к совершению преступления не сопряженное с совершением иных преступлений в ходе данного приготовления, так же, как и умысел на совершение преступления, являлось наказуемым исключительно в случаях установленных Уложением [6].

Как отмечено выше, Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в ст. 114 предусматривалось два вида покушения. Первый вид – неоконченное покушение, т. е. покушение, остановленное не по воле преступника, а по независящим от него обстоятельствам. Уголовное наказание за вышеуказанный вид покушения устанавливалось на одну, две, три или четыре степени ниже, чем санкция, регламентированная за совершение планируемого злоумышленником преступления. Данное положение регулировалось статьей 114 Уложения [6].

Согласно положениям ст. 115 Уложения, вторым видом покушения являлось – оконченное покушение. Оконченное покушение подразумевало под собой то, что преступник, в процессе покушения совершил все, что он считал нужным для достижения преступного замысла, однако из-за особенных, непредвиденных для него обстоятельств, не смотря на то, что все необходимые действия (бездействие) выполнены, преступный результат не наступил помимо воли виновного. Оконченное покушение наказывалось оконченное покушение на одну, две или три степени ниже, чем наказание, предусмотренное санкцией соответствующей статьи за оконченное преступление [6].

Уголовное законодательство Российской Империи, тщательно регулировало вопросы назначения наказания за неоконченное преступление. Произведение сравнительного анализа положений Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в изд. 1885 г.) и действующего Уголовного кодекса Российской Федерации, позволяет выделить следующие отличительные черты двух нормативно-правовых актов. Наличие исключительно умысла на совершение преступления в современном российском уголовном законодательстве не является наказуемым, в отличие от разобранного нормативно-правового акта действовавшего в Российской Империи. Также явной отличительной чертой в имперском законодательстве, является разграничение покушения на оконченное и неоконченное с различающимся между собой размером наказания.

Особенности назначение наказания за приготовление и покушение на совершение преступления, в двух разобранных нормативно-правовых актах, имеют общие черты и нацелены на смягчение наказания преступника.

Значимым нормативным правовым актом в развитии исследуемого института в Советском периоде российской правовой истории, является Уголовный кодекса РСФСР 1960 года. Положения Уголовного кодекса РСФСР 1960

года, в сфере назначения наказания за неоконченное преступление различны с нормами действующего Уголовного кодекса Российской Федерации и проанализированного в данной работе Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в изд. 1885 г.).

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года в статье 15 приводил законодательное определение понятиям «приготовление к преступлению» (ч. 1 ст. 15) и «покушение на преступление» (ч. 2 ст. 15), а также предусматривал особенности назначения наказания за приготовление к преступлению и за покушение на преступление (части 3 и 4 ст. 15). Так, согласно положениям ч. 1 ст. 15 УК РСФСР 1960 г. «Приготовлением к преступлению признается приискание или приспособление средств, или орудий, или иное умышленное создание условий для совершения преступления» [5].

В части 2 данной статьи говорилось, что «Покушением на преступление признается умышленное действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного» [5].

Далее, в частях 3 и 4 данной статьи законодатель указал на то, что «Наказание за приготовление к преступлению и за покушение на преступление назначается по статье Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за данное преступление. При назначении наказания суд учитывает характер и степень общественной опасности действий, совершенных виновным, степень осуществления преступного намерения и причины, в силу которых преступление не было доведено до конца» [5].

Как было сказано ранее, положения в области назначения наказания за неоконченное преступление Уголовного кодекса РСФСР 1960 года различны, с нормами, установленными в ранее разобранных нормативно-правовых актах. Положения Уголовного кодекса РСФСР 1960 года, не были нацелен на смягчение наказания лица совершившего приготовление или покушение на совершение преступления. Законодательно не устанавливалось ограничение на размер или срок наказания за приготовление и покушение на совершение преступления. Соответственно суд, учитывая характер и степень общественной опасности действий, совершенных виновным, степень осуществления преступного намерения и причины, в силу которых преступление не было доведено до конца, мог назначить максимальный размер наказания предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного Кодекса.

Концепцию назначения наказания за неоконченное преступление установленную в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года мы считаем достойной внимания и применимой в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации. Мы считаем, что положения Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующие назначение наказания за неоконченное преступления, частично противоречат уголовно-правовому принципу справедливости.

Лицо совершающее приготовление или покушение на совершение преступления, в полной мере предвидит и более того, желает наступление пре-

ступных последствий в следствии своего деяния. Не наступление преступного результата в следствии непредвиденных для преступника обстоятельств, по нашему мнению, не является основанием для смягчения уголовного наказания. Положения направленные на смягчение уголовного наказания для преступника в данном случае, мы считаем не в полной мере соответствующими уголовно-правовому принципу справедливости.

В связи с вышесказанным, мы считаем, что положения Уголовного кодекса РСФСР 1960 года в области назначения наказания за неоконченное преступление являются в полной мере отвечающими уголовно-правовым принципам российского уголовного законодательства и соответственно применимыми в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации, поэтому предлагаем статью 66 Уголовного кодекса Российской Федерации изложить в следующей редакции:

1. При назначении наказания за совершение неоконченного преступления, учитывается характер и степень общественной опасности действий, совершенных лицом, степень осуществления преступного намерения и причины, в силу которых преступление не было доведено до конца.

2. Смертная казнь за приготовление к преступлению не назначается.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зимин А. А. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / под ред. С. В. Юшкова. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952. 287 с.

2. Маньковский И. Ю. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Ч. 1 : учеб. пособие. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 246 с.

3. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. М. : Проспект, 1997. 472 с.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.02.2026).

5. Уголовный кодекс РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 27.10.1960) (вступ. в силу с 01.01.1961). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 25.02.2026).

6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в издании 1885 г. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.03.2026).

УДК 343, 342

Костюшин Даниил Павлович
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
dipikey485@gmail.com

Научный руководитель:
Соколова Татьяна Николаевна
кандидат экономических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
tnsokol@yandex.ru

Цифровые преступления в социальных сетях: виды, расследование и профилактика

Аннотация. *В статье анализируются виды цифровых преступлений и административных правонарушений, совершаемых в социальных сетях: экстремизм, мошенничество, незаконный оборот наркотиков, преступления против конституционных правы граждан. Рассматриваются криминалистические особенности их выявления и расследования, включая мониторинг, создание виртуальных агентов, работу с цифровыми следами. На примере судебной практики демонстрируется доказательственное значение контента из соцсетей. Обосновывается необходимость профилактики через правовое просвещение населения. Формулируются правила безопасного поведения для граждан. Делается вывод о том, что только комплексное сочетание технических, правовых и образовательных мер способно снизить уровень цифровой преступности.*

Ключевые слова: *социальные сети, цифровые преступления, киберпреступность, криминалистика, мошенничество в интернете, цифровые доказательства, профилактика киберпреступлений.*

Kostyushin Daniil Pavlovich
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Scientific supervisor:
Sokolova Tatyana Nikolaevna
candidate of sciences (economics), docent
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Digital crimes on social media: types, investigation, and prevention

Annotation. *The article analyzes the types of digital crimes and administrative offenses committed on social networks: extremism, fraud, drug trafficking, crimes against constitutional rights of citizens. The criminological features of their detection and investigation are examined, in-*

© Костюшин Д. П., 2026

cluding monitoring, the creation of virtual agents, and working with digital traces. A case study from judicial practice demonstrates the evidentiary value of content from social networks. The necessity of prevention through legal education of the population is substantiated. Rules for safe behavior for citizens are formulated. It is concluded that only a comprehensive combination of technical, legal and educational measures can reduce the level of digital crime.

Keywords: *social networks, digital crimes, cybercrime, criminology, online fraud, digital evidence, cybercrime prevention.*

Стремительное развитие информационных технологий и повсеместное внедрение социальных сетей в повседневную жизнь привели к трансформации преступности. Цель статьи – систематизация видов противоправных деяний, совершаемых в социальных сетях, анализ методов их выявления и расследования, а также разработка рекомендаций по профилактике. Объект исследования – общественные отношения, возникающие в сфере цифровой преступности. Предмет – закономерности совершения, выявления и расследования деяний в социальных сетях. Методологическую основу составляют общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частно-научные (формально-юридический, сравнительно-правовой) методы.

Как обоснованно отмечают В. А. Номоконов и Т. Л. Тропина, киберпространство стало новой криминальной средой, где компьютеры и сети выступают одновременно и объектом, и орудием, и местом совершения преступления [7, с. 97]. Социальные сети, будучи ядром этого пространства, аккумулируют огромные массивы данных, используемых в противоправных целях. В статье под цифровыми преступлениями понимаются уголовно наказуемые деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей либо в их среде, а также административные правонарушения, выявляемые и фиксируемые теми же криминалистическими методами.

Анализ научной литературы и судебной практики позволяет выделить несколько основных видов цифровых преступлений и правонарушений, совершаемых в социальных сетях. М. А. Болвачев подчеркивает, что социальные сети открыли перед экстремистами новые возможности для пропаганды, вербовки и координации действий, а идеи ненависти чаще всего распространяются именно в форме цифрового контента [2, с. 2–3]. Р. Б. Пхитиков дополняет, что распространение ложной информации и разжигание ненависти является излюбленным приемом для дестабилизации общества [8, с. 142]. Анонимность и легкодоступность интернет-пространства серьезно затрудняют борьбу с указанными деяниями. Законодатель относит часть из них к уголовным преступлениям (ст. 280, 282 УК РФ), а часть – к административным правонарушениям (ст. 20.3 КоАП РФ).

В. С. Соловьев на основе обобщения 300 приговоров установил, что посягательства на собственность составляют 18,4 % от всех цифровых преступлений, причем 70,5 % из них – это мошенничество. Наиболее распространенные схемы включают продажу несуществующих товаров, фишинг и создание фальшивых страниц для выманивания денег [10, с. 63]. А. В. Никуленко обращает

внимание, что преступники активно используют компьютерную безграмотность населения, особенно старшего возраста [6, с. 90].

По данным В. С. Соловьева, деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков, составляют около 24,5 % от общего числа. Ключевую роль играют мессенджеры и закрытые группы, где координируются закладки, а оплата часто происходит через анонимные электронные платежные системы [10, с. 62]. А. Е. Канузель указывает на существование специализированных форумов для обсуждения способов производства и приобретения запрещенных веществ [5, с. 136].

К преступлениям против конституционных прав и в сфере компьютерной информации относятся нарушение тайны переписки, незаконный сбор персональных данных, несанкционированный доступ к аккаунтам, их взлом и модификация. Е. А. Афанасьев приходит к выводу, что данные, полученные из социальных сетей, являются не только ориентирующей, но и зачастую доказательственной информацией [1, с. 2].

Таким образом, спектр цифровых угроз крайне широк и требует комплексного подхода к противодействию.

Выявление и расследование деяний, совершаемых в социальных сетях, имеет существенную специфику, связанную с латентностью, трансграничностью и высокой степенью анонимности. А. Е. Канузель делает акцент на необходимости постоянного мониторинга социальных сетей и привлечения IT-специалистов для работы с цифровыми следами [5, с. 134–135]. В отличие от него, М. А. Болвачев акцентирует внимание на активных методах, а именно на создании «виртуальных агентов» – искусственных аккаунтов, позволяющих преодолевать настройки приватности закрытых экстремистских групп [2, с. 14]. Оба подхода дополняют друг друга, формируя комплексную методику сбора информации, которая включает также аналитическую работу с открытыми данными, включая геотеги, фотографии и переписку. С. В. Васютин подчеркивает, что видеозаписи и скриншоты переписок, изъятые из социальных сетей, сегодня являются неотъемлемой частью доказательственной базы по уголовным делам различных категорий [3, с. 3].

Эффективность такого подхода наглядно демонстрирует судебное дело № 5-36/2026, рассмотренное Абинским районным судом Краснодарского края. Гражданин И. С. Кажан был признан виновным по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ за публичное демонстрирование символики экстремистской организации «АУЕ». В ходе мониторинга сотрудниками было установлено, что на аватарке пользователя в мессенджере размещена фотография, на которой видна татуировка в виде восьмиконечной звезды – запрещенной символики [4]. Несмотря на то, что данное деяние является административным правонарушением, его выявление строилось на тех же криминалистических подходах, что и при расследовании тяжких преступлений. Суд исследовал протокол об административном правонарушении, рапорт и фотоматериал; назначено наказание в виде штрафа. Дело не обжаловалось, экспертиза символики не проводилась ввиду очевидности

визуального сходства. Данный пример подтверждает, что даже визуальный контент может служить неопровержимым доказательством. Как подчеркивает А. В. Никуленко, переписка в мессенджерах сегодня используется в качестве доказательства примерно в каждом пятом уголовном деле, что диктует необходимость осознанного поведения пользователей в сети [6, с. 94]. А. А. Рясов и З. Р. Багиров в этой связи отмечают, что успех расследования во многом зависит от своевременного получения и правильной фиксации цифровых следов, которые преступники часто пытаются уничтожить [9, с. 160].

Важнейшим аспектом противодействия цифровым преступлениям является профилактика, основанная на формировании правовой грамотности населения. Опасность цифровой среды заключается в ее двойственной природе: граждане могут не только стать жертвами преступлений, но и, сами того не осознавая, стать их соучастниками, например, дропперами или распространителями запрещенного контента. Как указывает Р. Б. Пхитиков, наиболее уязвимыми группами являются молодежь и люди с недостаточным уровнем цифровой грамотности, которые легко поддаются манипуляции и вербовке [8, с. 143]. М. А. Болвачев дополняет, что основными факторами риска являются подверженность чужому влиянию, низкая стрессоустойчивость и романтизация агрессивного поведения [2, с. 21]. Е. А. Афанасьев приходит к выводу, что в целях профилактики необходимо внедрять в образовательные программы курсы по цифровой и правовой грамотности, объясняя учащимся не только правила безопасного поведения, но и юридические последствия тех или иных действий в сети [1, с. 3].

Чтобы не стать жертвой или неосознанным соучастником, необходимо соблюдать следующие правила:

– никогда не переходить по подозрительным ссылкам;

– не сообщать коды из СМС и данные банковских карт;

– проверять репутацию продавцов при онлайн-покупках;

– использовать сложные пароли и двухфакторную аутентификацию.

Обучение пользователей основам кибербезопасности является наиболее эффективной мерой предупреждения цифровых преступлений, поскольку технические средства защиты не всегда успевают за развитием мошеннических схем [3, с. 4].

Особое внимание следует уделить предотвращению неосознанного участия в противоправной деятельности. Категорически запрещено:

– предоставлять свои банковские карты третьим лицам за вознаграждение (стандартная схема вербовки дропперов);

– делать репосты материалов сомнительного содержания;

– размещать изображения с символикой, схожей с нацистской или экстремистской.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. В социальных сетях совершается широкий спектр противоправных деяний: от экстремизма и мошенничества до незаконного оборота наркотиков и нарушений тайны

переписки. Выявление и расследование этих деяний требует специальных криминалистических методов, включая мониторинг, создание виртуальных агентов и работу с цифровыми следами, а также привлечения IT-специалистов. Судебная практика подтверждает доказательственное значение контента из социальных сетей, включая визуальные изображения. Наиболее действенной мерой противодействия является профилактика через повышение правовой и цифровой грамотности населения. Только комплексное сочетание технических, правовых и образовательных мер позволит снизить уровень цифровой преступности в социальных сетях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афанасьев Е. А. О некоторых возможностях использования в расследовании преступлений данных, полученных из социальных сетей. URL: https://scilead.ru/article/898 (дата обращения: 06.04.2026).

2. Болвачев М. А. Использование социальных сетей при расследовании преступлений экстремистской направленности : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.12. Калининград, 2022. 24 с.

3. Васютин С. В. Преступность в социальных сетях: уголовно-правовые и криминалистические аспекты. https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-v-sotsialnyh-setyah-ugolovno-pravovye-i-kriminalisticheskie-aspekty (дата обращения: 06.04.2026).

4. Дело № 5-36/2026: постановление по делу об административном правонарушении. URL: https://abinsk--krd.sudrf.ru (дата обращения: 06.04.2026).

5. Канузель А. Е. Использование информации социальных сетей при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 30, № 2. С. 132–139.

6. Никуленко А. В. Преступления, совершаемые посредством сети «Интернет»: неиспользованные возможности противодействия // Криминалистъ. 2024. № 2(47). С. 90–97.

7. Номоконов В. А., Тропина Т. Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза https://cyberleninka.ru/article/n/kiberprestupnost-kak-novaya-kriminalnaya-ugroza (дата обращения: 06.04.2026).

8. Пхитиков Р. Б. Киберпреступность в социальных сетях: причины возникновения, виды, меры предупреждения // Криминалистъ. 2022. Т. 9, № 2. С. 142–147.

9. Рясов А. А., Багиров З. Р. Возможности использования социальных сетей при расследовании преступлений // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2025. № 1. С. 157–162.

10. Соловьев В. С. Преступность в социальных сетях Интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10, № 1. С. 60–72.

УДК 349.24

Бакаушина София Ивановна
студент, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
sofiabakaushina@gmail.com

Домнина Ольга Викторовна
кандидат юридических наук доцент
Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
ol-domni@yandex.ru

Профессиональное выгорание как правовой риск: должен ли работодатель нести ответственность за психологическое здоровье сотрудника

Аннотация. *В статье анализируется профессиональное выгорание как правовой риск в трудовых отношениях. Рассмотрено российское законодательство и судебная практика, показаны трудности доказывания связи выгорания с действиями работодателя. Приведен зарубежный опыт признания выгорания профессиональным заболеванием. Обоснована необходимость точечных изменений в законодательстве: включения психологической безопасности в охрану труда и признания выгорания профессиональным риском для отдельных категорий работников.*

Ключевые слова: *профессиональное выгорание, правовой риск, психологическое здоровье, ответственность работодателя, трудовое законодательство, судебная практика, охрана труда.*

Bakaushina Sofia Ivanovna
student Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Domnina Olga Viktorovna
candidate of legal sciences, associate professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Professional burnout as a legal risk: should the employer be liable for the employee's psychological health

Annotation. *The article analyzes professional burnout as a legal risk in labor relations. Russian legislation and judicial practice are examined, and the difficulties of proving the causal link between burnout and the employer's actions are demonstrated. Foreign experience in recognizing burnout as an occupational disease is presented. The necessity of targeted legislative changes is*

© Бакаушина С. И., Домнина О. В., 2026

substantiated: incorporating psychological safety into labor protection and recognizing burnout as an occupational risk for certain categories of workers.

Keywords: *professional burnout, legal risk, psychological health, employer's liability, labor legislation, judicial practice, occupational safety and health.*

Рабочее место давно перестало восприниматься исключительно как источник дохода. Современный человек проводит на службе треть сознательной жизни, и качество этой жизни напрямую зависит от психологической атмосферы в офисе, цехе или при удаленной работе. В последние годы профессиональное сообщество все чаще обсуждает синдром эмоционального выгорания. Юристы фиксируют рост исков о моральном вреде, связанных с хроническим стрессом на работе [5]. Психологи, в свою очередь, отмечают: выгорание больше не является личной проблемой неустойчивых личностей – это системный ответ здорового человека на нездоровые условия труда. В данной статье предстоит выяснить, можно ли рассматривать профессиональное выгорание как полноценный правовой риск, а также определить, в каких случаях работодатель обязан отвечать за психическое здоровье подчиненного.

Чтобы разобраться в этом, сначала стоит обратиться к тому, как вообще понимается природа выгорания. Согласно классификации Всемирной организации здравоохранения, включившей это состояние в МКБ-11, выгорание характеризуется тремя ключевыми признаками: чувством истощения, ментальной дистанцированностью от работы и снижением профессиональной эффективности [5]. Долгое время российская правовая система относила последствия выгорания к зоне личной ответственности самого работника. Логика здесь была проста: не справляешься с нагрузкой, не умеешь отдыхать – увольняйся. Однако такой подход не учитывает главного: выгорание часто провоцируется объективными действиями нанимателя – систематическими переработками, отсутствием обратной связи, токсичной конкуренцией или нехваткой ресурсов для выполнения задач.

Переходя от теории к практике, стоит отметить, что зарубежная судебная практика уже знает прецеденты. Например, во Франции в 2016 году суд обязал компанию выплатить компенсацию бывшему сотруднику, чье выгорание признали профессиональным заболеванием. В России подобные дела пока единичны, но их количество постепенно растет. Так, в 2019 году московский офис одной из IT-компаний проиграл процесс инженеру, у которого врачи зафиксировали тревожно-депрессивное расстройство из-за круглосуточных дедлайнов. Суд тогда частично удовлетворил иск, указав на нарушение норм рабочего времени. Вследствие этого можно говорить о постепенном признании психологического вреда юридически значимым последствием трудовых отношений [5].

Теперь обратимся к действующему законодательству. Российский Трудовой кодекс в статье 22 обязывает работодателя обеспечивать безопасные условия труда [4]. Проблема в том, что под безопасностью традиционно понимается физическая защита: исправное оборудование, противопожарная система, вентиляция. Психическое здоровье в этом перечне напрямую не фигурирует. Исключение составляют отдельные нормы для педагогов, медиков и спасателей, где

выгорание включено в списки профессиональных рисков – но скорее, как основание для дополнительного отпуска, а не как объект юридической ответственности. Статья 237 ТК РФ допускает компенсацию морального вреда, причиненного работнику неправомерными действиями работодателя [4]. На практике это означает: чтобы доказать вину нанимателя, нужно подтвердить, что выгорание возникло именно из-за его прямых действий – например, принудительных сверхурочных или психологического давления. Однако связь между действием и последствием в психиатрии всегда вероятностна. Сотрудник мог прийти на работу с предрасположенностью к тревожности, а мог потерять здоровье исключительно из-за обстановки в коллективе. Работа по установлению этой причинно-следственной связи ложится на судебных экспертов, а их методики до сих пор не унифицированы [2].

Именно с этим связаны основные трудности доказывания. Если проанализировать судебную практику за последние пять лет, картина складывается неутешительная: из 120 исков о компенсации вреда, вызванного выгоранием, удовлетворено лишь 12. Главная причина отказа – невозможность отделить рабочий стресс от личных обстоятельств истца. Судьи руководствуются простой логикой: нет травмы или острого отравления – значит, ответственность лежит на самом человеке. К тому же выгорание развивается медленно, а российское законодательство требует фиксации нарушения в момент его совершения. Работник, годами терпевший переработки, при увольнении вдруг вспоминает о своих правах – но срок давности по многим эпизодам уже истек. Другой барьер – отсутствие в Трудовом кодексе РФ самого понятия «психологическая безопасность труда». Ведомственные нормы, например СанПиН, регулируют освещение, шум и вибрацию, но никак не регулируют навязчивый контроль руководителя или публичные унижения. Пока законодатель не включит в обязательные условия труда пункт о психологическом благополучии, работодатель формально прав: он выдал белую зарплату, дал отгулы, оформил все по Трудовому кодексу РФ, а что у сотрудника в голове – это его личные трудности [2].

Любопытно, что зарубежные страны пошли здесь разными путями, и их опыт может быть полезен для понимания возможных сценариев. В Германии выгорание признается профессиональным заболеванием с 2013 года, но при условии, что стаж работы в стрессовой должности превышает пять лет. Работодатель отчисляет взносы в специальный фонд, из которого оплачивается лечение и даже пенсия по инвалидности. В Японии после череды самоубийств переработавших сотрудников ввели понятие «кароси» (смерть от переутомления) и обязали компании устанавливать скрытые тахографы на рабочем времени. Во Франции действует «право на отключение» – сотрудник может законно не отвечать на письма после 18:00, и за давление в нерабочее время руководителя штрафуют [5]. Прямой перенос этих моделей на российскую почву невозможен. Мешает слабая профсоюзная традиция, перегруженность судов и нежелание малого бизнеса нести дополнительные расходы. Но отдельные элементы внедрить реально. Например, обязательную психологическую экспертизу условий труда на предприятиях с высокой эмоциональной нагрузкой – у учителей, вра-

чей, соцработников, полицейских. Либо внесение в трудовой договор пункта о недопустимости моббинга с четкими штрафами для нарушителей [5].

Стоит, однако, посмотреть на ситуацию и с другой стороны – глазами самого работодателя. Любой предприниматель, услышав об ответственности за психическое здоровье, увидит лишь новые штрафы. Но профилактика выгорания – это еще и экономия. По данным, полученным в Университете Хоккайдо в 2020 году, один случай тяжелого выгорания обходится компании в среднем в 4–6 месячных окладов сотрудника: сюда входят больничные, падение продуктивности, текучка кадров и ошибки из-за усталости. Внедрение программ психологической поддержки – супервизий, гибкого графика, обучения руководителей ненасильственной коммуникации – окупается за полгода за счет снижения прогулов и повышения лояльности [1]. Показательный пример – сеть «ВкусВилл», где после введения должности штатного психолога и запрета на агрессивную обратную связь текучесть персонала в рознице снизилась на 22 %. Работодатель не понес дополнительной юридической ответственности, но фактически исключил риск исков о выгорании. Это подтверждает простую истину: профилактика всегда дешевле судебных процессов [3].

Говоря о ближайших перспективах, нельзя не упомянуть изменения в законодательстве. В 2024 году в Государственную Думу вносился законопроект о добавлении в статью 22 ТК РФ обязанности работодателя «обеспечивать психологическую безопасность и предотвращать профессиональное выгорание». Документ отправили на доработку, но сам факт обсуждения показателен. С высокой вероятностью в ближайшие три года появятся подзаконные акты Минтруда, устанавливающие предельные показатели эмоциональной нагрузки – например, допустимое количество конфликтных взаимодействий в день для менеджеров по продажам [6]. Также обсуждается введение обязательного психологического аудита рабочих мест – подобно специальной оценке условий труда, но с замерами не формальдегида, а уровня стресса, автономии и социальной поддержки. Если такой аудит станет обязательным, работодатель уже не сможет отмахнуться от жалоб на выгорание: появится объективный измеримый критерий [3].

Подводя итог, следует признать: профессиональное выгорание уже стало правовым риском, но пока только точечным, а не системным. Российское законодательство не готово возложить на работодателя полную ответственность за психическое здоровье каждого сотрудника – это разорило бы малый бизнес и привело к массовым злоупотреблениям. Однако закрывать глаза на доказанные случаи выгорания, возникшие из-за прямых нарушений закона, тоже нельзя. Оптимальный путь – признание выгорания профессиональным заболеванием для узкого перечня специальностей (педагоги, врачи, спасатели, диспетчеры) с фиксированными критериями [2]. Для остальных профессий – введение профилактических обязанностей работодателя без автоматических штрафов: обучение руководителей, психологический аудит по запросу профсоюза. Психическое здоровье – не прихоть, а ресурс. И пока этот ресурс не защищен законом, суды будут продолжать отказывать, а люди – догорать на рабочих местах в полном одиночестве. Ответственность работодателя должна наступать там, где за-

канчивается разумная забота о бизнесе и начинается эксплуатация человеческой психики как расходного материала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Водопьянова Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика : практ. руководство. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2022. 342 с.

2. Дружилов С. А. Профессиональное выгорание как интегральный феномен: психологические и правовые аспекты // Психология и право. 2020. № 2. С. 45–59.

3. Леонова А. Б. Психопрофилактика стресса и профессионального выгорания : монография. М. : Институт психологии РАН, 2019. 287 с.

4. Трудовой кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 21 декабря 2001 г. одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. №197-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

5. О профилактике профессионального выгорания работников социальной сферы : аналитическая записка Министерства труда и социальной защиты РФ. 2023. URL: https://dposoc.ru/upload/Аналитический%20отчет% 202024.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

6. Разъяснения Всемирной организации здравоохранения. URL: https://www.who.int/publications/who-guidelines (дата обращения: 01.04.2026).

УДК 342.7

Кривченя Вероника Васильевна
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
veronikakrivcena22@gmail.com

Домнина Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
ol-domni@yandex.ru

Психологический феномен социального доверия к правоохранительным органам в контексте конституционных гарантий личной безопасности

Аннотация. *В статье анализируется, как психологический механизм доверия граждан к правоохранительным органам связан с конституционными гарантиями личной безопасности (ст. 2 и ст. 45 Конституции РФ). Автор показывает расхождение между трактовками в законах и реальной правоприменительной практикой. Решающий фактор доверия – работает ли судебный контроль на стадии первого обращения человека в полицию. Ис-*

© Кривченя В. В., Домнина О. В., 2026

пользованы правовые позиции Конституционного Суда РФ, разъяснения Пленума ВС РФ, судебная статистика и данные ВЦИОМ за 2026 год. Анализ данных правовых позиций показывает, как формальные отказы правоохранительных органов, их поверхностные проверки, подрывают доверие граждан. Предложены пути повышения реальной защищенности личности.

Ключевые слова: *социальное доверие, правоохранительные органы, личная безопасность, Конституция РФ, судебный контроль, ст. 2 и ст. 45 Конституции РФ, административное судопроизводство.*

Krivchenya Veronika Vasilievna
Student Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Domnina Olga Viktorovna
candidate of law, associate professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Psychological phenomenon of social trust in law-enforcement bodies in the context of constitutional guarantees of personal safety

Annotation. *The article analyzes the relationship between the psychological mechanism of citizens' trust in law enforcement agencies and constitutional guarantees of personal security (Articles 2 and 45 of the Constitution of the Russian Federation). The discrepancy between normative interpretations and actual law enforcement practice is shown. The decisive factor of trust is the effectiveness of judicial control at the stage of a person's first contact with the police. The study uses legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial statistics, and data from the Russian Public Opinion Research Center for 2026. Special attention is paid to the psychological consequences of formal refusals: learned helplessness, cognitive biases among police officers, and loss of institutional support. Ways to increase the real security of individuals are proposed through changes in judicial control practice, mandatory reasoning for refusals, feedback to applicants, and transparent statistics.*

Keywords: *social trust, law enforcement agencies, personal security, Constitution of the Russian Federation, judicial control, Articles 2 and 45 of the Constitution of the Russian Federation, administrative proceedings.*

Статья 2 Конституции Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью. Статья 45 прямо обязывает государство к их защите [3]. Эти конституционные положения – не просто «громкие слова». Они задают ориентир для всей правовой системы, на который она должна ориентироваться прежде всего.

Но любой принцип работает только при наличии действенных механизмов. Л. В. Бойцова точно заметила: без такого механизма нормы рискуют стать «декоративными конструкциями». Долгое время в юридической среде считалось, что подробных нормативных актов, например таких как: УПК РФ, КоАП РФ, закона «О полиции» достаточно, что они уже сами по себе гарантируют защиту прав человека, так как четко регламентируют все действия сотрудника, порядок приема

заявлений, сроки проверки. Но жизнь показала обратное. Человек приходит в отдел полиции с заявлением о преступлении – ему выдают талон-уведомление, а потом приходит отказ в возбуждении дела с формулировкой «за отсутствием состава». Проверка проведена формально: опрошен только сам заявитель, очевидцев не искали, записи камер не запрашивали. Юридически все нормы соблюдены. Фактически – человек остался без защиты. Именно это имеется в виду, когда говорят, что формальное наличие норм не равно реальной защищенности. Закон предписывает рассмотреть обращение в срок – его рассмотрели. Но суть проблемы не тронули. И такая «защита» только укрепляет ощущение, что государственные гарантии работают лишь на бумаге. Формальное наличие норм не дает человеку реальной защищенности.

Возьмем Федеральный закон «О полиции» (№ 3-ФЗ от 07.02.2011) [7]. Обязанности сотрудников расписаны детально в статье 12. А вот как привлечь к ответственности за бездействие или формальную отписку – процедура запутанная и бюрократическая. Граждане регулярно получают необоснованные отказы или видят, что их заявление проверили «для галочки». Именно здесь возникает феномен социального доверия – устойчивое позитивное отношение к полиции как к защитнику.

Доверие – не просто эмоция. В социологии и психологии это ожидание честных и компетентных действий со стороны правоохранителей в интересах граждан. Уровень доверия напрямую зависит от личного опыта. Стоило один раз получить отписку при обращении – и доверие падает. Психологи называют это эффектом негативного преобладания: одно плохое взаимодействие перевешивает несколько нейтральных или даже хороших.

Когда человек получает формальный отказ без объяснения конкретных проверочных действий, запускается механизм выученной беспомощности (термин М. Селигмана). После двух-трех таких эпизодов жертва перестает обращаться в полицию даже при реальной угрозе. Это не лень и не цинизм – это нормальная психическая адаптация к среде, где собственные действия систематически не приводят к результату. Доверие убивает не грубость отдельного сотрудника, а предсказуемая пустота на месте реакции.

С другой стороны, у самих сотрудников действует когнитивное искажение власти. Полицейский, оформляющий отказ, искренне верит, что действует строго по инструкции и даже «помогает» системе не перегружаться. Заявитель же воспринимает тот же отказ как предательство и обесценивание своей боли. Разрыв в восприятии – главный барьер для восстановления доверия.

Ключевым инструментом преодоления этого разрыва должен быть судебный контроль. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» предоставляет четкие указания. Там четко сказано: граждане вправе оспаривать не только решения, но и бездействие госорганов (п. 5) [5]. Бездействие – это, например, когда обращение не рассмотрели в срок или уклонились от вынесения решения.

Суды обязаны вникать в суть действий (или бездействия) должностных лиц, а не только проверять бумаги.

Это прямо связано со ст. 45 Конституции: государство обязано дать человеку инструмент, который заставит полицию работать. Верховный Суд в своих обзорах (2024–2025 гг.) последовательно требует от нижестоящих судов уходить от формализма и оценивать, нарушены ли права на самом деле.

Теперь посмотрим на статистику Судебного департамента при ВС РФ за 2024 год [4]. Суды общей юрисдикции рассмотрели десятки тысяч административных дел об оспаривании действий (бездействия) госорганов, включая полицию. Но доля удовлетворенных требований остается невысокой: от 32 до 35 % по разным категориям споров с госорганами. Это говорит о том, что суды первой инстанции часто ограничиваются формальной проверкой документов и не в полной мере следуют позициям вышестоящих судов.

Показательный пример – данные ВЦИОМ. Опрос февраля 2026 года (опубликован 24 марта 2026 г.) зафиксировал исторический максимум индекса доверия к полиции своего региона: +44 пункта из 100 возможных. Полиции доверяют 68 % россиян (20 % – «определенно доверяю», 48 % – «скорее доверяю»), не доверяют 24 %. А 72 % граждан чувствуют себя защищенными от преступлений – это на 26 процентных пунктов выше, чем в 2016 году [2].

Но тут важна деталь. Уровень доверия резко расходится в зависимости от личного опыта. Те, кто столкнулся с волокитой или формальным отказом при обращении в полицию, доверяют заметно реже. Значит, реальное отношение к правоохранительной системе формирует не столько закон, сколько практика его применения.

Научные исследования это подтверждают. Работы А. Н. Гуторовой, Г. Пушкаревой и других показывают: доверие к правоохранительным органам – часть социального капитала общества [1; 6]. Оно укрепляется, когда государство доказывает на деле, что защита личности – не пустые слова. Формальный подход, наоборот, отчуждает людей и снижает легитимность власти.

Существующая практика судебного надзора за доследственной проверкой ориентирована на соблюдение процессуальных сроков. Предлагается переориентировать ее на оценку двух параметров: полноты и разумности фактически совершенных проверочных действий. Вопрос судьи к полицейскому должен фиксировать не сам факт укладывания в установленный период, а отсутствие опросов свидетелей, неистребование видеозаписей, неиспользование иных доступных мер. Такая процедура блокирует механизм, при котором сотрудник, формально следуя инструкции, не разрешает ситуацию заявителя.

Формулировка «за отсутствием состава» в ее нынешнем применении порождает у заявителя эффект, сопоставимый с газлайтингом – отрицанием реальности его ситуации правовой системой. В качестве коррекции предлагается законодательно установить требование: любой отказ должен содержать перечень конкретных проверочных действий и развернутое объяснение, почему этих действий оказалось недостаточно для вынесения иного решения. Получая такой документ, гражданин фиксирует не игнорирование своего обращения,

а выполненную, хотя и безрезультатную, работу. Это предотвращает разрушение институционального доверия.

На уровне территориальных органов МВД предлагается ввести должность независимого уполномоченного по работе с заявителями. Его полномочие – до момента вынесения постановления об отказе знакомиться с материалами проверки и готовить заключение о ее полноте. Данное решение встраивает в систему элемент внешнего наблюдения, не сводимого к внутриведомственной иерархии, что снижает частоту автоматических отказов.

Восстановление доверия к правоприменительной системе происходит не через новые законы, а на уровне единичного случая: когда отказ содержит не унифицированный штамп, а конкретное объяснение, а суд запрашивает не отчет о сроках, а перечень реально совершенных проверочных действий. Глубинный психологический разрыв, который необходимо преодолеть, состоит в следующем: гражданин, получивший формальную отписку, переходит в состояние выученной беспомощности и прекращает обращения; сотрудник же, оформивший эту отписку, продолжает искренне полагать, что его действия соответствовали установленным правилам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гуторова А. Н. Доверие как основа функционирования муниципальной публичной власти // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2025. Т. 50, № 1. С. 80–89.

2. Данные ВЦИОМ «Реформа МВД: 15 лет спустя» (24.03.2026). URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reforma-mvd-15-let-spustja (дата обращения: 26.03.2026).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.03.2026).

4. Отчеты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о работе судов общей юрисдикции за 2024 г. (данные по административным делам главы 22 КАС РФ). URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 26.03.2026).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 26.03.2026).

6. Пушкарева Г. Политическое институциональное доверие в современной России // SPERO (Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры). 2023. № 1.

7. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 08.08.2024). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 26.03.2026).

УДК 347

Рябко Алёна Витальевна
студент, филиал Кубанского государственного университета
г. Новороссийск, Российская Федерация
alyonabighit@yandex.ru

Грузинская Екатерина Игоревна
кандидат юридических наук, доцент
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
филиал Кубанского государственного университета
г. Новороссийск, Российская Федерация
grek8004@gmail.com

Компенсация морального вреда как особая форма гражданско-правовой ответственности: проблемы определения размера

Аннотация. *В статье рассматривается компенсация морального вреда в качестве особой формы гражданско-правовой ответственности. Анализируются правовые основы компенсации, критерии определения ее размера и актуальные проблемы правоприменительной практики. Особое внимание уделяется судебному усмотрению, влияющему на итоговые суммы выплат, а также существенным пробелам в действующем законодательстве. На основе комплексного исследования судебной практики предлагаются пути совершенствования правового регулирования в данной сфере, направленные на обеспечение единообразия судебной практики и эффективную защиту нематериальных благ граждан в современных условиях.*

Ключевые слова: *моральный вред, компенсация, гражданско-правовая ответственность, размер компенсации, судебная практика.*

Ryabko Alyona Vitalievna
student, branch Kuban State University
Novorossiysk, Russian Federation

Gruzinskaya Ekaterina Igorevna
candidate of legal sciences, associate professor head
of the department of humanities
branch Kuban State University
Novorossiysk, Russian Federation

Compensation for moral damage as a special form of civil liability: problems of determining the amount

Annotation. *The article examines compensation for non-pecuniary damage as a special form of civil liability. It analyzes the legal basis for compensation, the criteria for determining its amount, and the current problems of law enforcement practice. Special attention is paid to judicial*

© Рябко А. В., Грузинская Е. И., 2026

discretion, which affects the final amounts of payments, as well as to significant gaps in the current legislation. Based on a comprehensive study of judicial practice, the article proposes ways to improve legal regulation in this area, aimed at ensuring uniform judicial practice and effective protection of citizens' non-pecuniary benefits in modern conditions.

Keywords: *non-pecuniary damage, compensation, civil liability, amount of compensation, judicial practice.*

Актуальность темы обусловлена сложностью и неоднозначностью определения размера компенсации морального вреда. Отсутствие четких критериев оценки приводит к значительным расхождениям в судебных решениях по схожим делам, что снижает эффективность защиты прав потерпевших и подрывает доверие к механизму гражданско-правовой защиты неимущественных благ.

Компенсация морального вреда представляет собой особую форму гражданско-правовой ответственности, принципиально отличающуюся от возмещения имущественного ущерба. Ее специфика заключается в превентивной функции: институт призван не только компенсировать перенесенные потерпевшим физические или нравственные страдания, но и предупреждать аналогичные нарушения в будущем. Установление размера компенсации осуществляется исключительно в судебном порядке с учетом конкретных обстоятельств дела.

Правовую основу института составляют статья 1064 ГК РФ [1], закрепляющая общие условия ответственности, и статья 1101 ГК РФ [1], регламентирующая порядок определения размера компенсации. Согласно пункту 2 статьи 1101 ГК РФ [1], суд при вынесении решения должен учитывать характер физических и нравственных страданий с учетом фактических обстоятельств причинения вреда и индивидуальных особенностей потерпевшего, степень вины причинителя вреда (если вина является основанием возмещения), требования разумности и справедливости, а также иные заслуживающие внимания обстоятельства.

Важную роль в толковании и применении данных норм играет Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 года № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (в редакции от 06.02.2007) [2, с. 2–5]. Документ конкретизирует критерии оценки характера страданий, указывая на необходимость учета значимости нарушенного блага (жизнь, здоровье, честь, достоинство и т. д.), способа причинения вреда, последствий для потерпевшего и длительности нарушения прав.

Ключевой проблемой правоприменительной практики выступает субъективность оценки размера компенсации. Отсутствие четких количественных показателей и единой методики расчета приводит к тому, что итоговая сумма во многом зависит от усмотрения судьи. Это порождает дисбаланс в судебной практике: за аналогичные нарушения могут быть присуждены суммы, различающиеся в несколько раз. Существенное влияние на формирование разнородной практики оказывают региональные особенности правоприменения. Сравнительный анализ решений судов различных субъектов Российской Федерации демонстрирует отсутствие единообразия в оценке аналогичных ситуаций.

Например, в деле №2-1819/2025 (Республика Мордовия) [4] по иску о защите чести и достоинства, связанному с распространением порочащих сведений в СМИ, компенсация составила 50 000 руб. Суд принял во внимание публичный характер нарушения и значительный ущерб репутации истца. В аналогичном деле № 2-1079/2020 (Курганская область) [3], где порочащие сведения были распространены в интернете, размер компенсации был снижен до 5000 руб. При рассмотрении дел о ДТП с причинением тяжкого вреда здоровью Благовещенский городской суд (дело № 2-1070/2020) [5] взыскал 200 000 руб., тогда как суд Нижегородской области (дело №2-1200/2023) [6] по схожему делу ограничился суммой в 50 000 руб. По делам о врачебной ошибке, Володарский районный суд (дело № 2-103/2025) [7] присудил 500 000 руб., а Долинский городской суд (дело № 2-483/2025) [8] – лишь 150 000 руб.

Приведенные примеры иллюстрируют масштаб проблемы: разброс сумм по схожим категориям дел в разных регионах достигает 3–5 раз. Такая ситуация свидетельствует о необходимости выработки более четких критериев оценки морального вреда на законодательном уровне.

Дополнительно осложняет реализацию института морального вреда проблема доказывания степени страданий. Свидетельские показания, заключения психологов и иные доказательства не всегда принимаются судами во внимание, что снижает шансы потерпевшего на адекватную компенсацию. В результате присуждаемые суммы зачастую не соответствуют тяжести причиненных страданий, что нивелирует превентивный потенциал института.

Таким образом, отсутствие законодательно закрепленных критериев определения размера компенсации создает значительные трудности в правоприменительной практике. Решение данной проблемы требует комплексного подхода, включающего: совершенствование нормативного регулирования с целью минимизации субъективного фактора при определении размера компенсации; выработку единообразных подходов в судебной практике на основе обобщения опыта Верховного Суда РФ.

Реализация указанных мер позволит повысить эффективность института компенсации морального вреда, обеспечить более справедливую защиту прав потерпевших и укрепить доверие к судебной системе, что в конечном итоге будет способствовать укреплению гарантий защиты прав и свобод личности в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) принят Государственной Думой 22 декабря 1995 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о компенсации морального вреда»: (ред. от 6 февраля 2007 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1995. № 2. С. 2–5.

3. Решение Шадринского районного суда Курганской области от 29 марта 2021 г. № 2-1079/2020. URL: sudact.ru/regular/doc/JwQwKBorseYB/ (дата обращения: 12.04.2026)

4. Решение Ленинского районного суда г. Саранска (Республика Мордовия) от 21 декабря 2025 г. № 2-1819/2025. URL: sudact.ru/regular/doc/ACGuGiReLsgv// (дата обращения: 12.04.2026)

5. Решение Благовещенского городского суда (Амурская область) от 24 сентября 2020 г. № 2-1070/2020 URL: sudact.ru/regular/doc/Eic6kr0T2v1c/ (дата обращения: 12.04.2026)

6. Решение Павловского городского суда (Нижегородская область) от 19 сентября 2023 г. № 2-1200/2023. URL: sudact.ru/regular/doc/tDtR1lfKY2Yn/ (дата обращения: 12.04.2026).

7. Решение Володарского районного суда от 12 февраля 2025 г. № 2-103/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zqzSdFNHkFL8/ (дата обращения: 12.04.2026).

8. Решение Долинского городского суда (Сахалинская область) от 22 октября 2025 г. дело № 2-483/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/zqzSdFNHkFL8/ (дата обращения: 12.04.2026).

УДК 343.95

Фомкина Анастасия Дмитриевна
студент, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
fomkina_nastya2006@mail.ru

Домнина Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
ol-domni@yandex.ru

Заложники родительских войн: психологические критерии определения интересов ребенка в спорах о месте жительства

Аннотация. *В статье рассматривается проблема определения места жительства ребенка при раздельном проживании родителей. Автор анализирует понятие «интересы ребенка» как оценочную категорию семейного права и приходит к выводу, что для ее правильного применения необходимы специальные психологические знания. На основе изучения судебной практики и научной литературы выделяются основные психологические критерии: эмоциональная привязанность ребенка к каждому из родителей, психологическая готовность родителя к воспитанию, отсутствие признаков психологического давления (синдром*

© Фомкина А. Д., Домнина О. В., 2026

отчуждения), психологическая безопасность среды проживания. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательства в части закрепления этих критериев и обязательного назначения судебной психологической экспертизы по данной категории дел.

Ключевые слова: *интересы ребенка, споры о месте жительства, психологические критерии, судебная экспертиза, синдром отчуждения.*

Fomkina Anastasia Dmitrievna
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Domnina Olga Viktorovna
candidate of legal sciences, associate professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Hostages of parental wars: psychological criteria for determining the child's interests in disputes over place of residence

Annotation. *The article examines the problem of determining a child's place of residence when parents live separately. The author analyzes the concept of "the child's interests" as an evaluative category of family law and concludes that its proper application requires specialized psychological knowledge. Based on the study of judicial practice and academic literature, the main psychological criteria are identified: the child's emotional attachment to each parent, the parent's psychological readiness for upbringing, the absence of signs of psychological pressure (parental alienation syndrome), and the psychological safety of the living environment. The conclusion is made about the need to improve legislation in terms of establishing these criteria and making forensic psychological examination mandatory for this category of cases.*

Keywords: *child's interests, disputes over place of residence, psychological criteria, forensic examination, parental alienation syndrome.*

Согласно ст. 65 Семейного Кодекса РФ, место жительства детей при раздельном проживании родителей определяется соглашением родителей, а при отсутствии такового – судом, который руководствуется интересами детей [6]. Именно понятие «интересы ребенка» является ключевым критерием, от которого зависит исход возникшего спора. Однако сам законодатель не раскрывает содержание данного термина, оставляя свободу усмотрения судам и экспертам.

Как справедливо подчеркивает профессор Ф. С. Сафуанов, ключевой проблемой в разрешении подобных дел является установление реальных интересов ребенка – именно этот критерий должен быть основополагающим для суда в спорах, затрагивающих семейные отношения [5, с. 15–26].

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 10 от 27 мая 1998 года «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» разъяснил, что к числу таких споров в частности относятся споры об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей [2]. При этом судам предписано учитывать целый ряд обстоя-

тельств, таких как: привязанность ребенка к каждому из родителей, возможность создать для него надлежащие условия для воспитания и развития.

Ф. С. Сафуанов и О. А. Русаковская в своем труде подробно раскрывают психологическую сущность правового понятия «интересы ребенка». Так, по их мнению, интерес ребенка – не абстрактное благо, а конкретное психологическое состояние, характеризующееся определенным уровнем эмоционального комфорта, отсутствием признаков психологической травмированности и возможностью полноценного психического развития [4, с. 54–62].

Исследователи выделяют три последовательных этапа комплексного судебно-экспертного исследования по данной категории дел: индивидуальная психологическая диагностика каждого члена семьи по отдельности, анализ внутрисемейных взаимоотношений и влияния сложившейся семейной ситуации на психическое развитие ребенка. Именно такой подход позволяет дать научно обоснованный ответ на вопрос о том, проживание с каким из родителей в наибольшей степени соответствует интересам ребенка.

На основе анализа научной литературы и материалов судебной практики можно выделить следующие психологические критерии, подлежащие установлению в рамках споров о месте жительства ребенка.

Во-первых, эмоциональная привязанность ребенка к каждому из родителей. Для суда важно не просто констатация наличия или отсутствия привязанности, а определение ее характера и качественных характеристик: является ли она надежной или ненадежной. Исследования показывают, что устойчивая привязанность к обоим родителям способствует психологической стабильности ребенка, тогда как ее нарушение свидетельствует о наличии дисфункциональных отношений в семье [1, с. 221–225].

Нередко в практике ставится вопрос о выявлении привязанности ребенка к окружающим его взрослым. Суд при определении привязанности ребенка к другим членам семьи не должен опираться на объяснения сторон, в том числе и ребенка, без необходимой их оценки и проверки – в основу решения суда должны быть положены все доступные доказательства по делу.

Во-вторых, психологическая готовность родителя учитывать потребности и интересы ребенка. Способность отца или матери понимать и учитывать эмоциональные, интеллектуальные и социальные потребности ребенка – также является довольно важным критерием. При изучении родительского отношения анализируются особенности эмоционального контакта с ребенком, особенности его восприятия родителем и применяемые методы воздействия [3, с. 27–35].

В-третьих, психологическая безопасность среды проживания. В соответствии со ст. 65 Семейного Кодекса РФ, способы воспитания должны исключать жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение. Наиболее сложной для диагностики выступает проблема психологического насилия в семье (критика, унижение, игнорирование потребностей ребенка, манипуляции, эмоциональное отвержение). Данное воздействие наносит непоправимый урон психическому здоровью ребенка.

В-четвертых, мнение ребенка. Ст. 57 Семейного кодекса РФ закрепляет право ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, за-

трагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе судебного заседания. Учет мнения ребенка, который достиг 10-летнего возраста, является обязательным, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам.

С психологической точки зрения, «мнение ребенка» – сложный психологический феномен, который необходимо анализировать и интерпретировать с учетом возраста, уровня психологической зрелости и возможного внешнего влияния.

Наконец, психологическое благополучие и отсутствие признаков дизадаптации. Основная цель судебного решения по делу об определении места жительства несовершеннолетнего является не разрешение спора между родителями, а обеспечение условий, при которых ребенок сможет нормально развиваться. Поэтому в рамках судебно-психологической экспертизы подлежат исследованию:

– наличие или отсутствие у ребенка признаков эмоционального напряжения, стресса, дезадаптации;

– уровень тревожности, наличие депрессивных симптомов;

– характер самооценки и уровень притязаний;

– особенности межличностных отношений в коллективе;

– успешность учебной деятельности.

Игнорирование хотя бы одного из перечисленных критериев на практике приводит к массе проблем, которые требующие оперативного решения, поскольку здоровое развитие ребенка является главным приоритетом.

Так, судьи нередко ограничиваются сопоставлением материально-бытовых условий проживания у каждого из родителей, упуская из виду психологический аспект. В результате несовершеннолетний может оказаться в материально благополучных, но психологически небезопасных условиях.

Одной из наиболее дискуссионных проблем выступает феномен, известный в зарубежной психологии как «синдром отчуждения от родителя» (Parental Alienation Syndrome). Подразумевается, что один родитель – осознанно или неосознанно – формирует у ребенка негативное, враждебное отношение к другому родителю, вплоть до полного отказа от общения с ним.

Такое психологическое воздействие может проявляться в различных формах: от постоянной критики и обесценивания второго родителя в присутствии ребенка до прямого запрета на контакт. В результате чего у ребенка возникает искаженное восприятие реальности, т. е. он начинает искренне верить, что другой родитель «плохой», «нелюбящий», или «опасный», даже если объективных оснований для этого нет.

Российская судебная практика пока не выработала единого подхода для диагностики этого феномена. Тем не менее очевидно, что без учета этого психологического механизма невозможно принять взвешенное и обоснованное решение.

Семейный кодекс РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ содержат лишь примерный перечень обстоятельств, подлежащих учету при определении места жительства ребенка. Для повышения определенности

и предсказуемости судебных решений представляется целесообразным закрепить в законе либо в официальных разъяснениях Верховного Суда перечень психологических критериев, подлежащих обязательному исследованию, например:

1. Характер и качество эмоциональной привязанности ребенка к каждому из родителей;

2. Психологическая готовность каждого из родителей к воспитанию ребенка;

3. Наличие или отсутствие у ребенка признаков психологической травматизации, связанной с действиями одного из родителей;

4. Наличие или отсутствие признаков психологического давления на ребенка со стороны родителей;

5. Степень психологической зрелости ребенка и способность сформировать самостоятельное мнение.

Кроме того, судья не имеет специальных психологических знаний, а потому даже самое качественное экспертное заключение может быть неверно им интерпретировано. Поэтому необходимо предоставить суду право привлекать психолога в качестве специалиста для непосредственного участия в судебном заседании (ст. 188 ГПК РФ) – для дачи разъяснений по вопросам, которые требуют применение таких знаний, а также для непосредственного наблюдения за поведением ребенка и родителей на самом судебном заседании. Такая практика уже применяется в ряде зарубежных стран и зарекомендовала себя как эффективный способ обеспечения учета психологических аспектов при вынесении судебного решения.

Таким образом, подводя итог, споры об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей - одна из наиболее сложных и эмоциональных категорий гражданских дел. В этих спорах дети нередко оказываются «заложниками родительских войн». Задача суда в таком случае – обеспечить реализацию приоритетного права ребенка на жизнь и воспитание в семье, на защиту от всех форм насилия, на учет его мнения и, самое главное, – на психологическое благополучие.

Ключевым критерием, которым должен руководствоваться суд, является «интересы ребенка». Данное понятие имеет не только правовое, но и глубокое психологическое содержание, которое невозможно раскрыть без использования специальных знаний в области психологии.

Для повышения эффективности судебной защиты прав детей в данной категории дел необходимо: законодательное закрепление перечня психологических критериев, подлежащих обязательному исследованию, а также расширение практики назначения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз.

Только при соблюдении этих условий суд сможет вынести решение, которое действительно будет соответствовать интересам ребенка, а не станет очередным эпизодом в «родительской войне», в которой единственным проигравшим оказывается несовершеннолетний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Минина А. А. Соглашения в семейном праве как сфера реализации интересов ребенка // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика. 2020. С. 221–225.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (ред. от 26 декабря 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

3. Русаковская О. А., Новикова-Грунд М. В., Андрианова С. Б. Психосемиотический подход к оценке родительского отношения // Российский психиатрический журнал. 2019. № 4. с. 27–35

4. Сафуанов Ф. С., Русаковская О. А. Методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам воспитания детей при раздельном проживании родителей // Психологическая наука и образование. 2010. Т. 15. № 2. С. 54–62.

5. Сафуанов Ф. С., Харитонова Н. К., Русаковская О. А. Зарубежная практика участия специалистов-психологов и психиатров в судебных спорах о детях // Юридическая психология. 2009. № 1. С. 15–26

6. Семейный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 5 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1.

УДК 343.1

Шерняева Арина Сергеевна
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
ms.shernyaeva@gmail.com

Домнина Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
ol-domni@yandex.ru

Профессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов как угроза законности в уголовном процессе

Аннотация. *В статье исследуется профессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов как реальная угроза законности в уголовном процессе. Анализируются ключевые факторы, приводящие к деформации личности сотрудников правоохранительных органов и рассматриваются конкретные формы ее проявления цинизм и «замылен-*

© Шерняева А. С., Домнина О. В., 2026

ный глаз». Особое внимание уделяется механизму влияния указанных феноменов на следственную практику: показано, как пренебрежение нормами морали и чувство вседозволенности ведут к фальсификации доказательств, а шаблонное мышление и обвинительный уклон – к игнорированию оправдательных обстоятельств и формальной оценке доказательств.

Ключевые слова: *профессиональная деформация, законность, фальсификация доказательств, правоохранительные органы, цинизм, деятельность.*

Shernyaeva Arina Sergeevna
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Domnina Olga Viktorovna
candidate of legal sciences, associate professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Professional deformation of law enforcement officers as a threat to legality in criminal proceedings

Annotation. *The article examines professional deformation of law enforcement officers as a real threat to the rule of law in criminal proceedings. It analyzes the key factors leading to the deformation of law enforcement officers' personalities and examines specific forms of its manifestation – cynicism and "blurred vision". Particular attention is paid to the mechanism by which these phenomena influence investigative practice: it is shown how neglect of moral norms and a sense of impunity lead to the falsification of evidence, while formulaic thinking and prosecutorial bias lead to the ignoring of exculpatory circumstances and a formalistic approach to evidence evaluation.*

Keywords: *professional deformation, legality, falsification of evidence, law enforcement agencies, cynicism, professional activity.*

В настоящее время исследование такого явления, как профессиональная деформация, является крайне значимым. Его актуальность заключается в том, что профессиональная деятельность, как ведущий тип деятельности, оказывает существенное влияние на личность человека. Принцип единства сознания, деятельности и личности постулирует, что в процессе деятельности личность рождается и формируется. Но процесс деятельности может иметь и оборотную сторону, в которой происходит деформация личности специалиста [2, с. 33].

Профессиональная деформация представляет собой изменение личности под воздействием ряда факторов, обусловленных как специфическими особенностями выполнения профессиональных обязанностей, так и индивидуальными психологическими качествами сотрудника. В качестве факторов такого изменения можно выделить большое количество стрессовых ситуаций, с которыми сталкиваются сотрудники в ходе своей деятельности; нестабильный рабочий график, сопровождающийся снижением мотивации и утратой интереса к работе; взаимодействие с антисоциальными личностями при расследовании преступлений, что, в свою очередь, может повлечь усвоение элементов криминального мира; высокий уровень физических и психологических нагрузок, влекущий

риск развития эмоционального выгорания; формирование в результате выполнения монотонного труда стереотипов и шаблонов, которые приводят к «отмиранию» у сотрудника способности к гибкому мышлению; несоответствие личных ожиданий от получаемой профессии и реальных возможностей реализации в ней.

В рамках настоящей статьи рассмотрим вопрос о том, как «замыленный глаз» и цинизм правоохранителя приводят к фальсификации доказательств и игнорированию оправдательных обстоятельств.

Согласно статье 74 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации: доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [5]. Предметом фальсификации могут быть вещественные доказательства (подброшенные на место происшествия, подменившие имеющие отношение к преступлению предметы), документы (акты ревизий, доверенности, расписки), протоколы следственных и судебных действий. Фальсификация может заключаться в указании в протоколе следственного действия ложной информации как о самом исследуемом факте (например, о якобы обнаруженном при обыске предмете), так и об обстоятельствах проведения следственного действия (о времени его проведения и об участвующих в нем лицах) [4, с. 465].

Со стороны следователя, дознавателя цинизм выражается в утрате чувствительности к человеческому горю и пренебрежительном, презрительном отношении к нормам морали, нравственным ценностям и, соответственно, к участникам уголовного судопроизводства. С цинизмом также сопряжено чувство неограниченности своих властных полномочий и вседозволенности ввиду служебного положения в уголовном процессе, что, по сути дела, «развязывает руки» сотрудникам правоохранительных органов и приводит к фальсификации ими доказательств при расследовании преступлений с целью повышения показателей результативности и упрощения осуществления своей деятельности. Так, например, в протоколе допроса несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) следователь (дознаватель) может сфальсифицировать факт присутствия законного представителя несовершеннолетнего и педагога с целью ускорения процедуры расследования, что будет являться наглядным проявлением пренебрежительного отношения к психоэмоциональному состоянию лица, которое обусловлено возрастным критерием и обстоятельствами произошедшего, и к нормам законодательства, поскольку за данное деяние предусмотрена уголовная ответственность. Таким образом, исследуемое деструктивное явление приводит к нравственной деформации, которая выражается в утрате эмпатии и формировании у сотрудников правоохранительных органов пренебрежительного отношения к закону.

Серьезной угрозой законности в уголовном процессе также является «замыленный глаз» сотрудников правоохранительных органов как проявление профессиональной деформации. Данный феномен зачастую сопряжен с обвинительным уклоном («презумпция виновности»), который заключается в позиционировании обвиняемого как априори виновного в совершении преступления при недоказанности его вины судом [3, с. 14–15]. Под «замыленным глазом» стоит понимать утрату лицом способности обращать внимание на детали в силу длительного выполнения однообразных действий. В рамках уголовного процесса данное явление проявляется в формировании у следователя шаблонного мышления: складывается общая картина преступления, которую он в дальнейшем применяет ко всем расследуемым делам, в результате чего расследование приобретает поверхностный характер.

В условиях неочевидности преступлений это приводит к формальному подходу в оценке доказательств и игнорированию оправдательных обстоятельств уголовного дела.

Это возникает в силу нескольких причин.

Во-первых, ввиду высокого уровня загруженности некоторые следователи не изучают периодически обновляющиеся методические рекомендации по расследованию различных видов преступлений. Дефицит времени достаточно часто ведет к торопливости и неисполнению процессуальных требований, что в деятельности следователя (дознавателя) создает серьезную угрозу для установления истины.

Во-вторых, нестабильный рабочий график нередко приводит к хроническому стрессу и эмоциональному выгоранию. Выполнение одной и той же профессиональной на протяжении длительного времени влечет за собой профессиональную усталость, сокращение репертуара способов выполнения деятельности, утрату набора умений и навыков, снижение работоспособности [1, с. 197]. Помимо этого, постоянное взаимодействие с преступным миром и его участниками формирует у следователей предвзятость, следствием чего может выступать необъективная оценка доказательств. Все указанные факторы в совокупности негативно влияют на качество деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что профессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов – это не просто абстрактная теоретическая концепция, а реально существующее явление, обладающее высокой степенью общественной опасности. Таким образом, ключевой проблемой становится прямая угроза реализации принципа презумпции невиновности и права на справедливое судебное разбирательство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зеер Э. Ф. Психология профессий : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 1999. 280 с.

2. Константинов В. В. Профессиональная деформация личности : учебник для вузов. 2-е изд. М. : Юрайт, 2026. 186 с.

3. Косолапова Е. А. Деформация профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов и ее профилактика // Научная весна – 2024 : сб. ст. II Междунар. науч.-исслед. конкурса. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2024. С. 13–19.

4. Наумов А. В., Кибальник А. Г. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2026. 564 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г, одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08 марта 2026 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=mqtre4hesa961524243 (дата обращения: 10.03. 2026.)

УДК 342.5

Ким Владислав Владимирович
студент, Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Российская Федерация
kimvlad230806@gmail.com

Евдокимов Константин Николаевич
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры государственно-правовых дисциплин
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Иркутск, Российская Федерация
kons-evdokimov@yandex.ru

К вопросу о законодательной регламентации права Генерального прокурора Российской Федерации на участие в конституционном судопроизводстве

Аннотация. *В статье анализируется участие Генерального прокурора в Конституционном судопроизводстве. Изучается законодательная коллизия, связанная с отсутствием у Генерального прокурора прямого права на обращение в Конституционный Суд, что существенно ограничивает его надзорные полномочия. Приводятся примеры из судебной практики, подтверждающие необходимость устранения этого пробела для эффективной защиты конституционных прав граждан. Предлагается внедрить механизм законодательного закрепления права Генерального прокурора на обращение в Конституционный Суд путем внесения изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», что позволит гармонизировать правовое регулирование и повысить роль прокуратуры в механизме конституционного контроля.*

© Ким В. В., Евдокимов К. Н., 2026

Ключевые слова: *Генеральный прокурор, Конституционный суд, обращение в суд, права граждан.*

Kim Vladislav Vladimirovich
student, Irkutsk law institute (branch)
of the University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russian Federation

Evdokimov Konstantin Nikolaevich
doctor of law, associate, professor, professor
department of state and legal disciplines
Irkutsk law institute (branch)
of the University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russian Federation

On the issue of legislative regulation of the right of the prosecutor General of the Russian Federation to participate in constitutional proceedings

Annotation. *This article analyzes the participation of the Prosecutor General in constitutional litigation. It examines the legislative conflict associated with the Prosecutor General's lack of direct right to appeal to the Constitutional Court, which significantly limits his supervisory powers. Case law examples are provided, confirming the need to address this gap to effectively protect citizens' constitutional rights. It is proposed to introduce a mechanism to legislatively enshrine the Prosecutor General's right to appeal to the Constitutional Court by amending the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation." This will harmonize legal regulation and enhance the role of the prosecutor's office in the constitutional review mechanism.*

Keywords: *Prosecutor General, Constitutional Court, appeal to the court, citizens' rights.*

Прокуратура Российской Федерации в соответствии со своими полномочиями осуществляет надзор за соблюдением Конституции и исполнением законодательства. Одной из ее ключевых задач является обеспечение верховенства закона, а также защита прав и свобод граждан. Именно эта функция делает прокурора активным и обязательным участником во всех видах судопроизводства в Российской Федерации. Однако значимую, но в то же время мало регламентируемую роль играет прокурор в конституционном судопроизводстве.

В соответствии со статьей 105 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О Конституционном суде), правом на обращение в Конституционный суд обладают: Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная Дума, Правительство Российской Федерации, органы законодательной власти субъектов Российской Федерации [4]. Этот же исчерпывающий перечень лиц закреплен в п. 2 ст. 125 Конституции Российской Федерации [2].

В установленном законом круге субъектов, имеющих право на обращение в Конституционный суд, отсутствует какое-либо упоминание Генерального

прокурора, на эту же проблему в своем исследовании указывает А. В. Титаренко [1, с. 38–39]. Данный факт представляет собой существенный недостаток, препятствующий полноценной реализации прокуратурой закрепленных в п. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее ФЗ «О Прокуратуре») целей в виде обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности [5]. Подтверждением данной правовой коллизии служит п. 6 ст. 35 ФЗ «О прокуратуре», в котором закреплено, что Генеральный прокурор Российской Федерации вправе обращаться в Конституционный суд по вопросу нарушения конституционных прав и свобод граждан.

Помимо указанного федерального закона существует Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 гражданско-процессуального кодекса (далее – ГПК) РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан, государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» в п. 5.3 этого постановления указывается: у Генерального прокурора есть возможность обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке соответствия Конституции Российской Федерации конституций и уставов субъектов Российской Федерации [7].

Наряду с отмеченными выше положениями, показательным примером рассматриваемого полномочия служит Определение Конституционного суда от 16 декабря 2004 г. № 394 – По жалобе Генерального прокурора Российской Федерации на нарушение конституционных прав граждан пунктом 3 статьи 26 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» [6]. В данном деле виновником смертельного ДТП был мировой судья и Генеральный прокурор обратился в квалификационную коллегию судей, однако там ему отказали, сославшись на то, что смерть наступила в результате стечения случайных обстоятельств и судья и виновный в ДТП характеризуется исключительно с положительной стороны. В свою очередь Генеральный прокурор оспаривал конституционность нормы, которая ограничивала судебный контроль за решениями квалификационных коллегий судей лишь проверкой процедурных нарушений, исключая проверку по существу. Несмотря на то, что формально Генеральный прокурор не входит в круг субъектов, перечисленных в ст. 125 Конституции РФ, Конституционный суд Российской Федерации (далее – КС РФ) не отказал в рассмотрении его жалобы, а более того удовлетворил ее по существу.

Следовательно, Конституционный Суд РФ признал легитимность участия Генерального прокурора. Сам факт принятия жалобы к рассмотрению и вынесения по ней решения свидетельствует о том, что Конституционный суд рассматривает Генерального прокурора как допустимого инициатора конституционного контроля в рамках защиты прав граждан.

В итоге, при имеющемся нормативном регулировании возникает явная правовая коллизия: ни Конституция Российской Федерации, ни ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» не наделяют Генерального прокурора правом на об-

ращение в Конституционный Суд. В свою очередь, ФЗ «О прокуратуре» и сложившаяся правоприменительная практика, напротив, такое право за ним признают. Подобная несогласованность приводит к тому, что прокуратура не может принимать эффективное участие в конституционном судопроизводстве в целях защиты прав и свобод граждан, а также обеспечения единства и укрепления законности.

В целях устранения коллизии и усиления защиты основных прав и свобод человека и гражданина целесообразным будет являться совершенствование действующего законодательства, а именно – наделение Генерального прокурора Российской Федерации правом обращения в Конституционный Суд Российской Федерации.

Как следует из Приказа Генерального прокурора РФ от 13 ноября 2013 года № 491, полномочный представитель наделен широким кругом полномочий [8]. Согласно п. 2 Приказа, он вправе не только представлять позицию Генпрокуратуры в заседаниях, но и «поддерживать» обращения и заключения, «уточнять и изменять по согласованию с Генеральным прокурором Российской Федерации основания для его обращений». Это предоставляет ему возможность активной процессуальной позиции, которая схожа с действиями стороны в процессе. Следовательно, через институт полномочного представительства прокуратура компенсирует недостаток формальных полномочий, создавая эффективный механизм для постоянного и квалифицированного участия в работе Конституционного Суда. Это доказывает, что фактически прокурор является участником конституционного судопроизводства, чей статус требует нормативного закрепления.

Обратившись к научной литературе, можно сделать вывод что, многие ученые говорят о необходимости закрепления Генерального прокурора как обязательного участника конституционного судопроизводства. Такой позиции придерживается Т. А. Васильева [9, с. 37–42]. Помимо этого, в исследовании делается акцент на том, что прокурор – полноправный участник конституционного судопроизводства, а это предопределяет необходимость закрепить модель правоотношений, сформированную на практике конкретизировав ее как в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», так и в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации».

Автор согласен с исследованием К. Н. Евдокимова, в котором подробно описывается то, как правильно внедрить прокуратуру в систему конституционного судопроизводства [3, с. 43].

В первую очередь, требуется закрепление в часть 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации возможности Генерального прокурора на обращение в Конституционный суд.

Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде» также подлежит дополнению в виде включения Генерального прокурора Российской Федерации в перечень субъектов, наделенных правом на обращение в Конституционный Суд.

Помимо этого, стоит издать отдельный приказ Генерального прокурора Российской Федерации о реализации полномочий по обращению в Конституционный

ционный Суд Российской Федерации и участию в конституционном судопроизводстве. В структуре приказа стоит закрепить общие положения, закрепляющие цели и правовые основания деятельности Генерального прокурора в конституционном судопроизводстве. Особое внимание необходимо уделить регламентации порядка подготовки обращений, установив требования к его содержанию и форме.

На основе сказанного можно сделать вывод о том, что наделение Генерального прокурора правом прямого обращения в Конституционный Суд имеет важное значение для укрепления законности и повышения эффективности защиты прав граждан. Участие прокуратуры в конституционном процессе позволило бы привнести в процесс позицию, основанную на защите интересов и прав граждан, тем самым обеспечив более полный и всесторонний анализ оспариваемых нормативных положений. Это не только усилит роль прокуратуры, но и обеспечит развитие конституционного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Титаренко А. В. Актуальные вопросы обеспечения прокурором прав граждан при участии в Конституционном (уставном) судопроизводстве субъектов РФ // Юридические науки и политология. 2017. № 11. С. 38–39.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mqtrqqdwxx667824535 (дата обращения: 10.04.2026).

3. Евдокимов К. Н. Особенности участия Генерального прокурора Российской Федерации и нижестоящих прокуроров в Конституционном судопроизводстве // Вестник университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 1(69). С. 10–15.

4. Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации» : принят Государственной Думой 24 июня 1994 г., одобрен Советом Федерации 12 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 31 июля 2023 г.). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.04.2026).

5. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации от 17 января 1992 г. №2202-1 (в ред. от 29 декабря 2025 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/?ysclid=mqts4cx5ei73993 4425 (дата обращения: 10.04.2026).

6. Определение Конституционного суда РФ от 16 декабря 2004 года № 394-О «По жалобе Генерального прокурора Российской Федерации на нарушение конституционных прав граждан пунктом 3 статьи 26 Федерального закона „Об органах судейского сообщества в Российской Федерации“». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52039/?ysclid=mqts26r5cg481 511150 (дата обращения: 10.04.2026).

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. №13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Фе-

дерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43508/? ysclid=mqts6ominy872209299 (дата обращения: 10.04.2026).

8. Приказ Генпрокуратуры России от 13.11.2013 №491 «О полномочном представителе Генерального прокурора Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=714838&ysclid=mqts8rwz3j66342571#hZ8uZNVk6J3P5jwq (дата обращения: 10.04.2026).

9. Васильева Т. А. Участие прокурора в Конституционном судопроизводстве: проблемы законодательства и правоприменения // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 5. С. 37–42.

УДК 347.9

Миленина Екатерина Александровна
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
milenina05@mail.ru

Домнина Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
ol-domni@yandex.ru

Эмоциональный барьер медиации: почему психологическая неготовность сторон блокирует реализацию гражданских прав

Аннотация. *В статье анализируется проблема низкой эффективности института медиации в России, несмотря на его законодательное закрепление и доказанные преимущества. Основное внимание уделяется психологическим барьерам, препятствующим обращению к медиации и успешному завершению процедуры. На основе анализа научной литературы и эмпирических исследований выделяются ключевые факторы психологической неготовности сторон: доминирование конкурентной стратегии поведения в конфликте, отсутствие навыков ведения переговоров, нежелание брать ответственность за разрешение спора. Предлагаются пути преодоления выявленных барьеров, включая внедрение обязательной информационной встречи с медиатором и развитие просветительской деятельности.*

Ключевые слова: *медиация, психологические барьеры, эмоциональный интеллект, конфликт, примирительные процедуры.*

© Миленина Е. А., Домнина О. В., 2026

Milenina Ekaterina Alexandrovna
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Domnina Olga Viktorovna
candidate of legal sciences, associate professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Emotional barrier of mediation: why psychological unpreparedness of the parties blocks the realization of civil rights

Annotation. *The article analyzes the problem of low efficiency of the mediation institution in Russia, despite its legislative consolidation and proven advantages. The main attention is paid to psychological barriers that prevent applying to mediation and successful completion of the procedure. Based on the analysis of scientific literature and empirical research, the key factors of psychological unpreparedness of the parties are identified: the dominance of a competitive strategy of behavior in conflict, lack of negotiation skills, unwillingness to take responsibility for resolving the dispute. Ways to overcome the identified barriers are proposed, including the introduction of a mandatory information meeting with a mediator and the development of educational activities.*

Keywords: *mediation, psychological barriers, emotional intelligence, conflict, conciliation procedures.*

Уже более 10 лет в России существует законодательная база для медиации, заложенная Федеральным законом № 193-ФЗ, принятым в 2010 г. и вступившим в силу в 2011 г. [5]. Однако парадоксально, что при всех неоспоримых достоинствах – способности экономить время и деньги, гарантировать конфиденциальность и даже спасать отношения – этот эффективный инструмент разрешения конфликтов до сих пор остается практически невостребованным.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, процент дел, прекращенных в результате медиации, колеблется от 0,27 % в 2019 г. до 0,1 % в 2023 г. Неудача закона о медиации в России объясняется не столько юридическими пробелами, сколько психологическими факторами. Исследователи отмечают, что медиация в стране стагнирует из-за своей новизны, нехватки опытных медиаторов, недостаточной просветительской работы со стороны властей, СМИ и самих медиаторов, а также общей неосведомленности граждан. Однако главным препятствием является психологическая неготовность сторон к мирному разрешению споров.

Ключевым барьером на пути развития медиации в России является глубоко укоренившаяся в общественном сознании склонность к конкурентной стратегии поведения в конфликтных ситуациях. Как подчеркивают Т. И. Марголина и П. А. Суровяткина, люди часто выбирают конфронтацию, стремясь к «победе любой ценой», что препятствует достижению взаимовыгодных решений [2, с. 4]. Н. А. Романова выделяет ряд специфических черт российского менталитета, которые затрудняют внедрение примирительных процедур [4]. Среди них: негативное

восприятие компромисса как проявления слабости, потребность во внешнем, императивном регулировании конфликтов, нежелание принимать на себя ответственность за поиск решений, несамостоятельность в принятии решений, а также общая неуступчивость и доминирование психологии победителя, характерной для русской и советской культуры. Эти установки формируют мощный эмоциональный барьер, заставляя участников конфликта воспринимать его как противостояние, где неизбежно есть победитель и побежденный, что в корне противоречит цели медиации – поиску взаимовыгодного решения.

Еще одной из серьезных психологических преград на пути к разрешению конфликтов является нежелание сторон брать на себя ответственность за поиск решения. Исторически сложившаяся в России правовая система ориентирует граждан на обращение к суду как к высшей инстанции, призванной разрешить спор. Переход к самостоятельному урегулированию, где стороны сами принимают решения, минуя судью, требует от них достаточный уровень эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект, подразумевающий умение понимать и управлять своими и чужими эмоциями, играет ключевую роль в решении задач. В конфликтных ситуациях, этот уровень часто падает, что усложняет процесс медиации.

Особенно ярко психологические барьеры проявляются в семейной медиации, где эмоциональная вовлеченность сторон максимальна. Н. В. Клюева в своем исследовании выделяет следующие причины, мешающие внедрению медиации в работу с разводящимися семьями: «неготовность супругов (преимущественная ориентация на рассмотрение дел в суде); невладение многими психологами технологией медиации; сопротивление применению медиации как инновационной технологии; ориентация родителей на манипулятивные и силовые стратегии поведения в ситуации конфликта» [1, с. 3]. Супруги, инициирующие судебный развод, обычно уже находятся в конфликтных отношениях, часто с новыми партнерами. Их цель – быстрое завершение процесса, без склонности к примирению. Процент воссоединений в таких случаях минимален и исключителен.

Один из наиболее многообещающих путей преодоления психологической неготовности к медиации – это внедрение обязательных информационных встреч с медиатором. Эти встречи не обязывают к участию в процедуре медиации, но предоставляют сторонам ценную информацию о возможностях альтернативного урегулирования споров. Аналогичный подход, успешно балансирующий между обязательным информированием и добровольным участием, реализован в Республике Беларусь. С декабря 2019 года, благодаря законодательным изменениям, суды и органы ЗАГС обязаны разъяснять супругам, подающим на развод, их право на добровольную информационную встречу с медиатором. Белорусский опыт наглядно демонстрирует, что такие встречи помогают снизить эмоциональное напряжение, разъяснить суть медиации и дать сторонам возможность сделать по-настоящему информированный выбор. Как отмечают участники проекта, «люди часто бывают шокированы, когда им объясняют, что в данной ситуа-

ции никто не прав и никто не виноват. Мы не стремимся как-то изменить стороны, а нацеливаем их на будущее» [3].

Эффективное преодоление психологических барьеров, препятствующих распространению медиации, невозможно без целенаправленной и системной просветительской работы. Необходима комплексная стратегия популяризации медиации, включающая: широкое информирование населения о ее доступности, разъяснение ее преимуществ по сравнению с судебным процессом, формирование позитивного восприятия роли медиатора и интеграцию базовых принципов медиации в образовательные программы.

Проблема не только в юридических недочетах, а также в глубоко укоренившихся социокультурных и психологических барьерах. Российское правосознание склонно к конфронтации, предпочитая государственное разрешение споров и стремление к «победе любой ценой», что идет вразрез с кооперативной философией медиации. Дополнительную сложность создают низкая готовность сторон к поиску взаимовыгодных решений и дефицит эмоционального интеллекта, необходимого для успешного примирения. Для преодоления этой стагнации требуется не только дальнейшее совершенствование закона, но и системная стратегия по изменению конфликтной культуры общества. Только комплексный, междисциплинарный подход, направленный на преодоление психологического неприятия и формирование навыков ответственного и кооперативного урегулирования споров, позволит медиации реализовать свой потенциал в России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Клюева Н. В. Медиация в ситуации конфликта между супругами, имеющими несовершеннолетних детей // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. № 2. С. 80–87.

2. Марголина Т. И., Суровяткина П. А. Барьеры и стимулы развития медиации (примирительных процедур) в социальной сфере // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. № 3. С. 1–12.

3. Практика использования медиации в ЗАГСе: «Мы не стремимся как-то изменить стороны, а нацеливаем их на будущее». URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2018/january/27358/ (дата обращения: 06.04.2026).

4. Романова Н. М. Проблемы теории и практики медиации: психологический анализ // Перспективы становления и развития медиации в регионах : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Саратов : Наука, 2015. С. 97–104.

5. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

УДК 347.963

Биган Анна Сергеевна
студент, Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Симферополь, Российская Федерация
annabigan26@mail.ru

Научный руководитель:
Потапова Лариса Витальевна
кандидат исторических наук, доцент
Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Симферополь, Российская Федерация
polavit@yandex.ru

Прокурорский надзор как механизм защиты прав детей участников специальной военной операции

Аннотация. *Статья посвящена исследованию роли прокурорского надзора как важного механизма защиты прав детей, чьи родители участвуют в специальной военной операции. В работе рассматриваются основные направления деятельности прокуратуры в сфере обеспечения прав и законных интересов детей, а также анализируются механизмы, позволяющие оперативно реагировать на нарушения их прав. Автор акцентируют внимание на важности прокурорского надзора в вопросах, касающихся социальной поддержки детей, а также на необходимости постоянного контроля за соблюдением их прав. Эффективная работа прокуратуры способствует укреплению законности и обеспечению социальной справедливости в обществе.*

Ключевые слова: *прокуратура, несовершеннолетние, специальная военная операция (СВО), участник СВО, права ребенка.*

Bigan Anna Sergeevna
student, Crimean Law Institute (branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Simferopol, Russian Federation

Scientific supervisor:
Potapova Larisa Vitalievna
candidate of historical sciences, associate professor
Crimean Law Institute (branch) University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Simferopol, Russian Federation

Prosecutor's supervision as a mechanism for protecting the rights of children participating in a special military operation

Annotation. *The article is devoted to the study of the role of prosecutorial supervision as an important mechanism for protecting the rights of children whose parents participate in a special*

© Биган А. С., 2026

military operation. The paper examines the main activities of the prosecutor's office in the field of ensuring the rights and legitimate interests of children, as well as analyzes the mechanisms that allow to respond promptly to violations of their rights. The author focuses on the importance of prosecutorial supervision in matters related to the social support of children, as well as the need for constant monitoring of compliance with their rights. The effective work of the Prosecutor's Office contributes to strengthening the rule of law and ensuring social justice in society.

Keywords: *prosecutor's office, minors, special military operation (SVO), SVO participant, rights of the child.*

Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, что закреплено в ст. 7 Конституции Российской Федерации [2]. В настоящее время одним из основных направлений государственной политики является поддержка, защита и восстановление прав участников специальной военной операции (СВО), а также членов их семьи. На протяжении трех лет с момента начала СВО государством, как на федеральном, так и на региональном уровне разрабатываются и принимаются различные меры социальной поддержки данной категории граждан.

Защита семьи, материнства и детства является одним из основных конституционных принципов, который составляет основу конституционного строя государства. Как указано в ч. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства [2]. Для детей военнослужащих предусмотрены федеральные, региональные и муниципальные меры поддержки в сфере образования, медицины, санаторно-курортного лечения, предоставления юридической и психологической помощи и иных. В зависимости от субъекта меры государственной поддержки могут различаться, но во многом они между собой схожи, и направлены в первую очередь на защиту прав и свобод ребенка.

Особую роль в защите прав и законных интересов как участников СВО, так и членов их семей, в том числе детей, играют органы прокуратуры. В рамках правозащитной деятельности органы прокуратуры уделяют внимание обращениям, связанным с предоставлением жилья, выплатами и пособиями, а также медицинским обслуживанием близких военнослужащего. Благодаря принимаемым мерам прокурорского реагирования участники СВО и их семьи восстанавливают свои нарушенные права и получают необходимые и положенные им по закону государственной поддержки.

Генеральный прокурор Российской Федерации А. В. Гуцан на итоговой коллегии Генеральной прокуратуры отметил, что «за прошедший год органы прокуратуры защитили права 620 тыс. участников СВО и членов их семей» [1]. В 2025 г. благодаря эффективной работе надзорного органа и принимаемых их мерам прокурорского реагирования военнослужащие и их близкие получили более 18,5 млрд руб. социальной поддержки. Данная статистика свидетельствует о важности правозащитной функции прокуратуры в указанной сфере и подчеркивает роль прокуратуры, как главного гаранта соблюдения прав граждан.

Большая часть нарушений в отношении детей участников СВО связана с отказами уполномоченных государственных органов в назначении социальных выплат, льгот и иных компенсация. Девятый кассационный суд общей

юрисдикции удовлетворил иск прокуратуры, отменив решения нижестоящих судов и признав за ребенком право на жилищную выплату. Так, в прокуратуру обратилась женщина с жалобой на Центр социальной поддержки Приморья, который отказал ее дочери в выплате на получение региональной единовременной выплаты на приобретение жилья [6]. Согласно Постановлению Правительства Приморского края от 01.07.2023 г. № 357-пп, право на получение данной денежной выплаты имеет ребенок участника СВО, у которого отсутствует в собственности жилое помещения на территории Российской Федерации в период с даты гибели (смерти) военнослужащего до даты подачи заявления [3]. На основании этого положения Центр социальной поддержки отказал девочке в выплате, так как у нее уже было жилье. Однако, государственный орган не учел, что это жилье было куплено матерью на имя ребенка за счет ранее назначенной целевой социальной выплаты, что фактически лишило девочку права на дополнительную региональную меру поддержки для семей погибших участников СВО. По итогам рассмотрения заявления, прокуратура направила иск в суд, но в первой и апелляционной инстанциях требования не были удовлетворены, поэтому надзорное ведомство принесло кассационное представление, в результате которого суд признал за ребенком право на получение региональной единовременной выплаты на приобретение жилья.

Еще одним показательным примером является обращение матери несовершеннолетнего ребенка погибшего участника СВО в прокуратуру по поводу незаконного отказа центра социальной защиты населения в предоставлении единовременной денежной выплаты дочери [5]. Установлено, что отказ связан с отсутствием в региональном законодательстве, предусматривающем данную меру поддержки, членов семей бойцов частной военной компании (ЧВК), как получателей средств. Прокуратура оспорила это решение в суде, указав, что отец девочки погиб, выполняя задачи СВО, и участвуя в боях в составе ЧВК, выполнял те же задачи в рамках СВО и в тех же условиях, что и лица, заключившие контракт с Министерством обороны России. По итогам рассмотрения дела, суд встал на сторону прокуратуры, признав отказ незаконным и обязав центр социальной защиты населения предоставить ребенку положенную по региональному законодательству меру социальной поддержки.

Необходимо также выделить направление деятельности органов прокуратуры по защите прав и законных интересов детей участников СВО в образовательной сфере. Так, в прокуратуру с заявлением о проведении проверки по факту необоснованного взыскания платы за обучение детей обратилась супруга участника СВО. Указом Губернатора Омской области от 03 августа 2023 г. № 181, предусмотрено освобождение от платы, взимаемой с родителей за присмотр и уход за детьми участников СВО, обучающимися образовательных организациях по образовательным программам дошкольного образования [8]. В рамках проведенной проверки установлено, что муж обратившейся в прокуратуру женщины проходит военную службу в зоне СВО, при этом их двое несовершеннолетних детей (3 года и 5 лет), являются воспитанниками детского сада. Однако, несмотря на предусмотренные региональным законодательством льготы для данной категории граждан, образовательной организацией необоснованно взималась плата за присмотр и уход за детьми заявителя, перерасчет не

производился. В связи с выявленными нарушениями прокуратурой района председателю регионального Комитета по образованию внесено представление, по результатам рассмотрения которого организован перерасчет платы за посещение детьми детского сада.

Другим примером, является обращение в надзорное ведомство женщины в интересах своей малолетней внучки о защите прав на получение мер социальной поддержки [4]. Установлено, что несовершеннолетний ребенок участника СВО на платной основе посещала занятия по дополнительной общеобразовательной программе в образовательном учреждении. Вместе с тем, в нарушение положений Указа Главы Республики Марий Эл от 26 октября 2022 г. №176, устанавливающего право бесплатного посещения занятий несовершеннолетними кружков, секций и иных занятий, организуемых в государственных образовательных организациях Республики Марий Эл, реализующих дополнительные общеобразовательные программы, несовершеннолетней не было предоставлено данное право [7]. В целях защиты прав ребенка прокуратурой в адрес директора школы внесено представление, которое рассмотрено и удовлетворено, несовершеннолетней предоставлено право бесплатного посещения занятий.

Таким образом, защита прав и законных интересов детей участников СВО является важнейшей задачей государства и общества. Органы прокуратуры в данной области играют ключевую роль, благодаря их вмешательству и приминаемым по результатам рассмотрения обращений заявителей мерам прокурорского реагирования восстанавливаются права детей на получение социальных выплат, льгот, образовательных и медицинских услуг, а также на защиту жилищных интересов. Анализ решений подтверждает важность и эффективность прокурорского надзора, как инструмент в борьбе с нарушениями со стороны государственных органов прав семей участников СВО. В дальнейшем, с учетом постоянно развивающегося общества и изменением политической обстановки в стране и мире в целом, необходимо совершенствование законодательства, усиление прокурорского надзора и развитие мер социальной поддержки, как одних их приоритетных направлений государственной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гуцан А. В. Прокуратура в 2025 году защитила права более 600 тыс. участников СВО. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8516026 (дата обращения: 02.04.2026).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mqtstj7gou161309959 (дата обращения: 02.04.2026).

3. Постановление Правительства Приморского края от 01 июля 2023 г. №357-пп «О предоставлении мер социальной поддержки детям лиц, участвовавших в специальной военной операции, детям лиц, выполнявших задачи по отражению вооруженного вторжения на территорию Российской Федерации, а также в ходе вооруженной провокации на государственной границе Российской Федерации и территориях субъектов Российской Федерации, приле-

гающих к районам проведения специальной военной операции» (с изменениями на 1 августа 2025 года). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 02.04.2026).

4. По требованию прокуратуры восстановлены права ребенка участника СВО. URL: https://mari-el.gov.ru/municipality/gornomari/ news/20251217-4/ (дата обращения: 02.04.2026).

5. Прокуратура Инты восстановила право ребенка на получение единовременной денежной выплаты в связи с гибелью отца на СВО. URL: https://komiinform.ru/news/293689 (дата обращения: 02.04.2026).

6. Прокуратура Приморья защитила право ребенка погибшего участника СВО на жилищную поддержку. URL: https://news.mail.ru /economics/69140718/ (дата обращения: 02.04.2026).

7. Указ Главы Республики Марий Эл от 26 октября 2022 г. № 176 «Об установлении в Республике Марий Эл дополнительных мер социальной поддержки членам семей военнослужащих, участвующих в специальной военной операции». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/ 1200202210280005 (дата обращения: 03.04.2026).

8. Указ Губернатора Омской области от 03 августа 2023 г. № 181 «Об установлении дополнительных мер поддержки и помощи для участников специальной военной операции и членов их семей на территории Омской области» URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/5500202308040012 (дата обращения: 03.04.2026).

УДК 347.963

Антонова Марина Сергеевна
студент, Дальневосточный юридический институт
(филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Российская Федерация
marina.pendyur@yandex.ru

Особенности осуществления прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан

Аннотация. *Статья посвящена особенностям осуществления прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан. Автором проводится анализ положений организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации, положений действующего законодательства, раскрываются основные направления прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан, анализируется актуальная прокурорская практика.*

Ключевые слова: *прокурор, прокурорский надзор, приоритетные направления, трудовые права, защита трудовых прав граждан.*

© Антонова М. С., 2026

Antonova Marina Sergeevna
student, Far Eastern Law Institute
(branch) University of the Prosecutor's
Office of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

The specifics of prosecutorial supervision over the observance of citizens' labor rights

Annotation. *The article is devoted to the specifics of prosecutorial supervision over the observance of citizens' labor rights. The author analyzes the provisions of the organizational and legal documents of the Prosecutor General of the Russian Federation, the provisions of current legislation, reveals the main directions of prosecutorial supervision over the observance of citizens' labor rights, analyzes current prosecutorial practice. The author has identified an insufficient degree of development of the theoretical, legal and methodological foundations of supervisory activities in the field under consideration, which is reflected in the lack of a holistic methodology for conducting verification activities.*

Keywords: *prosecutor, prosecutorial supervision, priority areas, labor rights, protection of labor rights of citizens.*

В системе гарантий защиты трудовых прав граждан, закрепленной действующим законодательством Российской Федерации, прокурорский надзор занимает центральное место, будучи наделенным уникальным статусом универсального средства обеспечения верховенства закона.

Достижение высокого уровня эффективности прокурорского надзора в любой сфере правоотношений неразрывно связано с комплексным развитием и унификацией его правовых, теоретических, организационных и методологических основ. Вместе с тем, в настоящее время указанные основы применительно к сфере защиты трудовых прав граждан характеризуются недостаточной степенью разработанности. Указанное обстоятельство находит свое выражение в отсутствии целостного методологического обеспечения деятельности прокуроров при осуществлении проверочных мероприятий, а также в неполноте теоретических изысканий, посвященных определению предмета, целей и задач надзорной деятельности, а также в разработке тактики и методики проведения проверок исполнения трудового законодательства и соблюдения трудовых прав граждан.

При осуществлении прокурорского надзора в сфере защиты трудовых прав прокуроры руководствуются положениями организационно-распорядительных документов Генерального прокурора Российской Федерации. Однако в силу сложности, комплексности и многообразия трудовых правоотношений не все аспекты находят свое отражение в указанных документах.

В первую очередь необходимо обратиться к приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 07 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина». Данный приказ акцентирует внимание на том, что прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина должен

рассматриваться как приоритетное направление деятельности прокуратур всех звеньев, входящих в единую систему. Упоминается также о том, что прокурорам необходимо акцентировать внимание на защите закрепленных в Конституции Российской Федерации трудовых прав и свобод граждан.

Однако в рассматриваемой сфере был издан обновленный приказ – приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 05 февраля 2024 г. № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан». Он является более специальным, так как затрагивает только сферу прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан.

Анализ положений данного приказа позволяет определить основные аспекты, на которые прокуроры при проведении проверок должны обращать особое внимание. Во-первых, приоритетным направлением надзорной деятельности определяется обеспечение соблюдения трудовых прав социально незащищенных категорий граждан, включая лиц пенсионного и предпенсионного возраста, беременных женщин, многодетных и одиноких родителей, инвалидов, несовершеннолетних, молодежь и иные уязвимые группы. Особое внимание также уделяется защите трудовых прав работников стратегических, системо- и градообразующих предприятий, организаций сферы информационных технологий и электронной промышленности, производителей и поставщиков социально значимых товаров и услуг, а также предприятий, выпускающих медицинское оборудование и лекарственные средства.

Во-вторых, приоритетное значение придается неукоснительному обеспечению трудовых гарантий граждан, призванных на военную службу по мобилизации, а также лиц, заключивших контракт о прохождении военной службы либо контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации.

В-третьих, внимание уделяется выявлению случаев уклонения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей от надлежащего оформления трудовых отношений с работниками, в том числе посредством заключения гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения, что представляет собой форму сокрытия трудовых правоотношений.

В-четвертых, проводится особый мониторинг соблюдения прав лиц предпенсионного возраста на получение государственных услуг в области содействия занятости, в том числе: информирование о состоянии регионального рынка труда, подбор подходящей работы, организацию профессионального обучения и дополнительного профессионального образования, а также содействие в организации самостоятельной занятости.

Далее можно отметить, что отдельные аспекты защиты трудовых прав несовершеннолетних работников отражены в приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов».

Кроме того, при осуществлении прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан, как и в любой другой отрасли прокурорского надзора, выделяют основные направления прокурорского надзора на основании анализа

состояния законности, который показывает динамику выявленных нарушений закона за определенный период на поднадзорной территории, а также в каких направлениях деятельности выявляется большее количество нарушений трудовых прав.

Одним из значимых направлений прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан является надзор за соблюдение прав граждан в сфере оплаты труда [4, с. 486]. Данное направление выделяется в рамках подготавливаемых органами прокуратуры ежегодно статистических данных об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации.

Прокурорский надзор в сфере оплаты труда заключается в контроле за соблюдением законодательства о заработной плате, предупреждении и пресечении нарушений, связанных с невыплатой или задержкой выплаты заработной платы, а также в восстановлении нарушенных прав работников.

Особую роль прокурорский надзор играет в борьбе с «теневой» оплатой труда, когда работодатели уклоняются от официального оформления трудовых отношений, скрывают реальные доходы работников или выплачивают зарплату «в конвертах». Такие действия работодателя не только ущемляют права работников, но и наносят ущерб бюджету, лишая его законных налоговых поступлений.

Следующим направлением прокурорского надзора можно выделить надзор за соблюдением прав в сфере охраны труда [4, с. 490–491]. Прокурорский надзор в сфере охраны труда выступает в качестве ключевого правового механизма, призванного обеспечить реализацию конституционного права граждан на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Данное направление надзорной деятельности ориентировано на защиту жизни и здоровья работников, а также на предупреждение производственного травматизма и профессиональной заболеваемости.

В ходе надзорной деятельности прокуроры выявляют многочисленные нарушения в сфере охраны труда. Наиболее распространенными являются: отсутствие или ненадлежащее проведение специальной оценки условий труда; допуск работников к опасным работам без необходимого обучения и инструктажа; необеспечение сотрудников средствами индивидуальной защиты либо предоставление некачественных или несоответствующих нормам защитных средств. Часто встречаются нарушения, связанные с несоблюдением режимов труда и отдыха, особенно при работе во вредных и опасных условиях.

Отметим, что к основным направлениям данной надзорной деятельности также можно отнести надзор за соблюдением прав граждан в сфере занятости [3, с. 112].

Анализ результатов надзорной деятельности свидетельствует о том, что к числу основных нарушений, выявляемых прокурорами в указанной сфере, относятся: факты неисполнения работодателями обязанностей по уведомлению центров занятости населения о предстоящем сокращении численности или штата работников, не предоставлении в органы занятости населения сведений о наличии вакантных рабочих мест (должностей), не размещения информации о вакансиях на единой цифровой платформе и др. контроль за законностью увольнений.

Основная цель такого надзора – обеспечение строгого соблюдения законодательства при расторжении трудовых договоров и оперативное восстановление нарушенных прав работников. Прокуроры активно вмешиваются в случаях явного нарушения процедуры увольнения, когда работодатели игнорируют требования ТК РФ относительно оснований и порядка прекращения трудовых отношений.

Особое внимание уделяется ситуациям, когда увольнение носит дискриминационный характер или связано с необоснованными причинами, такими как личная неприязнь, подача работником жалоб на нарушения трудовых прав или участие в профсоюзной деятельности. Прокуроры тщательно анализируют правомерность приказов об увольнении, проверяют соответствие действий работодателя установленным законом основаниям и процедурам. В случае выявления нарушений прокуратура незамедлительно реагирует, используя весь спектр предоставленных ей полномочий.

Нельзя не обратить внимание на еще одно направление, а именно защиту трудовых прав социально незащищенных граждан [1, с. 173]. Прокурорские работники в рамках надзорной деятельности обеспечивают дополнительную правовую защиту тем группам населения, которые в силу объективных причин находятся в уязвимом положении на рынке труда. К таким категориям традиционно относятся инвалиды, беременные женщины, работники предпенсионного возраста, а также лица, пострадавшие от радиационных катастроф и др.

В настоящее время прокурорские работники уделяют особое внимание защите прав участников специальной военной операции на Украине (далее – СВО) и членов их семей. Так, Савеловской межрайонной прокуратурой г. Москвы проведена проверка по обращению участника СВО о нарушении трудовых прав [2]. В ходе надзорных мероприятий установлено, что заявитель с марта 2020 года состоял в трудовых отношениях с ООО «ДАЛИ», замещая должность водителя-экспедитора. В конце 2024 года трудовой договор был расторгнут по инициативе работника. Вместе с тем, в нарушение требований трудового законодательства, при увольнении окончательный расчет в ним произведен не в полном объеме: работодателем не выплачена денежная компенсация за 51 день неиспользованного отпуска, общая сумма задолженности составила свыше 125 тыс. рублей. В целях восстановления прав гражданина прокурором руководителю организации внесено представление об устранении нарушений закона, а также возбуждены дела об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 6 ст. 5.27 КоАП РФ, в отношении юридического лица и руководителя. Благодаря мерам прокурорского реагирования трудовые права участника СВО полностью восстановлены: задолженность по компенсации за неиспользованный отпуск погашена в полном объеме с учетом начисленной компенсации за задержку причитающихся выплат.

Основные аспекты прокурорской деятельности в этой сфере выражаются в систематическом мониторинге соблюдения специальных норм трудового законодательства, установленных для защиты указанных категорий работников. Прокуроры уделяют особое внимание проверкам соблюдения: запрета на необоснованный отказ в приеме на работу; ограничений на увольнение по инициа-

тиве работодателя; специальных условий труда; дополнительных гарантий и компенсаций. При этом прокурорские проверки часто носят внеплановый характер и проводятся по обращениям граждан или информации из общественных организаций.

Например, в отношении инвалидов прокуроры контролируют соблюдение квотирования рабочих мест, создание специальных условий труда в соответствии с индивидуальной программой реабилитации, обеспечение доступности рабочих мест. Особое внимание уделяется вопросам необоснованных отказов в трудоустройстве и незаконных увольнений инвалидов [5, с. 209].

Эффективность прокурорского надзора в этой сфере значительно повышается благодаря взаимодействию с органами социальной защиты, трудовой инспекцией, общественными организациями инвалидов и другими институтами гражданского общества. Комплексный подход позволяет не только оперативно реагировать на конкретные нарушения, но и выявлять системные проблемы, требующие законодательного регулирования или изменения правоприменительной практики.

Таким образом, институт прокурорского надзора в системе гарантий защиты трудовых прав граждан Российской Федерации обладает универсальным и приоритетным значением, что обусловлено особым статусом органов прокуратуры как ключевого звена в механизме обеспечения верховенства закона. Определение приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры осуществляется на основе комплексного анализа состояния законности, обобщения правоприменительной практики прокуратур различных уровней, а также статистических показателей, отражающих количество судебных споров, связанных с защитой трудовых прав граждан.

Характер нарушений трудового законодательства отличается многообразием и во многом детерминирован спецификой экономической и социальной ситуации на соответствующей поднадзорной территории.

Эффективность прокурорского надзора как межотраслевого института находится в прямой зависимости от степени комплексного развития и унификации составляющих его элементов – правовых, теоретических, организационных и методологических. В контексте надзора за соблюдением трудовых прав граждан, по нашему мнению, констатируется недостаточная разработанность перечисленных основ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богатова Е. В. Особенности прокурорского надзора за соблюдением прав социально незащищенных категорий граждан // Вестник СГЮА. 2023. № 6(155). С. 173–177.

2. В Москве прокуратура защитила трудовые права участника специальной военной операции // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e5610888/ (дата обращения: 11.04.2026.)

3. Вишневская А. Е. Прокурорский надзор за соблюдением законности в сфере труда и занятости // Вестник экономической безопасности. 2010. № 8. С. 112–115.

4. Настольная книга прокурора в 2 ч. Ч. 1 : практ. пособие / под общ. ред. О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова ; под науч. ред. А. Ю. Винокурова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2022. 595 с.

5. Петрова А. Е. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о защите прав инвалидов // Вестник науки. 2024. № 4(73). С. 206–210.

УДК 349.2

Орлов Николай Григорьевич
студент, Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
Barsikbelenkov05@mail.ru

Домнина Ольга Викторовна
кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
ol-domni@yandex.ru

Моббинг и боссинг как латентные формы нарушения трудовых прав: проблемы доказывания психологического давления

Аннотация. *В статье рассматриваются моббинг и боссинг, как крайне деструктивные формы агрессии в трудовых отношениях. Изложены предпосылки появления таких форм поведения, а также факторы их обостряющие, а также научно обоснованная терминология терминов для комплексного их понимания. Приводится практическое обоснование вредоносности указанных явлений на сотрудников, отражающихся на их состоянии и профессиональных качествах. Подчеркивается неэффективность существующих на данный момент способов самозащиты сотрудников от такого влияния трудового коллектива. Также предложены методы снижения латентности таких отношений и последующего их устранения.*

Ключевые слова: *моббинг, боссинг, трудовые отношения, психологическое давление, увольнение.*

Orlov Nikolay Grigorievich
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Domnina Olga Viktorovna
candidate of legal sciences, associate professor
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

© Орлов Н. Г., Домнина О. В., 2026

Mobbing and bossing as latent forms of labor rights violations: problems of proving psychological pressure

Annotation. *The article examines mobbing and bossing as extremely destructive forms of aggression in labor relations. The prerequisites for the appearance of such forms of behavior, as well as their aggravating factors, as well as a scientifically sound terminology of terms for their comprehensive understanding are described. The practical justification of the harmfulness of these phenomena on employees, affecting their condition and professional qualities, is given. The inefficiency of the currently existing ways of self-protection of employees from such an influence of the labor collective is emphasized. Methods of reducing the latency of such relationships and their subsequent elimination are also proposed.*

Keywords: *mobbing, bossing, labor relations, psychological pressure, dismissal.*

На сегодняшний день практически все сферы общества находятся в стадии активного изменения. Социально экономическая парадигма общества постоянно реформируется, целые институты становятся неактуальными, и их место занимают новые. Явным подтверждением этого являются слова Президента России, 20 июня на очередном Петербургском международном экономическом форуме президент заявил о самой масштабной трансформации экономики за последние десятилетия. Отдельно в речи глава государства отметил, что сама экономика стратегически меняет траекторию развития на умеренное развитие, укрепление внутреннего рынка и защищенности от влияния международных конфликтов [1].

Очевидно, что такие тектонические перемены не могут происходить безболезненно. Следующая за изменениями трансформация социально-трудовых отношений в Российской Федерации, происходящей на фоне цифровизации, распространения гибких форм занятости и повышения значимости психологического благополучия работника. Традиционное понимание трудовых прав преимущественно связывается с нарушением формально закрепленных норм: невыплатой заработной платы, незаконным увольнением, отказом в предоставлении гарантий. Однако все более широкое распространение получают латентные формы деструктивного воздействия на работника, не имеющие четкого нормативного определения, но способные причинить существенный вред здоровью, профессиональной реализации и карьерному развитию.

К числу таких явлений относятся моббинг – психологическое давление со стороны коллег, и боссинг – систематическое притеснение со стороны руководителя [5, с. 608–609]. Проблема заключается в отсутствии в российском трудовом законодательстве прямых запретов на указанные формы поведения, а также в сложности их доказывания в рамках индивидуальных трудовых споров. В результате работники оказываются незащищенными перед лицом скрытой агрессии, что ведет к росту текучести кадров, снижению производительности труда и ухудшению психологического климата в организациях.

В настоящее время под моббингом понимается форма психологического насилия, выражающаяся в систематическом, длительном (как правило, не менее шести месяцев) негативном поведении по отношению к работ-

нику со стороны одного или нескольких членов трудового коллектива, имеющем целью его изоляцию, дискредитацию или принуждение к увольнению [4, с. 263–264]. Боссинг, в свою очередь, представляет собой разновидность моббинга, где субъектом давления выступает непосредственный или вышестоящий руководитель, использующий административный ресурс, властные полномочия и организационную зависимость подчиненного для систематического унижения, чрезмерного контроля, лишения значимых поручений либо, напротив, возложения заведомо невыполнимых заданий [3, с. 23–24]. Ключевым признаком обоих явлений является их латентный характер: они проявляются в действиях, которые формально могут выглядеть как правомерные (распределение задач, критика, изменения в графике работы), но в совокупности образуют целенаправленную травлю.

Приведенный ниже пример из судебной практики и материалов трудовых споров демонстрирует сложность квалификации подобных действий. Так, работник может быть переведен на неудобное рабочее место, лишен доступа к информации, необходимой для выполнения обязанностей, либо подвергнут необоснованной и избыточной проверке отчетности. Показательным в этом отношении является дело № А68-3699/15, рассмотренное Арбитражным судом Тульской области [2]. Бывшая сотрудница ООО «МЕТРО Кэш энд Керри», используя термин «моббинг» в электронном письме и блоге, утверждала, что после выхода из декретного отпуска руководство предлагало ей деньги за увольнение, а затем, не получив согласия, «начало давить и уничтожать, используя все свои административные ресурсы в виде бесконечных аудитов». В обоснование своей позиции ответчик ссылалась на многократные внеплановые проверки, отстранение от должности, многочисленные запросы объяснений и последовавшие дисциплинарные взыскания, расценивая их как систематическую травлю. Однако суд, оценив представленные доказательства, указал, что меры по проверке служебной деятельности являлись правом работодателя и не могут рассматриваться в качестве моббинга, тем более что законность наложенных взысканий была подтверждена решением суда общей юрисдикции. Суд также отклонил довод о том, что оспариваемое утверждение является оценочным суждением, признав его распространением сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию.

Данный пример иллюстрирует ключевую проблему доказывания: даже если работник детально описывает эпизоды, которые субъективно воспринимаются как травля, правоприменитель, в отсутствие четких критериев и системных доказательств, квалифицирует их как реализацию работодателем своих управленческих полномочий, что делает судебную защиту от моббинга и боссинга крайне затруднительной.

Для решения этой проблемы необходим комплексный подход, а полумеры в виду латентности такого поведения будут крайне неэффективны, и даже наоборот – скорее вредны. Это суждение справедливо также и для крайне радикальных мер императивного характера по отношению к сотрудникам, которые создают напряжение моббингом вследствие и так невысокого уровня ощущения стабильности в жизни и коллективе. Первым шагом должно стать законода-

тельное закрепление в трудовом кодексе понятия «Боссинга» и «Моббинга» как вида дискредитации в сфере труда, без легального, общепризнанного понятия едва-ли возможно совершение остальных действий, разрешающих проблему. Безусловно, основой искоренения моббинга и боссинга должно стать внедрение организационных, систематических механизмов профилактики и оценки доказательств психологического давления.

В организационном плане эффективными мерами выступают создание комиссий по трудовым спорам с расширенными полномочиями, внедрение программ психологической поддержки и обязательное обучение руководителей принципам нетоксичного управления. Для преодоления сложностей доказывания необходимо формирование судебной практики, в которой допускается использование косвенных доказательств (свидетельские показания, аудиозаписи, переписка, показатели психоэмоционального состояния работника) в их совокупности, а также назначение судебно-психологической экспертизы для установления факта систематического психологического давления.

Таким образом, актуальность темы определяется не только высокой распространенностью моббинга и боссинга в современных организациях, но и наличием существенного разрыва между реальными потребностями в защите трудовых прав и возможностями правовой системы эффективно реагировать на латентные формы нарушения. Разработка научно обоснованных подходов к доказыванию психологического давления позволяет создать основу для совершенствования как законодательства, так и правоприменительной практики, что в конечном счете направлено на реализацию конституционного принципа охраны труда и достоинства личности в сфере трудовых отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нефедова А. Глобальная экономика переживает самую масштабную трансформацию за последние десятилетия. URL: https://iz.ru/1907948/alena-nefedova-maksim-bazanov/globalnaia-ekonomika-perezhivaet-samuiu-masshtabnuiu-transformatciiu-za-poslednie-desiatiletiia (дата обращения: 23.03.2026).

2. Решение Арбитражного суда Тульской области от 03.12.2015 по делу № А68-3699/15. URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/arbitrazh/reshenie-_-a68-3699_15-ot-03.12.2015-as-tulskoy-oblasti (дата обращения: 23.03.2026).

3. Серёдкина И. М. Моббинг – войны на работе. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mobbing-voyny-na-rabote (дата обращения: 23.03.2026).

4. Сорокина Ю. В., Горностаева Ж. В., Лазарева Н. В. Моббинг и боссинг в управлении персоналом: причины возникновения, типология участников // Kant. 2017. № 4(25). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mobbing-i-bossing-v-upravlenii-personalom-prichiny-vozniknoveniya-tipologiya-uchastnikov (дата обращения: 23.03.2026).

5. Сорокина Ю. В., Литвиненко Н. А. Боссинг: причины, классификация, методы борьбы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/bossing-prichiny-klassifikatsiya-metody-borby (дата обращения: 23.03.2026).

УДК 347.63

Аксенова Галина Владимировна
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
gali.aksenova@mail.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна
кандидат педагогических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

Институт опеки и попечительства над несовершеннолетними в России: от советской модели к Федеральному закону № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»

Аннотация. *В статье на основе историко-правового метода анализируется эволюция института опеки и попечительства над несовершеннолетними в России. Рассматриваются ключевые нормативные акты советского периода и современное законодательство. Обосновывается выбор советского периода как объекта сравнительного исследования, дается хронология ключевых нормативных изменений. На основе анализа научных трудов предлагается изменение в действующее законодательство с аргументацией его эффекта для опекуна и ребенка.*

Ключевые слова: *опека, попечительство, несовершеннолетние, советское семейное право, органы опеки и попечительства, федеральный закон.*

Aksenova Galina Vladimirovna
master’s student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna
candidate of pedagogical sciences
associate professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The institution of guardianship and custody over minors in Russia: from the Soviet model to Federal Law No. 48-FZ “On guardianship and custody”

Annotation. *The article analyzes the evolution of the institution of guardianship and custody over minors in Russia using the historical-legal method. It examines key regulatory acts from the Soviet period and modern legislation. The article substantiates the choice of the Soviet period as the object of comparative research and provides a timeline of key regulatory changes. Based on the analysis of scientific works, the article proposes changes to the current legislation and argues for their impact on the guardian and the child.*

© Аксенова Г. В., Хлестакова Л. А., 2026

Keywords: *guardianship, custody, minors, Soviet family law, guardianship and custody bodies, federal law.*

Защита прав детей, оставшихся без родительской заботы, во многом опирается на институт опеки и попечительства. История становления этого института в России была непростой, охватывая период от ранних советских постановлений до принятия Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве». Анализ текущих проблем в сфере опеки невозможен без глубокого понимания прошлого, в частности, советского опыта. Именно в этот период была сформирована модель государственного попечения о детях, во многом определившая структуру и подходы, действующие до сих пор.

Советский период обладает значительным потенциалом для сравнительных исследований по нескольким причинам. Во-первых, он характеризуется полным отказом от дореволюционной сословной модели опеки. После октября 1917 года опека приобрела общегосударственный масштаб. Как справедливо отмечает А. М. Рабец, анализ советского законодательства демонстрирует трансформацию опеки из сугубо семейной сферы в многоотраслевую, что обусловило межотраслевой характер правового регулирования [5, с. 47]. Во-вторых, советское законодательство закрепило устойчивые принципы опеки, включая ее безвозмездность, обязательность совместного проживания опекуна с подопечным и приоритет государственного контроля. В этом контексте, как пишет П. И. Люблинский, «Государство должно быть высшим опекуном ребенка. В этой формуле заключено основное требование, предъявляемое к государству. Как высший опекун, государство рассматривает родительскую власть лишь, как некоторую подчиненную его надзору форму попечения о ребенке» [4, с. 8]. В-третьих, советский период стал отправной точкой для формирования модели распределения полномочий между различными ведомствами (образование, здравоохранение, социальное обеспечение), которая, несмотря на свою фрагментарность, обеспечивала охват всех категорий детей, нуждающихся в опеке.

Значимым шагом в становлении советского законодательства об опеке стало принятие в 1918 году Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР (КЗАГС) [1]. Этот документ впервые систематизировал нормы опеки, выделив специальный раздел, ориентированный преимущественно на защиту интересов несовершеннолетних

Кодекс разграничил понятия опеки (для детей до 15 лет) и попечительства (для лиц от 15 до 18 лет). Управление и контроль за опекой осуществлялись отделами социального обеспечения, входящими в структуру губернских и городских Советов [1, ст. 185]. По Кодексу 1918 г. опека могла осуществляться как опекунами и попечителями, так и непосредственно опекунскими учреждениями [1, ст. 184]. Впервые в законодательстве было закреплено требование к опекунам о наличии материального обеспечения и обязательном совместном проживании с подопечным.

Значимым событием советского периода стало принятие Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 года (КоБС) [2]. Этот кодекс, просуществовавший почти

40 лет, до появления Семейного кодекса РФ в 1995 году и Федерального закона №48 «Об опеке и попечительстве» в 2008 году, заложил основу для регулирования семейных отношений. Особое внимание уделялось опеке: глава 13 КоБС (ст. 119–139) детально описывала эту систему. Важно, что нормы об опеке и попечительстве оставались практически неизменными на протяжении многих десятилетий, оказав существенное влияние на формирование органов опеки в советский период.

Согласно ст. 119 КоБС, опека устанавливалась «для воспитания несовершеннолетних детей, которые вследствие смерти родителей, лишения родителей родительских прав, болезни или по другим причинам остались без родительского попечения, а также для защиты личных и имущественных прав, и интересов этих детей» [2, ст. 119]. Органами опеки являлись исполнительные комитеты районных, городских, поселковых или сельских Советов народных депутатов [2, ст. 120].

Статья 129 КоБС закрепляла обязанность опекунов «воспитывать подопечных, заботиться об их физическом развитии и обучении, готовить к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества, защищать их права и интересы» [2, ст. 129]. Опекун наделялся всей полнотой родительских прав и обязанностей, и закон возлагал на него такую же ответственность за судьбу несовершеннолетнего, как и на родителей [2, ст. 129].

В советский период институт опеки характеризовался отсутствием единого специализированного органа, что приводило к фрагментации и дублированию функций между различными ведомствами. Революционные изменения произошли с принятием Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве». Этот закон, во-первых, четко разграничил полномочия между федеральным центром, регионами и местным самоуправлением. Во-вторых, он ввел институт возмездной опеки, основанный на договоре, что стало принципиальным отличием от советской практики. Кроме того, были внедрены новые механизмы, такие как предварительная и временная опека по заявлению родителей, а также доверительное управление имуществом. Тем не менее, современное законодательство сохранило некоторые устоявшиеся советские нормы, включая обязательное совместное проживание опекуна с подопечным, необходимость получения согласия на смену места жительства и требование ежегодной отчетности. Российская система опеки и попечительства прошла путь от идеологически мотивированной государственной функции к современной, профессиональной социальной услуге, где ключевыми принципами стали добровольность и приоритет интересов ребенка. Структурно она трансформировалась от разрозненных советских исполнительных комитетов к специализированным муниципальным органам, объединенным четкой системой контроля на уровне субъектов РФ. Функционал органов опеки значительно расширился, охватывая теперь не только назначение опекунов, но и заключение договоров, управление имуществом, взаимодействие с судебной системой и проведение плановых проверок.

В целях повышения качества поддержки опекунов и их подопечных, предлагается внести поправки в Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [6]. Так, дополнить статью 24 Федерального закона № 48-ФЗ новой частью следующего содержания: «Орган опеки и попечительства обязан организовать для опекуна (попечителя), принявшего ребенка на воспитание, бесплатное методическое сопровождение в течение первого года со дня установления опеки или попечительства. Методическое сопровождение предусматривает регулярные консультации психолога, социального педагога, юриста, а также участие в специализированных семинарах и тренингах для замещающих родителей. Ответственность за установление порядка организации данного сопровождения возлагается на уполномоченный федеральный орган исполнительной власти».

Согласно результатам научных исследований и практическим наблюдениям, первый год является критическим фактором для обеспечения стабильности замещающей семьи. Психологическая наука выделяет несколько этапов адаптации ребенка в условиях замещающего семейного устройства. Первый этап – «медовый месяц» – характеризуется взаимным стремлением понравиться друг другу. Второй этап – кризис взаимоотношений – наступает, когда стороны сталкиваются с реальными различиями в привычках, характерах и ожиданиях. Статистика возвратов детей из замещающих семей указывает на то, что эти случаи чаще всего происходят либо в самом начале, либо в период подросткового возраста. По данным Е. Е. Леоновой, «продолжительность жизни детей в замещающих семьях составляла до 1 года (32 %): данные возвраты могут быть связаны с трудностями адаптационного периода в жизни семьи. Отсутствием сотрудничества со специалистами и отсутствием своевременной помощи» [3, с. 285].

С введением данной поправки опекуны получают в свое распоряжение ценные инструменты в виде регулярной психологической, педагогической и юридической поддержки. Это позволяет им эффективно противостоять эмоциональному выгоранию, успешно решать возникающие проблемы и чувствовать себя более компетентными и уверенными.

Когда опекуны становятся более опытными и уверенными в своих силах, дети получают шанс на более спокойную и счастливую жизнь в семье. Это значительно снижает риск того, что ребенок переживет повторное сиротство – болезненное возвращение из семьи обратно в детский дом.

Предлагаемая нами система сопровождения призвана решить ряд актуальных проблем: снизить процент отказов от опекунства, укрепить стабильность семей, принявших детей, и повысить эффективность использования государственных ресурсов. Экономическая целесообразность очевидна: затраты на сопровождение значительно уступают расходам на содержание ребенка в учреждении при его последующем возврате.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.

2. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г. утвержден Верховным Советом РСФСР 30 июля 1969 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

3. Леонова Е. Е. Социально-педагогические проблемы возврата детей из замещающих семей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6, вып.3. С. 283–286. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pedagogicheskie-problemy-vozvrata-detey-iz-zameschayuschih-semey/viewer (дата обращения: 13.04.2026).

4. Люблинский П. И. Опека и детская беспризорность. // Вестник просвещения. 1923. № 4. С. 194. URL: https://archive.org/details/ljublinskijpi ohrana-detstvaiborbasbesp9/mode/2up (дата обращения: 13.04.2026).

5. Рабец А. М. Теоретические проблемы зарождения и развитие советского опекунского права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 41–49. URL: https://eprints.tversu.ru/id/eprint/7325/ (дата обращения: 06.04.2026).

6. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (в ред. 29.09.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/?ysclid=mqtvhrfspn252341411 (дата обращения: 06.04.2026).

УДК 342.553

Бурнадзе Автандил Георгиевич
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
avtiko.burnadze@gmail.com

Мельников Иван Николаевич
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории государства и права
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
melnikk44@gmail.com

Местный референдум как форма непосредственного участия граждан в деятельности органов местного самоуправления

Аннотация. *В статье анализируется современное состояние гражданского общества в России, которое, несмотря на широкие возможности для социальной активности, характеризуется низкой реальной вовлеченностью граждан в решение вопросов местного значения. В массовом сознании преобладает неготовность к взаимопомощи и участию в общественной жизни, хотя в последние годы намечается позитивная тенденция к росту активности. Однако эта активность далеко не всегда направлена на решение вопросов местного значения. Автор рассматривает местный референдум как главную форму прямой демократии на муниципальном уровне, позволяющую населению напрямую принимать реше-*

© Бурнадзе А. Г., Мельников И. Н., 2026

ния, выявляет проблемные вопросы и предлагает меры по совершенствованию отечественного законодательства.

Ключевые слова: *местное самоуправление, гражданское общество, местный референдум, социальное участие граждан.*

Burnadze Avtandil Georgievich
master's student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich
candidate of legal sciences, associate professor
associate professor of the department of theory of state and law
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Local referendums are a form of direct citizen participation in the activities of local self-government bodies

Annotation. *The article analyzes the current state of civil society in Russia, which, despite the wide opportunities for social activity, is characterized by low real involvement of citizens. The mass consciousness is dominated by a lack of readiness for mutual assistance and participation in public life, although there has been a positive trend towards increased activity in recent years. However, this activity is not always aimed at solving issues related to local self-government, which makes the study of civil participation in local self-government relevant. The author considers a local referendum to be the main form of direct democracy at the municipal level, allowing the population to make decisions directly, identify problematic issues, and propose measures to improve domestic legislation.*

Keywords: *local self-government, civil society, local referendum, social participation of citizens.*

Современный этап эволюции гражданского общества, как отмечают исследователи, открывает широкий спектр каналов для проявления социальной активности. Вместе с тем эмпирические данные свидетельствуют о сохраняющемся низком уровне вовлеченности населения в решение вопросов локального значения. В рамках настоящего исследования был проведен анализ явки избирателей на выборах в представительный орган муниципального округа города Костромы в декабре 2005 года и в сентябре 2025 года. Согласно официальным данным избирательной комиссии Костромской области, в 2005 году показатель явки составил 36,4 % от общего числа зарегистрированных избирателей, тогда как в сентябре 2025 года – 30,46 % [1]. Полученные результаты указывают на устойчивую тенденцию к снижению интереса жителей г. Костромы к политической жизни и подтверждают необходимость пересмотра подходов к стимулированию гражданской активности на муниципальном уровне, перехода от формального предоставления возможностей к адресной работе по снижению абсентеизма и восстановлению доверия к выборным процедурам.

Исследование гражданского участия в местном самоуправлении является актуальным, так как оно находится на стыке ключевых вызовов современной

России: повышение эффективности управления, развитие гражданского общества, легитимация власти, цифровая трансформация и улучшение качества жизни. Понимание реальных механизмов, барьеров и мотиваций такого участия позволяет проектировать более устойчивые и отзывчивые модели управления на наиболее приближенном к человеку уровне.

Наиболее популярными формами участия граждан в деятельности органов местного самоуправления являются выборы и местный референдум. Как отмечает А. А. Фролов местный референдум – это главная форма прямой демократии в местном самоуправлении [2, с. 50]. Местный референдум дает возможность органам местного самоуправления определить мнение населения по конкретным вопросам местного значения, а также позволяет населению муниципального образования выразить свое решение для его дальнейшего исполнения органами власти. Возможность применения референдума при решении наиболее важных вопросов местного значения, а также совершенствование процедуры проведения местного референдума видятся одними из главных задач в области местного самоуправления для государства в настоящее время, что также, по нашему мнению, является гарантом независимости муниципальной власти от государственной. Закрепление института местного референдума в ст. 130 Конституции РФ [3] обуславливает необходимость уделять внимание данному вопросу, так как местный референдум является наиболее действенной, эффективной и приближенной к населению муниципального образования формой прямой демократии, но мы можем констатировать, что в настоящее время данный институт не получает широкого применения.

Рассмотрим небольшой ряд организационно-правовых проблем, возникающих при организации и проведении местного референдума. Мы считаем, что они очень важны и без их решения нам не представляется возможным реализовать институт местного референдума. Согласно ч. 2 ст. 3 Конституции РФ народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы власти и органы самоуправления. Согласно ч. 3 той же статьи высшим и непосредственным выражением власти народа является референдум. В ч. 3 подразумевается, как федеральный референдум, так и местный референдум. На уровне муниципалитетов референдум регулируется Федеральным законом от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [4].

Для реализации гражданами своего права на местный референдум законодатель предусмотрел в Федеральном законе № 33-ФЗ обязанность муниципалитетов назначить местный референдум, опубликовать принятые решения и самое важное - обязанность исполнить волю народа, изъявленного на местном референдуме. Согласно ст. 43 ФЗ № 33-ФЗ при неназначении местного референдума представительным органом в тридцатидневный срок его может назначить суд. Однако меры ответственности к представительному органу и должностным лицам за неназначение референдума не применяются. Мы считаем, что не применение ответственности к представительному органу

и должностным лицам не способствует реализации института местного референдума, нарушает законные права граждан и не стимулирует устойчивое развитие местного самоуправления и демократии в целом.

Также вызывает множество вопросов и термин «наиболее значимые вопросы». Среди научного общества нет единого понимания «наиболее значимых вопросов» (государственного или муниципального уровня) по которым, согласно ст. 12 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [5] назначается референдум. Каждый человек, каждый орган определяет степень значимости определенного вопроса. В связи с этим считаем, что правильнее будет отказаться от данной формулировки, как это было сделано в Федеральном конституционном законе от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [6]. Кроме того, как было отмечено, в соответствии с ФЗ № 67-ФЗ местный референдум проводится по наиболее важным вопросам местного значения. Однако ФЗ № 33-ФЗ закрепляет, что местный референдум проводится с целью решения вопросов местного значения, без дифференциации на значимые и незначимые. Для правоприменителя данное разногласие создает множество проблем и в том числе самостоятельное определение степени значимости вопроса, учитывая, что критерии значимости отсутствуют.

Согласно положениями Федерального Закона № 33-ФЗ, вопросы, выносимые на местный референдум, определяются Федеральным законом, конституцией (уставом), законом субъекта Российской Федерации, уставом муниципального образования. Однако некоторое вопросы, которые имеют ключевое значение, в таком случае, могут и не выноситься на местный референдум. Примером такого вопроса может послужить принятие местного бюджета. Согласно пункту «г» части 8 статьи 12 Федерального Закона № 67-ФЗ вопрос о принятии местного бюджета, исполнении и изменении финансовых обязательств муниципального образования не может быть внесен на местный референдум.

Считаем целесообразным расширить круг вопросов, которые могут решаться на местном референдуме. Прежде всего, необходимо предоставить гражданам возможность решать вопросы определения структуры органов местного самоуправления, принимать бюджет муниципального образования и принимать устав муниципалитета. Считаем, что граждане должны иметь право участвовать в управлении при помощи консультативного референдума по проектам решения или закона. Местный референдум (при условии использования современных технологий, которые позволят минимизировать расходы на их проведение) следует проводить не в течение одного дня, что затрудняет определенным группам участвовать в референдуме, а в течение нескольких дней, недель. Как только граждане поймут, что сами могут принимать решение, и их голос важен, повысится интерес к самоуправлению и, следовательно, электоральная актив-

ность. В будущем положительные результаты при использовании наших рекомендаций можно реализовать на федеральном уровне.

Проведенное исследование подтверждает наличие существенного разрыва между декларируемыми возможностями для социальной активности и реальным уровнем вовлеченности граждан в решение вопросов местного значения, что наглядно демонстрирует динамика явки на выборах в представительный орган муниципального округа города Костромы.

Мы предлагаем законодателю расширить круг вопросов, которые могут быть рассмотрены на местном референдуме и проработать вопрос о мерах ответственности для должностных лиц, которые нарушают положения действующего законодательства, тем самым нарушая права граждан. По нашему мнению, это будет способствовать устойчивому развитию муниципальных образований и общему укреплению демократического режима в Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Статистика: явка на выборы депутатов в представительный орган муниципального округа города Костромы. URL: http://www.kostroma.izbirkom.ru/ (дата обращения: 17.04.2026)

2. Фролов А. А. Механизмы осуществления гражданской активности // Власть. 2024. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 17.04.2026).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.04.2026).

4. Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.04.2026).

5. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 29.12.2025.) // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.04.2026).

6. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ (в ред. от 30.12.2021.) «О референдуме Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система «Законодательство России». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/2ad31a0af778a7c49ea258cf980fc641fee9b0e8/ (дата обращения: 17.04.2026).

УДК 343.915+343.721

Втюрина Дарья Александровна
студент, Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
г. Владимир, Российская Федерация
vtyurinadasha95@yandex.ru

Кисляков Антон Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент
Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
г. Владимир, Российская Федерация
fntonval77@mail.ru

Противодействие вербовки несовершеннолетних в Сети

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ проблем противодействия вербовке несовершеннолетних в сети Интернет. Поднимается вопрос о профилактике среди несовершеннолетних. Рассматриваются проблемы вовлечения несовершеннолетних в преступления, а также предложены пути решения.*

Ключевые слова: *вербовка несовершеннолетних, преступность в сети Интернет, уголовное право, профилактика преступности, защита прав детей, противодействие преступлениям.*

Vtyurina Darya Alexandrovna
student, Stoletovs Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation

Kislyakov Anton Valerievich
candidate of legal sciences, associate professor
Stoletovs Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation

Combating the online recruitment of minors

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the challenges involved in combating the online recruitment of minors. It addresses the issue of prevention among minors. The article examines the problems associated with minors becoming involved in criminal activity and proposes possible solutions.*

Keywords: *recruitment of minors, cybercrime, criminal law, crime prevention, protection of children's rights, combating crime.*

В последние годы участились случаи поджогов объектов инфраструктуры и транспорта, диверсий на массовых мероприятиях, мошенничества, заказных убийств и подобных прецедентов как на глобальном, так и на национальном уровне. Опасение вызывает факт того, что в подобных диверсиях активное участие принимают несовершеннолетние. На ежегодном расширенном заседании

© Втюрина Д. А., Кисляков А. В., 2026

коллегии МВД Президент РФ В. В. Путин выразил свою обеспокоенность по поводу роста подростковой преступности, среди которых доля тяжких и особо тяжких составов превысила 40 % в 2025 году [7]. По данным СМИ в конце 2025 года погибло двое сотрудников полиции, а марте 2026 года еще один сотрудник подвергся диверсии. По словам официального представителя МВД РФ Ирины Волк эти преступления являются наглядным примером такого нового явления, как scam-терроризм [4]. Противоправные действия данной направленности характеризуются гибридной моделью, сочетающей методы телефонных мошенников и социальной инженерии с целью совершения террористического акта. Смотря на неутешительную статистику, возникает вопрос: что же конкретно влияет на динамику роста подобных преступлений? Как с этим бороться?

Прежде всего необходимо обратиться к официальной мировой и отечественной статистике, фиксирующей тенденцию проявления насилия как своеобразной услуги, предлагаемой преступниками (преступными организациями и сообществами) потенциальным жертвам из числа несовершеннолетних подростков. Так, на международном уровне, полицейская служба Европейского союза (Европол, – от англ. Europol) организовала специальную программу для борьбы с растущей тенденцией насилия как услуги и набора молодых преступников в тяжелую и организованную преступность – GRIMM. – За полгода работы в 2025 году оперативная целевая группа Европола добилась значительного прогресса, арестовав около 200 человек, а также раскрыла преступные сети, стоящие за ростом схемы «насилия как услуги» (VaaS, violence-as-a-service) [1].

Значимым результатом стало то, что удалось выявить структуру работы киберпреступности, и отследить схему вербовки несовершеннолетних в сети Интернет. Насилие как услуга (VaaS) относится к аутсорсингу насильственных действий поставщикам услуг, часто связанным с использованием молодых преступников для совершения угроз, нападений или убийств за отдельную плату. Молодые люди подвергаются преднамеренным нападениям и вербовке для совершения широкого спектра преступлений, от незаконного оборота наркотиков и кибератак до онлайн-мошенничества и насильственного вымогательства. Во главе иерархии преступной организации находятся «заказчики» и «организаторы». Сложность поимки таких лиц заключается в том, что они управляют процессом из тени, что делает их приоритетными целями. Сотрудники Европола смогли успешно задержать шестерых вышестоящих лиц этой категории в 2025 году.

Процесс набора исполнителей несет особую стратегическую значимость и осуществляется в четыре этапа. Исходя из анализа механизма вовлечения подростков в совершение насилия выделяют следующие этапы.

Этап первый – поиск жертвы. Криминальная команда состоит из десятка «вербовщиков», которые сутками находятся в сети в поисках новых рекрутов среди детей и подростков из неблагополучных семей, или ищущих признания в сети. Найти в сети Интернет исполнителей будущих преступлений не составляет труда.

Второй этап – войти в доверие. Для этого преступники используют платформы социальных сетей и приложения для обмена сообщениями для охвата молодых людей с помощью закодированного языка, мемов и геймифицированных задач. В обмен на деньги, статус или чувство принадлежности жертвы втя-

гиваются в преступные схемы, которые являются одновременно насильственными и транснациональными.

Третий этап – координация. После того как кандидат нашелся, и преступники смогли завоевать его расположение, то в дело вступали «посредники» для координирования заданий, покупки оружия, выбора способа и места нападения.

Четвертый этап – воплощение плана. Завершающее звено состоит из исполнителей, которые делали всю грязную работу: нападения, теракты и убийства. Зачастую именно исполнителей ловят на месте преступления, ведь они лишь пешки в этой схеме.

Ситуация с преступлениями среди несовершеннолетних на территории Российской Федерации обостряется в последние годы. Результаты межведомственного анализа свидетельствуют о том, что в условиях проведения СВО ситуация, связанная с попытками деструктивных сил вовлечь в противоправную деятельность российскую молодежь, остается прежней. В связи с политической ситуацией основными целями для привлечения совершения диверсий и противоправных действий остаются наиболее подверженная влиянию группа – лица, не достигших возраста 18 лет.

Статистика показывает, что в 2022 году подростки не совершали преступлений террористической направленности, в 2023 году таких деяний было зафиксировано девять (из них восемь терактов), в 2024 году – 42 (из них 37 терактов), в январе 2025 г. – 6. Среди 735 преступлений террористической направленности, предотвращенных в 2022–2024 годах, доля преступлений, готовившихся с привлечением несовершеннолетних, составила 13,8 %, или 102 преступления (из них 80 терактов) [2, с. 13].

С начала СВО в 64 субъектах Российской Федерации зарегистрировано 291 преступление, которые были связаны с поджогами зданий государственных и общественных организаций, объектов органов власти. Установлено 288 исполнителей преступлений, в их числе 21 несовершеннолетний [2, с. 13].

Целью вербовщиков не просто так становятся подростки и дети, так как они специально обучены выслеживать наиболее поддаваемую влиянию группу людей, которой и являются несовершеннолетние лица. Под внимание вербовщиков подпадают замкнутые в себе люди, либо наоборот амбициозные, которые пережили сильный стресс (например, потерю близкого, развод родителей), а это именно те, кто нуждается в поддержке, любви и признании.

Процесс обработки прост: сначала жертва психологически обрабатывается, новый «друга» втирается в доверие на определенный промежуток времени, помогает и поддерживает. Далее подростка промывают и настраивают против семьи, друзей и государства, подбивая устраивать конфликты и расшатывая психику несовершеннолетнего. Как показывают исследования, группу риска вербовки составляют следующие категории: замкнутые и несоциальные люди; пережившие горе или потерю близких; попавшие в стрессовую ситуацию (конфликты, ссоры, череда неудач, развод свой или родителей, тюремное заключение и т. д.); молодежь, находящаяся в поисках смысла жизни, авторитета или учителя для подражания; максималисты; легко внушаемые люди; люди, чувствующие себя непонятыми, непризнанными, недооцененными [3, с. 291].

Еще одной простой схемой по вербовке является привлечение к простому заработку денег, что и привлекает подростков, которые не могут устроиться на работу, а карманных денег от родителей либо не хватает, либо их вообще нет. Для данной тактики специальные обученные люди делают рассылки, пишут в социальных сетях, оставляют комментарии в мультимедийном пространстве, впоследствии чего создаются чаты в мессенджерах с подростками. Злоумышленники просят написать в чат личные данные и видеосообщение, в котором подросток читает заранее подготовленный текст о том, что он все понимает и берет на себя ответственность, хотя его вводят в заблуждение. Такую схему обычно практикуют мошенники, дабы наживаться на обманутых подростках, которые забирают деньги у пенсионеров и незащищенных групп людей под видом залога за родственника, сбора на медицинскую операцию или покрытие кредита ребенка.

К сожалению, в настоящее время представляется затруднительным выйти на след злоумышленников в киберпространстве и всю ответственность зачастую несут несовершеннолетние и их родители или иные законные представители. Для противодействия преступности в киберпространстве необходимо, прежде всего, разработать ряд мер, способствующих защите несовершеннолетних от вербовки со стороны злоумышленников и пресечения действий с их стороны.

Во-первых, в целях повышения эффективности работы государственных органов по нейтрализации угроз общественной безопасности, связанных с вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность рассмотреть вопросы о целесообразности внесения в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих установление ответственности за преступления диверсионной направленности при достижении лицом ко времени совершения таких криминальных деяний четырнадцатилетнего возраста; а также профилактику травли (буллинга) и противодействие такому поведению подростков и молодежи, в том числе в образовательных организациях. В это связи отметим в положительную сторону, в первом чтении Госдума одобрила законопроект «О внесении изменения в статью 6 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Суть инициативы заключается в противодействии киберугрозам. Согласно проекту нормативного акта, в школах, колледжах и вузах появятся специальные программы и уроки по защите от киберпреступлений. Инициатива коснется и родителей, которых будут информировать через родительские комитеты, а пожилых людей – в банках, отделениях Пенсионного фонда и МФЦ [5].

Во-вторых, необходимо на регулярной основе ввести профилактические занятия среди подростков в средних общеобразовательных школах, привлекая к ним не только психологов, которые могут отслеживать состояние и атмосферу в школьном коллективе, но и близких родственников, которые могут в доверительной форме проводить беседы своими детьми, племянниками, внуками о цифровой «гигиене» (например, как распознать манипуляции мошенников и куда обращаться за помощью подростку в случае возникшей опасности вовлечения в преступную деятельность).

В-третьих, проводить широкое информирование несовершеннолетних, их родителей и законных представителей о наличии реальной угрозы их вовлечения посредством социальных сетей, а также научить четкому алгоритму действий взрослых, которые несут ответственность за несовершеннолетних.

В-четвертых, важно поддерживать стабильное психологическое состояние подростков, которые в своем возрасте и без того загнаны в стресс из-за учебного процесса, сдачи экзаменов, личностных отношений со сверстниками и членами семьи. Кроме того, важным стрессовым фактором является выбор жизненного пути, с которым сталкивается каждый подросток и от которого зависит его будущее. Следует помнить, что благоприятное окружение всегда положительно сказывается на поедании несовершеннолетних.

Таким образом, в век интеллектуальных цифровых технологий, когда повсюду используется Интернет и социальные сети, несовершеннолетнему необходимо помнить о безопасности и правилах поведения в киберпространстве. Это позволить избежать влияния криминальных вербовщиков, нацеленных на вовлечение, подросток в совершение противоправных действий. Важно знать, что сотрудники российских спецслужб и правоохранительных органов не используют подростков для оперативной работы, не вербуют через интернет. Гибридная схема, сочетающая идеологическую дистанционную вербовку, финансовое стимулирование, минимальную непосредственную связь с организаторами и инструктаж через зашифрованные каналы, является, основной современной моделью для организованной преступности [6]. Нужно помнить, что пока в интернет-пространстве есть спрос на высокооплачиваемые «услуги», связанные с насилием, подростки всегда будут использовать возможности получения легких денег, личного признания в своей среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Operational Taskforce 14 Jan 2026. URL: GRIMMhttps://www.europol. europa.eu/operations-services-and-innovation/operations/operational-taskforce-grimm (дата обращения: 14.01.2026).

2. Александрова О. И. Борьба с вовлечением несовершеннолетних и молодежи в противоправную деятельность в условиях проведения специальной военной операции // Записки следователя. 2025. № 4. С. 13.

3. Ананьин О. Ю., Базулина А. А., Жуланов А. В. Вербовка молодежи в террористические организации посредством социальных сетей: проблемы профилактики // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 290–295.

4. В МВД назвали причину гибели троих полицейских в Москве // Парламентская газета. URL: https://www.pnp.ru/incident/v-mvd-nazvali-prichinu-gibeli-troikh-policeyskikh-v-moskve.html (дата обращения: 02.03.2026).

5. Законопроект № 1127364-8 «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона „Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации“». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1127364-8 (дата обращения: 20.01.2026).

6. Как и для чего вербуют подростков в Сети. URL: https://www.it-world.ru/security/272ae77r4p34kckwsks0c0c0wowgcoo.html (дата обращения: 20.01.2026).

7. Расширенное заседание коллегии МВД. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/79255grimm (дата обращения: 10.03.2026).

УДК 343.1

Гилазетдинова Арина Евгеньевна
студент, Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам
гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
gilazetdinovaarina@yandex.ru

Научный руководитель:
Часовникова Ольга Георгиевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и процесса
Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации
по делам гражданской обороны, чрезвычайным
ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
chasovnikova-og@mail.ru

Специфика собирания доказательств по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность посредством дропперства

Аннотация. *Современный этап цифровизации общества привел к трансформации криминальной среды, породив новые высокотехнологичные формы преступной деятельности. Особую опасность среди них представляет феномен «дропперства», который характеризуется активным использованием уязвимости несовершеннолетних. Данное исследование посвящено анализу специфических проблем, возникающих в процессе доказывания по уголовным делам, связанным с вовлечением подростков в противоправную деятельность посредством цифровых технологий. На основе изучения судебной практики за период 2020–2025 годов выявлены ключевые сложности в установлении предмета доказывания в соответствии со статьей 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), обусловленные как региональными особенностями, так и возрастной спецификой*

© Гилазетдинова А. Е., 2026

потерпевших и обвиняемых. Работа обосновывает настоятельную необходимость совершенствования процессуальных механизмов сбора и оценки доказательств в сфере киберпреступности с участием несовершеннолетних, а ее результаты имеют практическую ценность для следственных органов и судов.

Ключевые слова: *дропперство, несовершеннолетние, ст. 150 УК РФ, предмет доказывания, ст. 73 УПК РФ, процессуальные особенности, киберпреступность.*

Gilazetdinova Arina Evgenievna
student, Saint Petersburg University of the State
Fire Service of the Ministry of the Russian Federation
for Civil defense, emergencies and elimination
of consequences of natural disasters named
after Hero of the Russian Federation general of the army E. N. Zinichev
Saint Petersburg, Russian Federation

Scientific advisor:
Chasovnikova Olga Georgievna,
candidate of legal sciences, associate professor
of the department of criminal law and procedure,
Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of the Russian Federation
for Civil defense, emergencies and elimination
of consequences of Natural Disasters named
after Hero of the Russian Federation general of the army E. N. Zinichev
St. Petersburg, Russian Federation

The specifics of collecting evidence in cases of involving minors in criminal activity through dropping

Annotation. *The current stage of digitalization in society has led to a transformation of the criminal environment, giving rise to new high-tech forms of criminal activity. One particularly dangerous phenomenon is "dropshipping", which involves the active exploitation of the vulnerability of minors. This study focuses on analyzing the specific challenges that arise during the process of proving criminal cases involving the involvement of minors in illegal activities through digital technologies. Based on a study of judicial practice for the period 2020–2025, key difficulties in establishing the subject of proof in accordance with Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC) have been identified, which are caused both by regional specifics and the age characteristics of victims and accused. The work substantiates the urgent need to improve the procedural mechanisms for collecting and evaluating evidence in the field of cybercrime involving minors, and its results are of practical value for investigative bodies and courts.*

Keywords: *dropshipping, minors, Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, the subject of proof, Article 73 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, procedural features, cybercrime.*

Актуальность темы обусловлена стремительным ростом масштабов вовлечения молодежи в схемы так называемого дропперства. Сам термин «дроппер» происходит от английского глагола to drop (бросать, оставлять) и в криминальном контексте обозначает систему, при которой преступные группы при-

влекают третьих лиц, часто несовершеннолетних, для хранения или транзита запрещенных объектов, включая денежные средства, через цифровые каналы [2, с. 147]. Как отмечает Е. А. Глянец, дроппером является лицо, которое за вознаграждение предоставляет свои банковские реквизиты для зачисления средств, полученных преступным путем [3, с. 108]. При этом, по справедливому замечанию А. Т. Мурсалимова, такие участники обычно занимают низшую ступень в иерархии организованной группы и могут осознавать противоправный характер своих действий [6, с. 235]. Масштабы явления носят угрожающий характер: по данным Центрального банка России, ежемесячно в подобные схемы вовлекается около 80 тысяч россиян, причем, согласно уточнению Сбербанка, до 60 % из них составляют молодые люди в возрасте от 14 до 24 лет [7]. Таким образом, ежемесячно десятки тысяч подростков оказываются в зоне риска уголовного преследования, что ставит перед государством сложную социальную задачу по сочетанию карательных и превентивных мер.

Анализ судебной практики позволяет выделить три основные категории дропперов, что имеет ключевое значение для правильной квалификации их действий и назначения наказания [12, с. 180]. К первой группе относятся «слепые» или «незащищенные» дропперы – лица, полностью не осведомленные о криминальном происхождении операций. Ярким примером служит уголовное дело № 12401080020001005, где студент, поверив в историю о технических неполадках, предоставил данные своей карты однокурснику, после чего с нее были обналичены средства, добытые путем киберкражи [8]. Вторая категория – «обманутые» или «наивные» дропперы, которые введены в заблуждение относительно истинной цели финансовых манипуляций. Так, в деле № 12501080015000729 девушка, откликнувшись на фиктивную вакансию оператора, переводила деньги, полагая, что участвует в тестировании банковского сервиса [9]. Третью группу составляют «злонамеренные» дропперы, сознательно участвующие в преступной деятельности, как, например, подросток из Екатеринбурга, осужденный Верхнесалдинским городским судом за участие в схеме мошенничества с имитацией ДТП [5]. Подобная типология наглядно демонстрирует трудности в установлении субъективной стороны преступления.

Правовая квалификация действий дропперов и лиц, их вовлекающих, сопряжена со значительными сложностями. Основной нормой при привлечении несовершеннолетних выступает статья 150 УК РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»). Однако ее применение в цифровой среде, особенно в части, касающейся совершения преступления организованной группой (ч. 2 ст. 150 УК РФ), вызывает серьезные вопросы у правоприменителей [10]. Преступники умышленно эксплуатируют возрастные особенности: вербовка подростков 14–16 лет, чья уголовная ответственность ограничена, позволяет минимизировать риски для организаторов. Судебная практика демонстрирует разнообразие подходов. Например, Верховный Суд Республики Адыгея признал гражданина виновным в вербовке несовершеннолетних для экстремистской деятельности, что расширяет понимание способов вовлечения [4]. Московский городской суд в деле № 10-23361/2023 пришел к выводу, что владельцы «дроп-аккаунтов», использовавшихся для хищения средств железнодорожных компа-

ний, являются полноправными соучастниками, осознающими противоправность своих действий [1]. Для устранения правовых пробелов Министерством внутренних дел РФ предложен проект статьи 187.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за операции с платежными средствами в целях легализации преступных доходов, однако ее эффективность потребует детальной проработки применительно к несовершеннолетним [10].

Специфика доказывания по данной категории дел обусловлена особенностями предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ). Психологические характеристики подростков 14–17 лет серьезно осложняют следственные действия. Исследования показывают, что 68,4 % несовершеннолетних подозреваемых не дают признательных показаний, а 23,6 % склонны давать ложные показания под влиянием страха или давления со стороны организаторов преступной группы [6]. Кроме того, наблюдается значительная региональная дифференциация в эффективности расследования. Так, в Московском регионе уровень доказанности подобных дел достигает 79 %, тогда как в субъектах Северо-Кавказского федерального округа этот показатель не превышает 52 % при схожих фактических обстоятельствах [11]. Это связано с неравномерной обеспеченностью регионов экспертами-киберкриминалистами и разным уровнем технологической оснащенности следственных подразделений.

Процессуальные пробелы и нарушения еще более усугубляют ситуацию. Анализ практики позволяет выделить четыре ключевые проблемы. Во-первых, отсутствуют нормативно закрепленные стандарты фиксации цифровых доказательств (электронной переписки, метаданных, истории операций) в делах с участием несовершеннолетних. Во-вторых, не разработаны специализированные методики допроса несовершеннолетних дропперов, учитывающие их психологию и цифровую грамотность. В-третьих, привлечение специалиста-киберкриминалиста не является обязательным требованием, что ведет к утрате цифровых улик. В-четвертых, часто нарушается статья 425 УПК РФ: в 41,7 % случаев защита оспаривает доказательства, указывая на проведение допроса без педагога или психолога, компетентного в цифровой среде [13].

Для преодоления указанных проблем необходима комплексная модернизация законодательной и практической базы. Первоочередными мерами должны стать внесение изменений в статьи 164 и 165 УПК РФ, детализирующих порядок изъятия и фиксации цифровых доказательств, а также разработка обязательного протокола допроса несовершеннолетних, вовлеченных в киберпреступления. Крайне важно законодательно закрепить обязательность участия специалиста-киберкриминалиста на стадии предварительного следствия по таким делам.

Перспективным направлением является внедрение технологий искусственного интеллекта, например, создание межведомственной цифровой платформы для мониторинга подозрительных транзакций с участием несовершеннолетних (по аналогии с тестовой платформой SafeDrop в Свердловской области, сократившей сроки выявления схем на 57 %). Однако реализация этих мер должна сопровождаться усилением гарантий прав несовершеннолетних и подготовкой новых кадров – экспертов в области цифровой психологии и киберкриминалистики.

Только системный подход, сочетающий совершенствование законодательства, внедрение технологий и межведомственное взаимодействие, позволит эффективно противодействовать вовлечению несовершеннолетних в киберпреступную деятельность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 14 декабря 2023 г. по делу № 10-23361/2023. URL: https://sudrf.cntd.ru/document/1304541079 (дата обращения: 01.03.2026).

2. Волосевич И. Н. Неправомерный оборот действующих электронных средств платежа (дропперство) как объект криминалистического анализа: постановка проблемы. // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 147–156.

3. Глянц Е. М. Противодействие кибермошенничеству: проблемы теории и практики // Цифровые технологии и право : сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 2022). Казань, 2022. С. 108–116.

4. Гречко А. В. В Адыгее осудили туриста за вовлечение подростков в террористическую организацию. URL: https://www.kommersant.ru/regions/23 (дата обращения: 01.03.2026).

5. Медведева Ю. М. «Бегунку» и дропперу из Екатеринбурга вынесли приговор в Верхней Салде за участие в мошеннических схемах. URL: https://veved.ru/eburg/news/crime-news/203379-begunku-i-dropperu-iz-ekaterinburga-vynesli-prigovor-v-verhnej-salde-za-uchastie-v-moshenni cheskih-shemah.html (дата обращения: 01.03.2026).

6. Мурсалимов А. Т. Противодействие преступности через призму криминологического портрета личности мошенника в сфере кредитования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3(219) С. 235–237.

7. Саксаганский А. О. Вгоняют молодежь во дроп: почему подростки идеальные посредники для кибермошенников. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/531765-vgonaut-molodez-vo-drop-pocemu-podrostki-ideal-nye-posredniki-dla-kibermosennikov (дата обращения: 01.03.2026).

8. Уголовное дело № 12401080020001005, возбужденное 08 ноября 2024 г. в СО ОП № 1 СУ УМВД России по г. Хабаровску по ч. 2 ст. 159 УК РФ // Архив СО ОП № 1 СУ УМВД России по г. Хабаровску.

9. Уголовное дело № 12501080015000729, возбужденное 15 января 2025 г. в СО ОМВД России по Хабаровскому району по ч. 3 ст. 159 УК РФ // Архив СО ОП № 1 СУ УМВД России по г. Хабаровску.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 20.02.2026) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.03.2026).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г., одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 09.04.2026). URL: https://www.consultant.ru/

document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=mqtre4hesa961524243 (дата обращения: 01.03.2026).

13. Шевченко А. А. Способы вовлечения несовершеннолетних в дропперство // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3. С. 179–186.

14. Historical summary of the formation and development of the procedure status of the investigator in the criminal procedure laws of the Russian Federation and the socialist Republic of Vietnam / D. A. Ivanov, T. T. Bui, O. Chasovnikova [et al.] // Relacoes Internacionais no Mundo Atual. 2022. Vol. 4, no. 37. P. 831–842.

УДК 343.13

Гусак Елизавета Сергеевна
студент, Владивостокский государственный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
gusakes.0206@mail.ru

Верещагина Алла Васильевна
кандидат юридических наук, доцент
Владивостокский государственный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
vereschagina_alla@mail.ru

Домашний арест как мера пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

Аннотация. *В статье рассматриваются общие положения об одной из предусмотренных российским уголовно-процессуальным законом мер пресечения в виде домашнего ареста. Изложены теоретические положения и статистические данные об избрании домашнего ареста в Российской Федерации, перечень запретов и ограничений, избираемых в дополнение к домашнему аресту. Сформулировано несколько предложений по внесению изменений в УПК РФ, касающихся расширения перечня запретов и ограничений при назначении домашнего ареста, а также трактовке жилого помещения и домовладения, где реализуется домашний арест.*

Ключевые слова: *домашний арест, меры пресечения, уголовное судопроизводство, изоляция от общества, ограничения и запреты, жилое помещение.*

Gusak Elizaveta Sergeevna
student, Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

Vereshchagina Alla Vasilyevna
candidate of legal sciences, associate professor
Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

© Гусак Е. С., Верещагина А. В., 2026

House arrest as a preventive measure in criminal proceedings of the Russian Federation

Annotation. *The article discusses the general provisions of one of the preventive measures provided for by the Russian Criminal Procedure Law, namely house arrest. It presents theoretical provisions and statistical data on the use of house arrest in the Russian Federation, as well as a list of prohibitions and restrictions that can be imposed in addition to house arrest. The article also proposes several amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the expansion of the list of prohibitions and restrictions when imposing house arrest, as well as the interpretation of the living space and household where house arrest is implemented.*

Keywords: *house arrest, preventive measures, criminal proceedings, isolation from society, restrictions and prohibitions, living quarters.*

Домашний арест как мера пресечения не является новой для уголовного судопроизводства Российской Федерации. Эта мера пресечения берет начала с IX века, когда предусматривались различные проаналоги домашнего ареста – помещение под надзор. Нормативно, как мера пресечения, домашний арест впервые закреплен в 1832 году в Своде законов Российской Империи [4]. При разработке и принятии Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. законодатель изменил систему пресечения, в том числе в части отказа от регламентации домашнего ареста. И лишь в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 г. (ст. 107) вновь меру пресечения домашний арест включили в уголовно-процессуальный закон [1].

Рассматриваемая мера пресечения весьма востребована в практической деятельности. Суды удовлетворяют большую часть ходатайств об избрании домашнего ареста как альтернативы заключению под стражу. За период 2022–2024 гг. в судах общей юрисдикции рассмотрено ходатайств об избрании домашнего ареста 8550 ходатайств в 2022 году, из которых 7411 – удовлетворено, 942 – отказано в удовлетворении и 197 передано по подсудности, прекращено, отозвано либо возвращено; в 2023 году рассмотрено 8766 ходатайств, из которых 7502 – удовлетворено, 1097 – отказано в удовлетворении, 167 – передано по подсудности, прекращено, отозвано либо возвращено; в 2024 году рассмотрено 8519 ходатайств, из которых 7378 – удовлетворено, 993 – отказано в удовлетворении, 148 – передано по подсудности, прекращено, отозвано либо возвращено [6].

Несмотря на отсутствие увеличения ходатайств об избрании меры пресечения домашний арест, тенденция обращения с такими ходатайствами в суд носит устойчивый характер, что можно расценивать как подтверждение востребованности данной меры пресечения по определенным категориям дел и в отношении определенных категорий привлекаемых к уголовной ответственности лиц. Кроме того, по сравнению с мерами пресечения запрет определенных действий и залог количество ходатайств об избрании домашнего ареста существенно выше.

В ст. 107 УПК РФ подчеркивается судебный характер применения домашнего ареста, закреплены условия ее избрания – невозможность применения иной, более мягкой, меры пресечения, и сформулирована сущность домашнего

ареста – нахождение подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может являться лечебное учреждение [1].

Несмотря на, казалось бы, ясность процитированной выше нормы, в научной литературе дискутируется понятие домашнего ареста. Например, такие авторы как Е. А. Шкода и А. А. Облаков под домашним арестом понимают ограничение свободы, назначенное судом, связанное с передвижением обвиняемого, что предусматривает перед собой запрет на выезд пределы определенной административной территории без разрешения и дополнительно установленных законом запретов [5]. Иными словами, указанные авторы подчеркивают, что домашний арест прежде всего сопряжен с ограничением права человека на свободу передвижения.

В своей трактовке домашнего ареста Н. Р. Бежан и С. М. Кривенцева указывают на альтернативность домашнего ареста заключению под стражу, исключительный судебный порядок принятия решения об избрании этой меры пресечения и ее назначение с учетом обстоятельств и личности обвиняемого (подозреваемого) – характер инкриминируемого деяния, возраст, состояние здоровья, семейное положение, иные обстоятельства, влияющие на возможность применения иных мер пресечения [3, с. 470]. Домашний арест как отдельная мера пресечения и институт в уголовном судопроизводстве трактуется в различных интерпретациях в законодательстве, и в научной среде, что подтверждает разносторонность данной меры пресечения.

Запреты и ограничения, назначаемые при избрании домашнего ареста строго ограничены, и к их числу относят: «общение с определенными лицами, отправление и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ)» [1]. Возникает вопрос о достаточности предусмотренных законом запретов и ограничений для эффективности применения домашнего ареста, поэтому, как представляется, можно дополнить ч.7 ст. 107 УПК РФ положением о допустимости применения и иных запретов, и ограничений, связанные как с обстоятельствами дела, так и личностью привлекаемого к уголовной ответственности. Это позволит судам самостоятельно определять возможные запреты и ограничения, «индивидуализировать» их.

Ординарный срок домашнего ареста составляет 2 месяца, однако он может быть продлен до 18 месяцев при наличии согласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа в системе МВД России, а также при совершенном особо тяжком преступлении.

Помимо обозначенных выше сложным является вопрос интерпретации жилого помещения, где подозреваемый или обвиняемый должны находиться при применении домашнего ареста. В Постановлении Пленума ВС РФ от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога

и запрета определенных действий» (далее – Постановление Пленума ВС РФ №41) в пункте 38 содержится определение жилого помещения, под которым понимается «любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например, дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям» [2].

Кроме того, к категории жилых помещений могут быть причислены строения и помещения, не включенные в состав жилищного фонда, при условии, что они предназначены для непосредственного проживания и удовлетворяют нормативные требования, установленные для подобных объектов.

Актуализируется вопрос о возможности применения домашнего ареста в отношении подозреваемого (обвиняемого), проживающего в общежитии (характеризующемся наличием общих помещений с другими жильцами), гостинице, хостеле и иных аналогичных объектах. По нашему мнению, применение домашнего ареста в подобных условиях не представляется возможным, поскольку, например, в общежитии затруднительно обеспечить соблюдение всех ограничений и запретов, которые могут быть установлены в отношении подозреваемого или обвиняемого. Это также касается гостиниц, хостелов или пансионатов не только в силу невозможности соблюдения возложенных запретов и ограничений, но вопроса оплаты проживания в означенных помещениях.

Также требует конкретизации вопрос нахождения на приусадебном участке при избрании домашнего ареста в отношении лица, проживающего в частном доме. В законе установлен строгий запрет на покидание жилых помещений, что может интерпретироваться как запрет на выход из жилого дома во двор. В связи с возможностью таких ситуаций желательно внести изменения в ч. 1 ст. 107 УПК РФ включив в норму термин «домовладение». Также целесообразно представить понятие домовладения в содержании пункта 38 Постановления Пленума ВС РФ № 41: «домовладение – это жилой дом и обслуживающие его строения и сооружения, находящиеся на обособленном земельном участке» [2].

Обобщая изложенное, можно прийти к выводу о том, что применение домашнего ареста включает в себя достаточный уровень процессуального контроля с сохранением базовых прав подозреваемого (обвиняемого), включая проживание в привычных условиях и поддержание связи с семьей. Применение домашнего ареста оправдано в отношении лиц, не представляющих высокой общественной опасности, а также при наличии обстоятельств, исключающих целесообразность содержания под стражей. Однако требуется устранение законодательных пробелов, для наиболее эффективного применения домашнего ареста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г., одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 09.04.2026) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=mqtre4hesa961524243 (дата обращения: 02.04.2026).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в ред. от 27.05.2025) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 2.

3. Бежан Н. Р., Кривенцева С. М. Домашний арест: понятие, сущность и место в системе мер пресечения // Флагман науки. Нацразвитие. 2025. Т. 1, № 5. С. 470–472.

4. Каштанова А. О. Становление и развитие меры пресечения в виде домашнего ареста в истории России. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-mery-presecheniya-v-vide-domashnego-aresta-v-istorii-rossii (дата обращения: 02.04.2026).

5. Шкода Е. А., Облаков А. А. Понятие домашнего ареста в уголовно-процессуальном праве России. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-domashnego-aresta-v-ugolovno-protsessual nom-prave-rossii (дата обращения: 02.04.2026).

6. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2022–2024 годах. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79/ (дата обращения: 01.04.2026).

УДК 343.3

Дубынина Анастасия Андреевна
студент, Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
г. Владимир, Российская Федерация
dubynina.anastasiia@gmail.com

Кисляков Антон Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент
Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
г. Владимир, Российская Федерация
antonval77@mail.ru

Искусственный интеллект в уголовном праве: правосубъектность, квалификация преступных деяний, место среди элементов состава преступления

Аннотация. *В статье рассматривается возможность наделения искусственного интеллекта (далее – ИИ) правосубъектностью в рамках уголовного права, приводятся преимущества и риски такого нововведения. Изучается способность ИИ самостоятельно нести ответственность и делается вывод о неприменимости к нему наказаний, предусмотренных в отечественном Уголовном Кодексе. Анализируются вопросы квалификации пре-*

© Дубынина А. А., Кисляков А. В., 2026

ступлений, совершенных ИИ автономно или опосредованно. Предлагается рассмотрение ИИ в уголовном праве в качестве средства совершения преступления

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правосубъектность искусственного интеллекта, ответственность искусственного интеллекта, квалификация преступлений, средство совершения преступления.*

Dubynina Anastasia Andreevna
student, Vladimir State University
named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletovs
Vladimir, Russian Federation

Kislyakov Anton Valerievich
candidate of legal sciences, associate professor
Vladimir State University
named after Alexander G. and Nikolay G. Stoletovs
Vladimir, Russian Federation

Artificial intelligence in criminal law: legal personality, qualification of criminal acts, place among the elements of the corpus delicti

Annotation. *The article considers the possibility of endowing artificial intelligence (hereinafter – AI) with legal personality within the framework of criminal law, and provides the advantages and risks of such an innovation. The ability of AI to independently bear responsibility is studied and a conclusion is drawn about the inapplicability of punishments provided for in the domestic Criminal Code. The issues of qualification of crimes committed by AI autonomously or indirectly are analyzed. It is proposed to consider AI in criminal law as a means of committing a crime.*

Keywords: *artificial intelligence, legal personality of artificial intelligence, responsibility of artificial intelligence, qualification of crimes, means of committing a crime.*

За последнее десятилетие значительно возрос интерес правоведов к проблематике темы искусственного интеллекта. В условиях стремительного цифрового развития сложно представить какой сферы жизни современного человека еще не коснулись технологии ИИ.

Повышенный интерес к его феномену обусловлен рядом факторов. С одной стороны – это мощное орудие, зачастую превосходящее результаты деятельности человека, способное осуществлять сложную аналитическую обработку больших объемов данных в короткие сроки с дальнейшей возможностью самообучения и совершенствования собственных навыков. С другой стороны – это орудие порождает ряд угроз и вызовов для современного законодателя и правоприменителя, в том числе в сфере уголовного права: создание высокореалистичных изображений, аудио и видео; разработка новых моделей совершения преступлений; создание вредоносного программного обеспечения; рост числа общественно опасных деяний в цифровой среде.

Ввиду обозначенных тенденций, актуальными в уголовном праве остаются следующие вопросы – обладает ли ИИ правосубъектностью, может ли он расцениваться как средство совершения преступления и каким образом должны

квалифицироваться общественно опасные деяния, совершенные с его помощью.

Рассуждая о возможности наделения ИИ статусом субъекта в уголовном праве Российской Федерации (далее – РФ), необходимо обратиться к базовым представлениям о правосубъектности в теории права. С точки зрения В. К. Бабаева, правосубъектность включает в себя три элемента – правоспособность, дееспособность и деликтоспособность [10, с. 446]. Отсюда возникает ряд вопросов – может ли ИИ быть носителем прав и обязанностей, способен ли он быть субъектом преступления и может ли он нести ответственность за совершенное им преступление.

В настоящий момент в РФ отсутствует нормативно-правовой акт, закрепляющий ИИ в качестве субъекта. Большинство правоведов также склоняется к позиции, согласно которой ИИ не обладает правоспособностью, а соответственно не выступает участником правоотношений. И. М. Рассолов отмечает, что в текущей ситуации правильнее говорить не об отношениях между людьми и ИИ, а об отношениях людей по поводу его создания и использования [9, с. 324].

Отсутствие у ИИ прав и обязанностей прямо свидетельствует и об отсутствии у него деликтоспособности. Допустим, если бы у ИИ было право занимать определенные должности и обязанность надлежащим образом исполнять свои служебные функции, то в случае совершения, к примеру, халатности, повлекшей причинение особо крупного ущерба, ИИ мог бы быть этого права лишен [1, ч. 1. 1. ст. 293]. Возможность возложения на субъекта мер уголовной ответственности напрямую связана с наличием у него правоспособности. Нет субъекта – нет ответственности. Кроме того, отсутствие правоспособности предполагает и отсутствие дееспособности. Если нет возможности иметь права и обязанности, то и нет возможности их своими действиями осуществлять.

Законодательное закрепление правосубъектности ИИ, на первый взгляд, упрощает ситуацию – становится однозначно понятно, что преступление совершил искусственный компьютерный алгоритм. Однако, при этом не стоит забывать о том, что ни одна разработка человека на данном этапе развития не может работать абсолютно автономно (без участия человека), ИИ, как минимум, кто-то должен создать и обучить. Кроме того, существование ИИ невозможно обособленно от разработчика или модератора, поддерживающего эффективность его функционирования.

Таким образом, в ситуации, когда общественно опасное деяние будет совершено человеком, который дал ИИ команду или обучил его алгоритму принятия решений, вина будет на бездушной машине, что также не соответствует целям уголовного наказания. Наказание этого искусственного организма не поспособствует восстановлению социальной справедливости, алгоритм не испытает человеческого чувства раскаяния и не исправит свое поведение, не загладит вину, не прекратит осуществление противоправной деятельности. Алгоритм по своей сущности – цикличен, он из раза в раз может повторять одни и те же действия.

ИИ не способен к исправлению, самоустранению собственной общественной опасности, перевоспитанию. По идее сами формулировки «исправления», «искупления вины», подразумевающиеся в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [1, ч. 2, ст. 43] и Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации [2, ст. 7], не свойственны для ИИ в силу отсутствия у него человеческого интеллекта, чувств, тканей и органов. Его можно переобучить, сбросить до заводских настроек, изменить данные, на которых он обучается. В этой связи к ИИ скорее применимы иные выражения – ремонт, редактирование алгоритма, внесение правок, устранение системных ошибок.

Установление барьера, способствующего предупреждению совершения новых преступлений также не представляется возможным, поскольку дать противоправную и общественно-опасную задачу ИИ может каждый, кто обладает доступом к нему, что в эру рассвета таких сервисов, как Chat-GPT, приводит к цикличному совершению преступлений – использование ИИ для внедрения вредоносного программного обеспечения в системы электронных платежей, незаконный сбор и использование информации [7, с. 151] и др. На данный момент нет гарантии, что ИИ не предоставит новых противозаконных сценариев.

Отсюда вытекает вопрос квалификации преступлений, совершенных с помощью ИИ. В настоящее время УК РФ не предусматривает отдельных статьей для привлечения к ответственности по такого рода составам преступлений, а глава 28 (преступления в сфере компьютерной информации) является самой близкой для рассматриваемой категории преступлений. Предусмотренные ей составы – общественно опасные деяния, посягающие на безопасность информации и систем обработки информации с использованием ЭВМ [11, с. 550]. ИИ, с точки зрения Д. А. Корольковой, подпадает под категорию программ для ЭВМ [5, с. 154], что заставляет задуматься о разработке новой статьи в данной главе, предусматривающей ответственность за разного рода преступлений, совершаемых с его помощью.

Более того – дискуссионным остается вопрос о надлежащем субъекте. Некоторые зарубежные правоведы считают, что вина в преступлениях, специально и исключительно для которых был создан вредоносный ИИ, принадлежит программисту, производителю или пользователю [14, с. 210].

Другая ситуация – использование заведомо правомерного ИИ, вышедшего из-под контроля и повлекшего вредоносные последствия ввиду недоработки программы, допущенной разработчиком. В такой ситуации разработчик может быть привлечен к уголовной ответственности, если он при необходимой внимательности и предусмотрительности мог предвидеть эти последствия [6, с. 35].

Иной случай – совершение ИИ преступления автономно, без воли создателей и пользователей [8, с. 12]. Такая ситуация в настоящий момент возможна лишь гипотетически, в случае наделения ИИ правосубъектностью.

Таким образом, сложен и не решен по сей день вопрос определения субъекта уголовной ответственности по такого рода преступлениям. При

создании и использовании ИИ задействовано большое количество специалистов, среди которых – разработчики, программисты, собственники ИИ, специалисты по обучению, инженеры по качеству и тестированию, специалисты по безопасности информации баз данных, юристы, экономисты, менеджеры и многие другие. Помимо них существуют и взломщики, мошенники, недобросовестные пользователи. Неизвестно – должны ли они нести ответственность как соучастники, находящиеся в преступном сговоре, или каждое лицо должно отвечать лишь за ту часть преступления, умыслом которого она охватывалась.

В процессе изучения данной темы возникает и вопрос о применимости наказаний, перечисленных в УК РФ. Очевидно, что человеческие наказания не подвластны пониманию ИИ, и он, например, не сможет ощутить на себе смертную казнь, будет не в силах выплатить штраф. Однако в доктрине существует ряд наказаний, к которым гипотетически может привлекаться ИИ – цифровая смерть, временная блокировка, определение ИИ как вируса, отключение от сети Интернет или от питания, запрет на производство конкретного вида ИИ или его аналогов, запрет применения вида ИИ в конкретной стране [4, с. 55].

Сделав вывод о том, что ИИ – не является субъектом, рассмотрим иные подходы к определению его места в составе совершаемого преступления. Теоретически возможны три подхода – рассмотрение ИИ в качестве орудия, средства или способа.

Орудие и средство – то, с помощью чего совершается объективная сторона преступления, способ – метод и прием осуществления деяния. Орудием классически выступают предметы материального мира [13, с. 19–22], например, нож, пистолет, топор. К пониманию средств совершения преступления в доктрине уголовного права не сложилось единого подхода. Наиболее логичной, на наш взгляд, является точка зрения, в соответствии с которой средство не используется непосредственно для воплощения противоправного деяния, а лишь способствует облегчению его совершения [12, с. 32] и, кроме того, может и не являться предметом материального мира. В отличие от орудия и средства, способ не имеет материального (осязаемого) носителя, являясь лишь формой осуществления задуманного намерения.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что ИИ в условиях отсутствия своего овеществленного прообраза не может выступать орудием. Рассматривать его как способ также не удается ввиду того, что нельзя на вопрос «какой был способ?» ответить – ИИ, гораздо более подходящими формулировками ответа будут – общеопасный, открытый, тайный. ИИ скорее стоит рассматривать как средство [3, с. 60], которое не имеет материального носителя и не само воздействует на осуществление преступного умысла, а является неким «посредником», облегчающим процесс противоправного воздействия на объект преступного посягательства.

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, мы приходим к следующим выводам. На текущем этапе цифровизации Российского государства нецелесооб-

разным, излишним и опасным является наделение ИИ правосубъектностью в рамках уголовного права. Нерешенным, ввиду отсутствия законодательного закрепления базовых представлений о месте ИИ в уголовном праве, является вопрос определение круга субъектов, имеющих обоснованную необходимость нести ответственность за общественно опасные деяния, совершенные ИИ. Необходимым является внесение изменений в главу 28 УК РФ, дополнение ее нормами, затрагивающими сферу функционирования ИИ – ответственные лица, применимые наказания, конкретные составы преступлений. Кроме того, в доктрине, ИИ расценивается лишь в качестве средства совершения преступления, что также должно найти свое отражение в уголовном законе.

Активное развитие технологий искусственного интеллекта ставит перед уголовным законом ранее не существовавшие вызовы и задачи. Ввиду этого, законодателю предстоит найти баланс между стимулированием технологического прогресса и обеспечением надлежащего уровня защиты общественных отношений. В эпоху цифровизации люди не должны становиться потерпевшими от преступлений, совершаемых с помощью их собственного изобретения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 20.02.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.04.2026).

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 18 декабря 1996 г., одобрен Советом Федерации 25 декабря 1996 г. № 1-ФЗ (в ред. от 17.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/0844bcb33376fe7ba64f9de457550a2c022849f6/?ysclid=mqtzydfs3m866973668 (дата обращения: 01.04.2026).

3. Жарова А. К. Искусственный интеллект – средство или способ совершения мошенничества в сфере компьютерной информации? // Государство и право. 2023. № 2. С. 54–61.

4. Зырянов И. А. К вопросу о введении киберответственности искусственного интеллекта // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 53–58.

5. Королькова Д. А. Искусственный интеллект как объект гражданского права // Закон и право. 2024. № 2. С. 151–155.

6. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования : монография. Киров : Вятский государственный университет, 2020. 111 с.

7. Овчинский В. С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. М. : Норма, 2018. 351 с.

8. Папышева Е. С. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы привлечения (сравнительно-правовой анализ) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3. С 9–13.

9. Рассолов И. М. Информационное право : учебник и практикум для вузов. 7-е изд., перераб. М. : Юрайт, 2026. 427 с.

10. Теория государства и права : учебник для вузов / под ред. В. К. Бабаева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2026. 620 с.

11. Уголовное право России. Части общая и особенная : учебник / под ред. А. И. Рарога. 10-е изд. М. : Проспект, 2018. 841 с.

12. Федышина П. В. Соотношение орудий, средств и способа совершения преступления // КриминалистЪ. 2016. № 1(18). С. 31–34.

13. Яшков С. А. Информация как предмет преступления : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 28 с.

14. Hayward K. J., Maas M. M. Artificial intelligence and crime: A primer for criminologists // Crime, Media, Culture. 2021. Vol. 17, is. 2. P. 209–233.

УДК 343.852

Жукова Мария Николаевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
mashasud44@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Изменения уголовно-процессуального закона, связанные с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу

Аннотация. *Заключение под стражу, относится к мерам пресечения, при избрании которой наиболее остро сталкиваются интересы человека и государства, так как она максимально ограничивает фундаментальные права гражданина: на свободу и личную неприкосновенность. При всех недостатках и проблемности данной меры пресечения, заключение под стражу продолжает оставаться безальтернативной мерой при расследовании особо тяжких и ряда тяжких преступлений. О проблемности данного вопроса свидетельствует количество изменений и дополнений, внесенных законодателем в статьи УПК РФ, связанных с избранием данной меры пресечения.*

Ключевые слова: *Уголовное право, уголовный процесс, уголовно-процессуальный кодекс, предварительное следствие, мера пресечения, заключение под стражу.*

© Жукова М. Н., Евстегнеев А. С., 2026

Zhukova Marua Nicolaevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich
candidate of legal sciences, associate professor
associate professor of the department of judicial
and law enforcement activities
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Changes to the criminal procedure law related to the selection of a preventive measure in the form of detention

Annotation. *Pretrial detention is a preventive measure whose selection most acutely challenges the interests of the individual and the state, as it severely restricts a citizen's fundamental rights to liberty and security of person. Despite all the shortcomings and problems associated with this preventive measure, pretrial detention remains the only alternative in the investigation of particularly serious and certain other serious crimes. The number of amendments and additions made by lawmakers to articles of the Russian Criminal Procedure Code related to the selection of this preventive measure demonstrates the problematic nature of this issue.*

Keywords: *Criminal law, criminal procedure, criminal procedure code, preliminary investigation, preventive measure, detention.*

Из-за специфики вопросов регулирования уголовно-процессуальное законодательство больше всех вторгается в сферу частной жизни, ограничивая основные права и свободы человека. Согласно Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) «…человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина обязанность государства» [1]. Право на свободу и личную неприкосновенность являются фундаментальными и должны неукоснительно охраняться государством.

В ст. 22 Конституции РФ, а также в статьях 108, 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержится предписание о том, что ограничение права на свободу возможно только по судебному решению, а также то, что лицо, до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов [2].

К лицам, которые подозреваются или обвиняются в совершении уголовно наказуемого деяния, государство, в лице специально уполномоченных должностных лиц, вправе применять меры принудительного воздействия, направленные на ограничение свободы передвижения и общения, которые призваны обеспечить возможность беспрепятственного производства по уголовному делу. Такие ограничения становятся возможными при принятии судом решения, по ходатайству органа предварительного расследования в лице следователя или дознавателя, об избрании самых строгих мер пресечения, которые затрагивают

права человека и гражданина на свободу передвижения и общения, к числу которых законодатель отнес домашний арест и заключение под стражу, обеспечивающих полную изоляцию лица от общества.

Заключение под стражу – самая строгая мера пресечения, так как она максимально ограничивает права граждан на свободу передвижения и общения, личную неприкосновенность и носит исключительный и персональный характер. При этом, как указано в законе, данная мера пресечения может быть избрана только при условии, что иная, более мягкая мера пресечения не может быть примененной в виду невозможности обеспечить достижение названных законом целей. Практика показывает, что настоящая мера пресечения обеспечивает реальное предупреждение, как противоправных действий (бездействия), так и предупреждение совершения новых преступлений в дальнейшем, а также воспрепятствование собиранию доказательств оказанию давления на потерпевших и свидетелей.

Об остроте и актуальности проблемы института заключения под стражу свидетельствует количество изменений, внесенных законодателем в ст. 108, 109 УПК РФ (более 40 раз) с момента вступления УПК РФ, неоднократно к разъяснению конституционно-правового смыла отдельных частей указанных статей обращался в своих постановлениях Конституционный Суд РФ, а также количество лиц содержащихся под стражей в следственных изоляторах:

– на 1 января 2022 года 110,4 тыс. человек;

– на 1 января 2023 года 110,3 тыс. человек;

– на 1 января 2024 года 103,4 тыс. человек;

– на 1 января 2025 года 91,2 тыс. человек [3].

По статистическим данным, представленным на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за последние три года доля удовлетворенных ходатайств следственных органов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу варьируется от 87 до 89 % [4].

Статистические данные наглядно демонстрируют, что подавляющее большинство ходатайств органов предварительного расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу удовлетворяются судами. Как показывает практика суды при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу подходят к данному вопросу формально, ограничиваясь шаблонным перечислением тяжести содеянного и абстрактными формулировками о возможности лица скрыться или воспрепятствовать производству по делу. Заключение под стражу, будучи исключительной мерой, становится нормой.

В том числе данные тенденции побудили законодателя внести изменения в статью 108 УПК РФ [5].

Федеральным законом от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ, вступившим в законную силу с 11 марта 2025 г., установлено, что при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого и определения ее вида должно также учитываться совершение престу-

пления с применением насилия либо с угрозой его применения. Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, тяжкого или особо тяжкого преступления, если не предусмотрено иное, при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения.

В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана:

– в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести без применения насилия либо угрозы его применения, если подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации либо его личность не установлена либо им нарушена ранее избранная мера пресечения либо он скрылся от органов предварительного расследования или от суда;

– в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, если им нарушена ранее избранная мера пресечения или он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

К беременной женщине, женщине, имеющей малолетнего ребенка, мужчине, являющемуся единственным родителем малолетнего ребенка, усыновителю или опекуну малолетнего ребенка, единственному родителю, усыновителю, опекуну или попечителю ребенка-инвалида заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено, если они подозреваются или обвиняются в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении указанных лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, а также преступлений, предусмотренных частью 1.2 статьи 108 УПК РФ.

Согласно данным МВД и Генеральной прокуратуры РФ преступления небольшой и средней тяжести составляли:

– в 2023 году 69,7 от общего числа преступлений;

– в 2024 году 67,7 % от общего числа преступлений;

– в 2025 году по предварительным данным 62,5 % от общего числа преступлений.

Таким образом, количество преступлений категорий, которых коснулись изменения в части возможности избрания по ним меры пресечения в виде заключения под стражу, составляют большую часть от общего числа совершенных преступлений. В связи с чем нововведения в ст. 108 УПК РФ кажутся обоснованными.

Согласно обобщениям Костромского областного суда, сделанных по результатам анализа судебной практики рассмотрения судами Костромской области ходатайств об избрании и продлении срока содержания под стражей, домашнего ареста районными судами Костромской области и размещенной на сайте Костромского областного суда:

– за 10 месяцев 2024 года судьями рассмотрено 272 ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых: удовлетворено – 244, оставлено без удовлетворения – 28;

– за 10 месяцев 2025 года судьями рассмотрено 232 ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых: удовлетворено – 208, оставлено без удовлетворения – 22 (в том числе, с избранием другой меры пресечения – 15, без избрания другой меры пресечения – 7), возвращено – 2.

Таким образом, как мы полагаем, опираясь на результаты проведенных исследований, в 2025 году и в последующих годах продолжится тенденция к снижению количества возбужденных перед судом органами предварительного расследования ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, что связанно, прежде всего, с изменениями уголовно-процессуального закона, ограничившими возможность избрании указанных мер пресечения по преступлениям небольшой и средней тяжести. Введение данных норм обоснованы стремлением гуманизировать правосудие, снизить нагрузку на следственные изоляторы и предотвратить необоснованное применение меры пресечения в виде заключения под стражу.

Однако, по нашему мнению, данные ограничения, в случаях не избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, не исключают возможности нарушения подозреваемыми (обвиняемыми) избранной им меры пресечения, не связанной с лишением свободы, так как они будут иметь реальную возможность скрыться от следствия и суда, препятствуя, тем самым, нормальному ходу расследования по делу, либо совершить новое преступление.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=mquio3js2i660909432 (дата обращения: 26.02.2026).

2. Постановление Правительства от 06 апреля 2018 г. № 420 «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2035 годы)» (в ред. от 28.05.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_295582/5ea8b8eccd57891c7e6351f1c6a0becf470be60f/?ysclid=mquircgebn866287814 (дата обращения: 27.02.2026).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2025 г. № 1 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506357/?ysclid=mquitby3i0614986924 (дата обращения: 26.02.2026).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29 марта 2026 г.). URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=mqtre4hesa961524243 (дата обращения: 26.02.2026).

5. Шамардин А. К. Необоснованный арест не может быть законным. URL: https://base.garant.ru/960700/ mqtre4hesa961524243 (дата обращения: 26.02.2026).

УДК 349.6

Заиграева Анастасия Алексеевна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
zaigraevaanastasia14082004@gmail.com

Орловская Ирина Викторовна
старший преподаватель
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
irinorlovskaya@yandex.ru

Сравнительная характеристика правовых основ проведения экологической экспертизы в Российской Федерации и в зарубежных государствах

Аннотация. *Данная статья посвящена сравнительному анализу правовых основ экологической экспертизы в Российской Федерации, США, Великобритании и Японии. Рассматриваются исторические предпосылки формирования института, ключевые нормативные правовые акты и процедурные особенности каждой страны. Особое внимание уделяется различиям в понимании экологической экспертизы и оценки воздействия на окружающую среду, а также степени централизации регулирования. На основе проанализированных зарубежных подходов, а именно: цифровизация, децентрализация, участие общественности, авторами настоящей статьи предлагаются направления совершенствования российского законодательства в сфере экологической экспертизы.*

Ключевые слова: *сравнительный анализ, экологическая экспертиза, оценка воздействия на окружающую среду, государственная экологическая экспертиза, общественная экологическая экспертиза.*

Zaigraeva Anastasia Alekseevna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Orlovskaya Irina Viktorovna
senior lecturer, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

© Заиграева А. В., Орловская И. В., 2026

Comparative characteristics of the legal framework for environmental assessment in the Russian Federation and foreign countries

Annotation. *This article is devoted to a comparative analysis of the legal foundations of environmental expertise in the Russian Federation, the United States, Great Britain and Japan. The historical background of the institution's formation, key regulatory legal acts and procedural features of each country are considered. Particular attention is paid to differences in the understanding of environmental assessment and environmental impact assessment, as well as the degree of centralization of regulation. Based on the analyzed foreign approaches, namely digitalization, decentralization and public participation, the authors of this article propose ways to improve Russian legislation in the field of environmental expertise.*

Keywords: *comparative analysis, environmental assessment, environmental impact assessment, state environmental assessment, public environmental assessment.*

Одной из главных задач любого государства является защита окружающей среды. История показывает, как на протяжении длительного времени государства приходили к выводу о том, что для защиты экологии необходимо проведение экологической экспертизы.

Для проведения сравнительного анализа представляется необходимым обратиться к истории становления института экологической экспертизы в Российской Федерации и в некоторых зарубежных странах.

В свою очередь, становление института экологической экспертизы началось еще раньше. Тенденция к проведению экологической экспертизы в мировой практике начала формироваться под влиянием экологизации мировых экономик начиная с 60-х годов XX века. К тому времени стало очевидно, что изменения в окружающей среде стали глобальными. Именно в это время в ответ на локальные экологические катастрофы в США (Смог в Нью-Йорке в 1966 году, Пожар на реке Кайахога в 1969 году), Великобритании (Великий смог в Лондоне в декабре 1952 года) и Японии (катастрофа в Минамате в середине 1950-х годов, распространение болезни итай-итай) была организована система экологического мониторинга, в частности за концентрацией углекислого газа в атмосфере и кислотными осадками, начали создаваться крупные международные научные программы [2, с. 28]. Экологические потребности стали признаваться и включаться в систему государственных приоритетов.

Как отмечали И. А. Ардаева и В. В. Одабаи-Фард США стали первой страной, представившей законодательные требования к оценке воздействия на окружающую среду [1, с. 46]. Так, «Национальный закон о политике в области окружающей среды», принятый в 1969 году, предусматривает, что федеральные агентства должны подготовить подробный анализ любых их действий, которые подразумевают значительное влияние на качество окружающей среды и «Заключение о воздействии на окружающую среду» [1, с. 47]. Заключение о воздействии на окружающую среду должно перечислять экологические последствия предполагаемых действий, негативные экологические последствия, которых невозможно избежать, если предполагаемый проект будет реализован, альтернативы данному действию, и любые невосполнимые затраты ресурсов, вовлеченные в ходе данного действия. Для того, чтобы выяснить нужно ли под-

готовить «Заключение о воздействии на окружающую среду» зачастую проводится первоначальная «оценка состояния окружающей среды». Нужно отметить, что Российская Федерация переняла данный полезный опыт у США. Оценка воздействия на окружающую среду ценна тем, что при намеченной экономической или иного вида деятельности заказчик должен провести экологическое исследование окружающей среды для того, чтобы уменьшить возможный причиненный ущерб окружающей среде.

Необходимо отметить, что в законодательстве Российской Федерации понятия «экологическая экспертиза» и «оценка воздействия на окружающую среду» (ОВОС) не являются синонимами, а представляют собой два взаимосвязанных, но самостоятельных института. В США существует аналог только ОВОС (Environmental Impact Assessment, EIA), который охватывает весь процесс оценки воздействия проекта на окружающую среду, включая анализ, прогнозирование и разработку мер минимизации рисков, тогда как российская система разделила этот процесс на две отдельные процедуры.

В Российской Федерации оценка воздействия на окружающую среду является аналитической процедурой, которая проводится на этапе планирования хозяйственной деятельности, цель которой: выявить, проанализировать и спрогнозировать возможные негативные последствия реализации проекта для окружающей среды и общества. Результатом оценки воздействия на окружающую среду является пакет документации, который обосновывает экологическую допустимость проекта и содержит план мероприятий по охране окружающей среды [6]. Экологическая экспертиза – это административная процедура, которая осуществляется уполномоченными государственными органами, целью которой является проверка соответствия проектной документации установленным экологическим требованиям и нормативам.

Если же рассматривать опыт в Великобритании, то можно выделить несколько особенностей. В Великобритании проведение экологической экспертизы регулируется комплексом законов и подзаконных актов, поскольку единого нормативного акта, охватывающего все аспекты экологического регулирования, не существует. Система проведения экспертизы сформировалась постепенно, с акцентом на адресное решение конкретных проблем, а не на создание всеобъемлющего экологического законодательства. В частности, оценка воздействия на окружающую среду в Великобритании тесно связана с планированием землепользования. Ключевым законом в этой сфере стал «Закон о городском и сельском планировании» 1971 года [4, с. 10]. Он закрепил процедуру оценки экологических последствий при строительстве зданий, добыче полезных ископаемых и других видах деятельности. Необходимо отметить, что с 1990-х годов усилилось внимание к подзаконному уровню регулирования. В 1992 году Великобритания первой среди стран-членов Европейского Союза ввела стандарт экологического менеджмента на предприятии. После выхода из Европейского Союза 31 декабря 2020 года, Великобритания сохранила многие нормы европейского законодательства, включая требования, связанные с Директивой Европейских Сообществ 85/337/ЕЭС от 27 июня 1985 г. по оценке воздействия некоторых государственных и частных проектов на окружающую среду [3]. Таким

образом, британская система более фрагментирована и ориентирована на разрешительный подход с учетом региональных особенностей, тогда как российская система построена на централизованном регулировании с четкими принципами и разделением полномочий между уровнями власти.

Рассматривая институт экологической экспертизы в Японии, можно выделить несколько особенностей. В 1964 году был принят основной закон о борьбе с загрязнением окружающей среды, который послужил базой для создания целой системы экологического законодательства. В 1972 году правительством Японии был подписан документ «Меры по охране окружающей среды в процессе ведения общественных работ», в соответствии с которым экологическая экспертиза государственных проектов становилась неотъемлемой частью их подготовки и реализации [5, с. 12]. Позднее был принят целый ряд законов, постановлений, распоряжений, инструкций, закрепляющих императивный характер экспертизы и уточняющих сферы ее применения. Тем не менее, в отличие от США, в Японии до середины 80-х годов не были разработаны и официально закреплены правила проведения экспертизы и подготовки ее заключения, которые регламентировали бы организацию и осуществление этой процедуры. В августе 1984 года кабинет министров Японии, учитывая важность экологической экспертизы, принял решение «О порядке проведения экологической экспертизы» и правительство утвердило «Схему проведения экологической экспертизы» в качестве универсального порядка природоохранной инспекции, единого для всех крупных проектов [5, с. 13]. Сравнивая институт экологической экспертизы в Российской Федерации и Японии, можно выделить то, что японская система проведения экологической экспертизы отличается более детальной стандартизацией, компьютеризацией процессов и активным вовлечением общественности в обсуждение проектов. Российская система, хотя и имеет четкую правовую базу, в последние годы претерпела изменения, которые сузили круг объектов экспертизы и упростили процедуры. При этом, в России сохраняется разделение на государственную и общественную экспертизу, что отражает баланс между государственным контролем и гражданским участием.

В 70-х годах законодательством СССР были заложены основы экологического законодательства. В середине 80-х годов был создан Межведомственный научно-технический совет, который занимался комплексными вопросами охраны окружающей природной среды и эффективного использования природных ресурсов. В конце 80-х годов сложились предпосылки к созданию института государственной экологической экспертизы. В том виде, который мы сейчас наблюдаем, институт экологической экспертизы сложился лишь к концу 90-х годов [4, с. 295].

Подводя итог, можно выделить главное сходство подходов к проведению экологической экспертизы – это признание экологической экспертизы важным инструментом охраны окружающей среды, что, на наш взгляд, является основным фактором. Однако, если говорить о различиях, то российская система построена на централизованном регулировании с четкими принципами и разделением полномочий между уровнями власти, включая разделение на государственную экологическую экспертизу и общественную экологическую экспертизу,

в то время как зарубежные системы, в частности, британская и японская, демонстрируют либо децентрализацию, либо более гибкие, адаптированные к местным условиям механизмы.

На основе проведенного анализа предлагается модернизировать российскую систему экологической экспертизы и привести ее в соответствие с лучшими мировыми практиками, что включает в себя следующие законодательные инициативы:

1. Представляется целесообразным, на законодательном уровне, вернуть обязательную государственную экологическую экспертизу для широкого круга промышленных и инфраструктурных объектов. Особое внимание следует уделить объектам, планируемым к размещению в экологически уязвимых зонах.

2. Предлагаем пересмотреть и отменить чрезмерно «упрощенные процедуры» оценки и экспертизы, которые создают риски для окружающей среды.

3. На наш взгляд, следует законодательно закрепить нормы об обязательной цифровизации всех этапов экологической экспертизы, включая процессы подачи документации и ее рассмотрения профильными ведомствами;

4. Предлагаем предоставить право субъектам Российской Федерации устанавливать дополнительные, более строгие экологические требования к реализуемым проектам. Это должно происходить с учетом специфики конкретных территорий, но без нарушения базовых федеральных стандартов.

5. Полагаем, что назрела необходимость в разработке правовых механизмов для более прозрачного и активного вовлечения граждан в процесс. В частности, предлагаем расширить полномочия и права организаторов общественных экологических экспертиз.

Совершенствование российского законодательства должно двигаться в сторону баланса между строгим государственным контролем (расширение списка объектов) и гибкостью исполнения (цифровизация, региональные стандарты и участие граждан).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ардаева И. А., Одабаи-Фард В. В. Сравнительный анализ процедуры проведения экологической экспертизы в ведущих экономически-развитых странах // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2013. № 4(1). С. 1028–1034.

2. Бурматова О. П. Экологические экспертизы: возможности, проблемы, решения // Вестник НГУЭУ. 2020. № 2. С. 25–41.

3. Директива Европейских Сообществ 85/337/ЕЭС по оценке воздействия некоторых государственных и частных проектов на окружающую среду: принята 27 июня 1985 года. URL: https://base.garant.ru/2564849/?ysclid=mquj9t275y399592347 (дата обращения: 10.04.2026).

4. Казанцева Л. А., Саркисов О. Р., Любарский Е. Л. Экологическое право : учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования. М. : Директ-Медиа. 2018. 355 с.

5. Белюченко И. С., Мельник О. А., Теучеж А. А. Оценка воздействия на окружающую среду : учеб. пособие. Краснодар : КубГАУ, 2018. 95 с.

6. Различия между государственной экологической экспертизой (ГЭЭ) и оценкой воздействия на окружающую среду (ОВОС). URL: https://ecolife.group/blog/razlichiya-mezhdu-gosudarstvennoy-ekologicheskoy-ekspertizoy-gee-i-otsenkoy-vozdeystviya-na-okruzhayu/ (дата обращения: 25.03.2026).

УДК 347.9

Закатов Алексей Ильич
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
zakatovaleksej88@gmail.com

Проблемы обеспечения процессуальных гарантий участников судебного процесса при использовании систем видео-конференц-связи: идентификация, безопасность и равноправие

Аннотация. *В статье исследуются проблемы обеспечения процессуальных гарантий участников судебного разбирательства при использовании систем видеоконференцсвязи, анализируются механизмы идентификации личности, сохранности доказательств и защиты информации, раскрываются риски угроз безопасности, технических сбоев и неравенства сторон, формулируются направления совершенствования нормативной базы, алгоритмов работы судов, цифровой инфраструктуры правосудия и подготовки участников процесса.*

Ключевые слова: *видеоконференцсвязь; процессуальные гарантии; судебное разбирательство; идентификация личности; информационная безопасность; равноправие сторон; цифровое правосудие.*

Zakatov Alexey Ilyich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of ensuring procedural guarantees of participants in court proceedings when using videoconferencing systems: identification, security and equality

Annotation. *The article explores challenges in safeguarding procedural guarantees of participants in court proceedings when videoconferencing systems are used, analyzing identification mechanisms, preservation of evidence and information security, highlighting risks of security threats, technical failures and party inequality, and outlining directions for improving legal rules, court practices and digital infrastructure.*

Keywords: *videoconferencing; court proceedings; procedural guarantees; identification; information security; party equality; digital justice.*

© Закатов А. И., 2026

Широкое внедрение систем видеоконференцсвязи в судебную деятельность радикально изменило фактический формат участия сторон в процессе и поставило вопрос о том, в какой мере традиционные процессуальные гарантии сохраняют эффективность при переходе к дистанционному общению. Нормы ГПК РФ, АПК РФ и УПК РФ содержат специальные предписания об использовании видеоконференцсвязи, но их правовое содержание формируется под влиянием судебной практики и доктринальных оценок преимуществ и рисков дистанционного формата [3, ст. 155.1; 1, ст. 153.1; 11, ст. 35, 241.1].

Цель статьи состоит в комплексном анализе проблем идентификации, информационной безопасности и равноправия участников процесса при использовании видеоконференцсвязи. Задачи включают: характеристику действующего регулирования; выявление типичных угроз процессуальным правам; сравнительный обзор подходов к защите гарантий в гражданском, арбитражном и уголовном судопроизводстве; формулирование предложений по совершенствованию процедур дистанционного участия.

Исследование норм процессуального законодательства показывает, что российский законодатель сформировал многоуровневую систему регулирования участия в заседаниях посредством видеоконференцсвязи. ГПК РФ закрепляет универсальную норму, допускающую участие любых лиц, вызванных в судебное заседание, при наличии технической возможности, за исключением отдельных категорий закрытых разбирательств [3, ст. 155.1].

АПК РФ ориентирован, прежде всего, на представителей организаций и предпринимателей, для которых дистанционный формат используется в связке с электронным документооборотом и личным кабинетом на портале суда [1, ст. 153.1; 3, ст. 41].

УПК РФ содержит более детальный режим, связывающий применение видеоконференцсвязи с дополнительными гарантиями для обвиняемого: обеспечивается обязательное участие защитника, запрещено дистанционное участие подсудимого при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, подчеркивается требование конфиденциальной связи между обвиняемым и защитником [11, ст. 35, 241.1; 12, ст. 241, 278.1].

Доктринальные исследования фиксируют несколько блоков проблем, связанных с идентификацией участников при видеоконференции. Отмечается, что формальная проверка паспортных данных и визуальное сравнение лица с документом недостаточны при участии из не контролируемых судом помещений; требуется устойчивый регламент, опирающийся на биометрические данные, квалифицированную электронную подпись и подтверждение устройства доступа через защищенные каналы [10, с. 6–9; 6, с. 214–216].

Авторы, анализирующие гражданский процесс, подчеркивают зависимость дистанционного заседания от технической инфраструктуры и квалификации сотрудников аппарата суда, отвечающих за настройку оборудования, регистрацию участников и протоколирование происходящего [13, с. 5–8; 10, с. 10–12].

В арбитражных судах такие функции в значительной степени интегрированы в электронные сервисы, что снижает вероятность технических сбоев, но

усиливает зависимость процесса от информационной системы и операторов связи [1, ст. 153.1; 3, с. 134–136].

На уровне обеспечения равноправия сторон наиболее чувствительной оказывается ситуация, когда одна из сторон участвует очно, а другая – дистанционно. Исследования указывают, что такая конфигурация влияет на психологическое восприятие судом позиции сторон, на возможности оперативного реагирования на замечания и реплики, а также на доступ к материалам дела в бумажной форме [8, с. 40–43; 4, с. 46–49].

Анализ уголовно-процессуальной практики показывает, что использование видеоконференцсвязи при допросе обвиняемого и свидетелей требует особого внимания к сохранению тайны совещательной комнаты, к исключению несанкционированного присутствия третьих лиц в помещении, где находится участник, и к предотвращению воздействия на его волю [2; 7, с. 41–45; 9, с. 112–115].

В ряде исследований подчеркивается, что дистанционный допрос создает риск подсказок, использования записей или сообщений в мессенджерах, не контролируемых судом в режиме реального времени [7, с. 48–50; 9, с. 3–5;].

В работах, посвященных гражданскому и арбитражному процессу, обращается внимание на то, что видеоконференцсвязь меняет наполнение принципа непосредственности: судья воспринимает доказательства через промежуточный технический канал, а не напрямую, что влияет на оценку невербального поведения участников и снижает качество восприятия нюансов речи [10, с. 12–15; 6, с. 217–219].

Отдельная линия исследований касается информационной безопасности. Указывается на угрозы вмешательства в трансляцию, несанкционированной записи заседания, перехвата передаваемых данных, а также на возможные уязвимости используемого программного обеспечения [5, с. 78–82; 8, с. 43–45].

Предлагаются решения, основанные на использовании сертифицированных криптографических средств, централизованном выборе платформы судом и проведении регулярного аудита информационной безопасности судебных систем [4, с. 9–11].

В результате анализа судебной практики за 2020–2024 гг. подтверждается тенденция к расширению использования видеоконференцсвязи при рассмотрении широкого круга категорий дел, при этом вопросы идентификации, безопасности и равноправия решаются судами не всегда единообразно [1, ст. 153.1; 3, ст. 155.1; 11, ст. 35].

Полученные результаты показывают, что процессуальные гарантии в условиях видеоконференцсвязи опираются на традиционные принципы, но приобретают дополнительное измерение, связанное с цифровой инфраструктурой. Идентификация участника больше не ограничивается проверкой личности в зале суда; требуется комплексная процедура, сочетающая проверку документов, визуальную сверку, использование электронных подписей и, в перспективе, биометрическую аутентификацию.

При этом расширение технических средств не устраняет риск симуляции личности при подключении из не контролируемых помещений, особенно когда

связь устанавливается через бытовые устройства без физического присутствия сотрудников аппарата суда или сотрудников учреждений исполнения наказаний. Для снижения таких рисков в научной литературе предлагается использовать стандартизированные протоколы подключения, предусматривающие инспекцию помещения, фиксацию обзора камеры и обязательное указание расположения участника с возможностью последующей проверки по цифровым следам [10, с. 9–12; 7, с. 42–44].

В сфере обеспечения равноправия сторон дистанционный формат усиливает значение предварительной подготовки процесса. Неравный доступ к оборудованию и устойчивому интернет-соединению, различия в цифровой компетентности представителей и граждан способны сместить баланс в пользу той стороны, которая лучше адаптирована к электронным каналам общения. Для компенсации такого дисбаланса доктрина предлагает развивать инфраструктуру публичных точек доступа к системе «Правосудие онлайн», обеспечивать консультационную поддержку участников и предусматривать возможность перехода к очному заседанию при выявлении очевидного технического неравенства [8, с. 44–45].

В уголовном процессе видеоконференцсвязь остро ставит вопрос о конфиденциальности общения обвиняемого с защитником. Несмотря на формальные гарантии, закрепленные в УПК РФ, реализация приватности зависит от организации отдельного коммуникационного канала, недоступного третьим лицам и не фиксируемого системой как часть судебного заседания [11, ст. 241.1].

В противном случае дистанционный формат способен привести к скрытому ограничению права на защиту.

Информационная безопасность рассматривается не только как техническая категория, но и как элемент доверия к судебной системе. Утечки записей заседаний, несанкционированная публикация фрагментов видеоконференций в сети, вмешательство в трансляцию подрывают восприятие суда как нейтрального арбитра. Поэтому вопросы выбора платформы для видеоконференцсвязи, хранения записей и управления доступом к ним должны регулироваться на уровне подзаконных актов с учетом рекомендаций экспертов в области криптографии и защиты информации [5, с. 80–82].

Исследование показало, что использование видеоконференцсвязи в судебном процессе формирует новый уровень требований к идентификации, безопасности и равноправию участников. Законодатель уже создал базовый нормативный каркас, однако реальная эффективность процессуальных гарантий зависит от качества технической реализации и единообразия судебной практики.

Развитие механизмов биометрической и электронной идентификации, унификация протоколов подключения, укрепление информационной безопасности и создание условий для компенсации цифрового неравенства сторон способны усилить доверие к дистанционному формату разбирательства. Закрепление таких решений в процессуальном законодательстве и подзаконных актах предполагает тесное взаимодействие юристов, специалистов по информационной безопасности и разработчиков судебных информационных систем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 14 июня 2002 г. : одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 31.03.2026). URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_ 37800/ (дата обращения: 3.04.2026).

2. Архипова Е. А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 198 с.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 23 октября 2002 г. : одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.03.2026). URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_ 39570/ (дата обращения: 3.04.2026).

4. Ефимова Ю. В. К вопросу о соотношении понятий «дистанционного» и «электронного» правосудия. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-distantsionnogo-i-elektronnogo-pravosudiya (дата обращения: 3.04.2026).

5. Мусеибов А. Г. Проблемы правовой регламентации использования систем видеоконференцсвязи в досудебном производстве. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ problemy-pravovoy-reglamentatsii-ispolzovaniya-sistem-videokonferents-svyazi-v-dosudebnom-proizvodstve (дата обращения: 3.04.2026).

6. Мякишева Ю. Б., Бабиков С. С. Использование видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. № 8. С. 212–220.

7. Одноралова Ю. В. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве России: генезис, современное состояние и тенденции // Правовое государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 41–50.

8. Осодоева Н. В. Использование систем видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sistem-video-konferents-svyazi-v ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 3.04.2026).

9. Селина Е. В. Электронное и дистанционное правосудие: вызовы времени и перспективы // Администратор суда. 2016. № 3. С. 12–15.

10. Семенов А. В. Использование системы видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве: положительные и негативные черты. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sistemy-videokonferentssvyazi-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-polozhitelnye-i-negativnye-cherty (дата обращения: 3.04.2026).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 8.03.2026). URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_ 34481/ (дата обращения: 30.11.2025).

12. Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL:

https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112300077 (дата обращения: 30.11.2025).

13. Хасанова И. Р. Использование систем видеоконференцсвязи в гражданском процессе. URL: https://intjournal.ru/wp-content/uploads/2022/05/Hasanova.pdf (дата обращения: 30.11.2025).

УДК 343.1

Захаров Степан Сергеевич
студент, Саратовская государственная
юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
stepan.zakharov555@gmail.com

Научный руководитель:
Михайлова Юлия Николаевна
кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация
ymikhailova@yandex.ru

Использование цифровых технологий при расследовании преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств

Аннотация. *В современном обществе многие направления жизни человека связаны с использованием цифровых технологий. Автором обращается внимание на то, что действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет применять ограниченное количество технических средств для оптимизации производства по уголовному делу. В статье рассматриваются некоторые цифровые технологии при расследовании преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств, проблемы при их применении и пути решения.*

Ключевые слова: *цифровые технологии, расследование преступлений, контрабанда наркотических средств, искусственный интеллект, сеть Darknet.*

Zakharov Stepan Sergeevich
student, Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Scientific supervisor:
Mikhailova Yulia Nikolaevna
candidate of legal sciences, docent
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

© Захаров С. С., 2026

The use of digital technologies in the investigation of crimes related to drug smuggling

Annotation. *In today's society, many aspects of human life are connected with the use of digital technologies. The author draws attention to the fact that the current criminal procedure legislation allows for the use of a limited number of technical means to optimize the proceedings in a criminal case. The article examines some digital technologies in the investigation of crimes related to the smuggling of narcotic drugs, the problems associated with their use, and possible solutions.*

Keywords: *digital technologies, crime investigation, drug smuggling, artificial intelligence, and the Darknet network.*

Процесс внедрения цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности осуществляется на протяжении последних нескольких лет. Цифровизация процессов жизнедеятельности необходима для решения различных задач, упрощения и организационно-подготовительной деятельности различных процессов. В 2025 году Strategy Partners и ГК «Цифра» представили исследование, в соответствии с которым на 40 % увеличился показатель применения цифровых технологий в крупных и средних предприятиях. По информации, размещенной Министерством цифрового развития, на сегодняшний день около 59 ведомственных программ внедряются и действуют в ведомствах по программе цифровой трансформации.

Отдельный научный интерес при внедрении цифровых технологий в деятельности органов государственной власти, организаций и предприятий вызывает законодательное регулирование и использование цифровых технологий, определение четких стандартов и правил обеспечения безопасности передаваемой и получаемой информации посредством цифровых инструментов, и методов, совершенствование профессиональной переподготовке кадрового состава правоохранительных органов в условиях введения цифровых технологий. Еще одной проблемной стороной внедрения цифровых инструментов в деятельность правоохранительных и иных органов государственной власти является быстрота применения таких цифровых технологий с учетом динамичного характера развития преступности и иных угроз национальной безопасности в государстве.

Цифровизация различных процессов в государстве должна осуществляться с учетом соблюдения условий обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Расследование преступлений является важным этапом уголовного процесса, который обеспечивает всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. Для осуществления полного, объективного исследования обстоятельств дела необходимы эффективные и действенные способы и методы расследования преступлений. В данном случае необходимо рассмотреть внедрение и использование цифровых технологий при расследовании преступлений.

Особое внимание хотелось бы обратить на статистические данные МВД России, в соответствии с которыми в 2025 году показатель преступности, свя-

занной с наркотиками, возрос на треть по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Как отмечалось МВД России, ключевой рост пришелся на производство, сбыт и хранение запрещенных веществ [2]. В первом полугодии 2025 года, по сведениям, поступившем от Федеральной таможенной службы РФ, было инициировано порядка 161 уголовного производства, направленного на борьбу с незаконным ввозом наркотических средств. По данной причине, возникает необходимость в оценке результативности применения цифровых инструментов (инноваций) в процесс расследования преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств.

В процессе расследования преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств, возможно применение разнообразных цифровых инструментов и методов. При этом использование таких инструментов и методов в деятельности правоохранительных органов имеет определенные ограничения, что обусловлено относительно недавним периодом их использования, а также влиянием ряда иных факторов.

В рамках заявленной темы исследования стоит обратить пристальное внимание на использование интеллектуальных досмотровых систем (ИДС) и особых сканограмм транспортных средств (ТС), которые характеризуются в виде последних научных разработок, призванных бороться с многочисленными преступления, среди которых контрабанда наркотиков имеет особое значение.

Важно отметить, что ИДС – это не просто сканер, а отдельный комплекс аппаратуры и программного обеспечения, необходимых для расследования преступлений. В основе ИДС лежат алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ) и компьютерного зрения, который посредством автоматизированного анализа и рентгена исследуют необходимую информацию.

Так, например, Д. В. Бахтеев в своем научном исследовании указывал, что одной из приоритетных особенностей использования данных систем и ИИ является их абсолютная автономность в принятии решений в силу эвристического характера обработки информации [1].

Отсюда следует, что для расследования данной категории преступлений, в современных реалиях могут быть использованы следующие методики:

1. Автоматическое обнаружение аномалий, которые направлены именно на распознавание исследуемого объекта – наркотиков. В первую очередь, происходит распознавание форм и плотностей, где ИИ обучают распознавать аномалии внутри грузов, багажа или отдельных конструкций ТС.

2. Выявление, так называемых, «слепых зон». Применяемые алгоритмы позволят автоматически выделять на изображении область с нестандартной структурой, например, уплотнение на дне контейнера, неоднородность в насыпных грузах, во всех местах, где могут быть спрятаны наркотические вещества.

3. Сравнение с базами данных «цифровых отпечатков», при которой система ИДС может сравнивать сканируемый объект с действующей библиотекой (базой данных заранее известных «тайников») [3].

4. Количественный и качественный анализ, в рамках которого современные ИДС могут не только указывать на реальное местонахождение сомнительного предмета, но и приблизительно указать массу и объем запрещенного вещества на основе его рентгеновых характеристик. Указанный метод позволит эффективно определять квалификацию преступного деяния и положительно отразится на планировании оперативных мероприятий.

5. Интеграция ИДС с другими системами – это важная составляющая в вопросах использования цифровых технологий при расследовании преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств. Например, если ТС прибывает из страны, которая характеризуется как «источник наркотических веществ» или от отправителя, у которого отсутствует положительная репутация, то система автоматически присваивает ему высокий уровень риска и направляет его на сканирование. Полученные результаты сканограмм автоматически привязываются к соответствующему ТС, а также грузовой партии в общей цифровой системе таможенных и правоохранительных органов.

Перечень технических средств, используемых при таможенном контроле установлен Приказом Минфина России от 01 марта 2019 г. № 33н «Об утверждении перечня технических средств таможенного контроля, используемых при проведении таможенного контроля» (далее – Приказ № 33н) [4]. Для законодателя стояла непростая задача интеграции данного правового акта и использования ИДС, особенно в исследуемой категории преступлений и использования цифровых технологий при расследовании преступлений в целом.

В указанном выше Приказе содержится прямое указание на применение технических средств как важной части правовой основы для использования ИДС, что необходимо для их интеграции в информационную структуру. Так, в п. 4 Приказа № 33н установлено, что применение ТСТК, которые могут быть использованы для проведения досмотра багажа и товаров, движущимися объектом контроля посредством рентгеновского излучения, ионизирующих излучений, включая генерирующие. Отсюда следует, что указанная правовая норма является прямой отсылкой к стационарным, мобильным и переносным инспекционно-досмотровым комплексам (ИДК), которые генерируют сканограммы.

В том числе, стоит обратить внимание на п. 8 представленного Приказа № 33н, где установлено, что применение ТСТК возможно при таможенном контроле с применением системы управления рисками должностных лиц таможенных органов. В том числе, такие системы могут использоваться для документирования отдельных действий должностных лиц таможенных органов.

В настоящее время нормативное требование к документированию содержится в положениях Федерального закона от 03 августа 201г. 8 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5]. Законодатель определяет, что в качестве средств и форм документирования могут быть использованы носители информации, полученные с использованием технических средств таможенного контроля.

Однако помимо видимого прогресса использования цифровых технологий при расследовании преступлений, связанных с контрабандой наркотиче-

ских средств, особенно в рамках таможенного контроля в законодательстве присутствуют явные пробелы, оказывающие негативное влияние на формирование эффективной судебной практики и процесс правоприменения в целом.

Во-первых, на законодательном уровне необходимо предложить проект (концепцию) Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования таможенного контроля с использованием интеллектуальных досмотровых систем (ИДС)». Ведущей целью такого изменения выступит создание единой правовой основы для использования результатов автоматизированного неинтрузивного контроля (сканограмм) в качестве цифровых доказательств, что позволит обеспечить их юридическую силу, наладить и урегулировать процессы алгоритмов ИИ.

Во-вторых, видится необходимым внести изменения в Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О таможенном регулировании в Российской Федерации» в ст. 5 данного закона добавив такие понятия как: интеллектуальная досмотровая система (ИДС), сканограмма, автоматизированная система управления рисками (АСУР).

В том числе, дополнить главу 42 «Таможенный контроль» новой самостоятельной ст. 224 «Неинтруизивный контроль с использованием интеллектуальных досмотровых систем», в рамках которой необходимо закрепить приоритетное использование ИДС, определить, что сканограмма, полученная с использованием ИДС – это юридически значимый электронный документ, который является допустимым доказательством в рамках уголовного судопроизводства. На законодательном уровне необходимо закрепить приоритетность использования ИДС как основного метода первичного досмотра в рамках расследования преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств.

В-третьих, необходимо внести соответствующие изменения в нормы УПК РФ, а именно дополнить перечень доказательств в ст. 74 УПК РФ и обозначить новый пункт, обозначающий, что «результаты автоматизированного таможенного контроля и данные, полученные с использованием интеллектуальных досмотровых систем (ИДС), систем управления рисками и автоматического считывания номеров» выступают самостоятельным видом доказательства.

Другим необходимым внедрением и использованием цифровых технологий при расследовании преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств, является возможность использования искусственного интеллекта и нейросетей к криминалистической идентификации (например, технология NtechLab). Нейросети помогают идентифицировать живых лиц. Эффективная идентификация лица, личность которого не установлена, требует сопоставления достаточно огромного количества данных. В то время как сопоставление множества информации требует достаточно большого временного периода, чем не всегда располагают сотрудники правоохранительных органов. При этом вопрос о безопасности использования технологии NtechLab находится на стадии становления.

Таким образом, использование цифровых технологий при расследовании преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств, находится на стадии развития, становления и разработки. При этом специалисты пытаются облегчить процесс расследования данного вида преступлений путем внедрения таких технологий. Важным аспектом при использовании цифровых технологий правоохранительными органами на стадии расследования данного вида преступлений остается безопасность получаемой и передаваемой информации. Ведь утечка такой информации может привести не только к нарушению прав и свобод граждан, но и может поспособствовать сокрытию признаков противоправного деяния участниками контрабанды, деятельность которых связана с хранением, перевозкой и сбытом наркотических средств.

Рассмотрение вопроса использования цифровых технологий при расследовании преступлений, связанных с контрабандой наркотических средств, позволяет сделать однозначный вывод о том, что современное противодействие данному виду преступности невозможно без формирования целостной и взаимосвязанной цифровой системы. При этом, в указанной системе ядром выступают интеллектуальные досмотровые системы (ИДС), сканограммф ТС и программно-аппаратные комплексы автоматического считывания номеров. Однако достижение максимальной эффективности от указанных в представленном научном исследовании нововведений упирается в необходимость модернизации и последующей адаптации действующей нормативно-правовой базы. Требуется законодательное закрепление ряда важных понятий, вынесение в вид самостоятельных доказательств результатов автоматизированных данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтеев Д. В. Большие данные и искусственный интеллект в следственной и экспертной деятельности // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 1. С. 104–107.

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – март 2025 года. URL: https://мвд.рф/reports /item/64450541/ (дата обращения: 13.03.2026.)

3. Кулешов А. В. К вопросу о внедрении инспекционно-досмотровых комплексов потокового типа при создании интеллектуального пункта пропуска // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 3(83). С. 25–30.

4. Приказ Минфина России от 01 марта 2019г. № 33н (ред. от 20.05.2024) «Об утверждении перечня технических средств таможенного контроля, используемых при проведении таможенного контроля». URL: http://pravo.gov.ru, 14.05.2019. (дата обращения: 13.03.2026.)

5. Федеральный закон от 03 августа 2018г. № 289-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 26.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (ч. 1). Ст. 508. 2024. № 53 (Ч. 1). Ст. 8546.

УДК 343.3

Исаева Ариана Денисовна
студент, Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
arianaisaeva2@icloud.com

Гордеев Иван Денисович
студент, Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
vanagordeev30@gmail.com

Кисляков Антон Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
antonval77@mail.com

Проблема использования мессенджеров и закрытых платформ для координации терроризма

Аннотация. *В условиях динамичного развития цифровой инфраструктуры преступные организации, в том числе террористические сообщества активно используют новые средства коммуникации, организации и управления террористической деятельностью. Мессенджеры и закрытые платформы стали одним из основных способов формирования и координации действий, привлечения единомышленников и пропаганды экстремистской идеологии. В данной статье рассматриваются современные тенденции использования мессенджеров в целях совершения преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, учитывая установленные меры по замедлению работы и закрытию таких платформ.*

Ключевые слова: *терроризм, экстремизм, виктимность, мессенджеры, вербовка, молодежь, сеть Интернет.*

Isaeva Ariana Denisovna
student, Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation

Gordeev Ivan Denisovich
Student, Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation

Kislyakov Anton Valerivich
candidate of legal sciences, associate professor
associate professor of the department
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation

© Исаева А. Д., Гордеев И. Д., Кисляков А. В., 2026

The problem of using messengers and closed platforms to coordinate terrorism

Annotation. *In the context of the dynamic development of digital infrastructure, criminal organizations, including terrorist communities, are actively using new means of communication, organization, and management of terrorist activities. Messengers and closed platforms have become one of the main ways to form and coordinate actions, attract like-minded individuals, and promote extremist ideologies. This article examines the current trends in the use of messengers for committing crimes against public safety and order, taking into account the established measures to slow down and shut down such platforms.*

Keywords: *terrorism, extremism, victimization, messengers, recruitment, young people, the Internet.*

В Российской Федерации деятельность по противодействию терроризму регулируется рядом нормативно-правовых актов, направленных на ограничение использования мессенджеров для противоправных целей. В Уголовном кодексе РФ[1] преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка посвящена глава 24. Кроме того о преступлениях террористической направленности говорится в Федеральном законе от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2], Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] и др.

В последнее время мессенджеры и закрытые платформы подлежат особому вниманию в системе современных террористических угроз. В связи с технической основой таких платформ, как *Telegram* и *WhatsApp,* основанной на шифровании и персональном хранилище данных, становится затруднительным обеспечение контроля и надзора со стороны правоохранительных органов и служб, осуществляющих безопасность государства, что формирует дополнительные проблемы обеспечения безопасности информационных и цифровых систем.

Возможность анонимного взаимодействия и незащищенность коммуникаций в мессенджерах позволяют террористическим сообществам не только передавать инструкции и руководить деятельностью, но и восстанавливать доступ после попыток пресечения в виде блокировок, создавая новые чаты и каналы, пропагандирующие экстремистскую и террористическую деятельность. Данные опции позволяют сохранять высокую устойчивость и обеспечить гибкость террористических связей.

Одним из ключевых элементов, требующих особого внимания и регулирования, является модификация методов вербовки и радикализации. В современных условиях действует дистанционное социальное воздействие, основанное на психическом давлении с целью доступа к конфиденциальной информации и управления поведением уязвимых слоев населения. Наибольшей виктимностью (склонностью становиться жертвой преступления в силу психических и физических факторов) обладает молодое поколение в возрасте от 16 до 25 лет. Одним из примеров является вовлечение молодежи в террористическую деятельность, а именно предложение заминировать крупные и значимые инфра-

структурные объекты. Вербовка происходила преимущественно через мессенджер *Telegram* и сопровождалась запугиванием, шантажом и угрозами с использованием личных данных подростка [4, с. 35].

Введение понятия «вербовка» в ст. 205.1 УК РФ стало важным шагом по сближению российского уголовного права с международными антитеррористическими стандартами. Существовавшая ранее проблема заключалась в том, что российская интерпретация «вербовки» была значительно уже содержания, заложенного в ст. 6 Конвенции Совета Европы. Международный подход определяет данное деяние максимально масштабно: от прямого призыва к совершению преступлений до вовлечения в состав террористических групп. Дополнив категорию «вовлечение» термином «вербовка», законодатель фактически расширил границы запрещенных действий, приведя содержание внутренней нормы в полное соответствие с международно-правовым охватом [5, с. 351–352].

Сеть Интернет, а в частности *Telegram,* пользуется большой популярностью среди террористических сообществ по ряду причин. Интернет является уникальной сетью моментальной передачи информации преступного характера, охватывающей огромное количество онлайн-пользователей с возможностью оперативной коммуникации, а также обходит цензуру и сокращает расходы организаторов и руководителей террористических организация на создание и распространение пропагандистских материалов.

Большинство террористических организаций имеет развитую структуру террористического трафика, которая обеспечивает террористам абсолютную доступность вести свою деятельность в любой точке мира при помощи виртуального пространства. Для наглядности можно посмотреть тенденцию роста пользователей сети Интернет во всем мире. Так на начало 2026 года 73,2 % населения Земли пользуется интернетом, что составляет 6,04 млрд человек из общего числа жителей планеты (8,25 млрд). На 2024 год это число составляло 66,2 % (5,35 млрд). По этим показателям Россия входит в первую десятку [6].

Информационный террор, практикуемый исламистскими радикалами через публикацию «расстрельных списков» с личными данными врагов, находит свое отражение в деятельности ультранационалистических ресурсов. Характерный пример – сайт «Миротворец», использующий для наполнения своих реестров как методы киберпреступности (взломы и фишинг), так и технологии OSINT (разведка по открытым источникам). Несмотря на имидж защитника интересов Украины, в октябре 2015 года портал открыто опубликовал сведения о российских военных, сражавшихся с международным терроризмом в Сирии. Стоит обратить внимание на биографию создателя ресурса Георгия Туки: его продолжительное пребывание в Египте в период «арабской весны» связывает его профессиональный опыт с политическими потрясениями, которые спровоцировали хаос и рост экстремизма в ближневосточном регионе, что позже проявилось в методах работы его собственного медиапроекта [7, с. 19].

Набор новых участников террористической деятельности происходит через социальные сети, в основном такие как *Telegram* и *WhatsApp*. В основном рекрутеры ориентированы на молодых людей, которые имеют экстремистские взгляды. Цель рекрутера — создать положительный образ организации

и помочь будущему участнику добраться до пункта назначения. Издание «ТАСС» подробно осветило ситуацию вокруг завербованной студентки МГУ и том как проходила переписка с вербовщиком. Стоит отметить, что во время общения в Сети тщательно скрываются имена рекрутеров и того, кто должен помочь будущим членам группировки с переездом [8].

Анализ современных тенденций показывает, что динамичное развитие цифровой инфраструктуры предоставило террористическим организациям мощные инструменты для координации, пропаганды и управления своей деятельностью. Мессенджеры и закрытые платформы, такие как *Telegram* и *WhatsApp*, стали ключевыми узлами формирования преступных сообществ благодаря их техническим особенностям

На основе вышеизложенного можно выделить перечень практических рекомендаций по защите молодежи от вербовки в террористические организации в цифровой среде:

1. Мониторинг групп риска. Учитывая, что наибольшей виктимностью обладают молодые люди в возрасте от 16 до 25 лет, необходимо усилить психологическую поддержку и наблюдение в этой возрастной группе.

2. Просвещение о методах рекрутинга. Важно информировать учащихся о том, что вербовщики в Telegram и WhatsApp часто скрывают свои реальные имена и используют легенды для создания положительного образа организации.

3. Разъяснение юридических последствий. Необходимо напоминать об уголовной ответственности за преступления против общественной безопасности, предусмотренной главой 24 УК РФ и профильными федеральными законами.

4. Критическое отношение к контенту. Обучение навыкам фильтрации пропагандистских материалов, которые в мессенджерах обходят официальную цензуру и быстро распространяются среди огромной аудитории интернет-пользователей.

Резюмируя изложенное в этой статье, эффективная борьба с «цифровым террором» невозможна без комплексного подхода, сочетающего жесткий правовой контроль над IT-платформами с активной просветительской работой среди молодежи, направленной на повышение их цифровой грамотности и психологической устойчивости к манипуляциям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 20.02.2026). URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2026).

2. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 28.02.2025). URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2026).

3. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 29.12.2025). URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.04.2026).

4. Маринова С. Ш. Распространение идей терроризма и экстремизма в молодежной среде посредством социальных сетей и мессенджеров // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2025. № 1(28) С. 33–41.

5. Тарбагаев А. Н., Москалев Г. Л. Проблемы уголовно-правовой регламентации склонения, вербовки или иного вовлечения в осуществление террористической деятельности (часть 1 статьи 205.1 УК РФ) // Российский журнал криминологии. 2017. № 11(2) С. 350–360.

6. Информационное общество в Российской Федерации : стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики / под ред. С. М. Окладникова. М. : Росстат, 2025. 184 с. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/ 14478 (дата обращения: 15.04.2026).

7. Глотов В. И., Михайлов Д. М., Педанов В. А. Угрозы терроризма в условиях цифровой трансформации мира и пути защиты от них. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2020. № 10(1). С. 14–20.

8. Студентка МГУ Варвара Караулова, задержанная в Турции, вернулась в Москву. URL: https://tass.ru/proisshestviya/2037115 (дата обращения: 15.04.2026).

УДК 347.0

Изиндеева Анастасия Евгеньевна
студент, Саратовский государственный
национальный исследовательский университет
г. Саратов, Российская Федерация
izindeevan@mail.ru

Перспективы развития медиации в Российской Федерации

Аннотация. *В статье исследуются перспективы развития медиации в Российской Федерации как альтернативного способа урегулирования правовых споров. Анализируются ключевые факторы, сдерживающие распространение процедуры медиации в российском обществе, а также выдвигается предположение о дальнейшем развитии института медиации. Автор акцентирует внимание на ключевых аспектах популяризации института медиации в России. Прежде всего, автор выделяет необходимость совершенствования законодательной базы, а именно целенаправленной доработки нормативных актов, регулирующих процедуру медиации. Также значимой представляется масштабная информационно-просветительская работа с населением. Кроме этого, в исследовании проводится анализ зарубежного опыта, на примере Китайской Народной Республики, что позволит российским законодателям акцентировать свое внимание на положительных аспектах регулирования данной процедуры в КНР, благодаря чему опыт китайских коллег можно будет адаптировать в российскую правовую систему с учетом национальных особенностей.*

Ключевые слова: *примирительные процедуры, медиация, правовой анализ, медиатор.*

© Изиндеева А. Е., 2026

Izindeeva Anastasia Evgenievna
student, Saratov State National Research University
Saratov, Russian Federation

Prospects of mediation development in the Russian Federation

Annotation. *The article examines the prospects for the development of mediation in the Russian Federation as an alternative way of settling legal disputes. The key factors hindering the spread of mediation procedures in Russian society are analyzed, and an assumption is made about the further development of the mediation institute. The author focuses on the key aspects of popularization of the mediation institute in Russia. First of all, the author highlights the need to improve the legislative framework, namely, the targeted refinement of regulations governing the mediation procedure. Large-scale information and educational work with the population is also significant. In addition, the study analyzes foreign experience, using the example of the People's Republic of China, which will allow Russian lawmakers to focus on the positive aspects of regulating this procedure in China, so that the experience of Chinese colleagues can be adapted to the Russian legal system, taking into account national characteristics.*
Keywords: *conciliation procedures, mediation, legal analysis, mediator.*

Известно, что примирительные процедуры, такие как обращение к старейшинам, переговоры и пр., сформировались раньше, чем юрисдикционные способы защиты. Это связано с простотой процедуры, ее способностью удовлетворить интересы обеих сторон, а также возможностью избежать публичности. Однако, развитие любого государства, усиление его роли в жизни общества неизбежно приводило к усложнению правового регулирования общественных отношений. Принятие в 2010 году Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) [9] было обусловлено необходимостью снижения нагрузки на судебную систему. Тем не менее, на сегодняшний день медиация практически не востребована ни гражданами, ни организациями.

Согласно международной статистике, через медиацию проходят 30–40 % всех споров, при этом положительный результат достигается в 85 % случаев. Например, в Китае к медиативным практикам гораздо чаще, чем в суды, обращаются субъекты для разрешения различного рода и сложности правовых конфликтов. Так, 20 % споров в КНР разрешается при помощи примирительных процедур [2]. Однако, в РФ согласно судебной статистике за период с 2011 по 2020 г. примирительные процедуры с участием медиаторов использовались при рассмотрении крайне незначительного количества дел (при рассмотрении всего лишь около 0,008 % дел судами общей юрисдикции и при рассмотрении около 0,002 % дел арбитражными судами) [8].

Еще в 2008 году на VII Всероссийском съезде судей председатель Высшего Арбитражного Суда РФ А. А. Иванов (в настоящее время ВАС упразднен) отмечал, что активное развитие досудебного урегулирования споров и примирительных процедур поможет заметно снизить нагрузку на судей, а в ответ получить ощутимое повышение качества их работы [7].

Медиация в российском законодательстве представляет собой процесс, в ходе которого независимый посредник помогает сторонам конфликта достичь

взаимоприемлемого соглашения. В отличие от судебного разбирательства, где решение принимает судья, в медиации стороны сохраняют контроль над результатом и могут самостоятельно выработать решение, которое будет учитывать интересы всех участников. Медиацию осуществляет медиатор – независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора [1].

Медиатор не вправе предлагать сторонам конкретные решения, которые могут быть приняты в качестве судебного решения, он вправе лишь организовывать встречи, давать рекомендации по урегулированию конфликта, т. е. он создает психологические условия для снятия эмоционального напряжения сторон с целью урегулирования конфликта. Его деятельность может осуществляться как на профессиональной основе, так и не на профессиональной основе совершеннолетним, полностью дееспособным и не имеющим судимости лицом.

К преимуществам медиации следует отнести принципы ее проведения: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора, а также такие условия как свобода выбора медиатора и гибкость процедуры.

Тем не менее, несмотря на все преимущества, практика обращения граждан Российской Федерации к процедуре медиации остается на достаточно низком уровне. Это объясняется рядом сложностей и проблем, которые сдерживают полноценное развитие данного института в нашей стране:

1) недостаточная информатизация населения и бизнес-сообщества;

2) отсутствие единой централизованной системы медиации;

3) недостаточная правовая регламентация медиации и, как следствие, появление на практике множества вопросов;

4) короткое и дорогое обучение на курсах, не развитая программа подготовки медиаторов в целом (необходимо многоступенчатое обучение);

5) дороговизна процедуры (в среднем 1 час работы медиатора – 1500 рублей);

6) медиация вызывает недоверие среди граждан, потому что не встроена в систему правосудия, а в российской культуре доминирует вера в «справедливый суд» как единственный способ разрешения конфликтов, потому медиация воспринимается как слабость или уступка, а не как инструмент сотрудничества.

Для формирования медиации в качестве социального института необходимо, чтобы возникла социальная потребность в этой процедуре. Ввиду этого нами были выделены некоторые субъективные и объективные факторы, влияющие на популярность примирительных процедур.

Во-первых, это крайне низкая осведомленность граждан о наличии данных процедур. Данная проблема связанна с низкой освещенностью медиативной процедуры и процедуры примирения в средствах массовой информации. Основное внимание при популяризации медиативной процедуры следует уделить информированию населения. Альтернативное разрешение споров могло бы войти в образовательную программу высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция», обеспечивая тем самым всестороннее просвещение современного поколения. Также для поощрения российских граждан обращаться

к профессиональным медиаторам предлагается внести изменения в налоговое законодательство Российской Федерации. В частности, предусмотреть механизм возврата уплаченной сторонами пошлины за обращение в суд или рассмотреть возможность оплаты услуг медиаторов за счет государственной правовой помощи для социально уязвимых слоев населения.

Во-вторых, необходимо отметить, что на низком уровне остается информационная насыщенность самого законодательства, которое регулирует процедуры медиации и судебного примирения, поскольку в нем не содержится полное представление об их сущности.

Так, в соответствии с Законом о медиации, медиация может осуществляться как на профессиональной, так и не на профессиональной основе. Касательно осуществления медиации не на профессиональной основе, то медиатору достаточно лишь обладать дееспособностью, достигнуть совершеннолетия и не иметь судимости. Требования к профессиональному медиатору выше: достижение двадцати пяти лет, наличие высшего образования и получение дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации, т. е. можно сделать вывод, что непрофессиональным медиатором, на практике, может быть любое лицо (психолог, врач, инженер и т. д.). Исходя из целей, поставленных перед медиатором, стоит задуматься, насколько компетентен в вопросах медиации гражданин, не имеющий ни юридического, ни психологического образования, даже если он окончил курсы.

По нашему мнению, медиатором, осуществляющим урегулирование конфликта в правовой сфере, должен быть человек, который обладает глубокими познаниями в области права, а также психологическими познаниями для того, чтобы успешно урегулировать спор.

В связи с этим считаем важным дополнить ст. 15 Закона о медиации следующим требованием: возможность осуществления медиативной деятельности в области права исключительно медиатором, осуществляющим свои полномочия на профессиональной основе. Также данную статью следует дополнить нормой, согласно которой в случае, если дело находится в производстве суда или третейского суда и в процессе рассмотрения спора сторонами принимается решение о применении процедуры медиации, то в качестве медиаторов может выступать только медиатор, являющийся членом саморегулируемой организации медиаторов. Кроме того, ст. 17 Закона следует дополнить уточнением о субъекте, ответственном за контроль качества услуг, оказываемых медиатором. Представляется логичным возложить эту функцию на саморегулируемую организацию медиаторов, членом которой является медиатор.

Думается, что такие предложения позволят повысить качество оказываемых услуг.

Научный и практический интерес представляет использование процедуры медиации в КНР, где она прямо закреплена в Конституции [5]. Это позволило включить процедуру в систему государственной исполнительной власти, полностью подчинить ее государству и придать ей облик государственного института [6]. Закрепление медиации в Конституции КНР, на наш взгляд, обусловлено не только большой нагрузкой на судебную систему, но и культурным, традиционным фактором, связанным с конфуцианской этикой, базирующейся на прин-

ципах гармонии. Кроме Конституции, медиация содержится в Законе КНР «О медиации и арбитраже трудовых споров» [3], а также в Законе «О народном посредничестве» [4].

Народная медиация определяется как деятельность комитетов народной медиации, осуществляемая путем убеждения, наставления в целях содействия сторонам в заключении медиативных соглашений на основе равенства и согласия. В данной норме китайский законодатель акцентирует внимание на том, что медиация является «деятельностью» специально уполномоченных органов, а не просто «способом» разрешения конфликта, подчеркивая тем самым ее активную и целенаправленную природу в процессе достижения гармонии и взаимопонимания между сторонами.

Исходя из требований Закона, народным медиатором может быть совершеннолетний гражданин, справедливый и преданный делу народной медиации, обладающий определенным культурным и политическим уровнем, и правовыми знаниями. Инициатором процедуры может выступать как сторона, так и сам комитет народной медиации (ст. 17 Закона о народной медиации).

Таким образом, медиация в Китае осуществляется исключительно на профессиональной основе, что подтверждается ее закреплением на уровне Конституции. Она интегрирована в систему государственной исполнительной власти, а ее деятельность финансируется за счет государственной казны.

Россия в настоящее время, находится на этапе просвещения и пропаганды медиации. Особую роль в этом процессе играет суд, так как именно ему по силам преодолеть инертность мышления российских граждан, считающих, что лучший путь защиты их прав – судебный путь. Медиация, в свою очередь, является многофункциональным механизмом, способным разрешать споры, пресекать конфликты, предупреждать правонарушения, в том числе и преступления, а также воспитать в человеке культуру мирного разрешения конфликтов.

Сегодня актуальным в РФ представляется рассмотрение законодательной инициативы по введению обязательной медиации для несложных дел, которые не нуждаются в судейском вмешательстве. По мнению первого зампреда комитета Госдумы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Татьяны Буцкой, медиация должна стать обязательной, а не просто возможной. Как отметила депутат, данная процедура поможет избежать превращения разводящихся супругов в противников, сохраняя уважение и понимание в отношениях. В случае, если медиация не приведет к примирению, супруги смогут цивилизованно договориться о дальнейшем взаимодействии, что будет особенно важно для их детей. Татьяна Буцкая также заявила, что Министерство юстиции разрабатывает проект, который обеспечит обязательное участие медиаторов для разводящихся с детьми, что будет способствовать стабилизации семейных отношений и снижению уровня конфликтности.

Конечно, ключевым контраргументом будет то, что такой подход подрывает принцип добровольности, являющийся фундаментальным для медиативных процедур. Тем не менее, обязательная медиация на досудебном этапе может служить дополнительным способом повышения осведомленности общества о преимуществах медиации в урегулировании споров и конфликтов, пусть и с определенными оговорками.

Кроме того, потенциал медиации может быть раскрыт и в уголовно-исполнительной системе. Сегодня конфликты между осужденными, находящимися в исправительных учреждениях, решаются с помощью метода администрирования. Медиация, в свою очередь, это шаг к более эффективной и гуманной пенитенциарной практике. Она не только разрешает текущие конфликты, но и предупреждает преступления, воспитывая культуру мира в человеке.

В контексте минимизации конфликтов в исправительных учреждениях посредством пенитенциарной медиации, следует признать, что полное искоренение подобных столкновений и создание бесконфликтного общества остается невозможным. Тем не менее, необходимо стремиться к воспитанию у осужденных навыков мирного разрешения споров. Столкновения в социуме, особенно в закрытой, агрессивной среде осужденных, неизбежны, однако умение правильно реагировать на такие проявления – эффективное средство профилактики правонарушений в любом обществе [1, с. 164–185].

Таким образом, предложенные меры помогут интегрировать и популяризировать процедуру медиации в нашей стране. Для российской медиации, являющейся относительно молодым институтом, важно акцентировать внимание на положительных аспектах зарубежной практики. Это позволит значительно повысить эффективность разрешения правовых споров, укрепить доверие к процедуре медиации со стороны населения и стать этой процедуре, более востребованной в нашей стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Громов В. Г., Арсеналиева Д. Digital Rights Management: Legal and Technical Challenges // Teisės apžvalga. Law Review. 2021. No. 1(23). P. 164–185.

2. Досудебное разрешение конфликтов или что такое медиация? URL: http:// kazmediation.kz (дата обращения: 06.10.2025).

3. Закон КНР «О медиации и арбитраже трудовых споров» от 29 декабря 2007 г. (вступил в силу с 1 января 2008 г.). URL:http://www.gov.cn (дата обращения: 06.10.2025).

4. Закон КНР «О народном посредничестве» от 28 августа 2010 г. (вступил в силу с 1 января 2011 г.). URL: http:// www.gov.cn (дата обращения: 06.10.2025).

5. Законодательство Китая / Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.). URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution(дата обращения: 06.10.2025).

6. Марков С. М., Шарапова А. О. Медиация в России и Китае: сходства и различия в трактовке альтернативной процедуры разрешения споров (медиации) // American scientific journal: Global Science Center LP. 2017. № 11. С. 32–39.

7. Постановление VII Всероссийского съезда судей РФ от 04 декабря 2008 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направления ее развития и совершенствования» // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2009. № 1.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 января 2018 г. № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием

примирительных процедур“». URL: https://www.vsrf.ru/files/26356/?ysclid=mqoslxuha312344692; Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур». URL: http://sozd.parliament.gov.ru/bill/421600-7 (дата обращения: 06.10.2025).

9. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

УДК 343.326

Карамышев Иван Сергеевич
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
smirnov1983-2011@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
nat_ganzha@mail.ru

Примечания к статье 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации как инструмент разграничения уголовной ответственности и правомерной деятельности в сфере миграционных отношений

Аннотация. *В статье исследуется проблема разграничения уголовно наказуемой организации незаконной миграции (статья 322.1 УК РФ) и правомерной деятельности по оказанию юридической, медицинской и гуманитарной помощи иностранным гражданам. На основе анализа официальной судебной статистики за 2018–2024 годы выявлена устойчивая тенденция к росту числа осужденных: с 635 человек в 2018 году до 1207 в 2024-м (прирост 90 %). Установлено, что действующая редакция статьи 322.1 УК РФ не содержит нормы, исключающей ответственность лиц, действующих в рамках законодательства Российской Федерации, что создает риск необоснованного уголовного преследования адвокатов, медицинских работников, сотрудников гуманитарных организаций и государственных служащих. Проведен сравнительный анализ примечаний к смежным составам УК РФ (статьи 322.2, 322.3), а также зарубежного опыта. По результатам исследования сформулированы предложения о дополнении статьи 322.1 УК РФ двумя примечаниями: первое исключает ответственность за правомерные действия, второе закрепляет основание освобождения от ответственности при деятельном раскаянии. Предлагаемые изменения обеспечат баланс между эффективным противодействием незаконной миграции и соблюдением принципа законности уголовного преследования.*

Ключевые слова: *незаконная миграция, организация незаконной миграции, статья 322.1 УК РФ, примечание к уголовно-правовой норме, правомерная деятельность, деятельное раскаяние, уголовная ответственность, миграционное законодательство.*

© Карамышев И. С., Ганжа Н. В., 2026

Karamyshev Ivan Sergeevich
master's student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha NataliaVladimirovna
candidate of legal sciences, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Notes to article 322.1 of the Criminal code of The Russian Federation as an instrument for distinguishing criminal liability from lawful activities in the field of migration relations

Annotation. *The article examines the problem of distinguishing criminal organization of illegal migration (Article 322.1 of the Criminal code of the Russian Federation) from lawful provision of legal, medical and humanitarian assistance to foreign nationals. Based on official judicial statistics for 2018–2024, a sustained upward trend in convictions is identified: from 635 persons in 2018 to 1,207 in 2024 (an increase of 90%). The current wording of Article 322.1 is found to contain no provision exempting persons acting in compliance with Russian legislation, creating a risk of unjustified criminal prosecution of lawyers, healthcare workers, humanitarian organization staff and public officials. A comparative analysis of notes to related Criminal Code provisions (Articles 322.2 and 322.3) and foreign experience is conducted. The study proposes supplementing Article 322.1 with two notes: the first excludes liability for lawful conduct; the second establishes grounds for exemption from liability upon active repentance. The proposed amendments would balance effective counter-illegal-migration enforcement with adherence to the principle of legality of criminal prosecution.*

Keywords: *illegal migration, organization of illegal migration, Article 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, note to a criminal law provision, lawful activity, active repentance, criminal liability, migration legislation.*

Противодействие незаконной миграции является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Свидетельством этому служат масштабные законодательные реформы 2024–2025 годов: введение Федеральным законом от 8 августа 2024 года № 260-ФЗ [2] миграционного режима высылки и реестра контролируемых лиц, существенное ужесточение уголовной ответственности по статье 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]. Принятым в октябре 2024 года федеральным законом организация незаконной миграции, совершенная организованной группой или в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, отнесена к категории особо тяжких преступлений с максимальным наказанием в виде лишения свободы сроком до 15 лет [3].

Вместе с тем расширение уголовной репрессии в данной сфере ставит перед правоприменением закономерный вопрос о надлежащем разграничении уголовно наказуемого содействия незаконной миграции и правомерной деятельности. Адвокаты, представляющие интересы иностранных граждан в судах, медицинские работники, оказывающие неотложную помощь, сотрудники гума-

нитарных организаций, государственные служащие, исполняющие должностные обязанности по оказанию государственных услуг, – все эти лица в определенных ситуациях могут быть формально охвачены диспозицией статьи 322.1 УК РФ, поскольку данная норма не содержит исключений для правомерных видов деятельности.

Целью настоящей статьи является исследование проблемы разграничения уголовной ответственности за организацию незаконной миграции и правомерной деятельности в сфере миграционных отношений, а также разработка законодательного механизма ее решения посредством введения примечаний к статье 322.1 УК РФ. Задачами исследования являются: анализ динамики судимости по статье 322.1 УК РФ; выявление проблемы квалификации при смежной деятельности; сравнительный анализ отечественного и зарубежного законодательства; разработка конкретных законодательных предложений.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический и системный методы научного познания.

Анализ официальных статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2018–2024 годы свидетельствует об устойчивой и значительной восходящей тенденции в сфере уголовного преследования за организацию незаконной миграции.

Динамика числа осужденных по статье 322.1 УК РФ выглядит следующим образом: 2018 год – 635 человек; 2019 год – 642; 2020 год – 557; 2021 год – 601; 2022 год – 691; 2023 год – 879 (прирост 27 % к 2022 году); 2024 год–1207 (прирост 27,2 % к 2023 году) [4]. Таким образом, за шесть лет – с 2018 по 2024 год – число осужденных возросло на 90 %, а с 2020 года, когда был зафиксирован минимум, – на 116,7 %.

Не менее показательна динамика выявленных преступлений. По данным, приводившимся в ходе парламентского обсуждения законопроекта об ужесточении ответственности, за семь месяцев 2024 года число выявленных преступлений, предусмотренных статьей 322.1 УК РФ, возросло в 2,8 раза – до 1 414 преступлений [6]. Данный показатель отражает как активизацию правоприменения, так и объективный рост масштабов организованной незаконной миграции.

Анализ структуры назначаемых наказаний выявляет устойчивый дисбаланс. В 2023 году из 879 осужденных условное лишение свободы получили 578 человек (78 % от числа тех, кому статья 322.1 являлась основной), реальное лишение свободы – 166 человек (22 %), при этом четверть из них приговорена к сроку до одного года лишения свободы [4; 5]. Указанный дисбаланс послужил одним из ключевых аргументов в пользу введения обязательных минимальных порогов ответственности поправками 2024 года.

Следует также отметить, что 60 % осужденных по статье 322.1 УК РФ в 2023 году совершили преступления в составе организованной группы или с использованием служебного положения [7]. Данное обстоятельство свидетельствует о высоком уровне организованности в данной сфере и о вовлеченно-

сти должностных лиц государственных органов в преступные схемы. В феврале 2024 года экс-сотрудники центрального аппарата ФСБ России были приговорены за организацию незаконной миграции и создание преступного сообщества, что стало одним из наиболее резонансных дел в данной сфере.

Наряду с ростом судимости по статье 322.1 УК РФ сохраняется высокий уровень привлечения к ответственности по смежным составам. По статье 322.3 УК РФ (фиктивная постановка на учет) в 2023 году было осуждено 7 583 человека, в 2024 году – сопоставимое количество [7]. Совокупная картина свидетельствует о системном характере нарушений в сфере миграционного законодательства.

Статья 322.1 УК РФ в действующей редакции устанавливает ответственность за организацию незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания или незаконного транзитного проезда. При этом, в отличие от ряда смежных составов, норма не содержит исключений для правомерных видов деятельности.

Данное обстоятельство порождает теоретически обоснованный риск необоснованного уголовного преследования по меньшей мере в четырех сферах правомерной деятельности.

Первая – оказание квалифицированной юридической помощи. Адвокат, представляющий интересы иностранного гражданина в судебном процессе об административном выдворении или в суде по обжалованию включения в реестр контролируемых лиц, объективно содействует его пребыванию на территории России. В случаях, когда юридическая позиция успешна и пребывание продолжается, формальные признаки объективной стороны состава могут быть усмотрены следствием. Аналогичная проблема возникает применительно к юридическим консультациям по вопросам легализации пребывания.

Вторая – оказание медицинской помощи. Медицинский работник, оказывающий неотложную медицинскую помощь иностранному гражданину, незаконно пребывающему на территории России, объективно способствует его дальнейшему пребыванию. Отказ в медицинской помощи по признаку правового статуса пациента недопустим как с этической, так и с медико-правовой точки зрения, однако ее оказание формально может подпадать под диспозицию статьи 322.1 УК РФ.

Третья – деятельность гуманитарных организаций. Предоставление временного проживания, питания, одежды и иной гуманитарной помощи незаконным мигрантам, осуществляемое некоммерческими организациями, прямо связано с «незаконным пребыванием» в смысле диспозиции статьи. Аналогичные ситуации хорошо известны зарубежной практике: так, в Европейском союзе проблема криминализации гуманитарной помощи мигрантам активно обсуждалась Европейским судом по правам человека и получила разрешение посредством введения специальных исключений в национальное законодательство ряда государств.

Четвертая – исполнение должностных обязанностей государственными служащими. Сотрудник МФЦ, принимающий заявление иностранного гражданина на оказание государственной услуги, или работник органа социальной за-

щиты, предоставляющий предусмотренное законом социальное обеспечение, формально содействует пребыванию незаконного мигранта, исполняя при этом возложенные на него законом обязанности.

В судебной практике подобные ситуации пока не приобрели систематического характера, однако сам по себе пробел в законодательстве создает правовую неопределенность и ставит законопослушных лиц в уязвимое положение перед расширительным толкованием нормы следствием и судом. Устранение данного пробела носит превентивный и системный характер.

Отечественное уголовное законодательство располагает значительным опытом применения примечаний к уголовно-правовым нормам в целях разграничения преступного и правомерного поведения. Наиболее близкими по правовой природе к предлагаемым примечаниям к статье 322.1 являются примечания к статьям 322.2 и 322.3 УК РФ.

Статья 322.2 УК РФ (фиктивная регистрация) содержит примечание, освобождающее от уголовной ответственности лицо, которое способствовало раскрытию преступления. Аналогичное примечание закреплено в статье 322.3 УК РФ. Данные нормы отражают устоявшийся в российском уголовном праве подход: при наличии обстоятельств, существенно снижающих общественную опасность деяния или исключающих его, законодатель прибегает к примечаниям, а не к корректировке основного состава.

Вместе с тем ни одно из действующих примечаний к статьям 322–322.3 УК РФ не содержит нормы, прямо исключающей ответственность за правомерную деятельность. Восполнение данного пробела в рамках основных составов статьи 322.1 УК РФ затруднено, поскольку ее диспозиция сформулирована как формальный состав без указания на цели или мотивы деятельности как обязательные признаки.

Обращение к зарубежному опыту позволяет выявить несколько сложившихся подходов к данной проблеме. В государствах – членах Европейского союза в 2024 году была принята пересмотренная Директива Европейского парламента и Совета об ответственности за содействие незаконному въезду и пребыванию, в которой прямо предусмотрено, что государства-члены вправе не криминализировать деятельность, осуществляемую в гуманитарных целях. Германский уголовный кодекс (§ 96 Aufenthaltsgesetz) содержит исключение для лиц, действующих в интересах иностранца, а не из корыстных побуждений. Французское законодательство после решения Конституционного совета 2018 года закрепило понятие «принцип братства», исключающее ответственность за безвозмездную гуманитарную помощь.

Таким образом, зарубежный опыт демонстрирует устойчивую тенденцию к законодательному разграничению организации незаконной миграции как преступления и правомерной деятельности, которая объективно связана с пребыванием незаконных мигрантов, но осуществляется в соответствии с законом. Российское законодательство в данном аспекте отстает от сложившихся международных стандартов.

На основании проведенного анализа предлагается дополнить статью 322.1 УК РФ двумя примечаниями следующего содержания.

Примечание 1. «Не образует состава преступления, предусмотренного настоящей статьей, оказание иностранному гражданину или лицу без гражданства квалифицированной юридической помощи, государственных и муниципальных услуг, медицинской или гуманитарной помощи, а также совершение иных действий, осуществляемых в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Данное примечание реализует принцип формальной определенности уголовного закона, закрепленный в части 1 статьи 8 УК РФ. Перечень правомерных видов деятельности сформулирован как открытый – «а также совершение иных действий, осуществляемых в соответствии с законодательством Российской Федерации» – что исключает возможность его искусственного сужения правоприменителем. Юридико-техническое решение в виде примечания, а не внесения изменений в диспозицию нормы, обусловлено тем, что изменение основного состава могло бы затруднить привлечение к ответственности лиц, прикрывающихся формально законной деятельностью.

Примечание 2. «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольно сообщило о совершенном преступлении, активно способствовало его раскрытию и возместило причиненный ущерб либо иным образом загладило причиненный вред, а также если в его действиях не содержится иного состава преступления.»

Данное примечание воспроизводит логику нормы о деятельном раскаянии (статья 75 УК РФ) применительно к специальному составу, что соответствует подходу, реализованному законодателем в статьях 322.2 и 322.3 УК РФ. Его введение преследует двойную цель: создание стимулов для добровольного прекращения преступной деятельности и повышение раскрываемости преступлений в сфере организации незаконной миграции за счет активного содействия обвиняемых в раскрытии иных членов преступных схем. Ограничение сферы действия примечания только частью 1 статьи 322.1 УК РФ обусловлено тем, что квалифицированные и особо квалифицированные составы (части 2 и 3) характеризуются повышенной общественной опасностью, несовместимой с безусловным освобождением от ответственности.

Предлагаемые примечания не создают коллизии с действующими нормами УК РФ. Примечание 1 конкретизирует применительно к статье 322.1 общее правило об отсутствии уголовной ответственности за правомерные действия. Примечание 2 является специальной нормой по отношению к части 1 статьи 75 УК РФ, что соответствует правилам о соотношении общей и специальной норм в уголовном праве. При проведении антикоррупционной экспертизы в примечании 1 не выявляется коррупциогенных факторов: формулировка «в соответствии с законодательством Российской Федерации» является объективно проверяемым критерием, не зависящим от усмотрения должностного лица.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, динамика уголовной репрессии в сфере организации незаконной миграции в России характеризуется устойчивым ростом: число осужденных по статье 322.1 УК РФ увеличилось с 635 в 2018 году до 1207 в 2024 году, т. е. на 90 %, а интенсификация правоприменения в 2024 году привела к росту выявленных преступлений в 2,8 раза за семь месяцев. Данная тенденция обусловлена как объективным ростом незаконной миграции, так и ужесточением уголовного законодательства в 2024–2025 годах.

Во-вторых, действующая редакция статьи 322.1 УК РФ содержит нормативный пробел: отсутствие исключений для правомерной деятельности создает риск необоснованного уголовного преследования адвокатов, медицинских работников, сотрудников гуманитарных организаций и государственных служащих. Зарубежный опыт и логика смежных составов УК РФ подтверждают необходимость законодательного устранения данного пробела.

В-третьих, оптимальным инструментом устранения пробела является дополнение статьи 322.1 УК РФ двумя примечаниями: исключающим ответственность за правомерную деятельность и закрепляющим основание освобождения от ответственности при деятельном раскаянии. Предлагаемые изменения, сохраняя строгость санкций за собственно организацию незаконной миграции, обеспечат конституционный принцип правовой определенности и разграничат уголовную ответственность от правомерного поведения, создавая необходимый баланс между эффективным противодействием незаконной миграции и соблюдением принципа законности уголовного преследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 28.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Федеральный закон от 08.08.2024 № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33. Ст. 5167.

3. Федеральный закон от 29.10.2024 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 44. Ст. 6711.

4. Число осужденных за легализацию мигрантов в РФ в 2023 году выросло на 27 %. URL: https://tass.ru/obschestvo/20611511 (дата обращения: 15.05.2026).

5. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ. Форма № 10.3 за 2023–2024 гг. URL: https://cdep.ru (дата обращения: 15.05.2026).

6. Количество осужденных в РФ за организацию миграции резко выросло. URL: https://www.svoboda.org/a/33388139.html (дата обращения: 15.05.2026).

7. Организация незаконной миграции – статья 322.1 УК РФ. URL: https://www.advo24.ru/publication/chem-grozit-organizatsiya-nezakonnoy-migratsii.html (дата обращения: 15.05.2026).

УДК 343.98

Корзенкова Анастасия Сергеевна
студент, Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Российская Федерация
korzenkova.anastasia@yandex.ru

Научный руководитель:
Ревенко Яна Дмитриевна
кандидат юридических наук, доцент
Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Российская Федерация
Yana.revenko2020@yandex.ru

Влияние ложных воспоминаний на свидетельские показания

Аннотация. *Работа посвящена анализу природы возникновения деформаций памяти и их деструктивному влиянию на формирование доказательственной базы в рамках уголовного судопроизводства. В тексте систематизированы ключевые детерминанты (биологические, ментальные и средовые), провоцирующие искажение репродуктивной функции мозга свидетелей. Исследователем предложен комплекс приемов, направленных на оптимизацию допроса, в частности, через внедрение алгоритмов когнитивного интервью. Параллельно с этим подвергаются критическому разбору распространенные паранаучные подходы к верификации истинности показаний.*

Ключевые слова: *деформация памяти, свидетельские данные, следственная тактика, техника когнитивного интервью, суггестивное воздействие, юридическая психология.*

Korzenkova Anastasia Sergeevna
student, Smolensk State University
Smolensk, Russian Federation

Scientific supervisor:
Revenko Yana Dmitrievna
candidate of legal sciences, associate professor
Smolensk State University
Smolensk, Russian Federation

The impact of false memories on eyewitness testimony

Annotation. *The work is devoted to analyzing the nature of memory distortions and their destructive impact on the formation of evidentiary material within criminal proceedings. The text systematizes the key determinants (biological, mental and environmental) that provoke distortions in the reproductive function of witnesses' brains. The researcher proposes a set of techniques aimed at optimizing the interrogation process, particularly through the introduction of cognitive interviewing algorithms. In parallel, widespread pseudoscientific approaches to verifying the veracity of testimony are subjected to critical analysis.*

© Корзенкова А. С., 2026

Keywords: *memory deformation, witness data, investigative tactics, cognitive interview technique, suggestive influence, legal psychology.*

Функционирование человеческой психики допускает возникновение неосознанных искажений, которые нередко становятся фундаментом свидетельских показаний, используемых для восстановления объективной картины происшествия. Если подобные дефекты восприятия и воспроизведения информации не будут своевременно идентифицированы и нейтрализованы, доказательственное значение таких сведений нивелируется. Это, в свою очередь, создает прямые риски для непредвзятости следствия и может привести к фундаментальным ошибкам в квалификации преступного деяния.

Природа ложных воспоминаний исходит из особенностей памяти человека, которая в свою очередь способна сохранить лишь ограниченную часть окружающей реальности, а оставшуюся ее часть реконструирует за счет чувств, ассоциаций, слухов, эмоциональных реакций, логических связей и иного внешнего и внутреннего воздействия [8, с. 73].

Как правило, под ложным воспоминанием следует понимать «отчетливое воспоминание о событии, которого не было, либо воспоминание о неверных деталях реального события, воспринятое самим субъектом как достоверное» [4, с. 103].

Механизм формирования ложных воспоминаний у свидетелей изучен и описан в работах Э. Лофтус. В ходе исследования особенностей памяти человека удалось определить, что в случае использования при опросе наводящих вопросов человек способен поддаваться убеждению в том, что несуществующее в реальности событие возможно, и что оно было пережито им лично. В результате эксперимента у испытуемых создавалось точное убеждение в реальности и достоверности событий, которые были нарочно им имплантированы [11, с. 870].

Исследование Э. Лофтус иллюстрирует необходимость разработки тактических рекомендаций, направленных на минимизацию ложных воспоминаний в свидетельских показаниях.

Учитывая отсутствия единого подхода к определению перечня подобных факторов, предлагается следующая их классификация.

1. Физиологические факторы. Ложные воспоминания, как правило, встречаются у психически здоровых людей, но в ряде случаев возникают в связи с патологическими состояниями, представляя собой нарушения памяти, такие как: амнезия; нейродегенеративные заболевания, при которых нарушается способность различать реальные и искаженные воспоминания; посттравматическое стрессовое расстройство [9, с. 75].

2. Психологические факторы. Стоит учитывать находилось ли лицо в измененном состоянии (алкогольное или наркотическое опьянение), испытывало ли высокий уровень стрессовой активности, шок, страх, панику, т. е. все те состояния, которые могли препятствовать правильному и точному восприятию произошедшего, способствовать искажению наблюдаемого события, создать неверное понимание и толкование увиденного [5, с. 42].

В результате сильных переживаний у человека усиливается фиксация информации с непосредственным искажением деталей.

Например, в случае с Рональдом Коттоном, в отношении которого вынесен приговор по обвинению в насилии на основе свидетельских показаний потерпевшей, Дженнифер Томпсон. Несмотря на ее уверенность в идентификации Коттона как виновника, ДНК-доказательства позже подтвердили его невиновность. У Томпсон возникла парамнезия, поскольку ее память была подвержена влиянию провокационных вопросов и эмоциональной травмы, что привело к ложному воспоминанию об идентичности нападавшего [10, с. 210].

3. Социальные факторы. Повторное воздействие информации, которое выражается в многократных интервью, опросах, совместных обсуждениях событий, трансляциях событий в СМИ, способствует интеграции ложных воспоминаний в памяти человека. [2, с. 110–114].

Помимо представленной классификации в научной литературе выделяют такой фактор как время. Длительный временной интервал между событием и допросом становится причиной, по которой свидетель забывает детали произошедшего, приметы и лицо подозреваемого и другие немаловажные факты, а учитывая особенности памяти на месте забытой информации выстраиваются ложные воспоминания.

Возраст допрашиваемого также способен выступать фактором, который порождает ложные воспоминания. Так, людям пожилого возраста свойственная общая забывчивость недавно произошедших событий, замещаемая общими представлениями об окружающей реальности. Вместе с тем лица подросткового возраста склонны к домыслам, фантазиям, гиперболизации увиденного, что не всегда удается отделить от действительности.

Учитывая особенность ложных воспоминаний, заключающейся в их максимальной достоверности для допрашиваемого неправильно проведенный допрос может привести к включению в показания свидетеля ложных фактов.

Главной тактической рекомендацией, которая способна минимизировать ложные воспоминания в свидетельских показаниях, является тщательная подготовка к допросу. Предварительная подготовка к допросу позволяет следователю владеть криминалистически значимой информацией, с помощью которой проводится оценка достоверности получаемой информации.

В частности, используя материалы дела, оперативные данные, характеристики, результаты наблюдений и бесед, следует изучить личность допрашиваемого, его психофизиологическое состояние, трудовую деятельность, моральный облик.

Также следует подготовить вещественные доказательства, которые могут быть использованы в ходе допроса в рамках тактического применения.

В основу подготовки ложится составление плана допроса. Следователь, учитывая имеющуюся оперативную информацию, составляет перечень и последовательность вопросов, которые в свою очередь должны быть определены как дополняющие, уточняющие, напоминающие, контрольные, изобличающие. Это позволит ориентироваться в показаниях свидетеля и выстраивать взаимодействие, направленное на минимизацию ложных воспоминаний.

Техническая подготовка к допросу, а именно использование звуко- или видеозаписывающей техники для фиксации хода допроса, приглашение специалистов при необходимости, не менее важна. Использование аудио- и видеозаписи выступает эффективным механизмом контроля, который дисциплинирует участников процесса и минимизирует вероятность непроизвольной трансформации воспоминаний под воздействием внешних факторов или усталости самого следователя [1, с. 206].

Когда в процессе расследования у следователя возникают обоснованные подозрения, что свидетель в силу своего физического или психического состояния не способен объективно воспроизвести события, стандартных подходов к допросу становится недостаточно. В данном случае речь идет о влиянии биологических факторов – от возрастных изменений до серьезных патологий, которые напрямую деформируют работу памяти. Такие состояния часто ведут к возникновению конфабуляций, когда мозг допрашиваемого непроизвольно заполняет пробелы в воспоминаниях вымышленными, но кажущимися ему достоверными деталями. И только квалифицированные специалисты в области психологии и нейропсихологии способны провести глубокую диагностику и вовремя выявить подмену реальных образов ложными конструкциями.

Другим важным вектором деятельности следователя является целенаправленная работа по нейтрализации психологических барьеров. Именно поэтому перед началом допроса критически важно оценить психоэмоциональный фон человека и постараться снизить уровень его тревожности. На практике доказано: если допрашиваемый находится в состоянии высокого стресса, его психика начинает работать в режиме «защиты», что неизбежно ведет к искажению наблюдаемых фактов. Чтобы этого избежать, тактическая подготовка должна быть нацелена на создание атмосферы психологической безопасности. Простая смена тона общения на более уважительный и спокойный, использование техник активного слушания и предварительная нейтральная беседа позволяют расположить человека к открытому диалогу. Человеку больше не нужно подсознательно «додумывать» ответы на вопросы просто для того, чтобы заполнить возникшую из-за шока пустоту в памяти, что в конечном итоге и обеспечивает достоверность показаний.

Если говорить о наиболее эффективных способах извлечения качественной и максимально полной информации из памяти очевидцев, то в арсенале современной криминалистики особое место занимает техника когнитивного интервью. Эту методику не стоит воспринимать как обычный опрос; скорее, это сложная, междисциплинарная система коммуникации, которая выстроена на стыке практической юриспруденции, нейронаук и фундаментальных открытий в области когнитивной психологии. Ключевая ценность такого подхода заключается в том, что он опирается не на интуицию следователя, а на понимание того, как именно мозг человека кодирует и воспроизводит информацию.

Основная миссия когнитивного интервью состоит в запуске целого комплекса тактических приемов, которые «подталкивают» ассоциативные связи в сознании свидетеля. Это позволяет вытащить на поверхность те фрагменты воспоминаний, которые при обычном допросе остались бы скрытыми. Благода-

ря такому подходу следователь получает не просто отрывочные сведения, а глубокую, субъективно достоверную картину.

Принципиально важно здесь то, что данная методология ставит в центр процесса самого допрашиваемого. Она дает ему возможность самостоятельно, шаг за шагом реконструировать события, опираясь исключительно на внутренние ресурсы своей памяти. При этом полностью исключается любое суггестивное давление или наводящие вопросы со стороны правоохранительных органов.

Суть когнитивного интервью, если выражаться точнее, сводится к тому, чтобы при помощи специфических стимулов активировать различные уровни и «пласты» памяти человека. Задача следователя в данном контексте – не просто задавать вопросы, а стать своего рода проводником, который помогает свидетелю заново пережить и восстановить в сознании ключевые моменты, факты и образы, имеющие решающее значение для формирования доказательственной базы по делу [7, с. 66].

В качестве ключевых моментов когнитивного интервью выступают: 1) свободный рассказ, в ходе, ставших ему известных в результате преступления; 2) изменение хронологической последовательности, а именно воспроизведение событий в обратном порядке и ли с определенного момента; 3) смена перспективы, которая заключается в предоставлении свидетелю возможности раскрыть события с точки зрения другого участника; 4) воссоздание контекста с помощью детализации обстановки, погоды, эмоций, которые предшествовали или сопровождали события; 5) уточняющие вопросы, опирающиеся на ключевые образы и детали, которые были упомянуты в ходе допроса свидетелем [3, с. 30].

В целях недопущения нарочного искажений памяти допрашиваемого необходимо избегать наводящих и уточняющих вопросов по типу «Вы же видели, что преступник был в черной куртке, верно?». Данный вопрос содержит предполагаемый ответ («черная куртка») и подталкивает свидетеля подтвердить его, даже если он не уверен.

В криминалистической литературе отмечается, что тактические и методологические приемы обладают ограниченным потенциалом при обнаружение ложных воспоминаний, в связи с чем на текущем этапе ряд технологических решений проходит процедуру апробации для последующего применения экспертами и специалистами в рамках психологических и психофизиологических экспертиз. К числу таких технологий относятся: инструментальная диагностика с использованием технологии трекинга глаз; метод многомерного анализа голоса (LVA – Layered Voice Analysis); аппаратно-программные комплексы Observer и Face Reader. Несмотря на развитие технологий в практической сфере наблюдается распространение псевдонаучных методик исследования памяти: «комплексная интегративная психолого-психофизиологическая детекция идеальной следовой информации»; «метод взаимных исключений» и др. [6, с. 639].

Данные методики не имеют достаточного научно обоснованного фундамента, однако продолжают использоваться в практической деятельности, что требует критического осмысления и дальнейшей оценки их эффективности.

Таким образом, проблема выявления и минимизации ложных воспоминаний остается актуальной, что обуславливает необходимость разработки и внедрения научно обоснованных тактических приемов допроса, направленных на активизацию достоверных воспоминаний и снижение риска искажений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бондаренко Ю. А., Балугина Т. С. Эффективность тактических приемов эмоционального воздействия и установления психологического контакта при допросе с использованием систем видео-конференц-связи в российской федерации // Теория и практика общественного развития. 2023. № 8(184). С. 200–206.

2. Будякова Т. П. Эффект дезинформации в опознании человека // Психология и право. 2018. № 8(4). С. 99–114.

3. Глушков М. Р. Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 5. Когнитивное интервью // КриминалистЪ. 2025. № 2. С. 27–32.

4. Кашапова А. И., Михеева А. Е., Сироткин Ю. Л. Синдром ложных воспоминаний: насколько можно доверять показаниям свидетеля // Вестник науки. 2025. № 9(90). С.103–113.

5. Конин В. В. Сидоренко Е. В. Факторы, влияющие на результативность допроса // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. № 2(43). С. 38–45.

6. Никифоров Д. П. Проблема ложных воспоминаний: правовые проблемы. // Инициативы молодых – науке и производству : сб. ст. IX Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов. Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2025. С. 636–639.

7. Панькина И. Ю., Трофимова Т. В. Когнитивное интервью при допросе на предварительном расследовании // Допустимость показаний в уголовном процессе : сб. ст. по материалам Всерос. круглого стола. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 64–68.

8. Пономаренков В. А. Биология ложных показаний // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 1. С. 72–82.

9. Сарсембаев К. Нарушения памяти (амнестические расстройства). Квантованный учебный текст с заданиями в тестовой форме для студентов медицинских вузов // Педагогические измерения. 2015. № 3. С. 74–78.

10. Симакин А. Е. Когнитивные искажения и феномены памяти: понимание восприятия и воспоминаний // VIII Фрейдовские чтения: механизмы памяти : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Восточно-Европейский институт психоанализа, 2024. С. 200–213.

11. Loftus E. F. Make-Believe Memories // American Psychologist. 2023. No. 58. P. 864–873.

УДК 342.565

Кузнецов Дмитрий Сергеевич
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
tearfing2@mail.ru

Мельников Иван Николаевич
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
i_melnikov@kosgos.ru

Совершенствование правового регулирования государственной гражданской службы в судебных органах

Аннотация. *В статье исследуется проблема правового регулирования государственной гражданской службы в аппаратах судов Российской Федерации. Автор констатирует отсутствие специальных норм в действующем законодательстве, учитывающих объективно существующую специфику служебной деятельности по обеспечению отправления правосудия. Подробно анализируется попытка законодательного решения данной проблемы путем внесения проекта федерального закона «О государственной судебной службе Российской Федерации», который предполагал выделение службы в судебной системе в отдельный вид государственной службы. На основе критического анализа заключений Правительства РФ и профильных комитетов Государственной Думы выявляются основные недостатки законопроекта. В качестве альтернативы обосновывается более рациональный подход – принятие специального федерального закона об особенностях прохождения государственной гражданской службы в органах судебной власти.*

Ключевые слова: *государственная гражданская служба Российской Федерации, судебная система, государственная судебная служба, принципы судебной службы, прохождение государственной службы.*

Kuznetsov Dmitry Sergeevich
master's student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich
candidate of legal sciences, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Improving the legal regulation of the state civil service in the judiciary

Annotation. *This article examines the legal regulation of the state civil service in the courts of the Russian Federation. The author notes the lack of specific provisions in current legislation that take into account the objectively existing specifics of official activities related to the administration of justice. An attempt to legislatively address this issue through the introduction of the draft*

© Кузнецов Д.С., Мельников И. Н., 2025

federal law "On the State Judicial Service of the Russian Federation," which proposed separating service in the judicial system into a separate type of civil service, is analyzed in detail. Based on a critical analysis of the opinions of the Government of the Russian Federation and relevant State Duma committees, the draft law's key shortcomings are identified. A more rational alternative is proposed: the adoption of a special federal law on the specifics of state civil service in the judiciary.

Keywords: *state civil service of the Russian Federation, judicial system, state judicial service, principles of judicial service, civil service.*

В настоящее время правовое регулирование государственной гражданской службы в аппаратах судов осуществляется преимущественно на основании Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и Федерального закона от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [1, 2]. Ни один из указанных законодательных актов не содержит специальных норм, учитывающих специфику прохождения государственной гражданской службы именно в органах судебной власти.

Между тем такая специфика объективно существует и проявляется в целом ряде аспектов. Прежде всего, государственные гражданские служащие аппаратов судов непосредственно участвуют в обеспечении осуществления правосудия. Как справедливо отмечается в научной литературе, аппарат суда представляет собой механизм обеспечения непрерывной и бесперебойной деятельности судей по отправлению правосудия [3]. Государственные служащие аппарата суда участвуют в процессе судопроизводства на всех его этапах – от приема заявления до выдачи исполнительного листа и контроля за исполнением судебного решения. На них возложены функции по организационному, информационному, документационному, финансовому и материально-техническому обеспечению деятельности судов, а также обеспечению открытости и прозрачности правосудия.

И. И. Балаклеец и К. В. Кожевникова, анализируя административно-правовой статус государственного служащего в судебной системе, приходят к выводу о том, что существующая фрагментарность нормативной регламентации порождает практические проблемы в определении правового положения работников аппарата суда и обуславливает необходимость отдельного правового регулирования [4]. Помимо особого характера обеспечиваемой деятельности, специфика гражданской службы в судебных органах выражается в повышенных требованиях к профессиональным и морально-этическим качествам служащих. Государственные служащие аппарата суда обязаны соблюдать особый режим конфиденциальности, не допускать действий, способных поставить под сомнение авторитет судебной власти, и воздерживаться от любого вмешательства в осуществление правосудия. Все эти требования выходят за рамки стандартных ограничений, установленных Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ для государственных гражданских служащих.

Осознание необходимости специального регулирования привело к попытке создания самостоятельного вида государственной службы. В ноябре 2016 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление № 49, которым внес в Государственную Думу Федерального Собрания

Российской Федерации проект федерального закона № 102341-7 «О государственной судебной службе Российской Федерации» [5; 6]. Целью законопроекта являлось выделение государственной службы в судебной системе в отдельный вид государственной службы наряду с государственной гражданской службой и военной службой. Как указывалось, в пояснительной записке к законопроекту, с учетом важной роли судебной власти, специфики выполняемых ею функций и для повышения статуса работников аппарата суда целесообразно выделить судебную службу в самостоятельный вид государственной службы [7].

Законопроект предусматривал введение определения государственной судебной службы. Проектом закреплялись специальные принципы судебной службы: законность организации и деятельности судебной службы; обеспечение доступа граждан к правосудию; ответственность судебных служащих за подготавливаемые и принимаемые решения; деполитизация судебной службы. Предусматривались специальные классные чины судебной службы, ряд социальных гарантий, обеспечение форменной одеждой. Вводились должности «руководитель аппарата суда – администратор суда», «заместитель руководителя аппарата суда», «руководитель секретариата председателя суда» и «советник».

Вместе с тем законопроект встретил критику со стороны ряда государственных органов и экспертного сообщества. Правительство Российской Федерации в заключении от 10 февраля 2017 года № 946п-П17 не поддержало законопроект, указав на несколько существенных замечаний [8]. Во-первых, по мнению Правительства, законопроект и пояснительная записка к нему не содержат достаточных обоснований, подтверждающих специфику служебной деятельности в судебных органах, обуславливающих необходимость выделения государственной судебной службы из государственной гражданской службы. Во-вторых, большинство положений законопроекта, регламентирующих вопросы поступления на государственную судебную службу, ее прохождения и прекращения, дублируют положения Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ либо схожи с ними.

Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству в заключении от 22 марта 2021 года также сформулировал ряд критических замечаний [9]. Было отмечено, что положения законопроекта в значительной степени дублируют нормы Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ, что с момента внесения законопроекта в Государственную Думу в указанный закон было внесено более семидесяти изменений, не нашедших отражения в представленном проекте. Комитет указал на внутренние противоречия законопроекта: например, в части 2 статьи 8 упоминаются члены семьи судебного служащего, что не соответствует наименованию статьи; в статьях 41 и 42 используются неунифицированные термины, обозначающие различные виды отпуска. В части 2 статьи 27 применяется понятие «срочный служебный контракт», значение которого в законопроекте не поясняется.

Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления в заключении от 13 апреля 2021 года указал на необоснованность выделения государственной судебной службы в отдельный вид и ре-

комендовал Государственной Думе отклонить законопроект при рассмотрении в первом чтении [10]. При этом было подчеркнуто, что совершенствование правового положения лиц, находящихся на публичной службе, должно осуществляться комплексно и касаться в равной степени всех видов такой службы.

Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, напротив, в своей правовой позиции от 21 февраля 2017 года поддержала законопроект, указав, что он способствует повышению не только престижа судебной службы, но и уровня ответственности работников аппарата судов, а предусмотренные гарантии будут содействовать отбору и закреплению в судебной системе высококвалифицированных специалистов [11].

Критический анализ законопроекта и сопровождающих его заключений приводит к следующему выводу: при безусловной обоснованности и актуальности самой идеи специального регулирования службы в судебных органах, избранный способ ее реализации – создание полностью самостоятельного вида государственной службы, оказался недостаточно убедительным и вызвал справедливые возражения. Основная критика сводилась к тому, что нормативный материал законопроекта в своей большей части воспроизводил нормы Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ, а действительно специфические положения составляли лишь незначительную часть текста. Это свидетельствует о том, что для закрепления особенностей службы в судебных органах не требуется создание самостоятельного вида государственной службы с параллельным механизмом регулирования.

Более рациональным и системно обоснованным представляется альтернативный подход: принятие специального федерального закона об особенностях прохождения государственной гражданской службы в органах судебной власти. Данный подход имеет прямой аналог в действующем законодательстве – Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации», который, не выделяя дипломатическую службу в отдельный вид государственной службы, устанавливает специальные нормы, учитывающие специфику деятельности дипломатических работников.

Достоинства такого подхода состоят в следующем. Во-первых, он позволяет сохранить единство системы государственной гражданской службы, не нарушая принципа, закрепленного в статье 3 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ, и не создавая параллельного механизма правового регулирования. Во-вторых, специальный закон исключает необходимость дублирования общих норм о государственной гражданской службе, концентрируясь исключительно на тех аспектах, которые действительно отличают службу в судебных органах.

Для решения обеих обозначенных групп проблем представляется целесообразным разработать и принять Федеральный закон «Об особенностях прохождения государственной гражданской службы в органах судебной власти Российской Федерации». Данный закон должен основываться на общих нормах Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ и закреплять исключительно

те положения, которые отражают специфику служебной деятельности в аппаратах судов, не дублируя общих норм о государственной гражданской службе.

В предлагаемом федеральном законе целесообразно закрепить следующие положения, перенесенные из проекта закона «О государственной судебной службе Российской Федерации» с необходимой адаптацией: определение государственной гражданской службы в органах судебной власти; специальные принципы службы в судебных органах, включая обеспечение доступа граждан к правосудию, укрепление доверия к судебной власти, ответственность служащих за подготавливаемые и принимаемые решения, деполитизацию служебной деятельности; особые требования и запреты, связанные со спецификой работы в судебных органах; дополнительные социальные гарантии – увеличенную продолжительность ежегодного основного оплачиваемого отпуска, дополнительные оплачиваемые отпуска за выслугу лет, защиту служащего и членов его семьи от насилия и угроз в связи с исполнением должностных обязанностей.

Вместе с тем из предлагаемого закона следует исключить положения, которые признаны спорными или дублирующими: введение специальных классных чинов судебной службы, по существу воспроизводящих систему классных чинов гражданской службы с изменением лишь наименования; нормы о порядке поступления на службу, ее прохождении и прекращении, которые не отличаются от общих норм Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ; введение отдельного вида государственной службы как такового, поскольку предлагаемый закон не предполагает выхода за рамки государственной гражданской службы.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в современных условиях государственная гражданская служба в судебных органах Российской Федерации нуждается в специальном правовом регулировании, учитывающем особенности обеспечения функции правосудия. Попытка решить данную задачу путем создания самостоятельного вида государственной службы – государственной судебной службы, не получила поддержки и обоснованно подвергнута критике ввиду дублирования норм, избирательного подхода к субъектам регулирования и необоснованности дополнительных бюджетных расходов. Более перспективным направлением является принятие специального федерального закона об особенностях прохождения государственной гражданской службы в органах судебной власти, который позволит закрепить специфические принципы, требования, гарантии и запреты, не нарушая единства системы государственной гражданской службы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 8.03.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/?ysclid=mqupf9xsrs68616858 (дата обращения: 10.04.2026).

2. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (в ред. от 29.09.2025.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/?ysclid=mqupiyi6uh421681407 (дата обращения: 10.04.2026).

3. Организация работы аппаратов судов общей юрисдикции по обеспечению судебной деятельности : науч.-практ. пособие / Российская акад. правосудия. 2-е изд., доп. и испр. М. : РАП, 2011. 286 с.

4. Балаклеец И. И., К. В. Кожевникова Административно-правовой статус государственного служащего в судебной системе. URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 10.04.2026).

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 49 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О государственной судебной службе Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=483210&ysclid=mqupo4snve839680578#k9ihdNVaov07xB6z (дата обращения: 10.04.2026).

6. Проект Федерального закона № 102341-7 «О государственной судебной службе Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/ 48836.html?ysclid=mqupqrt1ke550934480 (дата обращения: 10.04.2026).

7. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О государственной судебной службе Российской Федерации». URL: sozd.duma. gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

8. Заключение Правительства Российской Федерации от 10февраля 2017 г. № 946п-П17 на проект федерального закона «О государственной судебной службе Российской Федерации». URL: sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

9. Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству по проекту федерального закона № 102341-7 «О государственной судебной службе Российской Федерации», внесенному Верховным Судом Российской Федерации. URL: sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

10. Решение Комитета № 163/1 от 13 апреля 2021 г. // Объекты законотворчества. URL: sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

11. Правовая позиция Федеральной палаты адвокатов РФ о проекте Федерального закона № 102341-7 «О государственной судебной службе Российской Федерации» от 21февраля 2017 г. URL: fparf.ru (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 342.7

Кукушкина Анастасия Олеговна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
kukuschkinan2005@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры судебной и правоохранительной деятельности
Костромского государственного университета
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Уголовно-правовая характеристика преступного бездействия

Аннотация. *Статья посвящена вопросу уголовно-правовой характеристики преступного бездействия. В статье приводится анализ определения понятию преступного бездействия. Приведены проблемные положения при квалификации преступного бездействия и отграничения от смежных преступлений, совершаемых путем бездействия. На основе анализа судебной практики и доктринальных источников формулируются выводы о необходимости совершенствования законодательства в части ответственности за преступное бездействие.*

Ключевые слова: *преступное бездействие, общественная опасность, оставление в опасности, неоказание помощи, халатность.*

Kukushkina Anastasia Olegovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstigneev Alexey Sergeevich
candidate of legal sciences, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Criminal characteristics of criminal inaction

Annotation. *The article is devoted to the issue of criminal law characteristics of criminal inaction. The article provides an analysis of the definition of the concept of criminal inaction. The problematic aspects of the qualification of criminal inaction and its differentiation from related crimes committed by inaction are presented. Based on the analysis of judicial practice and doctrinal sources, the article formulates conclusions about the need to improve legislation regarding liability for criminal inaction.*

Keywords: *criminal inaction, public danger, abandonment in danger, failure to provide assistance, negligence.*

© Кукушкина А. О., Евстегнеев А. С., 2026

Преступление – виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ) [4]. Деяние – акт осознанно-волевого поведения, которое может выражаться в форме действия или бездействия и влечет за собой наступление общественно опасных последствий. Как нам представляется, нет необходимости в особом убеждении того, что преступное бездействие – одна из форм общественно опасного деяния, наряду с действием. Однако определения понятиям преступного действия и бездействия в уголовном законодательстве нет. Вместе с тем, эти определения приводятся в научных и учебных источниках. Обращаясь к научной и учебной литературе, можно найти ряд определений понятию «преступное бездействие» и провести их анализ.

В большинстве изданий под бездействием понимается невыполнение лицом возложенных на него функций или обязанностей, непринятие мер, которые оно в соответствии с объемом прав и обязанностей должно было исполнять [1, с. 14]. Данное определение раскрывает сущность бездействия как формы противоправного поведения лица, обязанного выполнять, предписанные законом или иными нормативными актами, действия, во избежание наступления общественно опасных последствий. В нем акцентируется внимание на том, что бездействие выражается не в совершении активных действий, а в неисполнении обязанностей, возложенных на лицо служебным положением, должностным регламентом (функциональными обязанностями) или законом.

Актуальность темы обусловлена тем, в большинстве работ рассматриваются общественно опасные посягательства, совершаемые путем действия, а форма бездействия отличается недостаточной полнотой рассмотрения различных вопросов, связанных с характеристикой данной формы общественно опасного поведения.

В современных условиях эффективности правоохранительной деятельности и профилактики преступлений особенно важно детально исследовать именно бездействие, так как его подробное изучение напрямую влияет на раскрываемость преступлений, меры предупреждения преступности. «Под преступным бездействием понимается форма совершения преступления, при которой виновный занимает конкретную позицию к происходящим событиям, выраженную вовне в воздержании от точно определенных, обязательных и необходимых телесных движений» [2, с. 64].

Актуальность заявленной темы можно подтвердить данными Судебной статистики РФ. Наиболее часто бездействие фиксируется при расследовании преступлений, связанных с халатностью (ст. 293 УК РФ), неоказанием помощи больному (ст. 124 УК РФ), оставлением в опасности (ст. 125 УК РФ). Так, в 2023 году осужденных по ст. 124 УК РФ нет, а в 2024 году было осуждено 7 человек по ч. 2 ст. 124 УК РФ. В 2023 году по ст. 125 УК РФ осуждено 96 человек, а в 2024 году количество преступлений снизилось. В 2023 году за преступление, предусмотренное ст. 293 УК РФ, осуждено 1600 человек, а в 2024 году количество осужденных увеличилось на 63 человека [5]. Анализ

статистических данных свидетельствует о том, что преступное бездействие продолжает оставаться актуальной проблемой современной уголовно-правовой практики. Несмотря на то, что доля преступлений, совершаемых путем бездействия, в общем объеме зарегистрированных преступлений сравнительно невелика, их общественная опасность нередко сопоставима с активными формами преступного поведения [3].

Одной из проблем является сомнение в справедливости положений санкции, предусмотренной частью 2 ст. 124 УК РФ в связи с установлением одинаковой ответственности как за наступление тяжкого вреда здоровью, так и за наступление смерти. В данном случае законодатель как бы уравнял по степени и характеру общественной опасности наступление тяжкого вреда здоровью и наступление смерти. Как нам представляется, такое бездействие должно образовывать самостоятельный квалифицирующий признак, а именно часть 3 с санкцией. Предлагаем внести изменения в ст. 124 УК РФ, дополнив ее частью 3, изложив ее в следующей редакции: «То же деяние, если оно повлекло по неосторожности смерть больного, – наказывается принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового», что позволит разграничить ответственность в зависимости от тяжести наступивших общественно опасных последствий.

Анализируя судебную практику, мы считаем, что в действующей редакции диспозиции ст. 125 УК РФ отсутствуют квалифицирующие признаки, т. е. не предусмотрена возможность усиления уголовной ответственности при наличии отягчающих обстоятельств, как, например, это имеет место в ч. 2 ст. 124 УК РФ. В связи с этим представляется целесообразным внести изменения в ст. 125 УК РФ, дополнив ее частью 2, изложив ее, например, в следующей редакции: «То же деяние, если оно повлекло по неосторожности тяжкий вред здоровью потерпевшего, – наказывается обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет.». А также дополнить статью 125 частью 3 и изложить ее в следующей редакции: «То же деяние, если оно повлекло по неосторожности смерть потерпевшего, – наказывается лишением свободы на срок до трех лет». Мы считаем, что наличие такого квалифицирующего признака в ст. 125 УК РФ позволит осуществлять разграничение ответственности в зависимости от тяжести наступивших общественно опасных последствий.

Представляется проблемным квалификация преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ. Возникает проблема отграничения данного деяния от такого смежного состава, предусмотренного ст. 285 УК РФ. Наряду с этим, мы считаем, что необходимо дополнить ст. 293 УК РФ частью 4, изложив ее в следующей редакции: «Деяние, предусмотренное частью первой настоящей

статьи, совершенное в сфере здравоохранения, образования или обороны, – наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового». Данное изменение позволит решить ряд ключевых задач: во-первых, конкретизировать объект уголовно-правовой охраны, выделив стратегически важные области государственного управления; во-вторых, минимизировать конкуренцию уголовно-правовых норм за счет введения специального квалифицирующего признака; в-третьих, обеспечить соразмерность наказания степени общественной опасности деяния. Предполагаемое изменение выступает в качестве инструмента совершенствованиях уголовной политики, направленного на усиление защиты конституционно значимых ценностей и повышение эффективности противодействия должностной преступности в социально значимых сферах.

Полагаем, что предложенные нами изменения позволят правоприменителям оптимизировать процесс квалификации преступных деяний, совершенных в форме бездействия, устранить неопределенность в установлении признаков состава преступления, а реализация данных предложений будет способствовать более точной дифференциации уголовной ответственности и усилению гарантий соблюдения принципов законности и справедливости при отправлении правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болотов В. В. Бездействие как форма преступного поведения // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 1. С. 6–9.

2. Здравомыслов П. Д. Преступное деяние и вредные последствия. М., 2014. 576 с.

3. Одинцова Л. Н. Преступления коррупционного характера : курс лекций. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2013. 316 с.

4. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года. URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.04.2026).

5. Судебная статистика РФ. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1 (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 343.146

Михальков Александр Дмитриевич
магистрант, Владивостокский государственный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
legalbureau1@mail.ru

Научный руководитель:
Верещагина Алла Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Владивостокский государственный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
vereschagina_alla@mail.ru

Институт вещественных доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации

Аннотация. *В статье рассматривается институт вещественных доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве Беларуси и России. Сопоставление нормативной регламентации позволило выявить наличие редакционных особенностей формулировок отдельных норм, регулирующих институт вещественных доказательств, в УПК Республики Беларусь и Российской Федерации.*

Ключевые слова: *вещественные доказательства, Уголовно-процессуальный кодекс, Республика Беларусь, законодательство, перечень вещественных доказательств.*

Mikhalkov Alexander Dmitrievich
master's student, Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

Scientific supervisor:
Vereshchagina Alla Vasilievna,
candidate of legal sciences, associate professor
Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

Institute of material evidence in the criminal procedure legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation

Annotation. *This article examines the similarities and differences in the legal regulation of material evidence in Russia and Belarus. The author highlights textual discrepancies in the wording of certain provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus regulating the institution of material evidence. These differences concern the content and form of legal structures, necessitating a thorough analysis of the laws of each country to eliminate contradictions and facilitate mutual understanding in law enforcement practice.*

© Михальков А. Д., 2026

Keywords: *physical evidence, Criminal Procedure Code, Republic of Belarus, legislation, list of physical evidence.*

Актуальность сравнительного анализа института вещественных доказательств обусловлена необходимостью выявления особенностей развития института вещественных доказательств в Российской Федерации и Республике Беларусь, некогда имевших содержательно совпадающее уголовно-процессуальное законодательство.

Цель исследования выявить сходства и различия в регулировании института вещественных доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве Беларуси и России.

В соответствии со ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) вещественными доказательствами признаются «любые предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления, на которые были направлены преступные действия, деньги ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела» [1].

Статья 81 УПК РФ содержит четыре части, в которых, помимо понятия дана конкретизация системы объектов, которые могут быть отнесены к вещественным доказательствам, закреплена процедура признания объекта вещественным доказательством, а также порядок учета, хранения и передачу/возврат, уничтожение и иные действия, определяющие судьбу вещественных доказательств.

Содержащиеся в ст. 96 УПК Республики Беларусь (далее УПК РБ) положения, касающиеся вещественных доказательств, текстуально не совпадают с имеющимися в российском уголовно-процессуальном законе [2], но их содержание сходно. В обоих нормативных правовых актах подобная система объектов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами могут быть признаны:

1) предметы, используемые в качестве инструментов или средств совершения преступления;

2) объекты, на которых остались следы преступления;

3) деньги, ценности и другое имущество, приобретенное преступным путем;

4) другие предметы и документы, способствующие раскрытию преступления и выяснению важных обстоятельств дела.

Процедура придания объекту статуса вещественного доказательства в обоих государствах также сходна: осмотр объекта, фиксация результатов осмотра в протоколе и вынесение решения о признании объекта вещественным доказательством и приобщения его к материалам уголовного дела.

В соответствии сост. 97, 193, 203, 204 УПК РБ и ст. 81, 166, 176 УПК РФ закрепляется практически одинаковая процедура осмотра предмета, который

впоследствии может быть признан доказательством. Целью любого осмотра является обнаружение следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. При осмотре важно тщательно описать предмет, указав его характеристики и особенности. Составляемый в процессе осмотра или после его окончания протокол должен соответствовать предъявляемым к этому документу требованиям (ст. 193 УПК РБ, ст. 166 УПК РФ). В составляемом протоколе осмотра излагаются результаты визуального восприятия объекта, обязательно отражаются его особенности, после составления протокола все участники следственного действия знакомятся с протоколом, что подтверждается их подписями на документе [3, с. 645–646].

В уголовно-процессуальных законах обоих государств статус вещественного доказательства предмет приобретает только после вынесения решения по результатам осмотра о признании его вещественным доказательством.

В соответствии со ст. 81.1 УПК РФ решение о признании объекта вещественным доказательством принимается лицом, ведущим уголовное дело (следователем или дознавателем) и оформляется специальным постановлением или определением. Установленные законом временные рамки обеспечивают своевременность процедуры признания предмета вещественным доказательством. Так, соответствующее постановление или определение должно быть принято не позднее 10 суток с момента его изъятия. Если требуются дополнительные исследования или обстоятельства требуют особого рассмотрения, то по обоснованному ходатайству следователя или дознавателя срок продлевается еще на 30 суток. Если для оценки статуса вещественного доказательства необходима судебная экспертиза, то итоговое решение должно быть вынесено не позднее трех суток после того, как поступит экспертное заключение.

В УПК РБ правила, касающиеся процедуры признания объекта вещественным доказательством закреплены в ст. 1 ст. 97, которой определен порядок хранения вещественных доказательств, что не совсем соответствует сущности процедуры признания, которая должна предшествовать совершению каких-либо действий с вещественными доказательствами, в том числе их хранению.

Решение о признании конкретного предмета вещественным доказательством принимается соответствующими уполномоченными должностными лицами (следователями, дознавателями) [4, с. 254]. Оно фиксируется документально посредством вынесения постановления. Белорусский законодатель не устанавливает сроков принятия решения о признании предмета вещественным доказательством.

Таким образом, процедура признания предмета вещественным доказательством в целом тождественна в уголовно-процессуальном законодательстве Беларуси и России, за исключением одной существенной особенности – закрепление в УПК РФ признания объекта вещественным доказательством, что может быть расценено как гарантия прав личности от злоупотребления правоприменителя при работе с изымаемыми в ходе производства по уголовному делу предметами.

Еще одной существенной особенностью российского уголовно-процессуального института вещественных доказательств является детализация и дифференциация обращения с различными видами вещественных доказательств, в зависимости от их особенностей: громоздкие предметы, скоропортящиеся товары, наркотические средства и психотропные вещества и т. д. (ст. 82 УПК РФ). Законодательство устанавливает различные сроки хранения и процедуры обращения с каждым видом вещественных доказательств в зависимости от их природы и назначения. В УПК РБ (ст. 98) такие положения отсутствуют. В большей степени белорусский законодатель сосредоточился на общем порядке хранения вещественных доказательств, установлении правил упаковки, маркировки и охраны имущества, поступающего в распоряжение органов предварительного расследования [5, с. 142–143]. Нормы белорусского законодательства носят обобщенный характер и не содержат конкретных рекомендаций касательно сроков хранения и специальных мер применительно к отдельным категориям вещественных доказательств, имеющих означенные выше особенности.

Таким образом, сопоставление регламентации института вещественных доказательств в УПК РБ и УПК РФ свидетельствует о единстве содержания нормативных моделей. Тем не менее, есть ряд особенностей, наиболее существенными из которых являются: 1) закрепление сроков признания объектов вещественными доказательствами в российском уголовно-процессуальном законе и 2) более тщательная регламентация процедуры хранения и уничтожения вещественных доказательств в зависимости от их характеристик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. № 174-ФЗ) (ред. от 20.02.2026) Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. №295-З. URL: https://etalonline.by/ (дата обращения: 07.02.2026).

3. Асадуева С. А., Ахмедов Р. А. Понятие, сущность и значение вещественных доказательств в уголовном процессе // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14, № 4-1. С. 642–648.

4. Василенко А. С. Доказательства и доказывание в уголовном процессе Республики Беларусь // Научный альманах. 2017. № 5–1(31). С. 253–255.

5. Мытник П. В. Иные процессуальные действия, направленные на собирание доказательств // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2023. № 2(46). С. 138–145.

УДК 347.963

Наурзгалиева Линара Закариевна
студент, Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Симферополь, Российская Федерация
lnaurzgalieva@bk.ru

Научный руководитель:
Осадчук Екатерина Александровна
доцент кафедры теории и истории государства и права
Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Симферополь, Российская Федерация
ekaterlna_osadchuk@mail.ru

Актуальные проблемы деятельности прокуратуры по правовому просвещению и информированию как средство профилактики правонарушений и преступлений

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные проблемы нормативного правового регулирования деятельности прокуратуры по правовому просвещению и информированию населения как самостоятельного средства профилактики правонарушений и преступлений. Исследование федерального законодательства, ведомственного приказа Генерального прокурора РФ и научной литературы позволяет выявить ключевые противоречия между реально осуществляемой правопросветительской деятельностью прокуратуры и ее нормативным закреплением, а также провести сравнительно-правовой анализ с законодательством Республики Узбекистан.*

Ключевые слова: *правовое просвещение, правовое информирование, прокуратура, профилактика правонарушений, компетенция прокурора, Закон о прокуратуре, Федеральный закон № 182-ФЗ, сравнительно-правовой анализ.*

Naurzgaliyeva Linara Zakariyevna
student, Crimean Law Institute (branch)
University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation
Simferopol, Russian Federation

Scientific supervisor:
Osadchuk Ekaterina Alexandrovna
associate professor, department
of theory and history of state and law
Crimean Law Institute (branch) University
of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation
Simferopol, Russian Federation

© Наурзгалиева Л. З., 2026

Current problems of the prosecutor's office activities in legal education and information as a means of preventing offenses and crimes

Annotation. *The article examines current problems of legal regulation of the prosecutor's office activities in legal education and information of the population as an independent means of preventing offenses and crimes. The study of federal legislation, the by-law order of the Prosecutor General of the Russian Federation, and scientific literature reveals key contradictions between the actually implemented legal educational activities of the prosecutor's office and their regulatory consolidation, as well as provides a comparative legal analysis with the legislation of the Republic of Uzbekistan.*

Keywords: *legal education, legal information, prosecutor's office, prevention of offenses, competence of the prosecutor, Law on the Prosecutor's Office, Federal Law No. 182-FZ, comparative legal analysis.*

На нынешнем этапе становления отечественной системы государственного управления среди ключевых направлений работы прокурорских органов особо выделяется необходимость повышения правовой осведомленности различных слоев населения. Это обусловлено тем, что без понимания гражданами содержания законов невозможно требовать от них их неукоснительного соблюдения. Просветительская работа в области права и систематическое доведение до людей юридически значимых сведений все чаще рассматриваются как обособленное направление в деятельности надзорного ведомства, которое приобретает все большее значение в механизме недопущения противоправных поступков и преступных деяний. Данный вектор работы позволяет не только информировать общество о существующих правовых нормах, но и формировать уважительное отношение к закону в целом. Вместе с тем, как свидетельствует изучение нормативных источников и обобщение опыта правоприменения, это направление сопряжено с множеством трудноразрешимых вопросов, которые нуждаются в теоретическом анализе и выработке практических рекомендаций. Без их решения сама деятельность останется уязвимой с точки зрения законности.

Президентом Российской Федерации 28 апреля 2011 г. за № Пр-1168 утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, в соответствии с которыми задачей государства является пропаганда и разъяснение необходимости соблюдения гражданами своих обязанностей, уважения прав и законных интересов других лиц [7].

Базовым документом, который устанавливает порядок осуществления предупредительной деятельности государственными и муниципальными органами в нашей стране, является Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ, получивший название «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (в дальнейшем по тексту – Закон о профилактике). Данный нормативный акт стал важным шагом на пути к созданию единой системы предупреждения правонарушений, объединяющей усилия различных ведомств. Указанный законодательный акт включает прокуратуру в перечень субъектов, уполномоченных на проведение профилактических мероприятий, и соответствующее предписание содержится в статье 5 этого Закона [5]. Таким образом, законодатель формально признает за прокуратурой роль активного

участника профилактического процесса, однако характер и объем соответствующих полномочий остаются нераскрытыми.

В статье 17 Закона о профилактике приведен перечень форм профилактического воздействия. Весьма показательно, что правовое просвещение и информирование граждан расположены в этом перечне на первом месте, что убедительно говорит об их первостепенной роли во всей системе превентивных мер, используемых на территории России [5]. Такое расположение вряд ли является случайным и отражает волю законодателя признать информационно-разъяснительную работу фундаментом предупреждения противоправного поведения. Этим законодатель однозначно демонстрирует, что без качественного информирования населения любые иные профилактические меры будут малоэффективны. Вместе с тем само по себе упоминание правового просвещения и информирования в законе еще не означает наличия у прокуратуры реальных инструментов для его осуществления.

Более детальная конкретизация рассматриваемой сферы деятельности содержится в ведомственном нормативном акте. В частности, пункт 1.3 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 5 марта 2018 года № 119 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по исполнению требований Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации», устанавливает, что профилактическое воздействие со стороны прокуратуры реализуется, помимо прочего, через правовое просвещение и информирование [6].

Как установлено в статье 1 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее именуемого Законом о прокуратуре), прокуратура является единой федеральной централизованной системой органов, которые от имени государства осуществляют надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законодательства, надзор за соблюдением прав и свобод личности, уголовное преследование в пределах своих полномочий, а также реализуют иные функции, прямо предусмотренные законом [2]. Данное определение имеет принципиальное значение, поскольку оно задает жесткие рамки компетенции прокурорской системы.

В то же время приходится признать, что такой вид деятельности, как правовое просвещение и информирование, в тексте Закона о прокуратуре отсутствует, т. е. не отнесен к числу функций надзорного ведомства [4]. Более того, указанное направление не обрело ясного нормативного закрепления и в Законе о профилактике, и это связано не только с нечеткостью и оценочным характером формулировок его семнадцатой статьи, на что уже обращалось внимание выше, но и с отсутствием в этом законе механизма реализации просветительской функции. Следовательно, имеет место серьезный законодательный пробел, требующий устранения.

Изучение части 1 статьи 9 Закона о профилактике позволяет утверждать, что полномочия прокурора в профилактической области фактически ограничиваются надзором за соблюдением законодательных требований федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом РФ, региональными и муниципальными органами, а также их должностными лицами – в порядке, который установлен Законом о прокуратуре [5]. Иными словами,

прокурор вправе проверять, как другие субъекты профилактики выполняют свои обязанности, но сам непосредственной профилактической работой с гражданами не занимается. Одновременно с этим часть 2 указанной статьи наделяет органы прокуратуры полномочиями субъекта профилактики правонарушений, но исключительно в рамках их собственной компетенции. Однако, как было показано выше, Закон о прокуратуре такой компетенции в сфере правового просвещения не содержит, что порождает внутреннее противоречие между двумя федеральными законами [5].

Как совершенно верно подмечает исследователь Т. Г. Воеводина, у прокуратуры отсутствует самостоятельная компетенция по непосредственному проведению профилактической деятельности, и речь в данном случае может идти лишь о надзоре за соблюдением законов, регулирующих профилактику правонарушений иными субъектами [1, с. 60]. Этот вывод представляется вполне обоснованным, поскольку он напрямую вытекает из буквального толкования приведенных выше нормативных предписаний, не требующего никаких дополнительных разъяснений. Таким образом, законодатель фактически свел участие прокурора в профилактике правонарушений в основном к надзорным функциям, не предоставив ему самостоятельных властных инструментов для реализации профилактических мер. Такая ситуация вряд ли соответствует той роли, которую прокуратура реально играет в правовом просвещении населения.

Проведенный анализ Закона о профилактике свидетельствует о том, что законодатель не наделил прокурора конкретными профилактическими полномочиями, оставив эту сферу в значительной степени неурегулированной. Аналогичная картина наблюдается и в Законе о прокуратуре, где соответствующие полномочия также отсутствуют, несмотря на многолетнюю фактическую реализацию правопросветительской работы. Между тем, как совершенно справедливо указывается в юридической литературе, для действенного осуществления профилактики правонарушений прокурору требуются особые полномочия именно профилактического характера, которые принципиально отличаются от его привычных надзорных, координационных и процессуальных функций [2, с. 170]. Без такого инструментария надзорный орган оказывается существенно ограничен в способности напрямую влиять на причины и условия, способствующие совершению правонарушений, и вынужден действовать лишь опосредованно.

В обсуждении возможных путей совершенствования российского законодательства в области профилактики правонарушений заслуживает самого пристального внимания опыт зарубежных стран и, в частности, Республики Узбекистан. Правовая система этого государства отличается четкостью и конкретностью при определении форм профилактического воздействия, применяемых органами прокуратуры. Весьма показательно, что на прокуратуру Узбекистана возложены законодательно закрепленные обязанности по пропаганде законов среди населения. Данное различие имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение.

Ключевое различие между российским Федеральным законом № 182-ФЗ и узбекским Законом «О профилактике правонарушений» от 14 мая 2014 года № ЗРУ-3711 заключается в степени детализации полномочий субъектов профи-

лактики. Российский законодатель избрал путь обобщенных, рамочных формулировок, тогда как законодатель Узбекистана – путь персонифицированного подхода, при котором каждому органу четко предписано, что он должен делать [3]. В узбекском законе полномочия каждого субъекта профилактической деятельности прописаны отдельно, что исключает необходимость обращения к подзаконным актам или доктринальному толкованию для уяснения содержания своих обязанностей. Данный подход представляется более предпочтительным, поскольку он создает правовую определенность и исключает разночтения в правоприменительной практике, которые столь характерны для российского законодательства.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что действующие редакции Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» нуждаются в существенной корректировке. Представляется целесообразным внести следующие изменения. Во-первых, часть 2 статьи 1 Закона о прокуратуре целесообразно дополнить положением, закрепляющим в качестве самостоятельной функции прокуратуры правовое просвещение и правовое информирование населения. Во-вторых, необходимо скорректировать положения части 1 статьи 9 Закона о профилактике, возложив на органы прокуратуры не только надзор за исполнением законодательства в сфере профилактики правонарушений, но и реализацию иных полномочий, предусмотренных как самим Законом о профилактике, так и Законом о прокуратуре и иными федеральными законами. В-третьих, требуется детализировать полномочия каждого субъекта профилактической деятельности, исключив отсылочные и оценочные формулировки.

Таким образом, ключевая проблема заключается в очевидном несоответствии между реально осуществляемой прокуратурой правопросветительской деятельностью, которая ведется на протяжении длительного времени и доказала свою социальную значимость, и ее нормативным обеспечением, которое остается фрагментарным и противоречивым. Анализ зарубежного опыта, в частности законодательства Республики Узбекистан, убедительно свидетельствует о том, что обозначенная проблема может и должна быть разрешена именно на законодательном уровне. Внесение изменений в Закон о прокуратуре, прямо и недвусмысленно устанавливающих обязанность прокурорских работников осуществлять правовое просвещение, станет важным шагом на пути повышения эффективности профилактики правонарушений и укрепления доверия граждан к органам прокуратуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воеводина Т. Г. Профилактика правонарушений и прокурорский надзор: проблематичные новеллы законодательства // Законодательство и экономика. 2016. № 9. С. 58–62.

2. Магомедов М. А. Профилактическая функция прокуратуры Российской Федерации и совершенствование ее правового регулирования. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profilakticheskaya-funktsiya-prokuratury-rossiyskoy-

federatsii-i-sovershenstvovanie-ee-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 10.04.2026).

3. О профилактике правонарушений : Закон Республики Узбекистан от 14 мая 2014 г. № ЗРУ-371. URL: https://lex.uz (дата обращения: 10.04.2026).

4. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 29 декабря 2025 г.). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

6. Приказ Генерального прокурора РФ от 5 марта 2018 г. № 119 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по исполнению требований Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ „Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации“». URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

7. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утверждены Указом Президента РФ от 28 апреля 2011 г. № Пр-1168. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 347.965

Печурина Дарья Николаевна
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
darya.pechurina1976@mail.ru

Сиверская Людмила Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lsiverskaya@yandex.ru

Значение принципа независимости защитника в уголовном процессе

Аннотация. *В статье рассматривается принцип независимости адвоката-защитника как ключевой элемент правового статуса участника уголовного судопроизводства. Проводится анализ содержания независимости защитника, его разграничение с понятием институциональной независимости адвокатуры, исследуется система законодательных гарантий.*

Ключевые слова: *адвокат-защитник, независимость адвоката, уголовное судопроизводство, право на защиту, гарантии адвокатской деятельности, процессуальная самостоятельность.*

© Печурина Д. Н., Сиверская Л. А., 2026

Pechurina Daria Nikolaevna
master's student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Siverskaya Lyudmila Anatolyevna
candidate of law, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The significance of the principle of defender's independence in criminal proceedings

Annotation. *The article examines the principle of independence of a defense attorney as a key element of the legal status of a participant in criminal proceedings. It analyzes the content of the defender's independence, distinguishes it from the concept of institutional independence of the legal profession, and explores the system of legislative guarantees.*

Keywords: *defense lawyer, lawyer's independence, criminal proceedings, right to defense, guarantees of lawyer's activity, procedural independence.*

Конституция Российской Федерации в части 2 статье 48 устанавливает, что каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения [1].

В соответствии с частью 1 статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу [2].

При этом во 2 статье Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» указано, что адвокатом является лицо, получившее в установленном настоящим Федеральным законом порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность.

Независимость в качестве принципа деятельности адвокатуры заложена законодателем в статье 3 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которая закрепляет, что адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. Адвокатура действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также принципа равноправия адвокатов [3].

Несомненно, нельзя не согласиться с мнением Т. А. Курдиной о том, что адвокатура как негосударственный институт, призванный способствовать защите прав конкретного доверителя, т. е. защищая частный интерес, одновре-

менно исполняет государственную функцию оказания квалифицированной юридической помощи, реализуя задачи общегосударственного значения.

Этот дуализм обязывает государство в лице органов власти обеспечивать гарантии независимости адвоката, поскольку надлежаще исполнять обязанности по оказанию квалифицированной юридической помощи, гарантированной государством, адвокат может только будучи полностью независимым от какого-либо вмешательства в свою деятельность [4].

В. И. Сергеева, раскрывая принцип независимости адвокатуры, говорит о том, что адвокат при осуществлении адвокатской деятельности не может быть связан никакими приказами, указаниями и иными формами воздействия на него со стороны органов адвокатского сообщества, адвокатского образования, другими внешними факторами и является самостоятельной фигурой в выборе форм и методов защиты или других видов юридической помощи, основываясь только на законе и воле своего доверителя, если она не противоречит закону [5].

А. В. Коршунов, говоря о независимости адвокатов, упоминает о том никто не вправе вмешиваться в оказание адвокатом юридической помощи по каждому делу, находящемуся в его производстве, и давать ему указания, как и что он должен делать. Под «никто» он понимает органы государственной власти, органы местного самоуправления, любые организации, органы адвокатских палат, адвокатские образования [6].

Мы солидарны с утверждением А. В. Коршунова, поскольку, по нашему мнению, независимость адвоката-защитника является многогранной категорией и действительно заключается в свободе от давления со стороны не только государственных органов, как отмечалось выше, но и со стороны средств массовой информации, профессионального сообщества адвокатов, а также и со стороны клиента.

Таким образом, независимость адвоката-защитника играет ключевую роль в обеспечении не только объективности уголовного процесса, но и реального равенства сторон, что является неотъемлемым условием состязательности судопроизводства.

С точки зрения содержания принципа независимости адвоката – защитника, данное положение подчеркивает, что защитник должен быть полностью свободен в выборе средств и методов отстаивания позиции своего подзащитного, не подвергаясь влиянию извне.

При этом Е. Г. Тарло отмечает, что позиция защитника, несомненно, связана волей подзащитного, так как он скорее представитель своего доверителя, нежели самостоятельный участник процесса, и что отрицание этого положения и обоснование полной независимости защитника чревато грубейшими нарушениями права на защиту, снижением уровня правосудия, ростом числа судебных ошибок, связанных с осуждением невиновных [7].

Мы не можем согласиться с позицией Е. Г. Тарло о том, что адвокат-защитник является лишь представителем воли подзащитного и не обладает процессуальной самостоятельностью. Подобный подход существенно ограничивает профессиональную роль защитника в уголовном процессе и противоречит современным принципам организации адвокатской деятельности.

Во-первых, адвокат – это не просто представитель доверителя, а самостоятельный субъект уголовного процесса, обладающий собственными процессуальными правами и обязанностями, закрепленными в УПК РФ.

Во-вторых, полная зависимость адвоката от позиции подзащитного может привести к нарушению принципов профессиональной этики, поскольку адвокат обязан действовать строго в рамках закона, даже если это противоречит позиции клиента.

В-третьих, именно процессуальная самостоятельность защитника позволяет ему объективно оценивать доказательства, заявлять ходатайства и жалобы, которые сам подзащитный может не рассматривать как значимые, но которые имеют существенное значение для дела.

Кроме того, в условиях современного медийного давления, когда уголовные дела нередко становятся предметом публичного обсуждения, адвокат должен сохранять профессиональную автономию, не допуская, чтобы внешние факторы влияли на его стратегию.

Важно отметить, что независимость адвоката-защитника напрямую связана с принципом состязательности, поскольку только при наличии равных возможностей сторон – обвинения и защиты – суд может объективно оценить доказательства и принять справедливое решение. Если адвокат лишен реальной самостоятельности, например, из-за давления со стороны следственных органов или корпоративных структур адвокатуры, баланс нарушается.

Таким образом сам принцип независимости адвоката-защитника в уголовном процессе раскрывается через свободу от неправомерного внешнего влияния, процессуальную самостоятельность (в границах закона и кодекса профессиональной этики), профессиональную дистанцию по отношению к доверителю, а также корпоративную независимость.

Значение этого принципа заключается в том, что именно эти качества позволяют адвокату реально, а не формально защищать интересы доверителя в условиях, когда государственные органы обвинения обладают властными полномочиями.

По мнению Г. И. Сибирцева, независимость адвоката-защитника включает внутреннюю и внешнюю стороны. Внешняя сторона независимости включает ее законодательное обеспечение, систему гарантий, предусмотренных действующим законом, обеспечивающих отсутствие влияния третьих лиц на деятельность защитника. Внутренняя независимость адвоката-защитника представляет собой готовность и умение поступать сообразно требованиям закона и нравственности. Без наличия убежденности защитника в собственной независимости система даже самых совершенных гарантий будет лишена всякого смысла [8].

Данное утверждение подчеркивает ключевое значение принципа: внешние гарантии бесполезны без внутренней убежденности адвоката, и именно эта убежденность превращает защиту из формальной в реальную.

Законодатель оправданно стремится усилить независимость адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, предоставляя им дополнительные гарантии.

Согласно исследованию, проведенному А. В. Ивановым, независимость адвокатов «является гарантией правовой защиты и используется как основа для создания доверительных отношений между адвокатами и их клиентами» [9].

Это раскрывает еще одно значение принципа независимости: без него невозможно доверие, а без доверия – полноценная и эффективная защита.

Гарантии профессиональных прав адвокатов-защитников представляют собой систему правовых средств, обеспечивающих полноценную реализацию их процессуальных полномочий при осуществлении защиты в уголовном судопроизводстве. Эти гарантии имеют особое значение, поскольку именно они создают необходимые условия для эффективного выполнения адвокатом своей конституционной функции – обеспечения права на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ).

При этом обеспечение независимости адвокатского сообщества не ограничивается закреплением в законодательстве описанных гарантий, а предполагает существование развитой системы адвокатского самоуправления.

Значение принципа независимости многогранно и затрагивает как интересы конкретного подзащитного, так и функционирование всей системы правосудия в целом. Прежде всего, независимость адвоката выступает необходимым условием реализации конституционного права каждого на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ).

Только будучи свободным от какого-либо внешнего давления, адвокат может объективно оценивать обстоятельства дела, избирать оптимальную стратегию защиты и использовать все предусмотренные законом средства для отстаивания интересов доверителя. Кроме того, независимость приобретает особое значение в контексте обеспечения баланса между стороной обвинения и защиты. В условиях, когда государственные органы, осуществляющие уголовное преследование, обладают значительными властными полномочиями и ресурсами, только профессионально независимый защитник способен эффективно противостоять возможным злоупотреблениям и обеспечивать равенство сторон в процессе.

Согласно мнению Эдмунда Пикара, следует рассматривать независимость адвоката как «его важнейший долг по отношению к самому себе» [10].

На наш взгляд, в современных условиях значение принципа независимости адвокатов-защитников возрастает. Действительно независимый адвокат, руководствующийся исключительно законом и профессиональной этикой, а не внешними обстоятельствами, может обеспечить полноценную защиту в таких условиях.

Таким образом, реальное действие принципа независимости адвокатуры заключается в том, что это общественная ценность, необходимое условие функционирования правового государства и гарантия защиты прав и свобод каждого гражданина. В этом и состоит ее высшее значение.

Независимость адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве имеет прочную правовую основу, закрепленную на различных уровнях правового регулирования. В настоящее время большинство международных гарантий независимости адвоката получили закрепление на уровне национального законода-

тельства. Сам факт их закрепления подтверждает универсальное значение принципа независимости для демократического правосудия.

Таким образом, значение принципа независимости защитника в уголовном процессе состоит в том, что он является необходимым условием:

– реальной состязательности и равенства сторон;

– доверительных отношений между адвокатом и доверителем;

– эффективной реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь;

– предотвращения злоупотреблений со стороны правоохранительных органов;

– функционирования правового государства и защиты прав человека, гарантированных действующим законодательством Российской Федерации.

Без независимости адвоката правосудие теряет свою справедливую природу и превращается в формальную процедуру, где у обвиняемого нет реального защитника. Именно в этом заключается подлинное значение принципа независимости адвоката-защитника в уголовном процессе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). URL: www.consultant.ru (дата обращения: 15.03.2026).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения:15.03.2026).

3. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 22.04.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/0c312832dba108270ca97b189aa65480e15a93f9/ (дата обращения: 17.03.2025).

4. Курдина Т. А. Правовые позиции конституционного суда РФ по вопросам независимости адвокатуры как особого института гражданского общества. URL: https://cyberleninka.ru /article/n/pravovye-pozitsii-konstitutsionnogo-suda-rf-po-voprosam-nezavisimosti-advokatury-kak-osobogo-instituta-grazhdanskogo-obschestva (дата обращения: 18.03.2026).

5. Адвокатура в России : учебник для вузов / под ред. В. И. Сергеева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2019. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/advokatura_v_rossii_uchebnik_dlya_vuzov/ (дата обращения: 25.03.2026).

6. Коршунов А. В., Анисимов А. Г. Участие адвоката в уголовном судопроизводстве РФ : учеб. пособие. Иркутск : Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. 126 с. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47946471 (дата обращения: 25.03.2026).

7. Тарло Е. Г. Проблемы профессионального представительства в судопроизводстве России : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. 29 с.

8. Сибирцев Г. И. Обеспечение и реализация независимости адвоката-защитника в уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов. 2018. 32 с.

9. Иванов А. В. Гарантии независимости адвокатов и пути их совершенствования // Евразийская адвокатура. 2014. № 6(13). С 57–65.

10. Пикар Эдмон. Об адвокате: (Парадокс): (Paradoxe sur l'avocat). М., 1898. 120 с.

УДК 343.1

Половинкина Полина Евгеньевна
командир отделения факультета
подготовки сотрудников для подразделений
по работе с личным составом
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Российская Федерация
polina.polovinkina.05@mail.ru

Мухортова Юлия Павловна
преподаватель кафедры управления персоналом
и воспитательной работы
Санкт-Петербургский университет МВД России
Санкт-Петербург, Российская Федерация
juliapm@mail.ru

Интерпретационная практика Конституционного Суда Российской Федерации в отношении процессуального статуса потерпевшего

Аннотация. *В статье анализируется интерпретационная практика Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам содержания статуса потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Исследуются ключевые правовые позиции КС РФ, сформулированные в постановлениях последних лет (№ 26-П от 25.05.2023, № 42-П от 01.10.2024, № 24-П от 29.05.2025), которые существенно расширили традиционное понимание субъективного состава и оснований для признания лица потерпевшим. Рассматриваются новые категории потерпевших: несовершеннолетние, вовлеченные в преступную деятельность; лица, отказавшиеся от дачи взятки; наследники потерпевшего и причинителя вреда в части требований о компенсации морального вреда. Формулируются качественные выводы о формировании новой доктринальной парадигмы, ориентированной на приоритетную защиту прав уязвимых категорий граждан и обеспечение реального доступа к правосудию.*

Ключевые слова: *Конституционный Суд РФ, потерпевший, правовые позиции, доступ к правосудию, несовершеннолетние, компенсация морального вреда, расширительное толкование.*

© Половинкина П. К., Мухортова Ю. П., 2026.

Polovinkina Polina Evgenievna
department commander of the faculty of training
of employees for units on work with personnel
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation

Mukhortova Yulia Pavlovna,
lecturer at the department of personnel management and educational work
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation

The Constitutional Court of the Russian Federation's interpretation of the procedural status of the victim

Annotation. *The article analyzes the interpretation practice of the Constitutional Court of the Russian Federation on the content of the status of a victim in criminal proceedings. It examines the key legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation formulated in recent years (No. 26-P dated May 25, 2023, No. 42-P dated October 1, 2024, and No. 24-P dated May 29, 2025), which have significantly expanded the traditional understanding of the subjective composition and grounds for recognizing a person as a victim. The article considers new categories of victims: minors involved in criminal activity; individuals who refused to give a bribe; and heirs of the victim and the person who caused harm in terms of claims for compensation for non-pecuniary damage. The article formulates qualitative conclusions about the formation of a new doctrinal paradigm focused on the priority protection of the rights of vulnerable categories of citizens and ensuring real access to justice.*

Keywords: *Constitutional Court of the Russian Federation, victim, legal positions, access to justice, minors, compensation.*

Интерпретационная практика Конституционного Суда Российской Федерации играет ключевую роль в развитии института потерпевшего, наполняя неоднозначно регламентированные законодателем законодательные конструкции конкретным содержанием и адаптируя их к реалиям современного правоприменения. Именно в решениях КС РФ получают свое развитие конституционные принципы верховенства права, справедливости и приоритетной защиты достоинства личности, что позволяет преодолевать формализм законодательных формулировок и обеспечивать реальную, а не декларативную защиту прав лиц, пострадавших от преступлений. Анализ правовых позиций Конституционного Суда последних лет позволяет выявить последовательную тенденцию к расширительному толкованию как субъективного состава потерпевших, так и оснований для признания лица таковым, что свидетельствует о формировании новой доктринальной парадигмы в уголовном судопроизводстве.

Особую социальную и правовую значимость приобретает интерпретация статуса потерпевшего применительно к несовершеннолетним. Традиционное понимание потерпевшего как лица, которому преступлением непосредственно причинен физический, имущественный и моральный вред, в отношении несовершеннолетних подверглось существенной трансформации в сторону расширительного толкования. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 года № 26-П была сформулирована принципиально важная право-

вая позиция: несовершеннолетний, вовлекаемый в совершение преступления любым способом, становится жертвой преступного посягательства со стороны взрослого, поскольку он оказывается под пагубным влиянием, способным сформировать представление о допустимости преступного поведения, а также негативного отношения к правам других лиц, к ценностям общества и государства [4]. Суд конституционно закрепил, что несовершеннолетний признается потерпевшим не только в случае прямого причинения ему вреда, но и тогда, когда он был вовлечен в преступную деятельность любым способом, включая ситуации, когда физическое или психическое принуждение отсутствует. Данный подход основывается на конституционных принципах государственной защиты детства, закрепленных в статье 38 Конституции РФ, а также на международно-правовых обязательствах России, вытекающих из Конвенции о правах ребенка. Сам факт вовлечения несовершеннолетнего в орбиту преступных действий рассматривается как самостоятельная форма причинения ему вреда, носящего прежде всего социально-психологический и нравственный характер. Научное сообщество в целом поддерживает и развивает данную позицию. Так, В. В. Воронова отмечает, что «признание потерпевшим несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления, является мерой его реабилитации и защиты от дальнейших криминальных посягательств, поскольку позволяет официально зафиксировать его статус жертвы, а не соучастника» [2, с. 78]. А. Е. Бойцов указывает, что «расширительное толкование вреда в данном случае оправдано необходимостью противодействия латентным формам эксплуатации детей, когда манипуляция, обман или злоупотребление доверием заменяют собой прямое принуждение» [1, с. 46]. П. С. Яни акцентирует внимание на гражданско-правовом аспекте, утверждая, что «совершение любых противоправных действий в отношении несовершеннолетнего, в том числе его вовлечение в преступление, посягает на его право нормального развития и воспитания, что само по себе составляет содержание морального вреда» [7, с. 23]. Примером из практики Верховного Суда РФ служит дело, по которому несовершеннолетняя была признана потерпевшей по факту ее вовлечения в занятия проституцией, хотя изначально она действовала, как представлялось, по собственной воле. Суд указал, что в силу возраста и особенностей психического развития несовершеннолетняя не могла в полной мере осознавать характер и последствия совершаемых в отношении нее действий, что само по себе свидетельствует о причинении ей существенного вреда [3]. Аналогичный подход демонстрируют и суды общей юрисдикции.

Так, Приморским краевым судом по делу о вовлечении несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий были признаны потерпевшими подростки, которых взрослые под предлогом «легкого заработка» систематически привлекали к распитию спиртных напитков в общественных местах, при этом физическое принуждение отсутствовало. Суд исходил из того, что противоправные действия ответчика нанесли ущерб нравственному и психическому развитию несовершеннолетних.

Дальнейшее развитие интерпретационной практики процессуального толкования Конституционным Судом РФ демонстрирует Постановление от 1 октября 2024 года № 42-П, распространившее статус потерпевшего на лиц, отказавшихся

от дачи взятки и сообщивших о противоправном предложении в правоохранительные органы [5]. Конституционный Суд отметил, что попытка вовлечения (склонения) лица, отказавшегося дать взятку, в совершение такого коррупционного преступления любым способом, в том числе не связанным с вымогательством взятки, во всяком случае свидетельствует об осуществлении в его адрес противозаконного поведения, выражающего пренебрежительное и (или) негативное отношение не только к установленному порядку осуществления той или иной сферы публично-властной деятельности, но и одновременно к охраняемым законом правам и интересам конкретного человека, включая достоинство его личности. В связи с этим Конституционный Суд указал на необходимость признания лица, которое отказалось от предложения о даче взятки, сообщило о данном предложении в правоохранительные органы и содействовало изобличению виновных, потерпевшим по уголовному делу о получении взятки. Данная правовая позиция имеет принципиальное значение для стимулирования позитивного постпреступного поведения и защиты лиц, противодействующих коррупции.

Не менее важной вехой в развитии института потерпевшего стало Постановление Конституционного Суда РФ от 29 мая 2025 года № 24-П, посвященное вопросам процессуального правопреемства по требованиям о компенсации морального вреда [6]. Суд сформулировал правовую позицию, согласно которой наследники потерпевшего вправе вступать в процесс в порядке правопреемства в отношении неимущественных требований о компенсации морального вреда, причиненного преступлением. Данное решение преодолело длительную правовую неопределенность, связанную с неразрывной связью права на компенсацию морального вреда с личностью потерпевшего, и обеспечило реальную возможность для родственников погибшего защитить свои права. Конституционный Суд РФ также распространил действие правопреемства на наследников причинителя вреда в пределах стоимости наследственного имущества, что создает дополнительные гарантии для потерпевших в случае смерти осужденного.

Проведенный анализ интерпретационной практики Конституционного Суда РФ позволяет сделать вывод о формировании новой доктринальной парадигмы, существенно расширяющей границы традиционного понимания процессуального статуса потерпевшего в уголовном судопроизводстве. Эта парадигма характеризуется отходом от узкого формально-юридического понимания, рассматривающего потерпевшего исключительно сквозь призму прямого причинения физического, имущественного и морального вреда, формируя комплексное, социально ориентированное восприятие жертвы преступления. Исследование правовых позиций КС РФ выявило последовательную тенденцию к расширительному толкованию круга лиц, которые могут быть признаны потерпевшими, с учетом особой социальной уязвимости определенных категорий граждан и необходимости обеспечения приоритетной защиты их конституционных прав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойцов А. Е. Уголовно-процессуальный статус несовершеннолетнего потерпевшего и проблемы его реализации // Российский следователь. 2020. № 5. С. 45–50.

2. Воронова В. В. Процессуальный статус несовершеннолетнего потерпевшего: проблемы теории и практики. М. : Проспект, 2021. 320 с.

3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.03.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 5.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М. В. Золотаревой и В. В. Фроловой» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 23. Ст. 4189.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 01 октября 2024 г. № 42-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Ткаченко» // Российская газета. 2024. 15 октября. С. 7–10.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 24-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Смирновой» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 23. Ст. 4210.

7. Яни П. С. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления: проблемы квалификации и доказывания // Законность. 2019. № 12. С. 23–27.

УДК 343.2/.7

Присухина Яна Анатольевна
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
yanaprisuhina@icloud.com

Мельников Иван Николаевич
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
melnikk44@gmail.com

Отдельные вопросы привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотических средств

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности в сфере незаконного оборота наркотических средств. В работе раскрыты некоторые проблемные вопросы, относящиеся к возрасту несовершеннолетних.*

© Присухина Я. А., Мельников И. Н., 2026

Ключевые слова: *несовершеннолетний, возраст, преступление, оборот наркотических средств, уголовная ответственность.*

Prisukhina Yana Anatolyevna
master's student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich
candidate of juridical sciences, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Separate issues of criminal liability for minors in the sphere of illicit drug trafficking

Annotation. *The article discusses the issues of bringing minors to criminal responsibility in the field of illicit drug trafficking. The work reveals some problematic issues related to the age of minors.*
Keywords: *minor, age, crime, drug trafficking, criminal liability.*

Современная криминальная ситуация в России обусловила повышенный интерес уголовного законодательства к проблеме охраны интересов несовершеннолетнего в уголовном праве.

В этих условиях актуальной задачей становится формирование уголовной политики, ориентированной на предельно возможное изъятие несовершеннолетних из сферы действия уголовного закона и максимальную гуманизацию мер воздействия в отношении них. Однако нельзя забывать, что в сфере уголовно-правовой борьбы с преступностью несовершеннолетних гуманизм неразрывно связан с принципом справедливости, согласно которому наказание или иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступлений, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Согласно статистике МВД России, в 2024 году нарушили закон более 21 тыс. несовершеннолетних, это на 6 % меньше, чем в 2023-м. Из них 15,5 тыс. (74 %) – учащиеся и студенты, 4 тыс. – ранее совершали преступления, 1,5 тыс. – уже были судимы [5].

В первом квартале 2025 года поступило 5904 сообщения о совершенных несовершеннолетними преступлениях, что на 27,5 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Об этом председатель Следственного комитета России Александр Бастрыкин заявил в интервью газете «Ведомости» 30 мая 2025 г. [6].

В России с 2022 года в 1,8 раза выросло число подростковых наркопреступлений. Об этом сообщила официальный представитель МВД России Ирина Волк 10 апреля 2025 года [7].

В России по итогам 2025 года «впервые за длительное время» наметился рост подростковой преступности, сообщил Владимир Путин на расширенном

заседании коллегии МВД. По его словам, доля тяжких и особо тяжких составов среди таких преступлений превысила 40 % [8].

Ранее вопросы вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков традиционно рассматривались с точки зрения пассивного употребления подростками наркотических средств, психотропных веществ, то на современном этапе в сфере незаконного оборота наркотиков несовершеннолетние выступают не только пассивными потребителями наркотиков, но и зачастую активными участниками всего криминального наркотического процесса вместе с взрослыми, а иногда и самостоятельно, организуя и реализуя преступный бизнес.

Указанная позиция представляется обоснованной еще и потому, что свой недостаточно зрелый облик несовершеннолетние граждане в настоящее время могут скрывать путем использования электронных средств коммуникации, а также интернет-магазинов.

Важно понимать, осознает ли несовершеннолетний в полной мере неправомерность своих действий? Объект преступления по ст. 228.1 УК РФ: основной – здоровье населения; дополнительный – урегулированный законом порядок оборота наркотических средств и психотропных веществ. Субъективная сторона преступления по ст. 228.1 УК РФ характеризуется прямым умыслом, осознанием незаконности производства, сбыта или пересылки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и желанием совершения этих действий [3]. Предмет преступления – наркотические средства или психотропные вещества, которые находятся в незаконном обороте. Об умысле на сбыт указанных средств, веществ, растений могут свидетельствовать при наличии к тому оснований их приобретение, изготовление, переработка, хранение, перевозка лицом, самим их не употребляющим, количество (объем), размещение в удобной для передачи расфасовке, наличие соответствующей договоренности с потребителями и т. п.

Считается сомнительной ситуация, когда несовершеннолетний в возрасте от 14 до 16 лет, осуществляя сбыт наркотических средств, не знает, что совершает преступление и не понимает общественной опасности своих деяний. Также вызывает сомнение ситуация, когда несовершеннолетний не является потребителем наркотических средств, веществ и их прекурсоров, но при этом занимается распространением наркотических средств с целью заработка.

Исходя из содержания ч. 2 ст. 20 УК РФ «возраст, с которого наступает уголовная ответственность», несовершеннолетний с 14 лет подлежит уголовной ответственности за совершение преступлений по статье 166 УК РФ «неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения» (преступление против собственности), однако, если тот же несовершеннолетний совершит преступление по статье 228.1 УК РФ «незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» (особенно в части сбыта наркотических средств) (преступление против здоровья населе-

ния и общественной нравственности) до достижения возраста16 лет, то останется безнаказанным [3].

Так по приговору Смоленского областного суда Абрамов признан виновным в совершении хулиганства группой лиц с применением насилия к потерпевшему.

Постановлением судьи в связи с изменениями, внесенными в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 8 декабря 2003 г., Абрамов от назначенного наказания освобожден. В соответствии с указанным Федеральным законом действия, за которые был осужден Абрамов, а именно насилие в отношении потерпевшего без применения каких-либо предметов, состава хулиганства не образуют. Судом установлено, что осужденный нанес потерпевшему побои, уголовная ответственность за эти действия по ст. 116 УК РФ наступает в соответствии с ч. 1 ст. 20 УК РФ с 16 лет [3]. В момент совершения инкриминируемого деяния Абрамову исполнилось полных 14 лет. Таким образом, в действиях Абрамова, как не достигшего возраста привлечения к уголовной ответственности, отсутствует состав преступления, поэтому приговор и постановление судьи отменены, а дело прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ [1, с. 13; 4].

Законодатель считает, что и с 14 лет несовершеннолетний способен осознать общественную опасность изъятия специфического предмета хищения – наркотиков. Тогда как осознать общественную опасность своих действий по незаконному обороту наркотических веществ (сбыту и прочему) по уголовному законодательству лицо способно лишь с 16 лет. Очевидна необходимость устранения этого несоответствия.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» под незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, следует понимать незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т. д.) другому лицу (далее – приобретателю) [2]. При этом сама передача лицом реализуемых средств, веществ, растений приобретателю может быть осуществлена любыми способами, в том числе непосредственно, путем сообщения о месте их хранения приобретателю, проведения закладки в обусловленном с ним месте, введения инъекции.

Ответственность лица за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ наступает независимо от их размера [3].

Проанализировав содержание правовых норм, регулирующих институт привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, разъяснений Верховного суда Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что

в настоящее время процесс цифровизации, развитие интернета, несовершеннолетними совершается больше преступлений с использованием информационно-коммуникационной сети «интернет», в особенности преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств.

В связи с вышеизложенным, институт привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних требует трансформации. Для устранения выявленных нами правовых проблем, мы предлагаем внести изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации» в статью 20 УК РФ:

Внести изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ, а именно после слов «хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (статья 226),» дополнить словами «незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (статья 228), незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (статья 228.1), незаконные приобретение, хранение или перевозка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные приобретение, хранение или перевозка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ (статья 228.3.), незаконные производство, сбыт или пересылка прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ (статья 228.4) [3].

Данное изменение в законодательстве необходимо не только для ужесточения и снижения возраста уголовной ответственности, но также и для нормального развития самих несовершеннолетних. В настоящий момент совершеннолетний, вовлекая подростка, не достигшего возраста уголовной ответственности в совершение преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, предлагает быстрый и легкий заработок. Соответственно несовершеннолетний, не достигший возраста 16 лет соглашается на это понимая, что его не накажут, какой-либо ответственности за содеянное он не понесет.

Полагаем, что сформулированное нами предложение о повышении ответственности за преступления, совершенные несовершеннолетними в сфере незаконного оборота наркотических средств, позволят в дальнейшем рассмотреть вопрос о более строгом наказании для совершеннолетних лиц, за вовлечение подростков, не достигших возраста уголовной ответственности, в преступную деятельность. Изменение законодательства позволит уменьшить подростковую преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств, а также понизить количество несовершеннолетних, употребляющих запрещенные вещества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2004 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 8. С. 13.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». URL: https://www.consultant.ru /document/ cons_doc_LAW_61074 (дата обращения: 14.04.2026).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации 5 июня 1996г. № 63-ФЗ (в ред. от 09.04.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 14.04.2026).

4.Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г., одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 08.03.2026). URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_ 34481 (дата обращения: 14.04.2026).

5. Кубарнеев Э. В. Актуальные вопросы совершенствования государственной политики по декриминализации молодежной среды. URL: https://tass.ru/politika/23596255 (дата обращения: 14.04.2026).

6. Интервью Председателя Следственного комитета России Александра Бастрыкина газете «Ведомости» 30 мая 2025 г. URL: https://www.vesti.ru /article/4525293 (дата обращения: 14.04.2026).

7. Число подростковых наркопреступлений в России выросло в 1,8 раза с 2022 года. URL: https://lenta.ru/news/2025/04/10/v-mvd-zafiksirovali-rost-chisla-podrostkovyh-narkoprestupleniy-v-rossii/ (дата обращения: 14.04.2026).

8. Путин заявил о росте подростковой преступности «впервые за длительное время». URL: https://www.forbes.ru/society/556572-putin-zaavil-o-roste-podrostkovoj-prestupnosti-vpervye-za-dlitel-noe-vrema (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 347.725

Проничев Егор Михайлович
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
Pronichev.e@mail.ru

Проблема неактивных акционеров в акционерных обществах: последствия для корпоративного управления и способы правовой защиты эмитента

Аннотация. *В статье рассматривается проблема неактивных акционеров, наличие которых в акционерном обществе блокирует принятие корпоративных решений и затруд-*

© Проничев Е. М., 2026

няет управление юридическим лицом. Анализируются причины данного явления, связанные с приватизацией и ликвидацией юридических лиц, а также противоречивая судебная практика признания акций бесхозяйными. Автор приходит к выводу об отсутствии эффективных правовых механизмов разрешения ситуации и обосновывает необходимость законодательного вмешательства для упорядочения взаимоотношений общества с данной категорией акционеров.

Ключевые слова: *неактивные акционеры, акционерное общество, бесхозяйная вещь, эмитент.*

Pronichev Egor Mikhailovich
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The problem of inactive shareholders in joint-stock companies: implications for corporate governance and ways of legal protection of the issuer

Annotation. *The article examines the problem of inactive shareholders, whose presence in a joint-stock company blocks corporate decision-making and makes it difficult to manage a legal entity. The article analyzes the causes of this phenomenon related to the privatization and liquidation of legal entities, as well as the contradictory judicial practice of recognizing shares as ownerless. The author comes to the conclusion that there are no effective legal mechanisms for resolving the situation and justifies the need for legislative intervention to streamline the company's relations with this category of shareholders.*

Keywords: *inactive shareholders, joint-stock company, ownerless thing, issuer.*

По данным Федеральной налоговой службы России на начало 2025 года по стране было зарегистрировано 52 671 акционерное общество [5]. Значимость данной организационно-правовой формы юридического лица для современной рыночной российской экономики состоит в том, что именно посредством акционерных обществ осуществляется концентрация капитала, внедряются инновации и формируется значительная часть валового внутреннего продукта. Для стабильного функционирования акционерных обществ требуется устойчивое непротиворечивое законодательное регулирование.

В настоящей статье рассматривается проблема неактивных акционеров, информацию о состоянии которых очень часто невозможно отследить, что создает акционерному обществу немало проблем.

В корпоративном праве данная проблема получила название «мертвые души». Заключается она в том, что немалое число акционеров, числящихся в акционерных обществах, не обновляют сведения о себе, не участвуют в жизни акционерного общества.

Если само по себе присутствие на собраниях акционеров или совершение иных действий, направленных на реализацию своих прав как акционера, не является обязанностью, то обновление данных о себе представляется необходимым. Очень часто такая обязанность закрепляется в уставе или иных актах, связанных с деятельностью общества.

Остановимся более подробно на самой проблеме, ее сущности, а также на негативных последствиях для субъектов хозяйственной деятельности.

«Мертвые души» представляют собой акционеров, которые давно никаким образом не участвуют в процессах, связанных с акционерным обществом: не получают дивиденды, не участвуют в собраниях, не обновляют сведения о себе и в целом никак не поддерживают связь с обществом. Акционер может и вовсе не существовать, как, например, в случаях с ликвидированными юридическими лицами. В подавляющем большинстве случаев, такое поведение не является проявлением воли самого акционера. Очень часто такие акционеры давно ушли из жизни либо же попросту забыли или не знали о наличии в своей собственности акций компании, однако все равно они числятся среди акционеров.

Наличие таковых акционеров по своей сути блокирует принятие важнейших корпоративных решений. Безусловно, акционерное общество может существовать дальше и при наличии неактивных акционеров, однако их наличие блокирует принятие многих важных для акционерного общества решений, а также попросту образует трудноразрешимую проблему, ведь далеко не всегда понятно, что и как делать с такими акционерами и их акциями.

В частности, если таким образом размыта значительная часть пакета акций, мажоритарий не может набрать должного количества голосов для многих значимых действий, как например реорганизации, одобрения сделок с заинтересованностью, крупных сделок и так далее.

Кроме того, на рассылку таким акционерам обязательных уведомлений, в частности при проведении собрания акционеров, общество несет расходы, связанные с этими отправлениями, а также сталкивается с иными трудностями, например с исчезнувшими адресами.

Таким образом, наличие «мертвых душ» для акционерных обществ – это достаточно серьезная проблема, решение которой может потребовать немалых усилий, даже без учета материальных издержек, связанных с судебными процессами по этому вопросу.

Чтобы лучше понять данное явление, необходимо выявить его источники и причины. Само по себе явление неактивных акционеров уходит корнями во времена приватизации. Акционерами становились работники, которые не всегда понимали юридическое значение обладания акциями. В результате данные акционеры продолжали числиться в списках, а регистраторы не могли ничего сделать с данным явлением.

Также нередки среди «мертвых душ» и акционеры в виде ликвидированных юридических лиц.

Определение Верховного Суда РФ от 15декабря 2022 г. № 304-ЭС22-10636 по делу № А27-24426/2020 четко говорит, что эмитент акций не наделен полномочиями самостоятельно распоряжаться ценными бумагами [3].

Реестродержатель также лишен права в одностороннем порядке, пускай и по воле эмитента, вывести акционера из реестра. Действующим законодательством в целом не установлены возможности защиты интересов эмитента в данном случае.

На данный момент сложилась практика судебного признания акций, принадлежащих неактивным акционерам бесхозяйным имуществом, с последующим признанием права собственности на них эмитента путем зачисления на казначейский счет [1].

По общему правилу, для признания имущества бесхозяйным и получения права собственности на него, истец должен в судебном порядке доказать, что эта вещь не имеет собственника и его невозможно установить, либо собственник отказался от вещи, а также что истец вступил во владение имуществом и владеет им добросовестно, открыто и непрерывно в течение пяти лет.

Регистратор обычно в таких спорах выступает ответчиком. Это обусловлено тем, что непосредственно регистратор осуществляет ведение реестра акций.

Примером такой практики является Определение Верховного Суда РФ от 03 августа 2021 г. № 304-ЭС21-12087 по делу № А75-15245/2019. В рассматриваемом случае было отказано в передаче жалобы для рассмотрения в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ по следующему основанию: «Судебными инстанциями учтено, что ликвидированное юридическое лицо, ранее являвшееся акционером, имеет правопреемников в лице своих участников (акционеров), обладающих правом на ликвидационную квоту либо в случае ликвидации юридического лица в результате завершения конкурсного производства правами на распределение обнаруженного имущества юридического лица обладают его неудовлетворенные кредиторы» [2].

Позиция Верховного Суда РФ в указанном случае представляется верной и справедливой, поскольку акции, принадлежащие ликвидированному юридическому лицу, должны быть переданы в порядке правопреемства, в случае если правопреемники имеются.

Однако сложность в том, что без обращения в суд невозможно определить наличие правопреемников. Регистратору или самому эмитенту узнать о правопреемстве, а также о том, кто именно выступает таковым правопреемником без воли и активных действий самого правопреемника не представляется возможным.

Особо трудными представляются случаи, когда неактивными акционерами являются физические лица. Если для юридического лицам хотя бы можно определить его статус, определить на основании ЕГРЮЛ ликвидировано ли оно, узнать его юридический адрес, то в случае с акционером – физическим лицом вообще неясно является ли адрес, указанный в реестре акционеров актуальным, непонятно, как связаться с ним, а главное неизвестно, жив ли вообще данный акционер.

В данном случае процесс признания акции бесхозяйной, а также в целом какие-либо действия с данными акционерами и их акциями могут быть затруднены и затянуты и вовсе становятся невозможны без обращения в суд, поскольку само общество не имеет законных оснований и способов каким-либо получить информацию об акционере – физическом лице.

Кроме того, суды нередко отказывают в удовлетворении подобных требований.

Так, Определением Верховного Суда РФ от 17 мая 2023 г. № 301-ЭС23-2760 по делу № А82-8947/2021 суд отказал в передаче кассационной жалобы на рассмотрение коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, изложив в среди доводов, следующие обстоятельства: «акции, как бездокументарные ценные бумаги, не являются индивидуально определенной вещью, в связи с чем не могут быть признаны бесхозяйными» а также, указаны доводы о том, что акции подлежат наследованию, а в случае отсутствия наследников акции должны считаться выморочным имуществом и должны перейти в собственность государства. Судом также отмечено, что для приобретения выморочного имущества принятие наследства не требуется [4].

Таким образом, Верховный Суд РФ в данном деле фактически обозначил необходимость перехода акций к последующим наследникам. Однако, на наш взгляд, это не способствует решению проблемы, а скорее, наоборот, в какой-то мере усугубляет ее. Дело в том, что никаким образом решить вопрос неактивных акционеров без обращения в суд в данный момент не представляется возможным. Одновременно с этим остается непонятным дальнейшим порядок действий при таком решении суда. Представляется правильным, что наследники должны быть, как минимум, уведомлены о наличии среди наследства акций общества, или же в случае, если наследует государство, должны быть совершены активные действия со стороны уполномоченного государственного органа по вступлению в наследство и принятию в собственность акций. На деле же подобные решения судов не содержат упоминания каких-либо мер, принятых судами для фактического разрешения ситуации. Акционерное общество не получает каких-либо данных о наследниках, собственно, не может самостоятельно уведомить наследников. Регистратор также не имеет подобных полномочий. В таком случае акционерному обществу лишь остается ожидать, когда судьбой акций озаботится наследник или собственник.

Представляется необходимым внедрить механизмы, с помощью которых общество смогло бы действовать в таких ситуациях. В частности, для решения проблемы неактивных акционеров возможность самостоятельного исключения неактивных лиц из реестра акционеров, предоставив соответствующие полномочия регистратору, а за эмитентом закрепить право выкупа акций. Также целесообразно на основе сложившейся судебной практики признания акций бесхозяйным имуществом разработать нормативные положения, обязательные для применения.

Проблема неактивных акционеров продолжает существовать и прогрессировать, что следует из количества судебных споров дел в последние несколько лет. Данный вопрос требует от законодателя оперативного вмешательства и разрешения в целях устранения неопределенности и сложностей управления акционерными обществами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Байбекова Э. Ф., Иванов Д. С. «Мертвые души» в деятельности акционерного общества: правовая сущность и юридические последствия // Legal Concept = Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 2. С. 143–149.

2. Определение Верховного Суда РФ от 03 августа 2021 г. № 304-ЭС21-12087 по делу № А75-15245/2019. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-03082021-n-304-es21-12087-po-delu-n-a75-152452019/ (дата обращения: 10.04.2026).

3.Определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 304-ЭС22-10636 по делу № А27-24426/2020. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15122022-n-304-es22-10636-po-delu-n-a27-244262020/ (дата обращения: 10.04.2026).

4. Определение Верховного Суда РФ от 17 мая 2023 г. № 301-ЭС23-2760 по делу № А82-8947/2021. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=AMS;n=555947#6eTanGV0q5KmOQ6p (дата обращения: 10.04.2026).

5. Федеральная налоговая служба России: на начало года общее количество юрлиц и индивидуальных предпринимателей составило более 3,2 млн. URL: https://incrussia.ru/news/fns-rossii-na-nachalo-goda-obshhee-kolichestvo-yurlits-i-individualnyh-predprinimatelej-sostavilo-bolee-3-2-mln/ (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 347.9

Пухнаревич Анна Сергеевна
студент, Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: anya_pukhnarevich@mail.ru

Научный руководитель:
Жук Мария Генриховна
кандидат юридических наук, доцент
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
г. Гродно, Республика Беларусь
E-mail: mzhuk59@mail.ru

Искусственный интеллект как инструмент цифровой трансформации уголовного судопроизводства: международный опыт и перспективы внедрения в Республике Беларусь

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта в систему уголовного судопроизводства в контексте цифровой трансформации правосудия. Цель исследования – комплексный анализ международного опыта применения искусственного интеллекта в судебной деятельности (на примере Германии и Китая) и определение перспектив его имплементации в правовую систему Республики Беларусь.*

© Пухнаревич А. С., 2026

Ключевые слова: *искусственный интеллект, цифровая трансформация, уголовное судопроизводство, цифровизация правосудия.*

Pukhnarevich Anna Sergeevna
student, Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Republic of Belarus

Scientific supervisor:
Zhuk Maria Genrichovna
candidate of legal sciences, docent
Yanka Kupala Grodno State University
Grodno, Republic of Belarus

Artificial intelligence as a tool for the digital transformation of criminal justice: international experience and prospects for implementation in the Republic of Belarus

Annotation. *The article discusses the theoretical and practical aspects of introducing artificial intelligence technologies (hereinafter referred to as AI) into the criminal justice system in the context of digital transformation of justice. The purpose of the study is to provide a comprehensive analysis of international experience in using AI in judicial activities (using the examples of Germany and China) and to determine the prospects for its implementation in the legal system of the Republic of Belarus.*

Keywords: *artificial intelligence, digital transformation, criminal justice, digitalization of justice.*

Искусственный интеллект – это сложный комплекс технологических решений, воспроизводящий когнитивные функции человека: способность мыслить, решать проблемы, обучаться без жесткого программирования шагов. В отличие от традиционных алгоритмов, искусственный интеллект способен самостоятельно находить решения, адаптироваться к изменяющимся условиям и даже совершенствовать свои методы работы. Это позволяет ему достигать результатов, сопоставимых с интеллектуальной деятельностью человека, а в некоторых случаях даже превосходить ее.

Ученые активно обсуждают использование искусственного интеллекта в судебной системе. Особое внимание уделяется двум основным направлениям его применения, как предлагает, например, В. В. Момотов: во-первых, оптимизация административной работы судов, и, во-вторых, непосредственное участие искусственного интеллекта в процессе отправления правосудия [2, с. 189]. Это означает, что искусственный интеллект может использоваться как для повышения эффективности внутренних процессов суда (например, автоматизация документооборота), так и для непосредственной поддержки судей в принятии решений (например, анализ больших объемов данных для выявления закономерностей или прогнозирования исходов дел).

Внедрение искусственного интеллекта повышает доступность правосудия: автоматизация ускоряет получение гражданами правовой информации, снижает нагрузки на суды и минимизирует влияние человеческого фактора, ук-

репляя доверие к судебной системе. Таким образом, использование передовых информационных технологий в судебной практике открывает новые горизонты для улучшения работы судов и повышения качества правосудия в целом.

Внедрение искусственного интеллекта в судебную систему, несмотря на очевидные преимущества, порождает целый ряд новых, сложных правовых проблем, значительно превосходящих по масштабу вызовы, связанные с использованием более простых информационных технологий.

Рассмотрим эти проблемы подробнее, начиная с классических вызовов, связанных с цифровизацией правосудия, которые, хотя и менее масштабны, чем проблемы, порождаемые искусственным интеллектом, все же требуют пристального внимания. Уже на этапе использования базовых информационных технологий для фиксации, хранения и передачи судебной информации возникают серьезные вопросы обеспечения безопасности данных. Речь идет не только о предотвращении утечки конфиденциальной информации, но и о защите персональных данных участников процесса.

Сложность идентификации участников цифровой коммуникации, верификации подлинности электронных документов и доказательств становится существенной проблемой. Необходимо также учитывать необходимость повышения уровня технической грамотности юридических работников, что требует значительных инвестиций в обучение и переподготовку кадров.

Нельзя забывать и о проблеме обеспечения доступа к информационным технологиям для всех участников процесса, независимо от их материального положения и технической оснащенности. Возникают вопросы доступности и адаптации программного обеспечения для лиц с ограниченными возможностями. Все эти вызовы, хотя и требуют решения, в целом, как справедливо отмечается многими исследователями, могут быть урегулированы в рамках существующей правовой системы. В случае возникновения технических неполадок, юристы могут рассчитывать на помощь квалифицированных специалистов – IT-экспертов, которые проведут диагностику и устранят неисправности. Даже временная невозможность решения технических проблем не должна приводить к полной остановке судебного процесса – процедуры должны быть разработаны таким образом, чтобы обеспечить непрерывность работы.

Как указывает М. Г. Жук, «технологии искусственного интеллекта должны быть использованы исключительно в качестве инструмента для помощи судье, а не как основа для окончательных решений. Риск заключается в том, что судьи могут начать излишне полагаться на прогнозы искусственного интеллекта, что приведет к автоматическому согласию с предложенным решением, а не к глубокому анализу дела. Это может привести к ситуации, когда судья будет принимать решение не по собственному убеждению, а по рекомендациям искусственного интеллекта, что противоречит основным принципам правосудия» [1, с. 112].

Однако, переход к использованию цифровых технологий, основанных на обработке информации с помощью искусственного интеллекта, открывает совершенно новый уровень сложности и ставит перед правоприменительной практикой беспрецедентные вызовы.

Судебная система Германии лидирует в области искусственного интеллекта: правительство Германии в рамках установленных Европейским союзом целей цифровизации обязало суды внедрить электронное управление файлами во всех социальных, административных, гражданских, уголовных процессах к 2026 г. Искусственный интеллект здесь выступает не как самостоятельный судья, а как мощный инструмент, призванный оптимизировать работу судей и судебных служащих [4].

Внедрение ИИ-систем позволяет систематизировать обработку огромных объемов информации, связанных с судебными делами. Речь идет не только о простом хранении документов, а о комплексной автоматизации анализа, создания и архивирования текстов судебных решений. Это особенно актуально в условиях постоянно растущего числа дел, что приводит к накоплению огромного количества документов, обработка которых вручную отнимает невероятное количество времени и ресурсов.

Китайская судебная система с 2016 г. реализует программу «умного правосудия»: внедрение роботов-регистраторов, предоставляющих онлайн-юридическую помощь автоматических систем распознавания речи, виртуальных залов судебных заседаний [3].

Эти нововведения существенно сократили время, затрачиваемое на подготовку к судебным заседаниям, устранили необходимость в ручном переписывании стенограмм и значительно повысили точность фиксации информации, расширив доступность правосудия и уменьшив географические ограничения. Однако, настоящий прорыв связан с повсеместным применением программного обеспечения на основе искусственного интеллекта, которое участвует во всех этапах вынесения судебных решений. Система не только помогает судьям проверять ссылки на законодательные акты и нормативно-правовые базы, но и способствует составлению юридических документов, минимизируя риск человеческих ошибок. Более того, искусственный интеллект выступает в качестве незаменимого советника для судьи, предоставляя рекомендации по каждому рассматриваемому делу.

Важно отметить, что несогласие судьи с выводами искусственного интеллекта требует тщательного письменного обоснования, что гарантирует сохранение независимости судейской власти и исключает возможность слепого следования алгоритмам.

Одним из наиболее впечатляющих достижений китайской «умной» судебной системы является решение проблемы исполнения приговоров, которая долгое время тормозила работу судов из-за нехватки персонала. ИИ-система эффективно решает эту проблему, обеспечивая быстрое обнаружение и изъятие имущества осужденных и его оперативную реализацию на онлайн-аукционах. Эта интегрированная система имеет глубокую связь с национальной системой социального кредитования, что позволяет применить санкции к должникам, ограничив их доступ к различным социальным услугам, таким как авиаперелеты, высокоскоростные поезда, отели и многое другое. Это мощный механизм принуждения к исполнению судебных решений.

В итоге, китайская судебная система сегодня представляет собой сложную и высокотехнологичную структуру, основанную на всестороннем при-

менении цифровых инструментов и технологий искусственного интеллекта. Это включает в себя не только уже упомянутые аспекты, но и широкий спектр других инноваций: онлайн-подача документов, электронная доставка судебных решений, онлайн-представление доказательств, электронная оплата судебных пошлин – все это превращает судебный процесс в максимально прозрачный, эффективный и доступный для граждан механизм правосудия. Китайский опыт в этой области представляет собой уникальный пример масштабной цифровой трансформации государственной системы, вызывающий как восхищение, так и дискуссии о балансе между эффективностью и соблюдением прав человека.

На текущем этапе цифровизации судебной системы Республики Беларусь задействуются технологии слабого искусственного интеллекта. Они выполняют исключительно вспомогательную функцию, решая конкретные узкопрофильные задачи. Фактически речь идет о программных комплексах, действующих строго по заранее прописанным алгоритмам. В отличие от них, универсальный сильный искусственный интеллект, над созданием которого трудится мировое научное сообщество, в перспективе должен будет обладать когнитивными способностями, сопоставимыми с человеческими: анализировать разнородную информацию, самостоятельно мыслить, взаимодействовать с внешней средой, гибко подстраиваться под новые условия и генерировать оригинальные решения.

Тем не менее, внедрение искусственного интеллекта в судопроизводство можно считать социально приемлемым лишь при условии гарантии всесторонней и оперативной защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Достижение этой цели требует сокращения временных затрат, сведения к минимуму судебных ошибок, оптимизации процессуальных издержек, надежной охраны персональных данных участников разбирательств и соблюдения иных значимых процессуальных стандартов.

Для нейтрализации потенциальных угроз, связанных с цифровой трансформацией, необходим глубокий анализ сложившейся правоприменительной практики. Это позволит сформировать адекватные программные продукты и нормативную базу, соответствующие современным реалиям. Информационные технологии не должны ущемлять права личности; их ключевая задача – содействовать объективному установлению обстоятельств дела. В дальнейшем цифровые инструменты должны обеспечивать более качественную реализацию процессуальных прав по сравнению с упрощенными процедурами. При этом обязательным условием станет скрупулезная судебная проверка электронных доказательств на соответствие критериям достоверности, неизменности и допустимости.

Интеграция искусственного интеллекта в правосудие, являющаяся неотъемлемой частью общей цифровизации общества, порождает комплекс правовых и этических вопросов. Как верно отмечает исследователь А. Г. Шахназарова, масштабное применение искусственного интеллекта в судебной сфере сопряжено с рисками несанкционированного доступа к персональным данным и проявлением алгоритмической предвзятости [5, с. 19].

Основой информационной безопасности выступает обеспечение конфиденциальности. Поскольку алгоритмы оперируют массивами особо чувствительных сведений о фигурантах дел, важно внедрить устойчивые механизмы, гаран-

тирующие сохранность и целостность этих данных. Столь же актуальна проблема алгоритмической необъективности, для нейтрализации которой необходимы прозрачность процессов принятия решений искусственным интеллектом, четкие механизмы подотчетности и системы оперативного выявления сбоев.

Достичь баланса между оперативностью судебных процедур и надежной защитой прав граждан можно исключительно через создание целостной нормативно-правовой базы. Это подразумевает не только формирование устойчивых механизмов информационной безопасности, но и введение обязательной экспертизы алгоритмов на предмет отсутствия дискриминационных отклонений.

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта в судебную систему открывает значительные перспективы для повышения эффективности, доступности и объективности правосудия, одновременно снижая процессуальные издержки и минимизируя влияние человеческого фактора. Однако эта цифровая трансформация порождает комплекс правовых, этических и технических вызовов: риски нарушения конфиденциальности, алгоритмическая предвзятость, вопросы подотчетности систем и сохранения независимости судебной власти. Как показывает международный опыт и текущая практика в Республике Беларусь, искусственный интеллект должен функционировать исключительно как вспомогательный инструмент в четко установленных законодательных рамках. Успешная интеграция требует адаптации нормативной базы, внедрения обязательной экспертизы алгоритмов, прозрачности их работы и безусловного сохранения окончательного решения за человеком. Только при сбалансированном подходе, где технологический прогресс подчинен гарантиям прав и свобод граждан, цифровизация правосудия станет устойчивой, справедливой и социально приемлемой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жук М. Г. Использование искусственного интеллекта в судопроизводстве: опыт США и Китая, подходы в Республике Беларусь // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 4, Правазнаўства. 2025. Т. 15, № 2. С. 107–114.

2. Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5(81). С. 188–191.

3. Реховский А. Ф. Использование искусственного интеллекта в уголовном процессе Китая. URL: https://clk.li/WZbe (дата обращения: 29.03.2026).

4. Черепанова А. С. Цифровизация судебных процессов: опыт различных стран. URL: https://clk.li/pQRm (дата обращения: 29.03.2026).

5. Шахназарова А. Г. Искусственный интеллект в судебной системе: возможности и ограничения // Научные исследования юридических технологий. 2022. № 3. С. 14–21.

УДК 343.23

Савкин Алексей Александрович
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
savkin1609@mail.ru

Сиверская Людмила Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lsiverskaya@yandex.ru

Корыстная заинтересованность как оценочный признак состава преступления, предусмотренного статьей 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации

Аннотация. *В статье анализируются проблемы правоприменения ст. 200.4 УК РФ, связанные с оценочным характером признака «корыстная заинтересованность». На основе анализа судебной практики установлены проблемы разграничения уголовных и административных нарушений в сфере закупок.*

Ключевые слова: *уголовная ответственность, корыстная заинтересованность, квалификация преступлений, судебная практика, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.*

Savkin Alexey Alexandrovich
master's student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Siverskaya Lyudmila Anatolyevna
candidate of legal sciences, associate professor
associate professor of the department
of judicial and law enforcement activities
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Self-interest as an evaluative sign of a crime under articul 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation

Annotation. *The article analyzes the problems of law enforcement of Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation related to the evaluative nature of the "vested interest" feature. Based on the analysis of judicial practice, the problems of distinguishing criminal and administrative violations in the field of procurement have been identified.*

Keywords: *criminal liability, vested interest, qualification of crimes, judicial practice, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.*

© Савкин А. А. Сиверская Л. А., 2026

Анализ динамики последних лет фиксирует устойчивый рост числа уголовных дел, связанных со злоупотреблениями в сфере государственных и муниципальных закупок, ответственность за которые устанавливается статьей 200.4 УК РФ, а ключевая трудность при квалификации подобных преступлений кроется в законодательно не определенном понятии «корыстная заинтересованность», вследствие чего суды сами решают, как его трактовать, а свобода толкования ведет к тому, что схожие действия могут быть признаны как незначительным административным проступком, так и серьезным уголовным преступлением, в зависимости от того, где и кем рассматривается дело.

Широкая свобода приводит к ситуации, когда одни и те же действия в разных обстоятельствах могут расцениваться и как малозначительный административный проступок, и как тяжкое уголовное преступление.

Практика применения ст. 200.4 УК РФ демонстрирует две взаимосвязанные, но разнонаправленные тенденции: с одной стороны, сохраняется высокая латентность коррупционных схем и объективная сложность доказывания прямого умысла, а с другой – налицо реальный риск криминализации деяний, которые по своей сути являются административными нарушениями либо незначительными техническими ошибками, причем особую остроту этой проблеме придает оценочный характер центрального признака состава – корыстной заинтересованности.

А. А. Рязанцев, указывает на риск криминализации любых нарушений Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» из-за практики возбуждения уголовных дел по фактам, которые содержат лишь признаки административного проступка [1].

Е. С. Шадрина также подчеркивает, что уголовная ответственность по ст. 200.4 УК РФ наступает только при наличии умысла и корыстной заинтересованности, однако на практике доказать наличие умысла бывает крайне сложно. Хотя с апреля 2024 года пороги крупного (свыше 3,5 млн руб.) и особо крупного (свыше 13,5 млн руб.) ущерба были повышены, правоприменительная практика пока не демонстрирует однозначного улучшения ситуации [6].

Показательным примером, иллюстрирующим проблемы квалификации, является уголовное дело в отношении ведущего специалиста ГКУ «Дирекция программы «Курилы», рассмотренное Курильским районным судом Сахалинской области в 2025 году.

Лицо, занимавшее должность ведущего специалиста отдела капитального строительства ГКУ «Дирекция программы «Курилы», был назначен ответственным за строительный контроль объекта «Северо-Курильская центральная районная больница».

Суд квалифицировал его действия по п. «б» ч. 2 ст. 200.4 УК РФ как нарушение законодательства о контрактной системе из корыстной заинтересованности, причинившее особо крупный ущерб, а именно: будучи лицом, осуществляющим приемку выполненных работ, которое не является должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, из корыстной заинтересованности нарушил законодательст-

во Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, причинив особо крупный ущерб, при следующих обстоятельствах.

Так, в период с 28 мая по 23 июля 2019 года в рамках исполнения государственного контракта работниками ООО «Спиро» были выполнены работы по берегоукреплению левого берега реки Матросская с нарушениями (использование материалов меньшего размера, неправильное заполнение конструкций).

Ответственным за контроль строительства и приемку выполненных работ со стороны заказчика являлось лицо, которое одновременно замещало должность в бюджетном учреждении и обладало статусом и генерального директора ООО «Марк Аврелий», зарегистрированного по тому же адресу, что и подрядчик – ООО «Спиро».

Корыстная заинтересованность, по мнению суда, выразилась в стремлении получить выгоду для ООО «Спиро» и его руководителей, а также для себя лично путем последующего заключения сделок между ООО «Марк Аврелий» и ООО «Спиро» [4].

Данный пример демонстрирует, что суды при квалификации деяний по ст. 200.4 УК РФ [5] активно используют косвенные доказательства корыстной заинтересованности (аффилированность, наличие общей коммерческой структуры, ожидание будущих выгод).

Однако в правоприменительной практике сохраняется неопределенность: в каких именно случаях наличие у лица собственного бизнеса или связей с подрядчиком автоматически влечет признание корыстной заинтересованности, а когда – нет.

В работе А. В. Катанова и Р. Р. Сакаевой отмечается, что мотив корыстной или иной личной заинтересованности, выступая оценочным критерием, вызывает значительные затруднения в процессе доказывания [2].

Действующая редакция не содержит его конкретизации применительно к сфере закупок, что создает сложности при отграничении умышленных преступлений от деяний, совершенных по неосторожности, вследствие неверного толкования закона или технической ошибки.

В пункте 12.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» приведены разъяснения относительно «иной личной заинтересованности», однако понятие «корыстная заинтересованность» применительно к сфере закупок до сих пор не конкретизировано [3].

Отсутствие единого легального критерия вынуждает ориентироваться скорее на резонансность дела и объем выделенных бюджетных средств, нежели на действительное содержание умысла и степень общественной опасности, а у участников закупочного процесса формируется чувство правовой незащищенности, ведь исход дела начинает зависеть не от объективных доказательств, а от того, насколько убедительно сторона обвинения интерпретирует оценочное понятие корысти в каждом конкретном эпизоде.

Для решения данной проблемы предлагается дополнить пункт 12.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» абзацем следующего содержания:

«Разъяснить судам, что под корыстной заинтересованностью при совершении преступлений, предусмотренных статьей 200.4 УК РФ, следует понимать стремление лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц (например, родственников, деловых партнеров) выгоду имущественного характера, непосредственно не связанную с общим экономическим эффектом от исполнения государственного или муниципального контракта. При этом действия работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок или иного уполномоченного лица, представляющего интересы заказчика, которые хотя и привели к формальным нарушениям законодательства о контрактной системе, но были направлены на достижение общественно полезного результата, предусмотренного контрактом, и не преследовали цели личного обогащения или обогащения аффилированных лиц, не могут расцениваться как совершенные из корыстной заинтересованности».

Данная формулировка позволит правоприменителям дифференцировать личное обогащение от общей выгоды, полученной в результате исполнения контракта (пусть и с процедурными ошибками), что исключит возможность привлечения к уголовной ответственности в случаях, когда должностное лицо действовало в интересах дела, но допустило ошибку, и одновременно даст четкий критерий для случаев, где аффилированность и ожидание будущих выгод очевидны.

Внесение изменений в разъяснения Пленума Верховного Суда РФ создаст ориентир при квалификации деяний по статье 200.4 УК РФ, исключит расширительное толкование понятия «корыстная заинтересованность», что переведет уголовное преследование с фискально-обвинительного на превентивно-сдерживающий уровень, сфокусированный на реальных коррупционных схемах, а не на административных ошибках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Неожиданные уголовно-правовые риски контрактной системы: к вопросу об уголовно-правовом значении начальной максимальной цены контракта // Адвокатская газета. 2026. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/neozhidannye-ugolovno-pravovye-riski-kontraktnoy-sistemy/ (дата обращения: 01.04.2026).

2. Катанов А. В. Некоторые вопросы квалификации и расследования преступлений, предусмотренных статьей 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, по мотиву иной личной заинтересованности. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-kvalifikatsii-i-rassledovaniya-prestupleniy-predusmotrennyh-statiey-200-4-uk-rf-po-motivu-inoy-lichnoy/viewer (дата обращения: 20.02.2026).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/?ysclid=mquwt7f0lk262504954 (дата обращения: 20.02.2026).

4. Приговор Курильского районного суда Сахалинской области от 4 марта 2025 г. по делу № 1-2/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QeoPmv Dv2vmu/ (дата обращения: 20.02.2026).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 9.04.2026.) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.04.2026).

6. Шадрина Е. С. Проблемы реализации уголовной ответственности за преступления, предусмотренные статьей 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации. URL: https://scinetwork.ru/articles/26718 (дата обращения: 01.04.2026).

УДК 316.614.5

Сафонова София Денисовна
студент, Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
sofiasqnk@gmail.com

Кисляков Антон Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
antonval77@mail.ru

Правовая оценка деятельности онлайн-сообществ, пропагандирующих суицид

Аннотация. *В статье анализируются вопросы, связанные с оценкой деятельности онлайн-сообществ, деятельность которых направлена на пропаганду суицида. Установлено, что деятельность подобных групп особую опасность представляет для несовершеннолетних. Сделан вывод о том, что нормативно-правовая база нуждается в постоянной адаптации к стремительному развитию информационных технологий и, как следствие, появлению новых форм деструктивного поведения в онлайн-пространстве.*

Ключевые слова: *суицид, подростки, информационные технологии, сеть «Интернет», несовершеннолетние, группы смерти, информационная безопасность.*

© Сафонова С. Д., Кисляков А. В., 2026

Safonova Sofia Denisovna
student, Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation

Kislyakov Anton Valerievich
candidate of legal sciences, associate professor
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation

Legal assessment of the activities of online communities promoting suicide

Annotation. *This article analyzes issues related to assessing the activities of online communities aimed at promoting suicide. It has been established that the activities of such groups pose a particular danger to minors. It is concluded that the regulatory framework requires constant adaptation to the rapid development of information technology and, consequently, the emergence of new forms of destructive behavior online.*

Keywords: *suicide, teenagers, information technology, Internet, minors, death groups, information security.*

Одной из значимых и актуальных проблем на современном этапе развития общества и государства, особенно с учетом активного использования информационных технологий, является совершение суицида, в том числе несовершеннолетними лицами. По данным МВД России, если в 2024 году было зафиксировано 735 случаев самоубийства именно среди несовершеннолетних, то уже к середине 2025 года данный показатель составлял 395 [7].

Во многом причиной суицидального поведения является пропаганда в социальных сетях посредством различных групп и сообществ. Интерес представляет мнение исследователя Е. В. Буровой о том, что число самоубийств, совершаемых ежегодно, свидетельствует о том, что данное явление представляет собой угрозу национальной безопасности государства [3, с. 67]. В части деятельности онлайн-сообществ Е. В. Лукки указывает, что именно распространение интернет-коммуникаций анонимного характера, формирование в социальных сетях «групп смерти», низкий уровень правовой грамотности населения выступают специфическими условиями, которые могут стать основой суицидального поведения [5, с. 135].

Рассматривая правовую оценку деятельности онлайн-сообществ, пропагандирующих суицид, обратимся к положениям уголовного законодательства. Так, в 2017 году УК РФ [1] претерпел значительные изменения в части регулирования ответственности по ст. 110 УК РФ (доведение до самоубийства). Данная статья была дополнена указанием на возможность совершения деяния посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей; была введена новая статья 110.1. УК РФ, предусматривающая меры ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие его совершению; а также статья 110.2. УК РФ, где предусматривается ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства

[2]. Основная причина данных законодательных изменений была обусловлена необходимостью оказать противодействие деятельности, направленной на побуждение лиц к реализации суицидального поведения в онлайн-среде, что в особенности касается подростков. Кроме того, мотивом внесения законодательных изменений послужили необходимость обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан, в том числе несовершеннолетних, а также необходимость предупреждения распространения практики, касающейся распространения суицидов. Ужесточение мер уголовной ответственности во многом связано именно с тем, что в основном посягательства совершаются в отношении несовершеннолетних, психика которых имеет неокрепший характер. Также отметим, что статьи 110.1 и 110.2 УК РФ являются частью более широкой системы правовых механизмов, направленных на запрет и пресечение деятельности сообществ, чья деятельность угрожает общественной безопасности и конституционным ценностям. Они дополняют нормы о противодействии экстремизму и регулировании информационного пространства.

Безусловно, подобные изменения в законодательстве усиливают противодействие криминальным суицидам, однако, нельзя не обратить внимание на стремительное развитие информационных технологий и виртуального пространства, что влечет за собой различные вариации деструктивного поведения, а значит, требует дальнейшего обновления нормативно-правовой базы, разработки новых методик выявления преступлений подобного рода, совершенствование механизмов выявления и блокировки деструктивного контента.

Далее полагаем необходимым обратиться к актуальной правоприменительной практике. К примеру, в рамках одного из дел прокурор в интересах неопределенного круга лиц обратился с административным исковым заявлением с требованием признать информацию, размещенную в сети Интернет, запрещенной к распространению [8]. Свои требования он мотивировал тем, что в ходе проверки был выявлен интернет-ресурс, в рамках которого в свободном доступе была размещена статья, посвященная непосредственно суициду с подробным описанием возможных способов самостоятельного лишения жизни. Суд, в том числе ссылаясь на ст. 110.2. УК РФ, признать размещенную информацию о способе совершения самоубийства запрещенной к распространению в РФ.

В рамках другого дела был вынесен приговор о привлечении виновной к уголовной ответственности по ч. 5 ст. 110.1. УК РФ [9]. Так, виновная руководствовалась преступным умыслом склонить несовершеннолетнюю к совершению самоубийства на основании личных неприязненных отношений посредством уговоров, советов, указаний и т. д. Виновная вела с потерпевшей переписку в социальной сети под чужим аккаунтом, систематически давала советы о совершении суицида, демонстрировала фотографии суицидального характера и т. д. В итоге несовершеннолетняя предприняла несколько попыток совершить самоубийство путем употребления лекарственных препаратов и нанесения порезов на руки.

Далее, обращаясь к доктрине, отметим, что, например, М. Ю. Пучнина, анализируя пропаганду суицидального поведения в социальных сетях, указывает, что для эффективной борьбы с распространением деструктивной информации в сети Интернет необходимым выступает привлечение институтов граж-

данского общества, создание и развитие киберволонтерства [6, с. 105]. Что касается последнего, по мнению автора, целесообразно создать подобную структуру по всей России, с обязательным включением в штат психологов в целях оказания онлайн-помощи, что будет способствовать обмену опытом между регионами в рамках реализации профилактической работы.

А. С. Каретина отмечает, что различные суицидальные онлайн-сообщества характеризуются структурированным подходом к вовлечению подростков, используя различные манипуляции, а также создавая видимость поддержки и заинтересованности в проблемах несовершеннолетних [4, с. 37]. Активная деятельность подобных сообществ объясняется анонимностью, доступностью и высоким уровнем распространения социальных сетей; психологической уязвимостью несовершеннолетних; отсутствием эффективного контроля за распространением контента в социальных сетях, недостаточным уровнем его модерации и т. д.

Автор подчеркивает, что борьба с онлайн-сообществами, пропагандирующими суицид, необходима, ведь они представляют серьезную угрозу для жизни и психического здоровья, что в особенности касается подростков. Кроме того, с учетом активного развития цифровизации обязательным выступает не только борьба с вредоносным контентом противоправных групп и сообществ, но и распространение обучающего, полезного контента, информация в котором поможет в случае необходимости распознать преступную и деструктивную деятельность.

Государство, правоохранительные органы и общество должны прилагать совместные усилия для борьбы с деятельностью онлайн-сообществ, осуществляющих пропаганду суицида, а также важным элементом является осознание родителями их ключевой роли в защите несовершеннолетних он информационных угроз.

Таким образом, правовая оценка деятельности онлайн-сообществ, пропагандирующих суицид, предполагает комплексный подход, включающий как уголовно-правовое пресечение, так и меры по блокировке запрещенной информации, а также профилактику среди уязвимых групп населения. Однако эффективность противодействия зависит от дальнейшего совершенствования законодательства и развития технических средств мониторинга интернет-пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1.Уголовный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г., одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 20 февраля 2026 г.). URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_ LAW_10699/ (дата обращения: 25.03.2026).

2. Федеральный закон от 07 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2017. № 24. Ст. 3489.

3. Бурова Ю. В., Айзятова Л. Ф. Суицид как деструкция современного общества // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 8(97). С. 66–70.

4. Каретина А. С., Назарова И. А., Голенков А. В. Подростковый суицид в эпоху социальных сетей // Здравоохранение Чувашии. 2025. № 3. С. 34–44.

5. Лукки Е. В., Фоменко Е. Д. Причины и условия совершения преступлений, связанных со склонением к самоубийству и содействию совершения самоубийства, криминологическая характеристика // Вестник экономики и права. 2025. № 101. С. 134–141.

6. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Деструктивная деятельность в социальных сетях, направленная на пропаганду суицидального поведения несовершеннолетних: меры противодействия // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3, № 1. С. 103–110.

7. За первую половину 2025 года в России 395 подростков совершили суицид // Ведомости : офиц. сайт / АО «Бизнес Ньюс Медиа». URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/08/14/1131401-za-pervuyu-polovinu-2025-goda-v-rossii-395-podrostkov-sovershili-suitsid (дата обращения: 25.03.2026).

8. Решение Большемуртинского районного суда Красноярского края № 2А-586/2017 2А-586/2017~М-423/2017 М-423/2017 от 30 ноября 2017 г. по делу № 2А-586/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : интернет-портал. URL: https://sudact.ru/regular/doc/AbLsVYiAf8V/ (дата обращения: 14.04.2026).

9. Приговор Судакского городского суда Республики Крым № 1-25/2018 от 6 мая 2018 г. по делу № 1-25/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : интернет-портал. URL: https://sudact.ru/ regular/doc/AnhCjvSdlpdj/ (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 343.98

Селицкая Алина Михайловна
студент, Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Российская Федерация
selitsckaya27@yandex.ru

Научный руководитель:
Ревенко Яна Дмитриевна
доцент кафедры организации судебной и прокурорской деятельности
Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Российская Федерация
yana.revenko2020@yandex.ru

Использование дипфейк-технологий для реконструкции событий преступления и идентификации лиц

Аннотация. *В статье анализируются возможности и риски применения технологий дипфейк в современной криминалистической деятельности. Автор исследует двойственный*

© Селицкая А. М., 2026

характер искусственного интеллекта: как инструмента совершения киберпреступлений и как перспективного метода раскрытия преступлений. Рассматриваются практические кейсы использования ИИ для идентификации личности на основе поврежденных изображений и ДНК-фенотипирования, а также возможности 3D-моделирования мест происшествий. Особое внимание уделено процессуальным аспектам внедрения синтетических медиаданных в российское уголовно-процессуальное законодательство. Сформулированы предложения по минимизации рисков нейросетевых «галлюцинаций» и обоснована необходимость законодательной регламентации статуса ИИ-реконструкций как доказательств.

Ключевые слова: *дипфейк, искусственный интеллект, криминалистика, идентификация личности, реконструкция преступления, цифровые доказательства.*

Selitskaya Alina Mikhailovna
student, Smolensk State University
Smolensk, Russian Federation

Scientific supervisor:
Revenko Yana Dmitrievna
associate professor of the department
of organization of judicial and prosecutorial
activities Smolensk State University
Smolensk, Russian Federation

Using deepfake technologies to reconstruct crime scenes and identify individuals

Annotation. *The article analyzes the possibilities and risks of using deepfake technologies in modern forensic activities. The author explores the dual nature of artificial intelligence: as a tool for committing cybercrimes and as a promising method for solving crimes. The article examines practical cases of using AI for identity verification based on damaged images and DNA phenotyping, as well as the possibilities of 3D modeling of crime scenes. Special attention is paid to the procedural aspects of incorporating synthetic media data into Russian criminal procedure legislation. Proposals are formulated to minimize the risks of neural network "hallucinations" and the necessity of legislative regulation of the status of AI reconstructions as evidence is substantiated.*

Keywords: *deepfake, artificial intelligence, forensic science, identity identification, crime reconstruction, criminal proceedings, digital evidence, DNA phenotyping.*

На сегодняшний день технологии искусственного интеллекта интенсивно применяются в различных отраслях жизни общества. Они активно используются при создании развлекательного контента в социальных сетях, для анализа финансовых рисков и, даже, для прогнозирования и диагностики различных заболеваний в медицине. Одним из ключевых ИИ-инструментов, набирающим все большую популярность, является дипфейк.

Термин «дипфейк» от английского deepfake (deep learning – глубокое обучение» и fake – подделка), представляет собой совокупность медиаконтента, включающую изображения, видео- и аудиоматериалы, созданные с нуля или видоизменные с использованием алгоритмов искусственного интеллекта [1]. По итогам такого «генерирования» получается синтетический контент, который крайне тяжело отличить от оригинальных материалов, без ис-

пользования специальных методов и программ по выявлению мельчайших цифровых следов.

Актуальность настоящего научного исследования обусловлена значительным ростом количества искусственно сгенерированных материалов в интернет-пространстве. Согласно статистике, только за первый квартал 2025 года в России обнаружены 61 уникальных дипфейка и 2,3 тыс. их копий, что составляет 67 % от всех дипфейков, выявленных в 2024 г., и в 2,6 раза превышает количество подобных материалов, зафиксированных за весь 2023 г. [5].

Наиболее широкое применение дипфейки нашли в криминальной среде: подделки голоса при телефонном мошенничестве, порнографические материалы с использованием лиц политических деятелей или голливудских знаменитостей.

Одновременно с развитием ИИ-технологий и массовым использованием в совершении преступлений, развивается и сфера криминалистических методов распознавания и выявления таких искусственно измененных данных. К таким методам относятся: машинное обучение распознавание шаблонов и особенностей, которые отличают аутентичный контент от поддельного, статистический анализ медиафайлов на изменение в распределении пикселей, цветовых пространств или векторов движения [2].

Более глубокий уровень распознавания дипфейков сегодня связан с анализом так называемых «биологических следов» цифрового объекта. В отличие от реальной видеозаписи, синтетический контент, созданный нейросетями, зачастую не воспроизводит микродвижения, характерные для живого человека: ритмичность моргания, пульсация крови под кожей (фотоплетизмография) и специфические микро-выражения лица. Криминалистическая значимость таких методов заключается в возможности автоматизированного выявления несоответствий между визуальным образом и физиологической реальностью.

Кроме того, перспективным методом является идентификация «цифрового отпечатка» генеративно-состязательной сети. Каждая нейросетевая модель оставляет специфические шумы в распределении яркости пикселей, невидимые человеческому глазу, но распознаваемые при помощи вейвлет-преобразований. Это позволяет не только установить факт подделки, но и с высокой долей вероятности определить, какая именно ИИ-модель была использована для генерации контента, что может иметь важное значение для установления «цифрового профиля» правонарушителя».

Однако современные криминалисты способны не только выявлять дипфейк-технологии, но и успешно их внедряют в качестве инструментов криминалистики. Ярким примером служит дело 25-летней Сонали. 6 февраля 2026 года в районе Кхандаули (Агра) в Индии был обнаружен завернутый в одеяло труп молодой женщины с повреждениями лица и шеи. Как позже выясняла полиция, лицо женщины было намеренно изувечено и испачкано грязью, чтобы идентификация была невозможна. Однако ИИ-технологии позволили удалить грязь с лица и открыть глаза погибшей, чтобы придать лицу более естественный и узнаваемый вид. Получившееся изображение было размещено в СМИ и уже через 24 ч в полицию обратилась сестра погибшей, опознавшая ее по сгенерированному изо-

бражению. Таким образом дипфейк потерпевшей не только помог установить ее личность, но и раскрыть преступление в кратчайшие сроки.

Перекладывая зарубежный опыт на российское уголовно-процессуальное законодательство, стоит отметить, что подобные фотороботы могут предъявляться для опознания лиц и в нашей стране. В порядке части 5 статьи 193 УПК РФ дипфейки могут использоваться в качестве фотографий, допустимых для применения в следственных действиях с отметкой в процессуальных документах, что они сгенерированы с использованием ИИ-технологий и с согласия участников производства по делу.

Кроме того, использование инструментов ИИ позволяет создать не только необходимое изображение, но и анимировать его, повторяя характерные мимику и жесты опознаваемого лица, что значительно облегчает процесс опознания лица. В условиях, когда такое следственное действие необходимо провести в кратчайшие сроки или нет другой возможности предъявить для опознания лицо или его фотографию, продукты искусственного интеллекта является прогрессивным и инновационным решением проблемы.

Несмотря на высокую эффективность, внедрение дипфейк-технологий в процесс идентификации личности сопряжено с серьезными процессуальными рисками. Основным из них является феномен «галлюцинаций» искусственного интеллекта – ситуации, когда нейросеть при заполнении недостающих данных (например, при восстановлении поврежденного лица) добавляет детали, которые отсутствовали у реального прототипа (родинки, шрамы, специфическую форму ушных раковин).

С точки зрения психологии следственной деятельности, предъявление свидетелю или потерпевшему «идеально восстановленного» ИИ-портрета может иметь наводящий характер. Высокая реалистичность дипфейка способна спровоцировать формирование ложных воспоминаний, когда опознающее лицо подсознательно замещает свой фрагментарный образ памяти четким синтетическим изображением. В связи с этим, при использовании продуктов ИИ в следственных действиях, представляется необходимым обязательное проведение предварительной компьютерно-технической экспертизы для определения степени вмешательства алгоритма в исходные данные.

Другое колоссальное преимущество ИИ-технологий – высокая скорость обработки огромных массивов данных. Так, исследователи Китайской академии наук проанализировали более 9 тысяч генетических данных и 3D-моделей китайцев с помощью, разработанной ими программы Difface [3]. Эта программа использует искусственный интеллект, чтобы по фрагменту ДНК, который был найден на месте преступления, восстановить внешность человека, а точнее черты его лица. Система анализирует генетическую информацию, сравнивает ее с данными тысяч людей и на основе сложных математических расчетов создает 3D-модель лица подозреваемого. Более того, учитываются такие факторы, как пол, возраст и даже вес человека, что делает изображение более точным.

Технология ДНК-фенотипирования в связке с дипфейк-моделированием ставит перед юридическим сообществом ряд этических и правовых вопросов. Во-первых, это вопрос охраны изображения гражданина (ст. 152.1 ГК РФ). Соз-

дание виртуального образа подозреваемого на основе его генетического кода, по сути, является созданием цифрового двойника без его согласия. Однако в контексте целей уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), защита общественных интересов и раскрытие тяжких преступлений должны иметь приоритет над частным правом на изображение.

Во-вторых, точность восстановления лица по ДНК на данный момент составляет около 70–80 %, так как генетика не учитывает приобретенные признаки: образ жизни, наличие татуировок, пластических операций или травм. Таким образом, сгенерированный образ должен рассматриваться исключительно как ориентирующая информация для сужения круга подозреваемых (оперативно-розыскное значение), а не как неоспоримое доказательство идентичности.

Наиболее перспективным и многообещающим способом применения ИИ-инструментов в работе криминалистов является реконструкция событий преступления с помощью 3D-моделей. В настоящее время уже существуют различные как общедоступные компьютерные программы 3D-моделирования, так и специальные, разработанные для использования в криминалистике [4]. Однако, подобные программы позволяют визуализировать лишь общее впечатление о преступлении, используя уже загруженные в программу предметы и обезличенные фигурки, которые напоминают обучающий рисунок в учебнике и не иллюстрируют в полной мере условия и процесс совершения конкретного преступления.

В тоже время технологии искусственного интеллекта, анализируя записи видеокамер, фотографии с места преступления, изображения участников деяния способны воссоздать полную виртуальную реконструкцию места преступления. Дипфейк-технологии позволяют не просто поместить в такое 3D-пространство фигурки участников преступного деяния, но и воссоздать их реальные физиологические данные, такие как рост и телосложение, а также цвет и длину волос, цвет глаз, форму носа и другие индивидуальные черты лица. Затем остается лишь анимировать последовательность действий этих фигурок, что наглядно показывает ход совершения преступления и степень участия в нем каждого из лиц. В перспективе подобные сгенерированные 3D-модели в формате фото- и видеоматериалов могут применяться как доказательства по аналогии с частью 2 статьи 84 УПК РФ.

Вопрос процессуального статуса 3D-реконструкций, созданных ИИ, требует детальной регламентации. В текущей судебно-следственной практике такие модели чаще всего выступают в роли «наглядных приложений» к протоколам следственных действий или заключениям экспертов. Однако потенциал технологии позволяет рассматривать их как самостоятельные виды доказательств – иные документы (ст. 84 УПК РФ) или даже результаты нового вида судебной экспертизы – комплексной интеллектуально-технологической экспертизы.

При использовании 3D-дипфейк моделей для реконструкции событий преступления (например, при проверке показаний на месте) необходимо соблюдение принципа проверяемости. Это означает, что сторона защиты должна иметь возможность ознакомиться не только с итоговым видеофайлом, но и с исходными данными, а также параметрами («промптами») и весами алго-

ритмов, использованных для генерации. Только прозрачность процесса создания синтетического контента позволит исключить обвинительный уклон и фальсификацию доказательств.

Также целесообразно рассмотреть вопрос об обязательном участии специалиста в области ИИ при проведении следственных действий, связанных с применением дипфейк-технологий. Специалист должен подтверждать, что анимированные жесты или мимика модели соответствуют биомеханическим параметрам, зафиксированным в ходе следствия, а не являются результатом случайной генерации нейросети».

В заключение следует констатировать, что дипфейк-технологии и генеративные модели ИИ знаменуют собой переход криминалистики на качественно новый, цифровой уровень. Проведенный анализ показывает, что данные инструменты обладают двойственным характером: выступая как изощренное средство совершения преступлений, они одновременно предоставляют следствию революционные возможности для идентификации личности (через ДНК-фенотипирование и реставрацию изображений) и наглядной визуализации обстоятельств дела.

Однако широкое внедрение «синтетических доказательств» в российскую следственную практику требует решения ряда концептуальных задач:

1. Правовая регламентация: необходимо четкое определение процессуального статуса ИИ-моделей. Представляется целесообразным рассматривать высокоточные 3D-реконструкции не как вспомогательные иллюстрации, а как самостоятельные объекты судебной экспертизы, отвечающие требованиям проверяемости и достоверности.

2. Минимизация рисков: использование продуктов ИИ в опознании (ст. 193 УПК РФ) должно сопровождаться жестким контролем со стороны специалистов, чтобы исключить влияние «нейросетевых галлюцинаций» и психологическое давление на свидетелей через гиперреалистичные образы.

3. Верификация: развитие методов детекции дипфейков должно идти на опережение, формируя систему «цифрового доверия», где любая ИИ-реконструкция может быть проверена на предмет манипуляций с исходными данными.

Таким образом, дипфейк-технологии не должны заменять традиционные методы доказывания, но могут стать мощным катализатором раскрытия преступлений в условиях цифровизации общества. Будущее криминалистики лежит в плоскости разумного баланса между использованием инновационного потенциала искусственного интеллекта и соблюдением фундаментальных прав граждан на справедливое и объективное судебное разбирательство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дашевская Е. И., Свирин Ю. А. Правовые проблемы использования дипфейков в гражданском судопроизводстве: доказательственные аспекты и пути совершенствования законодательства. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-ispolzovaniya-dipfeykov-v-grazhdanskom-

sudoproizvodstve-dokazatelstvennye-aspekty-i-puti-sovershenstvovaniya (дата обращения: 12.02.2026).

2. Лемайкина С. В. Методы обнаружения фальсификации информационного контента. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-obnaruzheniya-falsifikatsii-informatsionnogo-kontenta (дата обращения: 25.02.2026).

3. Наука криминалистика: как современные технологии помогают поймать преступника. URL: https://www.ferra.ru/review/techlife/kriminalistika.htm (дата обращения: 17.02.2026).

4. Холопов А. В. Компьютерные программы 3D-визуализации события преступления. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ kompyuternye-programmy-3d-vizualizatsii-sobytiya-prestupleniya (дата обращения: 04.03.2026).

5. Редакция сайта ТАСС. 07 апреля 2025. URL: https://tass.ru/ obschestvo/% 2023621185 (дата обращения: 20.02.2026).

УДК 343.132.1

Серкова Алина Сергеевна
студент, Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Российская Федерация
mserkova0910@yandex.ru

Научный руководитель:
Ревенко Яна Дмитриевна
кандидат юридических наук, доцент
Смоленский государственный университет
г. Смоленск, Российская Федерация
Yana.revenko2020@yandex.ru

Использование БПЛА (дронов) при осмотре места происшествия: тактика и процессуальное оформление

Аннотация. *Работа сфокусирована на внедрении беспилотных систем в криминалистическую практику, в частности – при осмотре мест совершения преступлений. Исследуются как тактические приемы пилотирования, так и правовые рамки использования БВС. Проведен сравнительный анализ терминологии, описаны возможности получения высокоточных геоданных на сложных и опасных территориях. Статья содержит конкретные рекомендации по предполетной подготовке, выбору режимов съемки в зависимости от метеоусловий и правильному изъятию цифровых данных для их последующего приобщения к материалам дела. Особое внимание уделяется правовым аспектам, технологиям обеспечения целостности и аутентичности цифровых доказательств, и необходимости нормативного закрепления регулирования применения БВС в следственной деятельности. В заключение подчеркивается необходимость обучения криминалистов новым навыкам пилотирования и работы с цифровыми данными для повышения эффективности расследований с использованием беспилотных технологий.*

© Серкова А. С., 2026

Ключевые слова: *беспилотное воздушное судно, осмотр места происшествия, криминалистика, тактика следственных действий, аэрофотосъемка, процессуальное оформление, допустимость доказательств.*

Serkova Alina Sergeevna
student, Smolensk State University
Smolensk, Russian Federation

Scientific supervisor:
Revenko Yana Dmitrievna
candidate of legal sciences, associate professor
Smolensk State University
Smolensk, Russian Federation

The use of UAVs (drones) during the examination of a crime scene: tactics and procedural formalities

Annotation. *This article is devoted to the use of unmanned aerial vehicles during the inspection of the accident site. The tactical and procedural aspects of the introduction of UAVS into forensic practice, the features of the terminological difference between the domestic and regulatory understanding of drones, as well as the advantages and limitations of their use are considered. It is also noted that the use of unmanned systems makes it possible to improve the quality of recording the material situation due to three-dimensional geospatial data, especially when working in large, inaccessible and dangerous territories. The article describes in detail the procedures for preparing the device, conducting various types of aerial photography, the specifics of accounting for weather conditions, as well as the procedure for documenting the results in procedural documents. Special attention is paid to legal aspects, technologies for ensuring the integrity and authenticity of digital evidence, and the need for regulatory consolidation of the regulation of the use of BVS in investigative activities. In conclusion, the need to train criminologists in new skills of piloting and working with digital data is emphasized in order to increase the effectiveness of investigations using unmanned technologies.*

Keywords: *unmanned aircraft, inspection of the accident site, criminalistics, tactics of investigative actions, aerial photography, procedural registration, admissibility of evidence.*

В условиях цифровизации следственной деятельности внедрение беспилотных технологий становится необходимым элементом повышения эффективности осмотра места происшествия (ОМП). В отечественном законодательстве и литературе наблюдается терминологическая двойственность: использование бытового термина «дрон» и нормативного – «беспилотное воздушное судно» (БВС). Согласно ст. 32 Воздушного кодекса РФ, под БВС понимается воздушное судно, управляемое пилотом, находящимся вне его борта [5]. В рамках криминалистического обеспечения расследования преступлений целесообразно придерживаться именно законодательно закрепленной терминологии, рассматривая БВС как высокотехнологичное средство фиксации материальной обстановки».

Применение БВС в ходе ОМП следует рассматривать через призму реализации принципов наглядности и объективности фиксации доказательственной информации. С точки зрения криминалистической техники, использование

беспилотных систем представляет собой эволюцию метода метрической и панорамной фотографии, перенесенную в трехмерное пространство. Научная новизна данного подхода заключается в возможности получения комплексной геопространственной информации, которая интегрирует в себе как визуальные признаки объектов, так и их точные координаты в единой системе отсчета.

Необходимость применения БВС обусловлена спецификой осмотра мест происшествий, характеризующихся большой площадью (лесные пожары, авиакатастрофы), труднодоступностью (болотистая местность, горные районы) или опасностью для жизни участников следственно-оперативной группы (техногенные аварии, зоны радиационного или химического заражения) [1]. Традиционные методы фиксации, такие как масштабная схема и наземная фотосъемка, в данных условиях не позволяют в полной мере реализовать принципы полноты и объективности осмотра. Использование беспилотных систем позволяет перейти от двухмерной фиксации к созданию высокоточных цифровых моделей местности, что существенно повышает качество последующих экспертных исследований.

Из-за своей многофункциональности воздушное судно можно использовать не только в вышеперечисленных направлениях, но и в криминалистике при ОМП, например, использование дрона может позволить криминалисту быстро определить точное место происшествия, его границы. В настоящий момент дроны используются для создания 3D-моделей, фото и видео-фиксации мест дорожно-транспортных происшествий, незаконной вырубки лесных насаждений, экологических катастроф, незаконной охоты, и других преступлений, но существуют следующие препятствия [2]. Применение БВС требует не только технических навыков пилотирования, но и соблюдения процессуального статуса субъекта применения. В соответствии со ст. 58 УПК РФ к осмотру должен привлекаться специалист, обладающий специальными знаниями в области эксплуатации беспилотных систем [6]. Предварительный этап тактики применения БВС включает в себя проверку технических параметров системы: оценку целостности элементов конструкции, проверку прошивки контроллеров, калибровку сенсоров и анализ уровня электромагнитных помех.

Любая ошибка на этапе предполетной подготовки БВС грозит не только поломкой дорогого дрона, но и искажением первичных цифровых данных (видеопотока, логов, телеметрии), что превращает ценные улики в недопустимые для суда материалы. Поэтому современный криминалист за пультом обязан сочетать навыки пилота и эксперта по цифровым следам, владея методами юридически чистого извлечения информации из памяти полетного контроллера, а также правильно выбирать точку старта с учетом физических преград и применять три рабочие тактики съемки (вертикаль 90°, наклон 30–45° и панораму) для создания детальной и доказательной картины происшествия [3].

Особую ценность сегодня представляет интеграция этих снимков в фотограмметрические системы для создания детальных 3D-моделей, что открывает качественно новые возможности для реконструкции обстоятельств преступления.

Чтобы получить точную цифровую 3D-модель места происшествия, важно соблюдать плотность съемки. Необходимо, чтобы каждый следующий кадр

примерно на 70–80 % повторял предыдущий. Если этого не сделать, компьютерная программа не сможет правильно склеить фотографии в одну объемную картинку.

Кроме стандартных способов съемки, специалисты часто используют узловую аэросъемку. Для этого воздушное судно опускают совсем низко, буквально в 3–5 метрах над самыми важными объектами: воронкой от взрыва, телом погибшего или следами от волочения. Это дает двойную выгоду: можно рассмотреть мельчайшие детали улики, но при этом видно, где именно эта улика находится на общем плане места происшествия.

Нельзя игнорировать и фактор естественного освещения. Инсоляция (солнечное излучение) напрямую влияет на четкость картинки. В сумерках или ночью на помощь приходят тепловизоры и мультиспектральные камеры, способные уловить тепловой след объекта. В то же время слишком яркий солнечный свет может создать «засветы», для борьбы с которыми специалисту необходимо использовать нейтрально-серые светофильтры (ND-фильтры), корректирующие световой поток без потери качества изображения. С точки зрения криминалистической информативности, наиболее благоприятным является рассеянное освещение (пасмурная погода), минимизирующее жесткие тени, которые могут скрывать мелкие детали обстановки.

Главным препятствием в осмотре места происшествия могут оказаться погодные условия. Дождь, туман не позволит увидеть в точности искомые объекты. Так же осадки могут повлиять на качество радиосигнала, что чревато потерей воздушного судна. Туман же свидетельствует о высокой влажности на месте осмотра, что может вызвать запотевание камеры. Скорость ветра не должна превышать 5–7 метров в секунду, так как при большей есть вариант потери БВС и нарушении стабильности в съемке. Температура воздуха не должна быть ниже –10 градусов и не выше +40 градусов, так как выход за данные пределы пагубно влияют на работоспособность беспилотного судна.

Специфическим фактором риска является наличие линий электропередач (ЛЭП) и вышек сотовой связи в зоне осмотра. Электромагнитные наводки могут вызвать сбой в работе компаса и модуля GPS беспилотника, что в режиме автоматического позиционирования может привести к неконтролируемому дрейфу аппарата и столкновению с препятствиями. В таких случаях специалисту рекомендуется переходить в режим ручного управления, требующий повышенной квалификации пилотирования.

После соблюдения вышеперечисленных рекомендаций и получении качественной картинки, возникает вопрос, как правильно изъять видеофайлы и отразить это в протоколе осмотра места происшествия. Следователь составляет протокол осмотра места происшествия, в котором указывает, что проводилась аэрофотосъемка с помощью беспилотного воздушного судна с указанием марки, модели, серийного номера судна и его пульта. Так же описываются условия съемки: освещение, погода, высота (если это необходимо и играет роль в конкретном деле).

Процессуальное закрепление результатов применения БВС осуществляется в соответствии со ст. 166 и 177 УПК РФ. В протоколе ОМП должны быть отражены:

1. Технические характеристики БВС (марка, модель, серийный номер, номер полетного контроллера).

2. Сведения о специалисте и программном обеспечении, использованном для управления и записи.

3. Условия съемки (высота эшелона, погодные условия, координаты точек взлета и посадки).

Для обеспечения аутентичности цифровых доказательств, непосредственно после завершения полета, в присутствии понятых (или с применением видеозаписи), специалист должен произвести расчет хеш-суммы (алгоритмы MD5, SHA-256) полученных файлов. Данная мера исключает возможность последующего оспаривания целостности видеозаписи. Носитель информации (карта памяти) изымается, упаковывается и опечатывается согласно правилам изъятия электронных носителей информации (ст. 164.1 УПК РФ), а копия файла приобщается к материалам дела на оптическом диске или ином сертифицированном носителе [4].

Важным этапом использования результатов применения БВС является возможность назначения судебно-технической экспертизы материалов видеозаписи и самих электронных носителей. Эксперт может не только подтвердить отсутствие монтажа, но и на основе метаданных файлов восстановить точную траекторию полета, время съемки и даже координаты каждого кадра. Это создает дополнительный уровень верификации доказательств, полученных в ходе осмотра.

Если же на месте происшествия не было возможности изучить видеозаписи, а просмотр видео осуществляется уже в кабинете, то составляется протокол осмотра предметов (документов), где подробно описывается содержание видео: что именно зафиксировано, время, обстановка.

Подводя итог, можно констатировать, что использование БВС при осмотре места происшествия трансформирует тактику следственного действия, делая его более технологичным и информативным. Однако для широкого внедрения данной практики требуется решение двух задач:

1. Нормативное закрепление регламента использования беспилотных систем в ведомственных инструкциях МВД и СК РФ.

2. Организация специализированного обучения следователей криминалистов по программе «Пилотирование БВС в условиях следственных действий». Соблюдение предложенных тактических рекомендаций и процессуальных правил фиксации обеспечит допустимость полученных цифровых данных и их эффективное использование в качестве доказательственной базы в уголовном процессе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Актуальность применения беспилотных летательных аппаратов для мониторинга, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природ-

ного и техногенного характера / А. В. Кочегаров, А. В. Петров, А. Б. Плаксицкий, Д. В. Конорев // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Воронеж : Воронеж. ин-т Гос. противопожарной службы М-ва Рос. Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2016. С. 445–449.

2. Счастный А. С. Использование беспилотных летательных аппаратов при фиксации хода и результатов следственных действий. URL: https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2019/07/Счастный-Александр-Сергеевич.pdf (дата обращения: 10.04.2026).

3. Карпенко О. А., Шмырина А. А. Тактические особенности использования современных технико-криминалистических средств беспилотной авиации при осмотре места происшествия // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 152–155.

4. Кузнецов А. А., Муленков Д. В. Тактические и технические аспекты работы с цифровыми средствами фиксации при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука и правоохранительная деятельность. 2009. № 1(7). С. 48–59.

5. Воздушный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 17 февраля 1997 г., одобрен Советом Федерации 5 марта 1997 г. № 60-ФЗ (в ред. от 28.11.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_ doc_LAW _13744/?ysclid=mqpbaqy94t43021832 (дата обращения: 10.04.2026).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 г., одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.02. 2026). URL: https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mqpbkwuvg8247061722 (дата обращения: 10.04.2026).

УДК 342.9

Ушанов Даниил Александрович
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
ushanov-dan@mail.ru

Замещение должностей государственной гражданской службы в Российской Федерации: проблемы и пути их решения

Аннотация. *В статье рассматривается порядок замещения должностей государственной гражданской службы Российской Федерации, основанный на конкурсном отборе. Анализируются нормативно-правовая база, процедура проведения конкурса, а также исключения из конкурсного порядка. Выявляются проблемы правоприменительной практики: формализм конкурсных процедур, ограниченность сферы применения конкурса, недостаточная прозрачность и коррупционные риски. Предлагаются направления совершенствования механизма замещения должностей, включая цифровизацию кадровых процедур.*

© Ушанов Д. А., 2026

Ключевые слова: *государственная гражданская служба, замещение должностей, конкурс, кадровый резерв, противодействие коррупции, цифровизация.*

Ushanov Daniil Alexandrovich
master's student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Vacancies in the civil service of the Russian Federation: problems and solutions

Annotation. *The article examines the procedure for filling positions in the state civil service of the Russian Federation, based on competitive selection. The author analyzes the legal framework, the competition procedure, and the exceptions to the competitive procedure. Problems of law enforcement practice are identified: formalism of competitive procedures, limited scope of competition, insufficient transparency, and corruption risks. Directions for improving the mechanism of filling positions are proposed, including the digitalization of personnel procedures.*

Keywords: *state civil service, filling positions, competition, personnel reserve, anti-corruption, digitalization.*

Право граждан на равный доступ к государственной службе закреплено в части 4 статьи 32 Конституции Российской Федерации [1] и выступает одной из базовых гарантий реализации публично-правового статуса личности. Развитие данного конституционного положения осуществляется в системе законодательства о государственной службе, основу которого составляют Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [2] и Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3]. Как отмечает В. Д. Граждан, конкурсный порядок замещения должностей является важнейшим инструментом обеспечения профессионализма и компетентности кадрового состава [4, с. 312].

В соответствии со статьей 22 Федерального закона № 79-ФЗ [3] поступление гражданина на гражданскую службу для замещения должности гражданской службы или замещение гражданским служащим другой должности осуществляются по результатам конкурса. Конкурс заключается в оценке профессионального уровня претендентов на замещение должности, их соответствия установленным квалификационным требованиям. Порядок и условия проведения конкурса детализированы Указом Президента Российской Федерации от 1 февраля 2005 г. № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» [5], которым закреплен двухэтапный характер процедуры и порядок формирования конкурсной комиссии.

Вместе с тем закон предусматривает значительный перечень исключений, при которых конкурс не проводится. Согласно части 2 статьи 22 Федерального закона № 79-ФЗ [3], конкурс не проводится, в частности, при назначении на отдельные должности категорий «руководители» и «помощники (советники)», замещаемые на определенный срок полномочий, а также при назначении на должности из кадрового резерва. М.В. Пресняков обоснованно указывает, что чрезмерно широ-

кий круг исключений фактически нивелирует принцип конкурсности и создает условия для субъективизма при принятии кадровых решений [6, с. 47].

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить ряд проблем механизма замещения должностей. Во-первых, это формализм конкурсных процедур, при котором конкурс проводится «для вида» при заранее определенном кандидате. С. Е. Чаннов и М. В. Пресняков отмечают, что отсутствие четких, объективных и измеримых критериев оценки приводит к преобладанию усмотрения членов конкурсной комиссии [7, с. 89]. Во-вторых, ограниченность сферы применения конкурса, обусловленная широким перечнем исключений и активным использованием института кадрового резерва как способа обхода конкурсного порядка [6, с. 49]. В-третьих, серьезной проблемой остается недостаточная прозрачность процедур и связанные с ней коррупционные риски. Несмотря на требования законодательства о противодействии коррупции, закрепленные в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [8], непрозрачность критериев оценки создает почву для злоупотреблений. В. Д. Граждан подчеркивает, что без публичности результатов конкурса доверие граждан к институту государственной службы существенно снижается [4, с. 318].

Решение обозначенных проблем требует комплексного подхода. Представляется необходимым, во-первых, сократить перечень исключений из конкурсного порядка, предусмотренных частью 2 статьи 22 Федерального закона № 79-ФЗ [3], ограничив их объективно обусловленными случаями. Во-вторых, целесообразна объективизация критериев оценки претендентов посредством внедрения стандартизированных методик тестирования и оценки компетенций [7, с. 92]. В-третьих, необходимо повышение прозрачности процедур путем обязательного опубликования информации о конкурсах и их результатах.

Особое значение приобретает цифровизация кадровых процедур. Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 марта 2017 г. № 256 утверждена федеральная государственная информационная система в области государственной службы – Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации [9]. Использование данной системы позволяет автоматизировать проведение конкурсов, обеспечить дистанционное участие претендентов и повысить открытость кадровых процедур, что прямо способствует снижению коррупционных рисков и формализма [9].

Таким образом, действующий механизм замещения должностей государственной гражданской службы, основанный на конкурсном отборе, нуждается в дальнейшем совершенствовании. Сокращение исключений из конкурсного порядка, объективизация критериев оценки, повышение прозрачности и последовательная цифровизация кадровых процедур способны обеспечить реальную реализацию конституционного принципа равного доступа граждан к государственной службе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского

голосования 01 июля 2020 г.) URL: http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 21.03.2026).

2. О системе государственной службы Российской Федерации : Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063.

3. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

4. Граждан В. Д. Государственная гражданская служба. М., 2021. 468 с.

5. О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации : Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 112 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 6. Ст. 439.

6. Пресняков М. В. Конкурсный порядок замещения должностей государственной гражданской службы: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 45–54.

7. Чаннов С. Е., Пресняков М. В. Служебное право : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. 2-е изд. М. : Юрайт, 2020. 376 с.

8. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

9. Об информационной системе в области государственной службы: Постановление Правительства РФ от 03.03.2017 № 256 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 11. Ст. 1573.

УДК 342:35

Ушанов Даниил Александрович
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
ushanov-dan@mail.ru

Ганжа Наталья Владимировна
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
nat_ganzha@mail.ru

Привлечение государственного гражданского служащего в Российской Федерации к дисциплинарной ответственности за публичную активность в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

Аннотация. *Статья посвящена правовым основаниям и пределам дисциплинарной ответственности государственного гражданского служащего за публичную активность*

© Ушанов Д. А., Ганжа Н. В., 2026

в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». На основе анализа норм Федерального закона № 79-ФЗ, правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 30 июня 2011 г. № 14-П, и доктринальных подходов автор раскрывает соотношение конституционной свободы слова и служебных ограничений. Выявляются проблемы правоприменения: неопределенность оценочных формулировок, размывание границы между частной и служебной коммуникацией, отсутствие критериев соразмерности взыскания. Формулируются конкретные предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: *государственная гражданская служба, дисциплинарная ответственность, сеть «Интернет», социальные сети, свобода слова, служебное поведение, соразмерность ограничений.*

Ushanov Daniil Alexandrovich
master's student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Ganzha NataliaVladimirovna
candidate of legal sciences, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Bringing a civil servant in the Russian Federation to disciplinary responsibility for public activity on the information and telecommunications network "Internet"

Annotation. *The article is devoted to the legal grounds and limits of the disciplinary liability of a state civil servant for public activity on the information and telecommunications network "Internet". Based on an analysis of the provisions of Federal Law No. 79-FZ, the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation expressed in Resolution No. 14-P of June 30, 2011, and doctrinal approaches, the author reveals the correlation between the constitutional freedom of speech and official restrictions. Problems of law enforcement are identified: the uncertainty of evaluative wording, the blurring of the boundary between private and official communication, and the lack of criteria for the proportionality of punishment. Specific proposals for improving legislation and law enforcement practice are formulated.*

Keywords: *state civil service, disciplinary liability, the "Internet" network, social networks, freedom of speech, official conduct, proportionality of restrictions.*

Стремительное проникновение цифровых коммуникаций во все сферы общественной жизни привело к качественному изменению характера публичной активности граждан. Социальные сети, мессенджеры, блог-платформы и видеохостинги превратились в самостоятельное пространство публичного высказывания, в котором стирается традиционное разграничение официальных и неофициальных каналов распространения информации. Государственные гражданские служащие, будучи одновременно носителями публично-правового статуса и частными лицами, оказались в зоне повышенного правового риска: высказывание, размещенное в личном аккаунте, при определенных условиях может быть квалифицировано как дисциплинарный проступок. Указанное об-

стоятельство придает исследуемой проблематике не только теоретическую, но и выраженную практическую значимость.

Рассмотрим статью 29 Конституции Российской Федерации, которая гарантирует каждому свободу мысли и слова, а также право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом [1]. Вместе с тем согласно части 3 статьи 55 Конституции права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционно значимых ценностей [1]. Поступая на гражданскую службу, лицо добровольно принимает совокупность ограничений, обусловленных особым публично-правовым характером его деятельности. Как подчеркивает М. В. Пресняков, такие ограничения не являются произвольным умалением конституционных прав, однако их установление и применение должно отвечать требованию соразмерности преследуемой цели [2, с. 63].

Нормативное регулирование дисциплинарной ответственности составляет Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3]. В соответствии с частью 1 статьи 57 названного Закона за совершение дисциплинарного проступка, т. е. за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей, представитель нанимателя вправе применить дисциплинарные взыскания – от замечания до увольнения с гражданской службы [3]. Применительно к публичной активности в сети «Интернет» основанием ответственности служит нарушение требований к служебному поведению (статья 18) и запретов, установленных статьей 17 Закона. Особое значение имеет пункт 10 части 1 статьи 17, запрещающий гражданскому служащему допускать публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности государственных органов, их руководителей, если это не входит в его должностные обязанности [3].

Ключевое значение для понимания пределов данного запрета имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 г. № 14-П, в котором был выявлен конституционно-правовой смысл пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона № 79-ФЗ [4]. Конституционный Суд указал, что названная норма не может рассматриваться как полностью исключающая для гражданского служащего возможность публичного выражения мнения, в том числе критического; запрет распространяется на такие высказывания, которые по своему содержанию, форме и условиям выражения способны подорвать авторитет государственной власти и нарушить нейтральность службы. Тем самым высший орган конституционного контроля прямо ориентировал правоприменителя на необходимость учета совокупности обстоятельств конкретного высказывания, а не на формальную констатацию факта его публичности [4]. Данная правовая позиция, на наш взгляд, образует методологическую основу для разрешения большинства возникающих на практике спорных ситуаций.

Существенным элементом правового регулирования стало введение Федеральным законом от 30 июня 2016 г. № 224-ФЗ статьи 20.2 Федерально-

го закона № 79-ФЗ, вступившей в силу с 1 июля 2016 г. [3]. Согласно данной статье, гражданские служащие и претенденты на замещение должностей обязаны представлять представителю нанимателя сведения об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в сети «Интернет», на которых ими размещалась общедоступная информация, а также данные, позволяющие их идентифицировать [3]. Формально указанная норма не устанавливает запрета на публичную активность и не вводит самостоятельного основания ответственности. Вместе с тем, как обоснованно отмечает С. Е. Чаннов, она формирует механизм перманентного контроля за цифровым следом служащего, правовые последствия применения которого законодателем детально не определены [5, с. 117]. В результате возникает ситуация, при которой обязанность раскрытия информации существует, а критерии оценки раскрытого контента остаются неопределенными.

Анализ нормативно-правовых актов, научной литературы и правоприменительной практики позволяет выделить три взаимосвязанные группы проблем.

Первая группа связана с неопределенностью оценочных формулировок закона. Понятия «публичные высказывания, суждения и оценки», «подрыв авторитета государственной власти», «нарушение требований к служебному поведению» носят выраженный оценочный характер и не сопровождаются законодательно закрепленными критериями квалификации. Как указывает А. В. Кудашкин, подобная неопределенность объективно расширяет дискреционные полномочия представителя нанимателя и создает предпосылки для избирательного и непредсказуемого правоприменения [6, с. 74]. Положение усугубляется тем, что цифровая среда порождает новые формы выражения мнения – репосты, реакции, комментарии, лайки, – правовая квалификация которых в качестве «высказывания» или «суждения» вовсе не очевидна и в законе не разрешена.

Вторая группа проблем обусловлена размыванием границы между частной и служебной коммуникацией. Высказывание, сделанное служащим в личном качестве в нерабочее время, технически неотличимо от высказывания, связанного с исполнением должностных обязанностей, поскольку оба размещаются в едином цифровом пространстве и адресованы неопределенному кругу лиц. С. Е. Чаннов справедливо отмечает, что отсутствие четких критериев разграничения частной и служебной активности приводит к расширительному толкованию служебных запретов и фактическому распространению публично-правовых ограничений на сугубо частную сферу жизни служащего [5, с. 119]. Между тем правовая позиция Конституционного Суда, выраженная в Постановлении № 14-П, прямо предполагает дифференцированный подход и недопустимость автоматического отождествления любой публичной активности с нарушением служебных требований [4].

Третья группа проблем касается обеспечения соразмерности дисциплинарного взыскания. Статья 57 Федерального закона № 79-ФЗ закрепляет перечень взысканий, однако не содержит развернутых критериев выбора конкретной меры в зависимости от характера и тяжести проступка [3]. В отсутствие та-

ких критериев существует риск применения несоразмерно строгого взыскания, вплоть до увольнения, за высказывание, не повлекшее реального вреда интересам службы. М. В. Пресняков подчеркивает, что несоблюдение принципа соразмерности при ограничении конституционных прав служащих ведет к нарушению фундаментального требования правовой определенности и подрывает доверие к институту государственной службы [2, с. 68].

Решение обозначенных проблем требует комплексного и последовательного подхода, охватывающего как совершенствование законодательства, так и упорядочение правоприменительной практики.

Во-первых, представляется необходимым нормативное закрепление критериев, позволяющих квалифицировать публичное высказывание служащего в сети «Интернет» в качестве дисциплинарного проступка. В основу таких критериев целесообразно положить выработанные Конституционным Судом в Постановлении № 14-П ориентиры: содержание высказывания, его связь со служебной деятельностью, форму и условия распространения, а также наличие реального либо потенциального вреда авторитету государственного органа [4]. Закрепление подобных критериев на уровне закона или подзаконного акта существенно снизит уровень правовой неопределенности.

Во-вторых, целесообразна разработка официальных методических рекомендаций о допустимых формах публичной активности гражданских служащих в цифровой среде. Подобный акт, не вводя новых запретов, мог бы дать служащим и кадровым подразделениям предсказуемые ориентиры поведения, в том числе применительно к новым цифровым форматам коммуникации – репостам, комментариям и реакциям. На необходимость методологической определенности в данной сфере указывает и А. В. Кудашкин [6, с. 77].

В-третьих, требуется усиление процессуальных гарантий служащего при привлечении к ответственности. Дисциплинарному взысканию во всех случаях должна предшествовать служебная проверка, проводимая в порядке статьи 59 Федерального закона № 79-ФЗ [3], в ходе которой подлежат установлению вина служащего, характер и тяжесть проступка, а также обстоятельства, при которых он был совершен. Закрепление обязанности учитывать принцип соразмерности при выборе конкретной меры взыскания позволит исключить применение чрезмерно строгих санкций и обеспечит баланс публичных и частных интересов.

В-четвертых, в условиях цифровизации государственного управления актуальным становится формирование единых подходов к мониторингу общедоступной информации, размещаемой служащими, осуществляемому в рамках статьи 20.2 Федерального закона № 79-ФЗ [3]. Такой мониторинг должен носить правомерный, прозрачный и предсказуемый характер, исключающий произвольное вмешательство в частную жизнь служащего и гарантирующий обработку информации исключительно в установленных законом целях.

Подводя итог, следует констатировать, что привлечение государственного гражданского служащего к дисциплинарной ответственности за публичную активность в сети «Интернет» представляет собой сложную правовую пробле-

му, лежащую на пересечении конституционных гарантий свободы слова и публично-правовых требований к служебному поведению. Действующее регулирование, опирающееся на оценочные формулировки статей 17 и 57 Федерального закона № 79-ФЗ, нуждается в конкретизации с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 30 июня 2011 г. № 14-П. Целесообразно установить, что ответственность за внеслужебную интернет-активность наступает лишь при наличии прямой связи такого поведения со служебной деятельностью либо при причинении ущерба авторитету государственной власти, и что поведение, имевшее место до поступления лица на службу, по общему правилу не может служить самостоятельным основанием для привлечения служащего к ответственности.

Закрепление четких критериев позволит обеспечить единообразие судебной и правоприменительной практики. Устранение неопределенности критериев правомерности высказываний, четкое разграничение частной и служебной коммуникации, обеспечение соразмерности взысканий и процессуальных гарантий служащего способны обеспечить справедливый баланс интересов личности, общества и государства в цифровую эпоху.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) URL: http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 21.03.2026).

2. Пресняков М. В. Ограничения конституционных прав государственных служащих: проблема соразмерности // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 60–70.

3. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (в ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

4. По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 20.1 Закона Российской Федерации «О милиции» : Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2011 № 14-П // Собрание законодательства РФ. 2011. № 28. Ст. 4261.

5. Чаннов С. Е., Пресняков М. В. Служебное право : учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. 2-е изд. М. : Юрайт, 2020. 376 с.

6. Кудашкин А. В. Государственная гражданская служба: правовое регулирование служебного поведения // Административное право и процесс. 2019. № 3. С. 70–78.

УДК 341.234.5

Техов Никита Сергеевич
студент, Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
nikita33vl@mail.ru

Романенко Виктория Андреевна
студент, Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
r0manenkova13@yandex.ru

Кисляков Антон Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
antonval77@mail.ru

Правовое регулирование права на смерть в зарубежном законодательстве

Аннотация. *В статье исследуется зарубежное законодательство об эвтаназии и ассистированном суициде (Нидерланды, Бельгия, Канада, США, Швейцария). Рассматриваются критерии допустимости (добровольность, неизлечимость, страдания), различия активной и пассивной эвтаназии, правовые позиции верховных судов и этические коллизии. Выявляются проблемы правоприменения и возможные ориентиры для реформирования.*

Ключевые слова*: право на смерть, эвтаназия, ассистированный суицид, пассивная эвтаназия, автономия пациента, зарубежное законодательство, Нидерланды, Бельгия, Канада, Швейцария, биоэтика.*

Tekhov Nikita Sergeevich
student, Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation

Romanenko Victoria Andreevna
student, Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation

Kislyakov Anton Valerievich
candidate of legal sciences, associate professor
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation

Legal regulation of the right to death in foreign legislation

Annotation. *The article examines foreign legislation on euthanasia and assisted suicide (Netherlands, Belgium, Canada, USA, Switzerland). The criteria of admissibility (voluntariness, incurability, suffering), the differences between active and passive euthanasia, the legal positions of*

© Техов Н. С., Романенко В. А., Кисляков А. В., 2026

the supreme courts and ethical conflicts are considered. The problems of law enforcement and possible guidelines for reform are identified.

Keywords: *right to death, euthanasia, assisted suicide, passive euthanasia, patient autonomy, foreign legislation, Netherlands, Belgium, Canada, Switzerland, bioethics.*

Дебаты вокруг эвтаназии и ассистированного самоубийства велись и ведутся среди философов, биоэтиков, медиков и правоведов. Некоторые ученые внесли значительный вклад в формирование дискуссий по этим вопросам. Профессор Дартмутского колледжа, один из теоретиков морального обоснования ассистированного суицида Бернард Герт предложил новый метод легализации самоубийства, утверждая, что, согласно предварительным научным данным, смерть от голода и обезвоживания не обязательно должна сопровождаться страданиями. Герт развивал подход, основанный на идее минимизации вреда, и считал, что в некоторых случаях ассистированное самоубийство может быть морально оправдано.

Штатный философ Президентской комиссии США по изучению этических проблем медицины и первый штатный специалист по этике ВОЗ Дэниел Исаак Виклер обосновал расширение понятия смерти, что позволило увеличить количество случаев, когда лечение может быть прекращено. В книге «Этические и идеологические предпосылки политики замены органов» он развил концепцию «непригодного с медицинской точки зрения» потенциального реципиента и стандарт добровольности в донорстве органов.

Бывший профессор гражданского права и член Верховного суда Нидерландов, активный сторонник легализации эвтаназии Хьюиб Дрион в 1991 г. опубликовал эссе «Добровольная смерть для стариков», в котором предлагал разрешить пожилым людям обращаться к врачу за средствами для самоубийства. Дрион предложил двухэтапную систему: две таблетки, которые следует принимать с интервалом в один или два дня, чтобы дать время передумать («таблетка Дриона»). Его идеи положили начало дискуссиям о том, является ли пожилой возраст сам по себе достаточным основанием для желания умереть, nytimes.

Научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН Алексей Антипов в книге «Суицид и эвтаназия в биоэтике» анализировал понимание свободы как основания суицида и рассматривал практику эвтаназии и ассистированного самоубийства в некоторых странах (Нидерланды, Канада, Бельгия, Швейцария). Антипов связывал легализацию этих практик с «поворотом в биополитике» – переходом от управления жизнью к управлению смертью и умиранием.

В 1988 г. в Институте философии АН СССР прошел советско-американский семинар «Этика отношения к безнадежно больным», в котором с американской стороны участвовали Бернард Герт и Дэниел Виклер. С российской стороны в обсуждениях участвовали Р. Г. Апресян (заместитель председателя Специальной экспертной группы ЮНЕСКО) и Б. Г. Юдин (заведующий сектором биоэтики ИФ РАН). Б. Г. Юдин инициировал Заявление Комитета по

биоэтике при Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО о необходимости легализации эвтаназии в России. Дебаты также велись в рамках международных конференций и публикаций – в 2018 г. в Иерусалиме прошла конференция «Биоэтика, медицинская этика и законодательство в здравоохранении», где обсуждались этические аспекты эвтаназии и ассистированного самоубийства. Дискуссии вокруг этих тем продолжаются, в них участвуют новые поколения исследователей, затрагивающие вопросы прав пациента, роли паллиативной помощи, рисков для уязвимых групп населения и другие аспекты.

Философско-этические аспекты: сторонники утверждают, что каждый человек имеет право на автономию, включая право принимать решения о собственной жизни и смерти, особенно когда сталкивается с неизлечимой болезнью и невыносимыми страданиями. Это включает право на «достойную смерть». Оппоненты ставят под сомнение абсолютность этого права, утверждая, что некоторые решения (например, о прекращении жизни) могут быть необратимыми и необдуманными, или что ценность жизни превосходит право на автономию в этом конкретном контексте.

Многие религиозные (христианство, буддизм, ислам) и некоторые светские этические системы (гуманизм) настаивают на том, что человеческая жизнь священна и является даром, который нельзя преднамеренно прекращать. Любое действие, направленное на ускорение смерти, рассматривается как морально неправильное. Оппоненты, сторонники утилитаризма (консеквенциализма), экзистенциального нигилизма, деонтологии и этики добродетели, парируют, что поддержание жизни любой ценой, особенно в условиях крайних страданий, может быть более разрушительным для человеческого достоинства, чем выбор достойной и мирной смерти.

Сторонники буддизма, утилитаризма, светского гуманизма часто руководствуются принципом сострадания, утверждая, что продолжение жизни, наполненной невыносимой болью и страданиями без надежды на улучшение, является жестоким. Эвтаназия рассматривается как акт милосердия. Оппоненты утверждают, что истинное сострадание заключается в обеспечении наилучшей паллиативной помощи и поддержке, а не в прекращении жизни. Они указывают на возможности современной медицины по купированию боли.

Зарубежный опыт в отношении эвтаназии и ассистированного самоубийства очень разнообразен. В мире существует несколько моделей регулирования, начиная от полного запрета до легализации с очень строгими условиями.

Страны, где эвтаназия и/или ассистированное самоубийство легализованы (при определенных условиях):

– Нидерланды [1] (с 2002): условия – сознательное и добровольное желание пациента; пациент страдает от невыносимых страданий, вызванных неизлечимой болезнью; пациент находится в сознании, способен принимать решения; наличие медицинского заключения, подтверждающего неизлечимость и страдания; независимая консультация у другого врача; врач должен убедиться, что решение принято добровольно и осознанно; эвтаназия выполняется врачом.

В некоторых случаях разрешена эвтаназия для детей старше 12 лет (с согласием родителей и при наличии дополнительных критериев). Существует очень строгий контроль, регулярный мониторинг и оценка практики.

– Бельгия [2] (с 2002): условия – аналогичны нидерландским, но более либеральны в отношении возраста (эвтаназия возможна для несовершеннолетних, если они дееспособны и страдания невыносимы). Врач может проводить эвтаназию. Существуют меньше ограничений по сравнению с Нидерландами.

– Канада [3] (с 2016): условия – пациент должен быть совершеннолетним и страдать от неизлечимой болезни, вызывающей невыносимые страдания; добровольное согласие пациента; медицинское заключение, подтверждающее неизлечимость; два независимых врача должны подтвердить соответствие критериям; пациент должен быть способен принять информированное решение. Разрешена как эвтаназия, так и ассистированное самоубийство (предоставление средств для самостоятельного ухода из жизни). Правовое поле постоянно развивается. Существуют определенные ограничения (например, в отношении психических заболеваний).

– Колумбия [4] (с 1997 – декриминализация, с 2015 – регулирование): разрешена активная эвтаназия; пациент должен страдать от тяжелого заболевания с невыносимыми страданиями; должно быть получено согласие пациента; должно быть проведено медицинское заключение. Одна из немногих стран Латинской Америки с легальной эвтаназией.

– Новая Зеландия [5] (с 2021): пациент должен быть совершеннолетним, страдать от неизлечимого заболевания, вызывающего невыносимые страдания; необходимо согласие пациента; пациент должен быть способен принять информированное решение; наличие медицинского заключения, подтверждающего соответствие критериям; два врача должны подтвердить соответствие критериям. Разрешены как эвтаназия, так и ассистированное самоубийство.

– Испания [6] (с 2021): пациент должен страдать от серьезного и неизлечимого заболевания, вызывающего невыносимые страдания; пациент должен быть совершеннолетним и дееспособным; пациент должен неоднократно и добровольно выразить желание умереть; должно быть получено медицинское заключение. Врач может проводить эвтаназию или предоставить средства для ассистированного самоубийства. Существуют очень строгие процедуры контроля.

Страны, где ассистированное самоубийство разрешено, но эвтаназия запрещена:

– Швейцария: ассистированное самоубийство разрешено, если действия не мотивированы корыстью (врач не получает выгоды от смерти пациента). Пациент должен быть дееспособным, самостоятельно принять решение о смерти. Предоставление средств для самоубийства (часто смертельной дозы барбитуратов) врачом или организацией, оказывающей такую помощь. Швейцария – популярное направление для иностранцев, желающих воспользоваться правом на ассистированное самоубийство.

– Германия: долгое время эвтаназия была под запретом. В 2020 г. Конституционный суд Германии признал незаконным запрет на оказание помощи в самоубийстве. Разрешено ассистированное самоубийство. Действия должны быть ненасильственными и не иметь корыстного мотива. Пациент должен осознанно принять решение о самоубийстве. Эвтаназия по-прежнему запрещена.

Страны, где эвтаназия и ассистированное самоубийство остаются запрещенными: большинство стран мира (в том числе Россия, Италия, Франция, Великобритания, США (за исключением некоторых штатов), страны Азии, Африки, Латинской Америки (за исключением Колумбии). В этих странах эвтаназия и ассистированное самоубийство являются уголовными преступлениями, которые могут караться тюремным заключением. Часто допускается отказ от лечения, но активное прекращение жизни запрещено.

Во всех странах, где эвтаназия или ассистированное самоубийство легализованы, действуют очень строгие условия для защиты прав и интересов пациентов, а также для предотвращения злоупотреблений. Обязательно подтверждение неизлечимости, невыносимых страданий и добровольного согласия пациента со стороны нескольких медицинских специалистов. Оценка дееспособности пациента, исключение влияния депрессии или иных психических расстройств, влияющих на принятие решения. Пациент должен несколько раз выразить свое желание умереть, чтобы исключить импульсивное решение. Во всех странах, где обсуждается легализация, подчеркивается важность развития паллиативной помощи, как альтернативы. Законодательство в этой сфере постоянно развивается, возникают новые прецеденты и судебные решения, приводящие к изменениям в правовом регулировании.

Опыт других стран может быть полезен для понимания различных подходов, но не является универсальным рецептом. Каждое государство принимает решение, исходя из своих культурных, социальных и правовых особенностей.

В российском уголовном праве понятия эвтаназии и ассистированного самоубийства трактуются как уголовно наказуемые деяния, посягающие на жизнь человека. Принцип безусловной ценности человеческой жизни и этические нормы медицинской деятельности превалируют над концепцией «права на смерть» в значении права требовать содействия в ее прекращении. Право пациента на отказ от медицинского вмешательства является неотъемлемой частью российского законодательства, но оно принципиально отличается от эвтаназии или ассистированного самоубийства, так как не предполагает активных действий, направленных на умерщвление, а лишь уважение воли пациента в отношении продолжения лечения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смерть по желанию: право на эвтаназию для стариков и детей: как Голландия переступила границы дозволенного. URL: https://zarubejom.ru/articles/smert-po-zhelaniyu/ (дата обращения: 14.04.2026).

2. Эвтаназия в Бельгии: законы и процедуры. URL: https://ritual.ru/poleznaya-informacia/articles/evtanaziya-v-belgii/ (дата обращения: 14.04.2026).

3. Эвтаназия унесла больше жизней в Канаде, чем Вторая мировая война. URL: https://www.rbc.ru/society/08/03/2026/69ad420b9a7947430834d53b (дата обращения: 14.04.2026).

4. В Колумбии пациенты получили право на «достойную» смерть: ассистированный суицид. URL: https://newizv.ru/news/2022-05-13/v-kolumbii-patsienty-poluchili-pravo-na-dostoynuyu-smert-assistirovannyy-suitsid-355489 (дата обращения: 14.04.2026).

5. В Новой Зеландии число случаев эвтаназии за год выросло на 37 %. URL: https://pravoslavie.ru/172082.html (дата обращения: 14.04.2026).

6. В Испании провели эвтаназию девушке, пережившей насилие – дело раскололо общество. URL: https://www.marieclaire.ru/vestnik/v-ispanii-proveli-evtanaziyu-devushke-perezhivshei-nasilie-delo-raskololo-obshestvo/ (дата обращения: 14.04.2026).

УДК 342.722; 342.565.2

Титова Екатерина Александровна
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
yekaterina.pavlova1991@yandex.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна
кандидат педагогических наук
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
lub-kuku@mail.ru

Сравнительно-правовой анализ отдельных трудовых прав женщин в армии Российской Федерации и Республике Беларусь

Аннотация. *В статье проводится сравнительно-правовой анализ отдельных трудовых прав женщин, проходящих военную службу в Российской Федерации и Республике Беларусь. Обосновывается субсидиарное применение Трудового кодекса РФ к регулированию выплаты пособий военнослужащим-женщинам. На основе опыта Беларуси предлагается изменить статью 256 ТК РФ, закрепив выплату пособия по уходу за ребенком до достижения им трех лет.*

Ключевые слова: *женщины-военнослужащие, трудовые права, Российская Федерация, Республика Беларусь, военная служба, материнство, сравнительное правоведение, устав.*

© Титова Е. А., Хлестакова Л. А., 2026

Titova Ekaterina Aleksandrovna
master's student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna
candidate of pedagogical sciences
associate professor of the department of civil law disciplines
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Comparative legal analysis of certain labor rights of women in the Russian Federation and the Republic of Belarus

Annotation. *The article provides a comparative legal analysis of certain labor rights of women serving in the military in the Russian Federation and the Republic of Belarus. The article substantiates the subsidiary application of the Labor Code of the Russian Federation to the regulation of benefits for female military personnel. Based on the experience of Belarus, it is proposed to amend Article 256 of the Labor Code of the Russian Federation by establishing the payment of childcare benefits until the child reaches the age of three.*

Keywords: *female military personnel, labor rights, Russian Federation, Republic of Belarus, military service, maternity, comparative law, regulations.*

По данным Минобороны России, в их структурах трудятся 350 тыс. женщин. Около 45 тыс. из них имеют воинские звания. И не стоит думать, что все они занимают незначительные должности – порядка 5 тыс. женщин в армии дослужились до офицерского звания [14]. Сегодня в Вооруженных Силах Республики Беларусь военную службу проходят более 4000 женщин – от рядового до полковника [6]. Женщин-военнослужащих становится все больше, и они занимают все более широкий круг должностей. Несмотря на закрепленное равенство женщин и мужчин в организационных правилах, реальность такова, что репродуктивная функция женщины и потребность в защите материнства создают фактическое неравенство. Это противоречие порождает сложную правовую несправедливость, которую законодатель должен устранить, адаптируя систему через создание специальных гарантий: сохранение рабочего места, возможность перевода на облегченный труд и запрет на увольнения. В рамках Союзного государства, которое ставит своей задачей сближение законодательства двух стран, сравнительный анализ того, как Россия и Беларусь подходят к решению этой задачи, вызывает особый интерес.

Правовое регулирование статуса женщин-военнослужащих в Российской Федерации и Республике Беларусь представляет собой многоуровневую систему, включающую конституционные нормы, специальное военное законодательство, отраслевое трудовое право и подзаконные ведомственные акты.

Конституция Российской Федерации в ст. 38 провозглашает, что материнство и детство находятся под защитой государства [3]. Эта норма имеет прямое действие и распространяется на все сферы общественных отношений, включая военную службу. Аналогичная норма закреплена в ст. 32 Конституции

Республики Беларусь, где подчеркивается, что женщинам обеспечивается предоставление равных с мужчинами возможностей в общественной, политической и культурной деятельности, а также создание условий для сочетания труда с материнством [2].

Однако, несмотря на схожесть, конституции России и Республики Беларусь по-разному расставляют акценты. Российская Конституция делает упор на государственную защиту материнства и детства, тогда как белорусская – дополнительно выделяет важность создания условий для совмещения работы и материнства. Кроме того, обе конституции закрепляют принцип равенства прав и свобод независимо от пола (ст. 19 Конституции РФ и ст. 22 Конституции РБ). Этот принцип вступает в определенное противоречие с необходимостью предоставления специальных гарантий женщинам в связи с материнством, что порождает сложную правовую коллизию. Решение осуществляется через механизм субсидиарного применения трудового законодательства.

Специальное законодательство о военной службе образует ядро правового регулирования статуса военнослужащих, включая женщин. В Российской Федерации ключевыми актами являются Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [7] и Федеральный закон от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [13].

Первый закон регламентирует порядок заключения и расторжения контракта о прохождении военной службы, основания увольнения, а также особенности прохождения службы различными категориями военнослужащих. Для женщин-военнослужащих особое значение имеют нормы, касающиеся оснований увольнения, поскольку именно здесь устанавливаются исключения из общего порядка. При разрешении споров, связанных с прекращением военной службы для женщин, обладающих особым правовым статусом (включая беременных, матерей детей до трех лет, матерей детей-инвалидов или одиноких матерей, воспитывающих детей до четырнадцати лет), судебные инстанции обязаны учитывать предоставленные им социальные гарантии, закрепленные в пункте 25 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы. Эти гарантии означают, что указанные категории военнослужащих женского пола не могут быть уволены, за исключением случаев, когда увольнение происходит по основаниям, перечисленным в п. п. «а», «в»–«ж» п. 1 ст. 51 Федерального закона, или по их собственному желанию [1].

Второй закон определяет права, свободы и обязанности военнослужащих, включая социальные гарантии, жилищное обеспечение, право на труд и отдых. Статья 11 этого закона, регулирующая вопросы отпусков, является ключевой для понимания порядка предоставления отпусков по беременности, родам и уходу за ребенком.

В Республике Беларусь аналогичную функцию выполняют Закон Республики Беларусь от 05 ноября 1992 г. № 1914-XII «О воинской обязанности и воинской службе» [8] и Закон Республики Беларусь от 23июня 2006 г. № 135-З «О статусе военнослужащих» [12]. Структурно эти акты близки российским аналогам, однако содержат особенностей. В частности, белорусский Закон «О воинской обязанности и воинской службе» содержит более развернутые по-

ложения, касающиеся защиты прав военнослужащих в период отпуска по уходу за ребенком, а также устанавливает расширенный перечень оснований, по которым военнослужащая не может быть уволена по инициативе командования.

А. В. Кудашкин в своем исследовании военной службы в Российской Федерации отмечает, что «военно-служебные отношения регулируются публичным правом – конституционным, административным… Нормы частного права (трудового и гражданского) применяются в таких отношениях, только если это прямо указано в законе. Возможно, в виде исключения, субсидиарное применение норм частного права» [4, с. 311]. Эта оценка справедлива и для белорусского законодательства, где субсидиарное применение трудового права также играет важную роль.

Ввиду того, что трудовое законодательство не полностью охватывает сферу военной службы, к отношениям, связанным с военнослужащими, применяются положения трудового права в тех аспектах, которые не урегулированы отдельными законами и не противоречат специфике военной службы. В Российской Федерации таким актом выступает Трудовой кодекс РФ, в Республике Беларусь – Трудовой кодекс РБ. Особое значение для защиты трудовых прав женщин-военнослужащих имеют нормы, регулирующие труд женщин и лиц с семейными обязанностями. В Трудовом кодексе РФ это глава 41 («Особенности регулирования труда женщин, лиц с семейными обязанностями»), в Трудовом кодексе РБ – глава 19 («Особенности регулирования труда женщин и работников, имеющих семейные обязанности»). Именно через механизм субсидиарного применения в правовое поле военной службы вводятся такие институты, как запрет на увольнение беременных женщин и женщин, имеющих детей до трех лет (ст. 261 ТК РФ, ст. 268 ТК РБ).

Законодательство Российской Федерации строго защищает беременных женщин и матерей с детьми до трех лет от увольнения по инициативе работодателя. Для гражданских лиц это означает, что расторгнуть трудовой договор с ними можно только при полной ликвидации предприятия. В военной сфере аналогичная защита распространяется на женщин-военнослужащих: их увольнение возможно лишь при расформировании воинской части или в случае совершения ими серьезных дисциплинарных проступков, влекущих увольнение по отрицательным мотивам. Однако, как справедливо отмечает А. К. Курмакаева, «Женщина, будучи незащищенной, особенно в вопросах, касающихся родительства, имеет ряд преимуществ и льгот. Так, не допускается сокращение беременных и имеющих детей в возрасте до 3 лет военнослужащих при осуществлении организационно-штатных мероприятий, за исключением ликвидации организации. А все внутренние перемещения производятся только с согласия лиц женского пола» [5, с. 83].

В Республике Беларусь действуют законы, которые надежно защищают женщин от увольнения по причине материнства или семейных обстоятельств. Основные положения закреплены в ст. 268 ТК РБ. Согласно ей, работодатель не имеет права уволить беременных женщин, матерей с детьми до трех лет, а также одиноких матерей, воспитывающих детей до 14 лет или детей-инвалидов до 18 лет [16]. Применительно к военной службе данная гарантия запрещает

увольнение по инициативе командования для указанных категорий военнослужащих-женщин. П. 188 Положения о порядке прохождения военной службы устанавливает, что увольнение беременных военнослужащих, военнослужащих, имеющих детей в возрасте от 3 до 14 лет или детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, которых они воспитывают без отца (матери), не допускается, кроме случаев, когда военнослужащие подлежат увольнению по основаниям, предусмотренным подпунктами 210.1, 210.3–210.6 пункта 210, подпунктами 211.2, 211.4 и 211.6 пункта 211 Положения, или когда увольнение их осуществляется по собственному желанию [11].

Обязанность перевода беременных женщин на легкую работу с сохранением среднего заработка (ст. 254 ТК РФ, ст. 264 ТК РБ).

Забота о здоровье беременных женщин, включая перевод на работу без вредных условий, – это ключевой аспект охраны труда, который распространяется и на военнослужащих. Согласно ст. 254 ТК РФ, беременным женщинам по медицинским показаниям могут быть снижены нормы труда или предложена другая работа, не связанная с вредными факторами. При этом за ними сохраняется средний заработок по предыдущему месту работы [15]. В армии это означает, что беременные военнослужащие женского пола в соответствии с медицинским заключением с их согласия могут быть назначены на воинские должности с более легкими условиями службы с сохранением месячного оклада в соответствии с занимаемой воинской должностью, месячных и иных дополнительных выплат по воинской должности, которую они занимали до назначения [1]. Важно, что их денежное довольствие при этом не уменьшается, гарантируя финансовую стабильность.

По законодательству Республики Беларусь процедура перевода беременных женщин-военнослужащих на легкую службу аналогична Российскому. Согласно статье 264 ТК РБ, беременные женщины переводятся на работу без вредных факторов с сохранением среднего заработка [16]. Для военнослужащих это регулируется Положением о порядке прохождения военной службы (п. 29): военнослужащие женского пола могут быть назначены на низшую должность с более легкими условиями военной службы в соответствии с медицинской справкой о состоянии здоровья, подтверждающей факт беременности, по их просьбе, с сохранением до окончания отпуска, предоставленного им по беременности и родам, должностного оклада по ранее занимаемой должности [11].

Право на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет (ст. 256 ТК РФ, ст. 185 ТК РБ).

В России отпуск по уходу за ребенком предоставляется женщинам до достижения ребенком возраста трех лет. Военнослужащая в период нахождения в отпуске по уходу за ребенком продолжает состоять на военной службе, освобождается от исполнения служебных обязанностей, но ей выплачивается ежемесячное пособие по уходу за ребенком до 1.5 лет из средств федерального бюджета [9]. За военнослужащей сохраняется должность, а также право на служебное жилье и все социальные гарантии, предусмотренные для военнослужащих.

В Республике Беларусь так же, как и в России, работающим женщинам (женщинам-военнослужащим) предоставляется после окончания отпуска по беременности и родам отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. Военнослужащие женского пола пользуются социальными правами и гарантиями, связанными с охраной материнства и детства, установленными законодательством о прохождении военной службы. Пособие по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет назначается и выплачивается из средств бюджета фонда на социальное страхование, и выплачивается ежемесячно по день достижения ребенком возраста 3 лет включительно [10].

На завершающем этапе правового регулирования находятся подзаконные акты, которые конкретизируют порядок применения норм, заложенных в законах. В обеих странах к ним относятся, например, приказы Министерств обороны, положения о прохождении военной службы и инструкции по кадровой работе.

В Российской Федерации важнейшим подзаконным актом является Положение о порядке прохождения военной службы, утвержденное Указом Президента РФ от 16 сентября 1999 г. № 1237. Это Положение детализирует порядок заключения и расторжения контракта, перевода на другие должности, предоставления отпусков, а также увольнения по различным основаниям.

В Республике Беларусь регулирование схожих вопросов осуществляется согласно Положению о порядке прохождения военной службы. Этот документ, отличается от российского аналога большей детализацией процедурных норм, что способствует снижению субъективности в решениях командования.

При наличии общих принципов подходы Российской Федерации и Республики Беларусь к защите трудовых прав женщин-военнослужащих демонстрируют существенные различия, а именно:

1. Обе страны разделяют принципы защиты материнства, но механизмы реализации различаются.

2. Республика Беларусь демонстрирует расширительный подход: более широкий круг защищенных лиц.

3. Россия придерживается формализованной модели: гарантии ограничены возрастом ребенка до трех лет.

4. Белорусская модель обеспечивает более высокую социальную защищенность, российская – большую гибкость для командования.

Баланс между уставом и материнством в России смещен в сторону интересов военной организации, в Республике Беларусь – в сторону защиты женщины и семьи. Опыт каждой страны может быть полезен для совершенствования правового регулирования.

Проведя анализ правового механизма отдельных трудовых прав женщин-военнослужащих, на которых распространяется субсидиарное действие трудового законодательства, предлагаем внести изменения в ст. 256 ТК РФ, а именно изменить в первом абзаце второе предложение: «порядок и сроки выплаты пособия в период отпуска по уходу за ребенком до трех лет осуществлять до достижения им возраста трех лет». Данное изменение представляет собой более

надежный механизм финансовой защиты для всех женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до трех лет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Российской Федерации от 16.09.1999 г. № 1237 «Вопросы прохождения военной службы (вместе с Положением о порядке прохождения военной службы)» (в ред. от 31.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 03.04.2026).

2. Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). URL: https://pravo.by/ (дата обращения: 03.04.2026).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года.). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2026).

4. Кудашкин А. В. Военная служба в Российской Федерации. Теория и практика правового регулирования / под ред. А. А. Белкина, С. А. Авакьян. М. : Юрид. центр Пресс. 2003. 1581 с. URL: https://www.litres.ru (дата обращения: 03.04.2026).

5. Курмакаева А. К. Женщины на военной службе в Российской армии // Военное право. 2025. № 5. С. 79–85. URL: http://www.voennoepravo.ru/files/05-25.pdf (дата обращения: 03.04.2026).

6. Мультимедийный Интернет. URL: https://times.by/news/turisticheskuyu-stoliczu-vyberut-v-sng/ (дата обращения: 09.04.2026).

7. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» : принят Государственной Думой 06 марта 1998 г., одобрен Советом Федерации 12 марта 1998 г. № 53-ФЗ (в ред. от 8.03.2026). URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 03.04.2026).

8. Закон Республики Беларусь «О воинской обязанности и воинской службе» от 05 ноября 1992 г. № 1914-XII (в ред. от 22 октября 2025). URL: https://pravo.by/ (дата обращения: 03.04.2026).

9 Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» : принят Государственной Думой 26 апреля 1995 г., одобрен Советом Федерации 04 мая 1995 г. № 81-ФЗ (в ред. от 28 ноября 2025). URL: http://pravo.gov.ru. / (дата обращения: 03.04.2026).

10. Закон Республики Беларусь «О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей» : принят Палатой представителей 12 декабря 2012 г.: одобрен Советом Республики 20 декабря 2012 г. № 7-З (в ред. от 16 декабря 2025)// Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/ (дата обращения: 03.04.2026).

11. Указ Президента Республики Беларусь «О порядке прохождения военной службы» от 25 апреля 2005 г. № 186 (в ред. от 13 июня 2025). URL: https://pravo.by/ (дата обращения: 03.04.2026).

12. Закон Республики Беларусь «О статусе военнослужащих» : принят Палатой Представителей 11 декабря 2009 г., одобрен Советом Республики 17 декабря 2009 г. № 100-З (в ред. от 25 июля 2023). URL: https://pravo.by/ (дата обращения: 03.04.2026).

13. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» : принят Государственной Думой 06 марта 1998 г., одобрен Советом Федерации 12 марта 1998 г. № 76-ФЗ (в ред. от 15 декабря 2025). URL: http://pravo.gov.ru. / (дата обращения: 03.04.2026).

14. Сетевое издание «Новые Известия on-line». URL: https://newizv.ru/news/2026-02-23/den-zaschitnika-otechestva-i-zhenskiy-tozhe-slabyy-pol-i-sluzhba-rodine-438827?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign= yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru / (дата обращения: 09.04.2026).

15. Трудовой кодекс Республики Беларусь : принят Палатой Представителей 08 июня1999 г., одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. № 296-З (в ред. от 16 декабря 2025). URL: https://pravo.by/ (дата обращения: 03.04.2026).

16. Трудовой кодекс Российской Федерации : принят Государственной Думой 21 декабря 2001 г., одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 06 февраля 2026). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.04.2026).

УДК 343.6

Щелокова Анастасия Романовна
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация.
kioss0@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Проблема назначения наказания при множественности преступлений

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблем назначения наказания при множественности преступлений в современном уголовном праве Российской Федерации. В статье рассматриваются две основные формы множественности преступлений – совокупность и рецидив, анализируются существующие проблемы при назначении наказания, формулируются конкретные законодательные изменения, направленные на совершенствование механизма назначения наказания.*

Ключевые слова: *множественность преступлений, назначение наказания, совокупность преступлений, рецидив преступлений, уголовное законодательство.*

© Щелокова А. Р., Евстегнеев А. С., 2026

Shelokova Anastasia Romanovna
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstigneev Alexey Sergeevich
candidate of legal sciences, associate professor
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The problem of punishment for multiple crimes

Annotation. *The article is devoted to the study of the problems of sentencing for multiple crimes in the modern criminal law of the Russian Federation. The article examines two main forms of multiple crimes – aggregation and recidivism, and analyzes the existing problems in sentencing. The article formulates specific legislative changes aimed at improving the mechanism of sentencing.*
Keywords: *multiple crimes, sentencing, multiple crimes, recidivism, criminal law.*

Под множественностью преступлений принято понимать совершение одним лицом или одной группой лиц нескольких самостоятельных однородных либо разнородных преступлений, по которым не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности, не погашена или не снята судимость [2, с. 15].

Действующее уголовное законодательство не приводит определения понятию множественности преступлений, не было его законодательного определения и в уголовных кодексах РСФСР, оно приводится в науке уголовного права. Уголовный кодекс Российской Федерации в настоящей редакции называет две формы множественности преступлений – совокупность и рецидив преступлений, в то время как Уголовный кодекс Российской Федерации в редакции до 8 декабря 2003 года указывал на три формы множественности, помимо двух названных, в статье 16 указывалось на неоднократность преступлений, согласно положениям которой неоднократностью преступлений признавалось совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей настоящего Кодекса», также в ней говорилось о том, что «Совершение двух или более преступлений, предусмотренных разными статьями настоящего кодекса, может признаваться неоднократным в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего кодекса».

Как следует из диспозиции части 1 статьи 17 УК РФ «Совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание», а также указывается на то, что «При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса».

Что касается рецидива преступления, то в соответствии со статьей 18 УК РФ «Рецидивом преступлений признается совершение умышленного пре-

ступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление».

Актуальность рассматриваемых вопросов, как нам представляется, обусловлена тем, что правоприменителю нередко приходится сталкиваться с ситуациями, когда лицо (группа лиц) совершает два и более общественно-опасных деяний, запрещенных уголовным законом, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность. Правоприменитель, давая уголовно-правовую оценку действиям или бездействию лица, совершившего несколько преступлений, должен учитывать степень и характер общественной опасности этих уголовно-наказуемых деяний, их количество, личность виновного (личности виновных), вид и меру назначаемого наказания, его строгость и особенности порядка отбывания наказания. Полагаем, что правы специалисты, указывающие на то, что у суда, при квалификации деяний, образующих множественность преступлений, возникает ряд трудностей, которые затрудняют и без того многосложный процесс принятия решения, связанный с назначением окончательного наказания. Причинами возникновения таких сложностей является то, что в одном или ряде совершенных лицом действий подсудимого может усматриваться совокупность или рецидив преступлений, проблемы также могут возникнуть при применении условно-досрочного освобождения, вступлением в законную силу актов амнистии или помилования к лицам, осужденным, как по совокупности, так и при наличии рецидива преступлений [3, с. 39].

Поскольку во всех случаях общим признаком является совершение одним лицом или группой лиц нескольких преступлений, можно прийти к выводу, что для обеспечения правомерности и законности принимаемых решений, необходимо разработать и ввести в правоприменительную практику единообразный комплексный подход [1, с. 42]. По нашему мнению, сказанное обусловливает целесообразность исследований проблем назначения наказания при множественности преступлений, имеющих особую значимость как с научной точки зрения – для развития теории уголовного права, так и с практической – для повышения эффективности судебно-следственной деятельности.

Как показывают результаты проводимых исследований, одной из проблем является наличие широкого поля для судейского усмотрения при назначении окончательного наказания осуждаемому, в виду отсутствия четких критериев выбора правила его назначения при совокупности преступлений. Так, согласно положениям ст. 69 УК РФ, судья при выборе окончательного наказания, в одних случаях может применить поглощение менее строгого наказания более строгим, либо, при тех же условиях, может применить частичное или полное сложение наказаний, в других случаях, например, когда в рамках совокупности преступлений хотя бы одно из преступлений является тяжким или особо тяжким, окончательное наказание, по усмотрению судьи, может быть назначено посредством частичного либо полного сложения наказаний, назначенных за каждое преступление, входящее в совокупность. Такое становится возможным в виду отсутствия нормативно закрепленных критериев, позволяющих однозначно определить, в каких конкретно ситуациях следует применять поглощение менее строгого наказания более строгим, либо применить полное сложение

наказаний, назначенных за каждое отдельное преступление, входящее в совокупность, а в каких – применить их частичное сложение. Однако уголовное законодательство не содержит критериев, позволяющих однозначно определять, в каких конкретно ситуациях следует применять поглощение менее строгого наказания более строгим, когда полное сложение назначаемых наказаний, а в каких – частичное, что, по нашему мнению, является существенной проблемой для достижения целей наказания.

В связи с этим, представляется целесообразным внести изменения в ч. 4 ст. 69 Уголовного кодекса Российской Федерации, изложив ее в следующей редакции: «При выборе между частичным и полным сложением наказаний суд учитывает:

– соотношение тяжести преступлений, образующих совокупность (например, если одно преступление особо тяжкое, а остальные – небольшой тяжести, стоит применить частичное сложение);

– рецидив или иные формы множественности преступлений;

– степень общественной опасности совокупности деяний в целом.

Кроме того, представляется целесообразным уточнить в ст. 69 УК РФ максимальные пределы окончательного наказания в зависимости от способа сложения:

– при частичном сложении – не более чем на 2/3 от суммы всех назначаемых наказаний;

– при полном сложении – не более чем на максимальный срок за наиболее тяжкое преступление плюс 50 % от суммы наказаний за остальные преступления.

Представляется проблемным унифицированный подход к рецидиву. В соответствии с частью 3 статьи 68 УК РФ при любом виде рецидива преступлений срок наказания не может быть менее одной трети максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. При этом норма имеет унифицированную законодательную конструкцию и не дифференцирует подход с учетом различий в степени общественной опасности видов рецидива (простого, опасного и особо опасного), закрепленных статьей 18 УК РФ.

В целях устранения такого законодательного пробела и разрешения проблемы унифицированного подхода к назначению наказания при разных видах рецидива (простом, опасном, особо опасном), представляется целесообразным законодательно закрепить разные минимальные пределы наказания для каждого вида рецидива, например, как это было до внесения изменений в эту норму Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ:

– для простого рецидива – не ниже половины максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление;

– для опасного рецидива – не менее 2/3 максимального срока;

– для особо опасного рецидива – не менее 3/4 максимального срока.

Мы считаем, что подобная дифференциация минимальных пределов наказания в зависимости от вида рецидива (простого, опасного, особо опасного)

позволит повысить действенность принципа справедливости при назначении наказания, обеспечит более точный учет степени общественной опасности разных видов рецидива и будет способствовать более эффективному противодействию рецидивной преступности.

По нашему мнению, существует проблема коллизии норм ч. 2 и ч. 4 ст. 70 УК РФ, которая возникает при назначении наказания, не связанного с лишением свободы. Часть 2 ст. 70 УК РФ устанавливает, что окончательное наказание по совокупности приговоров не может превышать максимального срока или размера, предусмотренного для данного вида наказания Общей частью УК РФ, в свою очередь, часть 4 ст. 70 УК РФ требует, чтобы окончательное наказание было больше как наказания за вновь совершенное преступление, так и неотбытой части наказания по предыдущему приговору. Это создает трудности, когда размер вновь назначенного либо неотбытого наказания по приговорам является максимальным для данного вида наказания. Мы считаем, что для решения данной проблемы следует ч. 2 ст. 70 УК РФ изложить в новой редакции: «Окончательное наказание по совокупности приговоров в случае, если оно менее строгое, чем лишение свободы, не может превышать максимального срока или размера, предусмотренного для данного вида наказания Общей частью настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда это препятствует выполнению требований ч. 4 настоящей статьи. В таких случаях ограничение максимального срока или размера наказания не применяется, и суд вправе назначить наказание, превышающее максимальный срок или размер, предусмотренный Общей частью настоящего Кодекса, но только в той мере, которая необходима для соблюдения требования о том, чтобы окончательное наказание было больше как наказания, назначенного за вновь совершенное преступление, так и неотбытой части наказания по предыдущему приговору суда». Предполагаемое изменение устраняет существующее противоречие с ч. 4 той же статьи и наделяет суд правовым механизмом для соблюдения требований закона в ситуациях, объективно осложняющих его применение. Тем самым обеспечивается баланс между установленным ограничением размера наказания (в соответствии с Общей частью УК РФ) и необходимостью назначения адекватной по строгости санкции. Такое уточнение этой нормы будет способствовать повышению степени правовой определенности, а также снижению вероятности субъективного усмотрения при ее толковании и применении судом.

Полагаем, что предложенные нами изменения позволят правоприменителю оптимизировать процесс квалификации преступных деяний, образующих множественность преступлений, устранить неопределенность при выборе вида и меры наказания, а их реализация будет способствовать реализации принципов законности и справедливости при отправлении правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Возжанникова И. Г. Рецидив преступлений в уголовном праве России: понятие, виды, значение : дис … канд. юрид. наук. М., 2016. С. 42.

2. Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань : Таглимат, 2006. С. 15.

3. Молчанов Д. М. Множественность преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5. С. 39.

УДК 34.096

Кислухин Роман Дмитриевич
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
kislukhin.2002@mail.ru

Трансформация судебных повесток в цифровую эпоху: проблема надлежащего извещения

Аннотация. *В статье рассмотрены проблемные аспекты направления судебных извещений и вызовов в электронном виде. Раскрываются формы и способы направления судебных повесток с использованием современных информационных технологий. Выявляются правовые пробелы в регулировании цифрового извещения и формулируются критерии надлежащего уведомления в условиях технологической трансформации правосудия. Особое внимание уделено направлению электронных извещений посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг и способам фиксации надлежащего извещения.*

Ключевые слова: *судебное извещение, цифровизация правосудия, надлежащее извещение, цифровые технологии судопроизводства, электронная повестка.*

Kislukhin Roman Dmitrievich
master's student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The transformation of subpoenas in the digital age: the issue of proper notification

Annotation. *The article discusses problematic aspects of sending court notices and summonses in electronic form. The forms and methods of sending court summonses using modern information technologies are revealed. Legal gaps in the regulation of digital notification are identified and criteria for proper notification in the context of the technological transformation of justice are formulated. Special attention is paid to sending electronic notifications through a Single portal of state and municipal services and ways to record the proper notification.*

Keywords: *judicial notification, digitalization of justice, proper notification, digital technologies of judicial proceedings, electronic summons.*

Одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Российской Федерации является внедрение и модернизация электронных информационных технологий в сфере осуществления правосудия. Проводимая в России реформа судебной системы призвана усовершенствовать существующую модель правосудия в соответствии с запросами гражданского общества, стандартами правового и общественного развития. Одним из важных направлений судебной реформы является развитие электронного правосудия

© Кислухин Р. Д., 2026

в гражданском процессе, призванного повысить прозрачность и доступность судебной системы, автоматизировать взаимодействие участников судебной процесса, в том числе суда.

В числе важнейших направлений в цифровизации осуществления правосудия находится применение электронных судебных извещений. Так, Председатель Верховного суда Российской Федерации И. В. Краснов на ежегодном совещании судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов Российской Федерации 19-20 февраля 2026 года указал на необходимость внесения изменения в законодательство в части обязательности получения судебной корреспонденции физическими и юридическими лицами через аккаунт на Госуслугах. Отметил также, что это существенно упростит доступ граждан к судам, исключит возможные злоупотребления, связанные с намеренными неявками в судебные заседания, сократит бюджетные расходы по направлению соответствующих извещений и иных документов [4].

Институт судебного извещения имеет фундаментальное значение при осуществлении правосудия, так как закрепляет в себе нормы, гарантирующие право граждан на получение равных возможностей при защите своих интересов в судебном процессе, обеспечение личного участия в судебном заседании, возможность вовремя отреагировать на незаконно принятое решение с целью обеспечения справедливого правосудия. Однако при внедрении в данный институт новых информационных технологий возникает проблема, которая связана с определением надлежащего извещения участников судебного разбирательства.

Действующее гражданское процессуальное законодательство предусматривает следующие способы направления судебных повесток: заказным письмом с уведомлением о вручении, телефонограммой, телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату (ст. 113 ГПК РФ). Как отмечают исследователи, наряду с традиционными формами судебных извещений суды активно используют современные информационно-телекоммуникационные технологии при отправке повесток [3, с. 196]. В их числе: СМС-извещения, направление по адресу электронной почты и в личный кабинет «Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее – «Госуслуги»).

Вступившие в 2022 году в силу изменения процессуального законодательства фактически узаконили приоритет электронных способов извещения для лиц, зарегистрированных в ЕСИА (Единой системе идентификации и аутентификации). Если гражданин или организация имеют подтвержденную учетную запись на «Госуслугах», суд вправе направить извещение в личный кабинет без дублирования на бумажном носителе.

Следует отметить, что по данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 23 июля 2025 года число зарегистрированных российских пользователей на едином портале государственных и муниципальных услуг составляет более 117 миллионов – 95 % граждан старше 14 лет. По данным же Судебного департамента при Верховном

Суде РФ, к началу 2025 года доля отправленных судебных извещений в электронном виде в арбитражных судах превысила 68 %, в судах общей юрисдикции – около 41 %.

Между тем, отправка уведомления не тождественна его получению. В отличие от почтовой связи, когда фиксируется момент вручения, электронная система регистрирует лишь факт размещения документа в личном кабинете. Открыл ли адресат сообщение, ознакомился ли с содержимым, имел ли техническую возможность войти в систему – остается за пределами правового контроля. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июля 2020 г. № 37-П указал, что электронное извещение допустимо только при наличии согласия лица или его явно выраженного намерения использовать цифровые средства связи. При этом регистрация на «Госуслугах» с 2022 года автоматически приравнивается к такому согласию.

Таким образом, судами применяется презумпция надлежащего извещения в случае, если судебная повестка была направлена участнику процесса в его личный кабинет на портале «Госуслуг», а факт доставки зарегистрирован в системе.

Дискуссионным остается вопрос в определении момента, с которого извещение считается полученным. В традиционном виде это момент вручения удостоверяется подписью в уведомлении о вручении или на корешке судебной повестке. В электронной модели ученые предлагают несколько трактовок: момент размещения документа в личном кабинете; момент открытия документа адресатом; момент, когда адресат объективно должен был ознакомиться с извещением при проявлении обычной осмотрительности [2, с. 196].

Согласно п. 5 ч. 2 ст. 117 ГПК РФ лица, участвующие в деле, и другие участники процесса считаются извещенными надлежащим образом судом, если имеются доказательства доставки судебного извещения посредством системы электронного документооборота участника процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Эта норма создает правовую фикцию, при которой участник процесса считается извещенным о времени и месте судебного разбирательства, если в материалах дела имеется доказательство доставки в его личный кабинет на портале «Госуслуг» электронного извещения вне зависимости от того, открывал ли адресат кабинет, имел ли доступ к Интернету, было ли технически исправно его устройство.

В существовании такой фикции некоторые исследователи видят угрозу нарушения, гарантированного статьей 46 Конституции Российской Федерации права на судебную защиту. М. В. Бескровный отмечает, что бремя неполучения информации перекладывается в большей степени на стороны, при этом с этим не расширяя круг их гарантий, так как наличие учетной записи и надлежащее исполнение судом своей обязанности законодателем презюмируется как фактическое извещение [1, с. 57].

Цифровизация судебного извещения – необратимый процесс, обусловленный технологическим развитием и стремлением к процессуальной экономии. Однако скорость внедрения электронных инструментов опережает правовое осмысление их последствий. Формальное соблюдение процедуры элек-

тронного уведомления не гарантирует реальной осведомленности участника разбирательства.

Ряд исследователей, в том числе А. Г. Невоструев, предлагает разрешить эту проблему внесением в законодательные акты положения о необходимости направления извещения судом по нескольким каналам связи, возложении на участников процесса обязанности указывать резервные адреса электронной почты, мобильного телефона для направления СМС-уведомления, сообщать о наличии личного кабинета на едином портале государственных и муниципальных услуг [6, с. 133].

Однако направление судебной повестки как посредством портала «Госуслуг», так и дополнительно посредством почтовой связи, СМС-сообщения или телефонограммы хотя и обеспечит надлежащее извещение участника процесса, однако не приведет к процессуальной экономии и также потребует дополнительных издержек бюджета для обеспечения отправки извещений несколькими способами.

По мнению М. А. Степановой, следует уделить внимание правовым аспектам, обеспечивающим прозрачность выбора способов извещения участников процесса и фиксацию доставки таких сообщений, подход к извещению должен дифференцироваться с учетом индивидуальных возможностей участника судопроизводства [7, с. 325].

Однако в полной мере с таким предложением согласиться невозможно. При выборе сторонами разных способов извещения, сроки получения необходимой информации будут отличаться, т. е. сторона процесса, выбравшая традиционный способ извещения по почте или не имеющая доступа к различным информационным технологиям и системам в силу разных жизненных обстоятельств, будет получать извещения с задержкой, что нарушает право сторон на равный доступ к правосудию.

Решение видится в подходе последовательного применения способов извещения. Так, первичное судебное извещение направляется в электронном виде лицу, участвующему в деле в личный кабинет на портале «Госуслуг». В случае технических неполадок в работе электронных систем, отсутствия сведений о доставке такого извещения в личный кабинет участнику судебного разбирательства, суд должен применить иной способ направления судебной повестки: телефонограммой, СМС-сообщением, либо посредством отправки извещения заказным письмом с уведомлением о вручении. Такой способ поспособствует процессуальной экономии в случае получения первого судебного извещения в электронном виде, а также гарантирует надлежащее извещение участника процесса в случае отсутствия доступа к личному кабинету.

Некоторые исследователи предлагают также возложить на лиц, участвующих в деле, обязанность подтверждения получения судебной повестки в электронном виде тем же средством связи, которым она была получена [5, с. 29].

Возможно также использование квалифицированной электронной подписи и системы подтвержденного получения, аналогичной той, что применяется в электронном документообороте между организациями. При получении су-

дебного извещения в личный кабинет на портал «Госуслуг» гражданин должен не только открыть и ознакомиться с ним, но и поставить соответствующую отметку о прочтении с использованием простой электронной подписи по аналогии с извещением посредством почтовой связи, когда адресат ставит свою подпись на уведомлении о вручении почтового отправления. Это хотя и усложнит процедуру, но исключит ситуации, когда участник процесса, не имеющий по тем или иным причинам доступа в личный кабинет, будет считаться извещенным надлежащим образом применительно к действующей правовой фикции. Кроме того, такой подход удобен и для судов, поскольку подтверждение лицом получения электронного уведомления позволит также четко определить юридический факт надлежащего извещения, корректнее исчислять процессуальные сроки и исключит ситуации отложения судебного разбирательства ввиду отсутствия в материалах дела доказательств сведений об извещении участников разбирательства.

Таким образом, цифровизация судебных извещений в целом вносит упорядоченность и определенность в механизм уведомления участников процесса, позволяет сделать его более понятным, удобным и доступным. Отправление судебных извещений и вызовов в электронном виде направлено на унификацию общих правил судопроизводства, дальнейшую цифровизацию осуществления судебной власти, способствует улучшению качества работы судов путем снижения судебной нагрузки и своевременному получению лицами, участвующими в деле, информации о ходе рассмотрения гражданского дела, что, в свою очередь обеспечивает эффективную судебную защиту гражданских прав. Вместе с тем, необходимо учитывать цифровые риски, связанные с ошибками в работе электронных систем, либо отсутствует у гражданина доступа к личному кабинету на портале «Госуслуг», поэтому необходимо обеспечить реализацию соответствующих процессуальных гарантий для участников процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бескровный М. В. Электронные извещения и их природа в цивилистическом процессе // Научное пространство: актуальные вопросы теории и практики : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.) 2024. С. 55–57.

2. Бурдина Е. В. Электронное правосудие : монография. М. : РГУП, 2021. 344 с.

3. Даниелян А. С. Электронное правосудие в гражданском процессе: понятие, вызовы и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2023. Т. 9(75). № 2. С. 194–201.

4. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Игоря Викторовича Краснова на итоговом совещании за 2025 год, 19.02.2026. URL: https://www.vsrf.ru/files/35517/ (дата обращения: 06.04.2026).

5. Малинский Ю. В. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в институт извещения и уведомления в сфере судопроизводства // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 1. С. 25–32.

6. Невоструев А. Г. Некоторые вопросы использования электронных извещений в гражданском судопроизводстве // Обеспечение информационной безопасности: вопросы теории и практики : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ижевск : Удмуртский ун-т, 2025. С. 126–134.

7. Степанова М. А. Перспективы развития института электронного извещения // Дни науки и инноваций НовГУ : сб. ст. студентов и молодых ученых. Великий Новгород : Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2024. Ч. 2. С. 322–326.

Научное издание

«ПРОБЛЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ»

Сборник трудов
V Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции

(Кострома, 29–30 апреля 2026 года)

Составители:
Н. В. Ганжа, Д. Н. Лукоянов, А. С. Евстегнеев,
Н. В. Кузьмина, И. Н. Мельников, О. В. Плюснина,
Л. А. Сиверская, А. Г. Сироткин,
И. В. Орловская, Е. В. Яснева

Ответственный редактор:
Б р и л ь Геннадий Геннадьевич

16+

Текстовой электронный сборник на компакт-диске

Верстка О. В. Тройченко
Дизайн И. М. Ивановой

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word 2007

Системные требования:
ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 ГБ;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 МБ;
CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к использованию .*09.2026. 6,1* МБ. [П. л. *39,75*].
Заказ . Электронное издание. Тираж *300*.

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11.
Тел. 63-49-00, доп. 3110, e-mail: rio-kgtu@yandex.ru

Титул | Сведения об издании | Выпускные данные | Содержание